

французский

История
Сталинизма

СОВЕТСКИЕ МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

MALTE ROLF

DAS SOWJETISCHE MASSENFEST

**HAMBURG
HAMBURGER EDITION
2006**

МАШИНЫ
И
ИНЖЕНЕРЫ

МАЛЫЕ РОЛЬФ

СОВЕТСКИЕ МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

Москва
2009

УДК 930.85 (47+57)

ББК 63.3 (2) 6-7

P68

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,

Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),

В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Данное издание осуществлено при финансовой поддержке

Немецкого культурного центра им. Гёте

Die Herausgabe des Werkes wurde aus Mitteln des Goethe-Instituts gefördert

Данное издание осуществлено при финансовой поддержке

Фонда Фридриха Науманна

Рольф М.

P68

Советские массовые праздники / М. Рольф; [пер. с нем. В. Т. Алтухова]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2009. — 439 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1086-3

В своей книге немецкий историк М. Рольф проследживает создание в Советском Союзе особого «красного календаря» и формирование специфической культуры массовых праздников, с помощью которых «инсценирующая диктатура» демонстрировала свои достижения, прививала обществу свои идеологические и культурные стандарты. Автор исследует своеобразие праздничной культуры СССР, сравнивая ее с аналогичной культурой других диктатур и демократических стран.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей культуры России и СССР.

УДК 930.85 (47+57)

ББК 63.3 (2) 6-7

ISBN 978-5-8243-1086-3

© 2006 by Hamburger Edition

© Издание на русском языке, оформление.

Российская политическая энциклопедия. 2009

*Посвящается
Ивану Успенскому*

ВВЕДЕНИЕ

«Участие в демонстрации является важным политическим актом, а не формальностью»¹, — записал в своем дневнике Генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров в 1941 г. накануне празднования 1 Мая. Он ожидал, что на праздничную демонстрацию выйдет все взрослое население Москвы, за исключением больных. Тем самым он отметил особый характер массовых праздников в Советском Союзе. Праздник был политикой, а советское праздничное действо — выражением специфической формы господства.

Массовый праздник как средство осуществления господства большевиков составляет предмет этой книги. Причем в двойном смысле: официальные празднества служили инструментом для популяризации политических целей и манипулирования людьми. Но они были также одним из каналов, через которые политика режима проводилась в жизнь. Таким образом, инсценировки и осуществление господства дополняли друг друга.

Массовые праздники занимали важное место в культурном арсенале большевиков и их союзников. Советский Союз был не только «пропагандистским государством», но и «инсценирующей диктатурой»². Пропаганда большей частью использовалась как средство распространения догм, норм и представлений о будущем. При этом праздник имел привилегированный статус в каноне художественных инсценировок. Празднества вовлекали в свою орбиту все более разрастающийся аппарат активистов, поглощали все большие ресурсы и выводили на улицы все больше людей, пока они «все» — по крайней

---

¹ Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 / hrsg. von B. H. Bayerlein. Berlin, 2000. S. 379.

² О пропагандистском государстве см.: Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985. P. 4 ff. Это название употреблял еще в 1956 г. Бруно Калныньш. См.: Kalnins B. Der sowjetische Propagandastaat. Das System und die Mittel der Massenbeeinflussung in der Sowjetunion. Stockholm, 1956. Понятие «инсценирующая диктатура» употребляется по аналогии с «инсценирующим обществом». См.: Willems H., Jurga M. Einleitung: Zum Aufbau des Buches und zu den Beiträgen // Inszenierungsgesellschaft. Ein einführendes Handbuch / hrsg. von H. Willems, M. Jurga. Opladen, 1998. S. 9 ff.

мере, по мнению Георгия Димитрова, — не стали сплоченным праздничным сообществом.

Уже ранние большевистские массовые праздники во время революции 1917 г. и Гражданской войны впечатляли своим размахом¹. В 1927 г. празднование 10-летия установления советской власти дало толчок дальнейшему расширению праздничного движения, которое продолжалось в 1930-е гг. Празднования становились все помпезнее, число официальных праздничных дат возрастало. Праздник доминировал среди всех остальных форм общения, в конце концов и выборы в Верховный Совет, да и саму жизнь в Советском Союзе начали называть «праздником»². Это стало кодовым понятием того времени и символом самоидентификации режима, лишь с началом Великой Отечественной войны в полосе праздников наступил перерыв.

Данная книга посвящена в основном периоду с 1917 по 1941 г. Автор пытается исследовать вопрос о том, как и почему советский праздник за два долгих послереволюционных десятилетия превратился в одну из излюбленных форм деятельности партийного государства и почему он смог сохранить этот статус позднее. Зачем режиму нужны были помпезные массовые праздники? Зачем он вкладывал денежные ресурсы и тратил время на организацию торжественных маршей, спортивных парадов и на превращение всей страны в единый празднующий коллектив? Признанные и самозванные авторитеты среди экспертов формировали представления о том, что должен демонстрировать официальный праздник. Необходимо разобраться в дискуссии по поводу праздников среди носителей власти высшего и среднего звена, чтобы выяснить значение тех понятий, которые фигурировали в советском партийном государстве межвоенного периода. Кто старался придать празднику пропагандистские функции? Какие ожидания связывались с торжественными постановками?

Планирование и организация массовых праздников не ограничивались дискуссиями в столице. Как составная часть практического культурного строительства, которым предполагалось охватить всю

---

¹ См: Geldern J., von. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, 1993; Schlögel K. *Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921*. Berlin, 1988. S. 353 ff.; Stites R. *The Origins of Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe* / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 23–42.

² См.: Кольцов М. *Испанский дневник* // Кольцов М. Избр. произведения. М., 1957. Т. 3. С. 556 и сл.; Юдин Б. *Право на праздник* // *Массовые празднества* / под ред. Б. Юдина, Е. Щедрина, С. Белоусова. М., 1935. С. 3; *Торжество социалистического демократизма* // *Советская Сибирь*. 1937. 14 нояб. С. 1. См. также плакат Л. М. Лисицкого «Москва – столица СССР» (1940).

страну, праздник нуждался в большом плановом аппарате. Требовалась густая сеть комиссий, чтобы обеспечить постановку масштабных торжественных спектаклей на региональном и местном уровнях. Эта организационная машина превращала советское праздничное хозяйство в очень разветвленную сложную структуру. Ведь праздник как плановое всесоюзное мероприятие был интегрирован в систему не всегда гладкого взаимодействия между Москвой и регионами империи. В том, как воплощались в жизнь московские праздничные формы в региональных контекстах, отражаются процессы всесоюзной стандартизации, но вместе с тем сохранения и развития региональных особенностей. В этом проявлялась также многомерность советской культурной жизни. В качестве примеров праздничной культуры на периферии в книге рассматриваются Воронежская губерния и область, Сибирский (Западно-Сибирский) край и Новосибирская область. Как планировались и проводились советские праздники в таких провинциальных городах, как Воронеж, Новосибирск или Кемерово? Какое влияние оказывала Москва на региональную и локальную праздничную жизнь?¹

Большевики использовали праздничные поводы как в центре, так и на местах, чтобы продемонстрировать всем новый советский порядок вещей. Вводя в оборот в рамках праздников свои революционные представления о новом летосчислении, о городской топографии, об отношениях между властью имущими и нижестоящими, они стремились не только наглядно представить их, но и укоренить в реальной жизни. Нередко новые реалии общественного строя вообще впервые «обкатывались» в форме торжественных презентаций. Где еще, если не на празднике, познакомить людей с новыми датами советского календаря? Как иначе, если не с помощью праздничной демонстрации, наполнить жизнью новые организационные формы городского пространства? Инсценировки, устраиваемые партийным государством, служили поэтому не только для «приукрашивания» фасада диктатуры, за которым скрывалась настоящая действительность — подавление и террор. Таким образом в общественное сознание внедрялись новые, находящиеся в процессе становления, представления режима о должном, призванные дать образец для подражания всем, кто шел или вынужден был идти в праздничных колоннах. Соседство праздника и террора являлось характерным

---

¹ Более детальное описание празднований на региональном уровне см. экскурсии в главе «Праздник как практическое явление культурной жизни». Далее Центрально-Черноземным экономическим районом мы называем более обширную географическую территорию, а Центрально-Черноземной областью — более мелкую территориальную единицу, существовавшую в период с 1928 по 1934 г.

признаком сталинского господства. Инсценировка празднеств и их эволюция были элементами советской действительности, в которой жили и должны были найти свое место современники той эпохи. В ней совмещались парады одетых в ослепительно-белую форму, прекрасно сложенных спортсменов и спортсменов и ходивших строем детдомовцев в серых робах.

Значение массовых праздников, впрочем, далеко выходило за пределы тех замыслов, которыми руководствовались их партийные организаторы в Москве или Новосибирске. Советская праздничная культура как часть культурной жизни страны становилась фактором массовой коммуникации людей, которая была шире узкого мирка представителей партийно-государственных органов. Естественно, будни с их проблемами, будь то повседневные лишения или террор, оказывали свое воздействие на праздничную атмосферу, но праздник был прежде всего поводом для встречи людей. Тут общались между собой партийные и беспартийные, крестьяне с горожанами, томики с новосибирцами, верующие с атеистами, отдельный человек соприкасался с госучреждениями. Благодаря общению людей, стоявших на разных этажах общественной и властной иерархии, советский праздник из официального торжественного мероприятия превращался в живое культурное событие. Случались и столкновения, и примирения между представителями вражеских лагерей. Были в советской праздничной культуре и активисты, и уклонисты; официальные праздничные формы адаптировались к собственным потребностям и своевольно переиначивались, находились также способы преодоления партийно-государственной заорганизованности. Лишь благодаря этой неоднозначности в процессе практической реализации партийно-государственного диктата в сфере обрядово-праздничной культуры советский праздник стал феноменом, выходившим за концептуальные рамки юбилейных комиссий. В процессе коммуникации между властной сферой и обществом возникали гибридные праздничные культуры, в которых причудливо сочетались официальные установки и традиционные элементы.

Советский праздник был интегрирован в более широкий контекст культурной практики и постоянно с ней взаимодействовал. Сведения о праздниках, их организации и проведении позволяют делать более общие выводы относительно генезиса и структур культурного канона, ориентированного на партийно-государственные установки. По ним можно также судить о степени распространения официальной культуры в процессе общественного взаимодействия и трудностях на его пути. Ценность этих данных тем более высока, что включение в исследование регионального и местного уровней расширяет обзор, не ограничивая его только Москвой и Ленинградом. Совет-

ский праздник как явление культурной практики служит примером пересечения многочисленных линий коммуникации между обладавшими всей полнотой власти и обделенными ею. Он позволяет делать оценки относительно характера большевистского режима как пропагандистского государства и инсценирующей диктатуры, в том числе путем сравнения с праздничной политикой других авторитарных режимов.

Советский праздник как предмет исследования позволяет дер- жать в поле зрения также культурные процессы более долговремен- ного свойства. В отличие от нового календаря, трансформацию исто- рически сложившихся праздничных культур декретировать нельзя. Вначале советские праздники представляли собой попытку установ- ления единых норм для пестрого праздничного ландшафта нового государственного образования — Советского Союза. Лишь с течени- ем времени, уже после 1941–1945 гг., а также 1953 г., советские празд- ничные нормы устоялись, наложившись на традиционные праздники, слились с ними или вытеснили их. В ходе процесса «внутренней советизации» официальные стандарты все больше входили в куль- турный обиход подданных. Советский праздник сохранил свою значимость и в послевоенные годы, и после смерти Сталина, более того, он оказывает влияние и на праздничную культуру современной России.

История утверждения официальных стандартов в Советском Союзе 1920-х и 1930-х гг. часто пишется как история поражений, поч- ти всегда — как история дефицитов. Это относится и к сфере празд- ников¹. Собственно, вывод о том, что большевики не смогли полно- стью и во всей «чистоте учения» реализовать свои представления об изменении общественного строя, культуры и праздников, не является таким уж неожиданным. Во-первых, это связано с тем, что не сущест- вовало *единства* чисто советских культурных норм. Напротив, име- ли место различные, порой противоположные представления о том, как должен выглядеть советский праздник и каким должно быть его содержание. Во-вторых, в силу общих условий, особенно в рос- сийской провинции, организация и проведение праздников не мог- ли обойтись без всяких помех и противоречий. Недостаток анализа советской реальности тем более ощущается на фоне представлений о «нормальном состоянии» бесперебойно работавшего культурного аппарата — той специфически советской «нормальности», в услови- ях которой жили ее современники, не имея, в отличие от историков, критериев для сравнения. Именно о такой советской «нормальности»

---

¹ См., в частности: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000.

с присущими ей дефицитами, недостатками и искажениями идет речь в данной книге.

Это не означает, что за частоколом советских норм не существовало иного мира. В праздничной сфере также находили себе место религиозные и этнические традиции. Однако косвенно на них влияли притязания партийного государства, пытавшегося эти традиции маргинализировать. Таким образом, есть еще один аспект исследования — самобытные ритуальные практики, которые передавались из поколения в поколение, существуя совершенно отдельно от официального нормирования. В данной книге им уделяется внимание постольку, поскольку в них отражается альтернативная праздничная культура советского времени. Она составляла довольно мощную конкуренцию властям, достаточно часто вступая с ними в противоречие в вопросах миропонимания. Исследование этих праздничных культур носит, правда, лишь косвенный характер, преломляясь сквозь призму восприятия советских аппаратчиков от культуры. В конце 1920-х гг. Юрий Олеша нарисовал в своем романе «Зависть» картину советского праздника, где проведен четкий водораздел между полноправными участниками торжества и теми, кто оказался за бортом¹. Если воспользоваться метафорой Олеша, то данная книга излагает историю тех, кто, перешагнув разделительную линию, попал туда, где играет марши духовой оркестр, и тех, кто остался за забором, чувствуя себя отверженным. Вне нашего поля зрения — те, кто игнорировал или вообще не замечал ограду.

Таким образом, в данном исследовании на примере официальной праздничной культуры воспроизводится процесс претворения представлений и мерок сравнительно узкого слоя партийно-государственной элиты в нормы культуры, к которым должна была приравниваться людская масса. Речь идет об интеграции людей в рамки официального канона практик, символов и риторических фигур, интеграции, протекавшей по принуждению, но от этого не менее эффективно. Советский массовый праздник был в этом процессе одним из центральных звеньев и сам являлся частью той привычной советской действительности, которая благодаря ему зарождалась.

Система понятий: исследовательские подходы

Ниже дается толкование некоторых ключевых понятий данного исследования. Это делается с учетом понятийного аппарата и теоретических концепций современных исследований. Несмотря

---

¹ Olescha Ju. Neid. Frankfurt/Main, 1978. S. 49 ff.

на то что обзор носит общий характер, он важен с точки зрения локализации терминологического багажа книги в более широком контексте теоретических и концептуальных дискуссий в научном мире.

Праздники

В последние годы появилось множество индивидуальных исследований разного рода праздников в разных контекстах. Обращают на себя внимание, во-первых, их удаленность от теории и, во-вторых, неуклонное расширение в связи с этим поля исследований. Попытки охватить праздник в его целостности относятся к прошлым десятилетиям¹; более новые исследования тяготеют к контекстуализации праздников, но не стремятся к их проблематизации в качестве базовых культурных феноменов². Возможно, Герман Баузингер отразил суть проблемы, усматривая силу праздника в сохранении им своего многообразия в контексте теоретической классификации³.

Тем не менее существует комплекс пользующихся широкой поддержкой теоретических посылок. Фундаментальным является разделение между праздниками и буднями. Праздник квалифицируется как «перерыв в повседневности»⁴, означающий, что время праздника принципиальнейшим образом, хотя и не всегда четко, выделяется из череды будней и служит их «контрапунктом»⁵. В пределах

---

¹ Caillois R. *Der Mensch und das Heilige*. München, 1988; Martin G. *Fest und Alltag. Bausteine zu einer Theorie des Festes*. Stuttgart, 1973; Pieper J. *Zustimmung zur Welt. Eine Theorie des Festes*. München, 1963. Обзоры см.: Gebhardt W. *Fest, Feier und Alltag. Über die gesellschaftliche Wirklichkeit des Menschen und ihre Deutung*. Frankfurt/Main, 1987; Maurer M. *Feste und Feiern als historischer Forschungsgegenstand* // *Historische Zeitschrift*. 1991. № 253. S. 101–130.

² См.: Stadt und Fest. *Zu Geschichte und Gegenwart europäischer Festkultur* / hrsg. von P. Hugger. Unterägeri; Stuttgart, 1987; *Feste und Feiern im Mittelalter* / hrsg. von D. Altenburg, J. Jarnut, H.-H. Steinhoff. Sigmaringen, 1991; *Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg* / hrsg. von D. Düding, P. Friedemann, P. Münch. Hamburg, 1988.

³ Bausinger H. «Ein Abwerfen der großen Last...» Gedanken zur städtischen Festkultur // *Stadt und Fest*. S. 251 ff.

⁴ Marquard O. *Moratorium des Alltags. Eine kleine Philosophie des Festes* // *Das Fest* / hrsg. von W. Haug, W. Warning. München, 1989. S. 684–691.

⁵ Assmann J. *Der zweidimensionale Mensch: das Fest als Medium des kollektiven Gedächtnisses* // *Das Fest und das Heilige. Religiöse Kontrapunkte zur Alltagswelt* / hrsg. von J. Assmann, T. Sundermeier. Gütersloh, 1991. S. 13 ff.; Bachtin M. M. *Rabelais und seine Welt. Volkskultur als Gegenkultur*. Frankfurt/Main, 1995. S. 58; Idem. *Literatur und Karneval. Zur Romantheorie und Lachkultur*. Frankfurt/Main, 1996. S. 33 ff.; Caillois R. *Der Mensch und das Heilige*. S. 127 ff.; Marquardt E. *Feste und Feiern* // *Ritualität in der Kommunikation der DDR* / hrsg. von U. Fix. Frankfurt/Main, 1998. S. 3 ff.

праздника позволительны образцы поведения, символичные практики или речевые высказывания, которые более или менее отчетливо выходят за рамки повседневных правил, принятых той или иной социальной группой или обществом в целом¹. Именно эта временность отмены повседневного распорядка и делает праздник интегрированной и интегрируемой частью общественной структуры².

С другой стороны, — и тут возникают проблемы с подобным толкованием праздника — в последние годы внимание исследователей все больше обращается к «праздничным» сторонам диктатур³. В связи с этим следует признать справедливость того, что в целом говорится относительно праздников в современных индустриальных обществах: границы толкования становятся все уже. С одной стороны, праздникам отводится все меньше места в календарном бюджете времени, а с другой — возрастает воздействие на планирование праздников со стороны контролирующих и дисциплинирующих инстанций⁴. Мораторий на повседневность в современных условиях часто означает только ограниченное по времени прекращение штатной работы⁵. Даже сама эта характеристика ввиду возрастания коммерциализации праздников и таких ситуаций, когда, например, как в Советском Союзе, сам труд объявляется праздником, представляется приемлемой лишь условно. Таким образом, то особое, что отличает праздник, продолжает оставаться предметом дискуссий. Однако и под знаком модерна и постмодерна нет признаков утраты праздником своего значения.

---

¹ См.: Le Roy Ladurie E. *Karneval in Romans: Eine Revolte und ihr blutiges Ende 1579–1580*. Stuttgart, 1982; Moser D.-R. *Fastnacht und Fronleichnam als Gegenfeste. Festgestaltung und Festbrauch im liturgischen Kontext // Feste und Feiern im Mittelalter*. S. 359–379; Egnell I. *New Year Festivals // The Myth and Ritual Theory. An Anthology / ed. R. A. Segal*. Malden, 1998. P. 136–140.

² Такой точки зрения придерживается, в частности, Коппершмидт. См.: Kopperschmidt J. *Zwischen Affirmation und Subversion. Einleitende Bemerkungen zur Theorie und Rhetorik des Festes // Fest und Festrhetorik / hrsg. von J. Kopperschmidt, H. Schanze*. München, 1999. S. 11 f.

³ Приведем лишь выборочно: Berezin M. *Making the Fascist Self. The Political Culture of Interwar Italy*. Ithaca, 1997; Falasca-Zamponi S. *Fascist Spectacle. The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*. Berkeley, 1997; Freitag W. *Das Dritte Reich im Fest. Führermythos, Feierlaune und Verweigerung in Westfalen 1933–1945*. Bielefeld, 1997; Schmeer K. *Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich*. München, 1956. См. также главу «Праздники современных диктатур» в этой книге.

⁴ См., в частности, о праздновании годовщины битвы при Седане: Schellack F. *Sedan- und Kaisergeburtstagsfeste // Öffentliche Festkultur*. S. 282 ff.

⁵ Marbolek I. *Von Freiheitsgöttinnen, dem Riesen Proletariat und dem Aufzug der Massen. Der 1. Mai im Spiegel der sozialdemokratischen Maizeitungen // «100 Jahre Zukunft». Zur Geschichte des 1. Mai / hrsg. von I. Marbolek*. Frankfurt/Main, 1990. S. 35 ff.

Особое место праздника в обществе обусловлено его многообразными функциями в социальной структуре человеческого общежития. Празднику отводится важная роль в строительстве сообщества и идентификации с ним¹. Она может осуществляться путем создания коллективной «культурной памяти»², демонстрации распорядка, установленного в церковной и светской жизни³, силы и власти сообщества или его руководства⁴ или в эмоционально переживаемых формах репрезентации сообщества⁵. В исследованиях последнего времени, кроме того, уделяется внимание изучению взаимосвязей между праздниками и регламентацией в ее пространственных и временных аспектах⁶, одновременно замечен интерес к нормированию физического, поведенческого и субъект-ориентированного потенциала праздников⁷. Праздник интерпретируется как средство инте-

---

¹ Об этом писал уже Дюркгейм. См.: Durkheim É. *Die elementaren Formen des religiösen Lebens*. Frankfurt/Main, 1994. S. 560 ff.; Huizinga J. *Homo Ludens. Vom Ursprung der Kultur im Spiel*. Hamburg, 1956. S. 24 ff. См. также: Johaneck P. *Fest und Integration // Feste und Feiern im Mittelalter*. S. 525–541; Lehnert D., Megerle K. *Politische Identität und nationale Gedenktage // Politische Identität und nationale Gedenktage. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik* / hrsg. von D. Lehnert, K. Megerle. Opladen, 1989. S. 9–30; McNeill W. H. *Keeping Together in Time. Dance and Drill in Human History*. Cambridge, Mass., 1995; Stekl H. *Öffentliche Gedenktage und gesellschaftliche Identität // Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa* / hrsg. von E. Brix, H. Stekl. Wien, 1997. S. 91–116; Vogel J. *Militärfeiern in Deutschland und Frankreich als Rituale der Nation (1871–1914) // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert* / hrsg. von E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 199–214.

² Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, 1997. S. 56 ff.; Brix E. *Kontinuität und Wandel im öffentlichen Gedenken in den Staaten Mitteleuropas // Der Kampf um das Gedächtnis*. S. 13 f. См. также: Halbwachs M. *Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen*. Frankfurt/Main, 1985. S. 381 ff.

³ Caillouis R. *Der Mensch und das Heilige*. S. 130 ff.; Eliade M. *Symbolism, the Sacred, and the Arts*. New York, 1986. P. 14.

⁴ Laube S. *Fest, Religion und Erinnerung. Konfessionelles Gedächtnis in Bayern von 1804 bis 1917*. München, 1999. S. 1 f.

⁵ *Nation und Emotion*. S. 15 ff.

⁶ Laube S. *Fest, Religion und Erinnerung*; Tartakowsky D. *Funktioneller und symbolischer Raum. Demonstrationen im Paris der Zwischenkriegszeit // Massenmedium Straße. Zur Kulturgeschichte der Demonstration* / hrsg. von B. J. Warneken. Frankfurt/Main, 1991. S. 231–239. Работа Моны Озуф о праздниках Французской революции и в этом отношении оказала определяющее влияние на научные исследования. См.: Ozouf M. *Festivals and the French Revolution*. Cambridge, Mass., 1988. Chaps. VI, VII.

⁷ Chartier R. *Phantasie und Disziplin. Das Fest in Frankreich vom 15. bis 18. Jahrhundert // Volkskultur. Zur Wiederentdeckung des vergessenen Alltags* / hrsg. von R. van Dülmen, N. Schindler. Frankfurt/Main, 1984. S. 153–176; Berezin M. *Making the Fascist Self*. P. 178 f.; Bumke J. *Höfische Körper – Höfische Kultur // Modernes Mittelalter. Neue Bilder*

грации при одновременном исключении (из праздничного сообщества. — *Прим. пер.*) каких-либо маргинальных групп¹.

В контексте интеграции праздники дают возможность изучить то, что Кристел Лейн под впечатлением советских ритуалов назвала «культурным менеджментом» (cultural management): целенаправленную организацию с участием планирующего аппарата, присвоение и/или придумывание праздничных дат в качестве стратегического средства в социальной и политической борьбе². Участники праздников так же разнообразны, как и сами праздники. Существуют праздники, организованные находящейся у власти частью общества³, равно как и теми, кто стремится к участию во власти или свержению властвующих элит⁴.

Общей чертой для тех и других праздников является ощущение их участниками своего сродства с определенными, выражающимися в празднике, представлениями о порядке в качестве основополагающего условия, которое делает праздник вообще возможным. Праздник усиливает это чувство сродства. Там же, где такого согласия нет, он потенциально несет в себе «подрывной заряд». Праздник — это такой феномен, который не во всем поддается контролю со стороны праздничной комиссии. Это справедливо как в отношении праздни-

---

einer populären Epoche / hrsg. von J. Heinze. Frankfurt/Main, 1994. S. 82 ff.; Goltermann S. Körper der Nation. Habitusformierung und die Politik des Turnens 1860–1890. Göttingen, 1998. S. 151 ff.

¹ См.: Hardtwig W. Nationsbildung und politische Mentalität. Denkmal und Fest im Kaiserreich // Hardtwig W. Geschichtskultur und Wissenschaft. München, 1990. S. 125 ff.; Wienfort M. Bürgerliche Kultur im monarchistischen Staat. Kaisergeburtstagsfeste in Minden-Ravensberg 1889–1913 // Unter Pickelhaube und Zylinder. Das östliche Westphalen im Zeitalter des Wilhelminismus 1888 bis 1914 / hrsg. von J. Meynert, J. Mooser, V. Rodekamp. Bielefeld, 1991. S. 422.

² Lane C. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society – The Soviet Case. Cambridge, 1981. P. 1.

³ О Ренессансе см.: Strong R. Feste der Renaissance. 1450–1650. Kunst als Instrument der Macht. Frankfurt/Main, 1991. О Италии: Falasca-Zamponi S. Fascist Spectacle. О Сирии: Wedeen L. Ambiguities of Domination. Politics, Rhetoric, and Symbols in Contemporary Syria. Chicago, 1999.

⁴ О праздниках германского национального движения см., в частности: Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Herrmannsmythos: Zur Entstehung des Nationalbewusstseins der Deutschen. Hamburg, 1996. S. 180 f.; Düding D. Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808–1847). Bedeutung und Funktion der Turner- und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung. München, 1984; Langewiesche D. Kulturelle Nationsbildung im Deutschland des 19. Jahrhunderts // Nation und Gesellschaft in Deutschland / hrsg. M. Hettling, P. Nolte. München, 1992. S. 49 ff. О рабочей праздничной культуре в Германии см., в частности: Korff G. Seht die Zeichen, die Euch gelten. Fünf Bemerkungen zur Symbolgeschichte des 1. Mai // «100 Jahre Zukunft». S. 15–40; Lerch E. Die Maifeiern der Arbeiter im Kaiserreich // Öffentliche Festkultur. S. 352–372.

ков, предшествовавших Новому времени, так и для праздничных деловых игр современных диктатур¹.

При всем различии хронологических и пространственных контекстов, в которых праздник уже занял свое место в качестве предмета исторических исследований, почти всех авторов занимает один общий центральный вопрос. Среди прочего речь всегда идет о той роли, которую праздники играют в процессе интеграции людей в рамках определенного порядка вещей, социальной группы и/или политической системы. Этот принципиальный вопрос об интегрирующей роли праздничных инсценировок ставится и в данной книге. Большевики были учредителями праздников, они демонстрировали свою власть тем, что создавали новые праздники и, похоже, возвели на уровень государственной программы афоризм Ницше: «Я хочу учить не искусству творения произведений искусства, а более высокому искусству, имя которому — изобретение праздников»². Их празднества представляли собой инициированные и контролируемые партийным государством предприятия и были, таким образом, согласно дихотомии Бахтина праздниками «официальной культуры»³. При этом соблюдалось подчеркиваемое в научных исследованиях фундаментальное различие между «праздником» и «буднями». Запланированное торжество диктатуры своей необычайностью также отличалось от повседневной рутины. Деятели партийного государства старались сделать так, чтобы праздник выделялся на фоне повседневности, для чего подобное событие всячески украшалось и по-особому обставлялось. В частности, это выражалось уже на вербальном уровне. Понятия «праздник», «празднество» и «торжество» противопоставлялись их антонимам — «будни», «повседневность»⁴. Советский праздник означал чрезвычайное положение — «отсрочку будней» — на определенном отрезке времени. Зато семантика советского праздника в значительной степени утратила значение отдыха, ничегонеделания («досуг», «безделье»). То, что еще в XIX столетии в словаре Владимира Даля составляло

---

¹ См., в частности: Miklantz E. Feste: Szenarien der Konstruktion kollektiver Identität // Fest und Festrhetorik. S. 198 ff.; Kühberger C. Grenzen der Inszenierung. Die Störanfälligkeit von NS-Veranstaltungen in Österreich // Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereins. 2000. Bd. 145. H. 1. S. 189–216.

² Nietzsche F. Nachgelassene Fragmente 1880–1882 / hrsg. von G. Montinari Colli, M. Montinari Colli. Berlin, 1988. Bd. 9. S. 506.

³ М. М. Бахтин противопоставляет такой «официальной культуре господствующих классов» «народную смеховую культуру» и «народный карнавал». См.: Bachtin M. M. Rabelais und seine Welt. S. 518 f.; Idem. Literatur und Karneval. S. 32 ff.

⁴ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции. Л., 1927. С. 13 и сл. См. также: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949.

само собой разумеющееся семантическое поле, в конце 1940-х гг. отсутствует у Сергея Ожегова и уже не упоминается в советских методических разработках по организации праздников предвоенного времени¹. В официальном лексиконе понятия «праздник» и «работа» были двумя совместимыми концептуальными фигурами. В праздник можно было работать, а трудовое достижение могло называться праздником². Тем не менее гармонизация праздника и работы не стирала необычности праздничного события. Так, нередко в день праздника должны были совершаться специальные символические действия³. Целый ряд подготовительных указаний в письменной форме определял, как отметить праздничное событие, чтобы оно отличалось от будней. Организаторы советских праздников усвоили тем самым сакральный смысл празднования, сохраняя изначальную семантику слова «праздник»⁴.

Праздник как нечто особенное сначала был только партийно-государственным установлением. Оно еще ничего не говорит о восприятии запланированного события теми массами людей, которые по воле пропагандистов должны были это установление воплотить. Хронотоп официального праздника необязательно соответствовал содержанию слова «праздник», которое заложено в поговорке: «Будет и на моей улице праздник»⁵. В этой поговорке закодирован момент личного счастья и радости. Ассоциировалось ли государственное установление праздника с таким толкованием, когда и как это допускалось — одна из тем данной книги. Терминологически она следует, однако, официальному речевому канону и вовлекает в сферу рассмотрения широкий спектр феноменов культуры. Даже выборы в Верховный Совет на языке того времени могли именоваться праздником, поэтому и они как торжественная инсценировка входят в круг рассматриваемых в данной работе предметов⁶. Необходимо понимать и всерьез воспринимать понятийный аппарат руководителей советских праздников, если задаться целью разобраться в их

---

¹ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. СПб., 1903–1909; Ожегов С. И. Словарь русского языка.

² Katajew V. Im Sturmschritt vorwärts! Berlin, 1947. S. 331 ff.; Ленин В. И. Великий почин. О геронизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 270–275.

³ См. по этому вопросу также: Geldern J., von. Bolshevik Festivals. P. 154 f.

⁴ Старославянское слово «праздь» означает святой праздник. См. по этому вопросу: Рубцова А. О. Праздники и обряды: Теоретический курс. М., 1994. С. 10.

⁵ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2001; Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб., 1994.

⁶ 12 декабря — день всенародного торжества // Советская Сибирь. 1937. 15 нояб. С. 1; Самый радостный день // Советская Сибирь. 1937. 14 дек. С. 3.

представлениях о мире. Нельзя привносить в эти представления чуждый им нормативный смысл того, чем должен являться праздник, а чем нет.

В нашем подходе мы не присоединяемся к попытке строгого размежевания понятий «Fest» (праздник) и «Feier» (то же самое, но с оттенком «торжественный акт», «торжество». — *Прим. пер.*), на чем настаивает Винфрид Гебхардт. Вдохновленный идеальными типами Вебера, он относит первое понятие к эмоционально-аффективной форме «социализации» (*Vergemeinschaftung*), а второе ассоциирует с ценностно-рациональной категорией «обобществления» (*Vergesellschaftung*), стремясь, таким образом, на понятийном уровне зафиксировать грань между экстатической, отрешенной от повседневности и серьезной, стабилизирующей частью праздника¹. При этом Гебхардт не только проявляет терминологическую непоследовательность в своих исторических исследованиях — он говорит там о «календаре праздников», хотя речь, собственно, должна идти о «календаре памятных дат», но его работа является, помимо прочего, наглядным примером того, что происходит, когда идеальные типы из вспомогательного формального инструмента научного мышления, как их понимал сам Вебер, превращаются в онтологический конструкт. Подгонка исторического исследовательского материала к самостоятельным категориям идеальных типов дает не более чем историю дефицитов, в которой историческое прошлое перестает соответствовать высоким требованиям, предъявляемым этими категориями.

В отличие от Гебхардта, Рут Кох убедительно показала, что хотя понятия «Fest» и «Feier» в немецком языке имеют различия, однако не обладают достаточно четко очерченными семантическими полями для того, чтобы можно было точно выявить их самостоятельный характер². Возвращаясь к советской терминологии того времени, мы констатируем, что и в ней нет понятийного водораздела между «праздничной» и «торжественной» частью. Наряду с «праздником» и «празднеством» употребляется слово «торжество» для обозначения прежде всего крупных праздничных мероприятий³. Тем не менее эти понятия вполне взаимозаменяемы, а «массовое» или «народное» торжество подразумевает скопление народа во время народных гуля-

---

¹ Gebhardt W. Fest, Feier und Alltag. S. 60 ff. О «Vergesellschaftung» и «Vergemeinschaftung» у Макса Вебера см.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. Tübingen, 1980. S. 21 ff.

² Koch R. Fest oder Feier? Eine Bedeutungsanalyse // Feste. Erscheinungs- und Ausdrucksformen, Hintergründe, Rezeption / hrsg. von R. Beilharz, G. Frank. Weinheim, 1991. S. 38 f.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка.

ний как части советского праздничного мероприятия¹. Таким образом, российская система понятий также позволяет употреблять слова «праздник» и «торжество» как синонимы.

Ритуалы

Будучи ритуальными действиями, праздники являются элементом более широкого ритуального канона. Ритуалом в исследованиях принято называть широкое поле социальных и культурных практик. Употребление этого понятия в нерелигиозных контекстах стало к настоящему времени привычным². На расширение семантического поля исследователи отреагировали теоретическими размышлениями о феноменологии ритуала. При всех разночтениях, похоже, существует довольно широкий консенсус относительно того, что ритуалам свойственны высокая степень стандартизации, стилизации, повторяемость и известная устойчивость по отношению к процессу исторических изменений. Ритуалы проводятся в специальных помещениях, в определенное время, по известным поводам и являясь экспрессивными, непосредственно совершаемыми действиями³.

Теоретические аспекты современных ритуальных исследований разнообразны. Основополагающее значение имеет дифференцирование ритуалов на *rites de passage* (разовые ритуалы) и циклические (сезонные) ритуалы, предложенное Арнольдом ван Геннепом⁴. Эмиль Дюркгейм понимает под ритуалом медиум, посредством которого одновременно создаются, апробируются и принимаются к исполнению догматы веры, происходит обновление, повторяющееся конституирование сообщества и социализация в нем индивида⁵. Концепция непосредственного совершения ритуальных действий побуждает современных исследователей все чаще обращаться к взаимозависимости

---

¹ 1 и 2 Мая – массовые физкультурные торжества // Коммуна. 1932. 30 апр. С. 4.

² До 1970-х гг. такое словоупотребление было проблематичным. См.: Moore S. F., Myerhoff B. Introduction: Secular Ritual: Forms and Meanings // *Secular Ritual* / hrsg. von S. F. Moore, B. Myerhoff. Assen; Amsterdam, 1977. S. 3 ff.

³ Caduff C., Pfaff-Czarnecka J. Vorwort // *Rituale heute. Theorien – Kontroversen – Entwürfe* / hrsg. von C. Caduff, J. Pfaff-Czarnecka. Frankfurt/Main, 1999. S. 7 ff.; Kertzer D. I. *Ritual, Politics, and Power*. New Haven, 1998. P. 372 ff.; Krieger D., Belliger A. Einführung // *Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch* / hrsg. von A. Belliger, D. J. Krieger. Opladen, 1998. S. 9 ff.

⁴ Gennep A., van. *Übergangsriten*. Frankfurt/Main, 1986. См. также: Grimes R. L. *Typen ritueller Erfahrung* // *Ritualtheorien*. S. 119–134; Platvoet J. *Das Ritual in pluralistischen Gesellschaften* // *Ritualtheorien*. S. 173–190.

⁵ Durkheim É. *Die elementaren Formen des religiösen Lebens*. S. 498 ff., 572 f. См. также: Turner V. *The Ritual Process. Structure and Anti-Structure*. New York, 1995.

между их исполнителями и зрителями. Взгляд извне и его восприятие исполнителями ритуализированных ролей, отдающих себе отчет в том, что за ними наблюдают, рассматриваются исследователями как определяющая черта ритуального акта¹.

С вопросом об отличительном характере ритуала связан вопрос о его функциональном назначении. Обсуждаются смыслообразующие функции ритуалов и их отношение к социальной «реальности». Ритуал — это время и место представления и узнавания сообществом/обществом своих основополагающих принципов, благодаря чему сообщество и конституируется². Через ритуал конституируются социум и его порядок, в нем в мистической по своему происхождению форме порядок обретает свою легитимность. Кроме того, это действие, с помощью которого индивид приобретает коллективный опыт, проникается ожиданиями, знакомится со шкалой ценностей и табу³.

Опираясь на концепцию Эмиля Дюркгейма, ряд авторов подчеркивает стабилизирующую роль ритуалов в жизни сообществ. Ритуальные действия рожают чувство эмоциональной солидарности с широкой группой и ее нормами. Они легитимируют существующую иерархию и поддерживают воспроизводство властвующих структур. Исследования посвящаются прежде всего ритуалам власти и их воздействию на общество⁴. Однако использование ритуалов в целях идентификации и нормирования не является привилегией только правящих кругов, ими пользуются на всех уровнях власти, во многих конфликтах и в рамках самых разных учреждений⁵.

В данной книге мы рассматриваем ритуализированные инсценировки тоталитарного партийного государства, которое обязывало принимать участие в ритуале. Этот контекст следует держать в поле

---

¹ Schechner R. Ritual and Theater: Rekonstruktion von Verhalten // Ritualtheorien. S. 415 ff. См. также: Brandstetter G. *Le Sacre du printemps*. Choreographie und Ritual // Rituale heute. S. 127–148; Schieffelin E. L. Problematising Performance // Ritual, Performance, Media / ed. F. Hughes-Freeland. London, 1998. P. 194–207.

² Michaels A. «Le rituel pour le rituel» oder wie sinnlos sind Rituale? // Rituale heute. S. 23–48.

³ Eliade M. Myth and Reality // The Myth and Ritual Theory. An Anthology / ed. R. A. Segal. Malden, Mass., 1998. P. 180–190; Douglas M. Ritual, Reinheit und Gefährdung // Ritualtheorien. S. 77–97.

⁴ Althoff G. Rituale – symbolische Kommunikation // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1999. H. 3. S. 140–154; Kertzer D. I. Ritual, Politics, and Power. P. 174 ff.

⁵ См., в частности: Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 263–307; Kertzer D. I. The Hammer and Sickle in Court: Symbolic Struggle in the Italian Communist Party // Ritual and Semiotics / ed. J. R. Lindgren, J. Knaak. New York, 1997. P. 53–68.

зрения, если понимать праздник как общественное ритуальное действие, участники которого призваны непосредственно выражать свою причастность к партийно-государственному проекту по переустройству общества и человека. Идущие в праздничных колоннах исполняли предписанную им роль в общественном ритуале. Однако это еще ничего не говорит о предполагавшейся интериоризации данного ролевого образца. Происходила ли она и как именно — об этом далее в книге.

Символьная политика, церемониал и политические инсценировки

В данной книге реализуется подход, объединяющий политико-ориентированную историю культуры и культурную историю политики¹. При этом праздники и ритуалы рассматриваются как средство политики, направленной одновременно на осуществление и установление власти. Соответственно праздничные инсценировки понимаются как политический инструмент, представляющий собой нечто большее, чем маскирующую «эстетизацию»². Праздничные инсценировки являются частью центрального аспекта практической политики — «символьной политики».

В двух статьях Мюррея Эдельмана рассматривается «символьное измерение» политики³. Исследователи до сих пор опираются на них. По Эдельману, существуют два уровня политического: «политическая реальность» и ее «символьное опосредование»⁴. В усложняющихся условиях в целом возрастает значение символьной коммуникации. Люди интегрируются в крупные политические или социальные образования не через непосредственный опыт, а «опосредованно — через идентификацию с символами»⁵. В сфере политического символ в том

---

¹ См. также: Mergel T. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik // *Geschichte und Gesellschaft*. 2002. № 28. S. 595 ff.

² Вальтер Беньямин считает, что открыл эстетизацию политики в национал-социализме. Коммунизм, напротив, установил политизацию искусства. См.: Benjamin W. *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Drei Studien zur Kunstsoziologie*. Nachwort. Frankfurt/Main, 1996. S. 44. По нашему мнению, оба процесса не являются противоположностями, а взаимообуславливают друг друга, о чем, в частности, идет речь и в этой книге.

³ Edelman M. J. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana, 1967; Idem. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago, 1971.

⁴ Edelman M. J. *Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns*. Frankfurt/Main, 1990. S. 4 f.

⁵ См.: Voigt R. *Mythen, Rituale und Symbole in der Politik* // *Symbole der Politik – Politik der Symbole* / hrsg. von R. Voigt. Opladen, 1989. S. 55.

числе выражает более крупную единицу, чем «иная реальность, которая недоступна, и [делает] ее очевидной»¹.

В работах, следующих концепции Эдельмана, измерение символического опосредования политических решений понимается как самостоятельная действительность, представляющая собой самостоятельный фактор в рамках политических конфликтов. Даже если утверждается, что символическая политика выражает лишь «пустые формы»², то и они оказывают своеобразное воздействие³. Сущностью символической политики является связь между легитимизированным авторитетом и лояльностью по отношению к нему. Власть нуждается в символах и в символической коммуникации; она использует их в политических целях и в этом смысле проводит символическую политику. Понятие «символической политики» не означает создание «видимости политики», маскирующей «политику реальную». Оно охватывает скорее коммуникативную сферу политического⁴. А визуализация политики и тем самым власти находится в фокусе обсуждаемой проблемы. Во многих контекстах указывается на визуализацию власти как властный ресурс. Публичные — в том числе торжественные — инсценировки служат средством представления авторитета и тем самым его включения в коммуникационный процесс⁵.

---

¹ Wegenast K. Das Symbol – Brücke des Verstehens. Einleitung // Das Symbol – Brücke des Verstehens / hrsg. von J. Oelkers, K. Wegenast. Stuttgart, 1991. S. 12. На ту же тему см.: Soeffner H.-G. Zur Soziologie des Symbols und des Rituals // Das Symbol – Brücke des Verstehens. S. 66 ff.

² Schissler J. Symbolische Sicherheitspolitik. Die Bedeutung der KSZE-Schlußakte für die Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland. München, 1980. S. 6. На ту же тему см.: Sarcinelli U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. Opladen, 1987. S. 238 ff.

³ На эту тему см., в частности: Meyer T. Von den Fallstricken der symbolischen Politik. Eine Nachbetrachtung zur Lafontaine Gewerkschaftsdebatte // Symbole der Politik – Politik der Symbole. S. 39–54.

⁴ См.: Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik. S. 22 ff.; Münkler H. Die Visibilität der Macht und die Strategien der Machtvisualisierung // Macht der Öffentlichkeit – Öffentlichkeit der Macht / hrsg. von G. Göhler. Baden-Baden, 1995. S. 213 ff.; Paulmann J. Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg. München, 2000. S. 12 ff., 409 ff.; Schlögl R. Symbole in der Kommunikation. Zur Einführung // Die Wirklichkeit der Symbole. Grundlagen der Kommunikation in historischen und gegenwärtigen Gesellschaften / hrsg. von R. Schlögl, B. Giesen, J. Ostermann. Konstanz, 2004. S. 31 ff.; Soeffner H.-G. Erzwungene Ästhetik. Repräsentation, Zeremoniell und Ritual in der Politik // Inszenierungsgesellschaft. S. 215 ff.

⁵ См. на эту тему, в частности, также: Althoff G. Rituale – symbolische Kommunikation; Rolf M. Symbolpolitik im öffentlichen Raum – zu ihren Funktionen und Methoden in autoritären Systemen. Eine Problemskizze am Beispiel der DDR // Вестник Челябинского университета. 2002. № 1. С. 104–106; Sauer B. Politische Inszenierung und die Visualisierung von Macht // Symbole und Rituale des Politischen. Ost- und Westeuropa im Vergleich / hrsg. von A. Pribersky, B. Unfried. Frankfurt/Main, 1999. S. 75–101.

Данный тезис касается не только отношений власти и подчинения. Многочисленные исследования дворцовых церемониалов показали, что инсценировки являются не только опиумом для народа и средством маскировки для власти, но и позволяют носителям власти осознать свое место во властной структуре¹. Церемониальные инсценировки имеют здесь сугубо политический характер, оказывающий нормативное воздействие также на властную элиту. Политико-конституирующий потенциал «*repraesentatio maiestatis*» (представления величия)² — доминирующая тема в современных семиотико-ориентированных работах. В исследованиях различного характера подчеркивается значение презентации власти и иерархии как основного условия для их восприятия и обеспечения связанной с этим относительной стабильности властных структур и их воспроизводства³. Назначение символических форм при осуществлении статусных демонстраций заключается как в упорядочении отношений внутри властной элиты, так и в ее конституировании по отношению к внешнему миру и коммуникации с ним⁴. Поэтому церемониальные инсценировки являются частью «системы оповещения», в рамках которой группа, во-первых, постоянно самоутверждается в своей идентичности и сплоченности с помощью опознавательных знаков, отличающих ее от других, а во-вторых, заявляет о своих властных полномочиях в общении с внешним миром⁵. Толкование знаковой системы таких

---

¹ В большинстве работ о символической политике подчеркивается, однако, ее манипулятивный характер. См., напр.: Künzli A. Die Funktion des Symbols in der Politik // Welt der Symbole. Interdisziplinäre Aspekte des Symbolverständnisses / hrsg. von G. Benedetti, U. Rauchfleisch. Göttingen, 1989. S. 234–246; Poerksen U. Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart, 1997.

² Tenfeld K. Adventus. Zur historischen Ikonologie des Festzugs // Historische Zeitschrift. 1982. H. 1. S. 58.

³ См.: Althoff G. Demonstration und Inszenierung. Spielregeln der Kommunikation in mittelalterlicher Öffentlichkeit // Frühmittelalterliche Studien. 1993. H. 1. S. 27–50; Cannadine D. Introduction: Divine Rites of Kings // Rituals of Royalty. Power and Ceremonial in Traditional Societies / ed. D. Cannadine, S. Price. Cambridge, 1987. P. 1–19; Hunt L. Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der Entwurf einer politischen Kultur. Frankfurt/Main, 1989; Ozouf M. Festivals and the French Revolution.

⁴ На эту тему см.: Bumke J. Höfische Kultur. Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. Frankfurt/Main, 1997. S. 276 ff.; Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchung. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Frankfurt/Main, 1995. Bd. 1. S. 75 ff.; Paulmann J. Pomp und Politik. S. 409 ff.; Wortman R. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995. P. 4 f.

⁵ См. на эту тему: Bourdieu P. Zur Soziologie der symbolischen Formen. Frankfurt/Main, 1974. S. 57 ff.; Idem. Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt/Main, 1996. S. 378 ff.

инсценировок производится в форме интерпретации «содержательной перспективы», по определению Хорста Венцеля. Расположение предметов на визуальных изображениях и в хореографии диктуется не только центральной пространственной перспективой, но и мизансценами, вытекающими из символической системы постановщиков и демонстрирующими статус представляемых¹. Таким образом, речь идет о необходимости декодирования принципов репрезентации и проникновения во внутренний мир современников с его «семантическим универсумом» — сначала тех, кто являлся производителем в культурной области².

Исследования придворных церемониалов Средневековья и раннего Нового времени сходятся в том, что власть не удовлетворяется самим фактом своего существования, а нуждается для своего представления и приятия, легитимации и стабильности в общественных инсценировках. В этом проявляется «реальность символов»³ и сила воздействия символизации. «Ритуал — не маска власти, а сама власть», — как сказал Давид Каннадин⁴.

Большевики, эксперты и демонстранты — о роли исполнителей и понятии власти

Праздники при диктаторских режимах сначала создаются, а потом отмечаются. Но любая организация праздников не может обойтись без исполнителей, если планируется нечто большее, чем просто воплощение фантазии постановщика праздничного действия. В этой книге в центре внимания находятся как те, кто проектировал и готовил «праздничные пространства», так и те, кто приходил на торжества⁵. Тем не менее вы вряд ли найдете в ней имена и лица хореографов, руководивших праздничными шествиями, и тех, кем они дирижировали. Мы пишем о безымянных действующих лицах. Постараемся прояснить этот парадокс.

Разгадка противоречия кроется прежде всего в самой группе исполнителей. Высокопоставленные партийные руководители не занимались всем комплексом вопросов, касавшихся организации

---

¹ Wenzel H. Repräsentation und schöner Schein am Hof // Höfische Repräsentation. Das Zeremoniell und die Zeichen / hrsg. von H. Ragotzky, H. Wenzel. Tübingen, 1990. S. 192.

² См., в частности: Eco U. Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen. München, 1991; Uspenskij B. A. Geschichte und Semiotik // Semiotik der Geschichte / hrsg. von B. A. Uspenskij. Wien, 1991. S. 6. В принципе также: Cassirer E. Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur. Hamburg, 1996. S. 267 ff., 297.

³ Schlögl R. Symbole in der Kommunikation. S. 21 ff., 31 ff.

⁴ Cannadine D. Introduction: Divine Rites of Kings. P. 19.

⁵ Ryklin M. Räume des Jubels. Totalitarismus und Differenz. Frankfurt/Main, 2003.

и проведения праздников. Они вряд ли выражали свое мнение по поводу существенных моментов их подготовки, хотя планы проведения праздников несомненно проходили через их руки и они регулярно проводили часы своего рабочего времени на трибунах. Следует выяснить, почему они это делали и почему называли массовые праздники «важным политическим актом».

Скорее всего, по части праздников многое (хотя и не все) действительно решали «кадры среднего звена», в честь которых Сталин любил произносить тосты. Это относится как к Москве, так и к провинции. Однако работники среднего и низового звена пропагандистского аппарата почти не фигурируют в архивных документах, и поэтому составить себе представление о них практически не удастся. В основном это неизвестные лица, следы которых теряются в источниковом материале¹.

Сомнительно, однако, чтобы поиски их следов и чтение личных дел дали приращение знания. Но именно на исполнителях в российских провинциях лежала основная тяжесть работы по воплощению в реальность общего плана, принятого в Москве. Работали они энергично и творчески, однако представляли собой лишь колесики большого механизма организации праздников, который без них не функционировал бы, т. е. были одновременно заменимыми и незаменимыми. Заменимыми как конкретные личности и незаменимыми как инстанция, насаждавшая праздничную культуру на местах.

Не менее трудно нарисовать более точный портрет многих экспертов по проведению праздников, работавших в Москве и Ленинграде. За исключением выдающихся и сравнительно влиятельных персон, таких, как А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, П. С. Коган или Н. И. Подвойский, имена авторов большинства праздничных методических разработок покрыты мраком неизвестности. В основном не прослеживается и их влияние на партийно-государственные органы, причастные к проведению праздников. Какие памятки по организации праздников читались членами праздничных комиссий и какие из них направлялись в провинции — также не подлежит реконструкции. Тем не менее эти методисты внесли свой вклад в дискурс по функциональным вопросам и эстетическим стандартам праздничных инсценировок. Здесь также можно отметить, что их личное влияние так же мало поддается оценке, как и их биографии. Но в любом случае они могли выражать свои представления в форме санкциони-

---

¹ О попытке реконструирования жизни такого анонима см.: Corbin A. Auf den Spuren eines Unbekannten. Ein Historiker rekonstruiert ein ganz gewöhnliches Leben. Frankfurt/Main, 1999.

рованных властями публикаций, которые становились затем фактором дискуссионного процесса.

Данное замечание не относится к тем, кто должен был физически заполнять «пространство ликования». Центральным предметом рассмотрения в этой книге являются массы участников праздничных торжеств и их место в праздничном производстве. Нас интересуют реализация, отвержение и/или принятие официального праздничного канона в процессе общественного взаимодействия. Лишь в отдельных случаях из «празднующей массы» или массы уклонистов удастся выделить конкретного человека, и то, как правило, в ситуациях, когда он контактирует с партийно-государственными инстанциями в роли охраняемого объекта, просителя или ходатая, доносчика или жалобщика. Но и в этих случаях дальнейшее расследование часто теряет смысл, поскольку такой фигурант лишь мелькает на страницах архивной документации, чтобы затем снова погрузиться в пучину истории. Поэтому часто мы не в состоянии дать детальную характеристику тех, кто в нашем исследовании приводится в качестве примера лишения права участия и/или допуска к участию в праздничных ритуалах режима.

Те рамки, в которых мы в состоянии что-либо узнать о поведении людей во время праздников, ограничиваются, как правило, их контактами с партийным государством. Спектр использованных исторических документов расширяют лишь некоторые дневники. Но они встречались нам, тем более в провинции, редко и часто фиксировали лишь впечатления автора от риторики режима. Некоторые авторы дневниковых записей, фиксировавшие свои наблюдения в связи с праздниками, будут представлены по ходу повествования. Оговоримся сразу, что таких ссылок будет немного. Систематические поиски дневников могут составить отдельный исследовательский проект.

Считаем, что в принципе следует распрощаться с мыслью о возможности написания истории праздничной культуры, неподвластной режиму, как более, так сказать, «правдивой»¹. Несомненно, было пространство, где людям удавалось отмечать свои праздники вдали от навязчивого внимания властей. Однако документальная база вряд ли откроет нам доступ к такого рода пространствам. А попытка реконструировать их сквозь призму режима, который выступал в отношении своих подвластных в качестве надзирателя, представляется бесперспективной. В лучшем случае удалось бы показать картину, увиденную глазами власти, а не сам подобный мир.

---

¹ Мысль о такой возможности пытаются внушить составители тома дневников: *Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalinzeit* / hrsg. von V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. Berlin, 1998.

Данная книга посвящена *советскому* празднику. То есть исключительно праздникам режима и отношениям в связи с ними между властвующими и подвластными. Такая категоризация нуждается в пояснении. В исследовании речь идет о «власти» и «обществе». Тем самым вводится дихотомия, которая в последнее время поставлена под сомнение. Во-первых, применять понятие «общество» к Советскому Союзу довольно затруднительно, если наполнить его тем содержанием, которое вкладывал в него Вебер. «Обобществление» как рационально мотивированное согласование интересов или объединение индивидов в условиях тоталитарной диктатуры было невозможно¹. Те зачатки гражданского общества, которые, возможно, имели место в клонившейся к закату царской империи, были уничтожены большевиками в годы революции и Гражданской войны. Но Макс Вебер, в отличие от некоторых его последователей, не заявлял монопольных претензий на толкование понятий. Можно понимать под «обществом» и нечто другое, чем нормативную модель. «Обществом» и «социальным взаимодействием» мы далее будем называть те коммуникационные пространства в Советском Союзе, где встречались люди, не принадлежавшие непосредственно к властному аппарату партийного государства. Это не значит, что не было формирующего влияния режима на эти коммуникационные пространства. Но это означает, что властный аппарат большевистской диктатуры и пространства социального взаимодействия людей в Советском Союзе не были тождественны друг другу. Эффективность властных дискурсов сдерживалась определенными пределами в реализации целого ряда коммуникативных актов, т.е. частично эти дискурсы поддерживались, принимались, преобразовывались или игнорировались. Коммуникационные пространства, существовавшие не отдельно от партийного государства, но лежавшие вне его непосредственного доступа, понимаются в данном исследовании как «общественные».

В многочисленных исследованиях и на конференциях с полным основанием была подвергнута сомнению дихотомия индивида и режима в Советском Союзе². Четкое разграничение таких сущностей,

---

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 21 ff., 212 ff. Насколько сильно действует «социализация» – по Веберу, форма социальных отношений, основанная не на «рационально мотивированном согласовании интересов», а на «субъективно ощущаемой (аффективной или традиционной) связи», – в процессе образования также демократического общества, не входит в предмет нашего рассмотрения. Сам Вебер указывал, что социальные отношения, как правило, представляют собой смешанную форму «социализации» и «обобществления» (с. 22).

² В качестве примеров назовем: Halfin I. *Terror in My Soul*. Cambridge, Mass., 2003. P. 96 ff.; Hellbeck J. *Fashioning the Stalinist Soul: the Diary of Stepan Podlubnyi (1931–1939)* // *Stalinism. New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 77–116; Kotkin S.

как «система» и «субъект», здесь вряд ли возможно. Слишком сильно дискурсивные установки, сформулированные «системой», воздействовали на индивидуальную артикуляцию «субъектов», пусть даже принужденных к коммуникации с «системой». Во многих контекстах, к которым относился также массовый советский праздник, система играла определяющую роль по отношению к субъекту, задавая ему правила поведения и самовыражения. «Истинной жизни», абсолютно не связанной с притязаниями и предложениями режима, наверняка не было.

Тем не менее представляется необходимым напомнить, что не следует путать установки режима с их исполнением. Существовали коммуникационные пространства, куда не проникали предписания и контролирующая рука режима, где сохраняли свое влияние другие — традиционные дореволюционные — дискурсы. Следует описать эти пространства на понятийном и концептуальном уровнях. В этой книге мы используем подходы истории повседневности, описывающей «жизненные миры», т.е. конкретные жизненные обстоятельства и бытовые ситуации, в которых пребывают индивиды. На уровне жизненных миров для индивида имеют значение и доступны для восприятия культурные действия и образцы; здесь они связаны с особенностями субъективного восприятия действующими лицами. Якобы «объективные» социальные образования — семья, органы власти, партийное государство и его праздники — только в жизненном мире становятся объектами чувственного восприятия, интерпретации, да и вообще реализованными феноменами¹. В жизненных мирах проходили проверку на жизнеспособность официальные, продиктованные сверху праздники, интерпретировались и переосмысливались нормативные положения, люди обдумывали альтернативные действия, принимали или отвергали предписанные праздничные образцы. Декретированная партийным государством праздничная культура лишь в этом контексте приобретала реальные очертания.

Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 198 ff.; Krylova A. Beyond the Spontaneity-Consciousness Paradigm: «Class Instinct» as a Promising Category of Historical Analysis // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 1. P. 1–23; Studer B., Unfried B. «Das Private ist öffentlich». Mittel und Formen stalinistischer Identitätsbildung // *Historische Anthropologie*. 1999. H. 1. S. 98.

¹ См., в частности: Raphael L. Diskurse, Lebenswelten und Felder: Implizite Vorannahmen über das soziale Handeln im 19. und 20. Jahrhundert // *Kulturgeschichte heute* / hrsg. von W. Hardtwig, H.-U. Wehler. Göttingen, 1996. S. 174 f. Такое представление о «жизненном мире» основывается на первоначальной концепции, которую разработали Альфред Шютц, Петер Бергер и Томас Лукманн. У последнего «жизненный мир» — это также «повседневный мир», толкуемый им как «действительность, понимаемая и объясняемая людьми и кажущаяся им имеющей смысл». См. также: Schütz A., Luckmann T. *Strukturen der Lebenswelt*. Neuwied, 1975.

Необходимо также поставить вопрос о мирах жизни тех индивидов, которые существовали вне властного аппарата и не входили в узкий круг партийной элиты или были интегрированы в традиционные контексты. Эти миры также не были отгорожены китайской стеной, за которую не могли бы проникнуть установки режима. Официальные установления были вынуждены, однако, пробивать себе дорогу в условиях, когда одновременно с ними действовали иные нормативные представления и альтернативные кодексы поведения. В ходе этого процесса официальные нормы подхватывались, присваивались и в то же время колонизировались, т. е. своеобразно (*eigensinnig*) переиначивались или находили творческое воплощение, гармонизируясь с иными нормативными ориентирами¹.

Но этот процесс поддается воспроизведению только при условии понятийного разделения властвующих и подвластных в системе отношений и коммуникации. Всеобъемлющее понятие власти, не знающее антипода, контрпродуктивно. Если «власть» везде, значит, она нигде². Вместо постулирования всеислия власти следует обратить внимание на ситуации, когда власти предрежащие в партийном государстве пытались быть услышанными подвластными им людьми в целом ряде социальных контекстов. Советский праздник и был

---

¹ Понятия «присвоение» и «своеобразие» взяты из концептуального словаря истории повседневности. «Присвоение» предполагает, что индивид в процессе практики приспособливает задаваемые ему образцы к своей повседневной рутине и, возможно (но не обязательно), претворяет их в интериоризованную норму, внося в нее свои нюансы и изменения. Часто присвоение носит «своеобразный», или своеобразный, характер в двойном смысле этого слова: официальные нормы наталкиваются на «сопротивление», затем совмещаются с иными образцами поведения и при этом получают свою смысловую нагрузку. См. на эту тему, в частности: Lüdtkе A. *Einleitung: Was ist und wer treibt Alltagsgeschichte? // Alltagsgeschichte: Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen* / hrsg. von A. Lüdtkе. Frankfurt/Main, 1989. S. 9–47; Idem. *Eigen-Sinn: Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus*. Hamburg, 1993; Idem. *Alltagsgeschichte – ein Bericht von unterwegs // Historische Anthropologie*. 2003. H. 2. S. 278–295.

² Как правило, такое понимание власти связано с ее толкованием, которое дает Мишель Фуко: власть не просто существует, но устанавливается в процессе дискурсов и практик и циркулирует в процессе коммуникации людей в разнообразных «соотношениях сил». В этой связи он говорит об «обусловливании власти». См., в частности: Foucault M. *Der Wille zum Wissen. Sexualität und Wahrheit*. Frankfurt/Main, 1997. Bd. 1. S. 113 ff. Тем самым Фуко постулирует такую концепцию власти, которая исходит из вездесущности власти, поскольку та перманентно генерируется во всех отношениях. Утверждение о повсеместной распространенности власти приводит, однако, к выхолащиванию самого понятия. «Бесконечное сомнение не является сомнением», – сказал Людвиг Витгенштейн. То же самое можно утверждать и о понятии: понятие, не знающее своего антипода, – не понятие. Для историка, по крайней мере, такая всеобъемлющая концепция власти неприменима.

одним из таких медиумов, с помощью которого власти стремились внедрить и реализовать свое господство. При этом им приходилось иметь дело с обществом, которое они воспринимали как антипод, обществом, в котором существовало множество праздничных культур и которое не просто так склоняло голову перед праздничным диктатом. Нет нужды писать историю менталитета, чтобы принять в качестве основной гипотезы многослойность культуры¹. Праздничные культуры сосуществовали, конкурировали между собой, влияли друг на друга и частично сливались в гибридные образования. История встреч этих культур является политической историей, поскольку и праздничное пространство, как медиум, показывает, как господство власть имущих преломлялось в жизненных мирах зависимых от власти людей.

Региональная история

Наряду с центром, т. е. Москвой, где устанавливались нормы и велся праздничный дискурс, в данной книге рассматриваются планирование и организация праздников в Воронежской и Новосибирской областях. Мы останавливаем свое внимание как на столичных городах этих регионов, так и на подведомственных им административных единицах и локальных центрах. Но нас интересует не само по себе описание праздников в Воронеже или Новосибирске, Павловске или Кемерово. Речь идет о примерах практической реализации праздничных программ в советской российской провинции. Подобный подход начинает играть также все более заметную роль в современных научных дебатах о месте региональных исследований. Под влиянием импульсов со стороны микроистории региональные историки стали видеть задачу своих штудий в том, чтобы делать обобщенные выводы, выходящие за рамки изучаемого региона. То есть регионы как объект исследования выступают здесь в качестве лакмусовой бумажки для проверки гипотез более общего порядка на конкретных единичных случаях².

---

¹ См., в частности: Ariès P. Die Geschichte der Mentalitäten // Die Rückeroberung des historischen Denkens / hrsg. von J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. Frankfurt/Main, 1994. S. 158 ff.; Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt/Main, 2000. S. 9 ff., 19 ff.; Vovelle M. Die Geschichtswissenschaft und die «longue durée» // Die Rückeroberung des historischen Denkens. S. 114, 121 f.

² См.: Flügel A. Chancen der Regionalgeschichte // Regionales Prisma der Vergangenheit. Perspektiven der modernen Regionalgeschichte (19./20. Jahrhundert) / hrsg. von E. Dillmann. St. Ingbert, 1996. S. 40 ff.; Hooek J. Regionalgeschichte als Methode. Das französische Beispiel // Kultur und Staat in der Provinz / hrsg. von S. Brakensiek, A. Flügel, F. Werner. Bielefeld, 1992. Bd. 2. S. 38 f. О микроистории см., в частности: Ginzburg C.

Тем не менее значительная часть региональной историографии по-прежнему руководствуется подходом, родившимся в период, когда еще писалась социальная история. Чаще всего историки дают комплексное описание социальных и культурных отношений в фокусе одного региона¹. Это относится также к исследованиям праздников, где была открыта региональная ниша. Работы, изучающие, к примеру, феномен праздника в его региональном аспекте, включая его место в немецком национальном движении XIX в., как правило, концентрируются на одном регионе, который исследуется в более широком плане. Праздник выступает здесь всегда как часть истории региона, хотя последняя увязывается с более общим контекстом образования национального государства².

Исторические исследования регионов России и Советского Союза пока только начинаются³. Данная книга не является региональным исследованием в традиционном смысле слова. На переднем плане стоят не регионы *sui generis*, а регионы как пробный камень в изу-

---

Mikro-Historie. Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiß // Historische Anthropologie. 1993. H. 1. S. 169–192; Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / ed. P. Burke. Pennsylvania, 1992. P. 93–113.

¹ Dillmann E. Sozialer Raum zwischen Mikro- und Makrohistorie. Versuch methodologischer Klärungen aus der Erfahrung regionalgeschichtlicher Arbeit // Regionales Prisma der Vergangenheit. S. 389 ff.; Flügel A. Der Ort der Regionalgeschichte in der neuzeitlichen Geschichte // Kultur und Staat in der Provinz. S. 1; Hinrichs E. Regionale Sozialgeschichte als Methode der modernen Geschichtswissenschaft // Regionalgeschichte, Probleme und Beispiele / hrsg. von E. Hinrichs, W. Norden. Hildesheim, 1980. S. 5.

² См.: Giebelmann R. Denkmal im sozialen Raum. Planung und Einweihung des Kaiser-Wilhelm-Denkmal 1888–1896 // Das Kaiser-Wilhelm-Denkmal 1896–1996 / hrsg. von B. Lissner. Bielefeld, 1998. S. 25–42; Laube S. Fest, Religion und Erinnerung; Schneider U. Politische Festkultur in 19. Jahrhundert. Die Rheinprovinz von der französischen Zeit bis zum Ende des ersten Weltkrieges (1806–1918). Essen, 1995; Wienfort M. Bürgerliche Kultur im monarchistischen Staat.

³ См.: Goehrke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte: Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung // Forschungen zur europäischen Geschichte. 1978. № 25. S. 77. К настоящему времени уже вышли некоторые работы по различным регионам советской империи. См., в частности: Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003; Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002; Kotkin S. Magnetic Mountain; Raleigh D. J. Revolution on the Volga. 1917 in Saratov. Ithaca, 1986. Активизировали свою работу также российские исследователи региональной истории. См., в частности, сборники Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, далее сокращенно – СО РАН), напр.: Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века / под ред. Н. Н. Аблажей, С. С. Букина. Новосибирск, 2001; Сибирская провинция и центр: Культурное взаимодействие в XX веке / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 1997.

чении вопроса более высокого уровня — отношений между центром и периферией и процессов «внутренней советизации» РСФСР.

На примерах Воронежа и Новосибирска, Росоши и Кемерово мы стремимся найти ответ на вопрос, приживалась ли официальная праздничная культура, декретированная в Москве, в региональных и локальных контекстах, и как это происходило¹. При этом в поле нашего зрения оказываются отношения между центром и периферией по линии партийного аппарата как планирующей инстанции. Таким образом, в книге исследуется в культурно-историческом аспекте тема, которая до сих пор рассматривалась прежде всего с точки зрения зарождения Большого террора². Как осуществлялась коммуникация между московским центром и столицами регионов? Как во всесоюзном масштабе происходила стандартизация? Насколько регионально-специфическое сопротивлялось подобным попыткам унификации? Региональные контексты истории советских праздников представляют особый интерес еще и потому, что позволяют пролить свет на то, как в условиях, пока провинциальный партийно-государственный аппарат еще был институционально недоразвит, пробивал себе дорогу централистский диктат в праздничной сфере, как он накладывался на традиционные праздничные формы и какие территории на огромных пространствах РСФСР не были или были недостаточно охвачены советскими праздничными мероприятиями. В этом отношении следует ожидать иных результатов, чем в исследованиях, посвященных более близкой к эпицентру власти Москве³.

Львиная доля источникового корпуса нашего исследования описывается поэтому на фонды региональных архивов Воронежской и

---

¹ Краткий портрет Воронежа и Новосибирска с примыкающей к ним региональной территорией мы даем в главе «Праздник как практическое явление культурной жизни».

² См., в частности: Baberowski J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München, 2003. S. 160 ff., 188 ff.; Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge, 1990. P. 217 ff.; Harris J. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, 1999; Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941 / ed. E. A. Rees. Houndmills, 2002.

³ Одну из первых работ в этом направлении написала о праздниках при Сталине Карен Петроне. В своем исследовании она сфокусировала внимание на Москве периода 1935–1937 гг. Касаясь локальных контекстов, она опирается на очень ограниченный фонд московских архивных материалов. При этом локальные мероприятия подаются только в восприятии Москвы. Деятельность и взаимодействие местных исполнителей остается вне поля зрения исследователя. История, написанная Петроне, в результате предстает как история дефицитов, провинция — это средоточие бедности, отсталости и потенциального саботажа — всего того, что вызывало подозрения Москвы. Региональный и локальный взгляды на провинциальное неблагополучие в исследовании отсутствуют. См.: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades».

Новосибирской областей¹. Ясно, что в основном использовались документы, написанные комиссиями партийно-государственного аппарата по проведению праздников. Это относится к документам провинциального уровня, так же как к написанным в Москве². Советский праздник планировался в центре. В документах отражаются отношения между различными уровнями учреждений, занимавшихся организацией праздников; к ним стекалась вся широкая переписка, возникавшая в связи с конкретным праздником. Представления и взгляды организаторов советских праздников по поводу содержания, пользы празднований излагаются прежде всего в методических разработках. В 1920–1930-е гг. существовало множество публикаций, авторы которых считали себя специалистами по проведению праздников и создавали дидактические руководства, посвященные пропагандистской и воспитательной функции массовых праздников. Эстетический аспект советских празднеств отражен в многочисленных источниках. О «массовом орнаменте»³ в качестве праздничной инсценировки свидетельствуют газетные сообщения, а также описания праздников, фотографии, плакаты и картины. Однако найти ответ на вопрос о том, находили ли подобные инсценировки отклик у людей, которые должны были заполнить в качестве демонстрантов «пространство ликования»⁴, и если да, то какой, в этих источниках не представляется возможным. Приходится привлекать разного рода личные высказывания⁵. Они есть в письмах и жалобах, хранящихся в региональных архивах, или в дневниках, часть которых уже опубликована.

До сих пор историки мало занимались изучением советских массовых праздников в период 1917–1941 гг. на базе архивных докумен-

---

¹ В Воронеже: Государственный архив Воронежской области (ГАВО) и Центр документов новейшей истории Воронежской области (ЦДНИВО). Подробный перечень всех цитированных фондов приводится в приложениях. В Новосибирске: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Бывший Партийный архив Новосибирской области (ПАНО) в настоящее время объединен с государственным архивом. В Кемерово и Новокузнецке: Государственный архив Кемеровской области (ГАКО) и его новокузнецкий филиал – Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (НФГАКО). Бывшие партийные архивы Кемерово и Новокузнецка также слились в государственный архив. Здесь фонды обозначаются разными литерами – П. для бывшего партийного архива и Р. для государственного архива, чтобы избежать дублирования номеров. В данной работе мы придерживаемся этой маркировки.

² В Москве: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

³ Kracauer S. *Das Ornament der Masse*. Frankfurt/Main, 1977.

⁴ Ryklin M. *Räume des Jubels*.

⁵ См.: Schulze W. *Ego-Dokumente: Annäherungen an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung «Ego-Dokumente» // Ego-Dokumente. Annäherungen an den Menschen in der Geschichte / hrsg. von W. Schulze*. Berlin, 1996. S. 21.

тов. Обозревая исследовательский ландшафт, нетрудно увидеть в нем белые пятна. В принципе можно сказать, что в сравнении с другими смежными полями исследования изучение советских праздников находится в самом начале — в отличие от изучения архитектуры, литературы или кино. Кроме того, различные периоды времени изучены весьма неравномерно. Исследовался прежде всего ранний послереволюционный период, в сравнительно меньшей степени — 1920-е гг.¹ Очень малое число историков обращалось к декаде Великого перелома и предвоенного сталинизма². История, которая прослеживала бы советский праздник в его развитии от революции до Второй мировой войны, не говоря уже о более позднем периоде, пока вообще не написана. Из этого исходит наше исследование. В нем описываются организация и проведение советских праздников в 1920–1930-е гг. в их устоявшейся форме и эволюции, а их развитие рассматривается в более долгосрочной исторической перспективе.

Большинство опубликованных исследований отличается узостью также в пространственном отношении. Лишь в некоторых работах описываются праздничные советские мероприятия за пределами таких крупных городских центров, как Петроград/Ленинград и Москва. Исследования, включающие также «провинциальный ландшафт»³, ограничиваются изучением только первой послереволюционной декады⁴. Как осуществлялась организация праздников на региональ-

---

¹ Charterjee C. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939*. Pittsburgh, 2002. Chaps. 1, 3; Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*; Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998; Plaggenborg S. *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*. Köln, 1996. S. 258–288; Schlögel K. *Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne, Petersburg 1909–1921*. Berlin, 1988. S. 353–390; Stites R. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York, 1989. P. 225–249.

² Chatterjee C. *Celebrating Women*. P. 135 ff.; Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». В этой связи следует назвать также исследования Кристел Лейн, Кристофера Биннса и Розалинды Сарторти, написанные, правда, без изучения архивных материалов. См.: Binns C. *The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. I* // *Man*. 1979. Vol. 14. № 4. P. 585–606; Lane C. *The Rites of Rulers; Sartorti R. Stalinism and Carnival: Organization and Aesthetics of Political Holidays* // *The Culture of the Stalin Period* / ed. H. Guenther. Houndmills, 1990. P. 41–77.

³ *Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power 1917–1953* / ed. D. J. Raleigh, Pittsburgh, 2001.

⁴ Altrichter H. *Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung*. München, 1984. S. 101 ff.; Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War. Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, 2002. P. 216 ff.; Нарский И. В. *Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М., 2001. С. 430 и сл.

ном и местном уровнях в период первых трех пятилеток, пока в значительной степени остается terra incognita.

Наконец, у большинства работ о праздниках в Советском Союзе можно отметить методическую ограниченность. В редких случаях советский праздник понимается как коммуникационное пространство, в рамках которого встречаются, воспринимают друг друга и воздействуют друг на друга режим и его подданные. Именно эту тему поднимает данная книга.

Следует отметить, что советская праздничная культура возникла не с нуля и не на пустом месте. Ей пришлось иметь дело с пестрым праздничным ландшафтом, который существовал в дореволюционной царской России. И она продолжала традиционные линии, уходившие в глубь времен далеко за пределы 1917 г. Об этой предыстории и предшественниках пойдет речь в следующей главе.

Часть I
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
И ПРЕДЫСТОРИЯ

ПРАЗДНИКИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

«За недостатком времени я решил [...] пробыть в столице России только пять дней; но, к несчастью, мы прибыли аккурат к началу длинной череды [...] праздников и поэтому смогли посвятить своим делам только четыре дня из десяти»¹. Это строки из дневника Джорджа Кеннана, которые он написал во время своего путешествия из Петербурга в Сибирь в 1885 г. В них отражается значение праздников в общественной жизни страны на исходе XIX в. Палитра праздников в Российской империи была весьма богата. Наряду с государственными праздниками императорского двора и крестными ходами православной церкви проводились ритуальные торжества стремившегося к самостоятельному представительству городского сословия и рабочего движения. Земледельческие циклы праздников соседствовали с празднествами, которые устраивались дворянскими обществами. У каждого этнического и религиозного сообщества существовали собственные поводы для празднования и праздники. Праздничная культура Российской империи была столь же многослойной, как и сама многонациональная империя, и включала большое число фрагментов. Различные сферы этой культуры частично пересекались, но в целом существовали разрозненно.

Это расслоение праздничной культуры царской России по праву рассматривается как *terra incognita*². Чтобы получить представление

---

¹ Kennan G. ...und der Zar ist weit: Sibirien 1885. Berlin, 1975. S. 17 ff.

² Häfner L. Städtische Eliten und ihre Selbstinszenierung. Die Dreihundertjahrfeier Saratovs 1891 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. H. 1. S. 18. В центре внимания исследователей до сих пор находились праздники и праздничные мероприятия царей. См., в частности: Цимбаев К. Российская юбилейная культура как объект истории опыта // *Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История*. 2002. № 1. С. 138–142; Kasinec E., Wortman R. The Mythologie of Empire: Imperial Russian Coronation Album // *Biblion: The Bulletin of the New York Public Library*. 1992. Vol. 1. № 1. P. 77–100; Wortman R. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995; Vol. 2. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2000. Благодарю Константина Цимбаева за рекомендации по поводу литературы.

о формах различных праздничных культур и их взаимоотношениях, представляется целесообразным более подробно остановиться на коротком отрезке времени с начала нового столетия до Первой мировой войны, вместившем череду отмечавшихся с большой «помпой» крупных юбилейных торжеств российской монархии¹. Основания для фокусирования внимания на первом десятилетии XX в. дают не только исследовательская база, но и то обстоятельство, что здесь сталкиваются и вступают между собой в конфликт различные праздничные культуры, представляющие собой конкурирующие формы репрезентации. Несоответствия между отдельными составляющими праздничной культуры России здесь наиболее очевидны.

В то же время период с 1903 по 1913 г. представлял собой некий сдвиг в организации праздников в Российской империи, так как современные технические средства все больше оказывали влияние на драматургию праздничных действ и позволяли охватывать более широкие массы. Крупные монархические юбилеи и многочисленные альтернативные и конкурирующие праздничные мероприятия этого исторического отрезка могут, кроме того, рассматриваться как ранняя фаза становления в дальнейшем советских мастеров обрядово-праздничной культуры. Постановка и проведение императорских праздников, свидетелями которых были художники и театральные деятели, увлекали или отталкивали прежде всего этот слой общества, а не большевистских вождей, проводивших большую часть рассматриваемого десятилетия в эмиграции или ссылке. Именно первым суждено было стать теми, кто определял характер массовых советских праздников в первые послереволюционные годы.

Крупные юбилейные события — 200-летие основания Санкт-Петербурга (1903 г.), 200-летие Полтавской битвы (1905 г.), 100-летие Бородинской битвы (1912 г.) и как кульминация этого помпезного праздничного цикла — 300-летие династии Романовых в 1913 г. основывались на старинной церемониальной традиции демонстрации царского господства и державного величия. В то же время они являлись новой формой представления царского трона общественности, когда император Николай II становился в один ряд с монархами, которые были заглавными фигурами праздничных мероприятий, отмечавшихся на рубеже столетий².

---

¹ Формулировку см.: Paulmann J. *Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg*. München, 2000.

² См.: Cannadine D. *The Context, Performance and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the «Invention of Tradition», c. 1820–1977* // *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 133 ff.; Paulmann J. *Pomp und Politik*. S. 337 ff.; Röhl J. C. G. *Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik*. München, 1988. S. 78 ff., 136 ff.

Традиции подобных форм самопрезентации монархии в рамках парадных общественных мероприятий восходят к Петру Великому. Насколько он был обновителем России, можно спорить, но календарь и формы праздников императорского двора он в значительной степени адаптировал к представительским стандартам западноевропейских монархий. Это означало не столько «секуляризацию» праздничного канона, ибо религиозное обоснование государственной власти продолжало действовать¹, несмотря на второстепенную роль церковных иерархов в устройстве праздников, сколько введение Петром нового порядка презентации императорской власти, при котором речь шла о легитимации монархического правления и который просуществовал до XX столетия, неизменно служа образцом последующим поколениям².

Эта театральность в представлении империи лишь при Николае II вступила в противоречие с его интерпретацией роли императора как хранителя и умножителя земли русской и всего русского.

Десятилетие с 1903 по 1913 г. не означало перелома в царской праздничной традиции, однако обнаружило невиданную до тех пор насыщенность, а также открытость торжеств по отношению к использованию средств зарождавшейся массовой культуры. Подобно другим европейским монархиям, изобретавшим и популяризовавшим свои традиции, во время празднования государственных и батальных юбилеев Российской империи применялись или допускались такие формы медиализации власти, которые ранее были немыслимы. Все еще действовал запрет на изображение личности царя в оперных и театральных постановках, но на заре нового столетия допускалось все больше исключений из этого правила³. По случаю празднования тронного юбилея Дома Романовых в 1913 г. запрет окончательно пал⁴. Отныне изображения царского семейства стали появляться на денежных знаках, коробках конфет, юбилейных почтовых открытках

---

¹ Hughes L. The Petrine Year: Anniversaries and Festivals in the Reign of Peter I (1682–1725) // *Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century* / ed. K. Friedrich. Lewiston, 2000. P. 164; Uspenskij B. A. Zar und Gott, Semiotische Aspekte der Sakralisierung des Monarchen in Russland // *Semiotik der Geschichte* / hg. von B. A. Uspenskij. Wien, 1991. S. 158 ff.; Wittram R. Peter I., Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 170 ff.

² Ричард Вортман пишет, что восшествие на престол нового царя было сопряжено с демонстрацией его характерного стиля правления. Утверждение имперской власти и «эпическая драма завоевания мира» были, однако, константами, которые пережили столетия. Wortman R. *Scenarios of Power*. Vol. 1. P. 6.

³ См: Swift E. A. *Popular Theater and Society in Tsarist Russia*. Berkeley, 2002. P. 98 ff.; Зорграф Н. Г. *Малый театр в конце XIX – начале XX века*. М., 1996. С. 573.

⁴ Wortman R. *Scenarios of Power*. Vol. 2. P. 484.

и головных платках¹, а Николай II позволял снимать себя на кино- и фотопленку². Новые изобразительные формы соответствовали стремлению монарха сделать юбилейные спектакли достоянием общест-венности. Уже по случаю памятных дат 1908 и 1912 гг. юбилей-ные комиссии организовали инсценировки битв в исторических мес-тах и другие пышные торжества, в которых участвовал Николай II, демонстративно общаясь с солдатами, депутациями и другими участ-никами торжеств³.

В эпоху революционных событий и постоянной опасности тер-роризма, после трагических эксцессов во время празднования коро-нации Николая все это были весомые и хорошо продуманные шаги царя в атмосфере все более разгоравшейся борьбы за общественное мнение⁴.

Торжества по случаю тронного юбилея 1913 г. превзошли все, что было раньше⁵.

С февраля по июнь проходили различные празднества, включая массовые шествия, выходы царя, пышные богослужения и крестные ходы, придворные балы, но самое главное — поездку императора по стране. Николай II вместе со своей семьей нанес визиты в волж-ские города, связанные с восхождением династии Романовых, посетил сначала Владимир и Нижний Новгород, а затем прибыл на специаль-но построенной флотилии в Кострому и Ярославль⁶. Царь побывал в нескольких монастырях и встретился с избранными посланцами «народа русского». В центре юбилейного сценария находилось миро-понимание самого самодержца. Его вера в существование сердечного союза между царем и русским народом, основанного на взаимной любви, но прежде всего — на уважении и поклонении народа, каза-лось, находила здесь свое подтверждение. Впечатление, оставшееся

---

¹ Kaufmann I. Das dreihundertjährige Jubiläum des Hauses Romanov – Russland 1913: unveröffentlichte wissenschaftliche Hausarbeit. Freie Universität Berlin, 1996. S. 68 ff.

² Ibid. S. 64 ff.; Wortman R. Scenarios of Power. Vol. 2. P. 485 ff.

³ Schneider K. 100 Jahre nach Napoleon – Russlands gefeierte Kriegserfahrung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. № 49. H. 1. S. 45; Цимбаев К. Полтаве – 200 лет // Родина. 1999. № 12. С. 138–142.

⁴ Во время празднования коронации на Ходынском поле в Москве в 1896 г. произошли массовые беспорядки, во время которых было задавлено насмерть более тысячи человек. См.: Ferro M. Nikolaus II. Der letzte Zar. Eine Biographie. Zürich, 1991. S. 54.

⁵ Детали см.: Figes O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891 bis 1924. Berlin, 1998. S. 31 ff.; Kaufmann I. Das dreihundertjährige Jubiläum des Hauses Romanov; Wortman R. «Invisible Threads». The Historical Imagery of the Romanov Ter-centenary // Russian History/Histoire Russe. 1989. Vol. 2. № 4. P. 389–408; Wortman R. Scenarios of Power. Vol. 2. P. 439 ff.

⁶ Wortman R. «Invisible Threads». P. 403 ff.

у царя от этого знакомства с «исконной Россией», усилило его недоверие к бюрократии и ко всем промежуточным политическим инстанциям, которые, как он полагал, вбивали клин между властителем и народом¹.

Праздничный цикл завершился крупной торжественной церемонией в Москве, состоявшейся в мае, и возвращением в Царское Село в июне. Достаточно посмотреть на пребывание императора в Москве, чтобы ясно увидеть стремление монарха к интеграции общества посредством избранной модели празднования. Празднества включали элементы придворного церемониала, парадной традиции, церковных обрядов и дворянских балов, а также народных гуляний, хотя последние проводились на местах с учетом печальных событий во время коронации Николая II и беспокойной политической обстановки. Тронный юбилей был своего рода произведением искусства, объединившим разнообразные праздничные формы и подчинившим их центральной фигуре царя. Многообразие торжеств концентрировалось вокруг личности государя. Николай II находился в фокусе праздничной постановки, он лично определял круг допущенных к празднованию².

Но такая фиксация на фигуре царя обнаруживала хрупкость всей инсценировки и слабость лежавших в ее основе интегративных усилий. Внутренняя иерархия празднующего сообщества, а также его внешние очертания зависели от царской драматургии и воли. С одной стороны, государь приветствовал организацию в Петербурге торжественного шествия представителей праворадикальных политических сил в лице «Союза русского народа»³. С другой — депутаты Государственной думы были исключены из состава праздничного сообщества: например, отсутствие приглашения членам Московской городской думы представляло собой прямой вызов общественности⁴. В этом жесте лишний раз проявилось пренебрежительное отношение Николая II к Думе, демонстративно выраженное им уже при ее

---

¹ Figes O. *Die Tragödie eines Volkes*. S. 35; Hellberg-Hirn E. *Imperial Places and Stories // Imperial and National Identities in the Pre-Revolutionary, Soviet and Post-Soviet Russia* / eds. C. J. Chulos, J. Remy. Helsinki. 2002. P. 27.

² Kaufmann I. *Das dreihundertjährige Jubiläum des Hauses Romanov*. S. 117 ff. См. также: Engel C. *Mazurka razdalas'... Erzähl- und Motیفfunktionen von Ballszenen in der russischen Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts // Prazdnik. Von Festen und Feiern in den slavischen Literaturen* / hg. von A. Leitner, D. Burkhart. Frankfurt/Main, 1999. S. 35 ff.; Figes O. *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*. New York, 2002. P. 108 ff.; Lotmann Ju. M. *Rußlands Adel. Eine Kulturgeschichte*. Köln. 1997. S. 94 ff.

³ Wortman R. *Scenarios of Power*. Vol. 2. P. 460. См. также: Löwe H.-D. *Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right. 1900–1914 // The Slavonic and East European Review*. 1998. Vol. 76. № 3. P. 441–466.

⁴ Wortman R. *Scenarios of Power*. Vol. 2. P. 477.

открытии в 1906 г.¹ Московские промышленники также оказались в числе лишенных привилегий при проведении юбилейных церемоний. Подобное уже случилось ранее в Петербурге с председателем Думы во время богослужения в Казанском соборе. Однако все они выступили с решительным протестом и сумели отстоять свое право на подобающее место среди приглашенных². Такая борьба за достойное участие в праздничных церемониях, несомненно, свидетельствует о неблагополучном состоянии связей между властителем и его подданными.

Еще более резко, чем представителей политических кругов и промышленности, ограничения коснулись городского рабочего люда. Страх бюрократии перед беспорядками, покушениями и протестными мероприятиями заставил ее пойти на жесткие меры контроля за всеми сопровождавшими юбилей городскими празднествами. Проявления верноподданнических настроений в форме инициированных государством манифестаций после революции 1905 г. уже были немыслимы. Массовая демонстрация, организованная в 1902 г. начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым, казалась в 1913 г. слишком опасным мероприятием³. Вместо нее в феврале в Петербурге были предусмотрены только местные народные гуляния, чтобы предотвратить массовые скопления бедноты в городском центре. Во время праздничных мероприятий в городе был введен усиленный режим полицейского контроля, а по улицам патрулировали военные наряды⁴. Таким образом, возросший численно городской рабочий класс оказался за бортом официальных празднеств. Встречи царя с «народом» носили скорее характер преклонения перед стилизованным древним миром святой деревенской Руси и отразили игнорирование им процессов бурной индустриализации и связанных с ней социальных сдвигов, произошедших за последние три десятилетия. Законными представителями «народа» Николай II признавал только сельских старост. Таким образом, «общество в динамике»⁵ в императорских праздничных постановках отражения не нашло. Задуманные как наглядная демонстрация гармоничных отношений между государем и народом, они, напротив, вскрывали кризис доверия к монархии.

---

¹ Wortman R. *Scenarios of Power*. Vol. 2. P. 401 ff.

² Figs O. *Die Tragödie eines Volkes*. S. 37 ff.

³ См., в частности: Rogger H. *Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881–1917*. London, 1983. P. 115 ff.; Thurston R. W. *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914*. New York, 1987. P. 105 ff.

⁴ Kaufmann I. *Das dreihundertjährige Jubiläum des Hauses Romanov*. S. 80 ff.; Wortman R. *Scenarios of Power*. Vol. 2. P. 459 ff.

⁵ *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia* / eds. S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, 1994.

Именно этот кризис породил и целую вереницу празднования юбилеев на протяжении долгого десятилетия. С помощью помпезных торжественных церемоний императорский дом стремился создать новые формы оправдания своей легитимности в меняющихся общественных условиях. Торжества подавали в выгодном свете исторический фундамент царизма и старались показать, насколько тесно судьба империи была связана с личностью самого царя. Опора на традиции и подчеркивание роли самодержца в «судьбоносные моменты» державной истории, которым посвящались юбилейные торжества, были призваны убедить общественность в том, что и в переживаемый кризисный период только у царя есть и авторитет, и полномочия, чтобы вершить дела во благо империи. Такая фиксация юбилейных спектаклей на личности высочайшей особы означала недвусмысленный отпор всяческим поползновениям общественных сил к политическому представительству и соучастию в государственных делах. Вынос торжественных мероприятий на подмостки общественной жизни преследовал цель установления, демонстрации и одновременно укрепления непосредственных и, как полагалось, более «истинных» отношений между царем и «народом» в обход всех промежуточных инстанций. Режиссеры праздничных мероприятий в окружении царя придавали юбилейным торжествам значение факторов прямого действия по сплочению общества, призванных помочь в преодолении переживаемого империей кризиса.

В глазах сторонних наблюдателей того времени крупные юбилейные торжества последней предвоенной декады, проводившиеся от имени монархии, не выполнили этой миссии. В либеральной прессе доминировали критические оценки празднования 300-летия в 1913 г., которые были связаны также со знаковыми оскорблениями, нанесенными в ходе церемоний стоявшим за нею кругам¹. Критика со стороны революционного движения была гораздо резче, что совсем неудивительно. Праздничная дата именовалась в этих кругах «юбилеем позора», а самодержец получил титул чужеземного владыки. Блеск праздничных мероприятий смог произвести впечатление только на самого царя, его верное окружение и иностранных наблюдателей. Пропасть, зиявшую между царским двором и широкими слоями общества, уже не могли скрыть никакие ухищрения².

Буржуазно-либеральные наблюдатели могли позволить себе критическую дистанцию по отношению к юбилейным торжествам

---

¹ Schlögel K. Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921. Berlin, 1988. S. 355.

² Kaufmann I. Das dreihundertjährige Jubiläum des Hauses Romanov. S. 134.

не только потому, что царская цензура предоставляла им определенную свободу действий¹, но и потому, что за последние десятилетия буржуазные круги накопили собственный опыт организации праздников. С 1880-х гг. в обществе начала развиваться буржуазная праздничная культура, которая, правда, была ограничена лишь некоторыми городами европейской части империи. Говорить о проявлении признаков «гражданского общества» ввиду ограниченности сословного городского представительства и организации в данном контексте не приходится². Тем не менее на суженном городском пространстве в буржуазно-мещанской среде наблюдались попытки самовыражения, при которых праздники, подобно литературе или другим формам социального и культурного взаимодействия, выполняли важную роль, поскольку политическая активность еще находилась в тесных рамках дозволенного.

Соответственно высоко котиrowались юбилеи городов, открытия памятников и освящение городских учреждений, а также сопутствовавшие им праздники, служившие на рубеже двух столетий способом самовыражения городской знати. Сооружение памятника Александру Пушкину в Москве в 1880 г. и 300-летие города Саратова в 1891 г. дают представление об этой постепенно складывающейся

---

¹ См.: Hagen M. Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland 1906–1914. Wiesbaden, 1982. S. 102 ff.; Idem. Obshchestvennost': Formative Changes in Russian Society Before 1914 // Die Russische Freiheit. Wege in ein paradoxes Thema / hg. von M. Hagen. Stuttgart, 2002. S. 127 ff.

² Критику констатации развития гражданского общества в России до 1914 г. см., в частности: Baberowski J. Die Entdeckung des Unbekannten: Russland und das Ende Osteuropas // Geschichte ist immer Gegenwart. Vier Thesen zur Zeitgeschichte / hg. von J. Baberowski u. a. Stuttgart, 2001. S. 17 ff.; Beyrau D. Russland und Europa // Reformen im Russland des 19. und 20. Jahrhunderts. Westliche Modelle und russische Erfahrungen / hg. von D. Beyrau, I. Čičurov, M. Stolleis. Frankfurt/Main, 1996. S. 22 f. Сторонники этой констатации: Hildermeier M. Rußland oder wie weit kam die Zivilgesellschaft? // Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West. Begriffe, Geschichte, Chancen / hg. von M. Hildermeier, J. Kocka, C. Conrad. Frankfurt/Main, 2000. S. 136 ff.; Bradley J. Voluntary Associations, Civil Culture, and *Obshchestvennost'* in Moscow // Between Czar and People. Educated Society in Pre-revolutionary Russia / eds. E. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. Princeton, 1991. P. 134 ff. (несколько критически); Rieber A. J. The Sedimentary Society // Between Czar and People. P. 343–366. Гвидо Хаусман справедливо замечает в этой связи, что не следует писать чистую «историю дефицитов» общества царской России, сравнивая его с Западной Европой. Необходимо обращаться к исторически сложившимся особенностям России и объяснять их своеобразие, исходя из контекста: Hausmann G. Stadt und Gesellschaft im ausgehenden Zarenreich // Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches / hg. von G. Hausmann. Göttingen, 2002. S. 15 ff. Однако весьма сомнительно, что при этом уместно оперировать такими нормативными понятиями, как «гражданское общество».

ся праздничной культуре¹. Комитеты по организации празднований, куда входили высокопоставленные лица из числа почетных граждан, планировали торжества, стоившие к тому же немалых финансовых затрат. Праздники городской элиты являлись актами ее самовыражения в роли культуризаторов в глазах общественности. Будучи сословной группой с далеко идущими амбициями, она считала подобные инсценировки достойными довольно значительных вложений. При этом ей приходилось иметь дело с государственной цензурой, воплощавшей недоверие государства к общественным инициативам². Буржуазная праздничная культура могла в этих условиях развиваться только параллельно государственной, отнюдь не смиряясь с таким положением вещей и постоянно добиваясь официального признания. Откровенные славословия в адрес царя в ходе саратовских празднеств 1891 г. были проявлением готовности к интеграции с властным режимом³. Праздники городского сословия России до 1861 г., в отличие от манифестаций бюргерства многих немецких королевств, герцогств и княжеств, не представляли собой альтернативных мероприятий, вдохновляемых оппозиционным мышлением. Но ввиду притеснений и маргинализации со стороны властей они являли собой некое выражение «общественного подъема»⁴, стремления общества освободиться от автократической опеки⁵. Во всяком случае праздничные мероприятия городского сословия вписывались в праздничную культуру Российской империи в качестве самостоятельного фрагмента.

С меньшими трудностями сталкивалась в культивировании своих праздников Русская православная церковь. Более того, примечательно, насколько значительной была литургическая составляющая прежде всего монархических торжеств, а также, пусть и в меньшей степени, праздничных событий городского сословия. Пышность православной литургии, обширный календарь церковных праздников и тщательное его исполнение являлись в послереволюционные годы постоянным предметом большевистской контрпропаганды, а ослепи-

---

¹ Детали см.: Häfner L. *Städtische Eliten und ihre Selbstinszenierung*; Hausmann G. *Stadt und Gesellschaft im ausgehenden Zarenreich*. S. 73 ff.; Klotchkov K. *Der lange Weg zum Fest. Die Geschichte der Moskauer Stadtgründungsfeier 1847 bis 1947*. Berlin, 2005; Levitt M. C. *Russian Literary Politics and the Pushkin Celebrations of 1880*. Ithaca, 1989. P. 59 ff. В целом же в этой области ощущается потребность в научных исследованиях.

² Häfner L. *Städtische Eliten und ihre Selbstinszenierung*. S. 20.

³ Ibid. S. 34. См. также: Hosking G. *Russland. Nation und Imperium 1552–1917*. Berlin, 2000. S. 340 ff.

⁴ *Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spätphase des Zarenreiches* / hg. von H. Haumann, S. Plaggenborg. Frankfurt/Main, 1994.

⁵ Häfner L. *Städtische Eliten und ihre Selbstinszenierung*. S. 34 ff.; Levitt M. C. *Russian Literary Politics and the Pushkin Celebrations of 1880*. P. 90.

тельный «блеск» церковных богослужений вызывал и откровенную зависть¹. Даже если не соглашаться с интерпретацией церковных ритуалов как средства манипуляции сознанием темных масс, то к констатации того, что православная церковь, следовавшая византийской традиции, имела в своем распоряжении чрезвычайно богатый обрядово-праздничный канон, нам нечего добавить.

Важнейшей составной частью праздничной культуры России были прежде всего многочисленные церковные праздники. Общее количество официальных воскресных и праздничных дней в году, во время которых общественность могла лицезреть крестные ходы, к концу XIX в. перевалило за 90². Дополнительно в каждом регионе и каждом населенном пункте, а также в каждой социальной группе отмечались праздники своих святых. В этом случае следует отметить сочетание народной традиции и церковного праздничного канона, между которыми не существовало жестких разграничений. Смещение официально санкционированных и «произвольных» — проистекающих из народных поверий и суеверий — праздничных поводов и форм в особой степени было характерно для празднования церковных календарных праздников в крестьянской среде. В праздничной культуре сельских низов праздничные даты и обряды образовывали неразрывный сплав, имевший, правда, значительные региональные различия. Элементы изначально деревенской праздничной культуры вместе с многочисленной рабочей миграцией во второй половине XIX в. переносились и в города и существенно влияли на праздничные обычаи городских низов, невзирая на веяния индустриальной эпохи³.

Согласно сельской традиции, праздничные события отмечались коллективно всей деревенской общиной. Главные праздники православного календаря, а также важные сезонные праздники и центральные *rites de passage* — крестины, свадьбы или похороны — растягивались на несколько дней и довольно часто длились целую неделю⁴.

---

¹ Крупская Н. К. Работница и религия // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 136; Trotzki L. Schnaps, Kirche und Kino // Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Dortmund, 1977. S. 49 ff.

² Dunn S. P., Dunn E. The Peasants of Central Russia. New York, 1967. P. 28 ff.; Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo, 1741–1932. Göttingen, 1999. S. 526; Mironov B. N. Work and Rest in the Peasant Economy of European Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries / ed. I. Blanchard. Stuttgart, 1994. P. 55 ff.

³ Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. S. 546 ff.

⁴ Herlihy P. The Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking // Russian Review. 1991. Vol. 50. № 2. P. 133 ff.; Mironov B. N. Work and Rest in the Peasant Economy... P. 57, 60 ff. О похоронных ритуалах см.: Worobec C. D. Death Ritual among Russian and

Центральное место при этом занимало употребление алкогольных напитков. Деревенские праздники часто выливались в коллективные попойки, нередко заканчиваясь драками с многочисленными жертвами. Распространение дешевой водки в империи начиная с середины XIX в. привело к тому, что «водочная зараза» стала выходить за всяческие рамки и этот феномен вызвал критику с разных сторон. Однако ни душеспасительные проповеди церковнослужителей, направленные против упадка общественной морали, ни усилия движения трезвенников не смогли разорвать симбиоз праздников и пьянства¹. «Праздничные гулянья» в российской деревне вплоть до начала Первой мировой войны и обусловленного ею сухого закона сопровождались коллективным пьянством с последующим похмельем².

Сколь безуспешными были попытки ограничить потребление алкоголя в христианских деревнях, столь же устойчивой оказалась тяга сельского населения России к увеселениям. Его праздничный календарь имел на исходе XIX и в начале XX в. явную тенденцию к расширению: если в середине XIX в. насчитывалось 108 ежегодных праздников, то к 1902 г. количество поводов для празднования достигло уже 140 в год. Таким образом, на рубеже веков в большом числе деревень их жители не работали более одной трети дней в году. Если учесть, что важные праздники отмечались по несколько дней кряду, то доля нерабочих дней еще более возрастала³. Сельская община явно была празднующей общиной⁴. Клаус Гества справедливо отмечает, однако,

---

Ukrainian Peasants: Linkages between the Living and the Dead // *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia* / eds. S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, 1994. P. 16 ff.

¹ Braun M. Vremja golovokruženja – Zeit des Schwindels. Der alkoholische Rausch als Geste kulturellen Beharrens in der Sowjetunion der 1920er und 1930er Jahre // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2003. № 51. H. 10. S. 897 ff.; Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. S. 526, 535 ff., 556 ff.; Herlihy P. The Alcoholic Empire. Vodka and Politics in Late Imperial Russia. Oxford, 2002. P. 40, 77, 92 ff.; Нарский И. В. «Пьяная революция»: Население и алкоголь на Урале в 1917 г. // Урал в событиях 1917–1921 гг.: Актуальные проблемы изучения / под ред. И. В. Нарского. Челябинск, 1999. С. 194 и сл.

² Das Ausland: Das gemeinsame Lustwandeln in Russland. O. O., 1835. См. также: Christian D. Prohibition in Russia: 1914–1925 // *Australian Slavonic and East European Studies*. 1995. Vol. 9. № 2. P. 89–108.

³ Mironov B. N. Work and Rest in the Peasant Economy... P. 56. Миронов причисляет к количеству ежегодных праздников как воскресные дни, официальные государственные и церковные праздники, так и «бытовые», т. е. традиционные народные поводы для празднования. Что касается последних, то среди них существовали большие региональные различия. См. также: Figes O. Natasha's Dance. P. 301 ff.

⁴ См., в частности: Максимов С. В. Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники // Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986. С. 302 и сл., 351 и сл.; Захаров И. П. Сказания русского народа: Народный календарь. М., 1990. С. 95 и сл.

что такой образ жизни не означал бессмысленной траты ресурсов, поскольку праздники, как и другие символичные практики, выполняли в деревне важную функцию формирования ее лица, укрепляя внутреннюю иерархическую структуру и одновременно решая задачу внешнего представительства общины. Кажущиеся неумеренными расходы на водку и праздничные застолья в контексте «моральной экономики» участников празднеств представляются осмысленными вложениями в символический капитал, который часто оказывался более надежным по сравнению с непостоянными результатами трудов, направленных на добывание средств к существованию¹.

Все вышесказанное относится к праздничным обычаям крестьян христианского вероисповедания. Относительно трезвости или места алкоголя в еврейских, мусульманских или буддистских праздничных культурах Российской империи нет исследовательских данных, да и вообще праздничные обряды религиозных и этнических меньшинств в царской России изучены мало².

Насколько эклектичной была праздничная культура многих мусульманских народов в преимущественно христианской империи, свидетельствует, в частности, тот факт, что мусульманские общины Чечни в XIX столетии во время своих праздников звонили в колокола³. В будущих исследованиях предстоит выявить протекавшие в этой области процессы слияния, а также показать существование определенной культурной автономии.

В качестве примера сложности структуры праздничной культуры в многонациональной Российской империи остановимся далее на положении дел в данной сфере в Царстве Польском, но постараемся дать лишь общий обзор ситуации на западной окраине империи⁴.

---

¹ Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. S. 469 ff., 482 ff.

² Для первого представления о мусульманских празднованиях в Баку см.: Smith M. G. The Russian Revolution as a National Revolution: Tragic Deaths and Rituals of Remembrance in Muslim Azerbaijan (1907–1920) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. № 49. H. 3. S. 363–388. Светлана Малышева работает сейчас по теме: Татарские праздничные традиции в Казани. См. также: Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. Относительно еврейского населения Российской империи см., в частности: Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, 1995; Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley, 2002. Последний научный обзор см.: Schmidt C. Neuere Literatur zur Geschichte der Juden in Litauen // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2001. № 50. H. 4. S. 439–453; Idem. Das Schtetl aus neuer Sicht // *Historische Zeitschrift*. 2003. № 277. H. 1. S. 115–124.

³ Автор благодарит Йорга Баберовски за сведения о колокольном звоне.

⁴ Западная часть оккупированной Российской империей территории бывшей польско-литовской дворянской республики с 1815 по 1864 г. официально именовалась *Царством Польским*, а после 1864 г. получила официальное название *Привисленский край*.

В Царстве Польском имело место противостояние официального праздничного канона русской администрации и календаря памятных и праздничных дат польского населения, которое стремилось сохранить память о Речи Посполитой — дворянской республике. Православные, католические и еврейские праздничные даты и летосчисления существовали параллельно, а рабочие Варшавы или Лодзи соединяли традиционные праздники и обряды с новыми социалистическими празднично-обрядовыми формами.

Из всего этого широкого спектра праздники петербургских чиновников и военных, несших службу в Царстве Польском, изучены менее всего. При этом следует отметить, что праздничный календарь русской администрации, соответственно оккупационной державы, как и вообще ее повседневная жизнь в Варшаве и в более мелких губернских городах, представляет собой важный предмет исследования с точки зрения изучения практики правления иностранной административной элиты и ее контактов с местным населением¹. Визиты императоров, именины государя или главные православные праздники были важными событиями, по поводу которых собиралась российская диаспора в Варшаве и провинциальных центрах, осознавая себя как сообщество². Эти празднества, в частности, весьма способствовали тому, что русская администрация воспринималась польской стороной как чужеземная сила, господствующая в их стране. Так, к примеру, строительство собора Александра Невского в Варшаве и его торжественное открытие в 1897 г. истолковывались поляками как символ царистского угнетения; профранцузски настроенные активисты польского национального движения решительно выступили против празднования годовщины Бородинской битвы в 1912 г. Официальные торжественные акты таили в себе кон-

---

После подавления январского восстания 1863 г. царские власти избегали любого упоминания о традиции польской государственности. См. по этому вопросу, в частности: Jaworski R. *Das geteilte Polen (1795–1918)* // *Eine kleine Geschichte Polens* / hg. von R. Jaworski, C. Lübke, M. G. Müller. Frankfurt/Main, 2000. S. 269; Weeks T. R. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb, 1996. P. 80 ff.

¹ См.: Baberowski J. *Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. № 47. H. 3. S. 486 ff.; Dolbilov M. *Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s* // *Kritika*. 2004. Vol. 5. № 2. P. 247 ff.; Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 215 и сл.

² См.: Brzoza C. *Aus der Geschichte des 3. Mai-Gedenktages in Polen* // *Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa* / hg. von E. Brix, H. Stekl. Wien, 1997. S. 218; Vladimirov K. *The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and 20th Century Russian Poland*. Lewiston, 2004. P. 94 ff.

фликтный потенциал, подогревавший или поддерживавший взаимное отчуждение¹.

Это относится также к праздникам и памятным датам «польских патриотов», напоминавших о государственном суверенитете Польши до ее разделов. Самым важным среди них был, несомненно, день 3 мая, когда в 1791 г. была принята конституция. В жестких условиях царского господства формирование польской праздничной контркультуры протекало, естественно, с трудом. Тем не менее представители национального движения пытались открыто отмечать юбилеи конституции и в Варшаве. В конце XIX столетия неоднократно происходили столкновения между жандармами и активистами движения².

Центром проведения праздничных и памятных церемоний польского национального движения был Краков, расположенный за пределами российской государственной территории. Там в либеральной атмосфере культурной автономии Галиции состоялось перезахоронение праха Адама Мицкевича (1890 г.), были отмечены такие юбилеи, как 100-летие майской конституции (1891 г.), 500-летие Ягеллонского университета (1900 г.) и даже 100-летие восстания Костюшко (1894 г.), организованные как крупные общественные мероприятия³. Польская обрядово-праздничная культура развивалась, невзирая на рубежи, пролежавшие по территории Польши, а по случаю праздников осуществлялось оживленное сообщение через российско-австрийскую границу⁴. Трансграничное сообщение, связанное с отправлением обрядов, не было, кстати говоря, польской особенностью. В нем участвовали бывшие — в основном белорусские — члены униатской церкви, которые ездили в Краков для бракосочетания по униатскому обряду⁵. Украинское национальное движение смогло отметить годовщину Тараса Шев-

---

¹ См.: Schenk F. B. Aleksandr Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis 1263–2000. Köln, 2004. S. 212; Paszkiewicz P. Pod Berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie, 1815–1915. Warszawa, 1991.

² См.: Brzoza C. Aus der Geschichte des 3. Mai-Gedenktages in Polen. S. 221 ff.; Grodziski S. Nationalfeiertage und öffentliche Gedenktage Polens im 19. und 20. Jahrhundert // Der Kampf um das Gedächtnis. S. 209 ff.

³ См.: Mick C. Nationale Festkultur in Lemberg vor dem Ersten Weltkrieg // Identitätswandel und nationale Mobilisierung in Regionen ethnischer Diversität. Ein regionaler Vergleich zwischen Westpreußen und Galizien am Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts / hg. von R. Schattkowsky, M. G. Müller. Marburg, 2004. S. 115; Wandycz P. The Lands of Partitioned Poland 1795–1918. Seattle, 1974. P. 377.

⁴ Grodziski S. Nationalfeiertage und öffentliche Gedenktage Polens... S. 209.

⁵ См.: Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. P. 175 ff.

ченко, запрещенную в Российской империи, в Лемберге (Львове), т. е. под крылом у Габсбургов¹.

Однако праздники национального движения отнюдь не были идентичны праздничной культуре польской элиты в целом. Приходится констатировать, что в поле зрения исследователей пока не попали праздники того «позитивно» настроенного течения, которое по меньшей мере до последнего десятилетия XIX в. включительно следовало концепции примирения (*ugoda*) с властью Петербурга и демонстративной лояльности царю. Можно было бы исследовать, к примеру, сотрудничество окружения Александра Свентоховского и Зигмунда Велопольского с царской администрацией в связи с визитами императора и его именинами. Это позволило бы раскрыть формы коммуникации между поляками и русскими вне конфликтного поля². При этом наверняка можно будет обнаружить интересные и неожиданные свидетельства слияния различных символических и праздничных систем.

Важнейшим обрядово-праздничным канонem, объединявшим российскую Польшу в праздничное сообщество, конечно же, был канон католической церкви. Это относилось как к городу, так и к сельской местности. Главные католические праздники играли центральную роль также в условиях противоборства имперского господства и польского неповиновения после 1863 г. В то время как представления о культурно-языковой этнической общности были еще недостаточно развиты, а ее характеристики оставались нечеткими, принадлежность к нации в первую очередь определялась с помощью религиозной практики, отражавшей принадлежность к единой вере³.

---

¹ См.: Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München, 1992. S. 282; Mick C. *Nationale Festkultur in Lemberg vor dem Ersten Weltkrieg*. S. 127 ff. О похоронах Шевченко см. также: Miller A. *The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest, 2003. P. 230 ff.

² См.: Blejwas S. A. *Realism in Polish Politics: Warsaw Positivism and National Survival in Nineteenth Century Poland*. New Haven, 1984; Landgrebe A. «Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden». Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden, 2003. S. 249 ff.; Wandycz P. *The Lands of Partitioned Poland*. P. 207 ff., 260 ff.; Weeks T. R. *Nation and State in Late Imperial Russia*. P. 107 ff. Исследование символической практики этого трансграничного сообщения пока заставляет себя ждать.

³ См.: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики. С. 219; Steinwedel C. *To Make a Difference. The Category of Ethnicity in Late Imperial Russian Politics, 1861–1917* // *Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices* / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsionis. Basingstoke, 2000. P. 81 ff. См. также: Dolbilov M. *Russification and the Bureaucratic Mind...* P. 255; Kappeler A. *The Ambiguities of Russification* // *Kritika*. 2004. Vol. 5. № 2. P. 293 ff.; Staliunas D. *The Pole in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-19th Century* // *Lithuanian Historical Studies*. 2000. № 5. P. 52 ff.

Католические праздники служили, в частности, размежеванию вероисповедной паствы с неверующими и инакововерующими. Под сенью католической церкви царила конфессиональная однородность, которая несла на себе определяющий отпечаток того, что могло называться «польским». «Поляк» и «католик» являлись синонимами как в польско-католическом, так и русском восприятии¹.

Такая идентификация, однако, не была повсеместно признанной даже в пределах Царства Польского, о чем свидетельствовали межэтнические, а также внутриконфессиональные конфликты, разгоравшиеся и в связи с католическими праздниками. Например, литовцы, проживавшие в Сувалкской губернии, протестовали против проведения торжественного богослужения на польском языке². С другой стороны, католическая церковь вовсе не являлась единственной силой, определявшей обрядовость в Царстве Польском. На рубеже веков доля еврейского населения там составляла около 15%. Поэтому во многих городах и в целых районах Варшавы, в Люблине или Радоме течение общественной жизни определялось праздничными датами иудейского календаря³. Что касается промышленного центра Лодзь, то картина церковных праздников дополнялась протестантскими, которые отмечались немецкими предпринимателями и рабочими⁴. Таким образом, конфессиональное пространство отличалось большим разнообразием и это соответственно сказывалось на многообразии религиозных праздничных культур. Насколько праздники могут быть поводом и катализатором конфессионально-этнических конфликтов, показали столкновения в многоконфессиональной Лодзи в 1870-е гг. Когда немецкие текстильные фабриканты хотели отменить воскресный выходной, они столкнулись с мощным отпором со стороны поль-

---

¹ См.: Dabrowski P. M. *Folk, Faith and Fatherland: Defining the Polish Nation in 1883* // *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 28. № 3. P. 397–416; Stauter-Halsted K. *The Nation in the Village. The Genesis of Peasant National Identity in Austrian Poland, 1848–1914*. Ithaca, 2001. P. 47 ff.

² См.: Weeks T. R. *A National Triangle: Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government* // Kazan, Moscow, St. Petersburg: *Multiple Faces of the Russian Empire* / eds. C. Evtuhov u. a. M., 1997. P. 369 ff.

³ См.: Corrsin S. D. *Warsaw before the First World War. Poles and Jews in the Third City of the Russian Empire 1880–1914*. Boulder, 1989. P. 9, 25; Guesnet F. *Polnische Juden im 19. Jahrhundert. Lebensbedingungen, Rechtsnormen und Organisation im Wandel*. Köln, 1998. T. V, VI.

⁴ См. прежде всего: *Polen, Deutsche, Juden in Lodz 1820–1939. Eine schwierige Nachbarschaft* / hg. von J. Hensel. Wiesbaden, 1999; Hofmann A. R. *Imageprobleme einer Antimetropole: Lodz 1900/1930* // *Stadt und Öffentlichkeit in Ostmitteleuropa 1900–1939. Beiträge zur Entstehung moderner Urbanität zwischen Berlin, Charkiv, Tallinn und Triest* / hg. von A. R. Hofmann, A. V. Wendland. Stuttgart, 2002. S. 237 ff.

ских рабочих. Последние усмотрели в этом не только попытку увеличить продолжительность рабочей недели, но и расценили введение работы по воскресеньям прежде всего как покушение протестантов на их конфессиональную культуру¹. Религия и ее праздничные обряды продолжали жить в городской рабочей среде и тогда, когда в конце XIX в. начало складываться социалистическое движение, опробовавшее также новые праздничные формы².

Но не только конфессиональная составляющая оказывала влияние на формирование праздничной культуры разраставшегося городского и пригородного рабочего класса. В рабочей среде продолжали бытовать и деревенские праздничные традиции. Ведь рабочие-мигранты, которые во второй половине XIX в. сначала курсировали между полем и фабрикой в зависимости от сезона, а потом с начала 1890-х гг. все чаще оседали на целый год и дольше в разбухавших промышленных центрах, распространяли по империи праздничные обряды своих деревень. Они не только приносили элементы городской жизни в сельские общины, но и, наоборот, внедряли традиции сельских праздников в городах. Это происходило как в Царстве Польском, так и в России³. Нетрудно проследить крестьянское влияние на проведение праздничных городских ярмарок начавшегося XX столетия. Обычные ярмарочные развлечения — такие, как горки, качели и другие формы балагана и странствующего театра, которые на стыке столетий пользовались растущей популярностью, в том числе в мещанских слоях столичного Петербурга, — были прежде всего детищем сельской праздничной традиции⁴. Эти формы *народных гуляний* были восприняты и преобразованы городской средой, коммерциализировавшей их и поднявшей тем самым на более высокий

---

¹ Zarnowska A. Arbeiterkultur zwischen Volkskultur und Bürgertum? Das Beispiel Polen // Arbeiter und Bürger im 19. Jahrhundert. Varianten ihres Verhältnisses im europäischen Vergleich / hg. von J. Kocka, E. Müller-Luckner. München, 1986. S. 128 ff.

² См.: Guesnet E. «Die beiden Bekenntnisse leben weit entfernt voneinander, sie kennen und schätzen sich gegenseitig nicht». Das Verhältnis von Juden und Deutschen im Spiegel ihrer Organisationen im Lodz des 19. Jahrhunderts // Polen, Deutsche. Juden in Lodz 1820–1939. S. 170; Pietrow-Ennker B. Auf dem Weg zur Bürgergesellschaft? Modernisierungsprozesse in Lodz (1820–1914) // Ibid. S. 127.

³ См.: Bradley J. Muzhik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, 1985. P. 103 ff.; Corrsin S. D. Warsaw before the First World War. P. 132 ff.; Johnson R. E. Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, 1979. P. 31 ff.

⁴ См.: Geldern J., von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993. P. 17; Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. Л., 1984. С. 16 и сл.; Stites R. Russian Popular Culture. Entertainment and Society since 1900. Cambridge, 1992. P. 16 ff.; Swift E. A. Popular Theater and Society in Tsarist Russia. P. 20 ff.

профессиональный уровень. Одновременно они окультуривались под контролем государственного ока и цензуры, которые все более распространяли свое внимание на сферу народных праздников. Так, городские ярмарки все чаще становились объектами деятельности миссионеров из образовательных учреждений и обществ трезвости, а также полицейского надзора¹. Однако, вопреки всем цивилизующим попыткам, народные праздники так и не были превращены в образчик *культуры*. Городские празднества продолжали нести на себе родимые пятна своего деревенского происхождения. Дрaки, пьянство и другие формы неконтролируемого поведения всегда были характерными чертами культуры городских низов, которые лишь явственнее выступали в дни праздников². Не случайно, памятуя о событиях 1905 г., во время празднования 300-летнего юбилея династии Романовых для предотвращения потенциальных эксцессов, связанных с выражением «народного недовольства», на места празднования низших городских слоев были откомандированы армейские подразделения³.

Деревенски окрашенная праздничная культура простого городского люда оказывала также влияние на становление праздничных форм, характерных для рабочего класса и рабочего движения⁴. В них переплетались различные праздничные традиции, поскольку наряду с деревенской праздничной культурой и церковными праздниками в различной профессиональной среде культивировались фабричные празднования и театральные постановки «в знак солидарности» между рабочими или по инициативе предпринимателя и при его попечительстве⁵. С 1890-х гг. в качестве центральной праздничной даты западноевропейского рабочего движения вошел в обиход так-

---

¹ Левинсон А. Г. От древнего ритуала — к городским гуляньям // Традиционные формы досуга: история и современность / под ред. М. Г. Казакевича. М., 1994. С. 95; Konechnyi A. M. Shows for the People: Public Amusement Parks in Nineteenth-Century St. Petersburg // *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia* / eds. S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, 1994. P. 123 ff., 129 ff.

² Baberowski J. Die Entdeckung des Unbekannten. S. 30 ff.; Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, 1993. P. 125 ff.

³ Figs O. Die Tragödie eines Volkes. P. 31 ff.; Wortman R. Scenarios of Power. Vol. 2. P. 459 ff.

⁴ Этот вопрос также нуждается в пристальном изучении. Многочисленные советские исследования рабочего движения были посвящены формам политической борьбы, толкуя такие торжественные мероприятия, как демонстрации, в чисто инструментальном смысле — как способ выдвижения политических требований.

⁵ Steinberg M. D. Moral Communities. The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry 1867–1907. Berkeley, 1992. P. 61 ff.; Swift E. A. Popular Theater and Society in Tsarist Russia. P. 131 ff.

же день 1 Мая. Как и в Западной Европе, *маевки* синтезировали народные праздничные традиции приветствия весны, проводов зимы и масленичного маскарада и являлись выражением формирующейся, гонимой государственными властями контркультуры, которая развивалась в виде конспиративных встреч в уединенных местах¹. До 1905 г. «пролетарская контрпубличность» заявляла о себе в таких первичных формах, как выражение протеста, забастовки и спонтанные акты насилия, нередко вызывавшиеся сознанием нарушения принципов моральной экономики и приводившие к столкновениям с армией, полицией и конфронтации с символами господствующего строя. Однако и после революции 1905 г. составные части праздничного цикла революционного движения в России не играли той роли, какую они имели в Западной Европе². Импорт широкого цикла пролетарских праздников начался только после революций 1917 г. Основные формы и символы идентификации социалистических партий сложились, правда, уже до 1917 г. Но относившиеся к их достоянию песни («Марсельеза» и «Интернационал»), главная символика (прежде всего Красное знамя) и революционная риторика входили пока в общий канон символов, разделявшийся всеми партийными формированиями революционного подполья. Борьба за право единоличного представительства распространилась после Февральской революции 1917 г. также на область символики³.

В демонстрациях рабочего движения тоже отражался определенный символичный эклектизм, сочетавший различные культурные влияния. Так, во время знаменитого Кровавого воскресенья 1905 г.

---

¹ См. также: Korff G. Seht die Zeichen, die Euch gelten. Fünf Bemerkungen zur Symbolgeschichte des 1. Mai // «100 Jahre Zukunft». Zur Geschichte des 1. Mai / hg. von I. Marßolek. Frankfurt/Main, 1990. S. 16 ff.; Lerch E. Die Maifeiern der Arbeiter im Kaiserreich // Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg / hg. von D. Düding, P. Friedemann, P. Münch. Hamburg, 1988. S. 361 ff.

² О таких формах протеста см.: Baberowski J. Die Entdeckung des Unbekannten. S. 24 ff.; Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 203 ff.; Wynn C. Workers, Strikes and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905. Princeton, 1992. P. 97 ff.; Zelnik R. E. Law and Disorder on the Narova River. The Kreenholm Strike of 1872. Berkeley, 1995. P. 2 ff.

³ См. по этому вопросу: Figes O., Kolonitskij B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999. P. 39; Geldern J., von. Bolshevik Festivals. P. 18 ff.; Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 285 и сл.; Stites R. The Origins of the Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 28 ff.

в Петербурге демонстранты во главе с попом Георгием Гапоном несли с собой иконы, когда их разогнали казацкие войска. Следует отметить, что в целом влияние религиозной символики и церковных праздничных традиций на рабочих было значительным. Реалии жизни низших городских слоев, приверженных деревенским и церковным обычаям, не соответствовали идеалам классово сознательного и политически просвещенного пролетариата, вдохновлявшим представления профессиональных революционеров. На деле моральная экономика, с которой рабочие сверяли реальный мир и свое отношение к нему, была чрезвычайно сложным и многослойным явлением, связанным с социальным положением, профессией, формами трудовой миграции, степенью привязанности к местным землячествам. Так что религия, ее символы и ее практические праздничные формы в целом играли существенную роль. Правда, рабочие отмечали церковные праздники более шумно и с большими возлияниями, чем это было по нраву работодателям и церковным блюстителям нравственности¹.

Но, с другой стороны, религиозность рабочих и соблюдение ими церковного календаря давали возможность предпринимателям активно проявлять свой патернализм, в частности в организации праздников для трудовых коллективов. Считая себя строгими, но заботливыми хозяевами производства, несущими в том числе ответственность за нравственное воспитание и сохранение морально-христианской духовности своих подопечных, часть предпринимателей развернула большую активность в плане организации праздников. Фабричные праздники, служившие эмоциональному сплочению производственного коллектива или, по крайней мере, его ядра, проводились с учетом церковного праздничного цикла, наблюдалось стремление с их помощью поощрять лояльность по отношению к царю и властям в целом². Часть таких праздников носила партикулярный характер, и проводились они на уровне профессиональных групп и подразделений предприятия, способствуя возникновению у их участников чувства своего рода групповой солидарности, которая была далека от бунтовщичества и секуляризации, чем вызывала

---

¹ Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. S. 546 ff.; Herlihy P. The Joy of the Rus'. P. 77, 92 ff.; Phillips L. L. Message in a Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900–1929 // Russian Review. 1997. Vol. 56. № 1. P. 31 ff.; Zelnik R. E. «To the Unaccustomed Eye»: Religion and Irreligion in the Experience of St. Petersburg Workers in the 1870s // Russian History/Histoire Russe. 1989. Vol. 2. № 4. P. 313 ff.

² Swift E. A. Popular Theater and Society in Tsarist Russia. P. 131 ff.; Steinberg M. D. Moral Communities. P. 61 ff.

раздражение у профессиональных революционеров¹. Праздничная культура рабочего класса царской империи была, таким образом, столь же гетерогенной, как и сама империя. Она была «сегментирована» по различным социальным сферам и культурным средам, как, собственно, и весь чрезвычайно фрагментированный праздничный ландшафт дореволюционной России. Он дифференцировался по этническим, конфессиональным, региональным и специфическим средовым пластам, различные сферы праздничной культуры сосуществовали параллельно, хотя в ходе общественных сдвигов конца XIX в. все больше влияли друг на друга. Россия до 1917 г. была не только многонациональной империей, но и государственным образованием с пестрой праздничной культурой.

Большевикам же хотелось другого. Для них примером был западноевропейский рабочий класс с его ритуалами или, по крайней мере, их представления о нем. В стремлении к радикальному переустройству общества они хотели также до основания изменить существовавший праздничный ландшафт. Их ритуально-символьный язык принял конкретные формы только в революционные 1917–1918 гг. Его становление происходило в столкновениях с конкурентами революционного движения из-за монополии на символы и суверенного права их толкования перед лицом общественности.

Февральская революция 1917 г. находилась в непосредственной связи с праздничной датой в оппозиционном календаре рабочего движения. В Международный женский день недовольство недоедавших жителей столицы, и прежде всего женщин, достигло апогея и вылилось в хлебные бунты и марш протеста, за которыми последовали забастовка и демонстрация фабричных рабочих и мятеж частей петроградского гарнизона, которые в конечном итоге привели к отречению Николая II от престола². Не следует переоценивать роль этого праздника в ходе свержения царя, но данное совпадение все же показывает, какое значение имели символические даты и приуроченные к ним революционные выступления. Для большинства участников тех событий переворот вообще ассоциировался с конкретными формами иконоборчества. Низвержение старых символов, проникновение в ранее табуизированные места и развенчание всего, что напоминало о старом режиме, — такова была революция в непосредственном восприятии. Символические действия революционеров сначала носили характер разрушительных актов, которые

---

¹ Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. S. 561 ff.

² Chatterjee C. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology. 1910–1939.* Pittsburgh, 2002. P. 37 ff.; Hildermeier M. *Die Russische Revolution 1905–1921.* Frankfurt/Main, 1989, S. 133 ff.

принимали также форму погромов¹. Объединять же праздник и революцию в едином смысловом контексте «карнавала» допустимо только с точки зрения отрицания всех ценностей, которое происходило в ходе карнавалов начала Нового времени, когда на некоторый период воцарялось «чрезвычайное положение»². И действительно, теперь (во время революционных событий. — *Прим. пер.*) поруганию подвергались недавние святыни. Осквернялись или уничтожались вчера еще неприкосновенные символы старой власти, тяжелые солдатские сапоги топтались в доселе недоступных местах и зданиях³. Но этот «карнавал» был горькой явью, а по петербургским улицам в феврале 1917 г. валили толпы вандалов и убийц из числа вчерашних асоциальных элементов, которые помимо символов расправлялись с людьми, принадлежавшими, по их мнению, к свергнутому строю. Чтобы стать жертвой их бесчинств, достаточно было носить очки интеллигента, не говоря уже об офицерских погонах⁴. Те, кто раньше был никем, теперь пробовали и демонстрировали свою новую власть на великолепных центральных улицах столицы.

Показать, что теперь улица принадлежит «народу», — было одним из основных намерений организаторов первого торжественного общественного представления после смены режима. На 23 марта была назначена широкая торжественная процессия в память павших во время восстания, которых теперь чествовали как мучеников. Временное правительство и Петроградский совет сообща руководили торжественным траурным шествием по улицам столицы и позволили похоронить погибших на Марсовом поле — одном из центральных символических и парадных мест царской власти. Тем самым организаторы мероприятия продемонстрировали захват центра города. В то же время траурные церемонии были показной акцией единства всех революционных сил. Сам факт совместной подготовки, осущес-

---

¹ См. по этому вопросу: Figs O., Kolonitskij B. *Interpreting the Russian Revolution*. P. 48 ff.; Mayer A. J. *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton, 2000. P. 86 ff.; Stites R. *Iconoclastic Currents in the Russian Revolution: Destroying and Preserving the Past* // *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution* / eds. A. Gleason, P. Kenz, R. Stites. Bloomington, 1985. P. 8 ff.

² Stites R. *Festival and Revolution: The Role of the Public Spectacle in Russia, 1917–1918* // *Essays on Revolutionary Culture and Stalinism* / ed. J. W. Strong. Columbus, 1990. P. 11. На ту же тему см.: Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть. С. 38 и сл. О толковании карнавала как временного выхода за пределы обычного (официального) строя жизни см.: Bachtin M. M. *Rabelais und seine Welt. Volkskultur als Gegenkultur*. Frankfurt/Main, 1995.

³ Nabokow W. D. *Petrograd 1917. Der kurze Sommer der Revolution*. Berlin, 1992. S. 28; Reed J. *Zehn Tage die die Welt erschütterten*. Berlin, 1988. S. 132.

⁴ Nabokow W. D. *Petrograd 1917*. S. 24; Figs O. *Die Tragödie eines Volkes*. S. 347.

ствлявшейся представителями Правительства и Советов, указывал на эту цель. Траурное шествие вынесло эту спланированную манифестацию единства и солидарности на улицу. Демонстрация не имела никаких признаков внутренних трений по поводу символики¹.

Но скоро ситуация изменилась. Уже по случаю 1 Мая, объявленно-го Временным правительством официальным праздником, единство дало трещину в вопросе о символической презентации, а конкурирующие партийные формирования выступили каждое под собственными лозунгами². Через месяц, в начале июня, от единства революционеров осталась лишь груда осколков. В память о погибших в февральских событиях кронштадтские матросы организовали свое торжественное мероприятие, но уже без участия Временного правительства. Обособленное траурное шествие показало, что консенсуса в вопросе о том, кто имеет право говорить от имени погибших и тем самым вообще представлять революцию, уже не существовало. Этот раскол и притязания большевиков на право единоличного представительства революции отчетливо проявились также во время демонстративного марша, организованного Всероссийским съездом Советов 18 июня, чтобы продемонстрировать свою силу ввиду слухов о готовящемся восстании. Большевики сумели провести эту демонстрацию под своим знаком. Это удалось им прежде всего благодаря противопоставлению собственных (антивоенных) лозунгов провозглашенному съездом Советов девизу «сохранения единства революционного движения». Кроме того, они заявили о своем монопольном праве на символы революции. В июне спор о флагах уже в полную силу полыхал на улицах Петрограда³.

Представители Советов и их сторонники стремились к символическому размежеванию с Временным правительством. Они постоянно ставили под вопрос легитимность петровского трехцветного флага, повсюду поднимая свое красное знамя. Поводом для предъявления претензий на легитимность и власть служил также вопрос о том, какую песню следует запевать во время демонстраций. Если сторонники Временного правительства пели «Марсельезу», которая входила в песенный репертуар дореволюционного рабочего движения, представители Петроградского Совета в течение 1917 г. все больше отда-

---

¹ Однако внешние границы этого единства были четко обозначены: так, священники не допускались к совершению ритуальных действий. См.: Figs O., Kolonitskij B. *Interpreting the Russian Revolution*. P. 46 ff.; Stites R. *The Origins of the Soviet Ritual Style*. P. 26 f.

² Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*. P. 18 ff.

³ Altrichter H. *Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst*. Paderborn, 1997. S. 181 ff.

вали предпочтение «Интернационалу»¹. За короткий период своего существования самому Временному правительству не удалось сформировать внятной символической политики. Как и во всем остальном, оно отличалось нерешительностью в вопросах установления символических стандартов. Правда, у него и не было единоличных полномочий для проведения унификации общественных символов. 1917-й год был, таким образом, годом не только двоевластия, но и параллельного существования двух конкурирующих символических систем².

Одновременно между революционными партиями шла борьба за право первенства в толковании ключевых символов и понятий. При этом речь шла не столько о замене старых символических форм, сколько о претензиях партий на место единственного легитимного представителя, сопровождавшихся также стремлением заклеить своего противника как отступника от некогда общих идеалов и символов. Кто еще мог называться революционером, кто имел право нести красное знамя, кто владел сигналами, которые должны были услышать другие народы, — все это было предметом ожесточенных столкновений и споров внутри широкого спектра «революционных» партий, все глубже погружавшихся в пучину взаимной вражды³. Разногласия по поводу права считаться легитимным носителем революционных символов и понятий продолжались и после октября 1917 г. Споры по вопросу о революционном авторитете велись в фабричных комитетах, профсоюзах, в Советах рабочих и солдатских депутатов, во время непрекращавшихся забастовок, слывших «оплотами свободы», но особенно в ходе демонстраций. Торжественный ритуал революционной культуры, к которой относился такой важный элемент, как уличная демонстрация, играл существенную роль в углублявшемся расколе социалистического лагеря и в клеймении умеренных и входивших в состав правительства сил как «предателей» революции. Радикальные революционеры занимались уличной пропагандой, преследовавшей двойную цель: они не только демонстрировали свою возросшую мощь в борьбе за власть, но и стремились узаконить свои притязания на право единоличного представительства

---

¹ Но среди делегатов и сторонников Советов обе песни пользовались одинаковым признанием вплоть до Октября 1917 г. См.: Figes O., Kolonitskij B. *Interpreting the Russian Revolution*. P. 41 ff., 62 ff.; Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть. С. 285 и сл.; Stites R. *The Origins of the Soviet Ritual Style*. P. 28 f.

² См.: Stites R. *The Origins of the Soviet Ritual Style*. P. 28.

³ Altrichter H. *Russland 1917*. S. 291 ff.; Corney F. C. *Narratives of October and the Issue of Legitimacy // Russian Modernity. Politics. Knowledge. Practices / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Basingstoke. 2000. P. 185 ff.; Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 446 f.; Stites R. *The Origins of the Soviet Ritual Style*. P. 28 f.*

ства в Советах¹. При всех различиях в позициях и символах, сначала партии, не сговариваясь, придерживались общего мнения о том, что праздничные демонстрации и торжественные уличные шествия служат выражению авторитета. Не случайно поэтому различные партийные формирования тратили время и средства на организацию таких общественных демонстраций. 1917 год проходил под знаком «уличной политики»; шествия и демонстрации, митинги и сходки наводняли и Петроград, и провинциальные города. Людские массы на улицах вдохновляли партийных руководителей, заинтересовавшихся психологией масс, их фотографировали, они остались в памяти современников. «Масса» казалась им неуправляемой, инстинктивно действующей толпой, более того — опасной и склонной к насилию «чернью»². Именно феномен массовости был использован большевиками после октябрьского переворота при организации праздников как источника своей легитимности. При всем том большевистская партия под руководством Ленина быстрее и последовательнее других партий распрощалась с мыслью, будто вопрос о власти может быть решен на демонстрациях, а не при помощи пушек. Показательно в этой связи, что депутаты петроградской городской думы пытались спасти Временное правительство с помощью марша протеста общественности, участники которого были вооружены только зонтиками, в то время как контролировавшийся большевиками военно-революционный комитет проводил заключительную фазу подготовки к штурму Зимнего дворца³.

В провинции российской империи революционный год также был годом «уличной политики». Сходки, демонстрации и общественная вакханалия сменяли друг друга и свидетельствовали о распаде всякого государственного порядка. Разграбление винных подвалов стало наиболее очевидным признаком утраты местными властями контроля над улицей. Революция происходила там в форме пьяных эксцессов и погромов; за коллективной попойкой следовали коллективные акты насилия, жертвами которых становились символы, учреждения и лица, хоть в чем-то воплощавшие собой порядок. Нередко коллек-

---

¹ О «пропаганде власти» см.: Reichardt S. *Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadrismo und in der deutschen SA*. Köln, 2002. S. 139 f.

² Ленин, в частности, тоже вдохновлялся теориями психологии масс Лебона. См.: Stites R. *The Origins of the Soviet Ritual Style*. P. 31. На фотографиях тех лет и в мемуарах массы людей занимали важнейшее место. Однако интерпретации мотивации масс, несомненно, различались фундаментально. См., в частности: Hippus S. *Petersburger Tagebuch*. Berlin, 1993. S. 20 f., 38 f.; Nabokow W. D. *Petrograd 1917*. S. 28 f., 153; Reed J. *Zehn Tage die die Welt erschütterten*. S. 135; Trotzki L. *Mein Leben. Versuch einer Autobiographie*. Frankfurt/Main, 1981. S. 258 ff.

³ Reed J. *Zehn Tage die die Welt erschütterten*. S. 147 f.

тивные пьяные оргии, сопровождавшиеся насилием, устраивались по случаю праздников, фигурировавших в разных праздничных календарях. Старая связь между праздником, алкоголем и насилием, бытовавшая уже в дореволюционной России, сохранилась и ввиду отсутствия каких-либо сдерживающих факторов дала невиданные до тех пор плоды. В провинции 1917-й год был временем беспорядков и смуты, но их виновниками необязательно были красные¹.

Сказанное относится к сельской местности еще в большей степени, чем к малым городам. В Центрально-Черноземной области в первую очередь, еще до принятия большевиками Декрета о земле, проявились симптомы аграрной революции в виде многочисленных захватов земли и разграбления помещичьих домов. В них находили выход крестьянские представления о «справедливости», сливаясь с революционными понятиями и символами. В этом сплаве продолжали жить культурные традиции, воплощенные в крестьянско-церковном календаре, прихотливо сочетаясь с обрядами из других «символьных универсумов»². В то же время избирательно импортированные символичные практики революционно-городской культуры приобретали в сельском истолковании новое значение: «республика» на местном наречии превращалась в «режь публику», большевики мутировали в «большаков», т. е. партию глав семейства. Между городом и деревней существовала лингвистическая пропасть, которую вряд ли можно было засыпать. А понятия и символы, перепрыгивающие через эту пропасть, получали в деревне новый смысл³.

В целом революция в аграрной России означала радикальное смещение всяческих авторитетов. Это был не столько период возникновения чего-то определенно нового, сколько время радикального низложения традиционного⁴. Похожее происходило и на окраинах разваливавшейся Российской империи. Мало того, что финский сейм или украинская рада заявляли петроградскому правительству об отделении или выдвигали требования автономии, — в городах

---

¹ Булдаков Б. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and Rhetoric of Crisis in 1917 // *Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power 1917–1953* / ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 24 f., 32 f.; Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 33 и сл., 196 и сл.; Penter T. *Odessa 1917. Revolution an der Peripherie*. Köln, 2000. S. 245 ff.; Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War. Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, 2002. P. 34 f.

² Eco U. *Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen*. München, 1991. S. 395.

³ Figes O., Kolonitskij B. *Interpreting the Russian Revolution*. P. 127 ff.

⁴ См.: Altrichter H. *Russland 1917*. S. 330 ff.; Manning R. T. *Bolshevik Without the Party: Sychevka in 1917* // *Provincial Landscapes*. P. 40 ff.

имперских окраин различные партийные группировки сражались друг с другом во время общественных манифестаций. Символьный ландшафт, фрагментированный в самом Петрограде, в таких городах, как Одесса, представлял собой пеструю мозаику: в переломном 1917 г. там демонстрировали свою власть во время военных парадов украинские воинские соединения, сионисты выдвигали лозунг «Землю в Палестине, свободу в России!» и маршировали под ним по улицам, отряды боевиков «Союза русского народа» терроризировали городское население, а революционное движение безработных Хаима Рюта открыто провозглашало насилие против буржуазии и чуть позже реализовало свои угрозы¹.

После Февральской революции многообразие праздничной культуры, существовавшее в дореволюционной России, не только сохранилось, но еще более возросло. Это был период экспериментирования, спонтанных инициатив и слияния различных праздничных стилей. Символьная и ритуальная расплывчатость, низвержение авторитетов были характерными приметами 1917 г., так же как элементы насилия, содержащиеся в революционной праздничной культуре, и борьба за право законного представительства революции в общественном пространстве. В конфликтах на почве праздников и символов не просто отражалась фрагментированность политической жизни, через них эта праздничная культура вообще становилась фактом коммуникации, закреплялась или зарождалась на символьном уровне. Власть символов проявилась уже тогда, когда еще не существовало однозначно определенных символов власти².

Насколько большевикам было на руку революционное свержение старого строя, а также «красная» или «голубая» смута во время захвата власти, настолько же они стали после октябрьского переворота новой упорядочивающей силой, которая хотя и форсировала революционный террор, но направляла его в нужное ей русло. *Стихийность* же, спонтанные, неуправляемые и неконтролируемые вспышки не приветствовались ни в сфере применения насилия, ни в других сферах. Захватив власть, большевики хотели единолично ею пользоваться. Поэтому революционные праздники первых лет советской власти были прежде всего праздниками порядка и дисциплины, сколько бы ни говорили в этой связи о «спонтанности». Такая спонтанность допускалась, но уже на ранней стадии была поставлена большевиками в узкие рамки. Их праздники с самого начала претендовали на монопольное положение, которое ввиду существования праздников рели-

---

¹ Penter T. Odessa 1917. S. 78 ff. 33 f.

² Игру слов см.: Hunt L. Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der Entwurf einer politischen Kultur. Frankfurt/Main, 1989.

гиозных еще не могло быть достигнуто, но как цель было заявлено с первого часа. Поэтому новый праздничный календарь большевиков означал прежде всего ограничение многообразия, отличавшего праздничный ландшафт царской России и Февральской революции. Он был нацелен на вытеснение и замену параллельно существовавших праздничных традиций, на их место должны были прийти единые праздничные календарь и стиль. Как и в других общественных сферах, в области праздничной культуры большевики действовали как насильственные унификаторы, противопоставляя свое видение мира всем сложившимся до них традициям, агрессивно претендуя на исключительность. Поскольку они хотели чего-то нового, но не ценили старого, внедренный ими праздничный канон означал явный разрыв с существовавшим праздничным ландшафтом. В сфере праздников в октябре — ноябре 1917 г. несомненно произошла революция. Родилось нечто качественно новое — советский массовый праздник.

Часть II
ФОРМАЦИИ И ДИСКУРСЫ

ЭКСПЕРТЫ И КОМИССИИ: СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ МЕЖДУ ДИДАКТИКОЙ И ПЛАНИРОВАНИЕМ

Захват власти: от большевистских массовых праздников к государственным праздникам (1917–1921 гг.)

История официального большевистского массового праздника начинается с 1 Мая 1918 г. В этот первый большой праздник после октябрьского переворота большевики показали, кто новый хозяин в обеих столицах, и заявили о своей претензии на то, чтобы в качестве государственной власти единолично определять символику и устанавливать праздники революционного движения. 1 Мая не было новым праздником для рабочего движения, но как государственный большевистский праздник отмечалось впервые. Главный организатор мероприятия выразил это в следующих словах: «Да, майский праздник был официальным. Государство отмечало этот день. Власть государства проявлялась во многом. Но не является ли упойтельной уже сама мысль о том, что государство, бывшее до сих пор нашим худшим врагом, теперь наше и отмечает Первое Мая как свой самый большой праздник?»¹

А. В. Луначарский подчеркивает здесь отличие от периода, предшествовавшего октябрьскому перевороту. Если раньше большевики были подпольной и маргинальной партией, то теперь они выступали в качестве новой государственной власти, вводили новое летосчисление, свой собственный красный календарь и новую государственную геральдику². Праздники и символы большевиков должны были

---

¹ Lunatscharski A. Der Erste Mai 1918 // Lunatscharski A. Schlaglichter. Erlebnisse und Gestalten auf meinem Wege. Berlin, 1986. S. 198.

² В январе 1918 г. был введен григорианский календарь и совершен переход со старого юлианского летосчисления на новый стиль, а в декабре 1918 г. большевики приняли новый праздничный канон. См. на эту тему: Binns C. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. I // *Man*. 1979. Vol. 14. № 4. P. 588 f.; Stites R. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York, 1989. P. 83 f.; Williams R. C. *The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1995. № 43. H. 4. S. 366.

обозначать разрыв со старым режимом царской империи и выражать абсолютно новое революционное начало советской власти. Октябрьский переворот означал коренное обновление официальной символики и праздничного ландшафта.

Захват власти большевиками в области символики происходил в форме инновации и узурпации, причем в короткое время. Уже в 1918 г. новая власть создала праздничный и символичный канон, который оказался очень живучим. Серп и молот как новые государственные символы, красная звезда как эмблема Красной армии, новый гимн «Интернационал» и красное знамя как государственный флаг, но прежде всего — годовщина Октябрьской революции как главный государственный праздник — все представительские атрибуты династического и буржуазного господства перестали существовать в течение кратчайшего времени, уступив место большевистским новациям. Об отмирании государства после революции в области символики никогда не шла речь. Напротив, большевики интенсивно и целеустремленно работали над созданием на этом поле новой традиции¹.

Они вводили новшества в символичный и ритуальный каноны, подхватывали старые традиции и ассимилировали их. 1 Мая 1918 г. как первый официальный большевистский массовый праздник является наглядным примером характерного соединения новообразования и узурпации. Большевики использовали в своих целях этот традиционный праздник рабочего движения и объявили его государственным праздником нового режима. Другие голоса должны были в этот день молчать. Понятие «революции», символ «Красного знамени» а теперь и день 1 Мая вырывались из рук социалистов-революционеров («правых»), меньшевиков и других конкурентов и отныне должны были служить регалиями большевистского господства².

Однако большевики нуждались в деятельной поддержке со стороны сочувствующих и попутчиков из числа авангардистских деятелей культуры и искусства, театральных режиссеров, если хотели организовать нечто большее, чем просто демонстрацию вооруженной силы. Послушных исполнителей в среде футуристов и символистов находилось достаточно, их, похоже, не смущал ни факт государст-

---

¹ См.: Figes O., Kolonitskij B. *Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917*. New Haven, 1999. P. 61 ff.; Schlögel K. *Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921*. Berlin, 1988. S. 356 f.; Stites R. *The Origins of the Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe* / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 30; Тульцева Л. А. *Современные праздники и обряды народов СССР*. М., 1985. С. 14 и сл.

² Geldern J., von. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, 1993. P. 86 ff.

венного переворота, ни узурпация праздников большевиками. 1 Мая 1918 г. несло на себе эстетическую печать их участия в планировании торжеств в составе официальной комиссии по организации праздника. Соответственно первый официальный праздник большевиков¹ получился красочным и разнообразным. Так, в Петрограде и Москве городские площади были украшены разными художниками в соответствии с различной тематикой. У праздника еще не было хореографически определенного центрального пункта: главный организатор большевиков Луначарский не принял окончательного решения о том, какую часть праздничных мероприятий в Петрограде считать основной. Лично он присутствовал то на митинге на Марсовом поле, то на концертах в многочисленных рабочих клубах и зале растреллиевского Зимнего дворца, то наблюдал за ночной иллюминацией, которую устроили на Неве множество кораблей с помощью включенных прожекторов, запуска осветительных ракет и салюта из корабельных орудий². Отсутствие центрального праздничного события свидетельствует об относительной открытости первого праздника большевиков. Его инсценировка еще не регламентировалась канонизированными организационными формами. Соответственно эклектичными получились и применявшиеся стилевые средства. Заимствованные из дореволюционного прошлого праздничные формы были свободно адаптированы к ритуальным традициям рабочего движения. Рабочие демонстрации и памятные ритуалы в честь погибших революционеров соседствовали с балаганными представлениями бродячего театра³. Тем не менее нельзя было не заметить стремления большевиков, устроителей и толкователей торжеств, к монополизации праздничных гуляний.

Эта диктаторская струя в их поведении усилилась в течение 1918 г. К первой годовщине Октябрьской революции, отмечавшейся 7 ноября 1918 г., характер большевистских торжественных мероприятий претерпел коренное изменение. Ленинский почерк и его дидактическая концепция монументальной пропаганды накладывали опреде-

---

¹ Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 245 и сл.; Stites R. Festival and Revolution: The Role of the Public Spectacle in Russia, 1917–1918 // Essays on Revolutionary Culture and Stalinism / ed. J. W. Strong. Columbus, 1990. P. 16 ff.

² Lunatscharski A. Der Erste Mai 1918. S. 196 ff.

³ Blomqvist L. E Introduction // Symbols of Power. P. 10 f.; Hildermeier M. Revolution und Kultur. Der «Neue» Mensch in der frühen Sowjetunion // Jahrbuch des historischen Kollegs. 1996. S. 60; Sartorti R. Arbeit oder Fest? Zur Geschichte des 1. Mai in der Sowjetunion // «100 Jahre Zukunft». Zur Geschichte des 1. Mai / hg. von I. MarBolek. Frankfurt/Main, 1990. S. 349; Stites R. The Origins of the Soviet Ritual Style. P. 23 ff.; Idem. Festival and Revolution. P. 17 f.

ляющий отпечаток на выразительные формы торжеств. Этот пропагандистский проект включал установку и открытие целого ряда памятников, которые должны были показать широким слоям населения генеалогию прихода большевиков к власти. Праздничная программа предусматривала открытие памятников, мемориальных досок и произнесение по этому случаю речей, главной из которых была речь самого Ленина при открытии мемориальной доски в честь павших участников революции¹. Организация годовщины Октябрьской революции отражала не только усиление дидактической струи в торжественных мероприятиях, которые использовались для закрепления в сознании людей ключевых понятий и символов большевистской власти, но и новую централизацию. Отныне в центре праздничной хореографии находилась личность Ленина, к нему стекались массы людей, мимо него проходили многотысячные демонстрации. Ленин стоял в фокусе праздничных мероприятий, хотя пока еще был «подвижным вдохновителем», перемещаясь с одного места празднования на другое². Однако уже в 1918 г. праздничная драматургия сосредоточилась на фигуре вождя, его мистические качества представляли в особом ореоле на фоне покушения на него Фанни Каплан, которое он «чудесным образом» пережил. Так задолго до смерти Ленина начали проявляться ранние формы культа его личности³.

Коренные изменения в концептуализации большевистских праздников были вплотную связаны с именем Ленина. Открытость и децентрализация майских торжеств 1918 г. были принесены в жертву более строгому руководству и ориентации на единый центр. Слово «руководство» стало ключевым в праздничном лексиконе большевиков, и быть руководителями надлежало только им⁴. Упор на организацию и руководство объяснялся государственным строительством, которым занимался Совет народных комиссаров, представлявший себя в качестве направляющей силы и правительства вновь форми-

---

¹ Непосредственных высказываний Ленина о концепции монументальной пропаганды не существует, об этом сообщает только Луначарский. См.: Lunatscharski A. *Lenin und die Kunst // Schlaglichter. Erlebnisse und Gestalten auf meinem Wege*. Berlin, 1986. S. 177; Idem. *Lenin über die Monumentalpropaganda // Ibid*. S. 182–186.

² Подобный стиль поведения находится в явном контрасте с манерой репрезентации Сталина, который держался как «неподвижный вдохновитель». См. на этот счет также главу этой книги «Репрезентация господства и иерархий».

³ См. на эту тему: Ennker B. *Leninkult und mythisches Denken in der sowjetischen Öffentlichkeit 1924 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. № 44. H. 3. S. 431–455; Tumarkin N. *Lenin lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, Mass., 1983.

⁴ Sartotti R. *Arbeit oder Fest?* S. 344. См. также: Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*. P. 93 ff.; Plaggenborg S. *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*. Köln, 1996. S. 263.

рующей империи. Частью этого проекта после революции было быстрое вытеснение Советов на периферию политической системы, а также решение о перенесении столицы в Москву и утверждение канона государственных символов. Празднования годовщины Октябрьской революции играли важную роль в деле государственного строительства. Они напоминали о моменте создания молодого государства и характеризовали его как разрыв с дореволюционным прошлым. В то же время праздничная режиссура представляла пришедший к власти в результате путча режим осколочной большевистской партии как логическое завершение длительной революционной традиции и подчеркивала значение октябрьского переворота как исполнения всех чаяний, связанных с понятием «революция». Первый юбилей открыто эксплуатировал миф об установлении большевистской диктатуры, с одной стороны, противопоставляя «новое» «старому», а с другой — пытаясь дать режиму законные основания как части революционной истории¹.

Первая годовщина Октябрьской революции 1918 г., равно как и многие последующие торжественные мероприятия в годы Гражданской войны, проходила под этим знаком. Данная линия отражалась в том семантическом наполнении, которое приносила в общественную жизнь ленинская монументальная пропаганда: канон фигур, достойных увековечения в виде памятников, включал ряд российских, но прежде всего античных и западноевропейских героев, мыслителей и мучеников революции². В ожидании мировой революции октябрьский переворот пока отнюдь не квалифицировался как конечный пункт революционного развития, но действие «государственной власти в руках рабочего класса» в качестве катализатора поступательного революционного процесса представлялось неоспоримым фактом. Поэтому государству, которым овладели большевики, и его учреждениям отводилась ключевая роль, их сохранение и постановка на службу революции были, по Ленину, первым революционным долгом³.

Дисциплина и порядок в качестве императивов праздничного сценария первой годовщины Октября сообразовались с задачей сохра-

---

¹ См.: Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*. P. 200 ff. Здесь он говорит о «мифе основания» как о «моменте абсолютного изменения», который конструировался каждым революционным режимом. Такой же концепции следует и С. Малышева, см.: Малышева С. Ю. *Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927)*. Казань, 2005.

² Перечень см.: Stites R. *Festival and Revolution*. P. 89. См. также: Corney F. C. *Narratives of October and the Issue of Legitimacy // Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices* / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Basingstoke, 2000. P. 185 ff.

³ Ленин В. И. *Удержат ли большевики государственную власть?* // ПСС. Т. 34. С. 315.

нения государства. Время иконоборчества ушло в прошлое, на первый план вышла риторика строительства. Ленинское первенство в изобретении *субботников* в 1919 г. говорит само за себя. Необходимо было направить революционный энтузиазм в русло трудового героизма в интересах подъема производства. Хотя праздничные субботники носили прежде всего символический характер — высаживались, например, «деревья жизни», — но эти инсценировки отражали новое отношение к труду как к ценности, мобилизацию на созидательный труд¹. Иконоборчество допускалось только под контролем как часть праздничных мероприятий, когда прилюдно сжигались соломенные чучела и куклы из папье-маше, символизовавшие «международный империализм» и «старый мир»².

Массовые зрелища, устраиваемые большевиками в первые после-революционные годы, также посвящались этой исторической задаче нового государственного образования. На сцену оживленно обсуждавшихся *массовых действ*, в рамках которых с большевистскими уполномоченными по культуре временно сотрудничали авангардистские театральные теоретики, выносилась тема генеалогического обоснования октябрьского режима³. Массовые театрализованные постановки этого рода использовали открытые городские пространства в качестве сцены, а общественные здания в качестве театральных реквизитов. Подобные «театральные постановки под открытым небом» при участии большого количества театральных актеров рассказывали историю революции. Фасады домов превращались в символические декорации, на которых постановщики празднеств отражали победное шествие нового режима, большое количество участников зрелища с инсценировкой слияния публики и актеров характеризовало большевистский переворот как логическое следствие широкого массового движе-

---

¹ Ленин В. И. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 273. О коллективных символических действиях и «настоящих» специальных сменах см.: Окунев Н. П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990. С. 340; Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*. P. 154 ff.

² Stites R. *Iconoclastic Currents in the Russian Revolution: Destroying and Preserving the Past* // *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution* / eds. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985. P. 16 ff. См. также: Агитационно-массовое искусство: Оформление празднеств. Материалы и документы / под ред. В. П. Толстого, И. М. Бибиковой: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 65 и сл.

³ См. на эту тему: Bojko S. *Agit-Prop Art: The Streets Were Their Theater* // *The Avant-Garde in Russia, 1910–1930. New Perspectives* / eds. J. D'Andrea, S. West. Los Angeles, 1980. P. 72–76; Deák F. *Russian Mass Spectacles* // *The Drama Review*. 1975. Vol. 19. № 2. P. 7–22; Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*; Justus U. *Literatur als Mythenfabrik. I. V. Stalin als literarische Figur in ausgewählten Werken der Stalinzeit*. Bochum, 2004. S. 291 ff., 317 ff.; Schlögel K. *Jenseits des Großen Oktobers*. S. 353 ff.

ния¹. В массовых инсценировках Дмитрия Тёмкина и Николая Евреина «Взятие Зимнего дворца» (1929) или «К мировой коммуне» (1920), а также в других действиях подобного рода изложение революционной истории достигало кульминации в Октябрьской революции. Иные исторические возможности и альтернативы в этих торжественных повествованиях опускались; в памяти участников празднеств должна была запечатлеться только одна историческая правда².

Новые власти обычно устраивали свои праздники в центрах столиц и городов. Однако они задействовали немалые ресурсы и для того, чтобы экспортировать свою пропаганду в провинции, где еще велась борьба. Агитационные поезда и пароходы, кинопередвижки и передвижные типографии – все это служило большевикам уже в годы Гражданской войны в качестве средства идеологизации и мобилизации населения, причем в создании широкого пропагандистского аппарата они действовали намного последовательнее своих многочисленных противников³. Сюда же относились и массовые торжества. Например, в Воронеже сразу же после революции проводились крупные зрелищные мероприятия, а в Челябинске большевики устраивали праздничные шествия в те отрезки времени, когда они владели городом, приурочивая их к своим новым праздничным датам и демонстрируя тем самым свои притязания на власть⁴. Красный календарь, бывший одним из наиболее выразительных свидетельств смены власти, привезла в своем обозе Красная армия.

Однако большевикам очень скоро пришлось убедиться в ограниченности своего влияния. Это касалось и принудительного празднования революционных праздников, и стремления к монополизации

---

¹ Кугель А. Массовки // Искусство трудящимся. 1924. № 1. С. 13–15; Кузнецов Е. Под открытым небом. Петербургские массовые постановки // Вестник театра. 1920. № 71. С. 7–8; № 80–81. С. 20–23; Пиотровский А. И. Хроника Ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества: Сборник комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 53–84; Суслович П. П. Зритель массового праздника // Там же. С. 190–195. См. также: Schlögel K. Jenseits des Großen Oktobers. S. 361 f.

² Geldern J., von. Bolshevik Festivals. P. 200.

³ См.: Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985, P. 4 ff. (в целом), 219 ff. (в частности относительно кино). См. на эту тему также: Plaggenborg S. Revolutionskultur. S. 186 ff.; Wichmann J. Die Einschwörung der Massen: Erziehungsstaatliche Intentionen im Kontext der frühen sowjetischen Gesellschaft // Erziehungsstaaten. Historisch-vergleichende Analysen ihrer Denks-traditionen und nationalen Gestalt / hg. von D. Benner, H.-E. Tenorth, J. Schriewer. Weinheim, 1998. S. 261 ff.

⁴ Geldern J., von. Bolshevik Festivals. P. 15. О Саратовe см.: Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War. Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, 2002. P. 215 ff. О Челябинске: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 430 и сл.

толкования символов и ритуалов. За пределами центров городов большевистские праздники игнорировались, отвергались или не находили понимания. Часто их путали с религиозными шествиями сектантов. В целом же село воспринимало революционную терминологию и символику своеобразно. Тут звучали и религиозные мотивы, связанные с мечтой о спасении, и традиционные представления о *воле*, т.е. крестьянской утопии безграничной и незаконной свободы¹. В первые послереволюционные годы большевистские праздники оставались атрибутом городской жизни².

Но и в городах большевики сталкивались со значительными трудностями в устройстве праздников. Дискуссия, развернувшаяся по поводу понятности для «широкой массы» символистского и футуристического праздничного декора, в итоге которой авангардистские деятели культуры были отстранены от участия в оформлении праздников, свидетельствовала о том, что большевики неуверенно чувствовали себя при общении с городским населением³. Эта неуверенность имела основания: даже в городах торжественные мероприятия ошибочно истолковывались как религиозные ритуалы⁴. Однако следует сказать, что партийные пропагандисты и сочувствующие им специалисты сознательно использовали религиозную семантику понятий, символов и обрядов, дабы сделать свои новые символьные практики доступными для понимания. Так, красный цвет имел религиозное значение глубины, а красная звезда была связана с представлениями православия о спасении; штандарты и знамена напоминали ритуальную практику ношения святых хоругвей во время православного крестного хода, а массовое производство портретов Ленина было налажено для того, чтобы вытеснить из домашнего обихода иконы⁵. Сравнимые между собой структурные образцы для обозначения сакрального и мирского, которыми пользовались большевики и православие, создавали ритуальные точки соприкосновения, облегчавшие принятие большевистских практик широкими слоями населения, хотя часто это происходило в моди-

---

¹ Figes O., Kolonitskij B. Interpreting the Russian Revolution. P. 127–152.

² Plaggenborg S. Revolutionskultur. S. 261. Столь же трудно новая праздничная культура приживалась на периферии расширявшейся большевистской империи. См.: Baberowski J. Zivilisation der Gewalt. Die kulturellen Ursprünge des Stalinismus. Antrittsvorlesung 10. Juli 2003. Berlin, 2005.

³ Geldern J., von. Bolshevik Festivals. P. 97 ff.

⁴ Lunatscharski A. Der Erste Mai 1918. S. 197.

⁵ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 и сл. О глубинных слоях религиозности см. также: Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 99 и сл.; Киблицкий И. Красный свет в русском искусстве. СПб., 1997. См. также главу «Гибридные праздничные культуры» в данной книге.

фицированной форме¹. В этом отношении большевики осознанно прибегали к амбивалентности смыслов. В воспоминаниях современников советские праздники описаны как квазирелигиозные процессы, организации которых большевики научились у православной церкви².

Насколько двойственной была празднично-символьная политика большевиков в первые годы, настолько же однозначным было ее место в «пору зарождения пропагандистского государства»³. В деле сочетания «помпезности и политики» большевики ничуть не уступали монархии по изобретательности⁴. Их праздники должны были служить обоснованию законности государственного образования советской Российской Федерации, мобилизации населения и тем самым стабилизации этого государства. Поэтому партийные праздники были в то же время праздниками государственными. По крайней мере в области праздничной культуры обе эти сущности в значительной мере совпадали в официальной терминологии и практике после 1917 г. Особой дифференциации между партийными и государственными праздниками не существовало. Ранние «имперские партийные съезды» большевиков обходились пока без самостоятельных торжественных инсценировок, которые возникли позже при Сталине и других тоталитарных режимах в Европе. Не было и государственных праздников, во время которых членам партии не отводилось бы видного места. Красный календарь формирующегося партийного государства большевистской диктатуры по ее замыслу должен был стать единственным действующим праздничным каноном для всего населения. Тем самым был запрограммирован конфликт между экспансивным и тоталитарным характером большевистского календаря и оставшимися от прошлого альтернативными праздничными культурами.

В условиях противоборства с ними большевистская праздничная культура завоевывала себе права гражданства тем, что становилась все

---

¹ Об этом см., в частности: Figes O., Kolonitskij B. *Interpreting the Russian Revolution*. P. 152 ff.; Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates*. München, 1998. S. 321 ff.; Sinjawschij A. *Der Traum vom neuen Menschen oder Die Sowjetzivilisation*. Frankfurt/Main, 1989. S. 172 ff.; Tucker R. C. *Stalinism and Stalin // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. New Avenues of Research* / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 181; Вайскопф М. *Писатель Сталин*. М., 2001. С. 157 и сл.

² Об этом см.: Fülöp-Miller R. *Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjetrussland*. Zürich, 1926. S. 184 ff.

³ Kenez P. *The Birth of the Propaganda State*.

⁴ Paulmann J. *Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg*. München, 2000.

более этатистской: новые праздники, инициированные осколочной партией, пропагандировались как общегосударственные мероприятия. Когда в декабре 1922 г. революционеры формально объявили об образовании Советского Союза, красный календарь уже считался официальным распоряжением, и его праздники имели ранг государственных. Но какую цель преследовали новые властители, проводя столь интенсивную колонизацию общественного пространства посредством массовых праздников? Кто формулировал содержание и цели теперь уже огосударственной большевистской праздничной культуры? Какие инстанции участвовали в планировании и претворении в жизнь нового этатистского церемониала? Чтобы дать ответы на эти вопросы, следует обратить внимание на экспертов и комиссии, которые работали над организацией и легитимацией советского массового праздника.

Эксперты по организации праздников: праздник как проявление самодеятельности и его роль «приводного ремня»

Советские праздники издавна были предметом планирования, управления и цензуры. Существовало множество комиссий, которые занимались подготовкой празднований, и экспертов, своими знаниями оказывавших влияние на оформление праздников. С самого начала во всей иерархии комиссий решающая роль принадлежала большевистскому партийному государству, а его представители, считавшие себя авторитетами в делах культуры, имели решающее право голоса и в вопросах организации праздников. Но официальные торжества никогда не были чисто партийно-государственным мероприятием или формой культуры, которая определялась только в Петрограде/Ленинграде и Москве.

Практическая реализация красного календаря сопровождалась целым хором голосов, которые оказали влияние на ход истории советских праздников. В этом хоре участвовали художники-футуристы, а также тяготевшие к символизму театральные режиссеры; в первые годы после революции именно они сообщали праздникам свое эстетическое видение. Не в последнюю очередь в эту когорту входили ревнители культуры из Народного комиссариата образования. Свои представления о хорошо организованном празднике высказывали региональные и локальные оргкомитеты, а спецы из московских центральных учреждений стремились внедрить обязательные праздничные стандарты во всесоюзном масштабе. Высшие чины партийного аппарата определяли политическую линию, а профессионалы от праздничной культуры выносили на обсуждение свои методические соображения. Организация и проведение советских праздников сопровождалась

многоголосием мнений, а их носители, чтобы быть услышанными, вынуждены были придерживаться все более узких рамок эстетических и идеологических установок. Но общая картина была далека от гармонично звучащей симфонии под управлением настроенного на одну тональность аппарата культуры партийного государства¹.

Какой голос и когда мог быть услышан, зависело от многих факторов. Важным критерием была заявленная самостоятельно и подтвержденная извне компетентность в области праздничной методики. Завоевавшие право называться специалистами в области организации общественных праздников оказывали влияние на принятие директив центра по оформлению праздников и приданию им дидактических функций. Функциональная легитимация крупных советских торжеств этими людьми служила основанием для оправдания немалых расходов на их организацию. Они же формировали представления о том, что мог и должен был продемонстрировать советский праздник. В качестве экспертов в области праздничного дела фигурировали члены партии А. В. Луначарский и Н. И. Подвойский, люди, сочувствующие большевикам, а также – прежде всего в первые годы – театральные режиссеры Н. Н. Евреинов и В. Э. Мейерхольд, которые экспериментировали в новой для них ипостаси режиссеров массовых действ. Все вместе они представляли собой чрезвычайно пеструю группу людей, которые высказывались по вопросам организации праздников. Доступ к органам, принимавшим решения в партийном государстве, у них был разный. Но вместе они генерировали дискурс специалистов, позволивший сделать массовые торжественные мероприятия важным инструментом в арсенале средств пропагандистского государства и надолго закрепить их место в конкурентной борьбе с другими медиумами. Непокколебимые позиции, которые массовые праздники имели в культурной экономике Советского Союза в 1920–1930-е гг., большей частью были завоеваны благодаря силе аргументов, выдвигавшихся экспертами. Поэтому далее мы поговорим об их установках и представлениях о советском празднике, прежде чем зададимся вопросом о том, распространялись ли эти идеи в многоэтажной иерархии праздничных комиссий на обширной территории Советского Союза и как это происходило.

На образование цеха советских экспертов праздничного дела ушло несколько лет. На раннем этапе послереволюционного периода заявили о себе многие люди из самых разных областей деятельности, стремясь попасть в когорту тех, кто оказывал влияние на оформление и легитимацию советских праздников. Тут были и театральные

---

¹ Аналогичную формулировку см.: Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*. P. 10, 13. См. также: Clark K. *Petersburg, Crucible of Cultural Revolution*. Cambridge, 1995. P. 101 ff.

режиссеры, и художники, и учителя народных школ и партийные агитаторы. Члены партии, их сторонники и сочувствующие в равной степени высказывали свои мнения по вопросам, касавшимся праздников, а в 1917–1921 гг. это была очень обширная тема. Соответственно отличалась пестротой палитра мнений относительно задач, выполняемых праздниками, и средств достижения поставленных целей. Общим для всей этой массы были критический настрой в отношении конкурирующих проектов и нетерпимость к многообразию форм. Мечта о «едином празднике» — «гармоничном едином действии», как ни мало было шансов на ее осуществление в тот период, появилась уже на начальном этапе становления праздничного движения, и эту идею самозванные эксперты сообщили советскому празднику с самого начала его зарождения¹.

Единство мнений по вопросу о главной функции праздника формировалось уже с большим трудом. На этом поле дидактические концепции воспитания народа сталкивались с представлениями о свободном самовыражении пролетариата. Ленинская монументальная пропаганда однозначно носила дидактический характер. Согласно такому подходу воспитатель — партийное государство — должен был использовать надписи, памятники и их торжественное открытие для просвещения народа, чтобы довести до сознания широких масс символику и ключевые понятия новой власти. В этом деле искусство и праздник являлись мощным орудием агитации², а поборники «внешкольного» просвещения/образования (взрослых) возлагали на праздник большие надежды как на воспитательное учреждение³. Приводились в пример праздники Французской революции, поскольку и они, согласно Луначарскому, в первую очередь выполняли функцию церемониальной педагогики⁴.

Советские празднества рассматривались ангажированными экспертами по их организации как особенно эффективное агитационное

---

¹ О празднике как едином гармоничном действии см.: Lunačarskij A. V. Die Revolution und die Kunst // Parteilichkeit der Literatur oder Parteiliteratur? / hg. von C. Buch. Hamburg, 1977. S. 121; Смышляев В. Массовый театр и искусство // Речи и беседы пропагандиста. Организация массовых народных празднеств: Сб. М., 1921. С. 9; Керженцев П. М. Творческий театр. Пг., 1920. С. 99 и сл.

² Lunačarskij A. V. Die Revolution und die Kunst. S. 122.

³ Крупская Н. К. Всероссийская конференция политпросветов // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 69 и сл.; Она же. Главполитпросвет и искусство // Там же. С. 85–88.

⁴ На дидактическую функцию праздников Французской революции регулярно указывал Анатолий Луначарский. См.: Lunačarskij A. V. Die Revolution und die Kunst. S. 121; Луначарский А. В. Празднества Французской революции // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М., 1981. Т. 1. С. 100–101.

средство популяризации новой власти. Они изображали революционные события и зарождение новой эпохи, выставляя на всеобщее обозрение символы этой власти. Теоретики праздничных действий рано увидели в праздничных зрелищах орудие демонстрации нового, придавая ему огромное значение. Повсюду — в городе и в деревне — речь при этом шла о пропаганде революции. Организаторы были захвачены идеей превращения всего города в сценическую площадку, связывая с плакатным, площадным, уличным искусством большие надежды в плане его воздействия на массы¹.

В лице Александра Богданова, наиболее видного представителя другого течения, этой концепции противопоставлялось иное толкование нового искусства и праздничных форм, видевшее в них первые шаги пролетарско-революционного самовыражения. В этих новых культурных формациях рабочий класс как коллектив должен был обретать свое самосознание². Искусство и праздники являлись при таком подходе формами самоутверждения, которые, по крайней мере на стадии выработки концепции, должны быть свободны от внешнего руководства или руководства сверху. В подобном праздничном действии уже не было места зрителям, так как все превращались в его участников: празднества рассматривались не как средство идеологического просвещения, в процессе коллективного празднования пролетарских праздников вообще должен был рождаться новый коллектив³. Существование противоположных полюсов в толковании праздников, наиболее видные представители которых очень скоро вступили в ожесточенные

---

¹ Керженцев П. М. Искусство на улице // Творчество. 1918. № 3. С. 12–13; Пумпянский Л. Октябрьские торжества и художники Петрограда // Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств / под ред. В. П. Толстого, И. М. Бибиковой. М., 1984. Т. 2. С. 80 и сл.; Луначарский А. В. О народных празднествах // Луначарский А. В. О театре и драматургии. Русский дореволюционный и советский театр. М., 1958. Т. 1. С. 190–193; Евреинов Н. Н. Взятие Зимнего // Агитационно-массовое искусство. Т. 2. С. 114–115; Кузнецов Е. Под открытым небом.

² Bogdanov A. A. Kritik der proletarischen Kunst // Parteilichkeit der Literatur oder Parteiliteratur? S. 114.

³ См. также: Кузнецов Е. Под открытым небом; Kogan P. S. The Theater as Tribune // Bolshevik Visions: First Phase of the Cultural Revolution in Soviet Russia / ed. W. G. Rosenberg. Ann Arbor, 1990. P. 435–439. Эти концепции были основаны на старом дореволюционном требовании приверженных символизму театральным режиссерам о снятии границы между зрителями и сценой. См. на эту тему также: Clark K. Petersburg. P. 100 ff.; Swift E. A. Popular Theater and Society in Tsarist Russia. Berkeley, 2002. P. 4 f. О пролеткульте см., в частности: Gorsen P., Knödler-Bunte E. Proletkult. Stuttgart, 1974; Gorzka G. A. Bogdanov und der russische Proletkult. Theorie und Praxis einer sozialistischen Kulturrevolution. Frankfurt/Main, 1980; Mally L. Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, 1990.

распри¹, вскрывает наличие основного противоречия или, по меньшей мере, двойственного подхода у большинства авторов методических публикаций того времени. Луначарский служит хорошим примером такой концептуальной амбивалентности. В первые послеволюционные годы он был народным комиссаром образования и в этом качестве высшим партийно-государственным уполномоченным по вопросам праздников; соответствующий вес имело и его мнение, так как он играл первую скрипку в процессе отбора вариантов праздничной драматургии и оформления, а также выделения ресурсов на подготовку праздников. В его письменных трудах о значении и ответственности праздничных мероприятий отражается вера в то, что во время праздника масса обретает самосознание, и параллельно развивается мысль об агитационной ценности праздничного действия. Так, он считал советский праздник поводом для демонстрации людей перед самими собой². И все же Луначарский подчеркивал, что праздничная самоорганизация без руководства выливается не более чем в шумную празднующуюся толпу. Руководящая роль принадлежала центральным партийно-государственным инстанциям, которые превращали праздник в эстетически единое произведение искусства и подводили под него правильное идеологическое основание³. В этом же контексте праздники рассматривались как момент символического трудового свершения. Инсценировка добровольного субботника в первые послереволюционные годы была принадлежностью официальных праздников, Луначарский истолковывал субботник как само собой разумеющееся дополнение к народному ликованию⁴.

Призывы к руководству и управлению праздничными действиями со стороны центральных партийно-государственных учреждений раздавались в то время часто. Постоянно говорилось о противоположности между центральной организацией и самостоятельной художественной инициативой «масс». Частично эта противоположность разрешалась путем создания органичной картины «слияния» творческих работников, организаторов и участников праздника, с другой стороны, требования централизованного управления обосновывались тем, что пролетариат делает пока лишь «первые шаги» на пути культурного самовыражения, для чего ему требуется направляющая

---

¹ См.: Edwards D. W. Religious Aspects of Monumental Propaganda in 1918 // Canadian-American Slavic Studies. 1992. Vol. 26. № 1–3. P. 32 ff.; Sartorti R. Stalinism and Carnival: Organization and Aesthetics of Political Holidays // The Culture of the Stalin Period / ed. H. Guenther. Houndmills, 1990. P. 44 f.

² Луначарский А. В. О народных празднествах. С. 190.

³ Там же. С. 191.

⁴ Там же. С. 193. Он предложил разделение по времени «серьезного» праздника и «развлекательной» вечерней программы.

рука¹. П. М. Керженцев в условиях этого конфликта извлек на свет божий дореволюционную концепцию *самодетельности* и тем самым открыл понятийную и институциональную нишу для проявления «инициативы масс» в рамках централизованно управляемого праздника². Так называемая самодетельность означала, согласно Керженцеву, творческую активность различных небольших коллективов, которые возникали на предприятиях или в клубах и участвовали в программах праздничных мероприятий. Массовое участие здесь представлялось как творческое исполнение директив в рамках общего плана праздничных действий, что якобы позволяло гармонизировать их с руководством со стороны центральных инстанций. Концепция самодетельности утвердилась в качестве одной из основ советской праздничной культуры и организации, сохранившейся и после войны.

Фундаментальная концептуальная двойственность отражалась и на непростом отношении к историческому наследию российской праздничной традиции. Антипод, с которым надлежало распрощаться, был однозначен: «помпезность» и «угнетательский характер» праздников царизма подвергались резкому осуждению³. Но что было делать с традициями народных праздников и как, с другой стороны, следовало доносить смысл революционных праздников до «масс» города и деревни? Эксперты выступали за «использование старого»⁴ и возрождение традиций. При этом они могли рассчитывать на поддержку со стороны Ленина, который выразил позитивное отношение к традиционному культурному канону «старого мира» и высказался в пользу его включения в новую революционную культуру. Но теоретики праздников, подобно Керженцеву, шли гораздо дальше, пропагандируя целенаправленное создание ритуалов, которые должны были использовать часть традиционных праздничных поводов, преобразуя их, но могли и полностью изобретаться заново⁵. Путем закладывания новых традиций надеялись донести до широких «масс» содержание революционных праздников и символов. Предполагалось, что их соединение с привычными праздничными формами или, по крайней мере, с праздничными поводами из старого обрядового цикла позволит облегчить коммуникацию новой власти с народом.

---

¹ Lunačarskij A. V. Die Revolution und die Kunst. S. 122; Машковцев Н. Г. Первая всенародная выставка // Рабочий мир. 1918. № 18. С. 34–35; Кузнецов Е. Под открытым небом. С. 20 и сл.

² Керженцев П. М. Творческий театр. С. 106.

³ Там же. С. 100.

⁴ Луначарский А. В. О народных празднествах. С. 190; Смышляев В. Массовый театр и искусство. С. 9.

⁵ Керженцев П. М. Творческий театр. С. 105 и сл.; Керженцев В. Революция и театр. М., 1918. С. 47 и сл.

При этом эксперты разработали самостоятельную праздничную дидактику, прежде всего ориентированную на российскую деревню. В контактах с крестьянами они выступали в роли могущественных творцов ритуалов, которые могли по своему усмотрению создавать праздничные поводы с целью перевоспитания «отсталых» слоев населения. Здесь уже не было речи о самовыражении, напротив, цель заключалась в распространении городских революционных праздников и символов на территорию сельской России¹. Однако через три года после начала этой культурной революции экспертам, к своему вящему огорчению и недоумению, пришлось констатировать, что их предприятие оказалось малоуспешным. В 1921 г., в конце Гражданской войны, традиционный российский праздничный ландшафт представлял собой не столько источник, из которого создатели советских праздников могли черпать свои идеи, сколько полигон для их настойчивых экспериментов. При всей разношерстности участников многоголосого и порой нестройного хора, высказывавшихся на раннем послереволюционном этапе по вопросам праздников, разных возможностях доступа к властным структурам и тем самым разной степени реализуемости их представлений, все они разделяли тезис о том, что советский праздник должен быть двигателем трансформации сознания в процессе смены «старой» культуры на «новую». Таков был концептуальный консенсус, с которым эксперты вошли в период новой экономической политики (НЭП).

С началом НЭПа в 1921 г. наступило время экономии и для организаторов праздников. Пора, когда для украшения городов по случаю праздников красного календаря в их распоряжении оказывались большие суммы денег и армия статистов для массовых зрелищ, осталась позади. 4-я годовщина Октябрьской революции в 1921 г. полностью проходила под знаком экономии средств и скромности. Так продолжалось вплоть до 10-й ее годовщины в 1927 г.² Экономия сделала иллюзорными мечтания тех деятелей, которые стремились создать совершенно новую помпезную форму искусства – пролетарский праздник – или содействовать его появлению на свет. В конце Гражданской войны оказалась похороненной надежда на зарождение нового праздничного сообщества, охватывающего весь город с превращением его в единое праздничное пространство, где разыгрывались бы гигантские народные спектакли. В планах экспертов вместо централизованных и управляемых из центра празднеств на первый план вышли многочисленные децентрализованные высту-

---

¹ Керженцев П. М. Творческий театр. С. 105.

² О праздновании IV годовщины Октября в районах Москвы // Правда. 1921. 9 нояб. С. 1.

пления различных небольших групп. Концепция самодеятельности претворялась в жизнь в полную силу. Среди толкователей праздников множились голоса тех, кто считал «вмешательство сверху» вредным и пропагандировал самостоятельную импровизированную подготовку к праздникам в клубах и других низовых объединениях как аутентичное выражение революционной праздничной культуры¹.

В центре внимания методических публикаций находилось понятие «драматизации». То есть участники художественной самодеятельности должны были не только выступать перед массовой аудиторией, но и проникаться сознанием людей, принадлежащих к новому сообществу². Требование «новой театральности»³ содержало противопоставление по линии «свой» — «чужой»: контраст между «старым» и «новым миром», равно как и антитеза советских достижений и зависти осмеиваемых врагов, задавались методистами в качестве образца драматургии. Выступая в жанре политсатиры, исполнители выражали сознание членов огромного коллектива, которому противостояли четко обрисованные образы врагов⁴.

В праздничном пространстве и сопутствовавших ему комментариях 1920-х гг. в череде враждебных образов фигурировало и понятие «старый быт», т. е. унаследованный от прошлого дореволюционный образ жизни. То, что в методической литературе периода НЭПа столь видное место отводилось многочисленным местным праздничным мероприятиям, объяснялось не только тяжелым финансовым положением советского государства. Скорее в этом проявилось понимание неудачи объявленной после захвата власти большевиками культурной революции. Поэтому казалось, что пришло время, как писал

---

¹ Trotzki L. Familie und Zeremoniell // Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Dortmund, 1977. S. 73 f.; Протокол заседания губернской первомайской комиссии Московского комитета РКП(б) о праздновании 1 Мая 1923 г. в Москве // Агитационно-массовое искусство. Т. 2. С. 127–128; Бродянский Б. Шаги тысяч // Там же. С. 145–148; Ласточкин Н. А. Художественное оформление празднеств // Массовые празднества. С. 168 и сл.

² Кугель А. Массовки; Луначарский А. В. Будем смеяться // Луначарский А. В. О театре и драматургии. Русский дореволюционный и советский театр. М., 1958. Т. 1. С. 188; Суслович П. П. Зритель массового праздника. С. 190 и сл.; Пиотровский А., Бродский М. Майский карнавал // Первое Мая: Сб. материалов для клубов / под ред. Я. Нетулской. Л., 1925. С. 26.

³ Trotzki L. Schnaps, Kirche und Kino // Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Dortmund, 1977. S. 52.

⁴ Бродянский Б. Шаги тысяч; Ласточкин Н. А. Художественное оформление празднеств; Луначарский А. В. Будем смеяться; Пиотровский А., Бродский М. Майский карнавал. С. 31.

Л. Д. Троцкий¹, больше уделять внимания «мелочам» жизни, чтобы революция стала жизненной практикой в городе и деревне².

При этом большая роль отводилась празднику, поскольку, во-первых, он рассматривался как важный медиум революционной перестройки, а во-вторых, вокруг праздничных поводов разгорался конфликт между «старым» и «новым» в области культуры³. Живучесть дореволюционных традиций раздражала и приводила в замешательство экспертов. Слияние традиционной праздничной культуры с религиозными культовыми отправлениями вызывало их особую озабоченность. Развив бурную деятельность на поприще «ритуального зодчества»⁴, они стремились заменить «старый церемониал» новым. Так, в противовес религиозным *rites de passage* был создан целый ряд контрпраздников, призванных вытеснить первые. К ним относились такие новые ритуалы, как «красные крестины», «красная свадьба» и «красные похороны», являвшиеся не только свидетельством становления советской культуры, но и средством практического усвоения нового коллективистского образа жизни и эмоционального приобщения к новому общежитию⁵. Воспитательно-пропагандистская функция праздника и его функция самовыражения сливались тут воедино. Эксперты провозглашали также «синтез» дидактики, агитации и самовыражения в новом ритуале⁶.

Живучесть традиций авторы пропагандистских и праздничных концепций объясняли силой привычки. Это относилось прежде всего к приверженности религиозным обрядам, которая понималась не как выражение религиозности, а как неосознанное следование привыч-

---

¹ Trotzki L. Den Kleinigkeiten Beachtung schenken // Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Essen, 2001. S. 113–116. См. также: Idem. Der Kampf um die Sprachkultur // Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Dortmund, 1977. S. 76–84; Idem. Das fünfte Jahr – ein Lehrjahr. Zum vierten Jahrestag der Roten Armee // Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Essen, 2001. S. 117–119.

² Кузьмин И. Значение «дня урожая» // Праздник урожая / под ред. А. Возьминского, И. Кузьмина. М., 1924. С. 82; Крупская Н. К. Основные типы политпросветучреждений // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 145–155; Она же. О работе в деревне // Там же. С. 219–225; Извеков Н. П. Первое Мая 1925 г. // Массовые празднества. С. 118 и сл.

³ Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. М., 1926; Елизаров И. Я. Праздники настоящего и праздники прошлого. Религиозные и общественные праздники. Л., 1926. С. 3 и сл.; Ярославский Е., Путинцев Ф. Пасха. М., 1925.

⁴ См.: Stites R. Bolshevik Ritual Building in the 1920s // Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitsch, R. Stites. Bloomington, 1991. P. 295–309.

⁵ Trotzki L. Schnaps, Kirche und Kino. S. 46 f.

⁶ Луначарский А. В. О народных празднествах. С. 191.

ному. Будучи атеистами, большевики тем не менее с большим вниманием относились к эстетическому аспекту церковного церемониала, поскольку благодаря ему устанавливались тесные эмоциональные связи: «Этот блеск в храмах [...], пение, украшение церкви, таинственный полумрак [...] – все это бьет на чувства», — писала в 1922 г. Н. К. Крупская, обращаясь к работницам¹.

В представлениях большевиков и их сторонников опорой старых традиций были женщины. Рассказы о «передовых» мужчинах, готовых отказаться от церковного обряда крещения или похорон ребенка и удалить иконы из своих жилищ, и «отсталых» женщинах, настаивавших на церковных церемониях и водворявших иконы на старое место, служили в методических разработках экспертов доказательствами разницы в зрелости революционного сознания по половому признаку². С новыми «красными ритуалами» связывались большие надежды, поскольку творцы советских ритуалов с помощью «новой театральности» стремились достучаться до людей эстетически, но прежде всего эмоционально, отвлечь от «волшебства» церковного церемониала и тем самым вырвать их из лона церкви. Вот что писал, к примеру, И. Я. Елизаров: «С ударом колокола, когда верующие потянулись в церковь, комсомольцы устроили на площади спортивные состязания. Крестьяне заинтересовались и останавливались, *невольно забывая про службу в церкви*. Здесь же играл струнный оркестр, пели песни. В результате многие из крестьян в церкви не были»³. Первоочередной задачей нового праздника была не работа по повышению сознательности и не разъяснительная работа, он должен был прежде всего отвлекать людей от «старого праздника», чтобы они незаметно забыли о нем, привлечь внимание к новому празднику, воздействуя на душу и производя сильное эмоциональное впечатление⁴.

При этом проявлялась большая готовность «учиться у противника» и сознательно копировать элементы праздничной драматургии православной церкви и других религиозных конфессий или пере-

---

¹ Крупская Н. К. Работница и религия // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 136; Trotzki L. Familie und Zeremoniell. S. 68 f.

² Крупская Н. К. Работница и религия; Trotzki L. Beilage: Fragen und Antworten über das Arbeiterleben // Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Essen, 2001. S. 87 ff.

³ Елизаров И. Я. Праздники настоящего и праздники прошлого. С. 27.

⁴ Кузьмин И. Значение «дня урожая». С. 82; Елизаров И. Я. Праздники настоящего и праздники прошлого. С. 27; Tret'jakov S. Wie soll man den 10. Jahrestag der Revolution feiern? // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. Kunstdebatten in der Sowjetunion von 1917 bis 1934 / hg. von H. Gaßner, E. Gillen. Köln, 1979. S. 459; Луначарский А. В. О детском революционном празднике // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстрале, цирке. М., 1981. Т. 1. С. 126.

нимать элементы церковной и нецерковной праздничной традиции¹. Не было ни одного церковного праздника, которому мастера советского ритуала не противопоставляли бы своего собственного, а там, где старинные народные праздники пустили глубокие корни в сельской и городской праздничной культуре, предпринимались попытки их узурпации. Так, согласно рассказам, комсомол вместо *первого* и *третьего спаса* изобрел *день урожая*, чтобы советизировать крестьянскую традицию праздника урожая: вместо поповского благословения первого колоса должен был исполняться «Интернационал»². Цель такого обряда являлась интегративной. То есть люди постепенно должны были приучаться к советской символической системе и параллельно, шаг за шагом, отчуждаться от религии и традиции. Однако такой подход всегда был сопряжен с исключением тех, кто квалифицировался как приверженец старых традиций и религии и кто не считался пассивно «своенравным». Политкарнавал, устроенный комсомольскими активистами в 1922–1923 гг. и направленный против духовенства различных конфессий, во время которого дело дошло до потасовок, предвосхищал перспективу столкновений, имевших место во время второй культурной революции 1929 г. В годы НЭПа партийно-государственные идеологи и эксперты следовали, однако, другой концепции: злоупотребления осуждались Политбюро как «перегибы». Антирелигиозная пропаганда не должна была «оскорблять чувства верующих»³. Таким образом, уже в 1920-е гг. выдвигались инициативы снизу, выходившие за пределы того, что намечалось принимаемыми решениями в партийно-пропагандистском аппарате.

Тем не менее в открытых выступлениях на тему праздников и новых ритуалов создание ритуалов и праздничных форм выдавалось за «самодетельную инициативу». Согласно этой риторике, эксперты подхватывали подобные импульсы со стороны «масс», собирали

---

¹ Елизаров И. Я. Праздники настоящего и праздники прошлого. С. 3, 22 и сл. Ср. также интерес этнологических исследований к традиционным праздникам. См.: Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Л., 1925. С. 98 и сл.; Тарадин И. Слобода Ровеньки // Воронежская деревня / под ред. Ф. Железнова. Воронеж, 1926. Т. 1. С. 111–119; Он же. Золотое дно. Экономика, история, культура и быт волости Центрально-Черноземной области // Ежегодник Воронежского краеведческого общества. Воронеж, 1928.

² См.: Кузьмин И. Значение «дня урожая». С. 81 и сл.; Возьминский А. Как проводился «праздник урожая» // Праздник урожая / под ред. А. Возьминского, И. Кузьмина. М., 1924. С. 69–80; Крупская Н. К. Праздник урожая // Правда. 1923. 28 авг.

³ С такой критикой выступили умеренные активисты Союза безбожников, такие, как Емельян Ярославский, а также Политбюро: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 6–7. 12–13, 14–16.

«первый опыт» новой «массовой культуры» и вырабатывали на его основе созвучную с ним концепцию. Так, авторы сборника о Дне урожая не устали повторять, что первоначально с его идеей выступил комсомол, а Троцкий дополнил свои рассуждения на тему «Вопросы быта» каталогом вопросов и ответов, в котором связывал свои мысли с голосами снизу¹.

Но подобные утверждения уводили в сторону от прогрессирующей профессионализации экспертного цеха. В действительности дискурс о советском празднике начал институционализироваться уже в период НЭПа. В середине 1920-х гг. возникли первые учреждения, занимавшиеся изучением праздников, велись дискуссии о правильной методике анализа праздников². Сложился ограниченный круг экспертов, которые профессионально занимались проблемами дидактики и методики праздничного дела и выпускали книги, где в качестве авторов излагали историю советского праздника. Так возникла профессия эксперта-действеника, и его статус был официально «объективирован», в отличие от первых послереволюционных лет, когда каждый критик от культуры мог объявить себя специалистом. Такие специалисты, как О. Цехновицер, П. Коган, Н. Подвойский или В. Жемчужный были членами партии и/или многочисленных общественных организаций, занимавшихся организацией праздников. Они обладали практическим опытом и любили подчеркивать это обстоятельство. Часть из них входила в состав партийно-государственных праздничных комиссий и могла предъявить официальный мандат организаторов массовых мероприятий³. Старый большевик Подвойский являлся в данном отношении примером перехода из одной ипостаси в другую. Бывший нарком по военным делам многие годы занимал пост руководителя Всеобуча (организация, занимавшаяся военной подготовкой гражданского населения), а в 1920-е гг. ведал вопросами физкультуры и спорта. В 1927 г. состоял членом

---

¹ См.: Кузьмин И. Значение «дня урожая». С. 81; Trotzki L. Beilage: Fragen und Antworten über das Arbeiterleben; Кузнецов Е. Под открытым небом. С. 20 и сл.

² Например, в Комитете социологического изучения искусства в Государственном институте истории искусств. См.: Извеков Н. П. Введение // Массовые празднества. С. 3–4.

³ В. Жемчужный входил в Ассоциацию действеников и принадлежал, таким образом, к профессиональным организаторам массовых праздников и театрализованных постановок. См.: Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию: Пособие для Октябрьских комиссий. М., 1927. М. Данилевский предлагал рекомендации из своей книги через Центральную праздничную комиссию ЦИК СССР. См.: Данилевский М. Улица и площадь в Октябрьские дни: Сценарии массовых действий и методика их проведения. М., 1927. С. 1. П. Коган был председателем Академии художественных наук.

Комиссии по планированию 10-й годовщины Октябрьской революции и в этом качестве в самом центре власти влиял на подготовку ее празднования. В тот же период он публиковал методические книги о проведении праздников и проявил себя на поприще праздничной дидактики¹. По степени влияния с Подвойским не мог сравниться ни один другой эксперт-действеник, но специалисты обладали достаточно хорошими связями, чтобы добиваться публикации своих книг большими тиражами в государственных издательствах или рекомендовать свои труды организаторам празднеств на местах в качестве пособий через Центральную праздничную комиссию. Таким образом, у них было достаточно авторитета, чтобы в директивном тоне излагать детальные планы проведения праздников на местном уровне². Так было монополизировано право публично выражать свое мнение относительно содержания и предназначения советских праздников.

К этому времени высшее партийное руководство отошло от непосредственного участия в дискурсе на праздничные темы. Если в течение первого послереволюционного десятилетия такие партийные руководители, как Троцкий, Луначарский или Крупская, постоянно высказывались на эту тему, участвуя в концептуальных дискуссиях, то теперь они предоставили это право партийным чинам более низкого звена и стоявшим близко к партии деятелям культуры. Это не означало, что руководство партии полностью уступило бразды правления в сфере организации праздников другим. Более того, в последующие годы оно усилило партийно-государственные плановые структуры, в том числе в деле проведения советских праздников. Но вопросы, касавшиеся функций и форм праздника, все больше передавались в ведение экспертов-действеников. Концептуальные соображения последних в определенных случаях выносились на рассмотрение директивных органов партийного государства. Партийно-государственные праздничные комиссии выполняли при этом задачу сопряжения компетенции экспертов и высших полномочий в области принятия решений.

Новоиспеченные эксперты подняли свой голос, когда в 1927 г. встал вопрос о праздновании 10-й годовщины Октябрьской рево-

---

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 869. Л. 19. В 1920-е гг. Николай Подвойский сотрудничал с Айседорой Дункан при организации массовых праздников. Согласно их представлениям, решающее значение имело «освобожденное» в результате военных упражнений и танца тело. См.: Stüdemann N. Dionysos in Sparta. Isadora Duncan, Tanz und Rausch in der Sowjetunion // (Hg.), Rausch und Diktatur / hg. von A. von Klimy, M. Rolf. Frankfurt/Main, 2006.

² См., напр.: Данилевский М. Улица и площадь в Октябрьские дни; Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции. Л., 1927. С. 24 и сл.

люции, т. е. первого круглого юбилея советской власти. В критическом тоне они предлагали коренным образом пересмотреть порядок празднования знаменательных событий. Критики заявили о себе уже в преддверии «Великого юбилея», указав на недостатки в советском праздничном деле и в организации праздников и предложив по-новому подойти к проведению юбилея¹. В год юбилея жесткая критика официальной праздничной культуры периода НЭПа усилилась: празднества «удалились от масс»², превратились в «пустую обрядность»³, стали «скучными» и «однообразными» мероприятиями⁴. Иными словами, в период НЭПа положительный опыт первых послереволюционных лет не приумножался, а большой пропагандистский потенциал массовых праздников не использовался. По случаю 10-летней годовщины требуются коренное обновление праздничного стиля и совершенно иная «система» праздничных поводов⁵. «Великий юбилей» служил поводом не только для «всенародного учета того, что удалось сделать за эти годы» в экономике Советского Союза, но и для ревизии деятельности в области культуры и проведения праздников за последнее десятилетие, а период НЭПа презрительно характеризовался как «потерянное время»⁶. Таким образом, в 1927 г. среди экспертов-действенников дали о себе знать иконоборцы. В процессе генерального сведения счетов с НЭПом они требовали возобновления «культурной революции» и форсированного преобразования *старого быта*⁷.

Фактически во время юбилейных мероприятий 1927 г. в сфере общественных праздников уже царил дух культурной революции, еще до того, как партийное государство в области экономики и в политической сфере начало разгром НЭПа, а Сталин присвоил в 1929 г.

---

¹ Извеков Н. П. Приемы изучения массового праздника // Проблемы социологии искусства: Сб. Л., 1926. С. 130 и сл.; Крупская Н. К. О политпросветработе в рабочей среде // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 283.

² Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию. С. 5 и сл.

³ Данилевский М. Праздники общественного быта. Торжественные заседания, октябрины, годовщины. Организация, методика, практика. М., 1927. С. 5; Он же. Улица и площадь в Октябрьские дни. С. 3 и сл.

⁴ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 9 (Николай Подвойский); Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 14; Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию. С. 6.

⁵ Tret'jakov S. Wie soll man den 10. Jahrestag der Revolution feiern? S. 458.

⁶ Крупская Н. К. Об очередных задачах массовой работы // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 407; Рюмин Е. Массовые празднества. М., 1927. С. 20 и сл., 71 и сл.

⁷ Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников. М., 1927. С. 4.

смене курса звание «Великого перелома»¹. В силу этого следует перенести датирование начала второй культурной революции в области праздников на 1927 г. Вообще говоря, переход от НЭПа к фазе Великого перелома представлял собой постепенный процесс, его начало не было приурочено к определенной официальной дате, например принятию первого пятилетнего плана. Динамика изменений в различных общественных областях была различной, но в целом они шли в направлении, указанном политикой радикального партийно-государственного дирижирования, — в сторону форсированного и фундаментального изменения основных общественных устоев. Какой характер принимала борьба в области культурной революции в последующий за 1929 г. период и какие модели при этом получали ярлык «правого» или «левого» уклонов, оставалось на усмотрение противоборствующих сторон. Начались кампании по взаимной дискредитации приверженцев того или иного лагеря в сфере культуры. Поскольку централизованного плана культурной революции, который имел бы единственную ведомственную принадлежность, не существовало, ход развития, символы и практические шаги в основном определялись в процессе этих столкновений. Ключевые понятия кристаллизовались в ходе дискурса между политическими флангами и сопровождавшей его раздачи атрибутов, идентифицирующих «отклонения», а их конкретизация происходила в разных сферах культуры уже в значительной степени автономно. Какой язык архитектуры, какая школьная модель или какая антирелигиозная кампания в конечном итоге торжествовали в качестве выражения «генеральной линии», стало результатом этой дискурсивной борьбы за позитивную или негативную стигматизацию, и велась она в основном с неясным исходом. Не существовало какой-либо модели в области культуры, которая была бы революционной «сама по себе», требовалось ее объяснение на понятийном уровне².

Обстановка в области праздничного дела в этом отношении не отличалась от ситуации в других областях культуры. Новый, соответствующий требованиям культурной революции стиль празднования вообще вырабатывался в ходе дискурсивных столкновений и дебатов на заседаниях праздничных комиссий и в методической литературе

---

¹ Сталин И. В. Год великого перелома // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1938. С. 288–298.

² Об архитектуре см., в частности: Kreis B. Das Verhältnis der Avantgarde zu Tradition und Sozialismus // Avantgarde II, 1924–1937. Sowjetische Architektur / hg. von S. O. Chan-Magomedow. Stuttgart, 1993. S. 92–119; о педагогике: Anweiler O. Geschichte der Schule und Pädagogik in Russland. Vom Ende des Zarenreiches bis zum Beginn der Stalin-Ära. Berlin, 1978. S. 436 ff.; Helmert G. Schule unter Stalin 1928 bis 1940. Über den Zusammenhang von Massenbildung und Herrschaftsinteressen. Berlin, 1994. S. 81 ff.

1927—1930 гг. Празднование десятилетия диктовало временные рамки таких принципиальных дебатов, поскольку большевистские организаторы не хотели отказываться от традиции «круглых юбилеев». Первый «круглый юбилей» являлся, таким образом, основанием и поводом для размышлений о значении и формах массового праздника, он давал культурно-революционным иконоборцам возможность открыто выступить с критических позиций. В бурные 1927—1929 гг., когда совершался переход от НЭПа к форсированной перестройке общества на основе первого пятилетнего плана, такие «предвестники» культурной революции играли роль катализатора, поскольку в их лице проявлял себя радикализм, подталкивавший к коренному изменению основ. События типа «Великого юбилея» или шахтинского процесса 1928 г. давали возможность бескомпромиссным революционерам от культуры подать голос, почувствовать силу своего влияния и вообще согласовать формы надвигавшегося Великого перелома¹.

Их влияние на празднование 10-й годовщины Октябрьской революции было достаточно мощным, чтобы придать этой круглой дате характер знакового события, бросавшего свой отблеск и на последующие годы. Одним из основных требований, предъявлявшихся экспертами-действениками к праздникам, была их пропагандистская направленность с целью повышения производительности труда и борьбы со старыми традициями. Отныне советские праздники планировались как смотры «достижений», в ходе которых советская власть демонстрировала общественности свои экономические и культурные успехи². С этой точки зрения праздник должен был служить сильным мотивирующим средством в «производственных битвах». Поэтому не было противоречия в том, что праздник объявлялся дополнительным рабочим днем³.

---

¹ Празднования 1927 г. были одним из моментов, использованных революционерами для согласования, да и вообще опробования символических практик. Аналогичное каталитическое действие праздников Французской революции описала Линн Хант: Hunt L. *Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der Entwurf einer politischen Kultur*. Frankfurt/Main, 1989. S. 27 ff.

² Трет'яков С. Wie soll man den 10. Jahrestag der Revolution feiern? S. 458; Материалы по проведению 10-й годовщины Октября в рабочем клубе, красном уголке и библиотеке. Изо-оформление Октябрьских празднеств / Московский губернский совет профессиональных союзов. М., 1927. С. 16.

³ Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию. С. 7, 21. Подобная функция праздников после 1930 г. еще более усилилась, см.: Опыт организации массового праздника / под ред. А. С. Гушина и др. М., 1931. С. 5 и сл., 65, 111; Guščin A. S. *Entwicklungswege der Bildenden Massenkunst der Werktätigen // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus*. S. 457; Первое Мая 1932 г.: Сб. материалов. Л., 1932. С. 3.

В то же время советские праздники были призваны служить мощным средством революционных перемен и в сфере жизненного мира. Подходы периода НЭПа, когда традиционным и религиозным праздникам противопоставлялись советские альтернативы, сохранялись, притом нетерпимость в этой сфере существенно возросла¹. Теперь речь шла не столько о постепенной «перевербовке» верующих, сколько об агрессивной демонстрации превосходства советской культуры. Отсутствие понимания этого превосходства теперь гораздо чаще истолковывалось как нелояльность, а не наивность, связанная с отсталостью сознания, и все больше ассоциировалось с уголовно наказуемыми действиями, такими, как хулиганство или прогулы². Приверженность традиционной и религиозной праздничной культуре попадала, таким образом, в разряд антисоветских действий, которым объявлялась борьба. В методической литературе периода Великого перелома доминировала соответственно терминология непримиримой борьбы «двух миров» или «двух систем», когда речь шла о противопоставлении советского и религиозного праздничных циклов. В этом аспекте официальный праздник рассматривался как средство борьбы, как пропагандистское оружие, призванное не столько просвещать или эмоционально интегрировать общество, сколько демонстрировать мощь советского культурного проекта³.

Тем не менее представление о том, что праздники могут служить средством «социалистического воспитания», не полностью утратило свою силу. Эксперты планировали праздники как широкую народную школу или как инструмент «перевоспитания общества»⁴. И они возлагали большие надежды как раз на воздействие праздничной музыки и «праздничного настроения» ввиду большого числа неграмотных среди населения⁵. В методических пособиях периода культурной революции понятие «праздничное настроение» стало расхожим терми-

---

¹ Данилевский М. Праздники общественного быта. С. 3, 20 и сл.; Ковалев Ф. Календарь религиозных праздников. Происхождение, бытовые особенности и классовое значение праздников. Харьков, 1930. С. 9 и сл.; Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо. С. 4.

² См.: Елизаров И. Я. Нужен ли рабочим праздник рождества? Материалы к антирождественской кампании. Л., 1929. С. 9 и сл.

³ Баратов Б. И. Праздник первой борозды. М., 1930. С. 28; Ковалев Ф. Календарь религиозных праздников. С. 8 и сл., 133 и сл.; Цехновицер О. Празднества революции. Л., 1931. С. 6 и сл.; Курелла А. Какими должны быть наши пролетарские праздники // Революция и культура. 1928. № 17. С. 47.

⁴ Цехновицер О. Празднества революции. С. 7; Он же. Демонстрация и карнавал. С. 7; Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо. С. 3 и сл.

⁵ Луначарский А. В. О детском революционном празднике. С. 126; Tret'jakov S. Wie soll man den 10. Jahrestag der Revolution feiern? S. 459.

ном. «Бодрый», «веселый» и «смеющийся»¹ — в таких эпитетах описывались праздничные действия и связанный с ними «эмоциональный подъем»². Нарратив радости с начала 1930-х гг. все чаще употреблялся при описании жизни в Советском Союзе, пока не был канонизирован Сталиным в 1935 г. в формуле «жить стало лучше, жить стало веселее»³.

Источник такого эмоционального воздействия праздника методисты видели в его органической связи с «массами». Еще в 1920-е гг. праздники назывались новой формой выражения «масс». Всякий раз, когда в общем критическом контексте Великого перелома раздавались критические голоса по поводу «ошибок» и «упущений» в организации праздников, они увязывались с указанием на «отрыв» от этих самых «масс»⁴. «Масса» была ключевым понятием для обоснования легитимности все более крупных мероприятий, так как она проявляла и осознавала себя в массовости⁵. Поэтому эксперты-действительники немало ломали голову над тем, как правильно построить демонстрацию. В так называемых «встречных колоннах»⁶, когда колонны демонстрантов дефилировали мимо друг друга, их участники могли видеть массу празднующих людей и осознавать свою принадлежность к ней.

Массовость все больше становилась объектом тщательного планирования. Ведь необходимо было в выгодном свете представить это легитимирующее воплощение советского праздника. В погоне за валом, характерной для идеологии первой пятилетки, важна была масштабность мероприятий и прежде всего ее неуклонный рост, поскольку в ней отражалась важность этого культурного медиума. Поэтому отчеты о проведении праздников начинались, как правило, с указания числа участников, которых ни при каких обстоятельствах не должно было быть меньше, чем в прошлом году. Следуя такой ко-

---

¹ Борисов В. В., Галлер А. П., Шилов П. З. Массовое действо – первомайский праздник 1932 г. М., 1932. С. 5; Мейерхольд В. Э. Доклад // О художественном оформлении демонстраций: Итоги общесоюзного совещания изобретателей. М., 1932. С. 6; Глан Б. Н. Ударно работать – культурно отдыхать. М., 1933. С. 36.

² Tret'jakov S. Wie soll man den 10. Jahrestag der Revolution feiern? S. 458.

³ Сталин И. В. Жить стало лучше, жить стало веселее: Из речи на I Всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935) // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 1.

⁴ Рюмин Е. Массовые празднества. С. 71 и сл.; Guščin A. S. Entwicklungswege der Bildenden Massenkunst der Werktätigen. S. 456 f.; Roščin L. Eine Kunst, die Anerkennung fordert // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. S. 460.

⁵ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 25; Данилевский М. Праздники общественного быта. С. 5, 6 и сл.; Массовое действо. сценарии, игры. Труд 1-го коллектива массового действа ОСМКС. М., 1929. С. 14.

⁶ Roščin L. Eine Kunst, die Anerkennung fordert. S. 460 f.

личественной логике, праздничные демонстрации быстро приобрели гигантские массовые масштабы: в 1927 г., согласно отчетам, в Москве вышло на демонстрацию более миллиона человек; в 1934 г. — уже полтора миллиона¹.

Важна не точность этих количественных данных, а игра с цифрами как отражение образа мышления, в котором «массовость» играла роль центральной референтной величины. Фотографии, фокусирующие внимание зрителя прежде всего на скоплении людей во время праздника или искусственно конструирующие его в коллажах², также должны были производить впечатление массовостью. В работах экспертов, в отличие от ранних послереволюционных лет, все реже указывалось на самовыражение масс в результате «инициативы снизу». Теперь среди специалистов царило единодушие в том, что массовость можно создать и оформить в праздничные формации только путем хорошей организации. Один из выводов из той критики, которая раздавалась в 1927 г., как раз и гласил, что удачно провести праздник можно, только хорошо спланировав и организовав его³.

За всеми призывами к организации и планированию идея праздника как самовыражения его участников отступила на задний план. Хотя «инициатива снизу» по-прежнему называлась важной составной частью любого советского праздника, а клубная работа и самодеятельность характеризовалась как элемент организации праздника⁴, они должны были подчиняться центральному плану и служить «приводными ремнями», доводя установки центральных праздничных комиссий до рядовой массы. Задача самодеятельности заключалась теперь в исполнении указаний экспертов участниками художественной самодеятельности, после 1927 г. упоминания о свободном экспериментальном самовыражении низов смолкли. На этом этапе конфликт между пониманием праздника как свободного выражения

---

¹ Миллион трудящихся Москвы на Октябрьской демонстрации // Советская Сибирь. 1927. 10 нояб. С. 1; Полтора миллиона демонстрантов // Коммуна. 1932. 5 мая. С. 1.

² Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо. С. 291 и сл. См.: King D. Stalins Retuschen. Foto- und Kunstmanipulationen in der Sowjetunion. Hamburg, 1997. S. 14 f., 78 f.

³ Рюмин Е. Массовые празднества. С. 41 и сл.; Данилевский М. Праздники общественного быта. С. 5, 15 и сл.; Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо. С. 3, 8 и сл.

⁴ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. С. 31; Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию. С. 30; Крупская Н. К. Культурно-массовую работу — на службу выполнению обращения ЦК ВКП(б) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 568.

«уличного искусства» и управлением из центра еще вполне осознавался экспертами. Так, В. Жемчужный выступал за создание специальной «комиссии по сотрудничеству», которая включала бы клубную работу в планы центральных планирующих инстанций¹. Таким образом, возникли новые комиссии, от которых ожидалось оживление сверху «инициативы снизу». Но проблема такого концептуального конфликта исчезла из повестки дня в последующие годы культурной революции. Уже в 1929 г. праздник и праздничные зрелища исподволь были приравнены к маневрам на манер военных, и соответственно потребовался центральный «штаб режиссеров», а в 1932 г. в существовании «центрального штаба самодеятельности» уже не усматривалось внутреннего противоречия². В этом учреждении самодеятельность окончательно превратилась в исполнительный орган, с помощью которого можно «будить массы»³.

В годы Великого перелома, таким образом, требования к планированию и профессиональной организации праздников заметно возросли. Чаше стала раздаваться критика по поводу участия непрофессиональных творческих работников в подготовке праздников, «единый план» или «усиление контроля за подготовкой» стали стандартными требованиями в критических высказываниях относительно советского праздничного дела⁴. В части, касавшейся праздников, культурная революция, таким образом, не несла с собой требования об «отмирании государства». Напротив, эксперты выступали в роли поборников централизации и профессионализации праздничного действа. Они верили в возможность планирования хорошего и действенного массового праздника, а себя предлагали в качестве тех, кто мог разработать и реализовать его «генеральный план»⁵.

---

¹ Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию. С. 30; Данилевский М. Улица и площадь в Октябрьские дни. С. 5, 8.

² Шукин Ю., Пагидсон А. Оформление массового празднества и демонстрации. М., 1932. С. 8 и сл.; Волков Н. Искусство массового действа // Современный театр. 1929. № 36. С. 470–471; Эйделс Л. Мобилизовать самодеятельное искусство на службу посевной // Культурный фронт. 1932. № 1. С. 39 и сл.

³ Novickij P. Die künstlerische Gestaltung der Politikampagne zu den Neuwahlen des Moskauer Sowjets // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. S. 466.

⁴ Курелла А. Какими должны быть наши пролетарские праздники. С. 47; Рошин Л. Возведение энтузиазма в степень // Искусство в массы. 1929. № 5–6. С. 28–30; Опыт организации массового празднества. С. 3 и сл., 63 и сл.; Kirbardin G. Der Künstler im Kampf um den PromFinPlan. Die Gestaltung der Oktober-Feiern in Moskau // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. S. 462.

⁵ Кузнецова А., Пагидсон А., Шукин Ю. Оформление города в дни революционных празднеств. М., 1932. С. 68.

Требования и интерпретации того, чем должен быть праздник и как его организовать, заявлялись с позиций профессионального ремесла. В годы Великого перелома существенно повысился уровень профессионализации в сфере публичных высказываний относительно советского праздника. Участники дебатов в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции в 1927 г. в качестве новшества требовали более точной методики планирования праздников и анализа эффективности праздничных мероприятий. В качестве конкретных мер предлагалось составлять отчеты, обобщать опыт, готовить кадры, проводить конференции экспертов и анкетирование для оценки восприятия праздников, частично эти предложения были реализованы¹. Свой вклад в это дело внесла, в частности, праздничная комиссия ЦИК СССР, издавшая собственный бюллетень по поводу проведения праздника и создавшая временный центральный орган по разработке концепции праздничной методики². В последующие годы методическая литература по организации праздников сформировалась как самостоятельный жанр. Она издавалась параллельно с разрозненными публикациями по теме праздников в различных журналах и большими тиражами распространялась по всему Советскому Союзу. Эксперты-действеники оказывали тем самым методическую помощь организаторам праздников на местах и делились своими теоретическими наработками относительно способов определения эффективности массовых праздников³.

Специальная литература оформилась как самостоятельная отрасль знания, отличная от других, с самостоятельным дискурсом. Авторы цитировали друг друга и, как было принято в годы Великого перелома, подвергали друг друга уничтожающей критике. Возникло своего рода общее референтное пространство, в рамках которого ограниченное число известных экспертов вели свой разговор. Часть

---

¹ Цеховицер О. Демонстрация и карнавал. С. 29; Данилевский М. Праздники общественного быта. С. 5, 17 и сл.; Лабунская Г., Эйсер А. С чем и как выходить на улицу. Оформление демонстраций. М., 1928. С. 48; РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–11 (доклад Николая Подвойского).

² Бюллетень Комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции. М., 1927.

³ Рюмин Е. Массовые празднества; Лисовский М. Октябрь в клубах: Сб. материалов к празднованию годовщины Октябрьской революции. М., 1927; Гаврилов А., Зеленко А. Гулянье. Организация. Сценарии праздника. Спортивные развлечения. Организованные игры и пляски. Массовая инсценировка. М., 1928; Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо; Материалы по проведению 10-й годовщины Октября в рабочем клубе, красном уголке и библиотеке. Тиражи составляли от 8 000 (Данилевский М. Улица и площадь в Октябрьские дни) до 20 000 экз. (Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию).

из них могла сослаться на «государственно признанную» компетентность. Так, М. Данилевский приводил «рекомендации», а О. Цехновицер ссыался на «одобрение» собственных публикаций со стороны праздничной комиссии ЦИК СССР, демонстрируя тем самым свою близость к высшей директивной инстанции в делах празднования¹. Такие авторы являлись не только рукой партийно-государственной инстанции в том, что касалось праздников, их публикации оказывали активное воздействие на процесс организации праздничных инсценировок на местах. Их деятельность – пример взаимосвязи между решениями комиссии и «общественным» производством специальных знаний в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Имело место сотрудничество партийно-государственных комиссий с авторами публикаций, которые считали себя профессионалами в своем деле; две стороны не были равнозначными, но вместе в разной форме оказывали воздействие на практическую постановку праздничного дела тех лет.

Свидетельством растущей профессионализации методического дискурса является также повышение активности учреждений, в которых на штатных должностях находились люди, по долгу службы занимавшиеся праздниками. Такие организации, как Московский губернский совет профессиональных союзов или Государственная академия искусств, имели в своей структуре специальные отделы, занимавшиеся анализом организации праздников и публиковавшие свои выводы и сборниках материалов². Существовали и такие учреждения, как Комитет социологического исследования искусств или Государственный институт истории искусств, проводившие исследования в области праздников и их рецепции. Так возникали учебные центры по подготовке специалистов-действенников и «массовиков»³.

Несмотря на взаимную критику, воинствующее сообщество экспертов было устремлено к одной цели: повышению уровня профессионализации торжественных мероприятий, и это поле деятельности они не хотели уступать ни самодеятельности, ни творческим работникам. Эксперты требовали создания постоянно действующего штаба по планированию, подготовке и проведению советских праздников⁴.

---

¹ Данилевский М. Улица и площадь в Октябрьские дни. С. 1; Цехновицер О. Празднества революции. С. 1.

² Материалы по проведению 10-й годовщины Октября в рабочем клубе, красном уголке и библиотеке; Опыт организации массового празднества.

³ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 60–65; Массовые празднества: Сб. комитета социологического изучения искусств. Л., 1926; Проблемы социологии искусства: Сб. Л., 1926.

⁴ Опыт организации массового празднества. С. 62 и сл.

Конфликт между центральной организацией советских праздников и той ролью, которую должна была играть в них «творческая самодеятельность масс», возникший в 1920-е гг., с точки зрения экспертов, разрешился в начале 1930-х гг.: все они в один голос выступали за централизованное планирование праздников профессионалами и являлись, таким образом, идейными первопроходцами в сфере праздников предвоенного десятилетия.

Однако эксперты не смогли снять другое противоречие периода Великого перелома, а именно: между функцией праздника как средства борьбы в культурном антагонизме между «старым» и «новым» миром, с одной стороны, и его задачей эмоционального сплочения празднующего сообщества – с другой. То есть основной конфликт советской пропаганды периода культурной революции продолжал существовать и на поприще праздников. Задачей пропаганды считалось убеждение «отсталого» большинства в превосходстве советских культурных стандартов, но пропагандисты не хотели считаться со сложившейся жизненной практикой того же большинства. Мосты, связующие пропаганду с широкими слоями общества, были сожжены в результате бесцеремонного обращения со старыми традициями – и это при том, что должна была быть налажена коммуникация между небольшим по численности слоем представителей «нового мира» и многими людьми, все еще приверженными обычаям «старого мира». В ловушку этого концептуального противоречия попали и праздники: советский праздник был запрограммирован на конфликт с религией и традицией, а его творцы надеялись эмоционально завоевать тех людей, чьи обычаи, привычки и традиции они попирали.

Такая пропаганда вовсе не ориентировалась на восприятие тех, на кого она была рассчитана. Напротив, постоянные апелляции к «массам» и их предполагаемым чаяниям создавали лишь словесную видимость стремления к легитимации, к эмпирической стороне которой проявлялось все меньше интереса. Так, опросы и анализы восприятия праздников респондентами, которые широко практиковались во время празднования 10-й годовщины Октябрьской революции, с начала 1930-х гг. перестали проводиться. Советская пропаганда замкнулась в своем искусственно созданном мире. Приведем в качестве примера праздничную кампанию 1933 г. в Воронеже: несмотря на голод, свирепствовавший также в Центрально-Черноземной зоне, воронежские «праздниковики» (неологизм переводчика, соответствующий кальке с немецкого. — *Прим. пер.*) усердно готовили празднование дня урожая, надеясь с его помощью убедить широкие массы сельского населения в превосходстве советской аграрной системы. Общественный фон, на котором пропагандисты разворачивали свою активность, был

для них неважен. Праздники организовывались обычными рутинными способами и во времена, когда нечего было есть¹.

Забвение любой реальности, которая не вписывалась в сконструированную советскую действительность, служила пропагандистам и методистам-действенникам способом разрешения основного конфликта между интеграцией и сегрегацией или руководством сверху и инициативой низов. Если советское общество на словах было одним широким, радостным празднующим сообществом, то к чему было задумываться над сегрегацией? По крайней мере в представлениях экспертов и соответствующих им проектах все члены общества с энтузиазмом участвовали в одном деле: трудовые вахты объявлялись праздничным действием, «инициативы снизу» гармонично сливались с управлением ими из центра. Не нужно было с помощью праздника убеждать или воздействовать на эмоции аутсайдеров и сомневающихся, поскольку все и так уже были членами большой и счастливой семьи, если не считать исключенных из праздничного пространства врагов народа.

В текстах, написанных пропагандистами и экспертами в 1930-е гг., были опущены все противоречия. Но в результате авторы сами становились ненужными. Если не существовало неразрешенных конфликтов, то отпадала надобность и в теоретиках с их рассуждениями насчет эффективности праздничных мероприятий. Так и произошло: с середины 1930-х гг. поток теоретических публикаций на тему праздников иссяк. Остались только чисто практические пособия для многочисленных праздничных комиссий на местах и наставления «в помощь организаторам»². Производителями специальных знаний стали почти исключительно те многочисленные комиссии по планированию, которые действовали в качестве разветвленного и слаженного партийно-государственного аппарата в сфере организации и проведения празднований.

В немногочисленных организационно-методических публикациях 1930-х гг., которые еще можно было отыскать по теме праздников, в центре внимания их авторов находится аспект развлечения. Праздникам уже не отводилась роль «университетов под открытым небом», теперь они должны были служить средством отдыха. Ведь советский гражданин уже имел «право на праздник», завоеванное в тяжелые годы строительства³. Общественные празднества намечались с целью

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2335. Л. 31 об.-32.

² Глязер С. Народные празднества. В помощь организатору и оформителю Первомайского праздника. М., 1938; см. также: Юдин Б. Народные празднества. М., 1937. С. 5 и сл.

³ Юдин Б. Право на праздник // Массовые празднества / под ред. Б. Юдина, Е. Щедрина, С. Белоусова. М., 1935. С. 3; Юдин Б. Народные празднества. С. 47.

развлечения, спортивных соревнований и отдыха. Эти формы игр ищ отнюдь не противоречили задачам политической агитации и борьбы за повышение производительности труда. Все вместе задумывалось как органическое целое. С одной стороны, отдых и развлечения, и прежде всего занятия спортом, должны были содействовать достижению более высоких результатов на производстве и повышать готовность к обороне¹, а с другой стороны, развлечения ставились на службу советской культурной миссии. В процессе «культурных развлечений» их участники приобщались к адекватным культурным стандартам советского гражданина, им внушалась мысль, что живут они в «счастливой стране». То есть развлечения тоже представляли собой форму агитации².

С таким же расчетом составлялась программа праздничного карнавала, который, в отличие от 1920-х гг., не был проникнут политсатирой, а превращался в маскарад, где действовали сказочные персонажи. Красочный спектакль должен был излучать «веселье», в то время как в период культурной революции доминировал боевой тон³. Изменения проявились также в терминологии. В 1930-е гг. праздничные мероприятия стали в основном именоваться *народными гуляньями* или *народными празднествами*, сменив *массовые празднества* или *массовое действо*⁴. Акцент в этих «народных празднествах» делался на увеселениях, в меньшей степени – на боевой демонстрации силы и мощи революционных масс. Однако принимать новую терминологию как признак деполитизации означало бы неправильно трактовать заключенную в ней самооценку устроителей празднеств: «культурные развлечения» в 1930-е гг. рассматривались как важное политическое дело.

В предвоенное десятилетие уже ни у кого из экспертов-действенников не было и тени сомнения в том, что праздник должен быть тщательно спланирован. Хорошая организация считалась условием любого удачного праздника⁵.

Во времена «всеобщего заговора» при подготовке праздников требовалась высочайшая бдительность даже в «мелочах», только четкие инструкции и контроль за их соблюдением защищали праздник от

---

¹ Такова основная мысль у Б. Глан: Глан Б. Н. Ударно работать – культурно отдыхать.

² См.: Глан Б. Н. Парк культуры и отдыха в колхозе. М., 1934. С. 6; Она же. Детские парки Москвы. М., 1936; Глязер С. Народные празднества. С. 2.

³ Юдин Б. Народные празднества. С. 48; Глязер С. Детские сады и парки. М., 1937.

⁴ См.: Глязер С. Народные празднества; Гвоздев А. А. Проблема народности в истории театра // Народное творчество. 1938. № 10–11. С. 37–46.

⁵ Юдин Б. Право на праздник. С. 3.

подрывной деятельности многочисленных врагов Советского Союза¹. В охраняемом праздничном пространстве, как водится, царило «праздничное настроение» «счастливых людей». Но направляющая рука эксперта требовалась и здесь: даже «радостное настроение» рассматривалось как продукт профессионального планирования². Таким образом, в конце предвоенного десятилетия эксперты-действеники сами себе выдали генеральную доверенность на организацию праздников.

Такой взгляд на вещи, собственно говоря, не был далек от реальности. Многоголосый хор экспертов сильно поредел в 1930-х гг. Лишь немногие авторы продолжали высказываться на тему праздников. И делали они это в основном с практическим уклоном, редко пускаясь в рассуждения о формах революционного искусства и культуры. Критическая среда Великого перелома, когда все попеременно нападали друг на друга, трансформировалась в пение унисоном хвалебного гимна «веселому празднику» в «счастливой стране». Те же профессиональные эксперты заседали в многочисленных комиссиях в качестве специалистов по ритуалам (как их называла Кристел Лейн), занимаясь планированием и организацией праздников³. Из-под их пера выходили только практические руководства и собрания материалов, но их влияние как членов планирующих органов существенно возросло. Потому что в 1930-е гг. советский праздник окончательно стал продуктом внушительного по своим размерам иерархически построенного аппарата, включая многочисленные комиссии.

Организация праздников: праздник как плановое мероприятие

Невзирая на широковещательные заявления организаторов праздников относительно интеграции «спонтанности» и «самодетельности», массовый советский праздник всегда носил характер высокоорганизованного события. Уже на ранней стадии, в 1927 г., новый партийно-государственный интервенционизм проявился в праздничной культуре, прежде чем стал доминирующим в других облас-

---

¹ Юдин Б. Народные празднества. С. 4. Формулировку «всеобщий заговор» (omnipresent conspiracy) см.: Rittersporn G. T. The Omnipresent Conspiracy: On the Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s // Stalinism: Its Nature and Aftermath. Essays in Honor of Moshe Lewin / eds. N. Lampert, G. T. Rittersporn. Houndmills, 1992. P. 101–120.

² Юдин Б. Право на праздник. С. 4.

³ Lane C. The Rites of Rulers, Ritual in Industrial Society – The Soviet Case. Cambridge, 1981. P. 5.

тях культуры, а также в экономике. Созданные тогда образцы накладывали свой отпечаток на организацию праздников на протяжении всего последующего десятилетия. Поэтому мы считаем целесообразным дать более детальную картину организационной структуры этой сферы в 1927 г., поскольку она сохранялась и после юбилейной даты Октябрьской революции. Помимо всего прочего, в области планирования праздников отражались основополагающие линии развития советского культурного производства, характерные для нее с конца 1920-х гг. Следовательно, рассмотрение организационной структуры праздничной культуры является полезным с точки зрения изучения общих условий развития советской культуры.

Сразу же после скромных празднеств по случаю 9-й годовщины в ноябре 1926 г. была образована Центральная праздничная комиссия по подготовке «Великого юбилея» — первого десятилетия молодой советской власти. *Центральная комиссия по подготовке и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции* непосредственно подчинялась Президиуму ЦИК СССР, т. е. высшему государственному органу Советского Союза. Соответственно руководителем комиссии был председатель Президиума ЦИК М. И. Калинин. Кроме него в подготовке к празднованию участвовали А. С. Бубнов, Н. И. Бухарин, С. М. Буденный, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Н. И. Подвойский, В. М. Молотов и другие. В их лице во главе этого органа были представлены высшие политические деятели, что свидетельствовало о той важности, которая придавалась большевиками 10-летней годовщине¹. Номинально подчиняясь высшему государственному органу, Центральная комиссия являлась непосредственным связующим звеном между государственными учреждениями и партией: параллельной праздничной комиссии Политбюро не существовало. Но Политбюро рассматривало решения комиссии и принимало решения о государственных праздничных актах. Перевес партийных указаний в праздничной сфере, равно как и в других областях, был очевиден². Кроме того, к заседаниям комиссии и ее многочисленных подкомиссий привлекались видные деятели культуры и представители массовых организаций³. Таким образом, комиссия была укомплектована кадрами первой величины и уже в ноябре 1926 г. развернула

---

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 869. Л. 19; Д. 870. Л. 1; Д. 873. Л. 1. В проекте состава комиссии 1926 г. в качестве членов первоначально предусматривались также кандидатуры Троцкого, Зиновьева и Каменева: Там же. Д. 869. Л. 52.

² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952 / под ред. Г. М. Адибекова, К. М. Андерсона, Л. А. Роговой. Т. 1: 1919–1929. М., 2000. С. 563, 569.

³ В частности, Осип Мандельштам, представители Пролеткульта, комсомола и Красной армии: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 870. Л. 1; Оп. 20. Д. 891. Л. 1.

активную деятельность. 10-я годовщина должна была стать блестящей страницей в летописи советских праздников, а также примером советского организаторского искусства.

Центральная комиссия имела право давать указания всем учреждениям, занимавшимся организацией празднования на различных уровнях административного управления, в республиках и регионах. В течение 1927 г. Центральная комиссия несколько раз контролировала ход подготовки к юбилею на периферии с целью оказания влияния на положение дел. Состоялось несколько встреч делегатов республиканских и региональных праздничных комиссий, регулярно заслушивались отчеты «с мест». С другой стороны, на совещаниях экспертов большое значение придавалось так называемой «инициативе снизу». Центральная комиссия обещала быть открытой по отношению к инициативам из республик и регионов. И действительно, судя по стенограммам ее заседаний, речь шла о совместном поиске адекватных форм проведения выдающегося государственного праздника. Представители подчеркивали взаимозависимость между центром и регионами¹. Представители регионов, в свою очередь, постоянно ссылались на авторитет Центральной комиссии и старались претворить в жизнь решения, принимавшиеся в Москве, несмотря на все трудности, в основном финансовые. Роль Москвы как примера была устойчивой риторической фигурой, а слишком большая «местная инициатива» вызывала критику из центра².

Таким образом, Центральная комиссия стремилась координировать подготовку празднования и устанавливала определенные все-союзные стандарты. Уже в 1927 г. ей удалось добиться сравнительно больших успехов в этих нормотворческих усилиях, так как в предыдущие годы шаг за шагом сложилась общая организационная структура подготовки праздников, опытом которой теперь могла воспользоваться комиссия. Образование праздничных комитетов было уже рутинным делом; оставалось лишь активизировать коммуникацию между этими образованиями. Кроме того, такие организации, как профсоюзы или комсомол, образовали по случаю «Великого юбилея» свою сеть комиссий, действовавших параллельно государственным структурам и широко копировавших их образцы. Отделы культуры в профсоюзах дополняли, в том числе на региональном уровне, сеть государственных праздничных комиссий, содействуя таким путем продвижению общих стандартов на предприятия³. Эти параллель-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 92.

² Там же. Л. 49–51; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 24. Л. 5–21. О критике см.: Там же. Л. 7–14 (стенограмма заседания комиссии от 10–11 авг. 1927).

³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 515. Л. 25.

ные структуры обеспечивали распространение нормативных установок вширь, выполняя задачу, с которой партийно-государственные комиссии ввиду ограниченной численности своих членов не справились бы¹.

Одновременно на региональном уровне, как и в республиках, существовала своя иерархически построенная сеть комиссий, которая играла роль капилляров при доведении праздничных норм до низового уровня. Существовали губернские или краевые комиссии, которые, будучи представителями Москвы, передавали ее указания местным комиссиям и контролировали их работу². Иные принципы построения комиссий Москвой отвергались; так, резкой критике подверглась Тульская губерния за то, что там были образованы комиссии по ведомственному принципу. Москва придавала большое значение созданию однородной всесоюзной структуры планирования³.

В состав региональных комиссий были включены представители различных ключевых общественных учреждений. Так, наряду с партией и государством в работе комиссий участвовали армия, комсомол, профсоюзы, краеведческие общества и предприятия⁴. Столь разнородный состав комиссий должен был оживить коммуникацию между различными участвовавшими в подготовке к празднованию учреждениями, которые имели оргкомитеты, в том числе на региональном уровне. Доминирующая роль партии поэтому никогда не подвергалась сомнению: комиссии регулярно отчитывались перед региональными партийными органами, а их планы получали благословение в обкомах или крайкомах⁵.

Региональные праздничные комиссии и их созданные по московскому образцу подкомиссии работали, кроме того, в тесном контакте с местными комиссиями, действовавшими в уездах или округах⁶. Они направляли туда своих эмиссаров, в задачи которых входил контроль за ходом подготовки, и указания, служившие проводником московских стандартов в региональной иерархии. Поэтому они являлись важной точкой сопряжения московских директив с органами их исполнения в локальном контексте⁷.

---

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 514. Л. 4 об.; Д. 515. Л. 26–26 об.

² В Воронежской губернии: ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 3–4, 26–30, 38. В Сибирском крае: ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 38, 57–75.

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 904. Л. 10–11.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1965. Л. 15–16.

⁵ Там же; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 85–86.

⁶ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 26–28; ЦДНИВО. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 453. Л. 8–9; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 8–9.

⁷ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1702. Л. 144–146; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 42–43, 82–84.

Сеть праздничных комиссий уже в 1927 г. пронизывала местные микроструктуры общества. Каждая волость, каждый район, каждый город, каждая «общественная организация», каждое крупное учреждение, даже клуб должны были согласно указаниям региональной праздничной комиссии образовать свой праздничный комитет¹. Широкая коммуникация между различными комиссиями обнаруживает удивительно плотную организационную структуру устройства праздников в регионах Центрально-Черноземной области и Сибири. Насколько активными в действительности были эти местные комиссии, судить трудно. Но их бездеятельность постоянно давала повод для острой критики со стороны региональных центров². Тем не менее номинально уже в 1927 г. в сфере подготовки праздников существовала густая организационная сеть.

Институционализация праздничного дела еще оставляла в 1927 г. широкий простор для самодеятельности. «Творческая активность просвещенных масс» должна была обеспечить живой характер празднеств. Художественная «личная инициатива» приветствовалась в качестве средства против административной заорганизованности и вытекавшей из нее шаблонности, подчеркивалась недопустимость «концентрации» в деле планирования праздников³. Соответственно многочисленные небольшие кружки на предприятиях, в организациях, школах и детских садах, которые оживляли праздник, пользовались большим вниманием. Однако уже к 10-й годовщине роль этих кружков сводилась в сущности к исполнению предначертаний: кружки претворяли в жизнь в микрокосме предприятий формальные установки общих праздничных планов. Их члены писали на транспарантах лозунги, заданные праздничными комиссиями⁴. «Самодеятельность» уже в 1920-е гг. означала самодеятельную интеграцию в более широкий предписанный проект. Но в этих кружках в подготовке празднования участвовало гораздо больше людей, чем имелось профессиональных экспертов во всей сети праздничных комиссий и комитетов. Кружки художественной самодеятельности на местах были средоточием активного участия в общем событии, каким являлся советский праздник⁵.

---

¹ ГАВО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 1701. Л. 3–4; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1702. Л. 90–92; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 49–49 об., 51.

² ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 42–43.

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 26. Л. 21–23 (Доклад Николая Подвойского); ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1965. Л. 15–16, 18–20; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 57–59; Ф. 627. Оп. 1. Д. 266. Л. 9; В октябрьской юбилейной комиссии Губисполкома // Воронежская коммуна. 1927. 23 авг. С. 3.

⁴ ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 26–28, 57–75.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1702. Л. 71–73; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 5–7, 49–49 об., 57–58.

Четко просматривается разница в организации праздников в городских провинциальных центрах и малых городах, с одной стороны, и в селах – с другой. Планирование деревенских праздничных мероприятий осуществлялось уездными комиссиями, а их адаптация к местным условиям была делом сельских комитетов¹. Сельский совет являлся организатором этих комитетов. Насколько мала была самостоятельность села в подготовке празднований, видно из того, какое место посланцы города занимали в местном планировании. Городские активисты направлялись в село по линии шефских связей для оказания «поддержки» при подготовке к празднованиям с задачей обеспечить соблюдение общих праздничных стандартов и за пределами города².

Таким образом, советский праздник уже в 1927 г. был мероприятием, бразды правления которым находились у комитетов и которое следовало центральным установкам и образцам также на региональном уровне. Архитектура, хореография и тематика праздников везде были одинаковыми, а политические лозунги предварительно утверждал для всей территории Советского Союза Центральный комитет³. Организовать и провести запланированный праздник стоило больших усилий, финансовых, а главным образом – временных затрат. Целая армия комиссий начиная с зимы 1926 г. занималась планированием «Великого юбилея». Центральная московская комиссия собиралась на заседания почти каждый месяц, ее подкомиссии и региональные ответвления – еще чаще⁴. Между заседаниями комиссий подкомиссии вели подготовительную работу, которая, в свою очередь, нуждалась в одобрении со стороны вышестоящего органа. Одновременно в аппарате по производству праздников осуществлялся самоконтроль. Планирование юбилея сопровождалось многочисленными встречами председателей комиссий, докладами о «ходе подготовки», инспекционными поездками эмиссаров, проверявших достоверность этих докладов на местах, критикой «медленного темпа подготовки» и обязательными заключительными отчетами соответствующих органов⁵. Судя по интенсивности контрольной деятельности, вышестоящие инстанции с большим недоверием относились к исполнению директив комиссиями на нижних этажах иерархии.

---

¹ ГАВО. Ф. 452. Оп. 1. Д. 286. Л. 331–332; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1975. Л. 34–36.

² ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 1–3.

³ Об этом свидетельствуют, в частности, отчеты о празднованиях из Острогожского уезда Воронежской губернии: ГАВО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 826. Л. 65–67. О лозунгах: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 919. Л. 6–7.

⁴ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 19; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1965; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823.

⁵ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 917. Л. 1–318; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 38, 76–78.

Очевидно, это недоверие имело под собой основания: лихорадочная спешка, охватившая аппарат в последнее полугодие перед 7 ноября 1927 г., позволяет делать выводы о проволочках в подготовке вплоть до осени юбилейного года¹. Густая сеть праздничных комиссий еще не давала гарантий того, что планирование и проведение советского юбилея пройдут гладко.

Это тем более касалось праздников, которым не присуждался статус «всесоюзных». Такие праздники, как Международный день молодежи, не могли опираться на столь же разветвленный аппарат. Для их планирования создавались временные комитеты, они носили кампанейский характер, и ощущалась нехватка средств. Поскольку у этих новых праздников не было массовой общественной базы, т. е. минимума добровольных участников, которые проявляли бы к ним интерес, часто их подготовка затухала уже в самом начале. Так, хроника Международного дня молодежи 1927 г. в Новосибирске отражает историю его провала. В результате отсутствия подготовки, нескоординированных действий второпях созданных незадолго до праздника комиссий демонстрация не состоялась, по официальной версии — из-за плохой погоды. Но во внутренних отчетах указывалось, что «люди не знают, какой праздник отмечается»². Публикация с разъяснением целей и повода праздника запоздала, а подготовка оставляла желать лучшего: пришлось отказаться от запланированной военной игры, так как своевременно не подвезли холостых патронов³.

На примере организации таких праздников «второго эшелона» видны слабости пока еще не консолидированного и не отлаженного аппарата по производству праздников в конце периода НЭПа. Планирование и проведение этих праздников в основном носили импровизированный и слабо институционализированный характер. Зато организация 10-летней годовщины Октября была образцовой. На этот образец следовало ориентироваться при производстве советских праздников в последующие годы. Тенденции развития в 1930-е гг. подталкивали к усилению нормирования и контролирования праздников, а также к повышению уровня профессионализма организации и рутинизации их проведения.

В годы, следовавшие за бурным Великим переломом, возросла слаженность в работе аппарата праздничного производства. Сеть планирующих инстанций обеспечивала подготовку официальных

---

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 759. Л. 26–28; Оп. 42. Д. 25. Л. 48–50. То же наблюдалось и в провинции: ЦДНВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 13. Л. 9 об.–10; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 42–43.

² ГАНО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 306. Л. 6–7, 17–20.

³ Там же. Л. 35.

празднований и доводила директивы центра до микроструктуры, занимавшейся их организацией. Однако партия все больше монополизировала право планирования в этой сфере. По случаю 20-й и 21-й годовщин не создавались комиссии ни при Совнаркоме, ни при ЦИК СССР, ни при обкомах. Партия выступала в роли единолично-го координатора подготовки к юбилеям. На заседаниях центрального и региональных партийных органов принимались принципиальные решения по предстоящим годовщинам и другим праздникам¹. Роль государственных структур в планировании, напротив, была сведена к выполнению чисто сопроводительных функций – выделению средств, награждению и переименованиям по случаю годовщин, более существенными вопросами организации они уже не занимались². На местном уровне «комиссии по подготовке и проведению празднований» создавались уже райкомами и горкомами. Хотя к этой работе привлекались и «общественные организации», представители профсоюзов и комсомола, но в директивах обкома четко и ясно подчеркивалось, что все мероприятия проводятся под руководством партийных органов и все планы должны утверждаться ими³.

Таким образом, партия ужесточала контроль в деле планирования праздников на местах. В то же время она могла активизировать уже сложившуюся модель подготовки и проведения празднований. Целое десятилетие функционирования одной и той же или аналогичной структуры планирования превратили организацию крупных праздников в рутину. Как нельзя более наглядно это проявилось, в частности, в стандартизации праздничного производства в общественных микроструктурах: до конца десятилетия нормированная плановая структура распространилась, по крайней мере, в городах, достигнув и низового уровня. Так, жители домов в Сталинске по случаю празднования 1 Мая 1939 г. или 10-летия Кузбасского металлургического комбината – крупного предприятия, которому город был обязан своим бурным ростом в 1930-е гг., — проводили заседания комиссий и решали вопросы подготовки празднований на микроуровне. В написанных от руки протоколах заседаний добросовестно названы председательствующий, секретарь заседания, деловито перечислены обсуждавшиеся вопросы и принятые решения. Эти праздничные комиссии повторяли стандартную процедуру, принятую в вышестоящих районных и областных комитетах⁴.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990; ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 214–217.

² По таким детальным вопросам в связи с праздничной датой см.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 933. Л. 9–13, 29; ГАВО. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 17, 126–127, 198–200.

³ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2248. Л. 397–397 об.; ГАНО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 99. Л. 121.

⁴ НФГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 71–120.

Итак, порядок подготовки советских праздников, осуществлявшейся через праздничные комитеты, к середине 1930-х гг. проник и в микроструктуры общества. Мечта советских экспертов-действенников о планировании праздников, похоже, сбылась. Однако плановое производство праздников требовало также усиления контроля. В годы Большого террора различные инстанции особенно пристально следили за подготовкой праздников. Кампании по их планированию и организации сопровождались призывами к «повышенной бдительности», а во время массовых праздничных мероприятий выделялись дополнительные средства для их «охраны» силами НКВД. Страх перед «всеобщим заговором» проник также в сферу празднования и заставлял принимать меры предосторожности¹.

Атмосфера общей подозрительности в 1937—1938 гг. и последствия репрессий значительно затрудняли подготовку праздников. В 1930-е гг. постоянно расширялся перечень лиц, не подлежащих упоминанию. Руководители и крупные деятели партии и государства, которых еще вчера прославляли во время праздничных торжеств, могли за одну ночь превратиться в «шпионов» и «врагов народа», а их имена приходилось удалять из праздничных текстов². Планы празднования 20-й годовщины Октябрьской революции в 1937 г. были изменчивыми, как и само время: неоднократно приходилось менять состав праздничных комиссий, дабы закрыть бреши, оставшиеся после ареста разоблаченных «врагов народа». Непрерывно приходилось вычеркивать из списка возвеличиваемых персон то одно, то другое имя, а также вносить изменения в сборники документов, составленные по случаю праздников, или вообще изымать их из обращения³.

Ответственность за «политические ошибки» или «отсутствие бдительности» при проведении празднований возлагалась в эти годы на их организаторов. Председатели праздничных комитетов на различных административных уровнях должны были «лично отвечать» за политически корректное оформление праздников и содержание праздничных речей⁴. Иногда в связи с этим дело доходило до существенной чистки личного состава праздничных комиссий⁵. Поэтому неудивительно, что ввиду ужесточившегося контроля и опасностей, связанных с любым проявлением инициативы, организаторы праздников все больше стремились обезопасить себя. В их поведении

---

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 135. Л. 23–26; ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1688. Л. 43; ГАНО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 254. Л. 7.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 28. Л. 213 об.

³ Там же. Л. 42 об.–43.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 214–217; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 59. Л. 14.

⁵ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 33. Л. 25.

проявлялась общая тенденция в жизни Советского Союза периода Большого террора: боязнь присягнуть потенциально опальному лицу, дабы самому при его падении не впасть в немилость, приводила к экстремально высокой степени перестраховки у всех облеченных ответственностью. Перестраховка служила методом защиты против всех возможных инстанций. Даже планы проведения праздников в детских группах продленного дня казались достаточным поводом, чтоб заручиться поддержкой высшей партийной инстанции на региональном уровне. Накануне праздничных дат комиссии посылали своих сотрудников в специальные «контрольные поездки», чтобы проверить правильность лозунгов и их размещения. Постоянно в резком тоне делались напоминания о «бдительном подборе» агитаторов по случаю праздничной даты, а все списки ораторов и адреса приветствий даже в самых заурядных случаях должны были направляться на утверждение в высшие региональные партийные инстанции¹. В таком климате, где царили постоянная подозрительность, истерия «бдительности», цензура и самоцензура, не могли развернуться творчество и личная инициатива. Советский праздник эпохи Большого террора постигла та же судьба, что и другие области культуры: он окостенел, так как, только передавая по накатанной колее уже известное исполнителям, можно было быть уверенным, что не сделаешь ничего лишнего.

Террор препятствовал, таким образом, ровному и гладкому протеканию праздничных кампаний, но не разрушил аппарат, который занимался производством праздников. Слишком устойчивыми оказались институциональные структуры, складывавшиеся годами. Основной организационный принцип советских праздников в эти годы остался неизменным; планирование праздников и в условиях Большого террора осуществлялось многочисленными центральными, региональными и местными комиссиями по привычному образцу. О степени стандартизации праздничного производства к тому времени можно судить по внутренней документации праздничных комиссий. Переписка между ними выдержана в шаблонных формулировках общепринятых заявлений. Да и внутренняя корреспонденция настолько подогнана под общие нормы, что она вполне подходила к любому празднику последних предвоенных лет². В этом, несомненно, заключалось внутреннее «дисциплинирующее воздействие» террора. Страх сказать что-нибудь не то усиливал тенденцию к формализации языка. Внутренняя

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2249. Л. 218; Д. 2718. Л. 175–176 об.; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 41. Л. 35; ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–11.

² ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2245. Л. 304–306 (1 Мая 1938 г.), Л. 408–409 (День печати 1938 г.); ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247. Л. 169–170 (День авиации 1938 г.).

коммуникация в партии или в праздничных комиссиях выродилась в производство прокламаций. Но, с другой стороны, эта тенденция свидетельствовала о том, что механизм производства праздников, несмотря на замешательство, вызванное Большим террором, работал бесперебойно. Распространенные в то время критика и самокритика сравнительно редко затрагивали праздничные кампании¹. Организаторы советских праздников и инспекторы в целом были довольны собственной продукцией, что было скорее исключением на общем фоне работы советского аппарата в 1930-е годы.

Управление праздниками продолжало развиваться в профессиональном русле. В 1930-е гг. должность *массовика*, т. е. уполномоченного по массовой работе, стала профессиональной. Тем самым давнишнее требование экспертов было претворено в жизнь. Если еще в 1927 г. профессионализм в этой сфере ограничивался в основном деятельностью разрозненных отделов культуры, занимавшихся эмпирическими исследованиями при нерегулярной поддержке со стороны наскоро обученного на курсах персонала, то теперь проведение советских праздников все больше сосредоточивалось в руках специально подготовленных кадров. В 1930-е гг. специалисты по ритуалам и церемониймейстеры, имевшие государственные дипломы, все больше задавали тон в проведении официальных празднеств². Этому вовсе не противоречило то обстоятельство, что советский праздник всегда оставлял определенный простор для личной инициативы, которая, несомненно, руководствовалась инструкциями и подвергалась контролю. Самодеятельность и в 1930-е гг. была одним из основных элементов советского праздника и его подготовки, являясь постоянной составляющей и в дискурсе экспертов-действенников. Под вывеской самодеятельности, правда, все чаще выступали профессиональные и полупрофессиональные ансамбли, благодаря которым со сцены и с экрана звучали народные мотивы³.

Профессионализации способствовали члены партийно-государственных комиссий, партийные активисты, проявлявшие склонность

---

¹ Свидетельства критики и самокритики хотя и встречаются в документах по подготовке к праздникам, но редко: ГАНУ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 923. Л. 1–54; Ф. 190. Оп. 2. Д. 59. Л. 40–54.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 28. Л. 42 об.–43; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 144. Д. 761. Л. 64–66; Novickij P. Die künstlerische Gestaltung der Politikampagne... S. 466; Опыт организации массового празднества. С. 110 и сл.; Kirbardin G. Der Künstler im Kampf um den PromFinPlan. S. 462.

³ Щедрин Е. Без самодеятельности нет массового празднества // Массовые празднества / под ред. Б. Юдина и др. М., 1935. С. 22 и сл. См. также: Lockwood Smith S. From Peasants to Professionals: The Socialist-Realist Transformation of a Russian Folk Choir // Kritika. 2002. Vol. 3. № 3. P. 427–458.

к организации праздников, и приближенные к партии эксперты. Как бы ни различался радиус их действий и степень влияния на производство праздников, они всегда выступали за их профессиональную подготовку, критикуя якобы имевшие место недостатки в этой сфере. В этом процессе дискуссий партийные органы превращались в главные планирующие инстанции, они монополизировали в 1930-е гг. организацию и проведение праздников. Споры между экспертами всегда носили дискурсивный характер, на этом поприще члены партии занимали привилегированные позиции, подкрепленные не только авторитетом партбилета, но и той двойной ролью, которую они играли в столкновении мнений как специалисты по планированию в составе партийных комиссий и как методисты. Тем не менее спор о назначении и формах советских праздников продолжался вплоть до начала 1930-х гг. и не ограничивался узкими рамками партийных комиссий. Праздничные комитеты образовывались в 1920-е гг. как смешанные органы, в рамках которых наряду с партией влияние на праздничные формации могли оказывать также многочисленные «общественные организации». Самозванные эксперты выражали свое мнение в публикациях, большие тиражи свидетельствовали об их широкой распространенности среди практических работников на местах. Методические рекомендации адресовались массовикам, отвечавшим на местах за организацию и проведение праздников. До начала 1930-х гг. в их распоряжении имелась продукция параллельных структур, работавших на поприще производства специальных знаний: директивы, распространявшиеся через сеть праздничных комиссий, и рекомендации, содержащиеся в официальной, одобренной партийным государством методической литературе. То есть пока еще существовали альтернативные, частично конкурирующие между собой источники праздничного ноу-хау. По мере иссякания потока методической литературы в 1930-е гг. и монополизации плановых структур в руках партии параллельность праздничного дискурса исчезала. Речевые акты в этой области в основном ограничивались указаниями по организации праздников, которые спускались по коммуникационной сети партийных комиссий сверху вниз. Эксперты по праздникам находились теперь в этом суженном кругу. Поэтому история советского праздничного дискурса между двумя мировыми войнами протекала как история радикального сокращения многообразия мнений. Сбылась давняя мечта первых методистов праздничного дела о единообразии праздничного ландшафта. Они своими руками содействовали унификации советских праздничных проектов и организованности праздничных постановок.

В то же время усиление тенденции к сосредоточению организации праздников в руках партии таило в себе зародыш их окостенения

в раз и навсегда застывших формах. Параллельность специальных комиссий, однородность их состава, а также их центральное подчинение и ориентация на центр способствовали развитию гомологических образцов и форм праздников. Процесс окостенения стандартизированной советской праздничной культуры продолжался и после Второй мировой войны вплоть до 1991 г. Речь идет о процессе стандартизации, в рамках которого регионы все больше ориентировались на установки из Москвы. Но это не означало, что Москва декретировала унификацию региональных праздничных культур или что региональные особенности были полностью вытеснены. Отношения между центром и периферией развивались гораздо сложнее.

«УЧИТЬСЯ У МОСКВЫ»: ПРАЗДНИК В ЦЕНТРЕ И НА ПЕРИФЕРИИ

Отношения между центром и периферией в праздничной сфере были отношениями двух полюсов: с одной стороны, попытки центра осуществлять контроль и оказывать влияние, а с другой – строптивость, самостоятельность и своевольное восприятие того, что шло из центра, регионами, но притом и желание последних подстроиться, услужливо предприняв упреждающие действия. Массовый советский праздник представлял собой один из участков арены, где решался вопрос о власти между центром и периферией. Здесь отражались властные отношения, которые, в свою очередь, существенно влияли на формирование праздничной культуры в региональном контексте. Рассмотрение региональной праздничной культуры под углом зрения отношений с центром раскрывает процесс внутренней советизации России, т.е. прогрессирующей адаптации регионов к руководящей роли стандартной советской культуры на протяжении длительного периода. То, что возникло в результате, и не только в сфере праздничной культуры, представляло собой не чисто советскую монокультуру, а, скорее, советизированный регионализм.

Власть центра: приказ и пример для подражания

Москва считала себя нормирующим центром. Московские эксперты-действеники рассматривали себя как регулирующую инстанцию в делах всесоюзной праздничной культуры. Отсюда проистекала их активность в оказании влияния на организацию и проведение праздников в провинции, осуществлении контроля и стандартизации регионального праздничного производства. Небывало бурная деятельность была развернута ими по случаю 10-й годовщины Октябрьской революции в 1927 г. Организационные структуры, созданные в связи с подготовкой к «Великому юбилею», были отлиты в постоянные институциональные формы и служили в качестве каналов влияния на проведение праздников в регионах. По мере роста профессионализации и рутинизации праздничного производства в 1930-е гг. возможности оказания влияния в дальнейшем только возрастали. Но в 1927 г.

Москва впервые сделала очевидную заявку на осуществление нормирующей роли в этой сфере на региональном уровне. Целесообразно более внимательно рассмотреть контрольные механизмы, информационные связи и каналы оказания влияния в период празднования первого десятилетия советской власти, так как они наложили свой отпечаток на коммуникацию между центром и периферией в 1930-е годы.

Отправной вехой стало образование Центральной праздничной комиссии на всесоюзном уровне: планирование, организация и проведение празднования 10-й годовщины должны были осуществляться во всей стране по единому образцу. Поставленная цель повлекла за собой контроль за тем, насколько регионы фактически выполняют установки центра. Празднование первого десятилетия дало толчок развитию системы сбора информации о том, как протекает подготовка к нему в регионах. «Информация» была для центральных инстанций «альфой и омегой», в том числе и в сфере праздничного производства¹. Те, кто разрабатывал нормы в центре, оказались в неудовлетворительном исходном положении: они почти ничего не знали о регионах, жаловалась Крупская в 1927 г.² Москва приняла меры с целью изменить это положение.

Существовала многослойная структура сбора информации и контроля. В основном ее компоненты служили для наблюдения за экономическими, политическими, но также и культурными процессами. В связи с важными советскими праздничными датами, например юбилеями, они могли быть задействованы и для сбора информации о том, как проходит планирование празднований в регионах. Так, Рабоче-крестьянская инспекция, в последующем Советская контрольная комиссия, и Комиссия партийного контроля, в обязанности которых входил контроль за исполнением директив центра на периферии, собирали данные о лояльности регионов и о расходах также в сфере праздничного производства³. То же можно сказать и об органах государственной безопасности (ОГПУ). В своих донесениях из регионов они не только сообщали в центр о «настроениях населения», но и брали на заметку недостатки в работе местного партийного и государственного аппарата, в том числе в области культуры. Праздники, однако, играли второстепенную роль в этих донесениях, они редко попадали в поле зрения информантов⁴.

---

¹ Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // The Journal of Modern History. 1997. Vol. 69. № 3. P. 415–450.

² РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 468. Л. 2–3.

³ ГАНО. Ф. 923. Оп. 1. Д. 1227. Л. 1–3.

⁴ Иногда в региональных архивах встречаются доклады ОГПУ о праздничных событиях: ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 7981; Ф. 89. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

Параллельно с деятельностью этих организаций каждое крупное государственное учреждение имело в своем составе отдельную внутреннюю структуру, осуществлявшую надзор и контроль за своими подразделениями и их отделами культуры. Такие организации, как профсоюзы, вели большую внутреннюю переписку, и одним из постоянно находивших в ней отражение аспектов работы в сфере культуры являлась подготовка официальных празднований¹. Руководство того или иного союза находилось в Москве и оттуда управляло подготовкой к торжествам, специально создавая для этой цели «центральные методические комиссии». Региональные подкомиссии получали из Москвы соответствующие указания, а в центр стекалась информация о ходе подготовки на местах². Важную роль играли инспекционные поездки на периферию с целью контроля за подготовкой к празднованию, исполнения указаний и информирования об этом центральных праздничных комиссий. Отчеты не всегда содержали лестные отзывы о деятельности местных работников; выговоры и предупреждения из центра — постоянная черта внутренних отношений между правлением и низовыми звеньями союзов³.

Общественные организации представляли собой самостоятельную ветвь в сети отношений между центром и регионами. То есть в понятие «центр» входили не только высшие партийные и государственные органы, он действовал также через параллельные структуры «общественных организаций». Хотя последние в своих отношениях с центральными партийно-государственными инстанциями представляли собственные интересы, но в отношении периферии они выступали в изначально отведенной им роли «приводных ремней». Внутренняя дисциплина и требования эффективности в работе были рычагами воздействия на союзы в центре, а хорошие показатели организации и проведения праздников на местах служили доказательством удовлетворительной деятельности союза⁴. Поэтому центральные органы союзов были кровно заинтересованы в нормировании и регулировании праздничных кампаний, проводившихся их региональными и местными звеньями. Соответственно высокими были и требования стандартизации внутри таких организаций.

Параллельно этим структурам, следившим за исполнением директив в регионах и освещавшим работу в сфере культуры и организации

---

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 514. Л. 1–4 об.; Д. 515. Л. 26–26 об.

² Там же. Д. 455. Л. 42–44; ГАРФ. Оп. 16. Д. 852. Л. 5–7.

³ Там же. Л. 51–53; ГАРФ. Оп. 18. Д. 554. Л. 1–3.

⁴ Напр., в Союзе безбожников. См.: Dahlke S. Kampagnen für Gottlosigkeit: Zum Zusammenhang zwischen Legitimation, Mobilisierung und Partizipation in der Sowjetunion der 1920er Jahre // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. № 50. H. 2. S. 178 ff.

праздников, существовала густая сеть праздничных комиссий. Они имели иерархическую структуру сверху донизу – на всесоюзном, региональном и местном уровнях, что обеспечивало централизм в доведении указаний до исполнителей в подчиненных звеньях и контроль за ними. Верхушка иерархии в основном монополизировала принятие важных решений, спуская их в виде директив для исполнения вниз. Так, выпуск юбилейной литературы находился в исключительном ведении Всесоюзной центральной праздничной комиссии, чтобы получить такое право, республикам и регионам нужно было разрешение центра¹. Издание праздничных лозунгов также было его прерогативой. К каждому важнейшему празднику Политбюро утверждало канон официальных «лозунгов ЦК ВКП(б)», распространявшихся по внутренним каналам праздничных комиссий и через официальные печатные органы².

В 1927 г. Всесоюзная центральная праздничная комиссия имела даже свой собственный печатный орган – Бюллетень юбилейной комиссии при Президиуме ЦИК СССР, в котором публиковались указания регионам. Одновременно высоким тиражом выходили сопроводительные брошюры с разъяснением содержания торжественных речей и агитационных мероприятий, намечавшихся в провинции, чтобы они следовали линии центра³. Эти нормы праздничной организации передавались по каналам иерархии праздничных комиссий сверху вниз. Региональные праздничные комитеты отвечали за обеспечение литературой и информацией местных органов на губернском и областном уровнях⁴. Таким образом указания по вопросам проведения праздников передавались из центра на места. Параллельность организационной структуры на всех административных уровнях облегчала коммуникацию и существенно повышала давление в направлении стандартизации норм.

Но средством давления с целью адаптации провинции к установленным в центре нормам служили не только его указания. Поток коммуникации снизу вверх также был направлен к этой цели. Поскольку нижние этажи иерархии являлись подотчетными центру, они должны были ориентироваться на установки вышестоящих инстанций по вопросам организации праздников, чтобы их работа оценивалась положительно. Обязательные отчеты оказывали

---

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 6. Л. 11 об.; РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 19. Л. 19–20.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 919. Л. 6–7; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Т. 1. С. 684, 706, 738; Т. 2. С. 238, 263, 266, 818, 922.

³ Бюллетень Комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР...

⁴ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 26–28; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1702. Л. 144–146; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 38, 42–43, 76–78, 82–84.

дисциплинирующее воздействие на подотчетных. Активистам региональных органов культуры вменялось в обязанность составление подробных отчетов о планировании, подготовке и проведении праздников¹. Эти отчеты направлялись в центральные праздничные комиссии, будь то комиссия при ЦИК СССР или ведомственные комиссии. Регионы отчитывались о запланированных и проведенных мероприятиях, их стоимости и участии населения². Отчеты составлялись в соответствии с заданным сверху вопросником. Ориентируясь на ожидания центра, их авторы, в свою очередь, оценивали степень значимости тех или иных параметров, спущенных из Москвы. Формуляры отчетов служили для региона важным сигналом того, каким аспектам в центре придавалось большое значение, а каким — второстепенное³.

Данными отчетов пользовались учреждения, занимавшиеся исследованиями в области советской праздничной культуры. Так, уже в 1927 г. сбором и анализом данных о праздновании 10-й годовщины Октябрьской революции занимались *Комитет социологического изучения искусств* и *Государственный институт истории искусств*⁴. Вопросник в значительной мере отражал директивные установки и нормы, задаваемые Центральной праздничной комиссией. Хотя эти учреждения не находились в прямом подчинении центральным органам власти или Центральной праздничной комиссии при ЦИК СССР, но представляется сомнительным, чтобы относительная самостоятельность «научных исследований» региональной практики проведения празднеств уважалась функционерами от культуры в самих регионах. Более вероятно, что детально разработанные анкеты, которые выпускал институт, воспринимались как совокупность общезначимых критериев, в соответствии с которыми надлежало отчитываться перед центром о проведенном празднике. С этой точки зрения вышеназванные отчеты служили одним из средств доведения представлений центра о том, как должен выглядеть советский праздник, до региональных исполнителей.

Центр устанавливал нормы и бдительно следил за их реализацией на периферии. Сильнее любой формы принуждения действовала стандартизация в форме предлагаемой к исполнению модели. Москва представляла себя «светочем культуры» и поощряла любые попытки

---

¹ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–11; ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1863. Л. 35–36; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 85–86.

² ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–18.

³ Там же. Д. 1863. Л. 35–36.

⁴ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 60–62; Массовые празднества; Проблемы социологии искусства.

подражания своей модели в регионах. Столичные празднества должны были служить блестящими образцами для региональных действенников. По случаю важных дат им предоставлялась возможность познакомиться с праздничными приготовлениями непосредственно в Москве. Так, в связи с 10-летием Октябрьской революции в 1927 г. в Москве проходил ряд конференций, на которые были приглашены организаторы торжеств с мест, чтобы воочию увидеть московские стандарты. Эти мероприятия задумывались как встречи экспертов, на которых выступали с предложениями и региональные организаторы. Но в конечном итоге все свелось к регулярным повторениям тезиса о том, что Москва является примером¹. Посланцы регионов выражали восхищение, по крайней мере в своих выступлениях, жалуюсь также на нехватку финансовых средств для проведения праздника «на местах»². Ввиду огромной разницы в обеспечении ресурсами между Москвой и периферией неудивительно, что столичная модель производила впечатление на представителей провинций. В Москве на самом деле все было величественнее и импозантнее.

Большинство организаторов празднеств в регионах никогда не имели возможности оценить приготовления Москвы непосредственно и, возможно, найти в них какие-то недостатки. Они черпали свои представления о них только из брошюр, которые распространялись из столицы. Ознакомление провинции с московской моделью происходило, в сущности, через монополизированные в Москве и Ленинграде публикации. Одновременно в провинции распространялись методические пособия, ссылавшиеся на модельный характер праздников в Москве, а «новости дня» в кино и радиопередачи расхваливали масштабы и великолепие праздничных мероприятий в Москве³. Позже к ним присоединились журналы, такие, как «Творчество», и фотоальбомы, которые освещали массовые демонстрации на Красной площади⁴. Свой вклад в их популяризацию вносила и живопись⁵.

Центральные средства массовой информации передавали картину грандиозных праздничных мероприятий «в сердце Москвы»⁶, т. е. в сердце страны. Именно здесь происходила презентация праздника

---

¹ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–3; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 24. Л. 5–7 (стенограмма заседания Центральной Комиссии при Президиуме ЦИК СССР).

² РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 41–43.

³ Первомайские радиопередачи из Москвы // Советская Сибирь. 1937. 27 апр. С. 1; РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 19. Л. 19–20.

⁴ Оформление массовых празднеств за 15 лет диктатуры пролетариата. М., 1932. См. также третий номер журнала «Творчество» за 1938 г.

⁵ А. А. Монин «Прогулка ударников», Ю. Пименов «Спортивный парад».

⁶ Papanin I. D. Das Leben auf einer Eisscholle. Tagebuch. Berlin, 1977. S. 198.

советского типа и устанавливался стандарт, на который следовало ориентироваться регионам. Старания регионов скопировать центр как можно более детально получали поддержку и общественное признание. Так, печать широко освещала соревнования между регионами, победителем в которых становился тот, кто наиболее близко подходил к московской модели. Как и в экономике, между регионами проводилось «социалистическое соревнование» по подготовке праздников и заключались «договоры о соревновании» в этой области¹. Объявлялась цель – как можно больше ориентироваться на московский эталон. Тот, кому лучше всего удавалось реализовать на практике установленный стандарт, становился героем в глазах общественного мнения.

Местные действенники знали, что, с одной стороны, подражание столичным образцам ведет к общественному успеху, а с другой – отклонения от стандарта быстро становятся предметом осуждения и пресечения². Но столь широкая ориентация на московский образец в регионах не принесла бы своих плодов, если бы местные организаторы не проявляли готовности и рвения следовать за Москвой. Ассимиляция столичных моделей была не только следствием давления или даже принуждения со стороны центра, в значительной степени она происходила в результате широкого встречного движения регионов.

Их ориентация на центр по собственной инициативе имела различную мотивировку. Во-первых, важную роль играла эстетическая компонента ведущего стандарта в области культуры. Поскольку на местах региональное эстетическое самосознание практически не сформировалось, то от себя московским праздникам можно было противопоставить немного, тем более что скудость средств резко сужала диапазон собственных возможностей. Например, организаторы празднеств в Новосибирске планировали освещение почетной трибуны и памятника Ленину, открытого по случаю 10-й годовщины Октябрьской революции, ссылаясь при этом на праздничную иллюминацию в Москве, подобную которой они хотели устроить и в Сибири. Однако этот честолюбивый проект скоро пришлось положить под сукно из-за острой нехватки финансового обеспечения³. Во-вторых, организация праздников по примеру Москвы в региональном контексте всегда имела значение демонстрации власти местной элиты, которая опиралась в своих властных полномочиях на Москву, рассматривая себя в качестве ее представителей. Праздничные манифестации по образу и по-

---

¹ ГАНО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 583. Л. 8–8 об.; Встретим Октябрь культурно // Коммуна. 1933. 26 окт. С. 3.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 24. Л. 7–9 (стенограмма заседания комиссии 10–11 авг. 1927).

³ ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 57–75; Ф. 61. Оп. 1. Д. 532. Л. 4.

добию московских использовались тем самым для демонстрации тесных связей региональных элит с Москвой. Здесь они находили свое эстетическое воплощение. И наконец, неуверенность, а в годы террора страх также делали привлекательной идею следования московским стандартам в регионе. Вероятность сделать неверный шаг при рабском копировании заданного из центра была минимальной, последствия же собственной инициативы могли оказаться роковыми. В производстве праздников царила та же инертность, которая в целом существенно тормозила в Советском Союзе развитие самостоятельной активности. Широкая ориентация на Москву служила защитной мерой против множества недремлющих глаз надзорных инстанций¹.

Каковы бы ни были мотивы самоадаптации на местах, результат всегда получался один. Презентация советской праздничной культуры в местном исполнении несла на себе определяющий отпечаток московского образца. Фиксация внимания в направлении центра была заслугой прежде всего региональной и местной печати. Уже в преддверии празднований она сообщала о подготовке к ним в Москве². В праздничном выпуске газет и в сопроводительных сообщениях московским празднествам отводилось самое видное место; лишь на второй странице помещались отчеты о праздничных мероприятиях в регионе и на местах. В последующие дни газеты публиковали фоторепортажи с Красной площади³.

С большой помпой обставлялось направление региональных представителей на празднования в столицу. Награда в виде поездки к Кремлевской стене имела большой общественный вес и вдохновляла на высшие достижения. Представители регионов становились героями публикаций в средствах массовой информации. Затем они подробно рассказывали о своих впечатлениях в далекой столице и встречах с высшим руководством страны⁴.

---

¹ О требованиях «повышенной бдительности» во время празднований см.: Юдин Б. Народные празднества. С. 4; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 135. Л. 23–26; ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1688. Л. 43; ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1622. Л. 10–11.

² В комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции // Воронежская коммуна. 1927. 23 марта. С. 3; Столица перед праздником // Коммуна. 1940. 6 нояб. С. 1. Подробности см.: Рольф М. Советский массовый праздник в Воронеже и Центрально-Черноземной области России, 1927–1932. Воронеж, 2000. С. 47 и сл.

³ Октябрьская демонстрация в Москве // Воронежская коммуна. 1927. 10 нояб. С. 1; XV-й Октябрь в Москве // Коммуна. 1932. 11 нояб. С. 1; Миллион трудящихся Москвы на Октябрьской демонстрации // Советская Сибирь. 1927. 10 нояб. С. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 132–134; ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2328. Л. 78 об.; В Москву! На октябрьские торжества // Коммуна. 1933. 6 окт. С. 1; Я видел великого Сталина // Советская Сибирь. 1937. 7 нояб. С. 5.

Праздничная хореография обнаруживала ту же устремленность периферии к столице страны. Программа любого праздника и всех торжественных собраний предусматривала направление приветствий в Москву. Их сопровождали многочисленные благодарственные и поздравительные телеграммы и производственные обязательства, адресованные центру¹. Организаторы празднеств в Воронеже уже во время торжеств по случаю 10-летия Октябрьской революции с гордостью демонстрировали прямую связь с «главными мероприятиями» в Москве. Участники демонстрации в Воронеже могли через громкоговорители услышать ликующие голоса демонстрантов в столице и выступления кремлевских вождей. В данном эпизоде средствами установления непосредственно переживаемого контакта инсценировалась символическая связь между происходящим в регионе и центральными событиями: все помыслы были устремлены к Москве². Когда раздался бой кремлевских курантов, даже издавшие виды полярники растрогались до слез³.

Равнение регионов на Москву приводило к тому, что они сами низводили себя до уровня периферии. Тотальная устремленность к столице все на местах представляла в уменьшенном и скопированном у Москвы виде. «Москва больше» — такую мысль несли региональные торжества. Инициатива исходила из центра; периферия следовала нормам, насколько могла. Поэтому речь шла о самоадаптации к надрегиональным праздничным стандартам, самоадаптации к более общей культурной модели.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 259. Л. 87–89; ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1024. Л. 54–56, 64, 83–84; Тов. Сталину, Калинину, Молотову // Коммуна. 1933. 11 нояб. С. 1; Октябрьские подарки // Советская Сибирь. 1937. 14 окт. С. 4.

² План проведения 1 Мая (Воронеж) // Воронежская коммуна. 1927. 28 апр. С. 4.

³ Papanin I. D. Das Leben auf einer Eisscholle. S. 198 f.

Часть III
ИНСЦЕНИРОВКИ

СОВЕТСКИЙ ПРАЗДНИК КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Советский праздник был «универсальным произведением искусства» в двойном смысле¹. Во-первых, весь Советский Союз отмечал праздник по единому плану в соответствии с партийно-государственным решением. В праздничный день огромный коллектив празднующих сливался в одно целое в акте творческого синтеза. Официальный праздник как единая форма искусства был соткан из множества малых празднеств, отмечавшихся в местной и региональной среде. Согласно принципам экспертов-пропагандистов, одновременное празднование должно было способствовать тому, чтобы *вся страна* не только объединялась в едином трудовом коллективе на крупных стройках коммунизма, но и сливалась в дни праздников в одно большое празднующее сообщество². Праздничное пространство как нельзя лучше подходило для углубления процесса внутренней советизации империи во всесоюзном масштабе.

---

¹ Понятие «универсальное произведение искусства» выдвинул в своем теоретическом трактате «Художественное произведение будущего» Рихард Вагнер. См.: Wagner R. Das Kunstwerk der Zukunft. Leipzig, 1850. S. 32. Он понимает под этим синтез искусств – поэтического, танцевального и музыкального (с. 186 и сл.). Творцом произведения искусства является не отдельный художник, а народ как целое, которое Вагнер называет «Товариществом всех художников» (с. 220). Рождающееся таким образом произведение искусства является будущим в двойном смысле слова. Оно будет создано лишь в будущем, но в процессе своего рождения само становится формирующей силой, которая освобождает человека, возвращая его к своей «естественности». Вагнер объявляет драматические представления с участием широкой общественности формой искусства, в которой скорее всего воплотится художественное произведение будущего (с. 195 и сл.). Советский праздник многое взял из вагнеровской концепции: он синтезировал различные формы искусства в массовом театрализованном представлении, создавался коллективом авторов и служил средством освобождения человечества.

² Выражение «вся страна» было пропагандистской формулой периода первой пятилетки. См. на эту тему: Neutatz D. Die Moskauer Metro: von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935). Köln, 2001. S. 509 ff.; Gestwa K. Sowjetische Landschaften als Panorama von Macht und Ohnmacht. Historische Spurensuche auf den «Großbaustellen» des Kommunismus und in der dörflichen Idylle // Historische Anthropologie. 2003. S. 82 ff.

Во-вторых, сам праздник был сложным событием, которое не укладывалось во временные рамки собственно праздничной даты. Здесь соединялись отдельные виды искусства. Творческая подготовка к празднику и его отзвуки, а также воспроизводство праздничных событий в средствах массовой информации – все это становилось неотъемлемой его частью. Не совпадавшие по времени тематические и художественные блоки советских празднеств были фрагментами праздничной драматургии. Советский праздник представлял собой универсальное художественное произведение постольку, поскольку объединял в себе плановое начало, послепраздничные события и медиализацию всего происходящего в этой связи, образуя большой целостный артефакт.

Уже в первые годы советской власти главные праздники нового красного календаря строились в соответствии с драматургией, которая оказалась на удивление живучей. В последующие два десятилетия вплоть до Второй мировой войны она не претерпела существенных перемен. После войны ее вновь взяли на вооружение и почти без изменений передавали из поколения в поколение до конца существования Советского Союза. Очевидно, основная структура праздничной драматургии оправдала себя в глазах экспертов.

Как универсальное произведение искусства, праздник охватывал не только события непосредственно в день празднования, но и подготовку к ним. Планирование и репетиции длились неделями, а их практической реализацией одновременно занимались многочисленные комиссии – от всесоюзной до комитета на предприятии. В подготовительную деятельность были вовлечены не только члены комиссий. Средства массовой информации пропагандистского государства старались привлечь внимание общественности к организации предстоящих празднований. В местных газетах регулярно публиковались сообщения о том, как протекало их планирование: ежедневные газеты заранее, часто за несколько месяцев до самой праздничной даты, сообщали состав праздничной комиссии и подробности планирования¹.

В художественном наполнении праздничной программы центральную роль играла самодеятельность, организованная почти во всех государственных учреждениях². Но художественная самодеятельность

---

¹ В комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции // Воронежская коммуна. 1927. 23 марта. С. 3. Начиная с сентября количество публикуемых материалов заметно увеличивалось. В Воронеже: Усилить внимание к подготовке празднования 10-летия Октября // Воронежская коммуна. 1927. 9 сент. С. 1; Накануне 15-й годовщины Октября // Коммуна. 1932. 9 окт. С. 1. В Новосибирске: Октябрьские подарки // Советская Сибирь. 1937. 14 окт. С. 4.

² ЦДНБВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 60. Л. 158; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 57–75.

не была делом только членов кружков при клубах, предприятиях, учреждениях и «общественных организациях». Официальная пресса и здесь уже задолго до праздников стремилась привлечь всеобщее внимание к планировавшимся выступлениям: читателю преподносились тексты и фотоматериалы о ходе подготовки к художественной части празднований¹. Праздник был точкой отсчета и для общественных мероприятий общего значения². Подготовка к предстоящему празднику посвящались целые циклы мероприятий, включая вечера встреч, демонстрации фильмов³, и эти кампании также находились в поле зрения прессы⁴. Обильные и становившиеся все более насыщенными по мере приближения праздника публикации в печати отражали стремление пропагандистов сконцентрировать внимание общественности на предстоящем событии. Проводилось специальное «социалистическое соревнование» на «лучшую подготовку к празднику», которое, естественно, освещалось печатью⁵. Праздничная тематика диктовала свое содержание и оформление также разного рода еженедельникам и ежемесячным журналам. Титульные страницы извещали о приближении праздника, в статьях описывалась подготовка к нему той или иной организации, печатались призывы ускорить темпы подготовки и формуляры, необходимые для правильного проведения плановых мероприятий⁶. Все эти мероприятия, их освещение в прессе были ориентированы на дату проведения празднований. За несколько дней до праздника ни одна тема в печатных изданиях не могла конкурировать с темой подготовкой к нему⁷.

Само праздничное действо в узком смысле слова по своей драматургии состояло из трех частей. Все начиналось с вывешивания фла-

---

¹ Комсомол ЦЧО к XVII МЮДу // Коммуна. 1931. 6 сент.; Физкультурники готовятся к 1 Мая // Коммуна. 1936. 21 апр. С. 4; Новосибирск готовится к празднику // Советская Сибирь. 1937. 28 апр. С. 4.

² ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2632. Л. 63–64; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3327. Л. 5–9.

³ ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2339. Л. 41–43; В клубе имени Сталина // Советская Сибирь. 1940. 3 нояб. С. 4.

⁴ К 1 Мая город должен быть образцово чистым. Открытое письмо Горсовету // Коммуна. 1932. 29 апр. С. 4; Октябрьские подарки // Советская Сибирь. 1937. 14 окт. С. 4.

⁵ ГАНО. Ф. 76. Оп.1. Д. 583. Л. 8–8 об.

⁶ Дмитриев А. За подготовку ко дню урожая и коллективизации // Ленинский путь. 1929. № 16–17. С. 40–42; Художественное оформление празднования 10 годовщины Октябрьской революции // Советское просвещение. 1927. № 1. С. 72.

⁷ Даже в такие исключительные годы, как годы Большого террора, тема праздника не сходила со страниц ежедневной прессы. В Воронеже: Как мы проведем праздник // Коммуна. 1937. 5 нояб. С. 3. В Новосибирске: Перед великим праздником // Советская Сибирь. 1937. 17 окт. С. 3.

гов, сооружения трибуны для почетных гостей, размещения портретов вождей и других подготовительных мер, которые должны были быть закончены ко дню, предшествующему праздничной дате¹. На флагах, транспарантах должны были быть написаны лозунги дня, помещение для торжественного собрания украшалось красными полотнищами, другими символами власти и цветами². За день до праздничной даты в украшенном зале городского театра проходило официальное торжественное собрание, в котором участвовали первые лица партийного и государственного аппарата, встречавшиеся с избранными представителями «общества» и героями труда. На собрании произносились торжественные речи, заострявшие внимание на главном лозунге и задачах, приуроченных к тому или иному празднику. Собравшиеся устраивали овацию президиуму торжественного собрания и принимали в 1930-е гг. приветственные телеграммы в адрес отсутствующих его почетных членов³.

Если торжественные собрания проходили за закрытыми дверями, то комсомол отвечал за создание праздничной атмосферы в городе или деревне за день до собственного празднования. Обычно проводились факельные шествия⁴. В ночь перед праздником в особенно торжественный момент включалась иллюминация. При этом высвечивались символы ключевых понятий системы, лозунги производственных кампаний и портреты партийных руководителей⁵.

Вторая часть любого большого советского праздника была главной и занимала первую половину и середину праздничного дня как такового. Открывали празднования части Красной армии. Следуя традиции Гражданской войны, в 1920–1930-е гг. они проходили маршем. В 1927 г. во главе военной колонны шел духовой оркестр⁶. В 1937 г. демонстрация мощи Красной армии превратилась в самостоятельную часть торжеств. Сначала проходил военный парад и только потом, после драматургической паузы, центральную пло-

---

¹ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 3–4, 26–30, 38; ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 157; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 51.

² ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–7; Цветы к Октябрю // Коммуна. 1937. 15 сент. С. 4; В поход за чистый Новосибирск // Советская Сибирь. 1934. 28 апр. С. 4.

³ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 214–217; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 322. Л. 9; Торжественное заседание Моссовета // Воронежская коммуна. 1927. 10 нояб. С. 1.

⁴ ГАВО. Ф. 1226. Оп. 1. Д. 61. Л. 38–39; ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1822. Л. 122; ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 71–72; 11 годовщина Октября // Новая деревня. 1928. 16 окт. С. 4.

⁵ ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 57–75; Октябрьские дни в Воронеже // Коммуна. 1932. 11 нояб. С. 2.

⁶ План демонстрации в день празднования X-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября // Воронежская коммуна. 1927. 5 нояб. С. 4.

щадь заполняли колонны демонстрантов из числа гражданских лиц¹. Праздничное шествие начинали школьники. Организованные группы коллективов предприятий или организаций собирались на сборных пунктах городских районов и оттуда, выстраиваясь в колонны, шли на демонстрацию. Под аккомпанемент раздававшихся из громкоговорителей маршей и в сопровождении украшенных лозунгами агитавтомобилей любого вида, грузовиков и даже трамваев демонстранты несли штандарты, транспаранты и портреты вдоль коридоров, обозначенных на городских улицах флагами и другими предметами праздничного декора². Здесь можно было увидеть символические изображения «достижений социалистического строительства», а также выставленные на посмешище чучела врагов советской власти³. Колонны демонстрантов проходили по главной городской площади. На ней высилась трибуна для почетных гостей, на которой самые видные места занимала партийно-государственная элита; отсюда раздавались праздничные призывы и произносились краткие приветственные речи; здесь, по мысли составителей планов советских праздников, происходило важное праздничное событие символического единения «народа» с его «руководителями». Прохождение праздничных колонн мимо трибуны являлось, собственно говоря, сердцевинной главной части советского праздника⁴.

Селу, колхозу, по замыслу организаторов праздников, надлежало следовать примеру городской праздничной драматургии. В программе демонстрации намечался парад тракторов, который пришел на смену «колонне из телег»⁵. В деревнях и колхозах тоже проводился «центральный митинг»: собравшись перед импровизированной сценой, крестьяне из нескольких соседних сел слушали программные выступления представителей или посланцев партийно-государственного аппарата⁶. В торжественных речах необходимо было подчеркивать преимущества коллективного хозяйства, пропагандировать следующую посевную или уборочную кампанию или указывать на

---

¹ Ликование победившего народа // Коммуна. 1937. 10 нояб. С. 3.

² ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 157; ГАНО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 583. Л. 1; Октябрьская демонстрация в Воронеже // Коммуна. 1936. 10 нояб. С. 3.

³ См.: Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств / под ред. В. П. Толстого, И. М. Бибиковой. М., 1984. Рис. 323, 331 и сл., 370 и сл.

⁴ ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1822. Л. 121–122; Дьяков Б. Октябрьские дни в Воронеже // Коммуна. 1932. 11 нояб. С. 2.

⁵ ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1648. Л. 38–39; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1173. Л. 58–59, 60–62 об.; Октябрь в деревне // Наша газета. 1927. 15 нояб. С. 3; Празднование Октября в губернии // Воронежская коммуна. 1927. 10 окт. С. 3.

⁶ ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1822. Л. 122–123; ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 326. Л. 26–31; 11 годовщина Октября // Новая деревня. 1928. 16 нояб. С. 1.

смычку, т. е. «союз между городом и деревней», и *шефство* города над деревней. Для наглядной демонстрации этой связи представители города регулярно командировались по случаю праздников в деревню или колхоз, отдельные сельские жители или колхозники удостоивались чести побывать на праздновании в областном центре; немногих избранных посылали даже в «красную столицу»¹.

В начале 1930-х гг. праздничные мероприятия все больше переносились из сел на поля, дабы избежать слишком длительного перерыва в посевной или уборочной кампании. Типичные для того времени «летучки» с 1932 г. превратились в распространенные стиливые фигуры проведения праздников в сельской местности². Судя по самой концепции, сельские общины считались, таким образом, участниками празднеств второго сорта. В фокусе советских праздников в сельском контексте находились трудовые достижения и выполнение обязательств перед городом. Сам праздник становился второстепенным делом, он не должен был мешать посевной или уборочной страде, из-за плохой погоды его просто могли отменить.

В городе проходила также третья часть советской праздничной драматургии – развлечения. Праздничный вечер четко отделялся от догматической части, включавшей парад и последующую демонстрацию. В городе устраивались театральные спектакли, концерты, выступления художественной самодеятельности и демонстрация кинофильмов, как правило, бесплатные. Коллективы предприятий и организаций праздновали в клубах, на танцевальных вечерах и проводили время за билльярдом³. Под занавес праздника гремел салют⁴.

Во время главных праздников советского календаря был еще один нерабочий день, который также посвящался развлечениям. Формы народных гуляний были интегрированы в советскую праздничную драматургию⁵. Для них церемониймейстеры предусмотрели специальное место в праздничной программе, которая включала традиционные балаганные увеселения, а также чисто советские формы, такие, как спортивные соревнования, массовые игрища и постановки. С конца 1920-х гг. в развлекательную часть программы все больше

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 34. Л. 9; ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 603. Л. 62; В Воронеж на демонстрацию // Коммуна. 1937. 5 нояб. С. 4.

² ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1822. Л. 122–123; Майские дни – дни ударного сева и борьбы за урожай // Коммуна. 1932. 1 мая. С. 4.

³ ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–18; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2339. Л. 41–43.

⁴ ГАНО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 27. Л. 26–27.

⁵ Часто годовщина Октябрьской революции и 1 Мая растягивались на два дня: ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 27. Л. 138.

стали включать *физкультуру*, в 1930-е гг. ее все чаще стали выдвигать на первые места и в программе главных праздничных мероприятий¹. Во второй день праздника в 1930-е гг. проводились прежде всего коллективные экскурсии в парки культуры и отдыха, на авиашоу или коллективные выезды предприятий на природу². Семейные пикники или просто прогулки также приветствовались в официальных комментариях и рассматривались как вполне адекватные формы праздничных развлечений³.

Во второй день праздника внимание драматургов праздничных инсценировок уделялось прежде всего детям и подросткам. Демонстрацию в первый день торжеств открывали школьники⁴. На следующий день вся забота, согласно планам пропагандистов, посвящалась детям. Целый ряд праздничных мероприятий, начиная от *утренников*, до «встреч с Красной армией» был рассчитан специально на детей и подростков⁵. Праздник как «внеклассная школа» и «университет под открытым небом», по замыслу его устроителей, должен был служить непосредственно задаче советизации, для того чтобы подрастающее поколение могло через праздник познакомиться с официальными культурными стандартами. Ставилась задача связать «праздничное настроение» детей, о котором так пеклись пропагандисты, с культурными кодами, достойными звания подрастающего советского гражданина. В педагогической составляющей заботы о подрастающем поколении особенно наглядно проявляло себя стремление государства использовать советский праздник в воспитательных целях⁶.

Второй день празднеств отнюдь не означал окончания этого универсального произведения искусства. Общим для всех важных праздничных дат было то, что как местные празднования, так и центральные манифестации на Красной площади подробно освещались

---

¹ ЦДНБВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 363. Л. 4; Гаврилов А., Зеленко А. Гулянье. Организация. Сценарии праздника. Спортивные развлечения. Организованные игры и пляски. Массовая инсценировка. М., 1928; Гулянье в Ботаническом саду // Воронежская коммуна. 1927. 31 апр. С. 4.

² ЦДНБВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2339. Л. 182; ГАНО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 618. Л. 38–41.

³ Первомайская массовка в Парке культуры и отдыха // Коммуна. 1938. 4 мая. С. 4.

⁴ Октябрьская демонстрация в Воронеже // Коммуна. 1936. 10 нояб. С. 3; Октябрьская демонстрация в Новосибирске // Советская Сибирь. 1937. 10 нояб. С. 2.

⁵ ГАНО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–4; Бежаницкая М. В., Гилевич В. Д. Утренники в дни революционных праздников в детском саду // В помощь учителю. 1936. № 3. С. 40–43.

⁶ Луначарский А. В. О детском революционном празднике // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М., 1981. Т. 1. С. 126–127; Цехновицер О. Празднества революции. Л., 1931. С. 200 и сл.

в прессе. Кроме того, публиковались сообщения о соответствующих мероприятиях в различных городах, республиках и областях Советского Союза. Столь широкая презентация всесоюзного размаха празднований была призвана показать, что в них участвовала «вся страна», разделявшая одинаковые праздничные формы. Согласно логике принятого освещения событий, сообщения из таких центров, как Москва, Ленинград, столицы союзных республик, соседствовали с репортажами с периферии, из отдаленных мест собственного региона, с полярных широт и крупных строек Урала и Сибири. Вся иерархически построенная структура Советского Союза представляла в праздничных репортажах как на ладони¹.

При этом в 1930-е гг. в связи с праздниками наблюдались сдвиги на «ментальной карте» (mental map). Аграрная глубинка России все больше оттеснялась в общественном сознании на второстепенный план. Вместо этого в центре внимания оказывались до сих пор не освоенные окраинные части империи на крайнем Севере, Дальнем Востоке или в высокогорье. Центр накладывал на эти дотоле необитаемые места свою великодержавную руку, направляя туда исследователей, полярных летчиков, чтобы закрепить символы советской власти и во льдах².

Праздник играл важную роль в привязке периферии к центру. По случаю 20-й годовщины Октябрьской революции Ивану Папанину было направлено 1 937 приветствий со всех концов Советского Союза, в его честь был дан концерт по московскому радио. Этот исследователь Арктики, в свою очередь, рассказывал по радио о том, как коллектив полярников с напряженным вниманием слушал репортаж с Красной площади и затем одновременно с демонстрацией в Москве устроил свое шествие в краю вечных льдов. Такие символические жесты демонстрировали сплоченность всего Советского Союза, включая первопроходцев на Крайнем Севере, в одном огромном праздничном сообществе³.

Ориентированная на консолидацию общества праздничная информационная кампания могла продолжаться после окончания торжеств целую неделю и больше. В ежедневных газетах, различных журналах на видных местах непрерывно публиковались фотографии московского парада, праздничных демонстраций и народных гуляний. Скромные по масштабам и оформлению празднества на местах обогащались, таким образом, иллюстративным материалом из столи-

---

¹ Празднование Октября в губернии // Воронежская коммуна. 1927. 10 нояб. С. 3; Несокрушимое единство // Коммуна. 1937. 10 нояб. С. 2; Октябрьский праздник в Новосибирске и в Сибири // Советская Сибирь. 1932. 10 нояб. С. 1.

² ГАНО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 146. Л. 32.

³ Papanin I. D. Das Leben auf einer Eisscholle. Tagebuch. Berlin, 1977. S. 193–201.

цы. Этот был еще один способ донести до людей на периферии пример Москвы.

Драматургия праздника как универсального произведения искусства имела несколько целей. Во-первых, происходило разделение по времени различных элементов празднования. Организация развлекательной части во второй половине первого дня и на второй день позволяла избежать смешения политической торжественной части, включавшей торжественное собрание, демонстрацию и митинг, и народных гуляний. Но не следует думать, что «культурные развлечения» в рамках советского праздника были лишены идеологического значения. «Инкультурация» подданных открыто провозглашалась в качестве цели советской диктатуры в сфере воспитания, а слияние политической и прагматической педагогики легко прослеживается как раз на примере развлекательной части праздников. Развлечения в коллективе в форме организованных предприятиями, клубами и другими учреждениями совместных выездов в парки культуры и отдыха или за город выполняли дидактическую функцию – воспитания в духе коллективизма, а также формирования «хорошего вкуса»¹. Границы между «проживаемой идеологией»² и ориентированной на повседневный жизненный мир догматикой таким образом стирались.

И тем не менее организаторы и теоретики советских праздников стремились разделить сферы политической манифестации и культурных развлечений. Во многих публикациях они указывали на опасность смешения обеих этих сфер, которое не соответствовало основному характеру советского праздника. Несовпадение по времени якобы легких развлечений и политически значимой части празднеств особенно четко прослеживается в период первого после революционного десятилетия и культурной революции. Профанация праздника, задуманного как демонстрация мощи советской власти, и низведение его на уровень чисто развлекательного события представляли собой в глазах теоретиков того времени серьезную угрозу.

Но данный конфликт в основном нашел свое разрешение в 1930-е гг. На этом этапе, когда излюбленным мотивом власти стало демонстрирование «счастливой жизни», формы развлечений приоб-

---

¹ См.: Bogdanov A. A. Kritik der proletarischen Kunst // *Parteilichkeit der Literatur oder Parteiliteratur?* / hg. von H. C. Buch. Hamburg, 1972. S. 114 f.; Trotzki L. Schnaps, Kirche und Kino // Trotzki L. *Fragen des Alltagslebens*. Dortmund, 1977. S. 46 f.; Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников. М., 1927. С. 3 и сл.

² Формулировка, употребленная в докладе Йохена Хелльбека в университете им. Гумбольдта в Берлине в 2003 г. См. также: Hellbeck J. *Writing a Diary in Stalin's Time*. Cambridge, Mass., 2006. Introduction.

рели чрезвычайно большое политическое значение. Теперь надлежало представить наступление новой социалистической эры в истории человечества в праздничном облачении. Приметами этой эры были коллективные прогулки в парках культуры и отдыха, а также совместное чтение вышедшего в 1938 г. канонизированного учебника «История Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Аспекту развлечений во время празднеств в 1930-е гг. соответственно отводилось центральное место. Спортивные парады можно считать знаком того времени: они представляли собой инсценировку проживаемой идеологии. Белая спортивная форма доминировала во время всех советских праздников эпохи сталинизма¹.

Несмотря на смягчение напряженности вокруг проблематики, связанной с соотношением политического содержания демонстраций и культурных развлечений во время праздников, этот конфликт не удалось полностью разрешить и в 1930-е гг. С одной стороны, советский праздник продолжал оставаться точкой отсчета многочисленных кампаний, и с этой стороны пропагандисты ждали от него мобилизующего эффекта. Кампании должны были проводиться «бегом» и, протекая в стахановском темпе, завершаться к праздничным датам. С другой – советский праздник служил эмблемой советского образа жизни. Вся жизнь советских граждан именовалась «праздником». В результате возник риторический замкнутый круг: работа («труд») должна была считаться *подвигом* и в то же время *праздником*. Данные понятия в тенденции становились взаимозаменяемыми синонимами. Но эта словесная эквилибристика при попытке применения ее на практике не была свободна от внутренних противоречий, что признавали сами пропагандисты. Амбивалентность семантики проявлялась в том, что организаторы праздников и в эпоху сталинизма продолжали соблюдать разделительную линию между военно-политической манифестацией и развлекательным приложением к ней. Однако значение этого приложения выросло настолько, что оно превратилось в равноправную часть праздничной драматургии².

---

¹ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 26–27; План общегородской демонстрации в Воронеже // Коммуна. 1936. 5 нояб. С. 4. См. картины А. Самохвалова «С. М. Киров принимает спортивный парад», Ю. Пименова «Спортивный парад».

² В 1927 г. было учреждено официальное почетное звание «Герой труда». В 1934 г. установлено звание «Герой Советского Союза», которое давалось за подвиги не на трудовом фронте. См.: Günther H. Der Heldenmythos im Sozialistischen Realismus // Traumfabrik Kommunismus. Die visuelle Kunst der Stalinzeit / Dream Factory Communism. The Visual Culture of the Stalin Era / hg. von B. Groys, M. Hollen. Frankfurt/Main, 2003. S. 106–124; Sartorti R. Helden des Sozialismus in der Sowjetunion. Zur Einführung // Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR / hg. von S. Satjukow, R. Gries. Berlin, 2002. S. 36 ff.

Инсценировка советского праздника как универсального произведения искусства имела еще один эффект. Его сценарий предусматривал работу с общественностью далеко за пределами самой праздничной даты. В 1930-е гг. период от объявления начала подготовки к ней до заключительного освещения праздничных событий в средствах массовой информации растягивался настолько, что конец предыдущего праздника порой совпадал с подготовкой к следующему. Поэтому праздничная тематика не сходила со страниц ежедневной советской печати и там, похоже, царил «перманентный праздник»¹.

Поскольку советский праздник рассматривался как символ нового времени и использовался для того, чтобы подчеркнуть контраст между соперничавшими между собой системами и мировоззрениями, власти не видели оснований для ограничения потока праздничной информации. К тому же в 1930-е гг. возросло количество отмечаемых праздников, так что появились дополнительные поводы для освещения их подготовки, проведения и для праздничных реминисценций². Поскольку этим занимались не только ежедневная печать, но и все официальные средства массовой информации, советский праздник вышел на явно привилегированное место в работе с общественным мнением, сохраняя его за собой вплоть до начала Второй мировой войны, которая внезапно положила конец инсценировкам советской действительности, представлявшим ее как один большой праздник.

---

¹ Например, в Воронеже в 1939 г. в октябре шла подготовка к празднованию 20-й годовщины освобождения Воронежа от белогвардейских банд, широко отмеченной 24 октября. Параллельно шло планирование 21-й годовщины Октябрьской революции, за которой сразу же началась подготовка ко Дню конституции (5 декабря) и затем непосредственно ко дню рождения Сталина (21 декабря). В советском календаре также существовал промежуток «между годами» с 21-го декабря до Нового года. Подготовка к празднику ёлки, как правило, начиналась за несколько дней до наступления Нового года. В Сибири декабрь 1939 г. дополнительно был загружен годовщиной освобождения Сибири (14 декабря). О «перманентности праздника» как отличительной черте дворцовой культуры раннего Нового времени впервые начал говорить Рихард Алевин. См.: Alewyn R., Sälzle K. *Das große Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste in Dokument und Deutung*. Hamburg, 1959. S. 41.

² Дополнительно к пяти главным праздникам советского календаря в 1939 г., например, существовало еще шесть «специальных дней отдыха»: День Красной армии (23 февраля), Международный женский день (8 марта), Международный антивоенный день (1 августа), День авиации (18 августа), День коллективизации и урожая (16 ноября) и региональный день освобождения, напоминавший о событиях Гражданской войны. Кроме того, отмечались профессиональные праздники, такие, как День флота, годовщина образования комсомола или МЮД, многочисленные парады и региональные памятные даты, например годовщина расстрела на Лене в Сибири: ГАНО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 296. Л. 65–66.

«КРАСНЫЙ КАЛЕНДАРЬ» И «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД»

Советские праздники были инсценировкой нового мира. Они являлись составной частью общего проекта строительства нового общества и воспитания «нового человека». Официальные праздники изображали реальность, которую еще предстояло создать. И праздник служил средством осуществления этой цели. Таким образом, инсценировки массовых советских праздников выполняли двоякую роль: они рисовали перспективу обещанного социалистического общества и служили инструментом преобразования современной действительности в соответствии с представлениями о нем.

Действительность, в условиях которой режиссеры праздников планировали и осуществляли свои постановки, была еще далека от намеченных целей. В целом, и в частности в области ритуальной праздничной культуры, она характеризовалась «отсталостью» и наличием «пережитков прошлого». Конкурирующие системы, прежде всего религия, продолжали существовать и оказались весьма живучими. Советские преобразователи мира заявляли, однако, претензии на тотальное господство и стремились вытеснить их, а советский праздник представлял собой одно из центральных средств для выполнения этой задачи. Инсценировки и проекты преобразования мира, носителем которых являлся официальный массовый праздник, следует понимать как контрпроекты, противопоставлявшиеся объяснениям миропорядка, имеющимся у противной стороны.

Грандиозному характеру проекта радикального и всеохватного преобразования общества соответствовали фундаментальные масштабы тех средств, которыми большевики пользовались для установления единоличного господства. Они стремились подчинить себе пространство и время — две категории, овладению которыми был призван существенным образом способствовать в 1920-е и 1930-е гг. массовый советский праздник. Официальная ритмизация и хореография праздников были направлены на советизацию пространства и времени. Ниже мы постараемся проследить попытки советизации как того, так и другого на протяжении двух десятилетий. В этом процессе различимы два сквозных основных образца, между которыми

Великий перелом провел разделительную черту. Направленность официального регулирования пространства и времени менялась в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Но оставался неизменным основной характер советского проекта нормирования хронологии и топографии.

Праздник и советское летосчисление

Праздники – важный элемент любого календаря, которым общество пользуется для структуризации времени. Праздники выделяются на фоне повседневной рутины, они служат временными вехами, напоминают о минувших событиях и являются точками отсчета в планах на будущее¹. Праздничные даты образуют референтные точки дискретного исчисления времени обществом и в качестве таковых синхронизируют восприятие времени теми, кто живет согласно этому календарю. Отмечать праздник – значит признавать принятую сообществом специфическую ритмизацию времени, его регуляцию в форме «временной карты» (temporal map)².

Советский календарь, по мысли его авторов, должен был служить в качестве общественной инстанции для наполнения потока времени значением, превращения его в смысловую хронологию. Сначала он был составлен как свидетельство разрыва с прошлым. Одним из первых декретов молодой советской власти в первый день после 31 января 1918 г. по старому стилю летосчисление Советской России было переведено на григорианский календарь: следующий после 31 января день официально считался 14-м, а не 1-м февраля. Эта мера, с одной стороны, объяснялась стремлением большевиков к модернизации. Они хотели адаптировать культурно «отсталую» в их представлении Россию к стандартам западного мира. Но декрет от 24 января 1918 г. о переходе на новое летосчисление был не только актом модернизации, он означал также символический разрыв с эпохой царизма. Наступила новая советская эпоха, нуждавшаяся в новой хронологической системе³.

---

¹ Об этом см.: Assmann J. Der zweidimensionale Mensch: das Fest als Medium des kollektiven Gedächtnisses // Das Fest und das Heilige. Religiöse Kontrapunkte zur Alltagswelt / hg. von J. Assmann, T. Sundermeier. Gütersloh, 1991. S. 13–33; Bausinger H. «Ein Abwerfen der großen Last...» Gedanken zur städtischen Festkultur // Stadt und Fest. Zu Geschichte und Gegenwart europäischer Festkultur / hg. von P. Hugger. Unterägeri; Stuttgart, 1987. S. 251 ff.; Marquard O. Moratorium des Alltags. Eine kleine Philosophie des Festes // Das Fest / hg. von W. Haug, W. Warning. München, 1989. S. 684–691.

² Assmann A. Zeit und Tradition. Kulturelle Strategien der Dauer. Köln, 1999. S. 15; Schmidt T. Kalender und Gedächtnis. Erinnern im Rhythmus der Zeit. Göttingen, 2000. S. 58 ff.

³ См.: Geldern J., von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993. P. 43 f.

Соответственно вводились и новые праздники. Ломка праздничного канона являлась таким же революционным актом, как и меры в других областях общественной жизни. Традиционные праздники рабочего движения объявлялись государственными¹. Кроме того, советская календарная реформа учредила ряд новых праздничных дат, которые структурировали год. Прежде всего — годовщину Октябрьской революции — день основания молодого государства. Эта дата стала ядром советской праздничной системы, на нее ориентировались также другие даты².

Для ранних лет советской власти была характерна высокая активность изобретателей большевистских праздничных традиций: в государственный праздничный канон был включен целый ряд праздничных дат, хотя они не значились «нерабочими днями». Так, торжественно отмечались День Парижской коммуны, Праздник Красной Земли или Международный женский день. Часть этих праздников, правда, продержалась в календаре лишь несколько лет, став жертвой многочисленных его изменений. Советский праздничный календарь того времени отличался большой нестабильностью³.

Новый календарь содержал не только даты, которые с гордостью отмечали победившие революционеры, его праздники являлись частью антирелигиозной политики и мер по секуляризации в ходе культурной революции. Была ли то истинная цель или желаемый побочный эффект, но советская реформа календаря привела к существованию двух асинхронных летосчислений — традиционного юлианско-православного и официального папско-большевистского. Новое датирование на основе официального членения времени внесло диссонанс в обрядовый строй православного религиозного календаря. Религиозные церковные праздники не совпадали

---

¹ Lunatscharski A. Der Erste Mai 1918 // Lunatscharski A. Schlaglichter. Erlebnisse und Gestalten auf meinem Wege. Berlin, 1986. S. 194–198.

² См.: Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 301 и сл.; Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln, 1996. S. 261 ff.; Sartorti R. Arbeit oder Fest? Zur Geschichte des 1. Mai in der Sowjetunion // «100 Jahre Zukunft». Zur Geschichte des 1. Mai / hg. von I. Maršolek. Frankfurt/Main, 1990. S. 347 ff.; Stites R. The Origins of the Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 38 f.

³ О праздничных датах см.: Binns C. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. I // Man. 1979. Vol. 14. № 4. P. 589; Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 74 и сл.

с праздничными днями, которые выпадали по официальному календарю¹.

В этом смысле советская реформа календаря вместе с символической маркировкой новой эпохи представляла собой попытку маргинализации религиозного толкования времени церковью. Религиозные праздники были для большевиков особым камнем преткновения. Правда, в первое послереволюционное десятилетие они еще проявляли готовность к компромиссу. Сначала в советский календарь официально были включены важные церковные даты, хотя и по новому стилю. Листки календаря периода НЭПа свидетельствуют о параллельности советских и церковных праздников².

Однако в конце 1920-х гг. советское праздничное пространство начало расширяться. Праздничный канон пополнился целым рядом дополнительных праздничных поводов, а масштабы празднеств существенно возросли³. Годовщина первого десятилетия советской власти завершила полосу умеренности в организации празднеств, которой отличался период НЭПа, и дала толчок ее более помпезным общественным репрезентациям. Советский праздничный календарь был иерархичен по своей структуре и включал три ступени. Небольшое число советских праздничных дат считались главными, или праздниками «первого порядка». Официально они являлись нерабочими днями, и это отличало их от остальных праздников. В 1929 г. такими привилегированными датами были 1 Мая, день смерти Ленина и годовщина Октябрьской революции⁴. Последняя, несомненно, представляла центральное событие в этом узком кругу. Юбилей Октябрьской революции, как день основания советской власти, выделялся и

---

¹ См.: Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985. С. 19; Williams R. C. *The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1995. № 43. H. 4. S. 366. О живой церкви см.: Schulze Wessel M. Historismus und konkurrierende kirchliche und konfessionelle Geschichtsdeutungen in Ostmittel- und Osteuropa zwischen den Weltkriegen // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2002. № 50. H. 2. S. 141–154; Idem. Die deutschen Christen im Nationalsozialismus und die Lebendige Kirche im Bolschewismus – zwei kirchliche Repräsentationen neuer politischer Ordnungen // *Journal of Modern European History*. 2005. Vol. 2. № 3. P. 147–163; Idem. Revolution und religiöser Dissens. Der römisch-katholische und russisch-orthodoxe Klerus als Träger religiösen Wandels in den böhmischen Ländern bzw. in (Sowjet-)Rusland. Göttingen, 2006.

² Календарь коммуниста на 1923 год. М., 1922; Календарь на 1924–1925 гг. // *Весь Воронеж: Справочная книга на 1924–1925 гг.* Воронеж, 1924. С. 1.

³ Clark K. *Petersburg, Crucible of Cultural Revolution*. Cambridge, 1995. P. 243; Немиро О. В город пришел праздник. Из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л., 1973. С. 45.

⁴ Попов Н. Новый советский календарь // *Культурный фронт*. 1929. № 10. С. 9–13.

тем, что этот праздник до 1929 г. был единственным с двумя нерабочими днями. Кроме того, все остальные праздничные даты открыто ориентировались на эту референтную точку в советском календаре¹.

Дополнительно к узкому кругу праздников существовали праздники «второго порядка». Они отмечались как всесоюзные при большом участии партийных и государственных органов и значились в официальном календаре. Однако эти дни были рабочими. Для них обычно не предусматривались такие праздничные формы, как демонстрация и митинг, но проводились собрания на предприятиях, в учреждениях и колхозах. Такими датами, по случаю которых организовывались тематические мероприятия, были годовщина революции 1905 г., День конституции, Международный женский день, День Красной армии и День урожая и коллективизации².

На третьем, еще более низком уровне иерархии располагались праздники, имевшие в основном региональное значение и узкую тематику. Такие даты, как День птиц или День леса, согласно терминологии того времени, однозначно именовались «праздниками»³. Однако они в основном пользовались лишь вниманием прессы, да иногда в эти дни проводились экскурсии школьников. Среди праздничных поводов этого порядка была наибольшая текучесть. Некоторые даты просуществовали только один год. Тем не менее именно на долю этих регионально и тематически ограниченных поводов приходилось большинство праздников, заполнявших собой весь год советского календаря.

В горизонтальной плоскости к названной трехуровневой структуре советских праздничных поводов примыкали праздничные даты регионального значения, становившиеся главными праздниками в региональном контексте. Кроме того, нерегулярно или однократно отмечавшиеся юбилеи, а также исключительные события – даты рождения или смерти дополняли собой палитру праздников первого и второго порядка в советском календаре. Региональные праздники, как правило, посвящались определенным событиям Гражданской

---

¹ Борисов В. В., Галлер А. П., Шилов П. З. Массовое действо – первомайский праздник 1932 г. М., 1932. С. 7; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 24. Л. 32; ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1964. Л. 54–55; ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 8.

² ГАО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 296. Л. 65–66; Ф. 1020. Оп. 2. Д. 27. Л. 138.

³ День леса: ГАО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 395. Л. 1–7. С 1929 г. начали множиться незапланированные праздники и памятные даты. Только за 1929 г. можно назвать День борьбы против военной опасности, День леса, День борьбы с неграмотностью, Международный день борьбы против империалистической войны, День советского авиаконструктора и День печати. Существовали антирождественский праздник и антирелигиозный карнавал. Такие праздники освещались и в прессе, ими занимался ряд праздничных комиссий.

войны, имевшим специфическое региональное значение¹. Дополнением к советскому праздничному каталогу служили нерегулярные юбилеи. Отмечались не только дни рождения и смерти выдающихся личностей, но и такие даты, как основание предприятий и закладка фундаментов².

В целом советский праздничный канон 1920–1930-х гг. отличался многогранностью и был довольно обширным. Колонизация времени официальными празднествами являлась важным средством структурирования годового цикла по советским образцам. Но советская хронология была не единственной из существовавших тогда. Она испытывала на себе давление сильных конкурентов, которые по-иному структурировали время и наполняли его иным содержанием. В этой связи прежде всего следует назвать религиозное толкование и членение времени. Реформа календаря в 1918 г. уже проходила в конкурентной ситуации, которая обострилась в ходе второй культурной революции периода Великого перелома и введения пятидневной рабочей недели³. Кульминацией конфликта между советскими и церковными праздниками стало противопоставление 1 Мая Пасхе, поскольку эти два главных праздника соперничающих между собой культурных систем оказались в непосредственной временной близости. В первые послереволюционные годы 1 Мая еще продолжало традицию социалистических боевых демонстраций. Однако во время Великого перелома антирелигиозное содержание стало доминирующим и в тематике «Дня международной пролетарской солидарности». В 1929 и 1932 гг., когда оба праздника были близки по времени, день 1 Мая походил на день антирелигиозной агитации, который обрел свое лицо только благодаря противопоставлению себя церковному конкуренту⁴.

Большевики в обращении с инакомыслящими прибегали к методу исключения. Судя по направленности, целью празднования 1 Мая была скорее демонстрация советской праздничной культуры и тем самым советского общественного проекта, нежели интеграция ве-

---

¹ См. на эту тему: Рольф М. Инсценировки империи и репрезентации региональности: Спортивные парады и региональные праздники сталинской эпохи // *Ab Imperio*. 2006.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 16. Л. 66, 71; ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2771. Л. 8; ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 591. Л. 11.

³ См.: Binns C. *The Changing Face of Power I*. P. 601 f.; Schwarz S. M. *Labour in the Soviet Union*. New York, 1951. P. 269 ff.; Rolf M. *Constructing a Soviet Time. Bolshevik Festivals and their Rivals during the First Five-Year Plan* // *Kritika*. 2000. Vol. 1. № 3. P. 448 ff.

⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 291. Л. 1, 9–10; 1 Мая и пасха – яркое выражение борьбы двух миров // *Коммуна*. 1932. 24 апр. С. 2.

рующих. Празднование церковной Пасхи подвергалось диффамации и социальной стигматизации как повод для пьянства и обжорства, а обусловленное празднованием Пасхи отсутствие на рабочем месте клеймилось и наказывалось как серьезное нарушение производственной дисциплины¹. Целью этой кампании были маргинализация и подавление живой религиозной праздничной культуры, которая, как с горечью констатировали большевики в конце 1920-х гг., продолжала существовать, несмотря на все их антирелигиозные усилия².

И все же советские праздники содержали в себе интегративный элемент и в этот период непосредственной конфронтации с церковью. Особенно четко это прослеживается на примере советского Дня урожая³. В 1929 г. День урожая и коллективизации получил статус всесоюзного праздника, он должен был широко отмечаться, прежде всего в сельской местности, 14 октября⁴. Советский праздник урожая по форме напоминал традиционные деревенские праздники подобного рода. Он скопировал в основных чертах старинную обрядовую сторону таких праздников, как *первый*, или *медовый*, *Спас* (14 августа), *хлебный*, или *третий*, *Спас* (29 августа)⁵. В новом празднике подхватывались и «советизировались» крестьянские традиции, т.е. они увязывались с основными советскими символами — серпом и молотом — и ритуалами, в частности пением «Интернационала». Большевики стремились узурпировать привычную для людей символику и практики, поставить их себе на службу. Слиянием праздничных форм пытались навести мосты между традиционной и новой советской праздничной и символической культурой, приблизить крестьян к новому советскому празднику урожая в новом обрамлении⁶.

---

¹ Пьяных сняли с работы // Советская Сибирь. 1929. 8 мая. С. 3.

² Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? М., 1992. С. 47 и сл.; Curtiss J. S. The Russian Church and the Soviet State. Boston, 1953. P. 221 ff.; Peris D. Storming the Heavens. The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca, 1998. P. 78–98; Plaggenborg S. Revolution and Kultur. S. 312 ff.; Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia. Religious Activists in the Village. University Park, 1997. P. 79–110, 111–146.

³ Кузьмин И. Значение «дня урожая» // Праздник урожая / под ред. А. Возьминского. И. Кузьмина. М., 1924. С. 81; Возьминский А. Как проводился «праздник урожая» // Там же. С. 69 и сл. Детали см. также: Rolf M. Feiern in Zeiten der Kulturrevolution: Das Massenfest in der Sowjetunion (1917–1932) // Historische Anthropologie. 2005. № 13. H. 2. S. 170 ff.

⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 44. Д. 73. Л. 117; Ф. 3316. Оп. 13. Д. 11. Л. 221; За подготовку! Как проводить день урожая и коллективизации // Беднота. 1929. 2 окт. С. 1.

⁵ ЦДНВО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 34. Л. 9; Баратов Б. И. Праздник первой борозды. М., 1930. С. 24 и сл.; Makarenko A. S. Ein pädagogisches Poem. Berlin, 1976. S. 566, 603–626.

⁶ См., в частности: Blomqvist L. E Introduction // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe / eds. C. Arvidsson,

Но стратегия, опиравшаяся на символическую интеграцию, подрывалась риторикой новой власти, направленной на вытеснение и исключение. День урожая использовался советской пропагандой для борьбы против всего, что в ее глазах было «отсталым» в жизни села. Кулаки, попы, религиозные традиции и единоличное крестьянское хозяйство являлись мишенями острой полемики и осмеяния. В этом отношении День урожая был пропитан такой же непримиримостью к деревенским традициям, как и спецотряды ОГПУ и «двадцатипятитысячники» — рабочие из промышленных центров, которых направляли в село для проведения принудительной коллективизации в 1929–1930 годах¹.

Двойственность советского дня урожая, проявлявшаяся в деталях, была в целом присуща и другим советским праздникам. Советский праздничный календарь в отношении других праздничных систем отличала неоднозначность: с одной стороны, борьба с ними, а с другой — преемственность и узурпация. Обе эти стратегии в конечном итоге преследовали цель монополизировать толкование времени и присвоить себе единоличное право на установление сезонов в годовом цикле. Но при достижении этой цели использовались различные и даже конкурирующие между собой концепции.

Если для фазы Великого перелома была характерна непримиримая борьба против празднования традиционных праздников, то в последующем, до 1937 г., преобладал интегративный стиль. В целом в этот временной промежуток форма открытого конфликта отошла на задний план, по крайней мере в области праздничного дискурса². Так, во время празднования 1 Мая 1937 г., когда, как и в 1929 и 1932 гг., 1 Мая и Пасха были в непосредственной близости друг от друга, антирелигиозная струя отнюдь не доминировала в предпраздничной пропаганде³.

Однако в том же году от умеренности в антирелигиозной пропаганде не осталось и следа. Встрешенные заметным оживлением открытых проявлений религиозности в период относительного смягче-

---

L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 8 f.; Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. С. 99 и сл.; Rolf M. Zwischen antikirchlichem Gegenfest und volksreligiöser Feiertradition. Festkultur, Religion und Stalinismus in Sowjetrußland vor dem Zweiten Weltkrieg // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2004. № 52. H. 4. S. 494–514; Stites R. The Origins of the Soviet Ritual Style. P. 23 ff.

¹ Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области, 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 76.

² ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1063. Л. 182; Почему пасху ежегодно празднуют в разное время // Блокнот антирелигиозника. 1935. № 3. С. 13–19.

³ ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1622. Л. 14; Новосибирск готовится к празднику // *Советская Сибирь*. 1937. 28 апр. С. 4.

ния антицерковной политики и шокированные тем, что неожиданно большое число советских граждан — более 50 % — во время переписи населения 1937 г. признались в отправлении церковных обрядов, летом 1937 г. большевики снова объявили войну религии и ее служителям. В ходе репрессий и санкционированной по «приказу 00447» политики уничтожения «врагов» режима жертвами большевистского террора стали прежде всего лица духовного сана¹. Вместе с физическим насилием в советскую праздничную культуру вновь вернулось символическое наступление. Как и в годы культурной революции, подготовка к праздникам, прежде всего к 1 Мая 1938 г., сопровождалась яростной антирелигиозной пропагандой².

Таким образом, интенсивность и агрессивность антирелигиозной пропаганды в периоды советских праздничных кампаний 1930-х гг. были подвержены заметным колебаниям. Параллельно с непосредственной и жестокой конфронтацией с приверженцами религиозного мировоззрения и толкователями времени из церковного лагеря в те же годы применялась и интегративная тактика. Примером может служить *праздник ёлки*. Советский новогодний праздник, который в 1935 г. был инициирован в качестве «советского» или «красного», — показательный пример относительного спада напряженности³. Советские руководители, в ведении которых находилась праздничная культура, решили использовать радостное, полное ожиданий настроение в конце года, чтобы переориентировать его на идеологически нейтральную дату Нового года по новому стилю и отвлечь внимание от эмоционально привычного традиционного Рождества (7 января по новому календарю) и «старого Нового года» (14 января по новому стилю)⁴.

Здесь нетрудно заметить тот же подход, что и в случае с советским Днем урожая: традиционный праздник в преобразованной советизированной форме включался в новый праздничный календарь, и его эмоциональное содержание узурпировалось. Речь шла о сознательном применении стратегии колонизации существовавших на тот период ритуальных пространств и практик. Включение религиозных

---

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 105. Л. 23–25. См. также: Binner R., Junge M. Vernichtung der orthodoxen Geistlichen in der Sowjetunion in den Massenoperationen des Großen Terrors 1937–1938 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2004. № 52. H. 4. S. 516 f., 519 ff.; Baberowski J. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München, 2003. S. 191 ff.

² ГАНО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 312. Л. 35–36; Шалдин Б. Классовая сущность праздника Пасхи // *Советская Сибирь*. 1941. 15 апр. С. 2. См. также: Weiner A. *Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Oxford, 2001. P. 309 f.

³ К новому году — хорошую елку // *Коммуна*. 1935. 30 дек. С. 4.

⁴ ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1177. Л. 14–15, 21–24.

элементов в советскую знаковую систему можно расценивать как попытку «сакрального трансфера». Практики и символы, имевшие в церковной традиции сакральную коннотацию, должны были интегрироваться в революционную праздничную культуру¹. Большевистские активисты от культуры надеялись с помощью такого сакрального переноса повысить привлекательность советских праздников в условиях перманентного противоборства со своими религиозными соперниками. В качестве побочного продукта этой интеграционной стратегии возникли многие советские праздничные традиции. Это была смесь весьма неоднородных элементов, начиная с программы праздников. Обе праздничные системы не только сосуществовали, но и влияли друг на друга, причем перенос практик являлся важным фактором их развития.

Новый советский хронологический порядок имел прямые последствия прежде всего для самих столпов системы. Советские функционеры сумели зафиксировать внимание общества на новых цезурах в календарном членении времени. Почти во всех официальных сферах общественной жизни привилась ориентация на праздничные даты советского календаря. Сформировалось мышление, привязанное к ключевым датам, которое означало, что самое главное — вовремя выпустить определенное количество продукции к празднику. При этом достаточно часто страдало качество самой продукции². Ни одна сфера общественной жизни не избежала воздействия подобной динамики: в праздники торжественно открывались строительные сооружения³, к годовщине Октябрьской революции старались снять кинофильмы, открывали памятники, переименовывали площади⁴. К праздникам советского календаря приурочивали уборочные кампании, взятие на себя производственных обязательств, «социалистическое соревнование», совершали «культпоходы», объявляли благодарности и выносили выговоры⁵. По поводу праздников дважды в день чистились зубы, озеленялись и благоустраивались город-

---

¹ Это понятие употребляет Мона Озуф. В отношении праздников Французской революции она говорит о попытке «сакрального трансфера». См.: Ozouf M. *Festivals and the French Revolution*. Cambridge, Mass., 1988. P. 262–283.

² О деталях см.: Rolf M. *Constructing a Soviet Time*; Idem. *Feste des «roten Kalenders»: der Große Umbruch und die sowjetische Ordnung der Zeit* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2001. № 49. H. 2. S. 101–118.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 50. Д. 13. Л. 6; ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 26–30.

⁴ Открытие памятника В. И. Ленину в г. Воронеже // *Коммуна*. 1940. 11 нояб. С. 3; ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1622. Л. 5–5 об. См.: Schenk F. B. *Aleksandr Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis 1263–2000*. Köln, 2004. Kap. 9.5.

⁵ ГАНО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 618. Л. 1–88; ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2632. Л. 63–64.

ские территории¹. На праздники ориентировались учебные программы в школах, в связи с юбилейными датами объявлялись амнистии, и даже в годы Второй мировой войны советские праздники служили отправными точками для проведения мобилизационных кампаний².

Какому стрессу подвергались официальные лица, чтобы к празднику рапортовать о «достижениях», видно было по той лихорадочной активности, которая развивалась в самый канун крупных юбилейных дат. Общая официальная привязка различных планов к праздничным датам стоила региональным и местным функционерам большого напряжения. Царила своего рода *horror vacui* (боязнь пустоты. – *Прим. пер.*) перед лицом важных праздничных дат, поэтому в крайнем случае, если не было иных готовых к сдаче объектов, активисты весьма торжественно открывали «красные уголки»³. С начала первой советской пятилетки стало просто немыслимым *ничего* не открыть или не освятить по случаю официального праздника.

Успехи на производстве и советские праздники были взаимосвязаны. С одной стороны, производство изделий должно было подчеркнуть выдающееся значение праздничной даты. Советский праздник стал смотрам достижений советской власти, в региональном контексте это могла быть сдача в эксплуатацию школы или моста. Торжественное открытие и сдача объектов рассматривались как доказательства передового характера системы, которая праздновала сама и заставляла праздновать других. В этом смысле организаторы советских праздников видели в них даты подведения итогов, презентации советских достижений, служивших легитимации системы⁴. С другой стороны, общественные активисты 1930-х гг. использовали эту связь, чтобы завоевать общественное признание и поощрение. Ведь к юбилеям и праздникам давали премии и другие привилегии⁵.

Оба фактора укрепляли связующую нить между советскими праздниками и общественными акциями, придавая ей практическую направленность и закрепляя фиксацию на ключевых датах советского календаря. В этом смысле новый советский праздничный каталог являлся средством нормирования общественной жизни. Законным способом официальной презентации достижений считалась их ориентация на даты красного календаря. По крайней мере в этом отношении советизация времени проходила успешно.

---

¹ Мы чистим зубы дважды в день // Коммуна. 1933. 18 окт. С. 3.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 301. Л. 122. См.: Ganzemüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. Die Stadt in den Strategien von Angreifern und Verteidigern. Paderborn, 2005. S. 185.

³ ГАВО. Ф. 1439. Оп. 5. Д. 197. Л. 9.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1822. Л. 122; ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–7.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2249. Л. 301; Д. 2454. Л. 51.

Праздник и советская топография

Праздники – это не только ключевые даты календарного года. Это еще и мероприятия, проводимые в определенном пространстве. Наряду с ритмизацией времени согласно советским стандартам большевики стремились также к советизации ландшафта. Новая планировка общественного пространства в 1920–1930-е гг. входила прочной составной частью в советский проект радикального переустройства общества. Советизация городского пространства являлась частичной целью общего стремления сделать из российского общества советское.

В качестве известных ранних примеров этих устремлений большевиков можно привести колонизацию Красной площади и московского Кремля. Символической звуковой манифестацией большевистской узурпации этих мест стала перенастройка боя курантов на Спасской башне Кремля¹. Кроме того, сооружение Мавзолея Ленина и инсценировка торжественных советских маршей и демонстраций на Красной площади визуализировали архитектурную и ритуальную стороны освоения этого пространства².

Даже в Москве эта попытка столкнулась с трудностями и противоречиями. Партийным и государственным функционерам в небольших провинциальных городах пришлось иметь дело с еще большими проблемами. Общественное пространство в течение двух послереволюционных десятилетий в таких городах, как Воронеж и Новосибирск, было яблоком раздора. Поскольку религиозные обряды в 1920–1930-е гг. занимали еще большое место в жизни общества, система религиозной символики продолжала играть существенную роль в топографии городов, бросая вызов большевикам. Советские активисты и функционеры от культуры хорошо понимали, что им придется утверждать свое право на оформление городского ландшафта в стиле новой советской символики. Они начали занимать и монополизировать общественное пространство, чтобы заново перекроить символическую карту местности. Проводилась активная территориальная политика, включая архитектурные мероприятия, топонимику, которая сигнализировала наступление новой эпохи, и организацию массовых праздников³. Советские массовые праздники были, разумеется,

---

¹ Trotzki L. Mein Leben. Versuch einer Autobiographie. Frankfurt/Main, 1981. S. 304 ff.

² См.: Avantgarde II, 1924–1937. Sowjetische Architektur / hg. von S. O. Chan-Magomedov. Stuttgart, 1993. S. 135; Stites R. Festival and Revolution: The Role of the Public Spectacle in Russia, 1917–1918 // Essays on Revolutionary Culture and Stalinism / ed. J. W. Strong. Columbus, 1990. P. 9–28.

³ См.: Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. Politische Symbole im öffentlichen Leben der DDR. Gerlingen, 1991. S. 19 ff.; Münkler H. Das kollektive Gedächtnis der DDR // Parteiauftrag. Ein neues Deutschland. Bilder, Rituale und Symbole der frühen

одним из главнейших средств в этой борьбе. Постановка праздников находилась в тесной взаимосвязи с другими средствами перепланировки пространства. Праздничная хореография и градостроительные проекты, переименования и праздничные мероприятия были частью единого комплекса мер. Рассматривая укоренение новой советской иерархии в оформлении городского пространства, необходимо держать в поле зрения взаимодействие различных медиумов. Поэтому в дальнейшем мы будем учитывать связь тематики красного календаря с архитектурными и топонимическими аспектами¹.

Советская колонизация общественного пространства в процессе проведения официальных праздников уже на ранней стадии была нацелена на «маркирование центра», как показал на примере послереволюционного Петрограда Джеймс фон Гельдерн². Речь шла о том, чтобы определить центр занятого большевиками города и одновременно установить границы периферийных районов. Но «маркирование центра» в таких городах, как Воронеж и Новосибирск, не ограничилось первыми послереволюционными годами, а вылилось в гораздо более длительный процесс. Эту задачу советским функционерам пришлось решать на протяжении 1930-х гг. и позднее – уже в рамках программы послевоенных восстановительных работ. Локализация и обустройство центра имели, конечно, огромное значение с точки зрения внушительной демонстрации авторитета власти. Определение городского центра и его пересмотр имели непосредственное отношение к установлению и укреплению господства³.

DDR / hg. von D. Vorsteher. München, 1997. S. 458–468; Rolf M. Symbolpolitik im öffentlichen Raum – zu ihren Funktionen und Methoden in autoritären Systemen. Eine Problem-skizze am Beispiel der DDR // Вестник Челябинского университета. 2002. № 1. С. 104–106.

¹ См.: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 25; Rütters M. Öffentlicher Raum und gesellschaftliche Utopie. Stadtplanung, Kommunikation und Inszenierung von Macht in der Sowjetunion am Beispiel Moskaus zwischen 1917 und 1964 // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 65–71. Детально см. также: Rolf M. Working Towards the Centre: Leader Cults and Spatial Politics in Prewar Stalinism // The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc / eds. B. Apor u. a. Palgrave, 2004. P. 141–157.

² Geldern J., von. Bolshevik Festivals. P. 175 ff.

³ Shils E. Center and Periphery. Essays in Macrosociology. Chicago, 1975. P. 3–16, 273–276; Geertz C. Centers, Kings, and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Rites of Power. Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages / ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 13–40. Оба рассматривают «Центр» как абстрактную категорию и как харизматический источник авторитета и легитимности господства.

На примере Воронежа достаточно ярко прослеживаются основные черты градостроительной политики большевиков и ее эволюция в 1930-е гг. Маркирование нового советского центра Воронежа 1920-х гг. означало прежде всего советизацию старого традиционного городского ядра. В результате главная улица стала называться проспектом Революции. Сюда же относилась организация демонстраций, проходивших мимо основных православных церквей¹. До конца 1920-х гг. определение центра советской властью носило характер узурпации традиционного городского ядра и предания забвению того значения, которое традиционно связывалось с этим местом.

Такая политика коренным образом изменилась в 1930-е гг. Теперь советские функционеры инвестировали значительные ресурсы в то, чтобы передислоцировать центр. Они создали новый советский Воронеж с новой горизонтальной иерархией, реконструировав при этом церемониальное пространство. Сначала новый Воронеж возник на чертежной доске. В начале 1930-х гг. местные архитекторы и экономисты разработали «Генеральный план реконструкции Воронежа», в котором так называемая Староконная площадь была определена как будущий городской центр². Эта самая большая рыночная площадь города примыкала к старому городскому центру. Когда план был готов, в начале 1930-х гг. приступили к переносу воронежского центра из исторического городского ядра в юго-западный район города.

Окончательный вариант проекта был утвержден местными и московскими компетентными инстанциями в 1935 г. и в значительной степени реализован в течение двух следующих лет. К 1937 г. архитектурный облик Воронежа преобразился полностью. Новые административные здания областного комитета партии и областного исполнительного комитета были построены к 20-летию Октябрьской революции. Вскоре поднялись городской оперный театр и драмтеатр. Улицы в направлении старой рыночной площади были заасфальтированы, изменилась традиционная планировка города, так как в старой его части были проложены новые улицы³. Сравнение городских планов 1903, 1910 и 1936 гг. показывает фундаментальную пере-

---

¹ Чесноков Г. А. Архитектурно-планировочное развитие города Воронежа. Воронеж, 1998. С. 15–21.

² По генеральному плану предусмотрена реконструкция ряда улиц и площадей г. Воронежа // Коммуна. 1936. 27 окт. С. 3; Чесноков Г. А. Архитектурно-планировочное развитие города Воронежа. С. 16–18.

³ Воротников Н. А. Воронеж будет образцовым городом в СССР // Ленинский путь. 1938. № 10. С. 42–46; Докукин В. Воронеж. Воронеж, 1938. С. 38–48.

стройку лица города: бывшая Староконная площадь¹ превратилась в узловой пункт городской инфраструктуры. Центральное значение площади символически подчеркивалось ее названием, присвоенным в 1937 г., — Площадь 20-летия Октября. В 1940 г. там был открыт памятник Ленину².

Здесь проявилась общая тенденция 1930-х гг.: если в 1920-е гг. велась борьба за овладение общественным пространством, то теперь создавались новые городские структуры. Традиционная топография города была поставлена под вопрос уже в конце первой пятилетки. «Генеральный план реконструкции» положил начало перекраиванию физической и ментальной карты города³.

В Новосибирске 1930-х гг. наблюдалась та же тенденция, хотя основные исходные условия там существенно отличались от воронежских. Новониколаевск/Новосибирск имел недолгую историю. Лишь в самом начале XX столетия поселок железнодорожников превратился в город. Когда в 1921 г. Новониколаевск сначала был объявлен столицей губернии, а в 1925 г., получив название Новосибирск, — столицей вновь образованного Сибирского края, там проживали уже более 100 000 человек. К 1931 г. его население почти удвоилось⁴. В силу своей истории Новосибирск не был одним из тех новых городов, которые возникли на карте страны в период индустриализации первого пятилетнего плана. В отличие от Магнитогорска, в нем уже существовала определенная городская структура еще до прихода к власти большевиков. И все же этот сибирский город, переживавший с начала 1900 г. бурный рост, еще не располагал сравнительно прочной структурой, как более старый губернский город Воронеж⁵. Так, до

---

¹ План г. Воронежа // Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. Воронеж, 1903. Рис. 1–7; Схема Воронежа (1910) // Фонд рукописей библиотеки им. Никитина. Воронеж. Без нумер.; План города Воронежа. Воронеж, 1936.

² ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3113. Л. 97 об.; Открытие памятника В. И. Ленину в г. Воронеже // Коммуна. 1940. 11 нояб. С. 3.

³ См.: Städtebau im Schatten Stalins. Die internationale Suche nach der sozialistischen Stadt in der Sowjetunion 1929–1935 / hg. von H. Bodenschatz, C. Post. Berlin, 2003. S. 153 ff.; Groys B. Die Erfindung Russlands. München, 1995. S. 143–155; Kasus I. A. Die große Illusion. Der Generalplan zur Stadterneuerung Moskaus 1935 // Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945 / hg. von D. Ades u. a. London, 1996. S. 190–192; Kopp A. L'architecture de la période stalinienne. Grenoble, 1978. P. 237–239; Паперный В. Культура «два». М., 1996; Papernyj V. Architecture in the Age of Stalin: Culture Two. New York, 2002. P. 56 ff.; Schlögel K. Moskau – offene Stadt. Eine europäische Metropole. Reinbek, 1992. S. 86–93, 116–131.

⁴ См.: Колобков М. Н. Новосибирск // БСЭ. Т. 18. М., 1974. С. 77–78.

⁵ См.: Erren L. Die großen Industrieneubauten des ersten Fünfjahrplans und das Scheitern der «Sozialistischen Stadt» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 4. S. 577–596; Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

1917 г. в Новониколаевске не было определенного городского центра. Соответственно строительные мероприятия и организация массовых празднеств большевиками на первых порах носили поисковый характер. Новые хозяева города, похоже, не сразу определились с местом маркирования центра. Вмешательство строителей в городскую структуру не обнаруживало четкой линии. Монументальный Дом Ленина был сооружен в 1925 г. на Красном проспекте — традиционной главной улице, а памятник вождю был открыт в 1927 г. на Барнаульской улице, сравнительно далеко от проспекта, поблизости от вокзала¹. До конца 1920-х гг. в Новосибирске не существовало, таким образом, однозначно определенного городского центра. Это обстоятельство сказывалось и на церемониальной хореографии советских праздников. Их организаторы в тот период не сделали окончательно выбора по превращению определенного места в ритуальный центр для проведения своих праздничных демонстраций. На первом этапе демонстрации проходили различными маршрутами и по разным площадям города, из года в год менялось и местоположение праздничной трибуны. Было несколько подиумов для произнесения речей в разных частях города².

Положение круто изменилось в 1930-е гг. Решалась задача по созданию нового советского центра, для чего пришлось осваивать целину. Как и в Воронеже, традиционная рыночная площадь была выбрана для обустройства в качестве нового сакрального ядра советского Новосибирска. В 1931 г. Базарная площадь превратилась в строительную площадку для сооружения оперного и драматического театров. За ними последовали официальные здания: в 1932 г. появилось здание Госбанка, там же находился клуб имени Сталина и представительный новый жилой дом³. Символический топонимический акт закрепил новый статус площади: в 1935 г. она была переименована в площадь Сталина⁴.

Сравнивая городские планы Новосибирска 1919, 1928 и 1935 гг., можно проследить пространственные изменения в облике города. Как и в Воронеже, за основу перепланировки и создания нового то-

---

Р. 106–145. Современное описание см.: Scott J. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Cambridge, 1942.

¹ Юбилейные дни в Новосибирске // Советская Сибирь. 1927. 29 окт. С. 6; Красильников С. А. Хроника событий // Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 1997. С. 25–36.

² Перед демонстрацией 1-го Мая // Советская Сибирь. 1927. 22 апр. С. 4.

³ Г. Новосибирск 1935 г. // Мелеск Х. Х., Иващенко С. В., Левакова В. И. Новосибирск 100 лет: Историческо-географический атлас. Новосибирск, 1993. С. 22.

⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 661. Л. 3.

пографического центра в 1930-е гг. была взята прежде периферийная площадь, получившая новое название¹. В этом смысле можно говорить о сходстве градостроительной политики в обоих городах. Честолюбивые планы обустройства образцовых советских городов в 1930-е гг. вторгались в новые пространства, необходимые для нового строительства и расположения сакральных мест. На новом этапе «построения социализма в отдельно взятой стране» начинали с чистого листа, чтобы «социалистические города» могли строиться заново, начиная с фундамента.

Но перекраивание городского ландшафта связано не только с осуществлением градостроительных мероприятий. Чтобы зафиксировать новый центр на карте города и закрепить его в сознании городских жителей, нужны регулярные ритуальные действия. Поэтому массовые праздники стали тем основным медиумом, с помощью которого не только производилась визуализация новой пространственной среды, но и посредством ритуала происходило физическое закрепление рефлексивного опыта².

Пространственная хореография праздников и архитектурные мероприятия были при этом постоянно и тесно взаимосвязаны. Не случайно и в Воронеже, и в Новосибирске изменения в городской топонимике оглашались по случаю главных праздников красного календаря, а открытие памятника Ленину также было приурочено к одному из них. В градостроительных концепциях, в свою очередь, учитывались хореографические императивы массовых праздников. Так, Лазарь Каганович распорядился снести часовню Иверской иконы Божией Матери у Воскресенских ворот на Красной площади, мешавшую одновременному проходу колонн демонстрантов из шести московских районов, а в Новосибирске на том же основании снесли часовню на Красном проспекте³.

Архитектурные мероприятия, переименования и церемониальные практики постоянно увязывались друг с другом. В конкурсных работах архитекторы старались придать своим проектам большую

---

¹ План города Ново-Николаевска в 1919 г.: ГАОУ. Ф. 270. Оп. 1. Г. 196; Г. Новосибирск 1935 г. С. 22–23. См. также: Hamel C. Unter Stalin // Sankt Petersburg. Die gebaute Utopie // Die Zeitschrift der Kultur. 1998. Н. 12. S. 74 ff. (по Ленинграду); Avantgarde II. S. 250 (по Минску).

² См.: Ozouf M. Festivals and the French Revolution. P. 126 ff.

³ План демонстрации 7 ноября в г. Воронеже // Коммуна. 1935. 4 нояб. С. 4; Красильников С. А. Хроника событий. С. 36, 43. Каганович цитируется по: Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989. P. 243. Идеальный строй Московского праздничного парада изображен с высоты птичьего полета на плакате Владимира Добровольского «Да здравствует могучая авиация Советской страны!».

убедительность ссылками на то, что в пространственных концепциях необходимо учитывать движение масс во время праздников. На архитектурных чертежах Дворца Советов неизменно изображались колонны демонстрантов, которые должны были оживлять его сооружения. Часть проектов разрабатывалась с прицелом на праздничные формации. Например, предусматривались широкие проходы для праздничных демонстраций прямо через здание дворца. Смысл просторных подходов к нему тоже стал понятен только в свете сложной хореографии советских празднеств. На различных стадиях конкурса структура здания менялась, но массы празднующих людей оставались в проекте¹.

Пространственная драматургия советских праздников в 1930-е гг. была одним из аспектов, влиявших на обустройство вновь возникавших центров. С середины десятилетия движение колонн в Воронеже и Новосибирске полностью было ориентировано на новые площади, что подчеркивало их центральное значение. Теперь праздничные трибуны окончательно заняли там свое место. Праздничные колонны, построенные по городским районам, приближались к площади с разных сторон света для того, чтобы придать торжественному параду характер символического действия, в котором участвовал весь город. С точно рассчитанной скоростью людской поток проходил по центральной площади мимо главной трибуны с местными руководителями. В горизонтальной перспективе демонстрация имела звездную структуру, повторявшую очертания города с ядром, образованным новой площадью².

В 1930-е гг. традиционная топография городов была поставлена под вопрос не только в архитектурном отношении, но и с точки зрения праздничной хореографии. В это десятилетие радикальному пересмотру подверглись не только планировка городов, но и церемониальное пространство для проведения торжеств. Архитектурные мероприятия и организация праздничных действий увязывались друг с другом, придавая пространству новый советский облик. Эта коренная переориентация была связана с изменившимся самосознанием и политической элиты, и связанных с нею деятелей культуры. Новый слой облеченных ответственностью лиц в партийном, государственном руководстве и в сфере культуры, переживших карьерный взлет во время первой пятилетки, рассматривал себя в качестве представи-

---

¹ См. проект Дворца Советов за 1933 г., авторами которого были Борис Иофан, Владимир Щуко и Владимир Гельфрейх.

² План общегородской демонстрации в г. Воронеже // Коммуна. 1937. 4 нояб. С. 4; План демонстрации трудящихся Новосибирска // Советская Сибирь. 1937. 5 нояб. С. 4.

теля жизнеутверждающей, обращенной в будущее системы¹. Функционеры гордились достигнутым и были полны амбициозных планов на ближайшее будущее. При этом борьба со «вчерашним» и «старым» отступила на второй план. Для них важнее было строительство совершенно нового на неосвоенной земле. Они стремились создавать новые формы авторепрезентации, способные продемонстрировать величие и притягательность новой системы. Первые мелкомасштабные новации периода НЭПа, с их точки зрения, скомпрометировали себя своей скромностью и компромиссностью и не могли стать прочной основой для движения вперед. Логично было обратиться к освоению целины. У представителей еще уцелевших слоев старой интеллигенции ввиду такой переориентации полностью была выбита почва из-под ног. По меркам нового, бывшего через край, горделивого советского самосознания, оставшееся от прошлого наследие либо стало ненужным балластом, который мешал новой советской культуре и должен был быть отброшен, либо представляло собой исходный материал, с которым можно было обращаться как угодно и частично включать его в амальгаму этой культуры.

Поворот в развитии переживавшей становление советской культуры в 1932–1934 гг., адепты которой вели себя по отношению к прошлому как покупатель в магазине мелочных товаров, не был «большим отступлением»², в этот период она переживала второе рождение. В соответствии с духом времени речь шла об освоении пространства *утопии*, т.е. в принципе о строительстве на территории Советского Союза еще нигде и никогда не существовавшего государства. Смена парадигмы советской архитектуры и градостроительства в эти годы нашла наиболее яркое воплощение в проектах Дворца Советов, именно они отражали новое самосознание. Архитектура и применение символики в градостроительстве должны были выражать новизну наступающей эпохи в монументальном стиле, мощь и красоту страны, успешно «строившей социализм». Часто говорилось о «красоте коммунизма», и это устойчивое словосочетание имело знаковый характер. Тут создавался новый прекрасный мир в сиянии красок «социалистического реализма», вытесняя тьму прошлого³.

---

¹ См.: Fitzpartick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979. P. 241 ff.; Schröder H.-H. Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtlicher Versuch über der Anfangsphase des Stalinismus. Berlin, 1988. S. 353 ff.

² Timasheff N. S. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1948.

³ См.: Кольцов М. Испанский дневник // Кольцов М. Избр. произведения. М., 1957. Т. 3. С. 556–561; Устрялов Н. В. «Служить родине приходится костями...» Дневник Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6. С. 10, 80; Feuchtwanger L. Moskau

Градостроительные проекты, реализуемые при создании «социалистического города», имели мало общего с дебатами 1920-х гг. о «соцгороде». Эстетические и топографические критерии новых властителей в 1930-е гг. резко отличались от предыдущих утопий социалистического города¹. 1930-е гг. были временем, когда господствовала ориентация на центр города как средоточие власти и начало строго иерархического порядка в организации пространства вокруг него. Создание нового центра в городской топографии было важным постольку, поскольку мышление в 1930-е гг. в целом базировалось на централистской культуре. Параллели, выявляемые при сравнении градостроительной политики в Москве и провинциальных городах — Воронеже или Новосибирске, как нельзя лучше свидетельствуют о существовании тогда общего культурного образа.

При этом у мечтателей, занимавшихся градостроительством в провинции, обнаружился более радикальный подход, чем в столице. Тенденция к освоению целины и строительству с чистого листа, созданию радикально новых форм на новом месте прослеживается как в Воронеже, так и Новосибирске. В обоих этих городах были колонизированы площади, в традиционной городской структуре находившиеся скорее на периферии. Речь шла о рыночных площадях, т.е. объектах сугубо мирского назначения. Узурпация пространства, которое могло вызывать двойственные ассоциации, похоже, нимало не беспокоила советских проектировщиков — слишком они были захвачены новизной своих идей. Очевидно, они исходили из семантической девственности осваиваемых городских территорий. Например, в Новосибирске парки культуры и отдыха, а также спортивные комплексы открывали на месте бывших кладбищ². Как видно, проектировщики были далеки от мысли, что новая топография могла унаследовать значение тех мест, которые имели иное функциональное назначение. Конфликты, возникавшие при соприкосновении с «пережитками прошлого» явно их не волновали.

1937: Ein Reisebericht für meine Freunde. Berlin, 1993. S. 25–27. Более подробно см.: Rolf M. Working Towards the Centre. О соцреализме см., в частности: Castillo G. Peoples at an Exhibition: Soviet Architecture and the National Question // South Atlantic Quarterly. 1995. Vol. 94. № 3. P. 715–746; The Landscape of Stalinism: Essays in the Ideology of Space / hg. von E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle, 2004; Соцреалистический канон / под ред. Ч. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000; Groys B. Die gebaute Ideologie // Tyrannei des Schönen. Architektur der Stalin-Zeit / hg. von P. Noever. München, 1994. S. 15–21.

¹ Pioniere der sowjetischen Architektur. Der Weg zur neuen sowjetischen Architektur in den zwanziger und zu Beginn der dreißiger Jahre / hg. von S. O. Chan-Magomedov. Wien, 1983. S. 273 ff.; Städtebau im Schatten Stalins. S. 134 ff.; Kopp A. L'architecture de la période stalinienne. Chap. 2–4.

² ГАНО. Ф. 1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 654–655.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОСПОДСТВА И ИЕРАРХИЙ

Массовые советские праздники служили не только орудием борьбы с конкурирующими системами культуры, они являлись центральным медиумом авторепрезентации советской власти, демонстрации отношений между властителями и подвластными и средством пропаганды основной государственной символики. Советский праздник инсценировал общественное бытие со всеми его структурами, иерархиями и фикцией равенства: речь шла при этом о демонстрации огромного советского коллектива и маркировке его границ.

В рамках такой репрезентации праздник должен был выполнять две основные функции. Во-первых, благодаря своему особому характеру уличного шествия он давал возможность представить образцы отношений между властью и обществом и очертить их границы. Праздник являл собой один из тех редких моментов, когда власти предержащие и подвластные им встречались лицом к лицу. Во-вторых, праздник заключал в себе момент непосредственного восприятия и закрепления его в опыте. Участие в праздниках и демонстрациях должно было производить обучающий эффект на основе предъявления членам общества определенных моделей поведения. Кроме того, организаторы советских праздников верили в возможность непосредственного воздействия воспринимаемого опыта. Они называли советский праздник «открытым университетом» и «народной школой в общественном пространстве»¹. Массовому празднику отводилась функция ритуального тренинга, в ходе которого должна была происходить интериоризация советских структур равенства и неравенства. Это была одна из тех кузниц, где формировался новый советский человек, получавший представление о своем специфическом месте в социальной иерархии.

Репрезентация отношений власти и подчинения, основанная на приобретении наглядного опыта и его запечатлении в сознании, предполагала наличие двух полюсов такой инсценировки: с одной сторо-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 19. Л. 9 и сл.

ны — единство и сплоченность, а с другой — отграничение, иерархизация или выделение отдельных личностей. Ниже мы рассмотрим этот двойственный характер советского праздника, отразившийся в его инсценировках.

Власть и общество: единство и дифференциация

Изображение противоречивых отношений власти и общества в постановках массовых советских праздников отнюдь не оставалось неизменным. Оно эволюционировало с течением времени. Показательным с точки зрения способности инсценировок приспосабливаться к требованиям времени представляется сравнение двух картин, написанных в начале и середине 1930-х гг. Картины «Праздник Конституции» И. И. Бродского (1930) и «С. М. Киров принимает парад физкультурников» А. Н. Самохвалова (1935) отличаются по манере репрезентации власти и общества, которая прослеживается также в других формах организации, освещения и хореографии праздников, отражая фундаментальное изменение парадигмы в советской концепции власти.

На картине Бродского «Праздник Конституции» нет четких рубежей между «народом», собравшимся для торжества на открытом поле, и «вождями», которые стоят на импровизированной деревянной трибуне. Органичность целого подчеркивается размытостью границ между массой и выделенными из нее лидерами, трибуна не воспринимается однозначно как барьер между теми, кто «наверху» и кто «внизу». Многочисленные элементы композиции нивелируют различия в рангах изображенных, хотя и не снимают их полностью. Отдаленность трибуны в зрительской перспективе и приближенность к зрителю «народа» говорят о том, что акцент сделан на народе; высота трибуны и расстояние до тех, кто на ней стоит, уменьшены благодаря высокому небосклону и знаменам, вздымающимся из людской массы. На картине отсутствует фокус, притягивающий взгляды и приковывающий внимание всех смотрящих. Композиция картины не выделяет оратора. Нет четкой внутренней структуры и у изображенной народной массы. Никак не обозначены ни передовики производства, ни активисты, заслужившие привилегированное положение в обществе. Мы видим скорее неструктурированную аморфную массу, «море голов» — метафора, которой часто пользовались при описании праздников в 1920-е гг.¹ Массовость как таковая, изображенная на художественном полотне толпа, заполнившая пространство до горизонта, — таков общий вид советского праздника. Картина Брод-

---

¹ Утром 1 Мая // Воронежская коммуна. 1927. 4 мая. С. 3.

ского воспроизводит традиционный митинг, который был основной формой праздничной хореографии в 1920-е гг. Центральной точкой в этой хореографии является трибуна: вокруг нее собирались «массы». Но это было «органичное» движение народной плоти, когда поток голов и человеческая лава вливались на центральную площадь и омывали трибуну, «как Волга впадает в Каспийское море»¹. Такие ассоциируемые с природой, нивелирующие все различия метафоры типичны при описании праздников в 1920-е гг. и даже еще в период первой пятилетки.

Совершенно по-иному решена тема на картине Самохвалова «С. М. Киров принимает парад физкультурников», написанной в 1935 г., т. е. после убийства ленинградского партийного руководителя. Здесь мы уже видим изображение выстроенных народных масс и четкое разделение на «вождя» и «ведомых», что было характерно для праздничной хореографии 1930-х гг. Сложенная из камня трибуна выше человеческого роста. Обожаельницы не могут дотянуться до главы партийной организации, чтобы вручить ему букет цветов. Расположение по вертикали «верхов» и «низов» отражает разницу общественного положения тех и других. На картине вождь притягивает к себе взоры всех, кто ее населяет. Художник уловил момент экстаза, охватившего проходящих мимо трибуны людей, что подтверждают также рассказы очевидцев этих празднеств, а сияющие глаза женщин передают эротику власти. Здесь «любимец партии» — объект вожделения красивых женщин, протягивающих к нему руки². Но, судя по композиции картины, Сергей Киров для них недостижим, так как стена трибуны надежно отгораживает его от масс. В то же время картина показывает выстроенный в определенном порядке «корпус народа». Это парад очень хорошо отлаженного живого массового орнамента, когда, как на изображениях, так и в реальном воплощении праздничной хореографии, ревностно следили за расстоянием между идущими в строю, одинаковым ростом марширующих и их безупречным строевым шагом³. Масса демонстрантов четко структурирована; вместо трудно дифференцируемого праздничного «моря голов» взору смотрящих открывается строго регламентированный спортивный парад. Митинг вокруг омываемой массой трибуны превращен в движение маршевых колонн мимо недостижимого вождя. Это превращение отражено и в изменении терминологии: слово «ми-

---

¹ Демонстрация тысяч // Воронежская коммуна. 1927. 10 нояб. С. 3.

² См. «Спортивный парад» И. Шагина (1932), «Культурную делегацию из Армении на Красной площади» Г. Петрусова (1930-е гг.) и фотографии А. Родченко «Женская пирамида» (1936) и «Маршем по Красной площади» (1936).

³ ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2719. Л. 24 об.

тинг» в 1930-е гг. отходит в употребление на второй план, а картины и описания «колонн демонстрантов», «праздничных и спортивных парадов» стали адекватным времени способом выражения массовых действий. Таким образом, принятая на вооружение с середины 1930-х гг. праздничная инсценировка представляла собой презентацию неприкосновенной властной иерархии, в которой между «вождем» и «народом» пролегла четкая граница¹.

В контрастности способа изображения на двух названных нами картинах отражены направление развития праздничной хореографии в период с 1930 по 1935 г. и смена парадигмы в представлении отношений власти и общества. То, что Карен Петроне, говоря о 1930-х гг., по праву назвала «демонстрацией лояльности» (*display of loyalty*), на стадии Великого перелома еще больше похоже на «демонстрацию единства» (*display of unity*). Тем не менее уже в это время единству равных были положены строгие пределы². Массовые советские праздники в период первой пятилетки были призваны демонстрировать единство коммунистических руководителей и трудящегося народа в условиях враждебного окружения. В самовосприятии большевиков этого периода отмечается сознание глубокой изоляции от традиционного общества³. Они и их союзники, похоже, чувствовали себя в окружении отсталого, полного враждебности к ним мира. «Психология осажденной крепости» переключалась с ожесточенной борьбой большевиков против обычаев и их носителей из того самого традиционного общества⁴. Этому обществу противопоставлялись инсценировки единства тесно сплоченных рядов, в которых коммунистический авангард объединялся с теми, кто был готов за ним следовать. Показать, что таких много, — одна из основных задач официальных инсценировок. Увлечение *массовостью* стало страстью организаторов советских праздников. Оно объяснялось непрочностью более или менее широкой общественной поддержки,

---

¹ Октябрьская демонстрация в Новосибирске // Советская Сибирь. 1937. 10 нояб. С. 2. См. также картину Ю. Пименова «Спортивный парад» (1939).

² Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 25. Детали см. также: Rolf M. Feste der Einheit und Schauspiele der Partizipation – die Inszenierung von Öffentlichkeit in der Sowjetunion während der Ersten Fünfjahresplanes // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 165.

³ См.: Geldern J., von. The Center and the Periphery: Cultural and Social Geography in the Mass Culture of the 1930s // New Directions in Soviet History / ed. S. White. Cambridge, 1992. P. 64 f.

⁴ Eichwede W. Stalinismus und Modernisierung // Osteuropa. 1992. № 42. H. 8. S. 1034; Joravsky D. Cultural Revolution and the Fortress Mentality // Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution / eds. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985. P. 93–113.

которая осознавалась ими самими. Тем важнее была задача инсценировок указать на существование согласия между партийными и государственными деятелями и трудящимися «массами». Советские праздники должны были открыто демонстрировать и доказывать наличие этого единства. Слияние партии и трудящихся становилось предметом презентаций.

Праздничная хореография периода Великого перелома свидетельствует о попытках воплощения этого стремления. Колонны демонстрантов двигались из разных концов города к центральной площади, проходя мимо нескольких трибун, на которых располагалась региональная и местная партийно-государственная элита. То есть имел место контакт между демонстрантами и возвышавшимися над ними руководителями. Иногда практиковались и более низкие деревянные трибуны, чтобы уменьшить дистанцию по вертикали¹. В лексиконе праздничных комментариев преобладали органические метафоры слияния, потока, течения². Отношения между «верхами» и «низами» не были лишены иерархичности, но им придавалась форма взаимности, большое внимание уделялось также принципу диалогичности³.

В 1930-е гг. эти отношения, судя по их репрезентации, явным образом изменились. Если вспомнить вышеописанную картину Самохвалова, то превращение очевидно. Инсценировки праздников 1930-х гг. представляли собой ритуал подчинения абсолютной воле власть имущих. Это были демонстрации лояльности «снизу» по отношению к сформулированным «наверху» целям. В то же время они являлись средством дисциплинирования масс и показателем их дисциплинированности.

Существенные изменения в праздничной хореографии произошли также на региональном уровне. Регионы восприняли уже давно практиковавшуюся в Москве модель, что, с одной стороны, свидетельствует о подражании московскому примеру, а с другой – о том, что новая форма презентации власти распространялась вширь, охватывая также периферию. В Новосибирске и Воронеже начиная с 1930-х гг. прохождение колонн демонстрантов мимо одной-единственной трибуны стало хореографическим канонem. Если раньше

---

¹ План первомайской демонстрации по гор. Воронежу // Коммуна. 1929. 21 апр. С. 4.

² Город в красном // Воронежская коммуна. 1927. 16 нояб. С. 7.

³ См. более подробно: Rolf M. The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk, and Kemerovo in the 1930s // Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus / eds. K. Heller, J. Plamper. Göttingen, 2004. P. 197–206. См. также: Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. Lehrjahre eines Kommunisten. Göttingen, 1996. S. 361.

устанавливалось несколько платформ, то теперь праздничная драматургия предусматривала концентрацию внимания на одном центре – главной трибуне, с которой региональная элита взирала на происходящее внизу. Праздничные демонстрации теперь уже и в провинции приняли характер парадных шествий мимо руководителей партийного и государственного аппарата¹. Центральным моментом инсценировок являлась демонстрация организаторских способностей власти по дисциплинированию масс: организация маршей рассматривалась как проявление власти. Теперь массы шли не сами по себе, но осознавая себя как коллектив и действующий субъект; теперь их приводили в движение вожди, которые сами оставались на месте².

В таких инсценировках отражалась также возросшая дистанция между «вождями» и «ведомыми». Если во время Великого перелома еще практиковался нарратив о близости вождей к народу, то в 1930-е гг. пропаганда создавала образ обособленного, вознесенного над обыденностью лидера. Носители власти теперь уединились в своих крепостях, часто недавно построенных, – в административных и партийных зданиях – и вызывали избранных подданных к себе на «прием». Сообщения о редких и неожиданных встречах с вождями в 1930-е гг. отражают эту возросшую дистанцию: «увидеть Сталина», а тем более встретиться с ним считалось чем-то абсолютно особенным, экстраординарным³.

Эта недостижимость наложила свой отпечаток и на праздничную хореографию. Когда в дни праздников партийные деятели появлялись перед общественностью, то они выходили на трибуны, которые со временем становились все выше, а между ними и массой празднующих людей воздвигался все более непроходимый санитарный кордон.

Коммуникация превратилась в ритуал, в ходе которого допускались контакты между вождями и ведомыми: например, руководителям вручали цветы или они помахивали рукой проходящим мимо демонстрантам. Однако дистанция была столь велика, что букет цветов, который, к примеру, спортсменки стараются вручить Кирову на

---

¹ Пролетарский Воронеж в Октябрьских колоннах. Идут колонны... // Коммуна. 1933. 11 нояб. С. 4; Демонстрация мощи и радости // Советская Сибирь. 1934. 10 нояб. С. 1.

² См. также: Justus U. Literatur als Mythenfabrik. I. V. Stalin als literarische Figur in ausgewählten Werken der Stalinzeit. Bochum, 2004. S. 291 ff.; Rolf M. Working Towards the Centre.

³ Алексей Стаханов. Рассказ о моей жизни: отрывки // Советская Сибирь. 1937. 15 нояб. С. 2–3; Как я познакомилась с товарищем Сталиным // Коммуна. 1935. 11 нояб. С. 2.

картине Самохвалова, вряд ли дойдет до адресата, настолько он от них удален¹. «Купание» в толпе не отвечало идее презентации недосягаемого носителя власти, который со своего поста приводил всех в движение, и поэтому никогда не предусматривалось в программе торжественных церемоний. Руководители не покидали своего защищенного и табуированного пространства, и доступ в него обычным людям был закрыт.

Новый массовый орнамент был строго упорядочен. Каждый знал в нем свое место, интервал между марширующими строго соблюдался. Таким образом, в официальных праздничных постановках место органичной массы занял хорошо организованный «корпус народа»². Одновременно советские праздники 1930-х гг. являли собой «демонстрации лояльности» подвластных людей своим вождям и поставленным ими плановым целям³. Еще больше, чем в 1920-е гг., «народ» становился действующим лицом заранее составленных сценариев. Взять хотя бы термин «подарок» и изменение его значения. Если в годы первой пятилетки «подарками» считались личные обязательства, инсценированные как «инициатива снизу», то теперь одаривание было монополизировано политическим руководством: отныне «трудящиеся» получали подарки, а не производили их⁴. Партии и ее деятелям полагалась за это соответствующая благодарность, доходящая до выражения любви. Благодарственная риторика и изъявления любви к Сталину исследованы⁵; менее известно, что они имели место и по отношению к региональному политическому руководству⁶. Основной ролевой образец копировался повсюду. Источником истинного творчества считалось политическое руководство, массы были обязаны ему соответствовать и быть достойными его. С этой точки зрения личные обязательства к праздничным датам приняли в 1930-е гг. совершенно иной характер, хотя по форме повторяли прежний элемент подготовки к советским праздникам. В официаль-

---

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 24. Л. 30; Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 67.

² Подробнее см.: Rolf M. Working Towards the Centre.

³ Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 25.

⁴ См.: Siegelbaum L. H. «Dear Comrade, You Ask What We Need»: Socialist Paternalism and Soviet Rural «Notables» in the Mid-1930s // Stalinism. New Directions / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 231 ff.; Idem. Stakhanovites in the Cultural Mythology of the 1930s // The Stalinist Dictatorship / ed. C. Ward. London, 1998. P. 231–259.

⁵ Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000; Чуковский К. Дневник: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 165.

⁶ Празднование трехлетия ЦЧО. Торжественное заседание Облисполкома // Коммуна. 1931. 23 мая. С. 1.

ном нарративе теперь воздавались почести не за «добровольный» порыв к участию в совместном строительстве общего целого, а за исполнение долга населением, которое обязано было быть благодарным. Сознательная личная инициатива была превращена в обязательную дань благодарности послушных объектов. Патерналистские отношения господства и послушания пронизывали отныне и сферу праздничной хореографии¹.

Перемены, произошедшие в 1930-е гг., касались не только отношений между властвующими и подвластными, но сказались и на внутреннем членении общественного коллектива как целого. Режиссеры советских праздничных постановок много лет подряд практиковались в создании из массы различных формаций.

Унификация и иерархии: дисциплинированный корпус массы

Праздничное сообщество 1930-х гг. было четко структурировано не только по вертикали, где различались «верхи» и «низы», но и по горизонтали в соответствии с критериями «передовой» и «отстающих». Кроме того, в советском празднике существовали такие знаковые понятия, как «внутри» и «снаружи». Праздничные мероприятия использовались для дисциплинирования корпуса массы и людей, его составлявших. Они несли в себе формирующий заряд, указывая каждому человеку подобающее ему место в социальной иерархии.

Уже в 1920-е гг. и в годы Великого перелома праздники были эксклюзивными мероприятиями. При этом из участия в них сознательно исключались носители культурных альтернатив и определенные категории людей. Проект был ориентирован на вытеснение и тем самым на насильственную маргинализацию всех конкурентов в области культуры. Кроме того, определялось, кто не допускался в состав празднующего сообщества. Так что и в этом отношении советский праздник был эксклюзивным – далеко не каждый мог маршировать вместе со всеми в одном строю. Этого права лишалось не только великое множество заключенных, которые в праздники подвергались усиленной охране, но и так называемые «лишенцы», до 1936 г. не имевшие права участвовать не только в выборах, но и в общественных праздниках². Сюда же относились «асоциальные элементы», которым доступ на праздники был закрыт. Бездомные,

---

¹ См.: Kotkin S. *Magnetic Mountain*. P. 11 ff.; Siegelbaum L. H. «Dear Comrade, You Ask What We Need». P. 231 ff.

² Гвоздкова Л. И. *История репрессий и сталинские лагеря в Кузбассе*. Кемерово, 1997. С. 419 и сл. О лишенцах см.: Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, 2002.

проститутки и попрошайки считались на праздниках нежелательными лицами¹.

Таким образом, советское праздничное сообщество представляло собой круг избранных, доступ туда надо было заслужить и еще быть благодарным за принадлежность к нему. Строгое разграничение между теми, кто вхож в этот круг, и теми, кто должен оставаться за бортом праздников, проводилось как в 1920-е, так и в 1930-е гг., хотя критерии исключения со временем пересматривались. Участие в советских ритуалах являлось привилегией, визитной карточкой участия или принадлежности к широкому кругу советского сообщества².

Но и внутри этого эксклюзивного сообщества праздник обнажал существование иерархии по чинам и рангам, расставлял всех участников по своим местам, что являлось формой косвенного применения насилия. В этом отношении 1930-е гг. явно отличались от периода НЭПа и Великого перелома. Прослеживается процесс углубления иерархической дифференциации в орнаменте праздничной массы. Структурные сдвиги все больше происходили по линии «передовой» — «отсталый». Если в 1920-е гг. масса рисовалась практически как одно целое, без каких-либо внутренних структурных подразделений, то на этапе Великого перелома появились первые признаки общественной стигматизации. Праздник был поводом для обнародования поощрений и порицаний: по аналогии с доской почета или стенной печатью во время празднований награждались «активисты» и клеймились «отстающие»³. И те и другие представители иерархических ниш выставлялись напоказ средствами праздничной хореографии. Рабочие-передовики награждались правом нести знамя предприятия, а члены передовых колхозов приглашались на городской праздник⁴. Те же, кто не выполнял план, подвергались осмеянию во время политкарнавала и приговаривались к позорному столбу в газетах⁵. В праздничной формации производилась, таким образом, градация людей по степени общественных заслуг. Народ и праздничное сообщество соответственно разделялись по признаку более заслуженных и менее заслуженных.

Внутренняя структуризация усилилась в 1930-е гг. Одновременно политика дисциплинирования приобрела иной характер. Передовики стахановского движения во время праздников уже не шли с основной

---

¹ Кусочники // Советская Сибирь. 1926. 3 нояб. С. 3; Podlubnyj S. F. Tagebuch / hg. von J. Hellbeck. München, 1996. S. 240.

² ГАВО. Ф. 1226. Оп. 1. Д. 61. Л. 38–39.

³ ЦЧО к 1 Мая // Коммуна. 1932. 26 апр. С. 4.

⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–7; План проведения подготовки и празднования XIV годовщины Октября в Воронеже // Коммуна. 1931. 23 окт. С. 4.

⁵ К позорному столбу // Коммуна. 1929. 26 апр. С. 3.

массой, а возвышались над ней на трибунах¹. Положение знаменитостей стахановского движения в праздничной инсценировке было, однако, наиболее ярким проявлением изменений в пирамидальной структуре власти и общественной иерархии. Что же касается горизонтального измерения, то «вперед» теперь шагали в соответствии со строгим порядком только отличившиеся. Во время местных городских демонстраций это были передовые предприятия, причем в первых рядах каждой колонны маршировали отличники производства. От остальной колонны их отличала также форма одежды: только им давалось право во время праздника одеваться в белое². Зато «сзади», в конце колонны, следовали «отстающие» и все прочие, получившие ярлык отсталых. Их «отсталость» сразу же бросалась всем в глаза, так как положение в арьергарде колонны было равносильно позорному клейму.

Существовал ряд критериев, в соответствии с которыми определялось положение каждого в советской табели о рангах. Пол был одним из них, молодость – другим, а также еще этническая принадлежность, городское или сельское происхождение, социальная родословная. Неизменный, присвоенный извне признак решал, какое место в социальной иерархии праздничного построения получал каждый участник шествия³. Для советского праздника 1930-х гг. характерно четкое разделение различных социальных групп в фиксированной системе валентности.

Несмотря на известные пересечения критериев социальной классификации, вполне очевидно, что в праздничном корпусе привилегированное положение занимали армия, передовики производства, молодежь и физкультурники. Армейский парад по случаю больших советских праздников играл особую роль в организации торжеств, поскольку проводился перед общей демонстрацией. Кроме того, ряд памятных дат посвящался только армии и ее торжественной презентации. Аналогично обстояло дело с молодежью и физкультурниками: у них существовали свои групповые празднества. Тем не менее и на главных советских торжествах бросалось в глаза их особое место в общем строю. Подростки от 12 лет и старше шагали даже впереди передовиков производства, символизируя тем самым советское «единство поколений», молодость советской власти и ее обращенность в будущее. Спортсмены выступали не только в составе многочисленных спортивных парадов, которые являлись частью праздни-

---

¹ План общегородской демонстрации в г. Воронеже // Коммуна. 1937. 4 нояб. С. 4.

² План общегородской демонстрации в г. Воронеже // Коммуна. 1936. 5 нояб. С. 4.

³ Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 38 ff.

ных демонстраций, но и участвовали в спортивных соревнованиях в рамках каждого весеннего и летнего праздника¹.

Помимо этих привилегированных групп в общей массе выделялись и другие категории празднующих. Ведь Москва как центр страны возвышалась над другими регионами и в том, что касалось проведения праздников. И не только потому, что здесь проходили центральные праздничные мероприятия с размахом, не знавшим себе равных в Советском Союзе. На столицу равнялись и региональные центры иерархии: отличившиеся на каком-либо поприще — будь то физкультура или производственные успехи — награждались поездкой в Москву на главные торжества страны. Направление делегаций из провинции в столицу родины занимало важное место в планировании региональных празднований².

Внутренний регламент праздника предусматривал продвинутое положение женщины по сравнению с мужчиной. В праздничном календаре женщине посвящался собственный праздник — 8 марта. Женщинам отводилась главная роль в спортивных парадах, особым вниманием в праздничных инсценировках пользовались активистки производства и женщины-знаменосцы. Это связано было, в частности, с тем, что новая роль женщины позволяла наглядно показать особый взлет личности на фоне «отсталого прошлого» и прорыв к «счастливой» и «зажиточной» жизни в настоящем, что и было основным нарративом 1930-х гг.³

Привилегированное место занимали далее русские по сравнению с нерусскими национальностями. Алтайцы и другие нерусские народы Западно-Сибирского края принимали участие в демонстрациях в Новосибирске, однако им отводилась лишь второстепенная роль среди гостей праздника, большинство из которых были русскими. Их делегации вливались в колонны демонстрантов предприятий-партнеров⁴. Организаторы мероприятий отводили им ту же роль, что и жителям сельской местности.

Причем в советских регионах особое значение придавалось показу разницы между городом и деревней, так как именно в сельской

---

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 178. Л. 45 об.—46; Физкультурники готовятся к 1 Мая // Коммуна. 1936. 21 апр. С. 4.

² ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2328. Л. 78 об.; ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 355. Л. 4.

³ См.: Chatterjee C. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939*. Pittsburgh, 2002; Rolf M. «Das Leben ist leichter geworden»: Inszenierte Lebensstile zwischen 1927 und 1939 (Voronež) // Forum für Osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. № 6. H. 1. S. 147–175.

⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 303. Л. 3. См. также: Petrone K. «Life has become more joyous. comrades». P. 32 f.

местности проживало большинство населения региона. Тем не менее сельское население в советских праздничных инсценировках почти во всех отношениях отодвигалось на второй план, и делалось это совершенно открыто¹.

Оттеснение деревни на периферию происходящего выражалось также в маршевом порядке городских демонстраций. Приглашенные из передовых сельских кооперативов и колхозов гости на правах бедных родственников занимали место в конце колонны тех промышленных предприятий, которые заключали с сельскими организациями шефский договор. В официальных инсценировках подчеркивалось зависимое положение сельских делегатов от их городских шефов. Приглашение в город было привилегией и знаком щедрости, которого могло и не быть, так что от колхозников ждали соответствующей благодарности, ее выражение включалось в сценарий. Но это была благодарность по отношению к могущественному дарителю и демонстрация патерналистских отношений между городом и селом².

Еще один аспект отношений между городом и деревней полностью оставался в тени и не учитывался в праздничных инсценировках: крестьянский элемент в *городе*, жизнеспособность которого в 1930-е гг. поддерживалась благодаря многочисленным мигрантам, не играл никакой роли в тематике советских праздников. Новые горожане крестьянского происхождения, условность границы между городом и деревней, так называемые «отходники», т. е. сельский характер населения советских городов, замалчивались на официальных праздничных мероприятиях³. Похоже, город стыдился своих сельских корней; будущность, которая приветствовалась, принадлежала урбанизму, в нем же должны были раствориться и остатки крестьянской культуры.

Таким образом, в празднике отражались социальные, этнические и пространственные иерархии, призванные идеальным образом структурировать социальный корпус советского общества. Но он не только отражал их; вынося на всеобщее обозрение, он делал их предметом коллективного восприятия. Праздник планировался как школа социального самоопределения внутри системы, состоявшей из привилегированных и обделенных. Он должен был не только вписывать каждого в этот коллективный орнамент, но и давать ощущение меры собственной значимости. Советский праздник являлся важным

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 326. Л. 26–31.

² ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2771. Л. 23 об.; В Воронеж на демонстрацию // Коммуна. 5 нояб. С. 4.

³ См.: Hoffmann D. L. *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–41*. Ithaca, 1994.

институтом культуры, в нем проявлялась формирующая сила режима, отводившая каждому свое место в социальной иерархии. Это был один из рычагов демонстрации власти, прежде всего неравенства во властной сфере, и одновременно средство ее реализации, борьбы с ее противниками и обработки сознания¹. Эта форма социальной идентификации была насильственной, причем в двояком смысле. С одной стороны, широкий и все возрастающий круг людей подвергался изоляции при помощи непосредственного физического насилия, прямого и жестокого террора. А с другой стороны, через многочисленные каналы проводилась политика дисциплинирования людей, направленная на интернализацию норм социального поведения. Праздник являлся одним из этих каналов, он взаимодействовал с такими институтами, как производственная организация и физкультура. В процессе праздника использовался целый ряд инструментов для стигматизации индивида. Доски почета и позора вдоль улиц, газетные рубрики, в которых имена активистов публиковались рядом с именами «прогульщиков», или построение маршевых колонн – все это были средства принуждения, с помощью которых ищущему свое место в обществе отдельному человеку пытались внушить специфическое социальное положение и роль в общественном строю, подобно тому как в рассказе Франца Кафки «В поселении осужденных» осужденному иглами в тело вдалбливалась та заповедь, которую он нарушил². Поэтому, при всем внешнем блеске, советский праздник-спектакль 1930-х гг. оказывал такое же дисциплинирующее воздействие, как и репрессивный аппарат Министерства внутренних дел. Он был призван исполнять роль «народной школы»³, в которой школьники узнавали, чего они стоят и какова их функция в обществе. Однако достаточно часто эти школьники оказывались плохими учениками, что не радовало их наставников.

---

¹ Bourdieu P. Sozialer Sinn. Kritik der theoretischen Vernunft. Frankfurt/Main, 1997. S. 98 ff.

² Kafka F. In der Strafkolonie // Kafka F. Gesammelte Werke. Erzählungen / hg. von M. Brod. Frankfurt/Main, 1989. S. 151–177.

³ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции. Л., 1927. С. 7.

Часть IV
СОВЕТСКИЙ ПРАЗДНИК
И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСПОДСТВУЮЩИМ
РЕЖИМОМ И ОБЩЕСТВОМ

ПРАЗДНИК КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Советские праздники являлись инсценировками новой советской действительности в пространственном и временном измерениях, а в их хореографии задавались образцы социальных иерархий. Эти торжественные спектакли ставились в соответствии с всесоюзными стандартами, создававшимися в Москве. Они должны были визуализировать будущий, находящийся лишь в стадии становления, мир и помогать его строительству. Но как проходила организация праздников в 1920–1930-е гг. в практическом аспекте культурной жизни, после составления планов экспертами-методистами? Праздники отмечаются в определенных условиях, вытекающих из политико-экономического контекста времени. Какие формы принимали советские праздники во времена дефицитов, переломов и террора? Для распространения вширь и обретения общественного звучания праздник должен был шагнуть на периферию империи. Праздничные инсценировки требовали определенного минимума логистической инфраструктуры, находящейся в распоряжении пропагандистского государства. Как строилась организация праздников в условиях российской провинции? Как, в свою очередь, эти условия в региональном контексте оказывали обратное воздействие на празднования и их восприятие, а инсценировки картин чудесного нового мира влияли на полную конфликтов и часто грязную доставшуюся от прошлого повседневную действительность? В ходе праздников и через праздник общались друг с другом люди, находившиеся на разных ступенях властной иерархии или приближенности к ней. Лишь благодаря их взаимодействию и дискурсу праздничные планы вообще становились фактами культурной жизни. Как их коммуникация влияла на воплощение планов в реальность, на формы и содержание советских празднеств?

Таковы возможные вопросы, возникающие у тех, кого советский праздник интересует как точка сопряжения в коммуникации наделенных всей полнотой власти членов общества и людей с ограниченными властными ресурсами, если понимать праздник как рубеж, где сталкивались различные толкования действительности и возникали

конфликты в попытках воплощения этих представлений в реальность. Праздник как проявление культурной жизни означает в нашем понимании некий хронотоп, в котором люди общаются друг с другом, ведут разговор на темы, затрагивающие власть, реализуют эту власть и/или, наоборот, чувствуют свое безвластие. Взгляд на советский праздник с позиций культурной практики предполагает нечто большее, чем просто «анализ рецепции» в попытке ответить на вопрос, понравился ли праздничный спектакль массовому участнику торжеств, или заглянуть в души людей, чтобы узнать их «истинное мнение». Если понимать праздник как пространство коммуникации, то прежде всего необходимо спросить не о том, понравился ли он, а задать вопрос, что из него получилось.

С этих позиций мы стремимся в первую очередь проанализировать процессы «адаптации» и «присвоения» того, что диктовалось в форме официальных праздников, а не их «рецепцию».

Необходимо также рассмотреть пределы, в которых могли осуществляться праздничные инсценировки. Веру в теоретически мыслимые возможности и силу официальных репрезентаций с их претензией на единственно верное толкование мира не следует путать с их всесилием. В реализации мощного официального культурного канона существовали границы возможного. Взгляд на периферию — это показали уже другие исследования — позволяет открыть совершенно иной мир, чем в центре, близком к верховной власти партийного государства и пропитанном духом власти. За пределами Москвы и Ленинграда общественные группы носителей официальной советской культуры были малочисленнее, ориентация на традиции противостоящих власти миров сильнее, а средства, необходимые для убеждения в правильности советского курса на преобразование действительности, ограниченнее, хотя и не менее агрессивны. В этой главе мы рассматриваем советский праздник как явление культурной практики, в том числе на уровне советской провинции — в двух российских регионах. Мы увидим, что праздник был полем, вокруг которого разворачивалась борьба, выяснялись и согласовывались позиции большого количества участвующих субъектов. Но самое главное, что нас интересует, — это своеобразная специфичная адаптация официальной праздничной культуры в процессе коммуникации людей. Лишь таким образом можно понять, что живая праздничная культура представляла собой не столько продукт утверждения официальных норм, сколько слияние очень разных традиционных линий.

При этом возникает также вопрос о степени практического влияния региональных особенностей праздничной культуры на советский праздник. Чтобы выявить региональную специфику, не обойтись без сравнений. Только так можно избежать ошибочного толкования

какого-либо явления как специфически регионального в тех случаях, когда оно, напротив, отражало общую тенденцию, характерную в целом для всех регионов. Для сравнения необходимо выбрать явно различающиеся между собой единицы. Ниже мы сопоставим больше приверженную старым традициям губернскую столицу Воронеж с примыкающей к ней административной территорией, а также Новосибирск и Кузбасс как *правильный тигель* позднейшей стадии индустриализации. Нас интересуют возможные различия в том, как утверждались всесоюзные стандарты праздничной культуры в Воронежской области с ее прочными праздничными и фольклорными традициями, с одной стороны, и в молодых, быстро растущих городах в окраинных районах Сибири, где до сих пор не было ни оседлости, ни стабильной структуры населения, — с другой.

Экскурс 1: Воронеж и Центрально-Черноземная область

Губернская столица Воронеж имела долгую историю. Город был основан как укрепление на границе со степной зоной в конце XVI столетия, однако коренные изменения в нем произошли благодаря строительству в 1868 г. железнодорожной линии. После этого начался его бурный рост. В 1897 г. город насчитывал уже более 84 000 жителей, т. е. за 30 лет его население удвоилось. Воронеж превратился в важный региональный промышленный и культурный центр¹.

Вслед за столицей во второй половине XIX столетия существенным образом изменился и характер Воронежской губернии. Благодаря бурному росту населения после 1861 г. область превратилась в один из наиболее густонаселенных регионов России². В 1900 г. 93 % населения губернии было занято в сельском хозяйстве³. По данным

---

¹ См.: Нефедова Т., Полян П., Трейвиш А. Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. М., 2001. С. 533 и сл.; Карпачев М. Д. Воронежский университет: Вехи истории. 1918–2003. Воронеж, 2003; Загоровский В. П. Воронеж: Историческая хроника. Воронеж, 1989; Зайцева А. А., Чернявская Е. Н., Старцева Т. С. Исторический очерк // Историко-культурное наследие Воронежа. Материал свода памятников истории и культуры Российской Федерации / под ред. Е. А. Шуленова, Е. Н. Чернявской, Т. С. Старцевой. Воронеж, 2000. С. 7–22.

² Schedewie F. Selbstverwaltung und sozialer Wandel in der russischen Provinz. Bauern und Zemstvo in Voronezh, 1864–1914. Heidelberg, 2006. Einleitung; Wilbur E. M. The Peasant Economy, Landlords, and the Revolution in Voronezh // A Call for a Reappraisal of the Nature of the Russian Revolutionary Crisis at the Turn of the Century: Dissertation. University of Michigan. Ann Arbor, 1977. P. 175 f.

³ Mixter T. The Hiring Market as Worker's Turf: Agricultural Laborers and the Mobilization of Collective Action in the Steppe Grainbelt of European Russia, 1853–1913 // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / eds. E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991. P. 294 ff.

переписи населения 1897 г., в Воронежской губернии проживало 63 % русскоговорящих и 36 % украинскоговорящих жителей¹. Для этого региона были характерны развитая культура народных обычаев и живая фольклорная традиция, включая также пеструю праздничную культуру².

Глубокий след в жизни Воронежа и Воронежской губернии оставила не столько революция, сколько Гражданская война. Перипетии войны, постоянные изменения линий фронта, эпидемии и голод привели в этом регионе к сильным разрушениям и убыли населения³. Во второй половине 1920-х гг. на большей части Советского Союза была проведена административная реформа, в результате которой возникли совершенно новые административные единицы. В 1928 г. Воронежская, Курская, Тамбовская и Орловская губернии были объединены в Центрально-Черноземную область⁴. Эта реформа означала для области, и прежде всего для ее центра Воронежа и новой пришедшей партийной элиты, существенное повышение статуса⁵. В связи с индустриализацией областной столицы ее население в течение одного десятилетия с небольшим утроилось: в 1926 г. оно составляло около 120 000 человек, в 1939 г. — более 340 000 человек⁶.

Но аграрные районы продолжали доминировать и в губернии, и в Центрально-Черноземной области в целом. Еще в 1930 г. около 90 %

---

¹ Чижикова Л. Н. Особенности этнокультурного развития населения Воронежской области // Советская этнография. 1984. № 3. С. 5; Schedewie F. Selbstverwaltung und sozialer Wandel in der russischen Provinz.

² См.: Chulos C. J. Myth of the Pious or Pagan Peasant in Post-emancipation Central Russia (Voronezh Province) // Russian History / Histoire Russe. 1995. Vol. 22. № 2. P. 181–216; Дынин В. И. Когда расцветает папоротник (Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX–XX веков). Воронеж, 1999.

³ См.: Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Woronesch 1917–1919. Berlin, 2006. Kap. 4.3; Пыльнев Ю. В. Педагогические учебные заведения Воронежской губернии в годы гражданской войны (1928–1921) // Из истории Воронежского края: Сб. статей. Воронеж, 2001. Т. 9. С. 110–116; Radkey O. H. The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920–1921. Stanford, 1976.

⁴ Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области, 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 24 и сл.; Он же. История Центрально-Черноземной области, 1928–1934: Источники и историография. Воронеж, 1997. С. 102 и сл.

⁵ Gill G. Stalinism and Institutionalization: The Nature of Stalin's Regional Support // Essay on Revolutionary Culture and Stalinism / ed. J. W. Strong. Columbus, Ohio, 1990. P. 126 f.; Sherebjatjew M. Woronesh — Stadt und Gebiet // Politik und Kultur in der russischen Provinz: Nowgorod — Woronesh — Saratow — Jekaterinburg / hg. von G. Luchterhandt, S. Ryshenkow, A. Kusmin. Bremen, 1999. Bd. 7. S. 77 f.

⁶ См.: Нефедова Т., Полян П., Тревиш А. Город и деревня в Европейской России. С. 533 и сл.; Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. С. 113 и сл.

из почти одиннадцати с половиной миллионов населения региона проживали в сельской местности. В 1920-е гг. в области сохранялась высокая плотность населения, возникшая еще в XIX в., его отличала также высокая степень религиозности¹. Мы не будем вдаваться в причины особенно ожесточенных столкновений во время насильственной коллективизации — будь то высокая плотность населения, явно выраженная религиозность или другие факторы. Однако масштабы насилия в схватках между большевиками и крестьянами, по «меркам» РСФСР, были там чрезвычайно велики. Принудительная коллективизация вылилась в гражданскую войну и воспринималась всеми ее участниками как таковая². Голод 1932–1933 гг. затронул также деревни этого региона³.

В 1934 г. Центрально-Черноземная область была разделена на более мелкие административные единицы. Воронежская область в качестве ядра этого района сохраняет свой состав до наших дней, за исключением незначительных изменений. Воронеж остался единственным доминирующим в административной области крупным городом. В качестве промышленного, административного и культурного центра он сконцентрировал большую часть потенциала области. Капитальная перестройка архитектурного облика центра города является одним из свидетельств его привилегированного положения⁴. Основной удар в связи с террором во второй половине 1930-х гг. также пришелся на Воронеж. Здесь в 1937–1938 гг. пустели кабинеты официальных учреждений, подвергались «чистке» укрытия беспризорников, а местная тайная полиция забирала высланных из Москвы⁵. В 1942–1943 гг. в годы Великой Отечественной войны город подвергся сильным разрушениям.

---

¹ Plaggenborg S. *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*. Köln, 1996. S. 308 ff.; Разинков А. П. Федоровцы в Воронежском крае // Из истории Воронежского края. Т. 9. С. 127–135.

² Гончаренко Ю. И., Чиченков А. П. Под прессом «Великого перелома» // Русская провинция: Записки краеведов. Воронеж, 1992. С. 188 и сл.; Viola L. *Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York, 1996. P. 110, 168 f.

³ Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. С. 88, 101, 114 и сл.

⁴ Чесноков Г. А. Архитектурно-планировочное развитие города Воронежа. Воронеж, 1998. С. 16 и сл.; Панова В. П. История Воронежского края. Воронеж, 1997. С. 162 и сл.; Загоровский В. П. Воронеж. С. 189.

⁵ См.: Kang-Bohr Y. *Das Gebiet Voronezh 1934–1941: Eine Fallstudie zum Stalinismus in der ländlichen Provinz*. Dissertation. Ruhr-Universität Bochum. Bochum, 2004. S. 143 ff.

Экспурс 2: Новосибирск, Западная Сибирь и Кузбасс

В отличие от Воронежа, Новониколаевск/Новосибирск — молодой город. Своим возникновением и развитием он обязан Транссибирской магистрали. В 1893 г. Новониколаевск был основан как поселок при железнодорожном депо. Значение города быстро возросло, в нем обосновалось несколько промышленных предприятий, примыкавших к железной дороге. В 1897 г. там проживало около 8 000 человек, в 1909 г. город насчитывал 70 000, а в 1917 г. — уже более 100 000 жителей¹. После революции и смуты Гражданской войны Сибирский революционный комитет решил расположить новый центр власти в «красном» Новониколаевске, который в 1921 г. стал столицей одноименной губернии, а четыре года спустя получил название Новосибирск. В 1925 г. был образован Сибирский край, в который вошли Омская, Новониколаевская, Алтайская, Томская, Енисейская губернии и сначала также Ойротия и Иркутская область. В 1930 г. он был переименован в Западно-Сибирский край, после того как две последние области были выведены из его состава².

В течение двух первых пятилеток население Новосибирска сильно выросло. Со 120 000 человек в 1926 г. оно увеличилось до 180 000 человек в 1931 г. и до 400 000 человек в 1939 г.³ Часть жителей Новосибирска рекрутировалась из сосланной интеллигенции, бывших заключенных лагерей, депортированных кулаков или тех, кто успел покинуть свое место жительства, чтобы избежать ареста и ссылки⁴. «Политические» иногда привлекались к сотрудничеству в местном управлении культуры⁵. Большая часть мигрантов искала работу на

---

¹ См. статью «Новосибирск» в Сибирской советской энциклопедии (1927–1929). См. также: Poppe N. Die wirtschaftliche und kulturelle Erschließung Sibiriens // Russlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Politik—Gesellschaft—Kultur 1894–1917 / hg. von G. Katkov u. a. Freiburg, 1970. S. 146.

² Shishkin V. I. Moscow and Siberia: Center-Periphery Relations, 1917–30 // Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East / eds. S. Kotkin, D. Wolff. New York, 1995. P. 85 f.

³ См. статью «Новосибирск» в Сибирской советской энциклопедии.

⁴ Исаев В. И., Валиев Г. Х. Социальные болезни сибирских городов в 1920-е гг. // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века / под ред. Н. Н. Аблажей, С. С. Букина. Новосибирск, 2001. С. 48; Красильников С. А. Маргинальные группы в Сибири и их социокультурные характеристики в 20–30-е годы // Сибирская провинция и центр: Культурное взаимодействие в XX веке / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 1997. С. 87 и сл.

⁵ Красильников С. А. Интеллигенция в контексте квази-гражданской войны в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Культура и интеллигенция Сибирской провинции в годы «Великого перелома»: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. С. 40 и сл.; Он же. Культурное

расширившихся или вновь открывавшихся предприятиях и ютилась в многочисленных землянках и барачных поселках сибирской столицы. Там правили бал собственные понятия. В то время Новосибирск был пограничным городом, в котором законы почти не признавались. По словам самих милиционеров, ночью они не отваживались выходить на улицу¹. Преступность namного превышала средний уровень по стране; в 1931 г. в городе свирепствовала эпидемия тифа².

При всем том местные большевики считали город более или менее надежным островом среди необозримых диких просторов Сибири. Во времена культурной революции они безуспешно пытались навязать свою цивилизацию народам Крайнего Севера и создать колхозы оленеводов³. Помимо этого, большевики колонизировали просторы сибирской тундры и тайги, устраивая там лагеря для осужденных и «спецпоселения» для «кулаков». Сиблаг — сибирская система лагерей — в течение одного года разбух от 24 300 (1930 г.) до более 300 000 заключенных (1931 г.). Таким образом, к тому времени в лагерях сидело больше людей, чем было жителей в Новосибирске⁴.

Очень похожую историю имел Кузбасс. Кузнецк существовал уже в XIX в. как небольшой поселок с административными функциями и торговлей. Кемерово вообще получило права города только в 1918 г. В 1926 г. там проживало около 20 000 жителей. Оба этих города стали

взаимодействие Сибирской провинции и центра в 1920–1930-е гг.: Некоторые итоги изучения проблемы // Культура и интеллигенция Сибирской провинции в XX веке: Теория, история, практика / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2000. С. 37; Пинкин В. И. Культурная миссия ссыльных «политиков» в провинции в 20-е гг.: Инерция традиции // Сибирская провинция и центр. С. 109 и сл.

¹ Цит. по: Митюшин А. И., Угроватов А. П. Материальное положение сотрудников правоохранительных органов Сибири в 1920-е гг. // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. С. 72.

² См.: Исаев В. И., Валиев Г. Х. Социальные болезни сибирских городов в 1920-е гг. С. 50 и сл.; Shearer D. R. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. Western Siberia in the 1930s // Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power 1917–1953 / ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 203 ff.; Валиев Г. Х. Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: Автореф. Новосибирск, 2001. С. 19 и сл.

³ Slezkine Yu. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994. P. 219 ff.; Kluge R.-D. Sibirien als kulturelle und literarische Provinz // Sibirien: Ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem / hg. von G. Leptin. Berlin, 1986. S. 217 ff.; Stolberg E.-M. Sibirien // Studienhandbuch östliches Europa: Geschichte des Russischen Reiches und der Sowjetunion / hg. von T. Bohn, D. Neutatz. Köln, 2002. Bd. 2. S. 315.

⁴ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири, 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 127.

развиваться только после решения XVI партийного съезда, состоявшегося в 1930 г., о строительстве Урало-Кузнецкого комбината как угольной и металлургической базы¹. В 1930 г. Кузнецк был официально образован как Новокузнецк и уже в следующем году переименован в Сталинск².

Массы промышленных рабочих и жителей Кузбасса в начале 1930-х гг. состояли из ссыльных и заключенных «исправительно-трудовых лагерей». Сельское население области было невелико и структура населения неразвита. Начало систематической добычи каменного угля в 1932 г. дало мощный толчок развитию городов Сталинск и Кемерово. В 1939 г. Кемерово насчитывало более 130 000 жителей, а Сталинск — свыше 160 000. Описание, которое Стивен Коткин дал Магнитогорску, несомненно, можно отнести также к Кузнецку/Сталинску и Кемерово. Высокая текучесть населения, высокая доля заключенных и ссыльных рабочих, ужасающие условия труда и быта, беззаконие в обществе — все это имело место и в Кузбассе³. Но этот регион был опасен и для жизни политической и технической элиты. Кампании против специалистов, кадровые репрессии и показательные процессы против руководителей производства следовали друг за другом⁴. Однако к концу 1930-х гг., как и в Магнитогорске, там появились первые вестники городской культуры — театр, кино, трамвай и многоэтажные жилые дома⁵. Еще больше это относилось к Новосибирску, который, будучи административным центром, оставлял часть средств на развитие у себя. Центр этого крупного города, где в начале 1940-х гг. проживало почти полмиллиона человек, был полностью перестроен. Это не мешало, однако, содержать в Новосибирске исправительно-трудовую колонию, расположенную на окраине города, где отбывали наказание почти 10 000 заключенных. Террор, кото-

---

¹ Красильников С. А. Научная проработка и обеспечение крупнейших региональных народнохозяйственных проектов начала 30-х гг. (Сибирская часть Урало-Кузбасса) // *Духовная культура народов Сибири: Традиции и новации* / под ред. Н. Н. Покровского, С. А. Красильникова. Новосибирск, 2001. С. 70–84; Mote V. L. *Siberia: Worlds Apart*. Boulder, 1998. P. 90 ff.

² Сталинск был снова переименован в Новокузнецк только в 1961 г.

³ См. статью «Кемерово» в *Большой советской энциклопедии* (1973. Т. 12. С. 34 и сл.); Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинские лагеря в Кузбассе. Кемерово, 1997; Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.

⁴ Генина Е. С. Репрессии против инженерно-технических работников Кузбасса в 1936 г. // *Культура и интеллигенция Сибирской провинции в XX веке*. С. 186–188; Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е — начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 98.

⁵ Исаев В. И. *Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации*. Новосибирск, 1996. С. 97.

тому региональный партийно-административный аппарат подвергал в 1937–1938 гг. других и жертвой которого становился сам, развивался параллельно строительству оперного театра¹. В 1937 г. Западно-Сибирский край был реструктурирован и переименован в Новосибирскую область. Алтайский край вышел из административного подчинения Новосибирску².

Даже такой беглый обзор регионов, праздничная культура которых будет описана далее в этой работе, показывает их принципиальные различия и общие черты. Для Воронежа и Воронежской области были характерны коренные изменения в конце XIX в., в ходе принудительной коллективизации и индустриализации в годы первой пятилетки. В отличие от Сибири, эти перемены происходили в условиях давно обжитой местности с устоявшимися традициями. Воронеж рос в 1920–1930-е гг. не менее быстрыми темпами, чем Новосибирск, но его рост был обусловлен главным образом притоком в город коренного населения области. Это были прежде всего бросавшие свои земельные наделы крестьяне черноземной зоны, которые искали счастья на стройплощадках и предприятиях областного центра (мечтая оттуда переехать в Москву, что нередко случалось на самом деле)³. Воронеж тоже являлся плавильным тиглем. Однако в этом тигле варился сплав, пополнение которого за счет привходящих элементов регулировалось только большевиками. Устои сложившихся культурных традиций в Центрально-Черноземной области нарушались вторжением чуждых им влияний со стороны официальной советской культуры и сельской миграцией. Но эти возмущения в основном происходили в рамках единого, достаточно компактного регионального контекста.

По-иному обстояло дело в Новосибирске и Кузбассе. Здесь в заселении городов участвовали пришельцы из гораздо более широкого ареала, а состав мигрантов отличался значительно большей пестротой, чем в Воронеже. Они приезжали как из европейской части России, так и из Средней Азии, среди них находились ссыльные и безработные, представители разных этносов и вероисповеданий. Мигранты привносили в молодые или только строящиеся города — Но-

---

¹ См.: Папков С. А. Сталинский террор в Сибири.

² Красильников С. А. Хроника событий // Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 1997. С. 148; Shearer D. R. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. P. 216.

³ Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. С. 113 и сл.

восибирск, Кузнецк/Сталинск — свои традиции и праздничные обы-
чай, сталкивающиеся с культурными нормами большевиков.

В сопоставлении сравнительно однородного регионального куль-
турного пространства черноземной области с гетерогенностью по-
граничного смешанного общества в условиях советской культурной
революции мы надеемся найти ответ на вопрос, влияли ли различные
исходные культурные условия в сравниваемых регионах на утверж-
дение в них советской праздничной культуры и культурных стандар-
тов. Имело ли место сопротивление регионально особенного и как
оно реагировало на установки центра? Протекал ли процесс внедре-
ния московской праздничной культуры в различных региональных
контекстах по-разному?

Праздники и будни: планирование праздников в условиях российской провинции

Российская провинция 1920–1930-х гг. являлась воплощением де-
фицитов¹. Повсюду не хватало не только товаров повседневного спро-
са — мяса или обуви, но и прежде всего советской культуры в полном
понимании смысла. Последнее обстоятельство, вероятно, больше
всего удручало большевиков, которые видели в нем отражение своей
организаторской слабости и ограниченных возможностей своей вла-
сти на местах. Поэтому ими принимались определенные меры, чтобы
ликвидировать этот дефицит. Помимо кампаний по ликвидации без-
грамотности, демонстрации кинофильмов и театральных спектаклей,
они старались охватить подвластную им территорию сетью стандар-
тизированных культурных практик, к которым относился в первую
очередь советский праздник.

Конец 1920-х гг.

Эта задача решалась в 1920-е гг. очень непросто. Устроители со-
ветских праздников повсюду сталкивались с пределами своих воз-
можностей. Это ясно видно на примере подготовки к празднованию
10-й годовщины Октябрьской революции в Воронеже, Воронежской

---

¹ См., в частности: Altrichter H. Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen
Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984; Baberowski J. Der Feind
ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003; Kotkin S. Magnetic Mountain:
Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland 1870 to
1990s. Cambridge, 1998; Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power 1917–
1953 / ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh, 2001; Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War.
Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, 2002.

губернии, в Новосибирске и Сибирском крае, где режим испытывал трудности с реализацией своих праздничных планов и внедрением новой праздничной культуры. Разного рода дефициты мешали проведению праздничных инсценировок пропагандистского государства, порой срывая их. Главная трудность заключалась в том, как на практике отметить знаменательную дату, распропагандированную методистами центра и местной печатью. Первое десятилетие советской власти планировалось, как известно, как «парад наших успехов»¹. Поэтому, с одной стороны, нужны были сами успехи, а с другой — их впечатляющая демонстрация. Выполнение обеих этих задач в Воронеже и Новосибирске оказалось весьма сложным. Трудности начались уже с поиска подходящих престижных объектов, позволявших показать Воронеж и губернию «на подъеме»². Воронежский губком принял решение превратить региональные музеи и так называемые «дома крестьянина» в репрезентативные символы регионального развития. С помощью музеев, которые, как и дома крестьянина, планировалось открыть во всех уездных городах, можно было продемонстрировать исторический путь развития и зафиксировать региональные революционные события в экспозициях официальных учреждений; «дома крестьянина» должны были послужить свидетельством связей губернских городов с аграрной глубиной³. Но в Воронеже не успевали выполнить намеченное к юбилею. Скудные ресурсы городских администраций резко ограничили реализуемость плана во всей полноте⁴. Организаторам праздника удалось в конце концов устроить импровизированную юбилейную выставку в наполовину готовом музее. Делегаты от крестьян, приехавшие на праздник в город, вынуждены были пользоваться шефской помощью предприятий, так как «дом крестьянина» все еще строился и не мог приютить всех гостей⁵.

В Новосибирске подготовка к празднику столкнулась с похожими проблемами. Первые строительные планы в преддверии празднования десятилетия были весьма честолюбивыми. Краевая юбилейная комиссия составила в начале года длинный перечень школьных зданий, клубов, домов крестьянина и библиотек, которые предпола-

---

¹ Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию: Пособие для Октябрьских комиссий. М., 1927. С. 7, 21.

² Воронеж на подъеме // Воронежская коммуна. 1927. 6 нояб. С. 7.

³ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 26–30; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1965. Л. 15–16; Воронежский дом крестьянина // Воронежская коммуна. 1927. 4 сент. С. 4.

⁴ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1844. Л. 3–4; ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; В Октябрьской юбилейной комиссии Губисполкома // Воронежская коммуна. 1927. 23 авг. С. 3.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 13. Л. 31–31об.; Демонстрация тысяч // Воронежская коммуна. 1927. 10 нояб. С. 3; Десятый Октябрь в Воронеже // Наша газета. 1927. 11 нояб. С. 4–5.

галось возвести к праздничной дате и назвать в честь юбилейной годовщины. Весь Сибирский край охватила строительная лихорадка. В Новосибирск из различных городов присылали планы многочисленных строек, которые должны были быть закончены в срок¹. Но с приближением юбилея все яснее становилось, что многое из запланированного было плодом благих пожеланий местных функционеров. Множество проектов остались без финансирования, и новосибирский координационный центр был вынужден пересмотреть все финансовые планы по подготовке к празднику. Исключение ряда проектов со ссылкой на директиву из Москвы, требовавшей строгого учета бюджетных возможностей того или иного учреждения, показывает, что речь шла не только о сибирском феномене, но и об общей проблеме². Впрочем, и этот существенно сокращенный к августу 1927 г. список строительных объектов не был реализован. Так, не удалось вовремя сдать в эксплуатацию широко разрекламированный прессой клуб профсоюза речного флота³. Однако региональные функционеры и на этот раз проявили изворотливость. Вместо обещанного к годовщине готового объекта был устроен торжественный ритуал закладки строительства и открытия части здания⁴.

Заявленные, но не завершенные строительные объекты бросали тень на советский праздник в двояком смысле. Во-первых, история с ними обнажила пропасть между официальными притязаниями и возможностями их осуществления. На фоне широковещательных заявлений региональной партийно-государственной администрации фактическое состояние дел накануне праздника свидетельствовало о ее несостоятельности. Во-вторых, намеченные советские праздничные мероприятия просто негде было проводить. Соответствующие помещения нужны были прежде всего для празднования главного праздника красного календаря — годовщины Октябрьской революции, чтобы не ограничивать его только утренним парадом и демонстрацией. Зрелищная программа, в которой предусматривалась обязательная развлекательная часть в вечерние часы, повисла в воздухе. В 1927 г. ни в Воронеже, ни в Новосибирске для нее не имелось соответствующих помещений. Немногочисленная партийно-государственная элита могла собраться только в нескольких клубных зданиях, с трудом подготовленных и открытых в первое послереволюционное десятилетие в провинциальных городах⁵. Преимущественное боль-

---

¹ ЦДНВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 57–75.

² РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 30.

³ ГАНО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 140. Л. 27–29.

⁴ ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 42–43; Ф. 47. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–4.

⁵ ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 9.

шинство городского населения после официального митинга было предоставлено самому себе и проводило холодный праздничный вечер на улице или в своих убогих жилищах¹.

Помимо сложностей в строительстве, вызванных тощими региональными и местными бюджетами, из-за межведомственных нестыковок дополнительно возникла неразбериха в производстве печатных материалов к юбилейному празднику. Многочисленные учреждения заявили о своем желании пропагандировать успехи Советского Союза в печатных и иллюстративных материалах². Москва уже на ранней стадии подготовки попыталась воспрепятствовать производству пропагандистских материалов на местах³. Однако даже ограниченный Москвой официальный перечень публикаций вызывал порой настоящий хаос среди компетентных инстанций. Во-первых, и в Воронеже, и в Новосибирске не хватало бумаги, подходящих авторов и утвержденных текстов. Поэтому между различными организациями возникали ожесточенные споры по поводу распределения жестко лимитированных ресурсов⁴. В Воронеже напрасно осаждали с разных сторон Отдел истории партии с просьбой просмотреть и направить по назначению необходимый для публикации архивный материал революционного содержания⁵. То, что наконец было написано и должно было быть опубликовано к годовщине, очень скоро стало предметом основательной критики со стороны региональных надзорных органов: запланированные материалы этнических меньшинств не отвечали необходимым стандартам ни по содержанию, ни по языку. В Новосибирске, как и в Воронеже, незадолго до юбилейной даты пришлось прекратить работу по публикации многочисленных рукописей. В результате оказался напрасным труд многих участников и очевидцев революционных событий на местах, записавших свои воспоминания⁶. Распространение героических воспоминаний о революции в печатной форме являлось в российской провинции таким же трудным делом, как и презентация «достижений» советской власти в виде строительных объектов.

В условиях периферии не менее сложно было отыскать или построить помещение, которое можно было бы достойным образом

---

¹ Нередко люди ютились в бараках или землянках. См.: Исаев В. И. Коммуна или коммуналка? С. 76 и сл.

² ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 44–46; Ф. 514. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

³ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 19. Л. 19–20.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–46; ГАВО. Ф. 1226. Оп. 1. Д. 111. Л. 75–77; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 87–87об.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; Д. 13. Л. 9 об.–10.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 42–46; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 76–78, 91–97.

украсить и заполнить участниками торжеств по поводу выдающейся юбилейной даты. И в этом отношении вслед за головокружительными планами организаторов скоро пришло отрезвление. В Воронеже и Новосибирске первоначально намеченные проекты декораций несколько раз в течение года пришлось урезать как по объему, так и по яркости. «Красного материала» не хватало, а запланированная дорогостоящая иллюминация, которая считалась гвоздем программы и была разрекламирована накануне юбилея, не получила финансирования¹. В октябре окончательно рухнула мечта региональных экспертов-действенников, державших равнение на Москву, когда выяснилось, что электричества хватит только на минимальное освещение двух красных звезд. То, что Йозеф Рот писал о московских празднованиях 1926 г., повторилось в Новосибирске в следующем году, после того как официально и широковещательно было заявлено, что полоса скромных праздников периода НЭПа закончилась. Город быстро погрузился во тьму и в день 10-летия Октябрьской революции².

Наибольшую озабоченность организаторов вызывала, однако, проблема мобилизации масс на праздничную манифестацию. Для внушительной демонстрации мощи советской власти и сплоченности всех тех, кого, по собственному убеждению, представлял режим, необходима была критическая масса манифестантов, т. е. достаточная массовость. Лихорадочная активность, развернутая организаторами, и открыто угрожающий тон напоминаний различным группам об обязательной явке на демонстрацию позволяют сделать вывод, что это было нелегким делом³.

В приглашенных репортажах на страницах газет нетрудно было изобразить желаемую массовость. В Воронеже в праздничной демонстрации участвовали якобы 40 000 человек, т. е. четверть всего населения города⁴. Организаторы, вероятно, включили в эту цифру всех стоявших на обочине улицы зевак, пришедших поглядеть на большевистский балаган, это иллюстрируют фотографии из Новосибирска. Колонны демонстрантов, мобилизованных партийным государством

---

¹ ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 57–75; Нет красного материала // Советская Сибирь. 1927. 23 окт. С. 3.

² ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 532. Л. 4. Городское пространство в ночные часы превращалось в зону беззакония, где царил насилие и совершались преступления См.: Митюшин А. И., Угроватов А. П. Материальное положение сотрудников правоохранительных органов Сибири в 1920-е гг. С. 72.

³ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1702. Л. 71–73; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1823. Л. 42–43; Время не ждет // Воронежская коммуна. 1927. 18 сент. С. 3.

⁴ Демонстрация тысяч // Воронежская коммуна. 1927. 10 нояб. С. 3. Внутренних подсчетов числа демонстрантов не производилось.

в 1927 г., шли под любопытными взглядами зрителей из тех групп населения, которые не считали себя мобилизованными и призванными. Улица отнюдь не говорила здесь «октябрьским языком» и «весь город» не был «одет в праздничный кумач» и сплочен в большое праздничное сообщество, как пытались внушить своим читателям газеты. Нельзя также говорить о том, что «неорганизованное население» было частью праздничного сообщества, как обещали организаторы¹.

Напротив, любопытствующие, стоявшие у обочины, смотрели на демонстрацию большевиков как на зрелище, не выражая желания в нем участвовать. Зинаида Денисевичская отметила именно такое поведение в своем дневнике. Во время празднования 11-й годовщины в Воронеже она пошла посмотреть на демонстрацию, как на театральное представление бродячей труппы. «Любопытно» — таково было ее мнение о праздничном возбуждении большевиков². Судя по фотографиям и дневниковым записям того времени, региональные партийные функционеры занимали в 1927 г. периферийное общественное положение, выйти из которого не могли, не располагая для этого ни финансовыми ресурсами, ни необходимыми средствами принуждения. Иногда демонстранты самовольно покидали праздничные колонны, если хотели заняться другими делами³.

Если так обстояли дела в городе, то в деревне и подавно. 10-я годовщина Октябрьской революции прошла в селах Воронежской области и Сибирского края в основном незамеченной. В официальных прокламациях говорилось о подготовке «красных обозов» или даже парадов тракторов, на деле же чаще всего проводилось лишь короткое собрание горстки партийно-государственных должностных лиц, месивших грязь Черноземья или зябнувших на сибирском холоде⁴. Отчеты из глубинки, поступавшие в Воронеж задним числом, говорят сами за себя. Прежде всего бросается в глаза то равнодушие, с которым информаторы с мест изображали происходившее в деревнях. В отчетах содержится подробное описание праздничных мероприятий в сельских райцентрах, в то время как деревня в них почти не

---

¹ ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1964. Л. 54–55; Запорожский П. Говорила ли улица Октябрьским языком? // Просвещение Сибири. 1927. № 12. С. 33–36.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 4. З. А. Денисевичская, р. в 1887 г., происходила из интеллигентной воронежской семьи, получила высшее образование. С конца 1920-х гг. работала в сельскохозяйственном институте в Воронеже. Выдержки из ее дневника получены автором у Йохена Хелльбека. См.: Hellbeck J. Writing a Diary in Stalin's Time. Cambridge, Mass., 2006. Chap. 4.

³ См.: Grünwald J. Baku und Odessa. Arbeiterkultur an der sowjetischen Peripherie (1920–30). Berlin, 2004. S. 91, 183–190.

⁴ ЦДНВО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 34. Л. 9; ГАКО. Ф. Р.47. Оп. 1. Д. 407. Л. 21.

упоминается. Сквозь самовосхваления праздничных комиссий райцентров ясно видно, что далеко не все сельские советы имели даже планы проведения празднования. Встречи в рамках «смычки» и гулянья не проводились, а открытие «красных уголков» в домах сельсоветов заменяло запланированное, но не состоявшееся открытие «изб-читален» — за неимением последних. Праздничные мероприятия по случаю 10-летия Октября носили в деревнях исключительно неприемлемый характер, если вообще проводились¹. Там же, где демонстрации все же состоялись, судя по отчетам, население отнеслось к ним прохладно. Авторы отчетов назойливо повторяли одну и ту же фразу о «хорошем отношении населения» к празднику, невольно оттеняя ту мысль, что «население» и «праздник» все еще были мало совместимыми понятиями. Да и в восприятии самих местных функционеров юбилей был «праздником коммунистов», а не населения².

Если самый главный праздник режима оказывался сопряжен с такими трудностями, как организация помещений для торжественных мероприятий, которые хотя бы приблизительно соответствовали самосознанию властей, то что говорить о второстепенных праздниках — таковые из-за отсутствия условий на местах часто ограничивались благими пожеланиями членов комиссий. В качестве примера можно привести срыв официального празднования Международного дня молодежи в 1927 г. в Новосибирске. Напрасно пытались его организаторы привлечь внимание общественности к этому малоизвестному праздничному поводу. Пропагандистам партийных органов было поручено провести работу по популяризации предстоящих празднований. Но трудности начались уже на этой стадии. В середине августа, т. е. в самый канун праздничной даты, в Новосибирск стали поступать отрезвляющие донесения местных партийных ячеек о ходе подготовки. Популяризация праздника на большей части территории региона захлебнулась. В отчете одной партячейки говорилось, что она не может обеспечить выполнение задания, так как все ее члены — полуграмотные³. Ввиду недостаточной «подготовки общественного мнения» вряд ли стоит удивляться тому, что столь малоизвестное событие, как Международный день молодежи, не встретило широкого понимания. Слабая готовность к нему даже среди организаторов, которые должны были служить опорой режима, особенно возмутила новосибирских начальников. Лишь 50 % партячеек, писали они в заключительном отчете,

---

¹ ГАВО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 880. Л. 17–17об.; Ф. 452. Оп. 1. Д. 286. Л. 331–332.

² ГАВО. Ф. 452. Оп. 1. Д. 286. Л. 331–332. Таким образом, двойственность их восприятия соответствовала той же раздвоенности, которая отмечалась у части населения в донесениях секретной службы: ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 80–84.

³ ГАНО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.

приняли участие в подготовке к этой дате, профсоюзы и армия почти полностью уклонились от своего долга и даже комсомольцы во многих случаях присоединялись к числу празднующих с опозданием, хотя это был, вообще говоря, их праздник. Нередко партячейки по собственной инициативе переносили праздник на воскресенье (т. е. нерабочий день) и стремились использовать праздничную программу в корыстных целях, требуя высокую входную плату во время культурных мероприятий. В некоторых местах демонстрации отменили из-за плохой погоды, а запланированные в Новосибирске военные игры не состоялись, так как не подвезли заказанные холостые патроны. Как и на праздновании юбилея Октябрьской революции, бросалась в глаза явная разница между городом и деревней. Если в городе еще отмечалось как успех проведение культурных мероприятий накануне праздника, то в селах часто не устраивалось ни митингов, ни культурной программы¹.

Отчеты об этом дне читаются как хроника неудач, и это мнение вполне соответствует оценкам новосибирских активистов. Их выводы были уничтожающими: ни один из участников празднований на самом деле не знал, чему посвящен день молодежи. Примечательно, что далее не делался вывод о необходимости сосредоточиться на главных мероприятиях, а выдвигалось требование о продлении празднеств. То есть на следующий год эту дату следовало отмечать уже целую неделю, а не один день, так как после напряженной подготовки к ней в первый раз активисты якобы слишком утомились, чтобы с должным энтузиазмом принять участие в выполнении запланированного². Подобная интерпретация была равносильна признанию провала, так как неудача празднования объяснялась сугубо деталями праздничной хореографии, а не признанием того факта, что Международный день молодежи подходил сибирской деревне как корове седло. Зацикленность на себе, ставшая характерной чертой советской пропаганды в последующие годы, стала проявляться, как видим, уже в конце 1920-х годов.

Провалами сопровождалась не только новообразование советских традиций типа Международного дня молодежи, но и мероприятия по случаю 1 Мая в Воронеже и области в 1927–1930 гг. Во внутренних донесениях праздничных комиссий и ОГПУ предстает картина пассивности широких слоев населения в дни праздников. Спущенные сверху кампании мобилизации быстро затухали прежде всего в сельских районах. Для их проведения не хватало активистов и материальных средств, к тому же сельское население не хотело отмечать праздники, сопровождавшиеся все более усиливавшейся антирелигиозной

---

¹ ГАНО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 306. Л. 17–20, 30–32.

² Там же. Л. 17–20.

пропагандой. Сославшись на посевную кампанию, можно было легко уклониться от обязательной явки на праздник¹.

И дело заключалось не только в слабом развитии логистики, главным образом за этим стояли культурные антагонизмы. Именно они мешали празднику 1 Мая стать чем-то большим, чем просто заурядное событие в праздничном ландшафте того времени. В самом Воронеже, где организационные условия были значительно лучше, чем на сельских просторах губернии, мобилизация населения на праздник шла с трудом. Прямая конкуренция со стороны Пасхи привела к тому, что день 1 Мая, особенно в годы культурной революции, превратился в прямой антипод этого религиозного праздника, в соперничестве с которым ему приходилось утверждать свое право на существование. В 1929 г. Пасха и 1 Мая совпали по времени, что вынудило режим развернуть на праздничном поле открытую антирелигиозную кампанию. Партийно-государственный аппарат всеми силами старался придать 1 Мая облик убедительного контрпропагандистского мероприятия. Но разразившийся в 1929 г. продовольственный кризис обрек в провинции на неудачу все потуги по организации широкого советского празднования. Перед магазинами выстроились очереди, которых не могли игнорировать даже официальные сообщения, а во внутренних донесениях указывалось на пустые витрины в день праздника. Ввиду обещаний «спецобеспечения» для городских рабочих это бедственное положение, должно быть, воспринималось особенно тяжело².

Помимо всего, организаторов мучили в эти годы многочисленные трудности с материальным обеспечением. Так называемые промахи вследствие нехватки или низкого качества материалов, а также просчетов в планировании случались в те годы на каждом шагу. Так, в 1927 г. плохо работали уличные громкоговорители. Мощность громкоговорителей, очевидно, была слишком мала, чтобы перекрыть шум на праздничных улицах. Местная газета выражала недовольство по поводу того, что во время демонстрации из радиотрансляции ничего нельзя было понять³. Множество оплошностей допускали акти-

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 152. Л. 27; ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 326. Л. 104–124.

² ЦДНИВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 114. Л. 234; Город накануне праздника // Коммуна. 1929. 1 мая. С. 2. См.: Davies R. Changing Economic Systems: An Overview // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / eds. R. Davies, M. Harrison. S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 13 ff.; Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1999. С. 80 и сл.

³ Первое Мая в Воронеже // Воронежская коммуна. 1927. 4 мая. С. 3. См. также: Kuromiya H. Workers under Stalin: The Case of the Donbass // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinismus before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier. E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 87.

висты. Так, в 1929 г. некоторые, очевидно, не очень грамотные самодеятельные художники одного производственного клуба написали на плакатах «спикуляция» вместо «спекуляция», чем навлекли на себя критические стрелы прессы¹. В 1929 г. такие ошибки все меньше списывались на вполне понятное невежество еще не преодолевших культурную отсталость ответственных лиц, а все чаще истолковывались как преднамеренные акты саботажа².

Не только неграмотность активистов и бедственное материальное положение мешали в те годы проведению праздников, но и недисциплинированность городского населения. Чтобы обеспечить сплоченность рядов в праздничных колоннах, организаторы постоянно публиковали соответствующие призывы в прессе, писали лозунги, объявляли соревнования в школах, инициировали взятие на себя «личных обязательств». Для инсценировки «массовости» накануне празднований появлялись объявления с требованием «стопроцентной явки» как на рабочие места во время Пасхи, так и на Первомайскую демонстрацию³. Специальное требование касалось охвата праздничными мероприятиями «неорганизованного» населения⁴. Кампании по обеспечению явки также «организованного» населения, в частности комсомольцев, показывают, насколько низка еще была дисциплина на рубеже 1920–1930-х гг. даже среди этих слоев⁵.

Все усилия по мобилизации населения на празднование 1 Мая в Воронеже были в целом не очень успешными. Даже в официальных источниках говорится о сравнительно слабом участии. Так, в 1929 г. насчитывалось 15 000 демонстрантов, и эта цифра была отмечена как «рекордная»⁶. Но даже для этого «рекордного» количества организаторы смогли мобилизовать не более 20 грузовиков⁷. На другие мероприятия открыто антирелигиозного, антицерковного содержания удавалось собрать значительно меньше участников. На антирелигиозные демонстрации, организованные в Воронеже в 1929 г., вышло на улицы, по официальным сообщениям, менее 8 000 активистов⁸.

---

¹ Город накануне праздника // Коммуна. 1927. 6 нояб. С. 7.

² Это относилось также к неправильному ношению лозунгов (см.: Лабунская Г., Эйсер А. С чем и как выходить на улицу. Оформление демонстрации. М., 1928. С. 10) и к чрезмерному употреблению алкоголя (ГАНУ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–7).

³ ГАНУ. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 2–20; Антирелигиозное соревнование школьников // Коммуна. 1929. 27 апр. С. 4.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 9–16.

⁵ Там же. Д. 1648. Л. 38–39.

⁶ 1 Мая в Воронеже // Коммуна. 1929. 4 мая. С. 3. При населении численностью около 150 000 чел. (1927).

⁷ Общая демонстрация // Коммуна. 1929. 24 апр. С. 1.

⁸ Вместо креста — красное знамя // Коммуна. 1929. 8 мая. С. 4.

Цифровые данные в советской печати известны, однако, своей неточностью. Поскольку внутренние оценки количества участников советских и религиозных празднеств производились лишь выборочно, невозможно соотнести официальный материал с не менее сомнительными данными внутренних подсчетов. Поэтому определить число участников празднеств на улицах Воронежа и Новосибирска не представляется возможным. Единственное, что можно сделать на основании имеющихся количественных данных, это попытаться реконструировать образ мышления авторов отчетов. Официальные цифры явки на праздничные мероприятия отражают представления о них планирующих инстанций. Опубликованные невысокие цифры участвовавших в празднествах конца 1920-х гг. свидетельствуют о том, что даже по меркам авторов отчетов праздничное сообщество в городах составляло лишь меньшинство населения.

Массовый характер советских праздничных мероприятий имел для региональных функционеров партийного государства огромное значение постольку, поскольку в нем отражалась их собственная претензия на представительство этих самых «масс». Участие в официальных праздниках рассматривалось, с одной стороны, как барометр лояльности тех слоев населения, которые были важны для власти имущих, ибо служили укреплению их самосознания. С другой стороны, это участие само по себе являлось составной частью пропаганды, опираясь на которую региональные партийные руководители изображали себя законными представителями «масс». Короче говоря: чем больше демонстрантов выводилось на улицы, тем убедительнее, по мнению местных большевиков, выглядели их претензии на представительство большинства общества в перспективе. Значение, которое организаторы праздников придавали мобилизации демонстрантов и медийному освещению масштабы мероприятий, объясняется симптоматическим характером массовости праздничных парадов. Отсутствие массы на праздниках или неспособность активистов к мобилизации масс совершенно логично рассматривались системой как кризисный симптом¹.

В этом смысле массовый советский праздник в провинции и после перелома 1927 г. и возвращения к практике проведения пышных торжеств сохранял довольно скромный и организационно неустойчивый характер. Плановым организационным кампаниям компетентных органов достаточно часто сопутствовали неразбериха, всегда — спешка, авралы и вынужденные импровизации, хотя надо отдать должное и импровизационным способностям актива. Сеть организационных инстанций была широка; взаимодействие праздничных комиссий

---

¹ ГАНО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 306. Л. 17–20, 35.

еще не было налажено, а самостоятельная активность на местах наталкивалась на нехватку ресурсов. Несколько лет после 1927 г. условия российской провинции не позволяли осуществить замыслы центра по расширению праздничного пространства. Отдельные праздники, например Международный день молодежи, практически не доходили до провинции и не играли сколько-нибудь заметной роли в областных центрах. За пределами областных столиц даже главные праздники красного календаря сталкивались с организационными трудностями и не представляли сколько-нибудь заметной величины, не говоря уже о том, чтобы составить конкуренцию сильному культурному влиянию религии. Праздники и будни в провинции конца 1920-х — начала 1930-х гг. еще не оформились вполне как самостоятельные сферы. Общий для них, особенно после 1929 г., была повсеместная нехватка всего. Об этом писали также осведомители ОГПУ: праздник и будни почти не различаются, — сообщал один из них в отчете о праздновании 1 Мая 1930 г. в Воронеже¹.

1930-е гг.

Описанное положение изменилось в 1930-е гг. И дело не в том, что удалось преодолеть дефициты в связи с планированием и организацией праздников, но организаторы в провинции научились лучше справляться с ними. Промахи стали допускаться реже, но во времена политизации всех «ошибок» возросла их опасность, в том числе для жизни ответственных лиц. Характерным явлением для организации праздников того времени в провинции оставалась нехватка финансовых средств. Соперничество между различными учреждениями за получение выделяемых областной и городской администрацией ресурсов продолжалось. Согласно установленному порядку, каждое учреждение должно было представить в областную администрацию точный план намеченных праздничных мероприятий. Своеволие и дух соперничества приводили, однако, к тому, что планы по подготовке к праздникам нередко не соответствовали бюджетным возможностям предприятий и организаций и те были вынуждены обращаться в областную администрацию за дополнительными ассигнованиями. Поэтому и воронежская, и новосибирская областные администрации постоянно указывали на необходимость переработки и пересмотра планов, чтобы противодействовать «самостоятельной» активности ведомств, предприятий и местных учреждений². Иногда ретивые функционеры выдвигали авантюристические проекты. Так, в Росо-

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 114. Л. 234.

² ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 215–217; ГАНУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 832. Л. 2.

ши Воронежской области в 1935 г. по случаю годовщины было намечено открытие памятника Ленину. Однако у местных инициаторов закончились деньги еще в процессе сооружения памятника, поэтому пришлось его достраивать за счет средств Воронежа. За проявление не санкционированной обкомом инициативы несколько функционеров заплатились своими должностями¹. Этот пример показывает, на какие финансовые авантюры были еще способны некоторые местные деятели даже в 1935 г. Но единичность этого случая свидетельствовала об уже наступившем переломе. В отличие от 1927 г., когда в результате строительной лихорадки остались незавершенными многочисленные объекты, провинциальные учреждения, похоже, стали более трезво оценивать свои возможности. Появилась осторожность, заставляющая не допускать «излишеств» при подготовке к праздникам. Однако укоренилась практика мошенничества. Официально осужденная практика включать в перечень запланированных уже готовые объекты распространилась также на сферу праздников².

Праздничные кампании, проводившиеся по линии партийных органов и подведомственных им комиссий, также свидетельствовали о том, что в конце 1920-х гг. провинция кое-чему научилась. Планирование праздников становилось уже привычным делом, хотя, как и прежде, раздавалась критика по поводу «медлительной подготовки» или «общем бездействии». Так, критический тон доминировал в сообщениях с мест в Новосибирск о подготовке к 1 Мая 1935 г.³ Но, в отличие от 1927 г. и периода Великого перелома, критические голоса, как правило, умолкали накануне праздника. К празднику все оказывалось на своих местах. Критика и самокритика по поводу недостатков превратились в стандартный ритуальный элемент официальной отчетности. Судя по внутренней переписке комиссий, организационный хаос конца 1920-х гг. в 1930-е гг. прекратился.

Многое свидетельствовало о значительной рутинизации планирования. К примеру, воронежский обком выступил в 1936 г. лишь с одной короткой ориентировкой в связи с подготовкой к празднику, которая ничем не отличалась от прошлогодней. Задания делегировались исполнителям в привычной форме и без дополнительных разъяснений⁴. Объем внутренней переписки по каналам праздничных комиссий в этом и следующих годах резко сократился, а внутриаппаратные конфликты случались довольно редко⁵. Коммуникация с мест-

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 312. Л. 356.

² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 852. Л. 50–51об.

³ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 35–38, 52–53, 55–56.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1062. Л. 290–291.

⁵ ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1024. Л. 6–7; Оп. 10. Д. 923. Л. 1–54.

ными органами также приобрела устойчивость и стандартный вид. Отчеты из провинций теперь регулярно поступали в вышестоящие региональные инстанции и не требовали, как еще в конце 1920-х гг., постоянных напоминаний¹. Машина по производству праздников набрала ход. Если во время 10-й годовщины Октябрьской революции Новосибирск еще был погружен во тьму, то в 1935 г. вновь построенный центр города сиял в огнях иллюминации. Областной центр вышел из «темноты» и шагнул в «свет»².

В 1930-е гг. порядок проведения праздников в областных центрах практически не менялся. Выход на праздничную демонстрацию тоже вошел в привычку. Для управления потоками масс достаточно было коротких объявлений в печати о некоторых изменениях маршрутов³. В провинции теперь хватало обученных помощников для координации движения колонн, и они не нуждались в подробных дополнительных инструкциях. Насколько массовые праздники стали само собой разумеющимся делом, свидетельствует проведение празднований, которые вошли в советский канон лишь в 1930-е гг. Например, такие молодые праздники, как День авиации или спортивные парады, проходили в Новосибирске и Воронеже без особых трудностей. Опыт организации служивших образцами главных советских праздников помогал решать вопросы, возникавшие в связи с новыми датами⁴.

При этом ни Новосибирск, ни Воронеж не шли, конечно, в сравнение с Москвой ни по совершенству хореографии, ни по дисциплинированности демонстрантов. Фотографии *tableaux vivants* (живых картин. — *Прим. пер.*), инсценировок спортивных парадов в Новосибирске показывают весьма провинциальный уровень выступлений. До степени совершенства фигурной акробатики, которая демонстрировалась на Красной площади в Москве, им было далеко. В Сибири играли, так сказать, на уровне второй лиги. Главной проблемой, которая продолжала существовать и в 1930-е гг., была все же явка на праздничные мероприятия. Обязательная явка на праздник в течение многих лет пропагандировалась как одна из первейших гражданских обязанностей, за ней следили специально назначенные ответственные руководители колонн⁵. Велись поименные списки присутст-

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 923. Л. 1–54; Ф. 76. Оп. 1. Д. 583. Л. 1.

² ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 2–20. См. также: Halfin I. *From Darkness To Light. Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, 2000. P. 1 ff.

³ План общественной демонстрации в Воронеже // Коммуна. 1937. 4 нояб. С. 4; План демонстрации трудящихся Новосибирска // Советская Сибирь. 1937. 5 нояб. С. 4.

⁴ ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 313. Л. 342–343; ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1024. Л. 23.

⁵ ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1622. Л. 10–12.

вующих и отсутствующих, к отсутствующим применялись санкции¹. И тем не менее новосибирские организаторы с досадой констатировали пробелы в рядах демонстрантов даже на праздновании 22-й годовщины Октябрьской революции в 1939 г. Некоторые предприятия в этом году плохо позаботились о направлении своих коллективов на уличную демонстрацию². Отрицательный рекорд установила трикотажная фабрика, которая вывела на улицу менее половины своих рабочих³. Столь плачевный результат не могли скрасить и многочисленные «победные рапорты» о стопроцентной явке. Приводившиеся в оправдание доводы: у людей не было обуви, чтобы в холодную погоду выполнить свой долг, — не могли удовлетворить организаторов праздника в регионе. Они требовали привлечь к ответственности виновных позорно низкой явки на праздник⁴.

Однако не следует рассматривать такой срыв как вершину айсберга, это было скорее исключение. Как явствует из внутренней документации региональных праздничных комиссий, ни в Воронеже, ни в Новосибирске не было случаев регулярной массовой неявки на празднования. Тут интересна метаморфоза смысла понятия «явка» с течением лет. Если в конце 1920-х гг. под этим подразумевалось прежде всего присутствие на демонстрации (либо появление на рабочем месте во время церковного праздника), то в 1930-е гг. в первую очередь интересовала явка на рабочее место на другой день после праздника. В каждом ведомственном отчете о праздновании годовщины революции содержался пункт о состоянии трудовой морали коллектива после праздничных возлияний накануне вечером⁵. В проблеме явки сместились акценты. Региональные власти теперь были обеспокоены не слабой дисциплиной во время праздника, а излишествами, которыми сопровождалась гулянья.

Что касается проблем материального обеспечения, то в провинции 1930-х гг. по-прежнему ощущалась нехватка материалов, повсеместно затруднявшая, а то и вовсе срывавшая планирование и организацию крупных праздничных мероприятий. Хроническим дефицитом была красная материя, которой пышно украшались фасады зданий, улицы и колонны демонстрантов. Незадолго до главных праздников

---

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 20. Д. 191. Л. 155–157; ГАКО. Ф. Р.64. Оп. 2. Д. 338. Л. 1–19; С. Савин // Воронежский курьер. 1997. 27 нояб. С. 4 (здесь опубликованы выдержки из допроса, произведенного ОГПУ в сентябре 1933 г.); Leder M. M. *My Life in Stalinist Russia: An American Woman Looks Back* / ed. L. Bernstein. Bloomington, 2001. P. 33.

² ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 848. Л. 57–59, 70–70 об.

³ Там же. Л. 1–4, 28.

⁴ Там же. Л. 57–59, 70–70 об., 126.

⁵ Там же. Л. 34–35.

красного календаря часто возникали споры между различными учреждениями и органами администрации по поводу этого ценного материала, способного превратить в «красный» день календаря любой бесцветный праздник¹.

Что же касается «красных», т. е. символически «значимых» и находившихся под идеологическим влиянием режима мест, то таковых в провинции 1930-х гг. хватало. В центрах областных столиц вырастали здания престижных объектов советской власти, которые включались в праздничную хореографию как провозвестники советского будущего. Однако и во второй половине предвоенного десятилетия еще не хватало помещений для организации празднований в более узком кругу. В праздничной драматургии предусматривалось продолжение центральных общественных мероприятий на уровне предприятий и организаций в вечерние часы. Но именно для этих целей не хватало либо помещений, либо топлива, чтобы обогреть их до приемлемой температуры². Только крупные престижные учреждения — городская администрация, Красная армия или передовые предприятия имели в своем распоряжении адекватные этим потребностям клубы, в которых можно было проводить развлекательную часть советских празднеств. Клубы были местом встреч привилегированных, для них там имелся бильярд, устраивались банкеты, кинопросмотры и танцевальные вечера³. Что же касается большинства населения провинциальных городов, то и в конце 1930-х гг. оно было лишено этих удовольствий и в холодные ноябрьские дни предоставлено само себе.

Помимо насущного вопроса, каким являлась проблема нехватки помещений, еще целый ряд трудностей мешал нормальному проведению торжеств. Хронически не хватало качественной бумаги для публикации юбилейных альбомов и приглашений⁴. Не всегда удавалось организовать снабжение рабочих по праздникам, несмотря на то что этот подарок был предметом пристальной заботы многочисленных органов и значился во главе списка вопросов, решаемых в ходе подготовки к праздникам⁵. Существовала проблема ликвида-

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1024. Л. 8; ГАКО. Ф. Р.18. Оп. 1. Д. 830. Л. 1–5. По воспоминаниям К. А. Бурмакиной, портреты Ленина к 1 Мая были дефицитом в Сталинске, вокруг них разгоралась ожесточенная борьба: НФГАКО. Ф. Р.137. Оп. 1. Д. 402. Л. 8–9.

² ГАНО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 347. Л. 1–10.

³ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 603. Л. 97–98, 150–151; Клуб им. Сталина в октябрьские дни // Советская Сибирь. 1937. 26 окт. С. 4.

⁴ ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1392. Л. 8, 10–22; Ф. 1366. Оп. 1. Д. 53. Л. 59.

⁵ ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3133. Л. 97 об.; ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 356. Л. 1.

ции задолженностей по зарплате к праздничным дням¹. Достаточно часто приходилось изворачиваться, чтобы заплатить оркестру или художественному коллективу, когда в кассе праздничного комитета не было для этого денег². И Воронеж, и Новосибирск испытывали, кроме того, трудности с размещением многочисленных посланцев из деревень, прибывавших на праздник в областной центр³. Организаторы пытались решать эту проблему через привлечение предприятий, шефствовавших над крестьянами. Но в конце концов политика пере-
кладки ответственности на плечи предприятий привела к полному прекращению массовых поездок на праздники⁴. Привилегией по-
смотреть областной центр и побывать на празднованиях пользовались только специально отобранные группы передовиков производства⁵.

Чем больше региональные столицы отдалялись от своего аграрного окружения, тем больше они запускали также организацию праздников на просторах подведомственной им глубинки. Если в 1920-е гг. еще существовали живые, хотя нередко импровизированные, шефские связи, в рамках которых городские представители активно участвовали в подготовке праздников в провинциальных городах и селах, то в 1930-е гг. эти контакты свелись к минимуму. Даже критика отсутствия шефских связей все больше исчезала из переписки по линии праздничных комиссий. Но это не значит, что ослабевал контроль над происходившим на местах. К тому времени уже действовала работоспособная система планирования и организации праздников, простиравшаяся далеко в глубь административной территории. Ответственные в мелких населенных пунктах обязаны были подробно информировать центр региона обо всех подготовительных мероприятиях и заручаться поддержкой обкома почти по всем важным вопросам в этой связи⁶. Но на большее, чем контроль со стороны областного центра, местные работники рассчитывать не могли. В организации и проведении празднований они в основном были предоставлены самим себе.

Отчеты из провинции перед региональным центром, носившие описательный или информационный характер, составлялись так называемыми инструкторами, и они подтверждают тот факт, что организация праздников в 1930-е гг. строилась по двойному стандарту. Одно дело — районные центры и промышленные города, а другое —

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 464. Л. 1–2.

² ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1177. Л. 21–24.

³ ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2771. Л. 23 об.; ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

⁴ ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2718. Л. 163 об.

⁵ Там же. Д. 3595. Л. 16 об.; ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 603. Л. 62.

⁶ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 699. Л. 7; Оп. 9. Д. 1024. Л. 12.

аграрные тылы и колхозы. Если в малых провинциальных городах, и прежде всего в привилегированных промышленных центрах, существовала пусть скромная, но оформившаяся советская праздничная культура, то нельзя сказать, чтобы эта культура выходила за их пределы. В таких городах Западной Сибири, как Омск, Томск, Ленинск-Кузнецкий или Сталинск, вехи советской праздничной хореографии расставлялись местными функционерами. Там проводились праздничные демонстрации, стояли трибуны, устраивались утренники для детей и вечерние мероприятия для партийной и государственной элиты. Там убирали к праздникам территорию городского центра, сажали цветы. Там «организованная общественность» докладывала о своих обязательствах к праздничной дате. И там активисты местных праздничных комитетов ходили по домам или действовали через соседей, добиваясь соблюдения минимальных стандартов организации советского праздника и удаления с балконов бельевых веревок¹.

Тем не менее недостатки, присущие областным центрам, и здесь в еще большей степени обременяли развитие праздничной культуры. Так, повсеместно не хватало денег для содержания в порядке многочисленных памятников, приходилось постоянно добывать средства для ремонта символически важных для проведения демонстрации объектов². В Томске на 19-ю годовщину Октябрьской революции в 1936 г. произошла авария в электросети, и горожане провели долгий ноябрьский вечер при свечах³. Тем не менее, несмотря на подобные досадные происшествия, ни технические неполадки, ни повсеместные дефициты не могли поколебать фундамента советской праздничной культуры. В каком бы неприглядном виде ни были памятники, колонны демонстрантов год за годом проходили мимо них и во время главных праздников красного календаря, и когда отмечались праздники второго порядка, например годовщины комсомола⁴.

Совсем другая картина состояния советской праздничной культуры предстает перед нами, когда читаешь сводки, поступавшие из колхозов. Советский плановый аппарат к середине 1930-х гг. создал свои ячейки и в колхозах. Реализация общих праздничных стандартов находилась там в руках сельских советов⁵. Но голод, разразившийся в начале 1930-х гг., превратил планы по проведению праздников в макулатуру. В Сибири городские уполномоченные по делам культуры,

---

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 297. Л. 92–92 об.; НФГАКО. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 267. Л. 71–120; Улица становится культурной // Кузбасс. 1936. 28 апр. С. 4

² ЦДНИВО. Ф. 3. Оп.1. Д. 2779. Л. 5–6; ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–3.

³ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 53. Л. 10–12.

⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–7; Ф. 190. Оп. 2. Д. 202. Л. 67.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 312. Л. 86; ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 31.

которые откомандировывались в села в рамках шефских договоров для налаживания системы организации праздников, бежали оттуда, ссылаясь на царивший в деревнях голод¹. Но и в последующие годы на фоне хронически плохого материального положения села советские праздники отмечались там более чем скромно. Об этом можно судить по некоторым отчетам инструкторов. Все время не хватало всевозможных материалов и кадров, чтобы хоть как-то обеспечить соблюдение официальных норм².

Как бы то ни было, функционеры образца 1930-х гг. и на периферии освоили адекватный язык рапортов об «успехах» в деле проведения деревенских праздников, которые направлялись вышестоящим контрольным инстанциям. Они знали, что праздник был обязательным пунктом в отчете с мест, знали, как показать свои достижения и в какую форму облечь самокритику. В ворохе официальной переписки комиссий уже не обращалось внимания на то, что похвала со стороны вышестоящего функционера за участие в «социалистическом соревновании» как-то не вязалась с голодом 1933 г. Значение имело не то, что социалистическое соревнование объявлялось в пораженной голодом деревне, где от него умирали или страдали крестьяне, а поддержание фикции исправного исполнения долга в герметически отгороженном от реальной жизни бюрократическом праздничном пространстве³.

Ответственные за инкультурацию села органы в областных центрах этим в основном удовлетворялись. Гораздо меньше, чем в 1920-е гг., они беспокоились о распространении советских стандартов празднования в сельской местности. Сельскохозяйственный тыл уже не считался в первую очередь объектом просвещения и ликвидации отсталости, а рассматривался как национальная житница. Ничто так ярко не отражает эту позицию, как явное предпочтение сельскохозяйственных кампаний по сравнению с праздниками на селе. Главные советские праздники, такие, как 1 Мая, были сведены к произнесению перед тружениками села кратких речей во время обеда⁴. Спорадическое оживление культурной работы города в колхозах, как правило, ориентировалось на сельскохозяйственный цикл. Если вообще до этого доходило дело, то колхозникам предлагалась культурная про-

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 205. Л. 74.

² ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1622. Л. 19–42; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 200. Л. 94–103. Разница между городом и деревней видна по фотографии встречи городских жителей с оборванными сельскими ребятами, состоявшейся в 1930 г. в окрестностях Новосибирска.

³ ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2335. Л. 31 об. – 32.

⁴ Там же. Д. 2770. Л. 108; Ф. 3. Оп. 1. Д. 1060. Л. 293 об.

грамма, чтобы поднимать их настроение во время посевной и уборочной кампаний, а не для того, чтобы обеспечить минимум культурного обслуживания села во время официальных праздников¹. Праздники красного календаря 1930-х гг. оставались главным образом городскими событиями именно потому, что города и сидевшие в них функционеры от культуры утратили интерес к своему аграрному окружению.

Что же касается крупных провинциальных городов, то там, несмотря на постоянные и повсеместные дефициты, официальная праздничная культура сбоев не давала. Созданный в 1930-е гг. аппарат праздничных комиссий устранил, как мог, обусловленные временем узкие места и поддерживал на ходу достигшую внушительных размеров праздничную машину. Провинциальные функционеры научились организации массовых советских праздников и воспроизводили их год за годом все более уверенно.

Даже в смутные времена террора производство массовых праздников не понесло серьезного урона. Однако 1930-е гг. ознаменовались существенным повышением контроля за тем, что делалось в сфере праздников. Даже такие второстепенные события, как праздники в детских садах, утверждались высшими региональными органами. Центральные надзорные инстанции не пропускали без строгой цензуры ни одного лозунга, ни одного предмета декорации и ни одного текста выступления; во главе каждой праздничной колонны находился «ответственный» за все нарушения принятого порядка². То, что еще в 1920-е гг. сходило за промах, неудачу, недочет, проступок и было извинительно, по крайней мере частично, ввиду неопытности кадров, теперь приобретало сугубо политическую окраску, ибо истолковывалось как «ошибка» или «недостаточная бдительность» и таило в себе прямую угрозу должности и жизни ответственного лица³. Очень часто от совершения ошибки до ее интерпретации как умышленного акта саботажа, совершенного «врагом народа», оставался очень маленький шаг. Обстановка в 1930-е гг. была такова, что происки классового врага усматривались повсюду, не исключая праздничной сферы в провинции⁴. Жертвами волны чисток становились также работники этой сферы в Новосибирске⁵.

---

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 311. Л. 1–4 об., 21–26.

² ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 214–217; ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 650. Л. 1 об.; ГАКО. Ф. Р.2. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–11.

³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 18. Д. 554. Л. 5; ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 312. Л. 124; ГАНО. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 15. Л. 68.

⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 135. Л. 23–26; ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 822. Л. 3.

⁵ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 33. Л. 25.

Тем не менее 1937–1938 гг. не означали перерыва в советских празднованиях. Праздники красного календаря оставались предметом пристального внимания партийного государства и в тот период, когда Москва, как и провинция, «купалась в крови»¹. В отличие от Великой Отечественной войны, Большой террор не заслонял массовые праздники, их присутствие в общественной жизни по-прежнему было весомым. Более того, именно в это время рождались новые праздники, например день сталинской Конституции. Праздник и террор шли параллельно. И это наблюдалось как в Москве, так и в Воронеже, и в Новосибирске. Конечно, 20-я годовщина Октябрьской революции отмечалась в 1937 г. не так, как предыдущие праздники, потому что аресты и казни оставляли бреши также в кабинетах региональных начальников, а массовые чистки выкашивали часть городского населения. Но праздничная культура продолжала жить. Демонстранты шли привычным строем по новым центральным площадям областных центров и в 1937 г. Провинции могли остаться без руководства, но не без праздников². Ритуал оказался более живучим, чем его исполнители. Даже если руководители областей — они же заглавные лица в сфере организации праздников — один за другим становились жертвами террора, их место на праздничной трибуне никогда не пустовало. Для ритуала советского праздника было безразлично, кто занимал это место. Он благополучно пережил годы террора.

Недостатки и их значение

Каково же было отношение современников, населявших российскую провинцию, к официальному праздничному диктату и представлениям советской праздничной культуры? Какое значение имели многочисленные недостатки и промахи в организации праздников на местах как для зрителей, так и для участников торжеств? И какие функции выполнял официальный праздник в рамках коммуникации между властью и обществом российских регионов в 1920–1930-е годы?

Прежде всего отметим, что практическая организация советского праздника в провинции явно расходилась с обещаниями официальной пропаганды. Отсюда, однако, нельзя делать упрощенного вывода, будто недостатки в проведении праздников немедленно ставили под вопрос легитимность режима³. У властных структур всегда был

---

¹ Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003. S. 193.

² См.: Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 812.

³ Такова аргументация К. Петроне. См.: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 40 ff.

в запасе целый ряд рациональных объяснений очевидных недостатков; ссылаясь на них, власть старалась снять с себя ответственность за их возникновение и проявление. Они приписывались «ошибкам» отдельных лиц, их некомпетентности или злонамеренности, а также инфантильному поведению участников празднеств, безудержная радость и шаловливость которых, к примеру, порой бывали повинны в возникших беспорядках. Скажем, молодые демонстранты могли нарушить общий строй, так как всем им одновременно захотелось пойти на центральную площадь, чтобы посмотреть на руководителей¹. Приводился также довод о неизжитой еще в провинции дореволюционной отсталости. Область якобы все еще страдала от последствий правления старого режима и разрушений, вызванных Гражданской войной. Пыль, которая поднималась из-под ног демонстрантов и окутывала их во время прохождения по незаасфальтированным улицам Воронежа или Новосибирска, тоже относилась на счет пережитков прошлого. Способом отвлечь внимание от истинных причин неурядиц и неполадок была пропаганда искусства видеть в настоящем ростки будущего². Например, когда в 1932 г. в Воронеже появилась новая трамвайная линия и была заасфальтирована главная улица, это преподносилось как будущее строящегося современного «социалистического Воронежа». Так же было обыграно начало строительства новосибирского театра оперы, балета и драмы в 1931 г. Праздничная хореография учла этот момент, и праздничные колонны проходили мимо торжественно украшенной стройки, олицетворявшей «светлое будущее»³. Если таких конкретных доказательств наступающего будущего в провинции часто не хватало, то далекая и загадочная Москва восполняла этот недостаток. Постоянные ссылки на грандиозные празднования в «красной столице» хотя и усиливали чувство собственной отсталости, но в то же время открывали перспективу, которую символизировала жизнь в сердце Советского Союза. Там, согласно подобному воззрению, это «светлое завтра» уже в значительной мере наступило, следовательно, такая же перспектива избавления от вечных недостатков и проблем ждет и провинцию⁴.

Таким образом, недостатки в развитии праздничной культуры, с официальной точки зрения, вполне поддавались объяснению. В дей-

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–7; Лабунская Г., Эйсер А. С чем и как выходить на улицу. С. 10.

² Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York, 1999. P. 66 ff.; Viola L. *The Aesthetic of Stalinist Planning and the World of the Special Villages* // *Kritika*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 101–128.

³ Новая трамвайная линия // *Коммуна*. 1932. 1 мая. С. 4.

⁴ В Москву на октябрьские торжества // *Коммуна*. 1936. 5 нояб. С. 2.

ствительности же условия жизни в провинции во многих отношениях подрывали выполнение амбициозных планов и часть из них превращалась в чистую макулатуру. Но недостатки необязательно влекли за собой критику основ режима. Ввиду отсутствия критериев для сравнения праздник со всеми его изъянами воспринимался большинством участников как нормальное явление. Дефициты не умаляли блеска праздника в российской провинции, за неимением альтернатив, они считались чем-то нормальным. Ответ на вопрос о том, как участники воспринимали праздник, не может быть дан с позиций схематического сравнения реального советского праздника с идеальной конструкцией «совершенного», лишенного недостатков и дефицитов торжества. Далее мы остановимся на разнообразных аспектах реальной общественной практики в данной сфере.

Празднования в российской провинции и общественность: отказ от участия, активизм и присвоение

Диапазон форм поведения людей, реагирующего на официальный праздничный диктат, был широк. Он простирался от стойкого нежелания участвовать в праздниках до высокой активности и ангажированности. Прежде всего это зависело от общественного положения гражданина или отведенного ему места в общественной структуре, а также от его культурного окружения. То, что было справедливо для столичных городов — Москвы и Ленинграда, относилось и к провинции¹. За пределами Москвы и Ленинграда, собственно даже на периферии этих городов, слабость институциональных структур партийного государства еще давала о себе знать и в 1930-е гг.² Инструментальные возможности режима повсеместно насаждать угодную ему праздничную культуру были ограничены. Для глубокого внедрения советского праздника в общественную культурную практику нужны были иные механизмы. Далее мы коснемся темы различных типов реагирования на праздничные поводы официального праздничного календаря. В основном мы опираемся на примеры, взятые из

---

¹ См.: Stites R. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York, 1989; Chatterjee C. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939*. Pittsburgh, 2002. P. 141 ff.; Petrone K. «Life has become more joyous, comrades».

² См.: Hoffmann D. L. *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–41*. Ithaca, 1994. P. 161 ff.; Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, 1958. P. 448 ff.; Shearer D. R. *Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier*. P. 203 ff.

контекстов Воронежской и Новосибирской областей, привлекая также свидетельства из других районов советской российской провинции. По ходу повествования мы надеемся раскрыть степень свободы, которой пользовались люди в условиях пока еще институционально неразвитой диктатуры в регионах, а также правила игры, определявшие там коммуникацию между властвующими и подвластными. Кроме того, речь пойдет об основных линиях развития этой коммуникативной среды в праздничном контексте.

Исключенные и отказники

Спектр поведенческих форм в рамках данных отношений включал в себя, с одной стороны, уклонение от участия в советских празднованиях, а с другой — исключение нежелательных лиц из сферы официальной праздничной культуры. Последнее относилось прежде всего ко всем тем, кто становился жертвами арестов и насильственной депортации и в результате выбывал из празднующего сообщества. Так, узники, отбывавшие наказание в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа, помимо свободы лишались также права участвовать в советских празднованиях. Это символическое исключение приобрело в 1930-е гг. еще более последовательный характер. В 1920-е гг., по крайней мере, привилегированные заключенные еще могли принимать участие в ритуалах советского режима. В рамках «политики перевоспитания» предпринимались попытки наряду с «культурной работой» в лагерях использовать и праздники красного календаря. Так, узников Соловецкого лагеря в 1925 г. в годовщину Октябрьской революции выводили на праздничную демонстрацию¹.

Но в 1930-е гг. такие формы практического применения советского ритуального канона, пусть и в урезанной форме, прекратились, и сделано это было сознательно, хотя следы официальной символики окончательно не стерлись на просторах архипелага ГУЛАГ. Так, в тюрьмах висели портреты Сталина, а за колючей проволокой лагерей практиковались некоторые элементы советской (праздничной) культуры, будь то день памяти, устраиваемый лагерным начальством, или нерабочий день в честь главных праздников красного календаря².

---

¹ См.: Applebaum A. Der GULAG. Berlin, 2003. S. 65; Der neue Mensch. Obsessionen des 20. Jahrhunderts / hg. von N. Lepp. Dresden, 1999. S. 260 f.; Klein J. Belomorkanal: Literatur und Propaganda in der Stalinzeit // Zeitschrift für slavische Philologie. 1995/96. Bd. LV. S. 53–98; Кораллов М. М. Театр Гулага: Воспоминания, очерки. М., 1995.

² ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 227. Л. 190. О том, что по советским праздникам в лагере не работали, вспоминает И. Г. Гудерьян (р. 1918). Он был арестован в 1938 г. вместе со своим отцом, поляком по происхождению, который работал железнодорожником в Берд-

Но усиление охраны заключенных в такие дни должно было напоминать им о том, что они считались недостойными принимать участие в ритуалах всего общества. Как пишет Густав Херлинг, с помощью подобных и других символических жестов заключенным давали понять, что они являются отщепенцами в «великой семье» всего народа¹. Насколько советский праздник воспринимался как олицетворение потерянной свободы, описывает Александр Солженицын в рассказе «Один день Ивана Денисовича»: город, который заключенные строят среди снегов и льда, в их глазах оживет только тогда, когда там будут собираться праздничные колонны². Здесь советский праздник изображен как воплощение жизненного уклада всех тех, с кем заключенные были насильно разлучены.

О «чистоте» советского празднующего сообщества заботились не только за лагерным забором, но и по другую его сторону. Для этого здесь прибегали к исключениям, стигматизации и чисткам. Перед праздниками из города удалялись все «элементы», не считавшиеся полноценными членами советского общества. Бездомные, нищие и проститутки постоянно находились под угрозой депортации в связи с приближавшимися «красными» датами. В их лице режим выпалывал «сорняки», чтобы они не портили вид цветочной клумбы, которую олицетворял собой праздник. Все, что могло оставить двойственное впечатление о советской действительности, изгонялось из праздничного пространства, дабы обеспечить режиму монопольное право на власть над современностью и ее изображение в мажорных тонах «счастливой жизни»³.

Практика маргинализации и устранения неофициальных форм жизни усилилась в 1930-е гг. в таких городах, как Новосибирск и Воронеж, не только потому, что партийное государство окрепло, но и потому, что оно заняло более наступательные позиции в мировоззренческих вопросах, заявляя о монопольном праве на толкование

ске под Новосибирском, и депортирован в лагерь. Автор беседовал с ним в 2001 г. в Новосибирске. О прекращении работы по праздникам см. также: Herling G. Welt ohne Erbarmen. München, 2000. S. 145 ff. Там же о портретах Сталина и о мышлении лагерного начальства праздничными датами (с. 62 и сл.).

¹ Herling G. Welt ohne Erbarmen. S. 22. Об усиленной охране см.: Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинские лагеря в Кузбассе. С. 419 и сл. Л. А. Карневалов (р. 1923), арестованный вместе со своим отцом, работавшим в администрации Эйхе, в 1938 г., вспоминал в беседе с автором, что по праздникам часть политзаключенных изолировалась. Об изображении Советского Союза как «большой семьи» см.: Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago, 1985. P. 114–128.

² Solschenizyn A. Ein Tag im Leben des Iwan Denissowitsch. München, 1999. С. 142.

³ О государстве как садовнике см. также: Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Hamburg, 1992. S. 43 ff.

действительности и распространяя свое идеологическое влияние теперь уже и на провинцию. Если еще в конце 1920-х гг. большевики представляли собой революционное меньшинство по отношению к стоявшему в стороне большинству городского населения, о чем ясно говорили их праздники, то теперь они подчинили своему господству всю территорию центра провинциальных городов. Свидетельства дореволюционного прошлого и несоветских сторон действительности сталкивались с их нетерпимостью. Подготовка к празднованиям теперь служила, в частности, задаче сокрытия всяких намеков на действительность, несовместимую с советским миром¹. Колонны, в которых вместе шагали пионеры-ленинцы и уличные дети, как это было еще в 1920-е гг., в 1930-е гг. ушли в прошлое. Остались только спектакли на тему «счастливого детства», и ничто не должно было их омрачать².

Однако и в 1930-е гг. власть большевиков не распространялась де-факто на те районы, где народ теснился в землянках, барачных поселках, приспособленных под жилье вагонов, и на городские парки. Основанные на деревенских традициях элементы праздничной культуры оставались там незатронутыми партийным влиянием. Городская «серая зона» продолжала жить по своим обычаям, в том числе в праздничной сфере³. Но на главных улицах Воронежа и Новосибирска в конце предвоенной декады царили уже другие порядки. Выход за узкие рамки советских норм культурности пресекался милицией и подвергался преследованиям со стороны следственных органов. Игра на гармошке в ночные часы тут же квалифицировалась как хулиганство, т. е. считалась наказуемым деянием⁴. Такой же режим был ус-

---

¹ ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 157; Город принимает праздничный вид // Коммуна. 1940. 29 апр. С. 1. То же самое относится к Новосибирску: ГАНО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 583. Л. 1.

² См. фотографию «Пионеры и бездомные дети во время майской демонстрации в Москве» Б. Игнатовича, сделанную в 1920-е гг.: Im Blickpunkt unserer Epoche. Bilder sowjetischer Meisterfotografen / hg. von M. Bugajewa u. a. Leipzig, 1975. S. 29. В 1927 г. пионеры еще устраивали для беспризорных и бездомных детей и открывали по праздникам «Дома для детей улицы»: ГАВО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 826. Л. 56. Но уже в это время проводились акции по очищению улиц в праздники от «беспризорных детей»: Беспризорников в праздники на улицах не должно быть // Советская Сибирь. 1927. 23 окт. С. 3.

³ См., в частности: Hoffmann D. L. Peasant Metropolis; Schlögel K. Der «zentrale Gor'kij Kultur- und Erholungspark» (CPKiO) in Moskau. Zur Frage des öffentlichen Raumes im Stalinismus // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 255–274; Shearer D. R. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier.

⁴ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 229. Л. 3 об.; Д. 230. Л. 54–60.

тановлен на передовых предприятиях обоих городов. Отклонения от норм, такие, как отсутствие на демонстрации или появление в общественных местах в нетрезвом виде, четко фиксировались. За подобные проявления антисоветских взглядов недолго было получить взыскание¹. В центральных районах Новосибирска и Воронежа в 1930-е гг. заметно усилился контроль за соблюдением праздничных стандартов официального календаря².

Тем не менее и в этом десятилетии в городах сохранялись укромные уголки, где еще можно было праздновать несоветские праздники. Религия с ее ритуальным канонотнюдь не исчезла из советских городов. Адепты культурной революции закрыли или перепрофилировали большинство церквей в годы Великого перелома и Большого террора³. Однако оставшиеся церкви давали верующим возможность даже в конце 1930-х гг. отмечать праздники церковного календаря вне стен своих жилищ.

Похоже, круг тех городских жителей, которые, невзирая на угрозы репрессий со стороны атеистической диктатуры, были готовы соблюдать праздничный канон прямого конкурента советской власти в вопросах мировоззрения, был совсем не мал. Судя по опросам школьников, проведенным в 1929 и 1930 гг. в нескольких городах черноземной области, в большинстве семей «самый богатый стол» накрывался все-таки по религиозным праздникам и в эти праздники готовилась «самая вкусная еда»⁴. В дневнике Степана Подлубного имеются записи, подтверждающие наличие в Москве того времени очень живой традиции религиозных праздников. В 1932 г. в пасхальный день, когда «звонили колокола», он пошел на биржу труда, чтобы найти работу, предполагая, что на Пасху «никто не будет работать». Так оно и случилось на самом деле, и он получил вакансию в газете «Правда»⁵. Во всяком случае, в провинциальных городах сохранилась традиция

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 8–16; Ф. 22. Оп. 3. Д. 848. Л. 5–7.

² ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1622. Л. 10–12.

³ Еще в 1930 г. в Новосибирске прекратили свое существование шесть из 22 религиозных общин. См.: Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 1997. С. 116 и сл. В 1936 г., по оценкам Комиссии по делам религии, во всем Западно-Сибирском крае действовало только 374 из 1 518 действовавших до революции церквей: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 224. Л. 251. См. в целом: Husband W. B. «Godless Communists». Atheism and Society in Soviet Russia. 1917–1932. DeKalb, 2000. P. 137 ff.

⁴ Онуфриев Н. Религиозные настроения учащихся школ II ступени // Культурный фронт. 1929. № 7. С. 64 и сл.; Романовский А. Б. Нет верующих детей — есть верующие родители // Культурный фронт. 1930. № 4–5. С. 84.

⁵ Podlubnyj S. F. Tagebuch / hg. von J. Hellbeck. München, 1996. S. 106.

выпекать кулич в честь праздника Пасхи. Нехватка молочных продуктов перед Пасхой, о чем в резко критических тонах писала атеистическая пресса Воронежа, свидетельствует о том, что пасхальный кулич продолжали печь в больших количествах¹. По воспоминаниям современников, в Новосибирске и в конце 1930-х гг. на Пасху в воздухе стоял характерный запах кулича². Это наблюдение подтверждают также дневниковые записи и донесения тайной полиции из Ленинграда, относящиеся ко второй половине 1930-х гг., о том, что в дни главных праздников православного календаря церкви переполнены³. В Новосибирске, по оценкам отдела агитации и пропаганды обкома партии, в 1939 г. в церквях и на кладбищах на Пасху побывало почти 10 000 человек, а традиция выпекания куличей была по-прежнему жива⁴. То есть религия не ушла и оставалась спутницей жизни людей прежде всего в вопросах соблюдения праздничного канона.

Если случались акции активного сопротивления тоталитарным претензиям со стороны диктатуры в области мировоззрения, то в абсолютном большинстве случаев они вызывались перегибами в борьбе режима с влиянием религии. Такие «столкновения культур» в период Великого перелома, когда советская власть применяла насилие по отношению к учреждениям и представителям религии, сопровождались в селах Западной Сибири и тем более Центрально-Черноземной области ответными выступлениями крестьян⁵. Закрытие церквей и аресты священнослужителей стали причиной уличных акций неповиновения верующих в Новосибирске. Когда 28 апреля 1930 г., т. е. в самый канун праздника Пасхи, на старом новосибирском кладбище была закрыта церковь, так как региональные власти решили разбить там парк культуры, собралась толпа и имели место нападения на

---

¹ Вязанкин П. За большевистскую подготовку к 1 мая. Против поповского праздника Пасхи // Коммуна. 1932. 24 апр. С. 2.

² Об этом вспоминает Л. А. Карневалов, который в 1930-е гг. жил в Новосибирске.

³ Shaporina L. V. *Diary // Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s* / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995. P. 368; Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941*. Cambridge, 1997. P. 74 ff.; Škarovskij M. *Orthodoxe Kirchenjugend der Sowjetunion in den 20er und 30er Jahren // Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation* / hg. von C. Kuhr-Korolev, S. Plaggenborg, M. Wellmann. Essen, 2001. S. 243.

⁴ ГАНО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 296. Л. 17–21.

⁵ ГАНО. Ф. 1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 233, 262 об. См. также: McDonald T. *A Peasant Rebellion in Stalin's Russia. The Pitelinskii Uprising, Riazan, 1930* // *Contending with Stalinism. Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s* / ed. L. Viola. Ithaca, 2002. P. 101; Merl S. *Bilanz der Unterwerfung – die soziale und ökonomische Reorganisation des Dorfes // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg*. P. 100 ff., 201 f.

милицию. Органы безопасности реагировали немедленно, невзирая на большое количество женщин среди протестующих. Выступление было подавлено, многих арестовали¹.

Во время Большого террора режим проводил жестокую антицерковную политику, направленную как против клира, так и против верующих. Но даже методами террора не удавалось окончательно прекратить проявления живой религиозности в городах. Столкновения между конкурирующими системами веры наблюдались в том числе в конце 1930-х гг., особенно по поводу главных праздников. Так, в 1939 г. власти Новосибирска предприняли массированную антирелигиозную кампанию по случаю пасхальных праздников. Очевидно, уровень религиозности и в городской среде был по-прежнему настолько высок, что атеистическое усердие представителей диктатуры и в этот «период оттепели» не видело оснований для успокоения².

Уклонение от официального праздничного диктата принимало и другие формы. Наиболее распространенной из них была неявка на демонстрацию. Прогуливание официальных советских церемоний и в конце предвоенного десятилетия продолжало оставаться типичным проявлением недисциплинированности населения, которая больше всего беспокоила и раздражала функционеров от культуры. На годовщину революции в 1939 г., по данным внутренней статистики Новосибирска, от некоторых предприятий вышло на демонстрацию менее 50 % коллектива³. Можно понять в этой связи тревогу ответственных лиц, так как речь шла о «трудящихся» привилегированных передовых предприятий, т. е. опоре режима, в которой он черпал сознание своей легитимности. Как показали расследования причин неявки работниц и рабочих, те и другие приводили окрашенные спецификой пола аргументы. Женщины говорили, что им надо было смотреть за детьми, указывали на недостатки в подготовке празднований официальными органами, жаловались на отсутствие теплой обуви и холод в неотапливаемых помещениях клубов⁴. Оправдательные доводы были логически связаны, таким образом, с дискурсивной аргументацией режима, отмечавшего особое положение матери, и с патерналистской позицией государства, которое несло ответственность за недостатки в снабжении населения. То есть и

---

¹ ГАНО. Ф. 1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 654–655.

² ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 101. Л. 29–31; Оп. 3. Д. 300. Л. 51–58. Дэвис называет годы после Большого террора «фазой оттепели» в религиозной политике режима. См.: Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 80 f.

³ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 848. Л. 1–4, 28.

⁴ Там же. Л. 1–4, 25.

в конце 1930-х гг. в советских провинциальных городах можно было без тяжких последствий уклониться от выполнения обязательного требования участвовать в официальных празднествах. По документам, относящимся к 1939 г., не видно, чтобы уклонисты в этом году привлекались к ответственности.

Российская деревня

Сказанное о провинциальных городах в еще большей степени было присуще сельской местности. В 1920-е гг. официальные праздники не вызывали заметного отклика за пределами городов. Традиционная, привязанная к церковному календарю праздничная культура российской деревни в период НЭПа оставалась нетронутой. Там отмечали Пасху, Троицу и многочисленные праздники местных святых, но не годовщину Октябрьской революции¹. Такие праздники, как 1 Мая, 8 Марта или День Парижской коммуны не приживались, оставаясь для сельской местности в основном *terra incognita*, или их просто не замечали². Неприметность официальной праздничной культуры на фоне живой религиозной культуры не могла удовлетворить власти, что особенно выражалось в поведении комсомольских активистов. Официальный праздничный календарь периода НЭПа, в котором церковные праздники пользовались покровительством государства, в комсомольской среде воспринимался как досадный компромисс переходного времени³.

Однако и в годы культурной революции партийным и комсомольским иконоборцам не удалось совершить прорыв в сельской местности, и их ритуалы так и не стали главенствующими. Стремление к монополии терпело неудачу потому, что культурная революция в сфере празднования сопровождалась попытками подавления религии и борьбой с ее праздничными обрядами. В 1929–1932 гг. боевой и порой воинствующий дух культурной революции налагал свой отпечаток на риторику и характер действий представителей режима.

---

¹ Altrichter H. Die Bauern von Tver. S. 111 ff. См. также: Curtiss J. S. The Russian Church and the Soviet State. Boston, 1953. P. 22 ff.; Freeze G. L. The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg*. S. 211 f.

² Braun M. «Sozial gesehen sind die Bauern wie Kinder»: Zwischen Didaktik, Repräsentation und Traditionalisierung – Orthodoxes Ostern und Erster Mai im zentralrussischen Dorf, 1929–1941 // *Journal of Modern European History*. 2006. Vol. 3. № 1.

³ В официальном календаре до 1929 г. главные церковные праздники Пасха, Троица и Рождество значились как праздничные дни. О комсомоле см.: Gorsuch A. E. *NEP Be Damned! Young Militants in the 1920s and the Culture of Civil War* // *Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 4. P. 580.

прежде всего в сельской местности. Массовые осквернения церквей и репрессии против священников обрушились на село¹.

Бесцеремонное поведение власти, заявлявшей колонизаторские претензии и жестокими методами добивавшейся своих целей, стремясь уничтожить все традиционные узы и формы самовыражения деревенского уклада жизни, сначала встречало отчуждение и пренебрежение, а затем и сопротивление со стороны крестьян. Все это прямо сказывалось на восприятии селом официальных советских праздников. В донесениях ОГПУ, написанных в конце 1920-х гг., нарисована картина широко распространенного безразличия, с которым в деревнях встречали эти праздники. В Центрально-Черноземной области, к примеру, в 1928 г. из 2 500 жителей окрестных сел, которые ожидалась на демонстрацию, нередко приходило не более 50 человек². В дневниковых записях крестьян Русского Севера, относящихся к тому периоду, имеются лишь отдельные упоминания советских праздников³. Характерное для НЭПа пренебрежительное отношение крестьян к праздничному диктату со стороны партийного государства здесь продолжалось.

После 1928 г., когда начались принудительная коллективизация, «гражданская война» в деревне и голод, о разного рода праздниках нечего было и помышлять⁴. Официальные советские деревенские праздники уже по своей концепции не могли означать «перерыва в рабочих буднях». Праздники в селе полностью сливались с посевными и уборочными кампаниями, во время которых все больше господствовал начальственный тон городских организаторов. Праздники служили точками отсчета и использовались сельской администрацией как повод для подведения итогов выполнения и перевыполнения спускавшихся сверху плановых заданий. Иногда праздники полностью превращались в рабочие дни: во время посевной кампании 1932 г. партийные пропагандисты, недолго думая, объявили 1 Мая в деревне «днями ударного сева», потребовав повышения производительности труда. В 1933 г. вместо обычных праздничных мероприя-

---

¹ Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994. P. 204; Viola L. *Peasant Rebels under Stalin*. P. 38 ff.

² ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 79–84; Ф. 89. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

³ Эту справку автор получил у Юлии Херцберг. В скором времени выходит ее экзаменационная работа по биографии крестьян Русского Севера: Herzberg J. *Beschreibenswertes Leben. Bäuerliche Biografie aus dem russischen Norden 1890–1930*.

⁴ Л. Виола по праву называет насильственные конфликты между крестьянами и режимом в ходе принудительной коллективизации «гражданской войной». См.: Viola L. *The Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York, 1987. P. 211; Hughes J. *Stalinism in a Russian Province: A Study of Collectivization and Dekulakization in Siberia*. Houndsmills, 1996. P. 92 ff.

тий было решено ограничиться «полевыми митингами», чтобы не мешать ходу сельскохозяйственных работ¹. Эти акции недвусмысленно показывают, насколько первый пятилетний план в результате проведения насильственной коллективизации лишил советские праздники в деревне праздничного содержания. Советский массовый праздник, будь то День урожая, 1 Мая или годовщина Октябрьской революции, все больше превращался в обряд выражения лояльности деревни и выполнения ею обязательств перед городскими центрами, он все более откровенно использовался как инструмент закабаления села с целью установления контроля над трудом и социального дисциплинирования крестьян. Подобный подход, естественно, не мог содействовать популяризации советских праздников в российской деревне².

В целом в середине и конце 1930-х гг. советский праздничный календарь не оставлял глубоких следов в сознании деревенских жителей. Крестьянин Игнат Фролов лишь иногда делал в своем дневнике пометки, касавшиеся советских праздников³. Даже если советская праздничная дата объявлялась нерабочим днем, то от этого она не становилась своей. ОГПУ регулярно фиксировало такие высказывания, как «власть празднует» или «1 Мая — это праздник коммунистов». Возможно, в отдельных случаях подобные формулировки сочинялись самим ОГПУ, однако взаимное противостояние властного режима и крестьянства наблюдалось и по другим поводам⁴. В атмосфере конфронтации растворился и прошел незамеченным теми, для кого он первоначально был задуман, День коллективизации и урожая. Праздничная шумиха по этому поводу царил только на страницах официальной крестьянской печати, никак не затрагивая крестьянское население. В письмах, которые красноармейцы крестьянского происхождения посылали своим родственникам в 1930-е гг., эта дата никогда не упоминалась⁵. Зато обычай отмечать традиционные религиозные праздники продолжал жить, несмотря на убавившееся число

---

¹ ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2370. Л. 51; Майские дни — дни ударного сева и борьбы за урожай // Коммуна. 1932. 1 мая. С. 2.

² Праздник урожая и коллективизации // Коммуна. 1932. 16 окт. С. 2.

³ Frolov I. D. Diary // *Intimacy and Terror*. P. 48 f.

⁴ ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 80–84. См.: Viola L. *Peasant Rebels under Stalin*. P. 12.

⁵ Информацию дал Габор Риттерспорн. См. также: Braun M. *Sowjetische und traditionelle Feiernkulturen im Vorkriegsstalinismus. Das Beispiel der zentrumsfernen Region Rjasan', 1927–1941: Magisterarbeit. Historisches Seminar der Universität Leipzig. Leipzig, 2004. S. 46 ff.; Maeder E. Partisanen und Poeten. Bürgerkrieg und Propaganda in einem sibirischen Dorf zu Beginn der zwanziger Jahre // Forum für Osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2001. № 5. H. 1. S. 15 ff.*

церковных храмов, и весьма успешно. Перегибы режима в обращении с религией, служителями церкви и ее торжественными ритуалами постоянно провоцировали в годы Великого перелома активное сопротивление, сопровождавшееся применением насилия¹. В принудительно созданных колхозах по некоторым праздникам православного календаря и в честь дней святых крестьяне бросали работу и на исходе 1930-х гг.²

Дневниковые записи свидетельствуют о том, что церковные праздники и связанные с ними отправления обрядов не утратили своей притягательности в сельской среде. Как пишет Игнат Фролов, для него основные церковные праздники были центральными вехами годового цикла, и подготовка к ним велась очень серьезная³. Записи в его дневнике и в 1930-е гг. датировались по старому стилю, что говорило о том, насколько условной для него была новая ритмизация времени. Такой же феномен примечателен и для дневниковых записей крестьян Крайнего Севера России⁴. Бывший крестьянин Андрей Аржиловский, 62 лет, который, будучи короткое время на свободе, работал бухгалтером на деревообрабатывающем предприятии в Тюмени⁵, признавался, что утратил связь с традиционными религиозными ритуалами и не ощущал себя более верующим. Новое время не позволяло больше предаваться религиозным чувствам, как «в старину». Но именно даты православного календаря навевали ему грустные воспоминания о прежней жизни, заставляя чувствовать понесенную утрату. Рождественским вечером он сел за стол, чтобы записать рождественскую молитву, хотя, по собственному признанию, уже начал забывать молитвы. А на Пасху в семье устроили праздничный обед.

По-видимому, православный календарь все-таки еще не утратил для него своего значения⁶. 18-летний студент-искусствовед из Рязани Михаил Шабатин в конце 1930-х гг. отметил в своем дневнике значительную разницу между тем, какие праздники отмечали в городе, а какие — в деревне. Город был для него местом советских праздников,

---

¹ ГАНО. Ф. 1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 233, 262 об. См.: Husband W. B. «Godless Communists». P. 140 ff.; Merl S. Bilanz der Unterwerfung. S. 128; Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 40 ff., 100 ff., 201 f.

² Frolov I. D. Diary. P. 28. Об этом вспоминает также Ирина Петрова, проживавшая в 1930-е гг. в сибирской деревне. Автор беседовал с ней в 2001 г. в Новосибирске.

³ Ibid. P. 28, 34, 36, 42 ff.

⁴ Информация получена автором у Юлии Херцберг.

⁵ Аржиловский вышел на свободу в 1936 г. после семи лет лагерей. В июле 1937 г. он был вновь арестован и расстрелян 29 августа. См.: Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995. P. 111 f.

⁶ Arzhilovsky A. S. Diary // Intimacy and Terror. P. 188, 198.

а деревня жила согласно церковному праздничному календарю¹. Степан Подлубный констатировал ту же разницу. В 1938 г. он записал в своем дневнике, что город празднует прежде всего 1 Мая и годовщину Октябрьской революции, а деревня — главным образом Пасху и Рождество². На этих примерах ясно видно, в чем состояла принципиальная разница между городом и деревней. Когда крестьяне были вынуждены эмигрировать в город, они адаптировали деревенскую праздничную традицию к новым условиям. На городских окраинах бывшие крестьяне встречались на танцах, а свадьбы устраивались по-прежнему согласно датам православного календаря³. Как бы ни менялась жизнь крестьян в результате принудительной коллективизации, каким бы ни был переворот в их хозяйственном укладе, какие бы новые общественные связи ни возникали на этой почве, стандарты городских советских праздников, похоже, не проникали глубоко в мир российской деревни. Традиции сохраняли свою силу и влияние благодаря тому, что вообще крестьянские праздничные обычаи уже в дореволюционное время показали свою гибкость и адаптивность. В условиях *многоверия* различные вероисповедания, обряды и праздничные культуры влияли друг на друга и образовывали некий гармоничный сплав. До революции крестьянские празднования, основанные на официальных православных нормах, впитали в себя языческие обычаи и народные предания. И когда крестьяне были вынуждены идти в колхозы, части советского праздничного календаря вписывались в жизненный мир крестьян и подчинялись их традиционному кодексу поведения. Если главные праздники красного календаря и проникали в деревенский мир, по крайней мере как дата, то отмечались они скорее дореволюционным способом, нежели в соответствии с минимальными стандартами советской праздничной культуры. Хотя демонстрации не проводились, но традиционная коллективная пирушка по случаю праздника была обязательна, если только для нее находились выпивка и закуска⁴. Советизация деревенской праздничной культуры проходила в весьма ограниченных масштабах. Совет-

---

¹ Шабатин М. И. Рязань конца 30-х глазами молодого человека. Дневник учащегося Рязанского художественного училища Михаила Ивановича Шабатина за 1939 год // Страницы былого. Рязань, 1998. С. 188, 198. Информацию о дневнике автору дал Маттиас Браун.

² Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 271.

³ Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. P. 169 ff.; Schlögel K. Der «zentrale Gor'kij Kultur- und Erholungspark» (CPKiO) in Moskau. S. 258 f., 262 f.

⁴ Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 216; Такала И. А. Веселье Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 240 и сл. См. также: Lewin M. Popular Religion in Twentieth-Century Russia // The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia / ed. M. Lewin. Methuen, 1985. P. 57 ff.

ская праздничная культура в 1930-е гг. была в основном городской достопримечательностью.

Активисты и выдвиженцы

В городской среде были сосредоточены и основные кадры, занимавшиеся организацией и проведением советских праздников. В 1930-х гг. проводилась их ускоренная подготовка, в том числе в провинции, где они поступали в распоряжение местной администрации. Естественно, старая проблема нехватки кадров не решалась полностью, о чем говорят постоянные призывы к интенсификации обучения¹. Тем не менее и в таких городах, как Новосибирск и Воронеж, было заметно, что функционеры от культуры начинали играть более существенную роль в деле внедрения праздничных стандартов².

Довольно узкий круг подготовленных управленцев дополняла целая когорта помощников. В их задачи входила обязанность нести советские праздничные нормы в различные учреждения. Функционеры «общественных организаций», «культуротники» заводских клубов и комсомольцы помогали решать вопросы повышения дисциплины во время праздников, а система «соседской помощи» была призвана оказывать содействие в освоении советского культурного канона по месту жительства³.

Степень активности этих деятелей во время празднований прослеживается не только на основании непосредственного участия в их подготовке, но и в работе с общественным мнением. Советская общественность состояла из целого ряда коммуникаторов, которые участвовали в обсуждении общественно значимых вопросов. Границы этих обсуждений, естественно, устанавливались политическими органами партийного государства, хотя и не все дискуссии проходили по указке сверху. Достаточно часто имели место случаи проявления «инициативы снизу», когда «сигналы сверху» истолковывались неправильно и случались конфузы⁴.

---

¹ Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию. С. 30; Рюмин Е. Массовые празднества. М., 1927. С. 73 и сл.

² ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2718. Л. 175–175 об.

³ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 67–69, 73–74; НФГАКО. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 267. Л. 71–120; Kosterina N. A. Tagebuch / hg. von H. von Ssachno. München, 1973. S. 35.

⁴ О концептуальных соображениях относительно специфической формы общности советского типа см.: Beyrau D. Macht und Öffentlichkeit im Sozialismus. Einführung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 161–162; Ritter-sporn G. T., Rolf M., Behrends J. C. Von Schichten, Räumen und Sphären: Gibt es eine sowjetische Ordnung von Öffentlichkeiten? Einige Überlegungen in komparativer Perspektive // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten:

Такая форма выражения общественного мнения отнюдь не была привязана только к датам советского праздничного календаря. Она функционировала и в других контекстах. Однако праздники всегда давали повод и темы для инсценировки общественного диалога, в ходе которого различные учреждения выражали свое «критическое мнение». Эти спектакли создавали впечатление, что общество живо интересуется вопросами, выносившимися на обсуждение в связи с праздничными кампаниями. Так, в 1929 г. в Воронеже была развернута дискуссия с целью ограничить звон колоколов во время пасхальных праздников. Сначала в роли критиков выступили пионеры-ленинцы: звон колоколов якобы действовал им на нервы и мешал учиться¹. Затем вступил в действие «Союз безбожников», подхвативший это «требование снизу» и подкрепивший его научной аргументацией: громкий колокольный звон якобы вреден для нежных органов слуха подрастающего поколения, и поэтому его следует запретить². На заключительной стадии в диалог вмешался городской совет, предложивший компромиссное решение. В результате колокола могли звонить в городе только непосредственно во время пасхального богослужения³. Подобными общественными «диалогами» во время Великого перелома и сопровождавшего его критического дискурса были заполнены страницы газет. В 1932 г. в Воронеже, к примеру, поднялась «буря возмущения» общественности по поводу того, что объявленная неделя коллективного наведения чистоты в городе, в ходе которой предполагалось подготовить город и парки к празднованию 1 Мая, оставалась на бумаге. «Коммуна» опубликовала письма читателей с требованием тщательной уборки городской территории⁴. И в этом случае горсовет подхватил «общественную инициативу» и распорядился о приведении в порядок городских улиц и парков точно к празднику⁵. Похожий спектакль был разыгран в 1935 г. и в Новосибирске. Сами дирижеры подобной оркестровки «общественного

Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 402 ff.; Rolf M. Feste der Einheit und Schauspiele der Partizipation — die Inszenierung von Öffentlichkeit in der Sowjetunion während des Ersten Fünfjahresplanes // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 163–171.

¹ Родители, ваше слово! Долой пасхальную пьянку и обжорство! // Коммуна. 1929. 21 апр. С. 3.

² Прекратить на пасху колокольный звон // Коммуна. 1929. 23 апр. С. 4.

³ Праздник культуры и отдыха. Без водки и «куличей» // Коммуна. 1929. 28 апр. С. 4.

⁴ Скверы не приводятся в порядок // Коммуна. 1932. 26 апр. С. 4.

⁵ Первомайские празднества в Воронеже // Коммуна. 1932. 1 мая. С. 4.

мнения» придерживались при этом в официальной риторике тезиса о добровольности «проявленных инициатив»¹.

Политические инстанции, несомненно, планировали или, по крайней мере, давали ход подобным кампаниям. Но последние могли выйти из-под контроля центральных партийно-государственных органов. Например, профсоюзы в Москве осудили и запретили инициативы региональных профсоюзных организаций как «незаконные субботники»². В наши задачи не входит обсуждение вопроса, насколько в данных случаях выражалось «настоящее» мнение общественности. Для нас представляет интерес практическая сторона деятельности общественных активистов в связи с подготовкой к советским праздникам. Инсценировка диалогов и обоснование акций антирелигиозного характера или кампаний по уборке городских территорий ссылками на «требования общественности» были составной частью праздничной культуры. Будь то пионеры-ленинцы, активисты-безбожники или авторы «критических писем читателей» — все участники общественной игры накануне праздника в самых разных направлениях развивали лихорадочную активность. Такая практика продолжалась и в 1930-е гг.: инсценированное общественное участие входило в процедуру принятия решений. Вся эта деятельность была направлена на концентрацию общественного внимания на праздниках красного календаря.

Это видно на таком явлении, как *кампанейщина*. Центральные контрольные органы партийного государства постоянно критиковали «кампанейщину» как вредный принцип организационной работы. Она не создавала ничего прочного, так как между отдельными кампаниями не велось никакой работы³. Однако, вопреки всей этой критике, в течение 1930-х гг. ориентация на кампании характеризовала деятельность партакеек, союзов, ведомств и предприятий. Поскольку режим усиленно насаждал мышление праздничными датами, это сказывалось и на стиле работы в низовых организациях. Все участвовавшие в празднованиях учреждения после проделанной работы считали, что заслужили и благодарность, и соответствующее вознаграждение⁴.

Иногда тяга к праздникам участников этих общественных инсценировок выходила за рамки дозволенного высшими контрольными инстанциями партийного государства. Довольно часто последним

---

¹ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 2–20.

² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 19. Д. 485. Л. 78–90.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 236. Л. 38–45; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 420. Л. 211–232; ГАКО. Ф. П.26. Оп. 1. Д. 96. Л. 11; Крупская Н. К. О политпросветработе в рабочей среде // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 283.

⁴ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 20. Л. 1–8; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 165. Л. 13. См. также записи воспоминаний А. И. Митрофанова, сделанные в 1960-е гг.: ИФГАКО. Ф. Р.137. Оп. 1. Д. 220. Л. 77–78.

приходилось сдерживать неумеренный энтузиазм в организации соответствующих мероприятий. Так, неоднократно лимитировалось число праздничных церемоний, устраиваемых ведомствами и предприятиями¹. Американский инженер Зара Виткин, прибывший в начале 1930-х гг. в Советский Союз в качестве трудового мигранта, к своему удивлению, отметил, что все ведомства в течение нескольких дней занимались только подготовкой к 1 Мая, бросив все остальные дела².

Типичным явлением для советских празднований было вынесение общественных поощрений за всевозможные достижения. К праздничной дате приурочивалась выдача премий и предоставление льгот, а получившие их выражали свою благодарность. Обычай советского «gift-giving society» («одаривающего общества») производить обмен подарков на благодарность был распространен прежде всего в материальном производстве, где отмечались рабочие-передовики. Стахановцы, герои труда, победители «социалистического соревнования» и их семьи в день праздника получали блага от партийного государства³. Помимо денежных премий, ценных подарков, патефонов выдавались билеты на культурные мероприятия, грамоты и значки, предоставлялись квартиры, санаторные путевки и экскурсии в Москву. Все это преподносилось в виде подарков на торжественных собраниях⁴. Подарком могло быть и проведение электричества в квартиру премированного к праздничной дате⁵. Нельзя сказать, что счастливыми, которых одаривало партийное государство, были только передовики производства. Премировались и бюрократы, «лучшие сотрудники года» в НКВД, персонал и все, кто шел на *выдвижение* (повышение в должности). Отмечались также «лучшие домохозяйки», самые прилежные школьники и студенты вузов⁶. Художники-оформители

---

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 19. Л. 52, 95; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 229. Л. 6 об.

² An American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934 / ed. M. Gleb. Berkeley, 1991. P. 45 ff., 135.

³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 19. Д. 485. Л. 71; ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1622. Л. 1–4. См. также: Brooks J. Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000. P. 83 ff.; Maier R. Die Stachanow-Bewegung 1935–1938. Der Stachanowismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. Stuttgart, 1990.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2328. Л. 78 об.; ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 202. Л. 23; В Москву на Первомайские торжества // Коммуна. 1936. 1 мая. С. 1.

⁵ ГАКО. Ф. Р.64. Оп. 2. Д. 238. Л. 35–37.

⁶ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 3595. Л. 13 об.; ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1024. Л. 43. О выдвиженцах — людях, продвинувшихся в годы Великого перелома, см., в частности: Bailes K. E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, 1978. P. 176 f.; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979. P. 241 ff.

и организаторы праздничных колонн тоже могли рассчитывать на вознаграждение в форме подарков или денежных премий¹. Комиссии, занимавшиеся подготовкой к празднованиям, добрую часть своего времени тратили на составление списков кандидатов на награждение². Организация столь масштабной работы в рамках праздничной кампании достаточно часто доставляла много хлопот и трудностей как исполнителям, так и органам партийного государства. Малые предприятия пытались организовать финансирование своих обязательств по награждению через шефствующие над ними организации, а партийно-государственные власти старались сдерживать поток премированных поездками делегаций³.

Патерналистская диктатура, в руках которой находились рычаги снабжения и распределения, отмечала каждого, кто участвовал в бесчисленных соревнованиях и конкурсах, тем более если он оказывался в победителях. Всякий, кто был готов лично включиться в игру за производственные рекорды или в соревнования в рамках «культурных походов», мог рассчитывать на свое место за столом (пусть не очень пышно накрытым) в честь советского праздника. Праздники красного календаря были днями получения вознаграждений за проявление лояльности⁴.

В обществе, ориентированном на широкое распространение советской ритмизации времени, центральную роль играли педагоги, ответственные за воспитание нового поколения советских граждан и в их лице участников будущих праздников⁵. Школьная программа была составлена с учетом центральных дат красного календаря. Воспитатели в детских садах и учителя должны были прививать советский праздник родившемуся после революции поколению как неоспоримую норму. Ранняя социализация детей занимала видное место в методике и практике организации праздников. Для дошкольников существовали утренники, елки и внеплановые «детские празд-

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1024. Л. 6–7; Ф. 4. Оп. 3. Д. 300. Л. 8; Ф. 76. Оп. 1. Д. 583. Л. 8–8 об.

² ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 72. Л. 2–36; ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 603. Л. 86–88.

³ ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 326. Л. 6; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 892. Л. 2–22.

⁴ См. также: Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism*. P. 98.

⁵ ГАНО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 53. Л. 8–12. Рожденные после Октябрьской революции были в 1930-е гг. не только на особом счету у режима, это была и самая многочисленная группа населения. В 1936 г. она составляла 43 % всего населения Советского Союза. См.: Krylova A. The «Generation not from This Universe»: The «New Soviet Person» in Life and Fiction: Неопубл. доклад на конференции «Historicizing Everyday Life under Communism: the USSR and the GDR», Zentrum für Zeithistorische Forschung, Potsdam (2000); Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Социалистический канон / под ред. Ч. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 32 и сл.

ники»¹. Для юношеского возраста в красном календаре предусматривались свои регулярные праздники. Кроме того, согласно праздничной драматургии, молодежи отводилось привилегированное место в общем строю во время основных советских праздников². Школьники сочиняли к праздничным датам стихи, мастерили, шили, участвовали в шахматных турнирах и составляли букеты цветов. Для них в день праздника организовывали материальное и культурное спецобеспечение и катание по городу в автомобилях³. Помимо всего прочего, дети писали индивидуальные и коллективные письма, которые входили в стандартный репертуар успешной школьной карьеры любого ученика. В этих письмах дети рапортовали руководителям страны о своем «счастливом детстве», включающем и советские праздники⁴.

Внешне советский праздник был дружелюбен детям. На пропагандистских фотографиях запечатлены праздничные шествия и елки, организованные даже для детей, находившихся в детских отделениях ГУЛАГа или учебно-воспитательных учреждениях⁵. Реальная жизнь в этих заведениях — голод, избиения, высокая детская смертность — была далека от праздничной⁶. Но пропагандистские картинки свидетельствуют, сколь важно для режима было показать, что он проявляет заботу даже о детях изгоев общества. Дети занимали высшую ступень в перечне приоритетов, пользовавшихся вниманием режима, особенно в связи с праздниками. Новосибирские педагоги в послевоенные годы с гордостью вспоминали, с каким тщанием они готовили школьников к советским датам или как они сами, будучи в школьном возрасте, участвовали в этих приготовлениях⁷.

---

¹ ЦДНВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 312. Л. 86; ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1177. Л. 21–24; Бежанецкая М. В., Гилевич В. Д. Утренники в дни революционных праздников в детском саду // В помощь учителю. 1936. № 3. С. 40–43.

² ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 71–72; Ф. 1366. Оп. 1. Д. 24. Л. 37–40.

³ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 602. Л. 30; ГАКО. Ф. П. 53. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–3.

⁴ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 202. Л. 16–17, 80. Выдержки из детских писем: *Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents* / eds. L. H. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven, 2000. P. 361 ff.; Журавлев С. В., Соколов А. К. «Счастливое детство» // Социальная история: Ежегодник. М., 1997. С. 159–202.

⁵ См.: Applebaum A. *Der GULAG*. S. 347.

⁶ Ibid. S. 341 ff.; Rittersporn G. T. *Between Revolution and Daily Routine: Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period* // *Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation* / hg. von C. Kuhr-Korolev, S. Plaggenborg, M. Wellmann. Essen, 2001. S. 81 f.

⁷ См. архивированные СО РАН воспоминания: П. Теляков. № 1 (новая перепись). С. 6; Надежда Осиковская. № 101. С. 34 и сл., 42 и сл.; Екатерина Бейман-Пантова. № 142. С. 96. Часть этих воспоминаний опубликована в сборнике Института истории Сибирского отделения РАН: *Школа и учительство Сибири (20-е — начало 30-х годов)*.

Уже в 1930-е гг. советская школа стремилась создать накануне праздника приподнятое настроение. Поведение и записи детей того времени свидетельствуют, что эта цель достигалась. В 1929 г. один комсомолец наблюдал, как соседские дети играли в демонстрацию. Младших детей заставляли маршировать, а старшие, стоя на ящиках, принимали парад. То есть дети поняли принцип иерархичности, в соответствии с которым строился советский праздник¹. Воображаемый праздник нес на себе явный отпечаток партийно-государственного канона. В ассоциативных экспериментах, которые проводились учителями в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в начальных и средних школах Центрально-Черноземной области, проявилась тесная связь представлений школьников о празднике с датами официального календаря. В ответ на «вербальный стимул» — слово «праздник» в 1929 г. более 60 % детей называли праздничные даты «революционного содержания»². Такой же опрос в следующем году дал более 40 % ассоциативных ответов в пользу годовщины Октября и еще 30 % — в пользу 1 Мая³. В других опросах учащиеся многих городов черноземной области проявили тесную позитивную эмоциональную связь с советскими праздниками. На вопрос: «Какому празднику ты радуешься?» — 60 % школьников начальных классов называли праздники советского календаря⁴. Такие

Новосибирск, 1978. С. 26 и сл., 60 и сл., 69 и сл., 110 и сл. Это подтверждается и воспоминаниями, записанными сотрудниками новосибирского завода Сибкомбинат/Сибсельмаш и архивированными на этом предприятии. Об этом пишет, в частности, заведующая детским садом завода Э. А. Лепниск (с. 5). По Кузбассу см. воспоминания И. В. Репина: ГАКО. Ф. П.483. Оп. 1. Д. 421. Л. 193–195, 221. В. Л. Соскин и Л. А. Карневалов, с которыми автор беседовал в 2001 г. в Новосибирске, вспоминали о серьезной подготовке к празднику в их школьные годы в 1930-х гг.

¹ Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 27.

² См.: Райский П. М., Романовский А. Б. Религиозные высказывания детей-школьников // Культурный фронт. 1929. № 9. С. 82 и сл. Подобные исследования с похожими результатами были проведены также в Кузбассе: ГАКО. Ф. 15. Оп. 6. Д. 126. Л. 25–26. Эти исследования продолжали давнюю традицию опросов среди школьников. Во время обсуждений методик проведения опросов систематически указывалось на недопустимость оказания влияния на школьников, чтобы не получить «искаженных» результатов. Здесь еще существовал интерес к собиранию эмпирических данных, допустимыми считались и критические высказывания, которые не исключались с самого начала как что-то крамольное. См. относительно таких опросов также: Сальпикова А. А. Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки: Девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история: Ежегодник. М., 2003. С. 433.

³ Райский П. М., Романовский А. Б. К методике работы по общественно-политическому воспитанию // Культурный фронт. 1930. № 6–7. С. 83–106.

⁴ Романовский А. Б. Нет верующих детей — есть верующие родители // Культурный фронт. 1930. № 6–7. С. 83 и сл.

эмоции, возможно, имели множество причин, не исключая того, что дети и подростки ждали от праздника каких-нибудь подарков¹. Развлечения или подарки — факт остается фактом: советские праздники прочно вошли в сознание детей.

Дневниковые записи также подтверждают, что советские праздники являлись стандартными элементами образа жизни юного поколения 1930-х гг. Школьницы и школьники, в частности Нина Луговская, комсомолка Нина Костерина, молодые люди и студенты Степан Подлубный, Леонид Потемкин, Михаил Шабатин ориентировались в своем свободном времяпрепровождении на праздники красного календаря², несмотря на критику общественных условий и невзирая на применение насилия со стороны режима к их ближайшим родственникам³. Праздники советского календаря стали для них чем-то само собой разумеющимся, не вызывающим сомнения. Восприятие времени какого-нибудь Игната Фролова уже не вписывалось в представления этого поколения. Для него Новый год начинался 1 января советского календаря, а 1 Мая было праздничным днем, неважно какими мероприятиями он сопровождался.

Названные нами молодые люди не были, правда, активистами. Но именно на них опирался праздничный диктат в стремлении овладеть широкими слоями общества, потому что круг функционеров партийно-государственного аппарата в провинциальных городах и в 1930-е гг. был слишком узок, чтобы собственными силами добиться необходимой дисциплины на празднованиях. Советские праздники завоевывали широкие слои населения потому, что вовлекали

---

¹ ГАНО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 306. Л. 30–32.

² Kosterina N. A. Tagebuch. S. 20 f., 27 f., 39; Lugovskaya N. S. The Diary of a Soviet Schoolgirl 1932–1937 / ed. J. Turnbull. Chicago, 2003. P. 23 f., 45 f., 66 f., 92 f., 97 f., 171 ff., 190 f.; Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 80, 100 f., 124 f., 128 f., 145 f., 157, 208 ff.; Potyomkin L. A. Diary // Intimacy and Terror. P. 255; Шабатин М. И. Рязань конца 30-х глазами молодого человека. С. 198.

³ Нина Костерина пережила в 1937 г. аресты сначала двух дядей, затем тети и отца. Несмотря на это, она ходила на новогодний бал, на первомайскую демонстрацию, сама активно участвовала в подготовке годовщины комсомола и считала это естественным: Kosterina N. A. Tagebuch. S. 38 ff., 47 ff., 65 f. Отец Нины Луговской до революции был членом партии эсеров. В конце 1920-х гг. его сослали на Урал, а мать Нины была уволена с работы. Несмотря на это, вплоть до своего ареста в марте 1937 г. Нина Луговская принимала участие почти во всех советских праздниках: Lugovskaya N. S. The Diary of a Soviet Schoolgirl. P. 23 f., 45 f., 66 f., 92 ff., 97 f., 171 ff., 190 f. Отец Степана Подлубного в ходе коллективизации также был подвергнут депортации. В 1937 г. службой безопасности была арестована и его мать. Тем не менее Степан Подлубный не прекращал участия в демонстрациях по советским праздникам вплоть до своего ареста в 1939 г.: Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 271.

в свою орбиту все больше людей, видевших в них важные события и согласовывавших с ними свою личную жизнь. При этом колонизация официальных праздников происходила весьма своеобразно, образуя некий синтез с личными интересами и формами поведения, отличными от официально принятых. Именно эта увязка личной сферы с официальным праздничным канонem и его усвоением и была залогом его действенности за пределом узкого круга активистов.

Присвоение и его своеобразные формы

Колонизация официальных праздников и диктуемых сверху символов жителями советских провинциальных городов принимала разные формы. В процессе коммуникации с партийно-государственными инстанциями различного уровня исполнители снизу подхватывали задаваемые сверху нормы и приспосабливали их столь же своеобразно, сколь и своевольно к собственным потребностям и интересам. Это делалось изобретательно, и часто исполнители выступали больше как самостоятельные «мастера», нежели просто «попутчики». Именно благодаря процессу своеобразного присвоения праздничные даты приобретали значимость на местах, превращаясь из формально декретированных сверху юбилейных дат в события для участвовавших в них людей. На ряде примеров из Воронежской и Новосибирской областей мы покажем далее, как происходил этот процесс трансформации.

Пристрастие советской праздничной культуры к юбилеям открывало перед местными органами возможности для артикуляции и реализации собственных интересов. В 1932 г. Немецкий район в Западной Сибири планировал празднование своего пятилетия в качестве административной единицы¹. Функционеры районного центра Гольдштат наметили в день праздника не только демонстрацию «достижений социалистического строительства» и доказательства «успехов ленинской национальной политики», но и затребовали у новосибирской областной администрации средства на эту демонстрацию. Речь шла о выделении ассигнований на строительство школы и ремонт зданий². Кроме того, поборники местных интересов обратились в Совет народных комиссаров с просьбой предоставить им льготный кредит для колхозов. В обоснование этого ходатайства указывалось на тяжелые годы в истории района, связанные с большими потерями населения в ходе переселения в 1929–1930 гг., неурожаем 1931 г., и

---

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1821. Л. 3–4.

² Там же. Л. 5–9.

подчеркивалось значение праздничной даты в жизни района¹. В данном случае активистам не повезло: их просьбу о предоставлении льготного кредита отклонили, местный праздник был отодвинут на неопределенное время и объединен с 15-й годовщиной Октябрьской революции². Но поддержку в производстве некоторых строительных работ новосибирские органы им все же оказали³. Несмотря на неудачу в осуществлении всех амбициозных планов местных инициаторов, следует отметить их попытку использовать праздничную дату в собственных интересах. Юбилей казался им подходящим моментом для того, чтобы заявить о них в новосибирском и московском центрах.

Два года спустя аналогичная история произошла в Томске. В 1934 г. руководство томского университета также решило провести политическую акцию по случаю импровизированного юбилея. Бывший в то время студентом Владимир Шеляков вспоминал в 1970-е гг., как ректор университета в 1934 г. придумал юбилей, потому что «никто» не хотел ждать до 50-й годовщины в 1938 г. В результате университет отпраздновал открытие главного здания, был назван именем Валерияна Куйбышева, на средства Наркомпроса было построено общежитие и куплены автомобили⁴.

Но и в 1938 г. тоже нашлись юбилеи. К 50-й годовщине томского мединститута в Томске прошла акция по инсценировке «общественного мнения», обращает на себя внимание та уверенность в себе и напористость, с какими юбилеры заявляли о своих правах в Москве и Новосибирске. В ход был пущен весь инструментарий по мобилизации голоса общественности. Производственные коллективы, студенты, школьники, строители и железнодорожники писали открытые письма с выражением «единодушной поддержки» требований мединститута⁵. Говорилось также, что институт должен, наконец, получить достойного покровителя и носить имя Молотова. Помимо чисто символических почестей ему должно было быть предоставлено право присуждать академическую степень доктора медицинских наук. А для того, чтобы юбилей потенциального носителя имени Молотова прошел достойно, требовалось выделить дополнительные средства. Это ходатайство с приложением резолюций в его поддержку было направлено в ЦИК и Совнарком, где принимались окончательные решения, в обком Новосибирска с просьбой о поддержке в москов-

---

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1821. Л. 14.

² Там же. Л. 43–49.

³ Там же. Л. 16–16 об., 34–36.

⁴ См. воспоминания Владимира Шелякова. № 57 (собрание СО РАН, новая перепись). С. 24 и сл.; ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 546. Л. 5.

⁵ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–3, 13–23.

ских органах и лично Вячеславу Молотову, покровительством которого юбиляры надеялись заручиться¹. Здесь мы имеем дело не только с проявлением местной инициативы по использованию праздничного повода и «общественного мнения» для заявления местных интересов перед административными центрами. Бурная активность, развернутая отцами города Томска, свидетельствует о логике обоснования требований: она устанавливает тесную связь между символическим событием в жизни местного учреждения и материальными интересами, как это было типично для 1930-х гг. Праздничная дата официально использовалась для обоснования права учреждения на символическое присвоение имени Вячеслава Молотова, что, в свою очередь, служило обоснованием для выдвижения материальных требований. Одно было связано с другим, и эти требования нельзя сводить только к удовлетворению первоочередных «шкурных интересов». Предположение, что заинтересованность в получении материальных благ здесь перевешивала над стремлением к повышению символического статуса, было бы неверным и надуманным. Удовлетворение интересов было контекстуально обусловлено и тем самым интегрировано в символичный универсум Советского Союза. Материальные блага и символичные почести находились в непосредственной взаимосвязи, их нельзя разделить в логической цепочке, которая руководила действиями людей той эпохи. Местная инициатива преследовала две цели: получение почетного имени Вячеслава Молотова и строительство новых университетских зданий. И оба требования вполне обоснованно заявлялись в связи с юбилеем. Праздничная дата служила здесь исходным пунктом аргументации, использованной для заявления о законности партикулярных интересов местного сообщества перед вышестоящими инстанциями. При этом не столь уж и важно, кто являлся движущей силой этой инициативы в Томске. Главное, что, по всей видимости, локальное сообщество тех, кто участвовал в инсценировке выражения «общественного мнения», действительно рассматривало локальные интересы как свои собственные. Организованный по случаю юбилейной даты хор общественности послужил здесь медиумом для выражения мнения томского сообщества.

С весьма схожими требованиями выступил в 1935 г. расположенный близ Новосибирска район Горная Шория. Там предполагалось отпраздновать в следующем году 10-летие образования района. В преддверии праздника райисполком представил крайисполкому Новосибирска каталог мероприятий со сметой расходов, предполагая, что их финансирование должен будет взять на себя региональный центр. Речь шла о сумме почти в 100 000 рублей, запланированных

---

¹ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 53. Л. 20.

в основном на инфраструктурные объекты, начало строительства или сдачу в эксплуатацию которых местное партийное руководство приурочило к празднику. Районные руководители не скупились на решительные интонации в своем обосновании: «Крайисполком должен предоставить эту помощь, чтобы праздничные мероприятия вообще состоялись»¹. То есть функционеры из провинции прибегли к угрозе срыва праздника, чего, как ожидалось, не захотят и не должны допустить новосибирские начальники. Проведение праздника являлось, по их логике, правом местного руководства и соответственно обязанностью вышестоящего центра.

Такой же аргументации следовали и на более низких ступенях административной лестницы. Представители многих сельсоветов по случаю разных юбилеев обращались в районный центр, чтобы получить толику того, что мог дать Новосибирск. Спектр требований был широк: так, намечалось за счет внешнего финансирования закончить к празднику разбивку парка культуры и отдыха²; ждали поставку определенных товаров³ и средств на ремонт тротуаров к празднику⁴. И в этих случаях мы можем отметить твердость, с которой заявлялись претензии, этот тон свидетельствовал об уверенности требующих в убедительности своих аргументов. «Нам нужно следующее» — так начинали функционеры из Усинска длинный перечень запросов, от предоставления льгот по кредитам и кончая поставками цемента⁵. Местные функционеры рассматривали праздник как повод для получения подарков. То есть и в иерархической системе патерналистских отношений «патрон—подопечный» у подопечного могут быть «оправданные» претензии, основанные на обычном праве, о которых он может заявлять с известной настойчивостью. Выделение денег и предоставление прочих благ по случаю советского праздника как раз и было теми требованиями, на которых местные административные образования настаивали с такой непосредственностью. Связь между праздником и получением даяний в немалой степени объясняет популярность советских праздничных дат среди местных функционеров.

Схожая модель отношений наблюдалась также в сфере коммуникации между отдельными учреждениями и вышестоящими организациями. Предприятия, учреждения или объединения всегда обращались к компетентным административным органам со своими требованиями по поводу праздничных и юбилейных дат. Это подтверж-

---

¹ ГАКО. Ф. Р.64. Оп. 2. Д. 298. Л. 9–14; Д. 325. Л. 11–14 об.

² Там же. Д. 334. Л. 35–37.

³ Там же. Д. 319. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 298. Л. 84–85.

⁵ Там же. Д. 298. Л. 19.

дается на примере редакции газеты «Советская Сибирь»¹, металлургического комбината имени Сталина в Сталинске², государственного цирка³ или коллективов шахт в Кемерово⁴. Воронежский университет запрашивал в 1938 г. государственные дотации на свой 20-летний юбилей, включив в каталог требований автомобиль, асфальтирование подъездной дороги и новый дом для университетского персонала⁵. Для обоснования этих требований ссылка на праздничную дату имела огромное значение. Аргументация администрации университета гласила, что юбилей должен быть достойно обставлен, для чего требуется также финансовая поддержка из городского бюджета на проведение юбилейной конференции с праздничным банкетом. Таких ссылок на праздничные даты в 1920–1930-е гг. был легион.

Празднование юбилейных дат отдельными организациями превратилось в массовое явление. Нередко высшие партийные и государственные органы были вынуждены вмешиваться, чтобы умирить их пыл. Уже в конце 1920-х гг. Совнарком жаловался на чрезмерное нарастание числа юбилеев и потребовал их сокращения⁶. В 1940 г. новосибирский обком партии еще раз счел необходимым подтвердить это требование⁷. В апреле 1941 г. Совнарком принял окончательное решение, согласно которому можно было отмечать лишь 10-, 50- и 100-летние юбилеи, да и то только с согласия Совнаркома. С «нездоровой практикой» юбилеямания пора было наконец покончить⁸.

Такая же тенденция возникла в области переименований предприятий и учреждений. Президиум ЦИК СССР и Политбюро были вынуждены в 1930-е гг. непрерывно заниматься рассмотрением топонимических заявок, большинство из которых отклонялось⁹. Такая стихийность, или «самотек», т. е. неуправляемая и неконтролируемая собственная инициатива, была подвергнута осуждению уже в 1920-е гг. Центральные инстанции в Москве и в регионах пытались пресекать формы «стихийного присвоения имен» на местном

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

² ГАНО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 295. Л. 85–87; НФГАКО. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 267. Л. 52–62 об., 87–114.

³ ГАНО. Ф. 896. Оп. 1. Д. 245. Л. 8–10; Д. 353. Л. 108–109.

⁴ ГАКО. Ф. Р.18. Оп. 1. Д. 350. Л. 1.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2249. Л. 301.

⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 16. Л. 66, 71; Д. 19. Л. 52.

⁷ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 229. Л. 6 об.

⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 186. Л. 1 (решение СНК 886).

⁹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 61. Л. 1–2; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952 / под ред. Г. М. Адибекова, К. М. Андерсона, Л. А. Роговой. М., 2000. Т. 2.

уровне¹. В 1930-е гг. наименованиям опять стали придавать возросшее значение. Соответственно активизировалась деятельность многочисленных агентов на местах, пытавшихся получить для своего учреждения громкое имя и возможную в связи с этим поддержку высокопоставленного патрона. Стандартизация топонимики в Советском Союзе своими быстрыми темпами не в последнюю очередь была обязана этому движению². Нередко заявки на переименование обосновывались ссылками на юбилей того или иного учреждения.

Подобная колонизация в сфере праздничной культуры касалась не только ведомственных юбилейных дат. Лоббизм групповых интересов часто наблюдался и в связи с главными праздниками красного календаря. Например, ветераны революции и Гражданской войны представляли собой активную группу, которая как в Новосибирске, так и в Воронеже донимала региональную администрацию требованиями предоставления различных льгот. Ссылаясь на принесенные жертвы в легендарные годы образования Советского Союза, бывшие революционеры, красноармейцы и партизаны напоминали потомкам об их долгах. При этом они старались воспользоваться своим почетным местом в праздничной драматургии, включавшей также «вечера воспоминаний» по случаю годовщин Октябрьской революции и дни памяти о событиях Гражданской войны, чтобы привлечь внимание к своим проблемам. Так, новосибирские «красные партизаны» жаловались в 1939 г. по случаю годовщины освобождения Сибири на свое бедственное материальное положение и старались получить к празднику медали и почетные знаки³. В Воронеже ветераны в том же году в связи с 20-й годовщиной освобождения Воронежа от белогвардейских банд выступили с инициативой, стремясь, во-первых, к увековечению своих заслуг, а во-вторых, к улучшению своего материального положения. В адрес первого секретаря обкома Владимира Никитина в этой связи поступали многочисленные письма, заявления в поддержку и предложения по корректировке проекта памятника⁴. Памятник, сооружения которого добивались ходатаи, построен не был, так как у областного центра не хватило средств, но региональные власти старались путем выплаты премий, выдачи значков и грамот, оказания поддержки инвалидам и приведения в порядок существующих мемориальных объек-

---

¹ ГАКО. Ф. Р.22. Оп. 1. Д. 108. Л. 83–84 об.

² См. по этому вопросу также: Rolf M. The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk, and Kemerovo in the 1930s // *Personality Cults in Stalinism — Personenkulte im Stalinismus* / eds. K. Heller, J. Plamper. Göttingen. 2004. P. 197–206.

³ ГАНО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 300. Л. 45; Ф. 5. Оп. 3. Д. 229. Л. 1–7.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2754. Л. 290–291; Д. 2952. Л. 23–23 об.

тов удовлетворить чаяния ветеранов¹. Похожая ситуация сложилась в 1940 г. в Ленинске-Кузнецком. Члены семей жертв Гражданской войны вместе с оставшимися в живых участниками акции протеста в период «белой оккупации» выступили с инициативой строительства памятника в честь 500 казненных рабочих-горняков. Этот проект также не был реализован из-за нехватки финансовых средств у местной и областной администрации, в результате родственникам погибших и современникам тех событий пришлось довольствоваться более скромными подарками и почетными грамотами².

Во всех таких случаях участники акций не только ловко пускали в ход свой легендарный статус для извлечения из него выгоды путем напоминания патерналистскому режиму о его обещаниях и оказании на него давления с помощью соответствующей аргументации, но и использовали в качестве повода для артикуляции своих собственных интересов даты советского календаря. Некоторые партизаны оказались настоящими коллекционерами. В 1939 г. в Воронеже состоялась проверка лиц, которые претендовали на получение медали за особые заслуги в годы Гражданской войны, и в результате выяснилось, что десять из семнадцати партизан уже получили эту награду в 1934 г. по случаю 15-й годовщины³.

Примеров столь своеобразного присвоения общественных праздничных дат и попыток получения средств у вышестоящих административных органов имеется множество. Так, томские студенты в связи с 19-й годовщиной Октябрьской революции потребовали наконец решить проблему снабжения электроэнергией студенческих общежитий⁴, воинские части по случаю годовщины Красной армии старались добиться у областной администрации ремонта казарм⁵, а дирекция школ пыталась в 1928 г. и еще раз в 1934 г. воспользоваться официально провозглашенными «культурными походами», чтобы побудить власти заняться улучшением школьной инфраструктуры⁶. Директора музеев финансировали свои выставки к праздникам за счет спецсредств, выделенных областной администрацией⁷, Союз безбожников старался по случаю юбилея союза повысить свой статус в глазах партийного руководства⁸, а организации и предприятия.

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2779. Л. 5–6; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 231. Л. 123.

² ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 228. Л. 77; Д. 231. Л. 123.

³ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2952. Л. 22.

⁴ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 53. Л. 10–12.

⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 421. Л. 3.

⁶ ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 280; ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3327. Л. 5–9.

⁷ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2328. Л. 54 об. – 55; ГАНО. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 328. Л. 54.

⁸ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 165. Л. 13.

как правило, стремились приурочить к праздничным датам улучшение материального положения своих сотрудников и их семей¹. Все эти учреждения вынуждены были конкурировать между собой за получение ограниченных средств из областных бюджетов. И все они использовали в своих целях главные праздники советского календаря, так как ориентация на него была характерна для всего образа мышления того времени. Внутреннее стратегическое планирование различных организаций и групп постоянно воспроизводило официально принятый порядок летосчисления, сообразуя с ним свой каталог требований. Это была форма креативного и весьма своеобразного присвоения официального праздничного канона, которая в то же время закрепляла его даты в потоке повседневной жизни и в процессе коммуникации людей.

В этот поток включались в том числе частные инициативы многих людей, также использовавших праздничные даты в собственных интересах. Например, в 1929–1932 гг. некто Н. Гончаренко досаждал партийным функционерам в Кемерово и Новосибирске, упорно добиваясь получения обещанных ему десять лет назад серебряных часов. По словам Гончаренко, эти часы ему полагались в 1921 г. за службу в годы Гражданской войны, но он так и не получил их и теперь хотел воспользоваться своим правом. Когда местные власти и в 1929 г. остались глухи к его ходатайствам, Гончаренко обратился в 1932 г. лично к Сталину с просьбой наградить его часами к 15-й годовщине Октябрьской революции². Это письмо было перехвачено новосибирским крайкомом и направлено в кемеровский горком для ликвидации старого государственного долга. В конце концов Гончаренко получил таки свои часы³. Он не только сумел использовать иерархическую структуру государственного режима в своих интересах, но и избрал для этого хороший аргумент, сославшись на юбилей революции.

Такую же стратегию и аргументацию мы обнаруживаем и в других случаях. Праздничные даты служили основанием для подачи заявлений на отпуск⁴, для получения билетов на культурные мероприятия⁵, ими нередко пользовались для доносов на нелюбимых коллег и современников⁶. Поток доносительства, который стал возможен при содействии Москвы и использовался ею в качестве средства давления на местные и региональные структуры, захлестнул и советский

---

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 295. Л. 85–87; Ф. 22. Оп. 3. Д. 848. Л. 1–4.

² ГАКО. Ф. Р.18. Оп. 1. Д. 350. Л. 15.

³ Там же. Л. 16–20.

⁴ ГАНО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 300. Л. 8.

⁵ ГАКО. Ф. Р.64. Оп. 2. Д. 338. Л. 21.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 761. Л. 25–33; ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 991. Л. 2–21.

праздник. В частности, был написан донос и на германского консула в Новосибирске Вильгельма Гроскопфа. В 1934 г. он приехал на официальный прием областной администрации по случаю 15-й годовщины Октябрьской революции с опозданием и «в сильно подвыпившем состоянии»¹. Часто донос был первым произведением, которое выходило из-под пера бывших неграмотных², а праздник — поводом для этого акта посвящения. В толпе празднующих сновали также шпики, которые брали на заметку «настроения населения». В донесениях секретной службы все время фиксировались «антисоветские» высказывания празднующих³. Степан Подлубный получил в 1934 г. задание НКВД записывать, что люди «говорили» во время ноябрьских празднований⁴. Методисты также предусматривали в своих разработках такие посты наблюдения⁵.

Праздником можно было воспользоваться также для отклонения обвинения. Когда редактора прокопьевской газеты «Ударник Кузбасса» П. А. Садова в 1940 г. обвинили в высказывании, что стахановцам надо бы поголодать, он оправдывался, что как раз писал статью о том, как отмечали праздник передовики производства⁶. То есть праздник мог служить поводом и для вынесения обвинения, и для самооправдания.

Помимо всего прочего, праздник отражал тягу советских граждан ко всякого рода юбилеям. В обкомы потоком шли планы организации праздников по случаю юбилеев. На этом фоне выделялись театральные деятели. Актеры и режиссеры постоянно просили разрешения отметить круглые даты в жизни театров, чтобы получить необходимые ассигнования на свои празднества⁷. В этом же ряду стояли директора цирков, библиотек, преподаватели музыкальных учебных заведений, старавшиеся заручиться поддержкой и пополнить свой бюджет для организации персонально-общественных праздников⁸. Далеко не все придерживались принятого порядка подачи заявлений, как показывают, в частности, запреты на проведение юбилейных торжеств без разрешения новосибирской областной адми-

---

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 196. Л. 79–80.

² Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 819 ff.

³ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 80–84; Ф. 104. Оп. 1. Д. 114. Л. 234.

⁴ Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 172 f.

⁵ Суслович П. П. Зритель массового праздника // Массовые празднества: Сборник комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 194.

⁶ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 230. Л. 54–60. Садов в данном случае не добился успеха. Он был уволен со своего поста: Там же. Д. 229. Л. 3 об.

⁷ ГАНО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 331. Л. 1–2; Ф. 896. Оп. 1. Д. 353. Л. 17–20.

⁸ ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1024. Л. 19; Ф. 896. Оп. 1. Д. 353. Л. 103–107.

нистрации¹. Линия партийного государства на организацию праздников нашла своих подражателей среди людей с повышенной общественной активностью. Через них праздничная экспансия шла «снизу».

Все эти примеры свидетельствуют о том, что все участники процесса — представители организаций, группы лоббистов и просто отдельные граждане рассматривали праздник в качестве подходящего повода для выдвижения своих требований и привлечения к ним внимания. Все они наполняли советский праздник своим собственным смыслом, колонизируя его для выражения собственных интересов. Но тем самым они повышали значение официального праздничного канона в организации собственной жизни. Используя его в качестве инструмента для достижения своих целей, они конституировали его значимость за рамками принуждения и декретированной сверху праздничной дисциплины. Праздники приобретали для них двойной смысл. Во-первых, это был повод для ведения в той или иной форме разговора с инстанциями партийного государства. То есть праздник либо уже являлся общепринятой датой, с которой надо было соотносить стратегию поведения, либо мог с течением времени превратиться в такую никем не оспариваемую дату. Советизация времени свершилась для всех тех, кто стремился использовать праздник в качестве коммуникативного медиума.

В 1930-е гг. произошел процесс резкого усиления влияния партийного государства на процесс общественной коммуникации, что отразилось также на возрастающем значении праздников для установления контактов с государственными учреждениями. Праздник стал той средой, где люди с партийным билетом или без него встречались с партийным государством, олицетворявшим систему патерналистского господства, где можно было выражать свои чаяния и добиваться их воплощения. Принимая участие в игре под названием «общественный праздник», они овладевали ресурсом для коммуникации с властями. Они могли использовать этот ресурс для решения своих проблем, соблюдая при этом правила коммуникации, установленные властным режимом. Участие в советском празднике было одним из этих правил.

Но советская праздничная культура в ее чистой форме, существовавшей в представлениях экспертов и функционеров от культуры, в этом процессе встреч между режимом и людьми не возникала. Советская праздничная культура как результат общественного взаимодействия развивалась скорее как сплав различных влияний.

---

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 229. Л. 6 об.

В процессе внедрения в общественную жизнь официальных праздничных стандартов оказалось, что можно совмещать ритуалы, которые и современными догматиками, и многими историками более позднего времени объявлялись несовместимыми. Культурная практика 1920-1930-х гг. многократно подтверждала возможность гармонизации советской и религиозной праздничной систем или соответствующих календарных циклов. Уже во время Великого перелома советские революционеры от культуры не только резко нападали на «оживление религии», которое виделось им в период НЭПа, но и метали свои критические стрелы в адрес тех, кто допускал соединение друг с другом партийно-государственных и церковных символьных и ритуальных практик.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. проводились опросы во многих начальных и средних школах Центрально-Черноземной области, и результаты их для советских педагогов и борцов антирелигиозного фронта были весьма неутешительными. Согласно опросам 1929 г., в разных школах тамбовского региона в одних и тех же семьях часто праздновались и советские, и церковные праздники. На вопрос: «Какие праздники вы отмечаете дома?» — учащиеся со второго по девятый класс почти в 40 % ответов признавались, что в их семьях отмечали даты и церковного, и советского календарей¹. Эти опросы указывают на феномен, подтвержденный дневниковыми записями, сделанными в следующем десятилетии: революционные и религиозные праздники отмечались параллельно, в некоторых семьях они даже были почти равноправными. Крестьянин Игнат Фролов писал в своем дневнике, что для него были важнее религиозные праздники, но он не чурался и советских дат. Так, в 1937 г. он принял участие в демонстрации по случаю 20-й годовщины Октября в Коломне². Похожие записи есть также в дневнике Михаила Шабатина: незаметно, чтобы совмещение церковных и советских дат составляло для него проблему. Ни в одной записи нет и тени замешательства из-за противоречивости обоих праздничных циклов, которые он соблюдал³. Таким же совместителем обеих праздничных систем оказался Андрей

---

¹ Онуфриев Н. Религиозные настроения учащихся школ II ступени // Культурный фронт. 1929. № 7. С. 64 и сл. Из 1 677 опрошенных 634 школьника (ок. 38 %) указали, что отмечались оба праздника. Эти результаты примерно соответствуют другим проведенным в Воронеже исследованиям. См.: Райский П. М., Романовский А. Б. Религиозные высказывания детей-школьников // Культурный фронт. 1929. № 9. С. 82 и сл.

² Frolov I. D. Diary. P. 48.

³ Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 271.

Аржиловский. В его календаре нашли место как религиозные, так и революционные праздники. Его семья отмечала равно и 1 Мая, и Пасху¹. Лев Горнунг, будучи сотрудником отдела образования, регулярно посещал обряды религиозных праздников². Исаак Бабель в начале 1930-х гг. писал матери в одном и том же письме о своем участии в параде 1 Мая и о том, что дома он ел мацу в честь еврейского праздника Песах³. Даже те, кто сознательно стремился приобщиться к сообществу новых «советских» людей, не отрекались окончательно от традиционных дат церковного календаря. Так, в дневнике Зинаиды Денисевской есть пометки, касающиеся религиозных праздничных дат, хотя автор записей больше не относилась к числу активных участников церковных обрядов. В начале 1930-х гг. она, напротив, была вся устремлена в сторону советского сообщества. Если в 1928 г. Денисевская находилась пока только в числе зрителей праздничной демонстрации, то теперь она активно принимала участие в демонстрации и призналась в своем дневнике, что в момент «слияния» с «тысячеголовой массой» ею овладело «Мы-чувство»⁴. И все-таки, несмотря на это, религиозные праздники казались ей важными датами, достойными регулярной фиксации в дневнике. Православный календарь в ее жизни еще не утратил значения определенного временного ориентира, к которому невольно обращался ее мысленный взор⁵.

Эти дневниковые записи перекликаются с воспоминаниями современников. Так, Иван Гудерьян рассказал, что в середине 1930-х гг. ходил на демонстрации по официальным праздникам, а в церковь — когда отмечались главные религиозные праздники. А Леонид Карневалов вспоминал, что даже в его семье — отец был сотрудником Роберта Эйхе, первого секретаря западносибирского крайкома, кулич по-прежнему значился в семейном меню, хотя члены семьи ходили уже только на майский парад, а не в церковь⁶. Очевидно, для этих лю-

---

¹ Arzhilovsky A. S. Diary. P. 118 ff., 135 f., 156 f., 159 f.

² Gornung L. V. Diary // *Intimacy and Terror*. P. 105; Чуковский К. Дневник: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 188 и сл.

³ Babel I. Briefe 1925–1939 / hg. von G. Hacker. Münster, 1995. S. 173 f.

⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 4. Записи от 7 нояб. 1930 или 1 мая 1931.

⁵ Записи от 20 апр. 1930 или 12 апр. 1931.

⁶ Автор беседовал с обоими в Новосибирске. И. Г. Гудерьян, отец которого был поляком и работал в Бердске, родился в 1918 г., Л. А. Карневалов — в 1923 г. Оба были арестованы вместе с родителями в 1938 г. и осуждены к отбыванию наказания в лагерях. О параллельном существовании традиционных и религиозных праздников как в городе, так и в деревне, см. также: Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 206 ff., 270 ff.; Hoffmann D. L.

дей слияние советского и церковного праздничных календарей и ритуальных канонов не представляло проблемы. Когда в апреле 1937 г. один партийный функционер спросил рабочего кожевенной фабрики, готовится ли он к празднованию 1 Мая или Пасхи, тот ответил ему откровенно и без видимых признаков чувства вины, что «к обоим»¹. Степан Подлубный объяснял это особой любовью русских к праздникам, которая была чертой их национального характера: «По моим наблюдениям, русские радуются каждому празднику, все равно какому»².

Такую терпимость проявляли даже члены партии. Оскар-Мария Граф во время своей поездки по Советскому Союзу в 1934 г. повстречался с коммунистом, активно выступавшим за то, чтобы снова открыли церковь в его колхозе³. А ревнители нравов из коммунистов регулярно с досадой констатировали тот факт, что в домах членов партии и комсомольцев и даже активистов-безбожников все еще висели иконы и отмечались религиозные праздники, сопровождавшиеся празднично накрытыми столами или возлияниями. На вопрос, почему они это допускали, коммунисты и комсомольцы, как правило, оправдывались тем, что либо бабушка, либо жена верили в бога⁴.

Совместимость, собственно говоря, конкурирующих праздничных систем в значительной степени объяснялась сознательным заимствованием церковных ритуальных приемов советскими функционерами от культуры, чтобы сделать советский праздник привлекательным для тех, кого они хотели «вырвать из лап религии». Так, торжественное собрание участников советского праздничного спектакля могло опираться на православное чувство *соборности*⁵. Для Зинаиды Денисевской, изведавшей чувство внутреннего единения в процессе совершения коллективного ритуала, это переживание было именно тем моментом, который привлекал ее в праздниках. Выйдя на demonstra-

---

Peasant Metropolis. P. 170 ff.; Rittersporn G. T. Das Kollektivierte Dorf in der bäuerlichen Gegenkultur // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. S. 161 f.

¹ Цит. по: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 19.

² Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 271.

³ Graf O. M. Reise nach Sowjetrußland 1934. Berlin, 1979. S. 132 f.

⁴ ГАНУ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 321. Л. 34–34 об.; Ф. 196. Оп. 1. Д. 305. Л. 14–17; Отчет о работе областной РКИ. Воронеж, 1930. С. 29.

⁵ Под «соборностью» в русском православии понималось переживание якобы демократически организованным сообществом верующих своего единства. Кроме того, «соборность» была воспринята символистами в качестве театральной концепции. Символисты играли определяющую роль в оформлении ранних большевистских массовых зрелищ. См. на эту тему: Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, 1995. P. 81 f.

цию 1 Мая 1932 г., она почувствовала, как ушла вся «церковность» и как чужды ей стали православные ритуалы. Ее переживания в толпе празднующих 1 Мая сильно напоминают перенос ранее известного ей чувства соборности на новую ритуальную практику¹.

Кроме того, советский праздник впитал в себя целый ряд ритуальных сторон и сакральных выразительных средств, заимствованных не обязательно у православного богослужения непосредственно. Взять хотя бы установку традиционной рождественской елки или обоз украшенных телег на празднике урожая. Все это перелицованные на советский лад традиционные обычаи, разительно похожие на своих предшественников².

Ввиду такой схожести оригинала и копии неудивительно, что крестьяне ошибочно принимали большевистские праздничные демонстрации за христианские процессии. Так, иногда они приносили на демонстрацию иконы и снимали головные уборы, заведя колонны на марше, так как считали их церковным крестным ходом³. Верующие-христиане достаточно часто принимали коммунистов за приверженцев иного вероисповедания. Например, православные из крестьян лаконично констатировали, что собрания коммунистов в «красных уголках» — то же самое, что церковная служба у православных⁴. Современники ставили большевистские ритуалы и символы в один ряд с их религиозными эквивалентами⁵. Подобная схожесть облегчала, естественно, их более широкое распространение в обществе. Хорошо знакомое легче было адаптировать к потребностям нового строя.

---

¹ Зинаида Денисевич: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 4. Очень похожим было восприятие также у значительно более юной Нины Луговской в 1934 г.: *Lugovskaya N. S. The Diary of a Soviet Schoolgirl*. P. 97 ff. За год до этого она также зафиксировала в своем дневнике чувство отчужденности ввиду неучастия в празднованиях (с. 45). О том же свидетельствовал член партии, процитированный у Ш. Фицпатрик: *Fitzpatrick S. Happiness and *Toska*: An Essay in the History of Emotions in Pre-war Soviet Russia* // *Australian Journal of Politics and History*. 2004. Vol. 50. № 3. P. 369.

² ЦДНВО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 34. Л. 9; Баратов Б. И. Праздник первой борозды. М., 1930. С. 24 и сл. О слиянии символов см. также: *Blomqvist L. E. Introduction* // *Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe* / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 8 ff.; *Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley, 1997. P. 7 ff.; Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 99 и сл.

³ См.: *Binns C. Sowjetische Feste und Rituale, I* // *Osteuropa*. 1979. № 29. H. 1. S. 14. См. также: *Figes O., Kolonitskij B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917*. New Haven, 1999. P. 127–152; *Steinberg M. D. Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925*. Cambridge, Mass., 2002. P. 247 ff.

⁴ ЦДНВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 371. Л. 11–12.

⁵ Об этом, в частности, у Аржиловского: *Arzhilovsky A. S. Diary*. P. 118.

Но интеграция традиционных форм происходила не путем вытеснения старинных религиозных праздников и ритуалов, а посредством гармонизации обеих праздничных систем, что в перспективе включало исчезновение стражей морали с обеих сторон. Так, традиционный пасхальный кулич уже не возбранялось отведать и на 1 Мая, даже если он до этого был освящен в церкви¹.

В качестве общего знаменателя параллельно практикуемых празднований церковного и советского календарей появился некий культурный синкретизм. Так же, как церковные праздники за долгую историю существования «народной религиозности» и многоверия обогатились различными ритуалами нелитургического происхождения, которые все более интегрировались в официальную организацию праздников, советские праздники восприняли устоявшиеся до них праздничные элементы, включая их в своего рода «народный социализм», а тот, в свою очередь, служил источником санкционированной или, по крайней мере, допустимой общественной практики². Такие моменты гармонизации символьных и праздничных систем в жизненных мирах людей указывают на то, что непримиримость противоположных мировоззрений, характерная для идеологов с той и другой стороны, сглаживалась в общественной практике. В повседневной жизни людей находили примирение между собой вытекающие из весьма различных референтных систем и традиционных линий официально предписанные модели поведения. Таким образом, многоверие как слияние различных систем веры и соответствующих им ритуалов продолжало иметь место и в Советском Союзе.

То же самое можно сказать не только о религиозных практиках и праздничных формах, но и о других давно устоявшихся моделях поведения, традиционно связанных с празднованием всевозможных праздников. Многое из этого пережило рубеж 1917 г. и вошло в ткань своеобразной советской праздничной культуры. Советский праздник при этом пропитывался традициями. Употребление спиртных напитков, несомненно, относится к числу этих традиций. Как водится, в праздники, особенно в деревне, изрядно выпивали. Судя по воспоминаниям и другим источникам до- и послереволюционного времени, деревенская община представляла собой на праздники картину коллективного пьянства³.

---

¹ По воспоминаниям Ларисы Гуровой.

² См. о «многоверии»: Lewin M. *Popular Religion in Twentieth-Century Russia*. P. 57 ff.; Sinjawsij A. Iwan der Dumme. *Vom russischen Volksglauben*. Frankfurt/Main, 1990. S. 233 ff.

³ См.: Altrichter H. *Die Bauern von Tver*. S. 103 ff.; Braun M. *Vremja golovokruženja* — Zeit des Schwindels. Der alkoholische Rausch als Geste kulturellen Beharrens in der Sowjet-

В противоположность этому советский праздник, по крайней мере в идеале, был праздником трезвости. Идеологи советского праздника уделяли большое внимание вытеснению спиртного из праздничного пространства. Вот что писал, к примеру, А. В. Луначарский: «*Может быть, что без помощи, но также и без вреда Дионисия дело [праздник] будет происходить чуточку скорее, но зато намного приличнее*»¹. Но, чтобы настроение все-таки было праздничным, Н. И. Подвойский в 1927 г. написал: «*Мы предлагаем общий чай, лучше всего с выпечкой, но без бутербродов с 'добавкой' [то есть без водки]*»². Соответственно запрет на продажу и розлив алкогольных напитков во время советских праздников, в частности в 1929 г., сопровождался большой пропагандистской шумихой³. Во время этой кампании праздник Пасхи заклеямили как повод для коллективного пьянства, что служило доказательством церковной политики одурманивания масс, одновременно советские функционеры от культуры преподносили советские празднества как действия, свободные от порока пьянства и алкоголизма. Эмоциональность и радостное настроение следовало черпать из других источников — совместного пения и танцев⁴. Однако, как явствует из многочисленных источников, культура трезвости не прижилась за десять послереволюционных лет и в городе. Судя по письмам школьников и письмам, попавшим в архивы цензурного ведомства, потребление алкоголя во время городских праздников отнюдь не прекратилось⁵. В 1926 г. в центре Красноярска в дни советских праздни-

---

union der 1920er und 1930er Jahre // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2003. № 51. Н. 10. С. 901 ff.; Burds J. Peasant Dreams and Market Politics. Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, 1998. P. 173 ff.; Нарский И. В. «Пьяная революция»: Население и алкоголь на Урале в 1917 г. // Урал в событиях 1917–1921 гг.: Актуальные проблемы изучения / под ред. И. В. Нарского. Челябинск, 1999. С. 193–212; Phillips L. L. Bolsheviks and the Bottle. Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929. DeKalb, 2000. P. 50 ff.

¹ Луначарский А. В. О народных празднествах // Луначарский А. В. О театре и драматургии. Русский дореволюционный и советский театр. М., 1958. Т. 1. С. 193.

² Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников. М., 1927. С. 7.

³ Праздник культуры и отдыха. Без водки и «куличей» // Коммуна. 1929. 28 апр. С. 4.

⁴ Библия за пьянство! // Воронежская коммуна. 1927. 20 апр. С. 3; Елизаров И. Я. Праздники настоящего и праздники прошлого. Религиозные и общественные праздники. Л., 1926. С. 5; Сирвиндт Е., Траскович Ф., Гернет М. Проблемы преступности: Сб. М., 1927.

⁵ Обыденный НЭП. Сочинения и письма школьников 20-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. Т. 3. М., 1993. С. 275 и сл.; Izmozik V. S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // Russian Review. 1996. Vol. 55. № 2. P. 297 ff.

ков случались массовые драки, да и в последующие годы, по сводкам сибирских властей, по праздникам в Новосибирске и Кузбассе пьяные затевали многочисленные потасовки¹. Из Воронежа поступали такие же сведения. В 1927 г. газеты сообщали о драках в преддверии 1 Мая, а в 1928 г. ОГПУ фиксировало многочисленные случаи распятия спиртного во время майских торжеств². Таким образом, в конце 1920-х гг. праздник и употребление спиртного были двумя сторонами одной медали³.

Но и в 1930-е гг. официально объявленная «победа над водкой» осталась благим пожеланием большевистских борцов за трезвость⁴. Так, Андрей Аржиловский отразил в своем дневнике наблюдения над тем, как пили по праздникам: «Было бы интересно подсчитать, сколько пива и водки выпивалось во время празднования годовщины. Похоже, существует общая тенденция: до обеда идут представления; после парада начинаются возлияния»⁵. В селах Ермаковского и Павловского районов в Западной Сибири в 1934 г. правления колхозов организовали по случаю праздника урожая «вечер колхозника», праздничный стол был уставлен водкой, после чего наступила вынужденная многодневная передышка в работе⁶. На предприятиях по официальным праздничным дням тоже выпивали больше, чем позволяла трудовая дисциплина. Пьяные передовики производства, случаи прогулов в результате злоупотребления алкоголем, похмельные лица у людей, обслуживающих праздник, пьяные дебоши членов партии на производственных собраниях, подвыпившие демонстранты — все это регулярно фиксировалось во внутренних донесениях информантов и свидетельствовало о тесной связи праздника и зеленого змия⁷.

С середины 1930-х гг. тема потребления алкоголя как элемента советского праздника все чаще стала фигурировать и в официальном дискурсе, что свидетельствовало о принципиальной готовности признать спиртное спутником новой праздничной традиции. Начала развиваться культура советского праздничного тоста, а «правильные»

---

¹ ГАНО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 618. Л. 37; ГАКО. Ф. П.51. Оп. 1. Д. 238. Л. 8–21.

² ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 79; В Ботаническом саду // Воронежская коммуна. 1927. 4 мая. С. 4.

³ См., в частности: Chase W. Workers, Society, and the Soviet State. Labor and Life in Moscow, 1918–1929. Urbana, 1990. P. 181 f.; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города, 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 27 и сл.

⁴ Вяткин В. Победа над водкой. Новосибирск, 1931.

⁵ Arzhilovsky A. S. Diary. P. 120.

⁶ ГАНО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 216. Л. 1–5.

⁷ ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–7.

спиртные напитки вошли в обиход праздничных мероприятий и стали преподноситься как выражение нового советского культурного образа жизни. Умеренность в питье была признана нормой, вошедшей в стандартный репертуар официального праздничного сценария. В 1936 г. А. И. Микоян сформулировал эту максиму следующим образом: «При царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили, именно, чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь. [...] Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напешься... Весело стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять и не во вред здоровью»¹.

Однако были руководящие партийные кадры, которые толковали слова «можно немножко выпить» расширительно и устраивали по праздникам попойки². Но алкоголь неизменно присутствовал в официальной праздничной культуре не только на государственных дачах партийной элиты. Некоторые известные места отдыха — такие, как Парк культуры и отдыха им. Горького, — использовали продажу алкогольных напитков в розлив как источник дохода³. Открылись вытрезвители, чтобы удалять пьяных из общественных мест⁴. Организаторы советских праздников и в этом вопросе сознательно взяли на вооружение обычаи, присущие старым праздничным традициям, чтобы сделать собственные празднования более притягательными и освободить их от излишней серьезности и пафосности, которые в условиях конкуренции с религиозным праздничным каноном грозили, по их собственной оценке, задушить советский праздник⁵.

Тем не менее противоречие между первоначальными требованиями деалкоголизации советских праздников и поворотом к «культурному потреблению» спиртных напитков окончательно снять не удалось. В 1930-е гг., как и раньше, время от времени затевались официальные

---

¹ Цит. по: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. С. 42. См. также: Braun M. *Vremja golovokruženja — Zeit des Schwindels*. S. 908 f.

² Например, Иван Румянцев, партийный босс в Смоленске. См.: Baberowski J. *Der rote Terror*. S. 161.

³ Kucher K. *Der Moskauer Kultur- und Erholungspark. Formen von Öffentlichkeit im Stalinismus der dreißiger Jahre // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. S. 106; Idem. *Der Gor'kij-Park: Freizeitkultur im Stalinismus 1928–1941*. Köln, 2006. Kap. 3.

⁴ Это произошло, например, в 1937 г. в Магнитогорске. См.: Kotkin S. *Magnetic Mountain*. P. 190.

⁵ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18. Л. 9; Данилевский М. Праздники общественного быта. Торжественные заседания, октябрины, годовщины. Организация, методика, практика. М., 1927. С. 14.

антиалкогольные кампании, а тезис о наличии связи между употреблением вина и стратегией религиозного одурманивания людей не сдавался в архив¹. Надевание маски «пьяницы» на новогодних балах, несмотря на официально «разрешенное» употребление спиртосодержащих напитков, не приветствовалось². Алкогольное опьянение не считалось смягчающим обстоятельством в случаях, когда рассматривались дела о якобы «антисоветских высказываниях» в подобном состоянии. С этим столкнулись в Прокопьевске сотрудники редакции газеты «Ударник Кузбасса» П. А. Садов и И. П. Мигилев, когда в 1940 г. их снимали с постов. Они не смогли добиться смягчения решения компетентных политических органов, заявляя, что были «слегка подвыпивши» и обещая исправиться («я никогда больше не буду пить»)³. Таким образом, употребление спиртных напитков по праздникам в 1930-е гг. носило характер амбивалентного культурного явления. Но праздники красного календаря, в свою очередь, способствовали тому, что традиционные модели поведения в отношении спиртного продолжали существовать в модифицированной советской форме.

Следовательно, в предвоенное десятилетие речь может идти об общей традиционализации в сфере официальной праздничной культуры, поскольку элементы дореволюционного праздничного поведения все больше проникали в ткань советского праздника. Свидетельствами такой традиционализации являлись и расширение программы народных гуляний, и организация праздничных ярмарок, и игра на баяне, и включение в праздничную среду элементов фольклора и мира сказок. Налицо интеграция элементов досоветской праздничной культуры в советский праздничный канон⁴. Нельзя сказать, чтобы это было «большое отступление» (*great retreat*), поскольку, с одной стороны, традиционные элементы праздника встраивались в новый советский контекст, а с другой — в нем продолжало существовать внутреннее противоречие между якобы «чистым учением» и готовностью к традиционализму. Сам режим в 1930-е гг. способствовал возникновению праздничной амальгамы, в ней соединялись различные традиционные линии, образуя единый сплав с новообразованиями советской культуры.

В общественной практике внедрения диктуемых сверху официальных праздничных норм и их своеобразного преломления на уровне реципиентов происходило глубокое слияние с существующими не-

---

¹ ГАНО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 343. Л. 63–64.

² Там же. Д. 1177. Л. 21–24.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 33. Д. 229. Л. 3 об.; Д. 230. Л. 54–60.

⁴ ГАВО. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 18. Л. 2–6; ЦДНОВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1687. Л. 214–217.

Новогодняя торговля // Коммуна. 1936. 27 дек. С. 4.

официальными праздничными поводами и практиками, в результате чего возникали гибридные праздничные продукты. Однако такая гибридность произрастала на фундаменте советского диктата. Партийное государство пыталось перепахать праздничный ландшафт империи, задействуя для этого немалые ресурсы. Оно навязывало людям новый календарь и новый праздничный регламент, который во многих отношениях означал фундаментальный разрыв с дореволюционной эпохой. Хотя режим не сумел преобразовать пестрый праздничный ландшафт согласно единым критериям официального канона, советское влияние на гибридные праздничные культуры в 1930-е гг. было определяющим. Партийное государство формулировало установки, в отношении которых люди должны были определить свою позицию, в том числе в праздничной сфере, и во многих случаях присвоения праздничных практик и превращения их в традицию речь шла о практиках советского происхождения, последние воплощались в жизнь и развивались далее. Потребление спиртных напитков с последующим мордобоем на 1 Мая в парке культуры, несомненно, было традиционной формой праздничного поведения. Но то, что это происходило в один из главных праздников красного календаря и к тому же в одном из центральных символических мест советской топографии, показывает, насколько глубоко некоторые традиции уже вошли в культурный контекст советского образца. Таким образом, в 1930-е гг., несмотря на гибридизацию живых праздничных культур, состоялась широкая советизация праздничного ландшафта, по крайней мере в РСФСР. Это не было единообразием в том смысле, который вкладывали в это слово большевистские функционеры от культуры, и чистая культура советской праздничности не смогла выйти на монопольные позиции. Но чересполосица в сфере праздничной культуры в значительной степени была подчинена советскому влиянию, которое означало приведение всех иных праздничных практик к единым формальным критериям и их локализацию в новом контексте.

Гибридные, а также советизированные праздничные культуры в 1930-е гг. начали проникать на территорию российской провинции. Часть из них берет свое начало здесь, ибо в провинции по-прежнему ощущалось мощное влияние традиционных жизненных планов даже среди тех, кто должен был служить опорой советизации. В любом случае гибридный характер официальной праздничной культуры и ее общественной колонизации облегчил восприятие советской концепции празднования в региональных контекстах, если он вообще не был условием этого восприятия. Только так официально декретированная праздничная система могла найти точки соприкосновения с привычками, потребностями и чаяниями людей на местах и как явление культурной практики обогатиться теми значениями, которые

придали ей смысл вдали от Москвы. Это обогащение официальной стандартной культуры новым значением являлось важным фактором в процессе «внутренней советизации» государственного образования — Советского Союза, о котором мы поговорим ниже.

Праздник и его восприятие

Такой ракурс при рассмотрении присвоения и колонизации официального праздничного канона в провинции предполагает также постановку вопроса об эмоциональном восприятии празднующих. Какие настроения владели людьми в связи с праздничными датами, какие чувства испытывали они во время мероприятий? Как воспринимали партийно-государственные праздники и связанные с ними элементы принудительности во времена дефицитов и террора? Конечно, нельзя заглянуть в головы людей или измерить их биотоки, особенно если празднования происходили 60 лет назад и более. Нужно найти иные подходы для того, чтобы узнать о впечатлениях людей, большей части которых уже нет в живых. В целом источниковый корпус для ответа на поставленные вопросы беден. Донесения секретных служб так редко описывают праздничные ситуации, что даже излишне ставить основной вопрос, насколько вообще они мыслили действительность вне необходимости поисков врага и стереотипных представлений о реальной жизни, которыми их агенты пользовались в своей работе¹. Как правило, в таких источниках отражается степень дисциплинированности демонстрантов, но не их эмоции и не их праздничное настроение. На фоне редких критических замечаний о том, что «праздничное настроение не наблюдалось»², вдруг встречаются разрозненные высказывания о приподнятом настроении участников торжеств³. Как тут оценить репрезентативность той и другой оценки для периода протяженно-

---

¹ О содержании донесений секретных служб и о ценности этих сводок как исторических источников велись споры. С одной стороны, выражается большое доверие к аутентичности их содержания, позволяющего судить об общественной обстановке в Советском Союзе. Об этом высказывается, в частности, С. Дэвис: Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia*. P. 8 ff. На другом полюсе спектра мнений выражается точка зрения, что эти сводки дают лишь схематическую биполярную систему координат, в соответствии с которой секретная служба оценивала окружающий мир сквозь призму «друг—враг». К ней примыкают: Hellbeck J. *Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia* // *Kritika*. 2000. Vol. 1. № 1. P. 78 f.; Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *The Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. № 3. P. 415–450.

² ЦДНБВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 114. Л. 234.

³ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 848. Л. 31.

стью в два десятилетия? Предпочтение негативных оценок в гегемонистской культуре критики, развитие которой поддерживал режим, по сравнению с восторженными реляциями как порождением советского «комплекса превосходства»¹ предопределяло наличие большего доверия у властей к критике, нежели к хвалебным отзывам. Такой вывод можно сделать из исторического анализа. Источником информации о настроениях участников празднеств подобный материал служить не может.

Доступный для просмотра визуальный материал, включая кинохронику, отражает прежде всего пропагандистскую оболочку советских праздничных инсценировок. Это не значит, что мы имеем дело с абсолютно лживым видеорядом, но эти видеоэпизоды показывают зрителю исключительно ликующие лица марширующих в колоннах энтузиастов. Нельзя отмахиваться от таких картинок, принимая их только за ретушь; но было бы также наивно на основании этих кадров делать обобщенные выводы о восприятии людьми праздников.

Ненамного продуктивнее и сообщения очевидцев. Свидетельства, произведенные на свет методами *oral history* («устной истории» — рассказов участников событий. — *Прим. пер.*), таят в себе для исследователя праздников большие проблемы. Праздник представляет собой весьма подвижный объект исследования, поэтому любое, пусть даже методически безупречное интервью не является гарантией от внесения последующих изменений в высказывания респондента². Вряд ли воспоминания современников о праздниках способны дать больше, чем выявление дополнительных деталей.

Остаются только личные записи современников событий. Имеющаяся в распоряжении источниковая база пока очень узка. В последнее время изданы полностью или в отрывках лишь несколько дневников. Но в этих дневниках почти всегда отражаются впечатления от праздников. В широкой палитре чувств их авторов присутствуют и эмоциональная вовлеченность, и гордость, и радость, и воодушевление³,

---

¹ Gide A. Zurück aus Sowjetrussland // Gide A. Gesammelte Werke in zwölf Bänden / hg. von R. Schnyd Theis, P. Schnyd Theis. Stuttgart, 1996. Bd. 6. S. 70.

² О методике *oral history* см., в частности: Niethammer L. Fragen — Antworten — Fragen. Methodische Erfahrungen und Erwägungen zur Oral History // «Wir kriegen jetzt andere Zeiten». Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern / hg. von L. Niethammer, A. von Plato. Berlin, 1985. S. 392–445; Vorländer H. Mündliches Erfragen von Geschichte // Oral History. Mündlich erfragte Geschichte / hg. von H. Vorländer. Göttingen, 1990. S. 7–28.

³ Potyomkin L. A. Diary; Shtange G. V. Diary // Intimacy and Terror. P. 167–217; Stavsky V. P. Diary // Ibid. P. 219–249; Зинанда Денисевичская // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 4.

и глубокая неприязнь, и холодная отстраненность стороннего наблюдателя¹. Для таких убежденных коммунистов, как Георгий Димитров, или для представителей советской технической и культурной элиты, как Галина Штанге или Владимир Ставский, праздник был событием, к которому заранее готовились, этот день воспринимался ими как возможность отдохнуть и развлечься, забыв на некоторое время о буднях. Советский праздник рождал у них сильные эмоции, будь то радость или сомнения в самом себе². Но не только представителей элиты обуревали праздничные чувства «слияния» со «всеми другими» в одну праздную семью. Зинаида Денисевич писала в 1930 г. по случаю годовщины Октябрьской революции, что почувствовала себя в праздничном коллективе «заново рожденной». В ее дневнике постоянно встречаются слова о том, что во время праздничных демонстраций, в которых она принимала участие в Воронеже в начале 1930-х гг., в гуще «массы» ее неизменно охватывало «Мы-чувство» и появлялось ощущение «близости» со всеми. По контрасту с прошлыми годами, когда она наблюдала за происходящим только со стороны, теперь она переживала праздничную демонстрацию как момент единения со всеми ее участниками: «Мы идем все вместе, все мы поем одни и те же песни, у нас одни мысли [...]. Это чувство полного слияния с тысячеголовой организованной массой»³. Похожие чувства испытывал и евразиец Николай Устрялов. После своего возвращения в 1935 г. в Москву он пытался вписаться в советский образ жизни и проникнуться его мироощущением. Для него официальные празднества со спортивными парадами или Первомайскими демонстрациями были не только моментами всепоглощающей радости, но и источником особенных эстетических переживаний⁴. Но праздник мог заставлять особенно остро и

---

¹ Arzhilovsky A. S. Diary; Podlubnyj S. F. Tagebuch.

² Babel I. Briefe. S. 49, 78 f., 130, 153, 173 f., 187, 220 f., 308 f., 314 f., 329 f., 338 f.; Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 / hg. von B. H. Bayerlein. Berlin, 2000. S. 105 f., 141 f., 158, 161 ff., 222 f., 253, 281 f., 285, 315; Shtange G. V. Diary. P. 169, 170, 190, 202, 210; Stavsky V. P. Diary. 219 ff., 240 f.; Степанова В. Человек не может без чуда. Письма, поэтические опыты, записки художницы. М., 1994. С. 210 и сл., 218, 241 и сл. См. также выдержки из дневника драматурга Александра Афиногенова: Hellbeck J. Writing the Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937 // Self and Story in Russian History / eds. L. Engelstein, S. Sandler. Ithaca, 2000. P. 91.

³ Зинаида Денисевич // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 4. Записи от 7 нояб. 1930, 1 мая 1931 и 1 мая 1932.

⁴ Устрялов Н. В. «Служить родине приходится костюми...» Дневник Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6. С. 10, 80. Партийное государство не возмарило его старания стать частью целого. Николай Устрялов был арестован в 1937 г. и расстрелян.

болезненно чувствовать и свое отчуждение от «общества»¹. Наконец, дневники Нины Костериной или Нины Луговской повествуют о свободном времяпрепровождении во время праздника: в восприятии тех современников, которые не находились в конфронтации с режимом, участие в заранее составленном сценарии действия означало акт творчества, сравнимый с разыгрыванием рождественской истории с яслями младенца Иисуса в христианских общинах. Общий нарратив был знаком, роли распределены и конец истории известен. Но в художественном воплощении деталей рождалось чувство активного участия и самостоятельности².

У других интерес к советскому празднику ограничивался тем, что это был нерабочий день, когда семья могла собраться и провести вместе свободное время. В условиях «непрерывной рабочей недели», когда члены семьи работали в разные смены и поэтому не могли встречаться в один и тот же выходной, подобное обстоятельство имело большое значение³. Были и такие, для кого праздник означал только развлечения: они ходили на бесплатные кинопросмотры, танцевали допоздна или любовались яркой иллюминацией⁴.

Но праздник с его элементами принудительности мог вызывать и скуку, и усталость. Явка на демонстрацию была обязанностью, и ей следовало подчиняться⁵, та же демонстрация воспринималась как помпезное самовосхваление презируемого и ненавистного режима. Праздничную шумиху могли истолковывать как типичное хвастовство системы, которая все больше отталкивала от себя и вызывала отторжение. Для Андрея Аржиловского это был ненужный расточительный театр⁶. Некоторые считали праздник «искусственно организованным балаганом», чтобы затуманить разум

---

¹ Об этом см. у Луговской (Lugovskaya N. S. *The Diary of a Soviet Schoolgirl*. P. 45), а также у члена партии, которому грозило исключение (цит.: Fitzpatrick S. *Happiness and Toska*. P. 369).

² Kosterina N. A. *Tagebuch*. S. 20 f., 34 f., 65 ff.; Lugovskaya N. S. *The Diary of a Soviet Schoolgirl*. P. 67, 93 f., 97 ff. См. также: Степанова В. Человек не может без чуда. С. 218.

³ Leder M. M. *My Life in Stalinist Russia*. P. 31 f.

⁴ Шабатин М. И. Рязань конца 30-х глазами молодого человека. С. 198; Kosterina N. A. *Tagebuch*. S. 39, 47 f.; Podlubnyj S. F. *Tagebuch*. S. 80, 100. Об этом же пишет Зинаида Денисовская, описывая свое пребывание на юбилейных торжествах Октябрьской революции в Москве в 1932 г.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 4.

⁵ Podlubnyj S. F. *Tagebuch*. S. 100 ff. См. также цитаты: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 43; Stites R. *Bolshevik Ritual Building in the 1920s // Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture* / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitsch, R. Stites. Bloomington, 1991. P. 299.

⁶ Arzhilovsky A. S. *Diary*. P. 119.

критически настроенных подданных. «Народ возбужден», а я стою в стороне¹.

Таким образом, как видим, спектр эмоциональных восприятий праздника был широк. Но при интерпретации дневниковых записей следует проявлять осторожность. Не только потому, что речь идет о отдельных островках в море канувшего в Лету. Эти записи представляют собой свидетельства переживаний реальных событий, но они были занесены на бумагу задним числом. Впечатления от праздника облекаются в форму дневниковых записей. Мы не хотим сказать, что существует некий «первородный опыт», недоступный передаче в понятной форме. Но ведение дневников следует понимать как символический культурный акт, в основном советского происхождения. В официально развиваемой культуре *speaking out* (выражения своих мыслей вслух) составление дневниковых записей представляло собой один из инструментов, с помощью которых советский человек должен был постоянно формировать и переделывать себя². Дневник считался подчиненной официальным стандартам формой интерпретации мира. Этот факт не ставит под сомнение ценность дневниковых записей как свидетельств процесса саморефлексии их авторов, но он должен служить предостережением от того, чтобы считать дневник окном, открывающим доступ к «истинной жизни»³. Скорее, это окно в мир понятий и интерпретационных фигур, которыми оперировал автор в официально санкционированном medium под названием «дневник».

Если некто Степан Подлубный интерпретировал деревенские религиозные празднования как обрядовое выражение уходящего мира, а советские праздники в городе как явление нового мира, то здесь мы видим отражение интерпретационной схемы, свойственной официальной телеологии, которая казалась автору адекватной для ее использования в коммуникативной среде дневника и последующей письменной фиксации личных впечатлений о празднике, выстроенных в соответствии с такой интерпретационной перспективой⁴. Это

---

¹ Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 255 ff.

² Несомненно, существовала традиция ведения дневников и в досоветское время. Упоминание о традиции ведения дневниковых записей у дореволюционной интеллигенции имеется в дневниках Зинаиды Денисовской; Игнат Фролов пишет о крестьянской биографии. См.: Herzberg J. Beschreibenswerte Leben.

³ Hellbeck J. *Speaking Out*. См. также: Slezkine Yu. *Lives as Tales // In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War* / eds. S. Lit-zpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000. P. 21 f.

⁴ Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalinzeit – hrsg. von V. Garros, N. Korenevskaya. T. Lahusen. Berlin, 1998.

⁵ Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 271.

было советское прочтение разницы двух видов праздников, которое приличествовало жанру дневника. Образ жизни автора, по-видимому, вполне позволял ему по-иному взглянуть на эти праздники и изложить свои впечатления. Но дневник для этого не был подходящим средством. Это не значит, что интерпретация, данная в дневнике, не имеет значения с точки зрения конституирования субъекта. Но крен в сторону предпочтения таких форм самовыражения в качестве источника, по которому можно судить о якобы первозданном праздничном мироощущении, таит в себе опасность игнорирования контекста, в которых делались эти признания, и обесценивания иных коммуникативных сред¹.

Кроме того, дневниковые записи — это моментальные снимки состояния рефлексии и эмоционального развития во временном континууме. Достаточно часто с течением лет установки индивида меняются, поэтому для интерпретации историка центральное значение имеет вопрос о начале и конце наблюдений. Например, история жизни Степана Подлубного выглядит совершенно по-разному в зависимости от того, на каком ее периоде историк фокусирует свое внимание: на начале 1930-х гг., когда Подлубный пытался перековать себя в нового человека, на фазе критики и дистанцированности от режима, когда он на собственном опыте узнал, что такое террор, или на отрезке его жизненного пути, когда в 1941 г. он реинтегрировался в сообщество советских граждан в качестве санитаря резервных войск и позже служил лейтенантом медслужбы. Какие из оставленных им в дневнике в течение многих лет впечатления о праздниках могут рассматриваться как более «достоверные»? Ракурс наблюдения имеет решающее значение для интерпретации предполагаемого опыта, так как он заранее задает структуру этой интерпретации².

Итак, какой же ответ может быть дан на вопрос о восприятии праздника его участниками? Придется примириться с тем, что ответа быть не может. Доступ в мир восприятия праздников их участниками для историка закрыт. То же самое можно сказать и о всяких попытках количественного анализа. Нельзя, к примеру, ответить на вопрос

---

¹ Этот аспект нередко упускается из виду при обсуждении становления «советской самости». Исследователи однозначно отдают предпочтение техникам письменного самовыражения, а не поведенческим практикам, которые все же являются одной из составляющих формирования субъекта. При этом необходимо обе сферы становления самосознания рассматривать во взаимосвязи.

² Публикации отрывков из дневников, касающихся очень короткого промежутка времени, проблематичны потому, что в них отражается лишь один момент из индивидуальной истории развития человека. Этой точки зрения придерживаются авторы сб.: *Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s* / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995.

о соотношении числа «участвовавших» и «отказников». Кроме весьма грубых оценок доминирующих образцов поведения в широком социуме и дифференциации по линиям центр–периферия и город–деревня, к сожалению, ничего нельзя достичь.

Попытки же сделать гипотетические выводы о восприятии праздника на основании только отдельных свидетельств обречены на получение условных результатов, если те основываются на односторонности источников. Было не *одно* восприятие праздника его участниками, а множество восприятий. Многообразие свойственно уже одному празднику, такой вывод справедлив тем более, когда речь идет о посещении множества празднований, не говоря уже об участии в праздниках различных календарных циклов. Для рефлексирования этой многослойности нам следует исходить из иного понимания субъекта и субъективности. То есть следует отказаться от сформированного классиками образа единства самости человека. Ведь в поведении участников празднований мы встречаемся с фрагментированными идентичностями субъекта во времени и пространстве. Субъект включен во множество контекстов, он конституируется сам и формирует свою субъективность в процессе различных действий и в участии в различных дискурсах. Особенно сбивает с толку исследователя то, что субъект делает это, не стремясь к снятию противоречий. Более того, он исполняет различные роли адекватно контекстам, не задумываясь, какая же из этих ролей составляет его «собственное Я». Как историки мы не должны приписывать наблюдаемым нами индивидам однозначность, которая им самим не свойственна. Всегда существовал целый ряд праздничных впечатлений, дополнявших друг друга. Те же люди, которые еще вчера как замороженные смотрели на праздничный салют, завтра могут занять критическую позицию, или наоборот. Они с благоговением могут стоять в толпе прихожан, участвующих в православном богослужении, и шагать вместе со всеми в колонне демонстрантов советского парада¹. При этом нельзя определить момент существования «истинной жизни» (и тем самым «настоящего» переживания праздника индивидом). Более убедителен, на наш взгляд, такой подход, при котором различные изъяснения, а также не обусловленные контекстом действия индивидов рассматриваются как равноправные и не принимаются попытки докопаться до предполагаемого «истинного»

---

¹ Первоначальное восхищение праздниками у Подлубного сменилось затем резкой критикой праздничной шумихи, см.: Podlubnyj S. F. Tagebuch. Восторженные отклики отражены в дневниковых записях Чуковского (Чуковский К. Дневник), Луговской (Lugovskaya N. S. The Diary of a Soviet Schoolgirl), Ленишевской (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 4).

внутреннего ядра, которое кажется тем ближе, чем более «частный» характер носят эти проявления.

Может быть, все дело в том, что вопрос о восприятии праздников сформулирован неверно. Если не существует единого праздничного ощущения, а вследствие недостаточной источниковой базы мало что можно сказать о множественности таких восприятий, то в фокусе исследования оказываются ролевые образцы, по которым люди выстраивают свое поведение. То есть уже не нужно пытаться декодировать чувства в чистом виде, но целесообразно пронаблюдать за формами участия. Невозможно воспроизвести то настроение, с которым люди проходили мимо праздничной трибуны: скучали ли они, проклинали правительство или выкрикивали здравицы в честь партийного секретаря. Это и не самое главное. Важно, что они маршировали, участвовали в общественных ритуалах партийного государства, владели правилами участия в этой общественной игре, знали, что можно делать в советский праздник, а что нельзя. Для коммуникативной среды диктатур были типичны такие формы экзальтированного участия в торжественных ритуалах. Совместные демонстрации и марши и выставление напоказ эмоционально приподнятого настроения участвующих при таком взгляде на вещи представляются гораздо более важными действиями общественного масштаба, чем индивидуальное восприятие и «истинное мнение», выраженное в домашнем углу или под одеялом.

Участие в общественных ритуалах подтверждало свершившуюся советизацию жизненных миров людей, а ее достижение насильственным путем входило составной частью в стратегию укрепления господства режима. Участие в праздничных демонстрациях в таких провинциальных городах, как Новосибирск или Воронеж, в свою очередь, иллюстрирует процесс «внутренней советизации» государственного образования Советский Союз. Об этой теме пойдет разговор в следующем разделе.

ПРАЗДНИКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГОСПОДСТВА

Праздники в пропагандистском государстве

Советский Союз 1920–1930-хх гг. являлся «пропагандистским государством»¹. Сформировавшиеся в течение 1920-х гг. медиумы пропагандистского государства приняли институциональную форму, развернув в 1930-е гг. свою деятельность вширь, хотя и не на всей территории Союза. Основная задача пропагандистского государства состояла в перевоспитании своих подданных, дабы сделать из них новых советских людей. В рамках этой цивилизационной миссии функционеры партийного государства приступили к окультуриванию жителей империи, стремясь утвердить гегемонию за «советскими» формами жизни². Пропаганда, которой отводилась инструментальная роль в осуществлении стратегии перевоспитания, ставила перед собой цель формирования поведения, мышления и эмоционального мира людей в соответствии с этими новыми критериями³. При этом «цивилизованию» подвергались только те, кого режим считал поддающимися. Изгнанные из сообщества потенциальных советских граждан удалялись из общественного организма, многие подвергались также физическому уничтожению. Низведение «отсталых» на уровень «врагов народа» часто свершалось очень скоро, если оказывалось, что «отсталые» не хотят цивилизоваться.

В ходе осуществления проекта по радикальному переустройству общества исполнители меняли свои методы, модифицировали степень применения насилия и охвата населения средствами пропаган-

---

¹ Kenez P. *The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. Cambridge, 1985; Kalnins B. *Der sowjetische Propagandastaat. Das System und die Mittel der Massenbeeinflussung in der Sowjetunion*. Stockholm, 1956.

² См.: Baberowski J. *Der Feind ist überall*. S. 12 ff.; Boym S. *Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, 1994. P. 105; Hoffmann D. L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity*. Ithaca, 2003. P. 17 ff.

³ Об этом же пишет П. Кенез: Kenez P. *The Birth of the Propaganda State*. P. 4.

ды, а также корректировали целеустановки по достижению «светлого будущего» — коммунизма. Но пропаганда по-прежнему оставалась инструментом перевоспитания и элементарной составной частью миссии по насаждению на территории Советского Союза стандартной советской монокультуры для всего населения.

В распоряжении партийно-пропагандистского государства имелся целый ряд медиумов¹. Многие из планов остались на бумаге, стали жертвой повсеместных дефицитов в институционально недостаточно развитом партийном государстве, застряли в кабинетах своевольных провинциальных сатрапов или столкнулись с неподатливостью строптивого населения. То, что большевики продолжали свою цивилизаторскую миссию и тогда, когда широким фронтом развернулось применение насильственных террористических методов дисциплинирования, свидетельствует о большом значении, которое придавалось этому проекту его авторами. Даже уже став оккупационным режимом, загонявшим своих подданных в лоно официальных норм, партийное государство не прекращало пропаганды своей этики и эстетики. Террор и пропаганда шли в 1930-е гг. рука об руку; оба метода были направлены на переплавку общества и создание нового мира с новыми — советскими — людьми. Эта двойственность являлась отличительной чертой предвоенного Советского Союза. Партийное государство ставило перед собой цель (отчасти достигавшуюся) навязать людям официальные культурные нормы, одновременно оно старалось доказать превосходство собственного проекта и воспитывать (перевоспитывать) людей путем интеграции в общество якобы «отсталых» его слоев.

Зачем все-таки партийное государство пускало в ход всевозможные средства для проведения массовых праздников? Какое место занимал советский праздник в каноне культурной практики? И какое значение имели для режима общественные демонстрации и спортивные парады во времена радикального общественного переустройства и террора? На этих вопросах, касающихся места праздника в пропагандистском государстве, мы остановимся далее в этом разделе.

Преимущества массовых праздников по сравнению со всеми другими медиумами пропагандистского государства заключались в их общественном, открытом для всеобщего обозрения характере. Советский праздник объединял в общественном пространстве большие массы людей. Он обеспечивал функционирование одной из важнейших несущих конструкций, выражавших легитимность режима, а именно: формальное одобрение со стороны «масс», которое изъяс-

---

¹ См. обзор содержания научных исследований во введении в эту книгу.

лялось путем аккламации¹. Кроме того, праздник служил наглядным доказательством властных возможностей правителей, так как демонстрировал их способность мобилизовать и привести в движение массы людей². По эффективности и масштабам в плане представления обществу формирующего потенциала партийного государства массовый праздник можно сравнить только с символическими градостроительными объектами и крупными ландшафтными проектами. Но преимущество праздников заключалось в их сравнительно более низкой стоимости. На организацию праздников шло меньше средств, и их можно было проводить также в провинции с ее ограниченными ресурсами. Таким образом, праздники, как никакой другой культурный медиум, объединяли все сообщество советских граждан в определенное время в рамках одного синхронного действия. Советский праздник воплощал в себе те узы, благодаря которым Советский Союз представлял собой культурное сообщество. В празднике это сообщество обретало телесность и осязаемость.

Празднования не нуждались в письменных средствах коммуникации, чтобы наглядно представить и объяснить все и всем³. Для большевистской диктаторской дидактики, которой приходилось утверждаться в преимущественно неграмотной стране, это был решающий критерий. Время от времени пропагандистское государство функционировало как «инсценирующая диктатура»⁴. Это бывало в тех случаях, когда режим стоял перед необходимостью донести свое послание до всех в общепонятной визуальной форме. Основными средствами для этого служили всевозможные театральные инсценировки. Но ни один вид сценического искусства не мог по своей действенности сравниться с праздничными демонстрациями.

---

¹ См. также: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 25; Siegelbaum L. H. Introduction // *Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents* / eds. L. H. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven, 2000. P. 15.

² См.: Münkler H. Die Visibilität der Macht und die Strategien der Machtvisualisierung. *Macht der Öffentlichkeit — Öffentlichkeit der Macht* / hrsg. von G. Göhler. Baden-Baden, 1995. S. 222 f.; Wedeen L. *Ambiguities of Domination. Politics, Rhetoric, and Symbols in Contemporary Syria*. Chicago, 1999. P. 6 ff.

³ Ярославский Е. Наш смотр // *Правда*. 1928 1 мая; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 20. Л. 1–8.

⁴ Понятие «инсценирующая диктатура» примыкает к формулировке «инсценирующие общества», с помощью которой Херберт Виллемс и Мартин Юрга пытаются дать определение театрализованному представлению общественного взаимодействия в современных массмедийных обществах. См.: Willems H., Jurga M. Einleitung: Zum Aufbau des Buches und zu den Beiträgen // *Inszenierungsgesellschaft. Ein einführendes Handbuch* / hg. von H. Willems, M. Jurga. Opladen, 1998. S. 9 ff.

Именно отсюда проистекал также императив проведения этих массовых инсценировок, который стал самодовлеющим и вышел из-под контроля партийной элиты. Ведь массовые праздники годились как средство демонстрации мощи и организаторских способностей режима только в том случае, если они повторялись ежегодно в тех же гигантских масштабах. Нельзя было не дотянуть до масштабов праздника, который отмечался в предыдущем году. Более того, согласно советской логике перманентного роста и поступательного развития каждый последующий праздник должен был неуклонно расти виришь и превосходить предыдущие постановки в великолепии. Большевиетские полководцы праздничного искусства были обречены на постоянную экспансию. Таким образом, пропагандисты инсценирующей диктатуры сами себе поставили ловушку, вырваться из которой уже было невозможно, ибо экспансия обретала собственную динамику. Волей этого императива советский массовый праздник занял свое привилегированное место в арсенале пропагандистских средств. Можно было снять меньше фильмов, чем в предыдущем году, или нарисовать меньшие по размеру картины. Но для диктатуры, попавшей в сильную зависимость от проведения массовых инсценировок, было невозможно отказаться от одного из массовых мероприятий во время главных праздников красного календаря. Даже начало Великой Отечественной войны не означало автоматического конца такой логики.

Церемониймейстеры инсценирующей диктатуры ставили перед собой задачу донести до людей в наглядной и доступной для восприятия форме советские культурные стандарты, и праздник как нельзя лучше подходил для этого. Он одновременно служил средством интеграции и перековки сознания людей. Как и другие медиумы пропагандистского государства, советская праздничная культура впитывала в себя предшествующие традиции, придавала им свою форму и синтезировала их с новшествами. Благодаря такой интеграции возникали точки соприкосновения между старым и новым, люди узнавали в новой оболочке старые обычаи и могли следовать им под новым наименованием. Но дело не ограничивалось только перекраской старинных обрядов в красный цвет советской символики. Интеграция никогда не была самоцелью. Ее конечная цель заключалась в переплавке человеческого материала и превращении его в обновленную продукцию советского производства. То есть люди, на которых была направлена пропаганда, служили большевистским селекционерам, стремившимся к улучшению человеческой природы, также в качестве формируемых объектов. Там, где эти объекты сопротивлялись превращению в заданную форму, партийное государство прибегало к методам принуждения и дисциплинарным мерам. Усилия по интеграции и дисциплинарные меры воздействия представляли собой некий

тандем, элементы которого достаточно часто конфликтовали друг с другом.

За этим конфликтом скрывалось еще одно фундаментальное противоречие в целях диктатуры, устраивавшей пропагандистские кампании. Отдаленной целью цивилизаторской миссии большевиков была, несомненно, радикальная трансформация людей, создание нового советского человека, который полностью соответствовал бы советскому культурному космосу. Путь к этому новому человеку был, однако, далек, а стратегии следования по этому пути не совпадали. Во-первых, подданных старались мобилизовать, построить в ряды и заставить маршировать по праздникам официального календаря. Во-вторых, режим стремился к тому, чтобы эти нормы поведения вошли в плоть и кровь людей. Преследуя эти цели, режим применял методы воспитательного диктата, где объектом трансформации объявлялась «вера», пусть даже необязательно «души» его подданных. Окультуривание «масс» всегда шло в двух направлениях: чисто поведенческой адаптации образа жизни к санкционированному канону культурных стандартов или вдалбливания этих норм в сознание подданных¹. Советский праздник в равной мере обслуживал обе стратегические опции пропагандистского государства. Он годился как для демонстрации мобилизационных возможностей режима, так и для выполнения задач перевоспитания людей в качестве «внеклассной школы».

Мы не хотим сказать, что массовый праздник являлся «ведущим медиумом» в арсенале средств культуры 1920–1930-х гг. Медиа-ландшафт пропагандистского государства представлял собой сложную систему, компоненты которой постоянно взаимодействовали между собой и обуславливали друг друга. Различные жанры этой системы цитировали друг друга и на протяжении 1930-х гг. все больше интегрировались в самодостаточную целокупность. Тщетно было бы искать в этой системе ведущий медиум. Отдельные жанры в ней имели специфический функциональный профиль. Но советский праздник вмещал в себя понемногу от всего. В нем были растворены и культ личности, и милитаризация, и развлечения. При таком смешении трудно разделимых между собой функциональных жанров праздничной культуры, праздник был универсален, так как его можно было использовать для достижения различных целей. Очевидно, что инсценировка праздников рассматривалась пропагандистами как действенный пропагандистский инструмент. И когда советская власть приступила к выполнению своей культурной миссии за пределами собственной страны, праздник, естественно, стал одним из

---

¹ См.: Volkov V. The Concept of *Kul'turnost*: Notes on the Stalinist Civilizing Process // Stalinism. New Directions / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 225 ff.

главных экспортных товаров, который принесли с собой советские оккупанты¹.

Нет сомнений в том, что советские эксперты-действенники играли существенную роль в превращении праздника в центральную фигуру советского культурного канона и удержании его на этой позиции на протяжении 1930-х гг., несмотря на то что верховный партийный вождь никак не обнаруживал своего участия в планировании праздников. По документам Центрального партийного архива не видно, чтобы Сталин проявлял особый интерес к организации массовых праздников. Не приходится сомневаться, что все планы проведения праздников, принимавшиеся в Москве, проходили через его письменный стол, однако следы его непосредственного влияния и прямого вмешательства не обнаруживаются².

Но, видимо, постановка массовых хореографических действ на Красной площади была для него и его свиты достаточно важным делом, иначе чем объяснить неизменное постоянство, с которым они часами стояли на трибуне. Вождь вообще лишь изредка появлялся на публике. Те, кто обычно скрывал свое лицо за непрístupными фасадами административных зданий, являли свой лик в свете рампов организованного народного празднества. Очевидно, руководство партии рассматривало обязанность появления перед ликующей, выкрикивающей здравицы толпой как само собой разумеющийся акт отправления власти. Празднование в Советском Союзе рассматривалось как политическое действие.

Но для партийной элиты праздник таил в себе также возможность отдохнуть на торжественном концерте и принять участие в праздничном банкете. Праздники были для нее моментами развлечения, хотя темы бесед за праздничным столом были далеки от безобидной болтовни, а скорее касались повседневных дел, которыми была занята диктатура. Так, на праздничном банкете в честь 20-й годовщины Октябрьской революции в 1937 г. Сталин с видимым удовольствием назвал причины казней старых членов партии и поднял бокал за уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!³

Взгляд на верхушку партийной элиты показывает, насколько ритуалы советского праздника служили для нее индикатором места каждого в политической иерархии. Эти ритуалы являлись общест-

---

¹ См. на эту тему главу «Советский праздник в длительной перспективе».

² О влиянии Сталина на другие медиумы см., в частности: Beyrau D. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985*. Göttingen, 1993. S. 83; Plamper J. *The Stalin Cult*. 2007, forthcoming. Chap. 2; Schenk F. B. «Ein so guter Fürst darf nicht sterben!» Die Rehabilitierung und Verehrung Aleksandr Nevskijs in der UdSSR in den Jahren 1937/38 // *Personality Cults in Stalinism*. S. 391–413.

³ Dimitroff G. *Tagebücher*. S. 162.

венной демонстрацией степени благосклонности Сталина к каждой персоне в его окружении. По месту, которое тот или иной деятель занимал в этой иерархии, можно было сказать, насколько прочны его позиции. Откомандирование с праздничной трибуны служило верным признаком предстоящего смещения¹. Первыми «кремлюнологами» были собственные обитатели Кремля. Праздник рассматривался ими как сейсмограф для определения собственного положения. В то же время это был ритуал обособления партийной элиты от своих подданных. Для этого существовал ряд драматургических и хореографических приемов, с помощью которых обозначалась дистанция между властвующими и подвластными. Партийные руководители демонстрировали свою власть, участвуя в ритуале, подчеркивавшем их загадочно-возвышенный имидж.

Праздник вошел в обиход в 1930-е гг. не только как бережно лелеемая часть культурной практики режима; он служил метафорой нового состояния общества, в котором пропагандисты мыслили себя и/или делали вид, что находятся в нем. Вся жизнь в Советском Союзе была «праздником». Праздник служил эмблемой достигнутого и открывал перспективу движения вперед. Семантика понятия «праздник» расширялась так же, как росло число праздничных поводов и увеличивались расходы на их организацию. «Праздниками» и «празднествами» стали называть выборы, соответствующие эпитеты употреблялись, чтобы подчеркнуть контраст двух систем — мрачного капитализма и светлого социализма. Слово «праздник» стало знаковым для того времени, символизируя постоянную заботу партийного государства².

Политика и пропаганда — две стороны советской инсценирующей диктатуры. Пропаганда была чрезвычайно политизирована, а политика жила ее инсценировками. Их театральность представляла собой нечто большее, нежели только блестящую оболочку, за которой скрывались мрачные фигуры диктаторов, занятых холодными расчетами, как бы сохранить и укрепить власть. Ничто не дает повода сомневаться в том, что функционеры типа Л. М. Кагановича находили красивыми массовые действия, разыгрывавшиеся перед их взором на Красной площади, и считали их выражением новой и передовой цивилизации. Будучи творцами и одновременно креатурами большевистской дикта-

---

¹ Так обстояло дело в 1938 г. с Николаем Ежовым. См.: Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. Stanford, 2002. P. 162.

² Кольцов М. Испанский дневник // Кольцов М. Избр. произведения. М., 1957. Т. 3. С. 556 и сл.; Юдин Б. Право на праздник // Массовые празднества / под ред. Б. Юдина. Е. Шедрина. С. Белоусова. М., 1935. С. 3; Торжество социалистической демократии // Советская Сибирь. 1937. 14 нояб. С. 1.

туры, они жили под влиянием той этики и эстетики, которую сами же и пропагандировали. Если бы Сталин написал свою автобиографию, то, наверное, выдержал бы ее в стиле поэмы о кавказском разбойнике, а на темно-красной обложке первого издания выгравировал бы золотом серп и молот¹. «Внешний блеск» диктатуры влиял и на ее верховных творцов, на их эстетические вкусы и представления о будущем, лежавшие в основе их практических действий. Ко всем остальным членам большой свиты вождей это относилось и подавно. Новизна зарождающегося мира являлась перед ними в 1930-е гг. прежде всего в инсценировках «светлого будущего». По крайней мере, правила игры, принятые в общественном коммуникационном пространстве, не позволяли им выразить что-либо иное. Не было никакой возможности вырваться из тисков перманентных инсценировок.

Пропагандистские представления служили также доказательствами социалистического строительства и советской культурности и свидетельствами будущих «достижений» на экономическом и культурном фронтах. Неудивительно поэтому, что крупномасштабные инсценировки в период форсирования экономических преобразований первой пятилетки и во времена утверждения властной монополии в Москве террористическими методами сохранили большое значение. Они служили кирпичиками в процессе превращения сказочного мира в реальность². Экономить на них значило бы поставить под вопрос весь проект. Таким образом, инсценировки не только отражали политику, но и сами были одним из ее элементов. А праздники являли собой один из привилегированных медиумов, с помощью которого пропагандистское государство популяризировало и проводило свою политику. Они представляли собой инструмент господства в двояком смысле: как средство, которым власть пользовалась, и как медиум, посредством которого власть реализовывала себя.

«Внутренняя советизация»

Своеобразие культурного феномена советского праздника заключалось и в том, что он использовался для «внутренней советизации»

---

¹ Роберт Такер однажды охарактеризовал «Краткий курс» как «расширенную автобиографию» Сталина: Tucker R. C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990. P. 539. Йорг Баберовски, напротив, заявил, что если бы Сталин написал свои мемуары, то, вероятно, придал бы им форму кавказской поэмы о разбойниках: Baberowski J. Der rote Terror. S.181.

² «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», — строка из «Марша авиаторов»: Von Krieg zu Krieg, von Sieg zu Sieg. Motive des sowjetischen Mythos im Massenlied der 1930er Jahre. Einführung, Texte, Übersetzungen / hg. von K. Brüggemann. Hamburg, 2002. S. 120.

большевистской империи. «Советизация» жизненных миров подданных этой империи происходила постольку, поскольку определенные, относившиеся к «советским», стандарты культуры медленно пробиwali себе дорогу и в сфере повседневного быта людей¹. Это был длительный процесс проникновения сюда символов, ритуалов, понятий и образцов толкований, поставляемых и санкционированных партийным государством, — процесс, в ходе которого режим стремился внедрить свои культурные нормы во все сферы жизни людей, придавая им однозначность, и старался перенести специфический советский принцип правления на весь образ жизни². Даже мелочи преподносились как «подарок» или выдавались за «достижения» советской власти, что придавало им символическое значение. Количество действий и предметов представительского характера, за которыми стояло партийное государство, в межвоенный период постоянно увеличивалось, так что подданным режима все время приходилось быть начеку и как-то позиционировать себя в отношении официальных норм.

Понятие «внутренняя советизация» оправданно постольку, поскольку культурные стандарты, задаваемые, пропагандируемые и насаждаемые центром власти в Москве, распространялись *внутри* империи и в ходе долгого процесса проникали в микроструктуры человеческого общения и на периферию территории Советского Союза. Попытки большевиков гомогенизировать образ жизни на всей государственной территории согласно официальным советским критериям и нормам получили также название «внутренней колонизации», что подчеркивает аспект подчинения и создания внутренних зависимостей³. Понятие «внутренняя советизация» не отрицает установления

---

¹ До сих пор концепция советизации применялась прежде всего к экспорту политических и экономических структур в аннексированные после 1935 г. территории и в страны Восточной и Центральной Европы. См.: Jarausch K. H., Siegrist H. *Amerikanisierung und Sowjetisierung. Eine vergleichende Fragestellung zur deutsch-deutschen Nachkriegsgeschichte* // *Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970* / hg. von K. H. Jarausch, H. Siegrist. Frankfurt/Main, 1997. S. 17 ff.; Lemke M. *Einleitung* // *Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953)* / hg. von M. Lemke. Köln, 1999. S. 11 ff. Только Маттиас Штадельман ставит также вопрос о «советизации» музыкальной культуры в СССР: Stadelmann M. *Isaak Dunaevskij — Sänger des Volkes. Eine Karriere unter Stalin*. Köln, 2003. S. 52 ff.

² Перемена значения слова обнаруживает себя в незначительной ошибке, допущенной в одном из провинциальных комитетов. В протоколе заседания Острогжского районного комитета от 1927 г. вместо «власть советов» было написано «советская власть» [sic]. Эпитет «советский» уже здесь отделился от своего первоначального назначения — обозначения учреждения — «совета» и превратился в самостоятельное понятие: ЦДНБВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1975. Л. 34–35.

³ Viola L. *Peasant Rebels under Stalin*. P. 3.

отношений политической и экономической зависимости, но фокусирует внимание на процессах, в ходе которых гетерогенный культурный ландшафт подчинялся установкам авторитарного, диктовавшего культурные нормы центра. Кроме того, это понятие включает в себя аспект автосоветизации, подразумевающий, что местные и региональные действующие лица существеннейшим образом содействовали распространению советских культурных стандартов. Это понятие позволяет также учесть те медиумы, с помощью которых совершался процесс культурной трансформации империи и ее населения.

Содержанием этого процесса было не только усвоение «большевистского языка», но и адаптация целого ряда нормированных культурных практик, включая обучение как корректным формулам прославления верховного партийного вождя, так и правилам чистки зубов¹. Собрание пропагандировавшихся и насаждавшихся ценностей, языковых кодов и норм поведения было слишком расплывчатым, чтобы его можно было одеть в идеологические терминологические одежды творцов новых норм жизни. Культурные стандарты, распространение которых вширь являлось целью большевистской воспитательной диктатуры, не идентифицировались как «социалистические» или «большевистские». Здесь речь шла о популяризации общезначимого, но однозначного культурного понятия, а не об идеологической тенденции революционного авангарда. Расплывчатый канон практик и правил их применения являлся, с точки зрения ведущих функционалов от культуры, «советским». Этим эпитетом они награждали широкий спектр вещей, моделей поведения и форм общения. Директор, который заботился о быте своих подчиненных, демонстрировал «советский» стиль управления, «советским» назывался календарь, введенный в 1929 г. и не включавший более религиозных праздников, титул «советский» могли носить новогодний праздник, пропаганда, общественность, патриотизм и интеллигенция, если нужно было отграничить их от несоветских аналогов и исторических предшественников². Таким же размытым был антоним слова «советский». Любое нарушение общего свода правил могло быть квалифицировано и наказано как «антисоветское» поведение. Отказа от участия в демонстрации со ссылкой на то, что 1 Мая — это «праздник коммунистов»,

---

¹ Зубная щетка и газеты будут в нашей семье // Коммуна. 1933. 1 нояб. С. 3. См.: Kenez P. The Birth of the Propaganda State. P. 255 f.; Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 14 f., 590 ff.

² Крупская Н. К. День советской пропаганды // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7. С. 47; Lugovskaya N. S. The Diary of a Soviet Schoolgirl. P. 211 f.; Попов Н. Новый советский календарь // Культурный фронт. 1929. № 10. С. 9–13.

было достаточно, чтобы контролирующие органы режима отнесли его к разряду «антисоветских проявлений»¹. Поэтому скорее можно говорить о «speaking Soviet», нежели о «большевистском» языке². Пропагандисты партийного государства ставили своей целью утверждение «советского строя» и «советского образа жизни», вбивавших в себя всю сумму официальных норм и установок³. В 1930-е гг. понятие «советский человек» постепенно становилось альтернатом «нового человека», пока в послевоенные годы окончательно не вытеснило его⁴. Таким образом, по крайней мере на концептуальном уровне, был рожден новый тип человека со своим культурным универсумом — «советской цивилизацией» «советских народов».

Эпитет «советский» присваивался по усмотрению экспертов, считавших себя компетентными в той или иной области и выражавших свое мнение в рамках определенной дискуссии. Достаточно часто арбитром в споре конкурирующих между собой мнений по праву верховного правителя выступал Кремль. Какая бы нормативная установка ни получала «советскую» этикетку, она становилась общезначимой и доводилась, по крайней мере в виде официальной нормы, до уровня провинций империи. Канон «советских» стандартов, при всей его изменчивости, стабилизировал коммуникативное пространство Советского Союза, потому что обозначал контуры общественно допустимого поведения и дискурса. Он позволял синхронизировать формы контактов между властвующими и подвластными в империи, регулировал тематику общественно значимых вопросов, пространственные и временные параметры. Он ограничивал пространство санкционированной коммуникации и соединял между собой части огромной империи благодаря тому, что повторяющиеся образцы действовали на всей территории страны. Повсюду Новый год начинался в одно и то же время, как диктовал красный календарь. Во всех городах создавались новые центры с новой советской топонимикой, новыми зданиями местной администрации и объектами культуры, во многих случаях также с памятниками Ленину. Повсеместно распространялись формы коммуникации, отвечавшие патерналистскому

---

¹ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2189. Л. 49–51.

² Так считает, в частности, К. Петроне: Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 1 ff.

³ Там, где живут по-советски // Воронежская коммуна. 1927. 15 июля. С. 2; Устрялов Н. В. «Служить родине приходится костями...» С. 28. См. также: Rolf M. «Das Leben ist leichter geworden»: Inszenierte Lebensstile zwischen 1927 und 1939 (Voronež) // Forum für Osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. № 6. H. 1. S. 147–175.

⁴ Автору сообщил об этом Йохен Хелльбек. См. также: Hoffmann D. L. Stalinist Values. P. 45 ff.

принципу господства, включая написание ходатайств и выражение благодарности какому-либо патрону, действовали одни и те же образцы писем читателей и доносов. Идеальные контуры общества советских граждан, ежедневно тиражируемые в медиа диктатуры, дополнялись реальным опытом функционирования официальной культуры, синхронизированной на всей государственной территории. Куда бы человек ни приехал в этом пространстве, он повсюду лицезрел одинаковые образцы стандартной советской культуры. Владивосток или Воронеж, Сталинск или Сталинабад, Россошь или Павловск — везде регуляторы культуры были одинаковы, как и медиа, с помощью которых регулирование свершалось.

Массовый праздник являлся одной из важнейших инстанций проведения советизации, он представлял общественности культурные нормы, которые в процессе их стандартного воплощения по всей стране и восприниматься должны были одинаково. Но проект внутренней советизации изначально вышел из-под пера функционеров партийного государства. Нет сомнений, что и в 1930-е гг. он оставался внутренне противоречивым. Дело в том, что на ранней стадии «Бури и натиска», как можно охарактеризовать начало истории новой культуры, сила риторики властей предрежащих была принята за их всемогущество. В Советском Союзе 1930-х гг. также существовали возможности для выражения своего «неверия». Внутренняя советизация вовсе не сводилась к мимическому подражанию официальным культурным нормам в повседневной жизни подданных и одинаковой интерпретации в их жизненных мирах. Там, где люди подхватывали советские стандарты, делали они это творчески, соединяя традиционные ролевые образцы с образцами советского происхождения. Они колонизировали официальные практики и использовали их в своих интересах. Поэтому внутренняя советизация будней и жизненных миров никогда не происходила как усвоение официальных велений в чистом виде. Скорее, процесс этот носил характер согласований, в которых принимали участие разные действующие лица неравных властных весовых категорий¹. «Советский человек», рождавшийся в процессе пропитывания всех сфер жизни советскими символами, ритуалами и риторикой, далеко не соответствовал представлениям о «новом человеке» — этому плоду мечтаний высокопоставленных функционеров от культуры. Homo sovieticus представлял собой скорее продукт смешения и взаимодействия весьма различных дискурсов и практик как традиционного, так и советского происхождения. Интеграция в более общую референтную систему советского образца

---

¹ Siegelbaum L. H. Introduction. P. 20 ff.

происходила не как рождение нового девственно чистого человека, а как процесс взаимовлияния практик и дискурсов до- и внесоветского происхождения. Мультивалентность источников идентификации не вытеснялась и не просто формализовалась под натиском «советского языка». Скорее, имело место скрещивание разнородных идентификационных и ролевых образцов и, как результат, — генерация чего-то нового. Становящийся «советский человек» был гибридным существом, в котором различные культурные образцы вели себя подобно осадочным слоям, отлагаясь и наслаиваясь друг на друга, постоянно изменяясь с различной скоростью и в постоянном взаимодействии. Одновременность неодновременного была при этом правилом, а не исключением¹.

Присвоение официального праздничного канона также происходило в виде такой трансформации. В этой связи своеобразные практики ассимиляции праздников и неподатливость старинных обычаев и традиций следует понимать как логичное поведение людей. Советские люди 1930-х гг. часто гармонизировали культурные практики, которые более поздним наблюдателям казались взаимоисключающими. При этом они были похожи на короля, вставшего с ложа любовницы, чтобы затем погрузиться в молитвенный транс во время богослужения². Взаимоисключаемость советских и традиционных культурных образцов до сих пор существует в головах некоторых современных историков, и это роднит их с идеологическими пуристами того времени.

В процессе трансформации в области праздничной культуры возникали такие же гибриды, как и люди, которые их практиковали. Интеграционный потенциал советских праздников заключался прежде всего в том, что они инкорпорировали традиционные элементы и оставались при этом довольно многослойным явлением культурной практики в период стремления к монокультуре. Этот интегративный компонент позволял внедрять советские по форме праздники, не прибегая к насилию. Примечательной особенностью официальной праздничной культуры и признаком ее внутренней амбивалентности была ее способность достаточно гармонично сочетаться с традиционными культурными образцами. Адаптация советской праздничной культуры, ее трансформация под воздействием старых привычек и своеобразие восприятия в контексте жизненных миров значительно облегчались благодаря этой противоречивости официальной праздничной культуры, составлявшей ее основную черту.

---

¹ См.: Koselleck R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt/Main, 2000. S. 9 ff. 19 ff.

² См.: Ariès P. *Die Geschichte der Mentalitäten // Die Rückeroberung des historischen Denkens* / hg. von J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. Frankfurt/Main, 1994. S. 137 ff.

Внутренняя советизация повсеместно продуцировала гибридные культуры, но часто наталкивалась и на пределы возможного. В сельских регионах РСФСР процесс советизации в 1930-е гг. происходил прежде всего в области экономики, так как принудительная коллективизация радикально изменила базовые условия существования крестьян. Но даже в колхозах, одевших крестьян в обязательную «униформу», продолжали жить традиционные формы организации труда¹. Тем более это касалось соблюдения обрядов и празднований². Однако есть некоторые свидетельства того, что в предвоенную декаду крестьяне глубже проникли в суть советских культурных форм, чем это может показаться. Уже во время столкновений с режимом, вызванных принудительной коллективизацией, крестьяне сознательно оскверняли символы путем их подмены и использовали праздничный канон ненавистных большевиков для выражения своего протеста. Вместо парада под красным стягом они выходили на демонстрацию под черными знаменами³. Подобные символичные инверсии говорят о том, что крестьянские иконоборцы хорошо понимали значение ниспровергаемого ими символического канона.

Процесс такого восприятия и критического присвоения культурных стандартов режима шел на протяжении всех 1930-х гг. Волна доноительства, прокатившаяся в 1937–1938 гг. по селам, показала, насколько хорошо крестьяне сориентировались в той обстановке и воспользовались официальными каналами коммуникации в своих собственных целях. Составление доносов практиковалось в советское время, хотя и в этом деле обнаруживается традиционная линия, восходящая к обычаям дореволюционной деревни⁴. То же самое можно сказать и о частушках. Крестьянская «контркультура» в фольклорном облачении постоянно осмеивала символы и ритуалы советской власти⁵. Именно это обстоятельство отражает тот факт, что мир сим-

---

¹ Merl S. Bauern unter Stalin. Die Formierung des Sowjetischen Kolchossystems 1930–1941. Berlin, 1990. S. 257 ff.; Merl S. Bilanz der Unterwerfung. S. 138.

² Dunn S. P., Dunn E. The Peasants of Central Russia. New York, 1967. P. 128 ff.; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 268 ff.; Maeder E. «Umer – radujsja, a rodilsja – plač». Totenritual und Sowjetisierung in einem altgläubigen Dorf in Sibirien // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / hg. von D. Weiss. Bern, 2000. S. 407 f.

³ McDonald T. A Peasant Rebellion in Stalin's Russia. P. 101.

⁴ См.: Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 820 ff.; Fitzpatrick S. How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces // The Stalinist Dictatorship / ed. C. Ward. London, 1998. P. 282 f.

⁵ Maeder E. «Proletarisierung» der Bauern oder «zweite Leibeigenschaft»? Kollektivierung und Kolchossystem // Utopie und Terror. Josef Stalin und seine Zeit / hg. von E. Maeder, C. Lohm. Zürich, 2003. S. 99; Rittersporn G. T. Das Kollektivierte Dorf in der bäuerlichen Gegenkultur. S. 156 ff.

волов режима все глубже проникал в сельскую среду. Но при этом возникало нечто новое: советский фольклор, который, в отличие от «псевдофольклора», не был искусственным продуктом, рожденным по заказу пропагандистского государства¹.

При взгляде на официальную праздничную культуру нельзя не заметить, насколько сильно продукты советской культуры, импортированные в деревню, искажались — порой до неузнаваемости — или просто игнорировались. Здесь очевидны границы внутренней советизации. Речь шла не столько об обогащении советских культурных стандартов традиционными элементами, сколько о продолжении традиций, на которые накладывался тонкий слой официальной символики и риторики. Что касается жизненных миров нерусских окраин империи, то о них нельзя сказать даже этого. Очевидно, советская власть не смогла добиться здесь большего, чем обратить взгляд традиционных культур на самих себя путем негативной стигматизации. Попытки внутренней советизации привели прежде всего к изменениям качества традиций, когда многовековой уклад, осознав себя, стал опорой инертности и сопротивления².

В городах РСФСР динамика развития была иной, причем не только в столицах, но и в таких провинциальных городах, как Воронеж, Новосибирск или Сталинск. Процессы коммуникации между людьми и партийно-государственными структурами протекали здесь интенсивнее, соответственно плотнее была и сеть инструментов регулирования языковой и поведенческой сфер. Режим прилагал все большие усилия в своем стремлении колонизировать все сферы жизни своих подданных. На рабочем месте, по месту жительства, в местах развлечения и отдыха или в семьях — нормирующая рука режима была вездесущей, везде комсомольцы, педагоги, милиционеры и шпики вносили свой вклад в инфильтрацию микроструктур городского общества стандартами официальной советской

---

¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 743. Л. 2, 5–9. См. также: Maeder E. *Partisanen und Poeten*. S. 13; Miller F. *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era*. Armonk, 1990. P. 7 ff.

² Йорг Баберовски показал на примере Азербайджана, как в борьбе с выдававшими себя за просветителей большевиками-колонизаторами местные традиционные практики и символы вообще стали осознаваться оседлым населением как признаки своей самости и тем самым превратились в качестве «саморефлектированных» элементов собственной культуры в объект культурного конфликта. См.: Baberowski J. *Die Entdeckung des Unbekannten: Russland und das Ende Osteuropas* // *Geschichte ist immer Gegenwart. Vier Thesen zur Zeitgeschichte* / hg. von J. Baberowski u. a. Stuttgart, 2001. S. 42. О том же писал Д. Нортрон: Northrop D. T. *Hujum. Unveiling Campaigns and Local Responses in Uzbekistan, 1927* // *Provincial Landscapes*. P. 145.

культуры¹. То, что жители домов и участницы женских собраний на Цеховой улице г. Сталинска в 1939 г. составляли рукописные протоколы о подготовке к праздникам, показывает со всей ясностью, насколько глубоко в процессе внутренней советизации нормы адекватного поведения советского гражданина — в данном случае речь идет о серьезной подготовке к празднику — проникли в гущу советского общества. Для соблюдения соответствующих процедур уже не нужны были специально подготовленные кадры. Так же как и обитатели барака № 8 в Магнитогорске, жители уже самостоятельно шли в ногу со стандартами советской культуры². К концу 1930-х гг. советские нормы вошли в обиход и на Цеховой улице г. Сталинска.

Внутренняя советизация городского пространства

Разумеется, внутренняя советизация в городах также не проходила гладко, как простое исполнение указаний сверху. Показательна в этом отношении трансформация в области городской топографии в 1930-е гг. Градостроители и постановщики праздничных мероприятий занимались созданием советского облика Воронежа и Новосибирска. Строились новые здания, центральным площадям присваивались новые названия, разрабатывались новые маршруты движения колонн демонстрантов в соответствии с перепланировкой городского пространства.

Однако для конституирования нового центра недостаточно наметить маршруты демонстраций и установить места проведения массовых манифестаций. Коллективная память города может оказаться очень неподатливой при проведении в жизнь официальных планов реконструкции. Нам известны альтернативные центры, продолжавшие существовать и на протяжении 1930-х гг., и в послевоенное время. К этим «контрцентрам» относились и культовые места активных верующих, и родившиеся из духа неповиновения пристанища пролетарской и молодежной субкультур, которые были недостижимы для официальных норм³. На менее доступных влиянию властных

---

¹ ЦДНВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2632. Л. 63–64; ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 202. Л. 67; Kostelina N. A. Tagebuch. S. 35.

² НФГАКО. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 267. Л. 71–120. На двери барака № 8 в Магнитогорске был вывешен список жителей с указанием имени, года и места рождения, классового происхождения, профессии, членства в комсомоле или партии и места работы. Таким образом социальная и политическая принадлежность жителей барака предавалась гласности: Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 198 ff., 215 ff.

³ См. также: Rùthers M. Öffentlicher Raum und gesellschaftliche Utopie. Stadtplanung, Kommunikation und Inszenierung von Macht in der Sowjetunion am Beispiel Moskaus

структур городских окраинах бытовали совершенно особые представления о пространственных иерархиях, там оставались в неприкосновенности и традиционные образчики поведения. Мигранты из крестьян устраивали свои встречи в барачных городках окраинных районов, в местах, напоминавших им привычную деревенскую среду¹. Слухи о «дурных местах», по-видимому, подпитывали консервативную общественную реакцию на бесцеремонные попытки власти осваивать в своих целях места традиционных церемониалов. Поэтому и в 1930-е гг. продолжали существовать и «дурные», и «альтернативные места», сохранявшие свое значение для современников с их собственными, далекими от официальной иерархии, пространственными представлениями.

Но формирующее влияние внутренней советизации сказывалось и на пространственном восприятии людей. Невзирая на то, что скопления бараков и землянок в 1930-е гг. сами были продуктами советского режима и его политики индустриализации, всякого рода советские культурные нормы проникали в эту промежуточную зону между городом и деревней. Новая одежда, участие в новых общественных играх, выработка нового социального самосознания или соприкосновение с официальной революционной риторикой, обещавшей улучшение положения пролетариев, находили доступ и в это пространство и налагали свой отпечаток на общение людей между собой. Новые вызовы и факторы принуждения, вторгавшиеся в жизненные миры, люди наполняли своим смыслом, совмещая их с индивидуальными потребностями².

Насколько традиционное поведение современников уживалось с попытками введения советского порядка, показывает то, как они использовали официальные пространственные структуры. Будь то Центральный парк им. Горького в Москве или провинциальный ботанический сад (затем парк культуры) в Воронеже — постоянно приходилось убеждаться, что это были места не только «культуры и отды-

---

zwischen 1917 und 1964 // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten. S. 86 ff.; Schlögel K. Der «zentrale Gor'kij Kultur- und Erholungspark» (CP-KiO) in Moskau. S. 262 ff.

¹ Hoffmann D. L. Urbanization and Social Change during Soviet Industrialization: In-Migration to Moscow, 1929–1937. Columbia, 1990. P. 350 ff.; Idem. Peasant Metropolis. P. 174 ff.

² Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 341 f.; Hoffmann D. L. Urbanization and Social Change during Soviet Industrialization. P. 357 ff.; Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 364 ff.; Rossmann J. J. Weaver of Rebellion and Poet of Resistance: Kapiton Klepikov (1888–1933) and Shop-Floor Opposition to Bolshevik Rule // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. № 44. H. 3. S. 397 f.

ха», как явствовало из их официального названия. Одновременно они были местами «бескультурия» (и отдыха), где посетители устраивали драки, напивались в кустах или совершали такие поступки, от которых у функционеров официальной культуры волосы становились дыбом¹. Чучела хулиганов из папье-маше, которые устанавливались на территории парков, оказывались слабым контрагитационным средством против этого пережитка прошлого. Хулиганы и носители неофициальной субкультуры продолжали использовать сугубо официальные места для своего привычного времяпрепровождения. Они делали это либо сознательно, чтобы надругаться над символами советской культуры и запугать порядочных советских граждан, как гласила официальная версия режима, либо выбирали парки культуры, демонстрируя свое присутствие рядом с нормами официально допустимого общежития. Как бы то ни было, их «художества» были связаны с объектами новой советской планировки пространства. В этом смысле внутренняя советизация коснулась и их, хотя способ поведения вряд ли согласовывался с понятием «социалистического города», идея организации которого воодушевляла большевистских градостроителей.

Но именно в том и заключалась сила процесса советизации, что его не нужно было сначала вводить на уровне сознания, и он не требовал признания официальных норм в их чистом виде. Большинство людей, вероятно, не задумывалось, какое место отводилось в новой городской планировке площади Ленина в Воронеже или площади Сталина в Новосибирске. Со временем они явочным порядком стали центром города, независимо от отношения людей к советской власти. Им просто не оставалось ничего другого, как ходить по новым улицам, советский пространственный порядок заявлял о себе молча и незаметно становился привычным. В обоих городах пространственная реконструкция на ментальном и физическом уровнях свершилась с течением длительного времени весьма успешно. Сегодня площадь Ленина — место проведения ежегодного новогоднего рынка и манифестаций различных политических движений. И связано это не только с ее размерами и функциональностью. Скорее всего, площадь Ленина и для воронежцев, и для новосибирцев — это единственно мыслимый *центр* города. Пусть среди них часто не бывает согласия по поводу содержания манифестаций и культурных мероприятий, общее для них то, что проходить они должны на площади Ленина. Официаль-

---

¹ В Ботаническом саду // Воронежская коммуна. 1927. 4 мая. С. 4; ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 79. См.: Kucher K. Der Moskauer Kultur- und Erholungspark. S. 124 ff.; Idem. Der Gor'kij-Park. Kap. 5.

ная советская топография стала привычной в жизни людей. Степану Подлубному или Михаилу Шабатину уже в конце 1930-х гг. было ясно: городское пространство принадлежит советским культурным и праздничным мероприятиям¹.

Внутренняя советизация в регионах

Таким образом, процесс внутренней советизации докатился в предвоенное десятилетие и до регионов. Но как он сочетался с регионализмом местных элит? Потенциал и ограниченность внутренней советизации, ее особенности и невольные последствия прослеживаются на примере инсценировок регионального значения, которые играли важную роль в советской провинциальной праздничной культуре.

Важно отметить отсутствие существенных региональных различий между праздничной культурой Воронежа и Новосибирска. За исключением специфических исторических юбилейных дат и тематической акцентуации регионально особенного, культурный контекст того или иного региона практически не влиял на проведение праздников в городах. Старая губернская столица Воронеж, пережившая смуты Гражданской войны, и молодой промышленный центр Новосибирск с разнородным составом населения, который сложился в процессе иммиграции в этот регион, не отличались друг от друга в том, как в них проходили официальные праздники. Пресс советской стандартизации был достаточно силен для того, чтобы положить конец всяким региональным поползновениям к самостоятельности в этой сфере и произвести на свет почти взаимозаменяемые праздничные формы в столь разных областях, как Сибирь и Черноземная область.

Не имели места даже противоречия между централизацией формального языка праздничных инсценировок и подчеркиванием региональной специфики, которые вышли на поверхность в 1930-е гг. в тематизации праздничных поводов. Можно говорить о параллельном развитии двух линий, которые скорее взаимодействовали, чем конфликтовали друг с другом. Именно благодаря тому, что празднования на местах имели региональную специфическую составляющую, было легче адаптировать региональную праздничную культуру к общезначимым стандартам официальной советской культуры. Хотя региональные события и отмечались, но происхо-

---

¹ Podlubnyj S. F. Tagebuch. S. 271; Шабатин М. И. Рязань конца 30-х глазами молодого человека. С. 198.

дило это в рамках унифицированного всесоюзного праздничного канона и имело в основном единую морфологию. Причем унификация и адаптация к всесоюзным праздничным формам совершались не только методами принуждения, контроля и цензуры со стороны центра, но и в значительной степени путем «автосоветизации» с деятельным участием региональных активистов. Последние безропотно копировали образцы московской стандартной культуры, хотя и отмечали специфические региональные даты, такие, как «День освобождения Новосибирска» или «День образования Черноземной области».

В конечном итоге проводившаяся элитами инсценировка региональных событий сама была побочным продуктом внутренней советизации. Нельзя не обратить внимания на то, что и в этом контексте речь шла о применении общей стратегии коммуникации властей с населением. В Воронеже или Новосибирске, Тамбове или Ростове — повсюду регионально особенное было частью общего сценария¹. Инсценировки регионально специфического не были исключительным феноменом, но носили общесоюзный характер. Причем появилось множество новообразований и в послереволюционное время. Центрально-Черноземная область — один из примеров такого советского артефакта. Инсценировки в рамках регионализма преследовали цель пробудить чувство привязанности к искусственно созданным административным образованиям и тем самым привить людям региональную идентичность. Можно сомневаться в том, что эта задача была решена в 1930-е гг., а ввиду непродолжительности существования таких региональных единиц, как Центрально-Черноземная область, она и вовсе была нереальной.

Но даже там, где более стабильные административные единицы сумели сформировать у людей подобие чувства приверженности к своему региону, это региональное сознание являлось продуктом советского влияния. Ведь административные границы устанавливались советской властью, и она же повсеместно проводила в жизнь идею связи жителей с вновь образованными региональными единицами. «Вся страна» состояла из таких единиц, имевших различный административный статус и праздновавших свои собственные праздники. Инсценировки в рамках регионализма, так же как и nation-building (национальное строительство), были составной частью санкционированной политики «affirmative action empire» («империи выдвигенче-

---

¹ По Ростову: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 161. Л. 326. Подробнее по этому вопросу см.: Рольф М. Инсценировки империи и репрезентации региональности: Спортивные парады и региональные праздники сталинской эпохи // *Ab Imperio*. 2006.

ства»). В советской коммуналке помимо комнат республик имелись еще и комнатки регионов¹.

Но в рамках такой политики образование партикулярных административных единиц не являлось самоцелью. Региональная самость рассматривалась скорее как инструмент для пропаганды советских стандартов. «Региональный по форме, советский по содержанию» — так гласило руководство к действию партийного государства, в котором форсированными темпами велось региональное строительство. В контексте общественных инсценировок регион всегда был связан с более общим проектом «строительства социализма в отдельно взятой стране», великая история завоеваний которой конкретизировалась в малых «достижениях».

Многочисленные соревнования между регионами на производственном, культурном и спортивном фронтах, которые пользовались огромным вниманием со стороны инсценированной общественности как во время празднований, так и в других контекстах, служили репрезентации Советского Союза как единого целого². Соревнование между Магнитогорском, Харьковом и Кузнецком всегда подразумевало существование Советского Союза как соревнующегося сообщества, членами которого являлись конкуренты³. Нередко весь Союз СССР представлял собой арену для выступлений активистов со всех регионов⁴. Победа в таком соревновании преподносилась пропагандой как успех целого региона, но всегда в составе великого единого государственного образования. Скрепам этого единства во всех региональных контекстах служили инсценировки, использовавшие гомологические формы. Формы, основные образцы и темы соревнований были одинаковы повсюду в Советском Союзе, и всюду это считалось нормальным. В силу этого они продуцировали советскую идентичность не только тем, что служили инсценировке Советского Союза в качестве коммуникационного пространства, но и тем, что создавали в региональных контекстах идентичные структуры в качестве основы для этой коммуникации. Это обстоятельство еще раз подтверждает вывод: репрезентация идентичности была медиумом для формирования этой самой идентичности.

---

¹ O nation-building см., в частности: Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001; Slezkine Yu. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. 1994. Vol. 52. № 2. P. 414–452; *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / eds. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001.

² ГАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1271. Л. 5–7; Ф. 906. Оп. 1. Д. 59. Л. 20–30.

³ Так у Катаева («Время, вперед!»).

⁴ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 202. Л. 16–17.

Однако повсеместное распространение регионализма таило в себе опасность нежелательных последствий для центра. Москва бдительно следила за тем, чтобы регионы не становились самостоятельными. Если, по мнению верхов, региональные партийные руководители слишком далеко заходили в своей местнической политике и в демонстрации своей особенности, к ним применялись санкции. Но в конечном итоге Москве не удалось надолго пресечь тенденции регионального (и национального) обособления даже ценой кровавого террора. Как бы то ни было, несмотря на все непредвиденные последствия, регионализм и его инсценировки изначально являлись результатом официального проекта партийного государства. Это один из примеров того, как происходившая внутренняя советизация продуцировала зародыши новых конфликтов. Новые конфликты по своей форме, риторике и содержанию были советского происхождения.

Внутренняя советизация в длительной перспективе

Таким образом, процесс советизации в 1930-е гг. шагнул в регионы, которые сами являлись продуктом режима. Присвоение ритуального канона на местах с участием большого числа действующих лиц показывает, что этот процесс ассимиляции происходил в виде творческой и своеобразной адаптации советских культурных стандартов и что его продукт представлял собой скорее гибридную смесь, чем официальную культуру в чистом виде. В ходе интенсификации и уплотнения коммуникации, которая формировалась партийным государством или испытывала на себе его влияние, понятия, символы и ритуалы режима проникали в жизненные миры жителей, населявших просторы провинции. В конце предвоенной декады блюстители нравов диктатуры имели дело не столько с проблемой обеспечения явки на праздники красного календаря, сколько с проблемой отсутствия своих подданных на рабочем месте после праздника. Акцент в пропаганде стопроцентной явки теперь был смещен с обеспечения массовости демонстрации на ограничение праздничного беспутства разгулявшихся людей. В этом отразилось существенное изменение значения понятия «явка», что указывает на нормализацию восприятия советских праздников массами, а также на их трансформацию в общественном сознании. Люди перестали избегать официальных праздников режима, но использовали их для увеселений, последствия которых могли отрицательно сказаться на их производительности на следующий день.

Автобиография успехов «социалистического строительства» в интерпретации режима выдерживалась в тонах света и тени. Страна вышла из тьмы прошлого и вступила на путь, ведущий в светлое бу-

душее. Жизнь в таких городах, как Новосибирск и Воронеж, похоже, начинала соответствовать этой телеологии и отражалась в праздничных инсценировках. Если еще в 1927 г. в день празднования 10-й годовщины Октябрьской революции города с наступлением вечера погружались во тьму, то через 10 лет они сияли в огнях иллюминации. За эти годы были построены новые городские центры, по которым праздничные хореографы проводили колонны демонстрантов и спортсменов, одетых в белое. Города, воспринимавшиеся проводниками культурной революции в конце 1920-х гг. как поле брани, на котором разворачивалась борьба между традиционными формами жизни и нормами режима, превратились в советизированные городские территории, где теперь доминировала в ореоле самолюбования гегемонистская праздничная культура. В Новосибирске на месте бывшей Базарной площади с драками по праздникам красовалась площадь Сталина с оперным театром, по ней шагали теперь организованные в стройные колонны демонстранты¹. Границы культурных конфликтов отодвинулись на географическую периферию империи. В 1937 г. Новосибирск сложил с себя статус столичного города пограничного региона и превратился в настоящий «областной центр» советской провинции².

То, что эта нормальность была замешена на крови и насилии, показано во множестве исторических исследований. В данной и других работах прослеживается тезис о том, что эта нормальность не соответствовала строгим нормам, задававшимся режимом. Но конец 1930-х гг. дает нам лишь моментальный снимок более длительного процесса внутренней советизации. Крестьяне Третьей республики тоже не стали французами за два десятилетия³. Утверждение советских культурных стандартов во всем обществе происходило на протяжении длительного времени, включая период Второй мировой войны, послевоенное время, а также продолжение после 1953 г. В 1930-е гг. был заложен лишь фундамент «советской цивилизации» с ее собственным ценностным каноном, символьным космосом и самодостаточными критериями организации. Довоенный сталинизм представляет собой поэтому не столько этап развитой специфической цивилизации, сколько фазу ее зарождения⁴.

---

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 172. Л. 157; Красильников С. А. Хроника событий. С. 28 и сл.; Митюшин А. И., Угроватов А. П. Материальное положение сотрудников правоохранительных органов Сибири в 1920-е гг. С. 72.

² См.: Shearer D. R. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. P. 213 ff.

³ Юджин Уэбер проследил этот процесс протяженностью в 50 лет. См.: Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, 1976.

⁴ См.: Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 355 ff.

Однако взгляд на зародыш новой цивилизации стоит затраченных усилий, независимо от того, было ли в это время большинство населения в чисто количественном отношении уже «перековано». В 1930-х гг. на ограниченном пространстве городов отрабатывались модели коммуникации, апробировалась тактика присвоения официальных установок, которые стали особенно актуальными, когда в процессе урбанизации послевоенного времени большинство людей превращалось в новых горожан. Внутренняя советизация 1930-х гг. заложила культурные основы последующей урбанизации Советского Союза.

Одним из важнейших медиумов внутренней советизации был массовый праздник. По этому каналу советская стандартная культура в 1930-е гг. проникала также в провинциальные города. Он являлся фактором, оказывавшим влияние на изменение лица городов, пусть сначала эти перемены касались лишь топографии, но она проектировалась с учетом требований к хореографии советского праздника. Формирующее влияние советской праздничной культуры как медиума и катализатора внутренней советизации сказалось лишь в долгосрочной перспективе, короткого промежутка времени в два десятилетия для этого оказалось недостаточно. В следующей, заключительной главе мы рассмотрим советскую праздничную культуру в более широком контексте.

Часть V

КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ

ПРАЗДНИКИ СОВРЕМЕННЫХ ДИКТАТУР

В последние годы «Европа диктатур» привлекает к себе все более пристальное внимание как исследователей, так и общественности, особенно с тех пор, как стало ясно, что сравнение не означает отождествления. Праздникам тоталитарных режимов был посвящен также ряд выставок и художественных изданий¹. Праздничные и спортивные мероприятия национал-социализма и социализма, на первый взгляд, удивительно похожи между собой, если, к примеру, сравнить то, что снимали Иван Шагин и Лени Рифеншталь². Эта схожесть основана на одинаковой хореографической модели, где однотипные люди в одинаковой форменной одежде движутся синхронными рядами. Трудно отделаться от впечатления, что фирменным знаком праздников диктатур в 1930-е гг. были маршировка в ногу или движение людей в едином ритме.

Констатация родственности эстетических моделей неизбежно порождает вопросы о формах колонизации общественного пространства тоталитарными режимами с помощью праздников. Существует ли общая базовая модель праздников тоталитарных диктатур, невзирая на их идеологические различия? Можно ли говорить о едином типе праздников диктатур? В чем состоит, с другой стороны, своеобразие того или иного праздничного ландшафта? Какими специфическими чертами обладает тот или иной режим? Старые вопросы об общем и особенном у диктатур вновь становятся в повестку дня, если обратиться к феномену праздника³. Контекстуализация советских праздников

---

¹ Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945, XXIII. Kunstausstellung des Europarates / eds. D. Ades u. a. London, 1996; Berlin — Moskau / Moskau — Berlin, 1900–1950, Ausstellungskatalog / hg. von I. Antonowa, J. Merkert. München, 1995.

² См. сцены «Вольные упражнения на Олимпийском стадионе» из фильма Лени Рифеншталь об Олимпийских играх 1936 г. (Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 279).

³ Общее сравнение диктатур см., в частности: Beyrau D. Einführung // Im Dschungel der Macht: Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / hg. von D. Beyrau. Göttingen, 2000. S. 9–42; Diner D. Gedächtnis und Erkenntnis // Osteuropa. 2000. № 50. H. 6. S. 698–708; Kershaw I., Lewin M. Introduction // Stalinism and Nazism. Dictatorships in

методом сравнения с тем же феноменом за пределами Советского Союза может помочь в уточнении основополагающих черт, «духа и лица»¹ советской праздничной культуры и в определении характера советского господства. Процессы трансфера, т. е. взаимовосприятия и взаимопроникновения, в этом секторе культуры также нуждаются в изучении, чтобы выяснить, насколько разные режимы пребывали в едином коммуникационном пространстве².

Подобные сравнения представляют собой научную «целину». В отличие от XIX столетия, до сих пор нет сравнительных исследований в области праздничных культур XX в. В редких работах раннего периода предпринималась попытка сравнения праздничных календарей различных государств, да и то в ограниченных пределах³, более новые исследования по праздничной тематике чаще обходят стороной вопрос о соотношении разных культур в этой сфере. Праздник как самостоятельный объект исследования не смог пока утвердиться и в контексте сравнительного изучения диктатур. За некоторыми ис-

---

Comparison / eds. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge, 1997. P. 1–25; Schmichen-Ackermann D. Diktaturen im Vergleich. Darmstadt, 2002; Wehler H.-U. Diktaturenvergleich, Totalitarismustheorie und DDR-Geschichte // Doppelte Zeitgeschichte. Deutsch-Deutsche Beziehungen 1945–1990 / hg. von A. Bauerkämper u. a. Bonn, 1998. S. 346–352.

¹ Fülöp-Miller R. Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjetrußland. Zürich, 1926.

² Значение исследования межкультурного взаимовлияния в последнее время подчеркнул Йоханнес Паульман. При этом речь идет не просто о заимствовании культурных образов, а о селективном присвоении воспринятых чужих практик, их адаптации к собственному культурному контексту и слиянии с наличными представлениями и привычками. В этом смысле культурный трансфер означает не столько обмен культурами, сколько обмен *между* культурами. См.: Paulmann J. Internationaler Vergleich und interkultureller Transfer // Historische Zeitschrift. 1998. № 267. H. 3. S. 678; Burke P. Kultureller Austausch. Frankfurt/Main, 2000. S. 13. Значение «анализа трансфера» отмечают также: Middell M. Kulturtransfer und Historische Komparatistik — These zu ihrem Verhältnis // Comparative. 2000. Vol. 10. № 1. P. 18; Osterhammel J. Transferanalyse und Vergleich im Fernverhältnis // Vergleich und Transfer. Komparatistik in den Sozial-, Geschichts- und Kulturwissenschaften / hg. von H. Kaelble, J. Schriewer. Frankfurt/Main, 2003. S. 464 ff. Марк Блок еще в 1928 г. выдвигал подобную аргументацию и ставил вопрос о необходимости исследования взаимных влияний «соседних обществ». См.: Bloch M. Für eine vergleichende Geschichtsschreibung der europäischen Gesellschaften // Alles Gewordene hat Geschichte. Die Schule der «Annales» in ihren Texten 1929–1992 / hg. von M. Middell. S. Sammler. Leipzig, 1994. S. 125 ff.

³ См.: Gebhardt W. Fest, Feier und Alltag. Über die gesellschaftliche Wirklichkeit des Menschen und ihre Deutung. Frankfurt/Main, 1987. S. 108 ff.; Lane C. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society — The Soviet Case. Cambridge, 1981. P. 252 ff.; только по Италии и Германии: Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland / hg. von S. Behrenbeck, A. Nützenadel. Köln, 2000. S. 191–220.

ключениями, исследователи ограничиваются постановкой вопросов, не предлагая пока готовых результатов сравнения праздничных культур тоталитарных и авторитарных режимов¹. В отличие от политических структур, насильственности или разрушительного потенциала режимов, сфера символического, ритуального и праздничного до сих пор не исследована в сравнительном плане².

Иная ситуация наблюдается в области исследования праздников отдельных диктатур. Здесь в последние годы появился целый ряд работ, обратившихся к феноменологии праздника, прежде всего в национал-социалистической и фашистской диктатурах, и создавших дифференцированную картину этих праздников, позволяющую пересмотреть ранее существовавшие гипотезы простой «манипуляции» с помощью «магии» безусловно организованных праздничных мероприятий³. Результаты недавних исследований в этой сфере нуждаются в сравнении с советской праздничной культурой. Какое место в целом отводилось праздникам в этих авторитарных режимах, какие аналогии просматриваются в условиях диктатур, насколько поддается определению взаимовлияние праздничных культур разных диктатур и какие существенные различия обнаруживаются в праздничных календарях национал-социалистического, фашистского и советского режимов?

Прежде всего, однако, следует задаться вопросом о границах подобного сравнения, чтобы установить существующие имплицитно рамки исследовательского поля и обозначить фундаментальную эвристическую проблему, часто возникающую при практикуемых сравнениях диктатур. Дело в том, что, задаваясь целью сравнения диктатур, авторы исследований, как правило, по определению выносят за

---

¹ Краткие сравнения праздников диктатур см.: Lane C. The Rites of Rulers. P. 252 ff.; Stommer R., Dalügge M. Masse—Kollektiv—Volksgemeinschaft. Massenästhetische Inszenierungen der zwanziger und dreißiger Jahre // Berlin — Moskau / Moskau — Berlin, 1900—1950, Ausstellungskatalog / hg. von I. Antonowa, J. Merkert. München, 1995. S. 349—356. См. также: Rolf M. Die Feste der Macht und die Macht der Feste, Fest und Diktatur — zur Einleitung // Journal of Modern European History. 2006. Vol. 3. № 1.

² Сравнительные исследования диктатур, в которых сравнениям подвергаются Советский Союз и национал-социалистическая Германия, пока находятся в самом начале. См., в частности: Beyrau D. Schlachtfeld der Diktatoren. Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin. Göttingen, 2000; Totalitarismen im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung / hg. von E. Jesse. Bonn, 1996; Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison / eds. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge, 1997. Вскоре ожидается выход из печати сравнительного сборника, который подготовили к изданию Майкл Гейер и Шейла Фицпатрик.

³ Об этом пишет К. Фондунг: Vondung K. Magie und Manipulation. Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus. Göttingen, 1971.

скобки своих штудий демократические государства. Но такое сужение поля зрения таит в себе опасность попадания в герменевтический замкнутый круг, когда подтверждаются лишь заранее установленные гипотезы. Ведь «специфически диктаторское» можно выявить лишь при сравнении с недиктаторскими системами, исследовательский итог не должен быть результатом морализирующей дедукции. В силу этого давно назрели сравнения, выходящие за рамки системы, например выяснение контрастов между Советским Союзом 1930-х гг. и США периода «бурных 1920-х» и «Нового курса». Здесь открываются новые перспективы, выходящие за рамки обычного сравнения между диктатурами¹.

Поэтому сравнительная дискуссия о феномене праздника, сопоставление праздничных календарей фашистской Италии, национал-социалистической Германии и Советского Союза предполагают обязательный учет фундаментальной специфики диктатуры. Эту специфику мы обсудим во вторую очередь. Прежде всего — выделим общее и особенное в праздниках каждой из трех диктатур и поставим вопрос о путях их взаимовлияния.

Праздники в фашистской Италии

Режим Муссолини основывался на театральных инсценировках. «Марш на Рим» 1922 г., как его окрестили сами фашисты, явился силовой демонстрацией чернорубашечников, открывшей этому движению путь к образованию правительства². Демонстрация силы и готовности применить насилие положила начало захвату власти и задала направление дальнейшему развитию режима. Диктатура Муссолини во многих своих чертах была инсценирующей диктатурой. Сила «Новой Италии», а с 1936 г. вновь созданной империи представляла собой продукт прежде всего помпезных репрезентаций. Общественные театрализованные демонстрации власти соответственно заняли центральное место среди мероприятий в фашистской Италии, а мно-

---

¹ Hanp.: *Propaganda and Dreams. Photographing the 1930s in the USSR and the USA* / ed. L. Bendavid-Val. New York, 1999; Haspel M. *Politischer Protestantismus und gesellschaftliche Transformation. Ein Vergleich der evangelischen Kirchen in der DDR und der schwarzen Kirchen in der Bürgerrechtsbewegung in den USA*. Tübingen, 1997; Patel K. K. «Soldaten der Arbeit». Arbeitsdienste in Deutschland und den USA 1933–1945. Göttingen, 2003.

² См.: Reichardt S. *Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadristo und in der deutsche SA*. Köln, 2002. S. 133 ff.; Schieder T. *Italien vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg* // *Geschichte Italiens* / hg. von M. Seidmayer. Stuttgart, 1989. S. 458 ff.

гочисленные праздники нового календаря служили для этого главной трибуной¹.

Новый праздничный календарь был издан в 1926 г. Он положил начало новому отсчету времени с наступления «фашистской эры» в 1922 г. Главным праздником была провозглашена годовщина мифологизированного в качестве революции марша на Рим 31 декабря. В честь этого события по круглым датам проводились крупные инсценировки, выставки, мероприятия в области архитектуры и создавались произведения искусства и культуры². Фашистские эксперты стремились колонизировать счет времени, подчинить его ритму праздничного календаря по всей Италии³. Одновременно после захвата власти они пытались, не прибегая к насилию, нейтрализовать праздничные даты рабочего движения, а до этого не останавливались и перед террористическими методами, чтобы сорвать такие празднования⁴. Например, 1 Мая противопоставлялся праздник «Основания Рима» 21 апреля. Последнему приписывалось значение «праздника труда и экономического производства», т. е. то, что должен был выражать день 1 Мая.

Пытаясь внедрить в жизнь общества новый праздничный календарь, фашистские драматурги по своему усмотрению использовали существующие традиции, продуцировали новые формы празднований, синкретически соединявшие стилевые особенности различного происхождения. Сравнительно либеральная культурная политика, персонифицированная в лице министра культуры Джузеппе Боттаи, всячески избегала однозначной ориентации на некий «фашистский реализм» и оказывала непосредственное влияние на формирование праздничной культуры⁵. Интересам достижения широкого консенсуса соответствовало стремление к вовлечению в праздничное сообщество все новых слоев итальянского общества. Фашисты вовсе не

---

¹ См.: Berezin M. *Making the Fascist Self. The Political Culture of Interwar Italy*. Ithaca, 1997; Idem. *The Festival State: Celebration and Commemoration in Fascist Italy* // *Journal of Modern European History*. 2006. Vol. 3. № 1; Falasca-Zamponi S. *Fascist Spectacle. The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*. Berkeley, 1997.

² См.: Benton T. *Das Römische Reich entsteht wieder. Architektur // Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945* / hg. von D. Ades u. a. London, 1996. S. 125; Nützenadel A. *Staats- und Parteifeiern im faschistischen Italien // Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland* / hg. von S. Behrenbeck, A. Nützenadel. Köln, 2000. S. 132 ff.

³ Berezin M. *Making the Fascist Self*. P. 141 ff.

⁴ Schieder T. *Italien vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg*. S. 460.

⁵ См.: Coen E. «Wider den platten Konformismus»: Giuseppe Bottai und die Kultur in der faschistischen Ära // *Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945*. S. 178–181.

скрывали, что их официальным празднествам присущ откровенно синкретический характер. Бенито Муссолини, в частности, писал: «Каждая революция создает новые формы, новые мифы и ритуалы: для этого необходимо использовать и трансформировать старые традиции. Нужно создавать новые праздники, жесты и формы, чтобы они в свою очередь становились традицией. [...] Мы играем мелодию на всех струнах: от насилия до религии, от искусства до политики»¹.

Цель проведения крупных праздничных мероприятий, помимо демонстрации всемогущества режима и его вождя, заключалась прежде всего в продуцировании «нового человека» в «обновленной Италии». Здесь со всей очевидностью проявилась дидактическая функция праздников и других ритуалов. «Новый итальянец» должен был рождаться в лоне фашистских праздников, ритуалы праздника совершеннолетия, синхронность движений во время массовых занятий физическими упражнениями являлись средством укрепления связей с режимом молодежи, которая, как предполагалось, должна была стать главной носительницей новой концепции *rolo* (нации). Как показала Симонетта Фаласка-Дзампони, массам и массовой хореографии отводилась двоякая роль. С одной стороны, они служили исходным материалом для удовлетворения эстетических амбиций верховного ваятеля, каким представлялся дуче Муссолини, которому нравилось дирижировать людскими массами. С другой — были активным носителем новой политической концепции «площадной политики», центральную роль в ней играла общественная аккламация. Инсценированная диалогичность коммуникации между вещающим с высокого балкона дуче и одобрительно внимающей его речи собравшейся на площади народной массой характеризовала политический стиль фашизма 1920–1930-х гг.² Цель таких инсценировок заключалась в достижении повышенного эмоционального тонуса масс. Как явствует из некоторых сообщений очевидцев, часть присутствовавших на таких манифестациях действительно впадала в своего рода сексуальный экстаз³.

---

¹ Цит.: Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus*. Frankfurt/Main, 1991. S. 209. Об этом же см.: Lill R. *Geschichte Italiens in der Neuzeit*. Darmstadt, 1988. S. 320 ff.; Nützenadel A. *Staats- und Parteifeiern im faschistischen Italien*. S. 145 f.; Valli R. S. *Jugendfeiern im faschistischen Italien. Die Leva Fascista // Inszenierungen des Nationalstaats*. S. 120 ff.

² Falasca-Zamponi S. *Fascist Spectacle*. P. 5 ff.

³ Kühberger C. *Metaphern der Macht. Ein kultureller Vergleich der politischen Feste im faschistischen Italien und im nationalsozialistischen Deutschland*. Münster, 2006. S. 280 ff.; Berezin M. *The Festival State*.

Для придания вящей убедительности аккламационному политическому стилю, более внушительной демонстрации личности дуче, который с середины 1930-х гг. все больше выдвигался на авансцену массовых действ, и вообще для презентации того нового, что нес с собой режим, фашисты полагали необходимым избавляться от многочисленных наслоений прошлого. Поэтому для «Новой Италии» был характерен культ ниспровержения, а ее праздники, как и архитектурные мероприятия, часто представляли перед глазами общественности в открыто деструктивном свете. Так, в 1934 г. Муссолини объявил: «Теперь слово имеет кирка!» Да и сам он охотно позировал перед фотокамерами в роли разрушителя с киркой в руках¹. Специфика фашистской Италии заключалась в том, что во время праздников не только проводились церемонии закладки фундаментов и торжественных открытий, но к ним приурочивались и ритуалы сноса старых строений. В этих инсценировках отчетливо проглядывает стремление к созданию широких открытых пространств, расчистке местности, на которой должны были возвышаться новые монументы фашизма. К наиболее выдающимся парадным проектам соответственно относилась закладка новых городов в Понтийских болотах в период с 1928 по 1940 г., где фашисты могли вести свое не обремененное глубинными историческими традициями градостроительство с чистого листа. Праздники фашистского календаря проводились там в архитектурном обрамлении, где диктатура выступала, как на «превосходно оформленной сцене». Празднества и архитектурная среда дополняли и усиливали друг друга². На этой сцене Муссолини мог выступать как верховный зодчий, формирующий лицо «Новой Италии». Новые города стали также излюбленным местом визитов иностранных делегаций³.

Массовые праздники, устраиваемые Муссолини, как и архитектура, были призваны демонстрировать новизну фашистской эры и показывать мощь новой итальянской империи. В этих целях режим сознательно подчеркивал историческое величие античной империи. Муссолини рядился в тогу обновителя исторической миссии Римской империи, поэтому и в архитектуре, и в оформлении праздников постоянно присутствовали реминисценции, связанные с этой великой предшественницей. Такие крупные проекты, как Форум Муссолини или Дворец связи и транспорта, будили ассоциации с монументальными

---

¹ Benton T. Das Römische Reich entsteht wieder. S. 121.

² См.: Kühberger C. Faschistische Selbstdarstellung. Eine Retortenstadt des Faschismus als Bühne des Faschismus. Berlin, 2001.

³ См.: Kühberger C. Die vergessenen Städte Mussolinis: Faschistische Selbstdarstellung in den Retortenstädten des Diktators // Zeitgeschichte. 2002. № 29. H. 1. S. 28 ff.

античными строениями, а праздники, подобные «Основанию города Рима», и ритуал «римского приветствия» воскрешали в сознании овеянные легендами и мифами времена седой римской старины. Имперская политика в отношении Средиземноморья и Африки следовала по стопам бывшего военного величия Римской империи¹. Апелляции к античности являлись одним из центральных звеньев стратегии обоснования легитимности нового режима, в этом же направлении был сориентирован и фашистский праздничный канон. Например, миф об основании Рима лег в основу праздничной даты. Античные здания использовались в качестве декораций при проведении и других праздников, а крупные мероприятия устраивались в амфитеатрах².

Образ античности использовался при этом чрезвычайно избирательно. Для его пропаганды применялись исключительно современные средства. Предпочтение отдавалось военным аспектам Римской империи. Показательны в этом отношении превосходно организованные спортивные праздники и представления физически подготовленной молодежи с прославлением античных образцов: преподавание гимнастики в Фашистской академии физического воспитания имело прежде всего военную коннотацию; речь шла о физической закалке молодежи и ее подготовке к солдатской жизни. Спортивные праздники на крупных, выдержанных в античном стиле аренах, значение которых подчеркивалось присутствием Муссолини, выглядели как представления ритмизированного коллектива, демонстрировавшего военную мощь и готовность к обороне³. Пропагандистский аппарат режима виртуозно использовал в своих целях самые современные технические средства, прежде всего кино, радио и громкоговорители. Центральные римские мероприятия благодаря этому приобретали общенациональное звучание и задавали нормы, которым следовали организаторы региональных празднеств⁴.

В хореографии большей части праздников центральное место отводилось молодежи. Праздничные ритуалы, такие, как обряд совершеннолетия *Leva Fascista* («Фашистский призыв»), ставили моло-

---

¹ См.: Benton T. Das Römische Reich entsteht wieder. S. 146 ff.; Falasca-Zamponi S. *Fascist Spectacle*. P. 89; Terhoeven P. *Liebespfand fürs Vaterland: Krieg, Geschlecht und faschistische Nation in der italienischen Gold- und Ehrengsammlung 1935/36*. Tübingen. 2003. S. 412 ff.

² См.: Falasca-Zamponi S. *Fascist Spectacle*. P. 81; Nützenadel A. *Staats- und Parteifeiern im faschistischen Italien*. S. 137.

³ См.: Benton T. Das Römische Reich entsteht wieder; Valli R. S. *Jugendfeiern im faschistischen Italien*.

⁴ См.: Berezin M. *The Festival State*. Более критически: Nützenadel A. *Staats- und Parteifeiern im faschistischen Italien*. S. 140 ff.

дежь в один генеалогический ряд со старыми воинами, во время этого обряда совершалась символическая передача карабина, демонстрировавшая единство поколений и братство по оружию между ними¹. Тем самым подчеркивалось духовное родство фашистской молодежи с мучениками движения, последним воздавались общественные почести, а их дело должна была завершить молодежь. Смерть на поле брани приобретала смысл в солдатском единении разных поколений ради участия в общем деле «Новой Италии». Самопожертвование ради общих интересов инсценировалось как долг, исполнение которого было обязанностью «новой молодежи». Бенито Муссолини высказался по этому поводу в 1941 г. следующим образом: «Потому что только жертвенная кровь обладает величием; все остальное — это преходящая материя. Только кровь одухотворена, только кровь имеет значение в жизни каждого и жизни целых народов: только кровь окрашивает славу в пурпурный цвет»². Война и смерть на полях сражений в Абиссинии и Испании продолжали затем серию торжественных репрезентаций.

Фашистская Италия служила примером для германского национал-социализма не только в части инсценировок мученичества и готовности молодежи к принесению жертв. Гитлеровский режим и его пропагандисты жадно впитывали в себя развитое искусство общественных празднеств в Италии. Национал-социализм охотно адаптировал апробированные в Италии праздничные формы. Но влияние было взаимным. Обмен визитами Гитлера и Муссолини, их похвальные и восхищенные отзывы о ритуальных канонах того и другого режима свидетельствуют о положительном восприятии друг друга на высшем политическом уровне; эти визиты дополнялись многочисленными поездками нижестоящих партийных чинов, что придавало обменам еще большую действенность и широту³. Но национал-социалистиче-

---

¹ См.: Berezin M. *Making the Fascist Self*. P. 141 ff.; Friedrich C. J. *Totalitäre Diktatur*. Stuttgart, 1957. S. 120; Spagnoletti G. «Gott gibt uns das Brot, er bereitet es uns und verteidigt es». Bild und Mythos Mussolinis im Film // *Führerbilder: Hitler, Mussolini, Roosevelt, Stalin in Fotografie und Film* / hg. von M. Loiperdinger, R. Herz, U. Pohlmann. München, 1995. S. 111–134; Valli R. *S. Jugendfeiern im faschistischen Italien*.

² Mussolini B. *Ich rede mit Bruno*. Essen, 1942. S. 155. См. также: Aragno P. *Futurismus und Faschismus. Die italienische Avantgarde und die Revolution* // *Faschismus und Avantgarde* / hg. von R. Grimm, J. Hermand. Königstein/Ts., 1980. S. 85 ff.; Mosse G. L. *Futurismus und Avantgarde* // *Ibid.* S. 137 ff.; Nützenadel A. *Staats- und Parteifeiern im faschistischen Italien*. S. 142 ff.; Terhoeven P. *Liebespfand fürs Vaterland*. S. 124 ff.

³ См.: Elliot D. *Der Kampf um die Kunst* // *Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945*. S. 30; Fraquelli S. *Alle Wege führen nach Rom* // *Ibid.* S. 131; Nolte E. *Der Faschismus in seiner Epoche: Action française, italienischer Faschismus, Nationalsozialismus*. München, 1986. S. 290 ff.

ская праздничная культура представляла собой гораздо более широкое явление, нежели простую копию итальянской. Она выросла из других традиций и развивалась в другом историческом контексте.

Праздники в национал-социалистической Германии

«Марш на Рим» Муссолини подтолкнул гитлеровское движение к аналогичным акциям уже в 1923 г. Но, как известно, выступление мюнхенских путчистов было сорвано баварской земельной полицией¹. Тем не менее после захвата власти в 1933 г. мюнхенские события стали поводом для центрального праздника в календаре национал-социалистов. Ежегодно 9 ноября с большой помпой в стиле инсценировки страстей Христовых стал отмечаться так называемый День движения, а местом его проведения был избран получивший почетный титул «столицы движения» Мюнхен. Эти празднования сопровождались обрядами поминовения жертв и поклонения «кровавому знамени»². Подобно муссолиниевской Италии, национал-социалисты рассматривали начало своего прихода к власти в телеологическом ракурсе и инсценировали его в форме революционного мифа о рождении движения³.

Так же обставлялись события, связанные с захватом власти в 1933 г. Общественные праздничные мероприятия и факельные шествия национал-социалистов демонстрировали полный разрыв с «Веймарской системой», который на самом деле не был абсолютным, поскольку консервативные министры, такие, как Франц фон Папен или Альфред Хугенберг, заседали в кабинете министров. Триумфальный марш СА через Бранденбургские ворота символизировал назначение Гитлера рейхсканцлером, истолкованное как начало «Нового времени» и как исполнение искупительного подвига Германии⁴. В последующие годы это толкование событий было закреплено в национал-социали-

---

¹ Запланирован был «марш на Берлин». О путче см. также: Fest J. C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1974. S. 260 ff.

² См., в частности: Behrenbeck S. Durch Opfer zur Erlösung. Feierpraxis im national-sozialistischen Deutschland // Inszenierungen des Nationalstaats. S. 150; Hockerts H. G. Mythos, Kult und Feste. München im Nationalsozialistischen «Feierjahr» // München «Hauptstadt der Bewegung». Bayerns Metropole und der Nationalsozialismus / hg. von R. Bauer. München, 1993. S. 331–341; Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. München, 1956. S. 101 ff. Автор выражает благодарность Кирану Пателью за ценные сведения о литературе.

³ Vondung K. Revolution als Ritual. Der Mythos des Nationalsozialismus // Revolution und Mythos / hg. von D. Harth, J. Assmann. Frankfurt/Main, 1992. S. 206–218.

⁴ Hartmann W. Der historische Festzug. Zu Geschichte und Gegenwart europäischer Festkultur. Stuttgart, 1987. S. 52 ff.

стических празднованиях, а их обусловленность историческим контекстом была полностью мифологизирована¹. Но функции праздничного календаря национал-социалистов не исчерпывались простой стилизацией и легитимацией захвата власти. Новый праздничный канон преследовал цель интеграции различных социальных слоев в «народное сообщество». Соответственно праздничный календарь охватывал широкий спектр праздничных дат, связанных с той или иной социальной группой. Критически настроенные современники с горечью и в то же время с некоторым восхищением отмечали тактический ход национал-социалистов, которые вскоре после прихода к власти узурпировали майский праздник рабочего движения, назвав его «Днем немецкого труда», чтобы использовать в целях гармонизации «народного сообщества». На крупную первомайскую манифестацию в Берлине рабочих отправляли вместе с директорами предприятий, чтобы те совместно демонстрировали всем и вся провозглашенное национал-социалистами «единство немецкого народа»². В Бремене штурмовики возили арестованных коммунистов и социал-демократов по городу, чтобы показать им это организованное зрелище «нового народного единства»³. Сколь тесным было соседство национал-социалистических праздников и насилия, показали уже события 1 Мая 1933 г.: на следующий день были закрыты дома профсоюзов, конфисковано профсоюзное имущество и арестованы профсоюзные функционеры. Насильственно сколоченный «Немецкий трудовой фронт» в том же году вытеснил профсоюзы⁴.

Узурпация и вытеснение конкурирующей праздничной культуры рабочего движения загодя планировались национал-социалистами. Так, уже в марте 1932 г. Йозеф Геббельс зафиксировал в своем дневнике намерение отметить день 1 мая как «праздник национального труда»: «Мы придадим этому широчайший размах и впервые сплотим весь немецкий народ в единую демонстрацию». Два месяца спустя, 1 мая 1932 г., он писал: «Красные демонстрировали 1 мая. Но слабо.

---

¹ Caron J.-C. *Stolze Erinnerungen an das «Dritte Reich». Ein theatrales NS-Gedenkfest im Gau Westfalen-Nord und seine Wirkungsgeschichte bis in die 1990er Jahre* // *Westfälische Forschungen*. 2001. № 51. S. 304 ff.

² См.: Heuß E. *Vom Arbeitermai zum nationalsozialistischen Fest der Volksgemeinschaft* // *Gewerkschaftliche Monatshefte*. 1990. № 41. S. 241–249; Ruck M. *Vom Demonstrations- und Festtag der Arbeiterbewegung zum nationalen Feiertag des deutschen Volkes. Der 1. Mai im Dritten Reich und die Arbeiter* // «100 Jahre Zukunft». *Zur Geschichte des 1. Mai* / hg. von I. MarBolek. Frankfurt/Main, 1990. S. 171–188.

³ Dyck K., Joost-Krüger J. «Unsrer Zukunft eine Gasse!» Eine Lokalgeschichte der Bremer Maifeiern // «100 Jahre Zukunft». S. 222 ff.

⁴ На эту тему см.: Heuß E. *Vom Arbeitermai zum nationalsozialistischen Fest der Volksgemeinschaft*; Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches*. S. 215 ff.

Вероятно, это был их последний шанс. По всей видимости, в следующем году мы им покажем, как это делается»¹. В этих строках сквозит уверенность национал-социалистов в своей победе и вместе с тем отмечается значение, которое придавалось ими праздничным инсценировкам. Этой позиции соответствовало и то видное место, которое было отведено во вновь созданном министерстве пропаганды функции организации праздников. Часто глава этого ведомства Йозеф Геббельс лично занимался драматургией центральных праздников и их освещением по радио и в кинохрониках. Он же составлял и «праздничные директивы»². «Безостановочные фейерверки», устраиваемые национал-социалистами в первые годы после захвата власти, в первую очередь планировались в ведомстве Геббельса³. «Отчуждение праздника» 1 Мая было лишь одним звеном в цепи попыток национал-социалистов вписаться в другие существовавшие в то время праздничные традиции, трансформировать их, наполнив их символикой и ритуалами национал-социалистического толка. При этом, как показывают недавние региональные исследования, во многих случаях шел довольно активный процесс самостоятельной адаптации различных слоев населения к национал-социалистическим символическим и праздничным формам⁴. Примерами такой трансформации традиционных праздников могут служить праздник урожая (его стали отмечать 1 октября как «день урожая крестьянства»), «день матери», который лишь при национал-социалистах был возведен в ранг официального праздника, и «день памяти героев», который должен был прийти на смену христианскому дню траура⁵. В последнем особенно остро проявился антицерковный характер национал-социалистического праздничного календаря. Национал-социалисты стремились ослабить узы, свя-

---

¹ Goebbels J. Die Tagebücher. Sämtliche Fragmente / hg. von E. Fröhlich. München. 1993–1996. Bd. 2. S. 163. В таком же духе высказывался и Розенберг. Цит. по: Schellack F. Nationalfeiertage in Deutschland von 1871 bis 1945. Frankfurt/Main. 1990. S. 289.

² См.: Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945. Vierow bei Greifswald. 1996. S. 313 f.; Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 28 ff.

³ Fest J. C. Hitler. S. 698.

⁴ Das Dritte Reich im Fest. Führermythos, Feierlaune und Verweigerung in Westfalen 1933–1945 / hg. von W. Freitag. Bielefeld, 1997; Caron J.-C. Von der Wallfahrt nach Nürnberg zum lokalen Reliquienkult: Die Rückkehr der Hagener SA vom Reichsparteitag im Jahr 1993 // Ibid. Bd. 2. S. 221–228.

⁵ См.: Matter M. Entpolitisierung durch Emotionalisierung. Deutscher Muttertag – Tag der Deutschen Mutter – Muttertag // Symbole der Politik – Politik der Symbole / hg. von R. Voigt. Opladen, 1989. S. 123–136; Schellack F. Nationalfeiertage in Deutschland von 1871 bis 1945. S. 297 ff.; Schruppf-Heidemann T. Erst «begeistertes Bekenntnis zu Führer», dann «Erstarrung in würdiger Form». Die Erntedankfeste in Hagen 1933–1935 // Das Dritte Reich im Fest. S. 127–134.

завывавшие население с христианским ритуальным канонem, заменив их эмоциональной интеграцией в «народное сообщество». Подобные же попытки вытеснения христианских праздников национал-социалистическими новообразованиями обнаруживаются и в отношении Рождества. Вместо него, по воле национал-социалистов, должен был отмечаться праздник зимнего солнцестояния 21 декабря¹. Утренники и «праздники жизни» в национал-социалистическом праздничном календаре рассматривались как замена христианского утреннего богослужения и таких церковных *rites de passage*, как крещение, свадьба и похороны. Причем на первых порах адресатом ритуальных нововведений служили наиболее активные и верные члены национал-социалистического социума².

Антихристианские черты национал-социалистических праздников свидетельствовали о тоталитарных притязаниях нацистов. Речь шла о широкой интеграции в ритуально-символьный космос национал-социалистического толка тех людей, которые причислялись к избранному «народному сообществу». Одновременно праздничные практики служили инструментом идентификации внешних границ сообщества, из которого человека могли исключить или стигматизировать его. Те, кто, согласно национал-социалистическому определению и категоризации в духе нюрнбергских расовых законов, не попадал в состав «народного сообщества», не только исключались из праздничного сообщества, но и становились в праздники национал-социалистов постоянными объектами различных форм насилия, от публичных оскорблений и насмешек вплоть до избиений в «День движения»³. Таким образом, национал-социалистический календарь был полон «опасных праздников» для тех, кого режим стигматизировал, преследовал и обрекал на уничтожение.

В пределах же «народного сообщества» праздникам отводилась интегрирующая роль, именно благодаря им это «сообщество» и воспринималось эмоционально как таковое. Воздействие на эмоции празднующих масс являлось одной из центральных целей их орга-

---

¹ Kühberger C. Braune Weihnacht. Die nationalsozialistische Vereinnahmung des Weihnachtsfestes // *Bräuche im Salzburger Land, Zeitgeist—Lebenskonzepte—Rituale—Trends—Alternativen* / hg. von L. Luidold, U. Kammerhofer-Aggermann. CD-ROM 1: «Im Winter und zur Weihnachtszeit». Salzburg, 2002; Thamer H.-U. Faszination und Manipulation. Die Nürnberger Reichsparteitage der NSDAP // *Das Fest. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Gegenwart* / hg. von U. Schultz. München, 1988. S. 357 f.

² См.: Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 57 ff.; Vondung K. *Magie und Manipulation*. S. 70 ff.

³ «Хрустальная ночь» 1938 г. была инсценирована как «спонтанная акция» 9 ноября — в главный праздник нацистов и проходила по сценарию 1 Мая 1933 г.: за праздничными мероприятиями последовали акты насилия.

низаторов, которые сознательно стремились к тому, чтобы одурманить толпу, сфокусировав ее внимание прежде всего на личности фюрера, и тем самым укрепить устои режима. Сам Гитлер рано убедился в опьяняющем эффекте массовых мероприятий. Так, он писал еще в «Майн кампф»: «Если он, выйдя за ворота своей маленькой мастерской или крупного предприятия, где он чувствует свое ничтожество, впервые попадет на массовое собрание в окружении тысяч и тысяч единомышленников, если он в поисках себя ощутит гигантское воздействие суггестивного опьянения и восторженности трех-четырёх тысяч таких же, как и он, если видимый успех и согласие тысяч людей подтвердят ему правильность нового учения и впервые пробудят в нем сомнения в истинности его предыдущих убеждений, тогда он сам поддастся волшебному влиянию того, что мы называем — массовое внушение»¹. В своей самовлюбленности Гитлер считал себя способным «пробуждать» и околдовывать массы людей. Он с удовлетворением писал в 1922 г.: «Я привел массы в фанатичное состояние. [...] Я пробудил массы»². Цель заключалась в том, чтобы «пробудить» коллективные эмоции у масс и связать их с личностью фюрера³.

Такие крупные праздничные события, как имперский партийный съезд НСДАП, особенно подходили для этого. Хореография подобных массовых мероприятий целиком была поставлена на службу фюреру. Прибытие фюрера в Нюрнберг, шествие знаменосцев гитлерюгенда мимо отеля Гитлера или ориентация орнаментального построения членов «Трудовой повинности» на Цеппелинфельд в сторону ораторской трибуны, всеобщее напряженное ожидание фюрера, его появление на «Улице фюрера» и последующий «диалог» между «массой» и Гитлером или его кинематографическое воспроизведение — все это свидетельствовало об эмоциональной фиксации на личности фюрера, что и составляло цель всего действия⁴. Так обставлялись не толь-

---

¹ Hitler A. *Mein Kampf*. München, 1935. S. 536.

² Цит.: Jagschitz G. *Filmpropaganda im Dritten Reich* // *Propaganda und Gegenpropaganda im Film 1933–1945* / hg. von P. Kronlechner, P. Kubelka. Wien, 1972. S. 27.

³ Klimó Á., von, Rolf M. Rausch und Diktatur // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2003. № 51. H. 10. S. 885 ff.; Saldern A., von. *Öffentlichkeiten in Diktaturen. Zu den Herrschaftspraktiken in Deutschland des 20. Jahrhunderts* // *Diktaturen in Deutschland — Vergleichsaspekte. Strukturen, Institutionen und Verhaltensweisen* / hg. von G. Heydemann. H. Oberreuter. Bonn, 2003. S. 449.

⁴ См.: Heinzelmann H. *Die Heilige Messe des Reichsparteitags. Zur Zeichensprache von Leni Riefenstahls «Triumph des Willens»* // *Faszination und Gewalt. Zur politischen Ästhetik des Nationalsozialismus* / hg. von B. Ogan, W. W. Weiß. Nürnberg, 1992. S. 163–168; Reimers K. F. *Der Reichsparteitag als Instrument totaler Propaganda. Appell, Feier, Kult, Magie* // *Zeitschrift für Volkskunde*. 1979. № 75. S. 225 ff.

ко съезды национал-социалистов или другие центральные события с участием Гитлера, но и многие региональные праздники. Все они характеризовались ориентацией на фюрера, будь то риторические реверансы, символические преподнесения подарков, переименования или радиопередачи речей Гитлера. В центре национал-социалистических празднеств высилась фигура фюрера, она сплачивала праздничное сообщество сильнее всех директив руководства Министерства пропаганды рейха. Фиксация на его персоне достигала своего апогея в день рождения Гитлера 20 апреля, когда особенно ярко ощущалось интегративное действие «мифа о фюрере». По всей стране организовывались кампании по восхвалению Гитлера, повсеместно выпячивалась его мифологизированная роль «избавителя» Германии, превращая весь комплекс проводившихся мероприятий в единое празднество. Торжественные инсценировки, связанные с культом Гитлера, не нуждались в приказах фюрера, чтобы немцы следовали за ним. Некоторые спешили упредить события¹.

Свидетельства современников и фотодокументы, похоже, подтверждают мнение Гитлера и других мастеров национал-социалистической пропаганды о себе как «пробудителе масс». Видеодокументы, на которых изображены неистовствующие в припадке массовой истерии люди в момент приветствия фюрера, дополняют свидетельства участников и сторонних наблюдателей². Так, французский посол Андре Франсуа-Понсе, присутствовавший в 1937 г. на одном нацистском съезде, отметил в своих записях, не скрывая удивления и даже восхищения: «Удивительна [...] атмосфера всеобщего восторга, которым охвачен этот старый город, это своеобразное опьянение, в которое погружены сотни тысяч мужчин и женщин, романтическое возбуждение, мистический экстаз, своего рода святое ослепление, в которое все они впали. В течение восьми дней в Нюрнберге царит радость, этот город околдован и пребывает почти в сомнамбулическом состоянии»³. Цель этой замешанной на эмоциях политики состояла в том, чтобы внушить «мас-

---

¹ См.: Caron J.-C. Stolze Erinnerungen an das «Dritte Reich»; Freitag W. Der Führermythos im Fest. Festfeuerwerk, NS-Liturgie, Dissens und «100% KdF-Stimmung» // Das Dritte Reich im Fest. S. 11–78; Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 75 ff.

² См., в частности: Fest J. C. Hitler. S. 584; Klimó Á., von, Rolf M. Rausch und Diktatur; Kühberger C. Sexualisierter Rausch in der Diktatur. Geschlecht und Masse im italienischen Faschismus und deutschen Nationalismus // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2003. № 51. H. 10. S. 915 f.; Ogan B., Weiß W. W. Faszination und Gewalt. Nürnberg und der Nationalsozialismus. Eine Ausstellung. Nürnberg, 1990. S. 64 ff.; Schneider W. Frauen unterm Hakenkreuz. Hamburg, 2001. S. 26, 40; Thamer H.-U. Faszination und Manipulation. S. 353, 366 f.

³ Цит. по: Thamer H.-U. Faszination und Manipulation. S. 353.

сам» чувство, что они если не добились правды и справедливости, то, по крайней мере, получили возможность «самовыражения»¹ и что это право подарено им фюрером и властью национал-социалистов.

Давая оценку подобного насыщения политики эмоциями, следует, однако, учитывать также «ограниченность возможностей инсценировок» и то обстоятельство, что добрая часть имеющихся документов больше свидетельствует об авторепрезентации режима, чем о его восприятии². В исследованиях, касающихся прежде всего периода после 1935 г., отмечается снижение «национал-социалистического праздничного тонуca» на региональном уровне³. В этот период национал-социалистические праздники все больше превращались в застывшую в рамках централизованных норм рутину, когда моменты выражения экстаза отступали на задний план. Но и в стадии «стагнации» эти праздники оставались прочной составной частью общественного ритуального канона. Лишь с началом обусловленных военными действиями ограничений можно говорить об утрате значения праздников в жизни национал-социализма. В период войны быстро пошел на убыль также раздутый во время предшествовавших праздников миф о фюрере⁴.

Стремление к интеграции широких слоев населения и практика узурпации традиционных праздников превратили национал-социалистические праздники в сплав различных стилей. В них в большей степени, чем в праздниках итальянских фашистов, ассимилировались праздничные формы различного происхождения и интегрировались ранее четко разделявшиеся праздничные культуры. Это был целый набор, включавший в себя праздничные традиции рабочего, молодежного, спортивного и национального движений, а также заимствования из церковной литургии. Обращает на себя внимание параллельное использование самых современных массмедиа и архаичных средств создания сакрального пространства. Знаменитый «световой собор»

---

¹ Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Drei Studien zur Kunstsoziologie. Nachwort. Frankfurt/Main, 1996. S. 42.

² Kühberger C. Grenzen der Inszenierung. Die Störanfälligkeit von NS-Veranstaltungen in Österreich // Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereins. 2000. № 145. H. 1. S. 189–216; Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 114 ff. Недопустимое отождествление пребывающих в состоянии эйфории масс на пропагандистских картинках национал-социалистов с фактическими настроениями населения имеет место, например, в трактовке К. Фондунга: Vondung K. Magie und Manipulation. S. 104. Аналогична интерпретация у В. Геххардта: Gebhardt W. Fest, Feier und Alltag. S. 153 f.

³ Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. S. 313 ff.; Schrupf-Heidemann T. Erst «begeistertes Bekenntnis zu Führer», dann «Erstarrung in würdiger Form».

⁴ Behrenbeck S. Durch Opfer zur Erlösung. S. 165; Heuel E. Vom Arbeitermai zum nationalsozialistischen Fest der Volksgemeinschaft. S. 249; Kershaw I. Der Hitler-Mythos. Führerkult und Volksmeinung. Stuttgart, 1999. S. 183 ff.

Альберта Шпеера, лопаты «Рабочего фронта» на съездах национал-социалистов или «тингшпильбевегунг» (театры под открытым небом) — вот лишь некоторые примеры подобного сочетания. Симбиоз новейшей техники — мощных зенитных прожекторов, громкоговорителей и самых современных видов вооружений — с архаизирующей символикой света, огня и «древнегерманского духа» придавали национал-социалистическим праздникам их специфический характер¹.

Кино и массовый радиоприемник были важнейшими техническими средствами создания «произведений искусства» в рамках крупных национал-социалистических празднеств, благодаря им устанавливалась связь между центральными мероприятиями с присутствием фюрера и множеством мелких параллельных праздников регионального масштаба². Фильм Лени Рифеншталь о съезде национал-социалистов «Триумф воли» (1934 г.) — наиболее известный пример изображения центральных манифестаций, которые обычно тиражировались по всему рейху с помощью киноновостей³.

Как и в Италии, спорт и репрезентации с участием подготовленной спортивной молодежи играли центральную роль в национал-социалистической Германии. Берлинская Олимпиада 1936 г., «Германские военные игры», проходившие в 1934 г. в Нюрнберге, и «Германский спортивно-гимнастический праздник» 1938 г. в Бреслау представляли собой арену для общественных выступлений новой «немецкой молодежи» и демонстрации ее физической выучки. Коллективные синхронные движения во время массовых гимнастических упражнений, высшие спортивные достижения «одиночных бойцов» — все это являло собой доказательства нового «здорового» характера воспитанного в национал-социалистическом духе «народного организма», а его «расовую чистоту» воплощали внешность и атлетическое телосложение⁴. В этом смысле коллективная физическая закалка и ее общественная демонстрация значили больше, чем просто военизированная подготовка молодежи. Ритмические гимнастические движения чистого и очи-

---

¹ См.: Eichberg H. Thing-, Fest- und Weihespiel in Nationalsozialismus. Arbeiterkultur und Olympismus. Zur Geschichte des politischen Verhaltens in der Epoche des Faschismus // Massenspiele. NS-Thingspiel, Arbeiterweihespiel und olympisches Zeremoniell / hg. von H. Eichberg u. a. Stuttgart; Bad Cannstadt, 1977. S. 19–180; Stommer R. Die inszenierte Volksgemeinschaft. Die «Ting-Bewegung» im Dritten Reich. Marburg, 1985.

² См.: Das Dritte Reich im Fest; Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 157 ff.

³ Heinzelmann H. Die Heilige Messe des Reichsparteitags; Hinton D. B. The Films of Leni Riefenstahl. London, 1991.

⁴ См.: Graham C. C. Leni Riefenstahl and Olympia. London, 1986; Lissinna H. E. Nationale Sportfeste im nationalsozialistischen Deutschland. Mannheim, 1997; Hoffmann H. Mythos Olympia. Autonomie und Unterwerfung von Sport und Kultur. Berlin, 1993.

щенного «народного организма» являли пропагандируемому «народному сообществу» его наглядный образ: «прекрасный внешний облик» Третьего рейха символизировал те формы, которые должна была принять новая общность; это был и ее слепок, и ее прообраз одновременно. Те же, кому было отказано в принадлежности к этому сообществу, не могли пользоваться и средствами коллективной авторепрезентации. Так, начиная с 1933 г. в рейхе стали все чаще чинить препятствия еврейским спортивным соревнованиям и праздникам, а в 1938 г. они были полностью запрещены; в ходе оккупационной политики режима ограничения праздников и их запреты были обычными в практике его деятельности¹.

Тем самым режим обозначал пределы своей готовности к интеграции. Национал-социализм не терпел иных праздников, кроме своих, или смирялся с их существованием, если не мог их запретить. Последнее относилось прежде всего к праздникам христианской литургии. Поскольку в ходе «борьбы с церковью» нацистам не удалось вытеснить церковные праздники, а день зимнего солнцестояния и «праздники жизни» провалились², нацисты стали предпринимать попытки использования церковных мероприятий в своих пропагандистских целях³. Стремление оказать политическое влияние на религию наблюдалось в основном в годы войны, когда перед лицом военных потерь существенно усилилась тяга людей к церкви. Известны картины церковных служб под знаком свастики, однако они не должны создавать впечатления подавляющего влияния национал-социалистов на религиозную сферу и ее полной инструментализации в их интересах. Католическая церковь была главным оплотом сопротивления религии попыткам превратить ее в приводной ремень национал-социалистической идеологии⁴.

---

¹ На эту тему см.: Benz W. Die Juden im Dritten Reich // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / hg. von K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1993. S. 285 ff.

² См.: Vondung K. Magie und Manipulation. S. 104 ff.

³ Barkhausen H., Reimers K. F. Erste Weihnachtsfeier der Reichsbahndirektion Berlin im Dritten Reich // Propaganda und Gegenpropaganda im Film 1933–1945. S. 41–49; Linz J. J. Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion. Ersatzideologie gegen Ersatzreligion // Totalitarismus und Politische Religionen. Konzepte des Diktaturvergleichs / hg. von H. Maier. Paderborn, 1997. Bd. 1. S. 136 ff.; Ross C. Celebrating Christmas in the Third Reich and GDR: Political Instrumentalization and Cultural Continuity under the German Dictatorships // Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century / ed. K. Friedrich. Lewiston, 2000. P. 323–342.

⁴ См.: Hehl U., von. Die Kirchen in der NS-Diktatur. Zwischen Anpassung, Selbstbehauptung und Widerstand // Deutschland 1933–1945. S. 153–181.

Несмотря на конкуренцию между национал-социализмом и церковью, пропагандисты Третьего рейха беззастенчиво черпали из литургической сокровищницы христианской церковной традиции. Очевидно, на Гитлера уже в юности произвели большое впечатление католическое богослужение и церковные процессии¹. После захвата власти в 1933 г. и в последующие годы, когда нарастала волна праздников, драматургия национал-социалистических мероприятий и шествий заимствовала церковные формы празднований и трансформировала их. Ввиду подобной узурпации традиционно христианских праздничных практик праздники национал-социалистов нередко рассматривались как секуляризованная литургия и считались доказательством квазирелигиозного характера режима. Как и итальянский фашизм, национал-социализм в некоторых исследованиях истолковывается как «политическая религия». Концепция «политической религии», достаточно свободно оперирующая понятийным аппаратом Эрика Фёгелина и Раймона Арона², понимает господство тоталитарных диктатур как замену традиционной религии новыми формами «секуляризованной», или «политической», религии и усматривает стабильность этих режимов в практикуемой ими «сакрализации политики»³. Вера в политический режим и его руководителей при таком взгляде на вещи заменяет собой религиозную веру и ставит его вне рамок исторического контекста. Индивидуальные и коллективные надежды на спасение в атмосфере политической религиозности связываются с режимом и его проек-

---

¹ Kühberger C. Metaphern der Macht. S. 412 ff.; Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 138.

² См.: Aron R. Das Zeitalter der Tyrannen // Raymond Aron: Über Deutschland und den Nationalsozialismus. Frühe politische Schriften 1930–1939 / hg. von J. Stark. Opladen, 1993. S. 186–208. Арон говорит «об эпохе политических религий» (с. 206). Фёгелин истолковывает политический коллективизм секуляризованного мира как «светскую религию», в которой посторонние содержания мира вырастают до уровня новых божественных культов, а светское сообщество переживается как новый «Realissimum». Хотя в своих рассуждениях он имеет в виду прежде всего тоталитарные диктатуры, но в конечном итоге в рамках концепции политической религии его подход распространяется на любую секуляризованную конструкцию действительности. См.: Voegelin E. Die Politischen Religionen. München, 1996.

³ По вопросу программной концепции политической религии см.: Gentile E. Die Sakralisierung der Politik // Wege in die Gewalt. Die modernen politischen Religionen / hg. von H. Maier. Frankfurt/Main, 2000. S. 166–182; Ley M. Apokalyptische Bewegungen in der Moderne // Der Nationalsozialismus als Politische Religion / hg. von M. Ley, J. H. Schoeps. Bodenheim bei Mainz, 1997. S. 12–29; Maier H. «Politische Religionen». Ein Konzept des Diktaturvergleichs // Heilserwartung und Terror. Politische Religionen des 20. Jahrhunderts / hg. von H. Lübke. Düsseldorf, 1995. S. 94–112. Обзор литературы см.: Schmichen-Ackermann D. Diktaturen im Vergleich. S. 49–55.

тами¹, а аналогия с религией проявляется прежде всего в религиозной метафорике языка официальной пропаганды².

Центральная роль в становлении политической религии принадлежит символьным практикам, ритуалам и праздникам новой «секуляризированной литургии». Они выполняют функцию культовых действий и в качестве таковых «находятся на службе у власти», являясь, по сути, инструментами легитимации нового господства³. Эти символические действия способствуют сакрализации определенных мест, лиц и символов режима, конституируют «сообщество верующих», приходящее на смену старому религиозному сообществу. Например, Клаус Фондунг пишет следующее о национал-социалистических праздниках: «Подобно культам в других религиях, национал-социалистические праздники служили провозглашению содержания веры, ее выражению в символах и ритуалах и предоставляли литургические формы для исповедания национал-социалистической веры»⁴. Диктаторские режимы заимствовали праздничные и ритуальные формы у церковной традиции и противопоставляли религиозным праздникам годового и жизненного циклов новые праздники. При этом возникала широкая аналогия между фашистскими и/или национал-социалистическими праздниками, с одной стороны, и церковными — с другой. В этом «религиозно-феноменологическом параллелизме», по-видимому, и раскрывается характер тоталитарных диктатур как «политических религий»⁵.

Известные аналогии между религиозными понятиями или религиозными символическими практиками и их соответствиями в национал-социализме и фашизме, несомненно, очевидны. Однако возникает вопрос, способен ли концепт «политической религии» охватить также своеобразие этих режимов. Как фашизм, так и национал-социализм

---

¹ Lübbe H. Totalitarismus, Politische Religion, Anti-Religion // Heilserwartung und Terror. S. 7–14.

² Maier H. «Politische Religionen». S. 300 ff.; Vondung K. «Gläubigkeit» im Nationalsozialismus // Totalitarismus und politische Religionen. Konzepte des Diktaturvergleichs / hg. von H. Maier, M. Schäfer. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 17.

³ Becker H. Liturgie im Dienst der Macht. Nationalsozialistischer Totenkult als säkularisierte christliche Paschafeier // Totalitarismus und politische Religionen. Bd. 2. S. 37–65; Linz J. J. Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion.

⁴ Vondung K. «Gläubigkeit» im Nationalsozialismus. S. 18. См. также: Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden; Doosry Y. Die sakrale Dimension des Reichsparteitagsgeländes in Nürnberg // Politische Religion — religiöse Politik / hg. von R. Faber. Würzburg, 1997. S. 205–224; Reimers K. F. Der Reichsparteitag als Instrument totaler Propaganda.

⁵ Maier H. «Politische Religionen». S. 104 f.; см. также: Thamer H.-U. Faszination und Manipulation.

представляли собой мировоззрения, которые заимствовали у традиционных религий стремление объяснять мир с позиций спасения; как и религии. они устанавливали свое летосчисление, утверждали веру в незыблемые истины, имели свои представления о сакральности и символах веры. Тем не менее объяснительный потенциал концепции, сводящей все эти религиозные измерения в единое понятие «политической религии», недостаточно убедителен. Скорее всего, дело обстоит так, что при этом один из аспектов режима и его практик возводится в ранг всеобъемлющего признака, что сужает объяснительные возможности данной концепции.

Кроме того, такое терминологическое смешение и не более чем схематическое сопоставление внешне схожих элементов таит в себе опасность недоучета весьма существенных отличительных признаков. Так, антицерковная направленность фашистского и прежде всего национал-социалистического режима особенно ярко проявлялась как раз в праздничной сфере. Церковные праздники вытеснялись, и их должны были сменить новые празднования, которые нельзя лишь только поэтому считать (квази)религиозными. Высказывания Гитлера указывают на то, что национал-социалисты не стремились поставить на место традиционной иную религию¹. В попытках переустройства миропорядка и его пропаганды они скорее пользовались плодами традиционных культур и их ритуально-праздничным канонам как им заблагорассудится. В этом отношении они не слишком отличались от фашистских режиссеров. Но разница с советскими пропагандистами ощутима. Если первые, так же как и национал-социалисты, использовали эклектические формы в своих празднованиях, то последние, в отличие от них, более строго следили за «чистотой» собственного символьного и ритуального канона. Уже здесь видны первые признаки различий между тремя диктатурами в том, что касается концепции праздников и их воплощения. Ниже мы стараемся показать как различия, так и основные совпадения в этой сфере, определенные методом контрастирующего сопоставления.

Сравнение фашистских, национал-социалистических и советских праздников: общие черты и нюансы в праздничной культуре тоталитарных режимов

Исходя из отмеченной выше эстетической схожести праздников в «Европе диктатур», попытаемся вначале ответить на вопрос об об-

---

¹ Об этом же пишет Г. Моммзен: Mommsen H. Nationalsozialismus als Politische Religion // Totalitarismus und Politische Religionen. Bd. 2. S. 176.

щих структурных элементах в празднествах, организованных партийными государствами. Все три режима прилагали большие усилия к тому, чтобы после прихода к власти утвердить новые праздники. При этом они создавали свой собственный праздничный календарь, содержащий главные и дополнительные праздники, которые по-новому структурировали годовой цикл. Этот календарь основывался на новой исторической генеалогии, ее логически венчал захват власти. В стремлении насадить в обществе новый праздничный канон все три диктатуры узурпировали существовавшие до них праздничные системы, а также пытались вытеснить или подавить их. В качестве ритуальных конкурентов ими воспринимались как «дореволюционные» государственные и общественные праздники, так и праздники церковного календаря. Основная часть новых праздников диктатур представляла собой альтернативу традиционному праздничному календарю, при этом партийное государство стремилось захватить гегемонию в общественном пространстве, в том числе в сфере праздничных культур.

Для всех трех режимов была характерна одна общая черта: они вкладывали значительные финансовые, временные и политические ресурсы в организацию собственных праздников. Новые праздники занимали видное место в работе пропагандистских ведомств диктатур. Им уделялось известное внимание и на высшем политическом уровне¹. Праздники нового календаря занимали привилегированное место в арсенале пропагандистских средств, что обеспечивало им не только доминирующий массовый характер в «столицах движения», но и продвижение на периферию страны. Праздники диктатур служили ритуальными скрепами в своей империи; они были средством синхронизации общественной жизни на подвластной диктатуре территории.

Официальные праздники репрезентировали легитимность и авторитет режимов, на чем и основывалась их важная роль в общественной жизни. Тоталитарные режимы являлись «инсценирующими дик-

---

¹ Гитлер лично участвовал в планировании празднования «Дня движения», но главным образом съездов НСДАП и вел интенсивные переговоры с Лени Рифеншталь о киновоплощении торжественных мероприятий: Thamer H.-U. *Faszination und Manipulation*. S. 256 ff.; Ueberhorst H. *Feste, Fahnen, Feiern. Die Bedeutung politischer Symbole und Rituale im Nationalsozialismus // Symbole der Politik – Politik der Symbole*. S. 165. О «театральном отношении к миру» Гитлера см. также: Fest J. C. *Hitler*. S. 77 ff., 698 ff. Муссолини, считавший себя художником в политике, также принимал участие в создании орнамента массы. См. на эту тему: Falasca-Zamponi S. *Fascist Spectacle*. P. 21 ff. В сталинском Советском Союзе окончательные решения по устройству праздников принимало Политбюро: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990. Л. 325; Оп. 114. Д. 621. Л. 82–83; Д. 628. Л. 34.

татурами», они пытались поддерживать «красивую видимость» новой жизни, идя ради этого на значительные затраты. Они инсценировали «счастливую жизнь в настоящем» в качестве телеологического итога движения сообщества знающего прошлого, одни распри и порабощение, к новому гармоническому единству в настоящем. Конструирование исторических генеалогий посредством риторических ссылок на «предшественников» в лице империй, движений или революций, их общественные репрезентации в форме праздников изображали режимы в качестве законных наследников и движущих сил телеологически истолкованной истории. Стилизация того или иного путча под «революцию» и ежегодное празднование этого мифологизированного революционного события преследовали похожую цель, захват власти истолковывался как рубеж в ходе истории и начало «новой эры»¹. Путч сравнительно изолированной общественной группировки изображался как позитивный «судьбоносный поворот» в жизни того сообщества, с которым, по мнению того или иного режима, не всякий имел право себя идентифицировать. При этом праздник перекликался с другими легитимирующими режим инсценировками — выборами, волеизъявлениями «народа» или «трудящихся» и славословиями в адрес вождей. С одной стороны, праздник являлся медиумом для выражения подобных аккламаций, с другой — эти инсценировки мутировали, сами, согласно терминологии диктатур, превращаясь в «праздник». Так, выборы в Верховный Совет Советского Союза в 1937 г. и «визиты фюрера» в национал-социалистической Германии именовались «праздниками». В форме праздничных мероприятий режимы демонстрировали, продуцировали и воспроизводили свою легитимность.

Аналогии прослеживаются также в отношении презентации власти в праздничном пространстве. Праздники диктатур служили поводом для демонстрации общественной гегемонии нового партийного государства. Применительно к советской деревне речь шла об инструменте в руках оккупантов враждебной им территории. К подобным мерам прибегали до захвата власти в свои руки также фашисты и национал-социалисты: с помощью шествий «штурмовых отрядов» они овладевали общественным пространством, сознательно вторгаясь на территорию, подконтрольную социалистической и коммунистической партиям. Такая «пропаганда власти» должна была убедить общественность в том, что их власть сильнее власти соперников². Узурпацию 1 Мая национал-социалистами после 1933 г. можно рассматривать не только под углом зрения интеграции, но и расценивать ее как де-

---

¹ См.: Harth D. Revolution und Mythos. Sieben Thesen zur Genesis und Geltung zweier Grundbegriffe historischen Denkens // Revolution und Mythos. S. 9–35.

² См.: Reichardt S. Faschistische Kampfbünde. S. 139 f.

монстрацию собственного господства. В год захвата власти эксперты НСДАП сознательно организовывали праздники в бывших оплотах социал-демократии¹. Праздники давали возможность продемонстрировать полноту власти того или иного режима и заявить о стремлении к установлению тоталитарного господства в обществе. При этом речь шла главным образом о принудительной мобилизации его членов.

Презентация власти во время праздников состояла не только в демонстрации военного потенциала, хотя парады с участием военной техники и военных всегда занимали центральное место в праздничных мероприятиях диктатур. Спектакли, устраиваемые властью, выводили на подмостки истории нового человека, которого диктаторские режимы стремились создать соответственно своим представлениям о нем. Прообраз этого нового человека предстал в синхронных движениях спортивных коллективов с их удивительно схожей эстетикой, в массовых сборищах с их инсценированным коллективным энтузиазмом, в идущих в ногу колоннах «Рабочего фронта» или «передовиков производства», в униформированной одежде и одинаковых пропорциях тела участников парада. Праздникам диктатур отводилась интегрирующая роль в плане создания новой формы человеческого сообщества, которое в зависимости от специфики той или иной диктатуры именовалось «народное сообщество», «Новая Италия» или «бесклассовое социалистическое общество» и ставило перед собой цель перекройки общественных структур в соответствии с новыми иерархиями. В новых праздниках отражались и общественные иерархии, и границы сообществ, где каждому отводилось свое место в новом социальном строе. В этом смысле праздничные презентации являлись формой тренинга социально приемлемого поведения индивида в большом новом коллективе.

Морфологическая схожесть тоталитарных праздничных культур коренилась именно здесь. Структурная гомология социального строя с его подчинением коллектива «воле» или «решению» вождя порождала аналогичную праздничную драматургию, где господствовала фиксация на личности вождя во время проведения массовых мероприятий с прохождением колонн мимо трибуны фюрера, балкона со стоявшим на нем дуче или Мавзолея Ленина. Дисциплинирующая функция праздников тоталитарных режимов объясняет также соседство празднеств с насилием и террором². Разоблачение «врагов» сооб-

---

¹ См.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Bildanhang.

² Примерами такого сочетания для национал-социализма являются 1 и 2 Мая 1933 г. или ноябрьский погром 1938 г. См. по этому вопросу: Benz W. Die Juden im Dritten Reich. S. 280 ff. «Нюрнбергские расовые законы» были оглашены в 1935 г. в связи с торжественной инсценировкой съезда НСДАП: Thamer H.-U. Faszination und

щества, их стигматизация и акты насилия против них были неотъемлемой частью этих праздников, так как внутреннее становление новых (праздничных) коллективов в тоталитарных диктатурах первоначально совершалось путем террористического очищения от отверженных.

Сравнение праздников тоталитарных диктатур позволяет выявить общие черты в структуре новых партийно-государственных праздничных культур. Но в них имеется также ряд существенных различий. Отдельные наблюдения проливают свет на более фундаментальные различия, непосредственно связанные с идеологическими особенностями и базовыми общественными условиями. Бросается в глаза, к примеру, видное место культа мертвых и жертвенности в итальянском фашизме и германском национал-социализме, которому не было примерного соответствия в Советском Союзе. Центральное место у большевиков занимало чествование памяти Ленина как основателя государства, на него опирались и укрепление самосознания партии, и ее диалог с обществом. В 1930-е гг. проводились крупные общественные мероприятия в связи с похоронами и датами со дня смерти ведущих политических и культурных деятелей — С. М. Кирова (1934 г.), М. Горького (1936 г.) и А. С. Пушкина (юбилей 1937 г.)¹. Однако память о мучениках движения занимала в советской праздничной режиссуре хотя и прочное, но все же второстепенное место. Колонны демонстрантов проходили в том числе мимо надгробий или памятников жертвам Гражданской войны, но эти места не являлись центральными в праздничной хореографии. Довоенный Советский Союз не знал сравнимого с национал-социализмом или фашизмом культа мертвых и культа самопожертвования, который, к примеру, являлся доминантой во время главного национал-социалистического праздника — «Дня движения» в Мюнхене². Различия в инсценировках, свя-

---

Manipulation. S. 368. Аресты непосредственно перед праздниками или в праздничные дни входили в набор стандартных праздничных действий в Советском Союзе сталинской эпохи. Такая судьба постигла Хайнца Ноймана в 1937 г., о чем пишет Маргарета Бубер-Нойман (Buber-Neumann M. Von Potsdam nach Moskau. Stationen eines Irrwegs. Frankfurt/Main, 1990. S. 413), и Осипа Мандельштама в 1938 г., что зафиксировано Надеждой Мандельштам (цит.: *Utopias: Russian Modernist Texts 1905–1940* / ed. C. Kelly. London, 1999. P. 273).

¹ См.: Clark K. *The Soviet Novel. History as Ritual*. Chicago, 1985. P. 128–135; Levitt M. C. *Russian Literary Politics and the Pushkin Celebrations of 1880*. Ithaca, 1989. P. 162 ff.; Petrone K. «Life has become more joyous, comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 113 ff.

² О Германии: Ackermann V. *Nationale Totenfeiern in Deutschland*. Von Wilhelm I. bis Franz Josef Strauß. Eine Studie zur politischen Semiotik. Stuttgart, 1990. S. 199 ff., 293 ff.; Behrenbeck S. *Der Kult um die toten Helden*; Behrenbeck S. *Durch Opfer zur Erlösung*. S. 152 ff. Об Италии: Berezin M. *Making the Fascist Self*. P. 142 ff.; Terhoeven P. *Liebespfand*

занных с образами смерти, умирания, вытекали прежде всего из различных военных доктрин. Если Советский Союз в своей пропаганде и соответственно в праздничной культуре следовал оборонительной стратегии, в Италии и Германии война служила стимулятором в качестве «жертвенной истории»¹. Все режимы считали войну неизбежной, но муштровка в духе мученичества и добровольной готовности к смерти, связанная с положительным образом поля битвы и стальной грозы, играла в праздничных сценариях фашистов и национал-социалистов гораздо большую роль, нежели у большевиков.

Глубинные различия в мировоззрении сказывались также в отношении режимов к «массе» и в том, какое место ей отводилось в праздничной хореографии. В отличие от мероприятий национал-социалистов, советские праздники не проходили в атмосфере духовного опьянения и коллективного экстаза, это была школа дисциплинированного «энтузиазма». Требовались воодушевление ради дела, преданность вождю, энтузиазм для участия в крупных стройках социализма, но этот восторг оставался в строгих рамках, не переходя в состояние экстаза. Посланцы, делегированные на праздник, могли часами аплодировать Сталину и выкрикивать ему здравницы, однако советским праздничным инсценировкам были чужды массовые истерические пароксизмы в момент явления «вождя». Фашизм с его концепцией площадной массы и национал-социализм, но особенно Гитлер с его самонадеянной позой пробудителя масс, напротив, всячески культивировали на своих мероприятиях массовое состояние экстастического упоения. Разница инсценировок базировалась на разных подходах к пониманию «психологии массы», хотя и Ленин, и Муссолини находились под впечатлением учения Гюстава Лебона². В ленинском и тем более сталинском Советском Союзе доминировал основанный на выборочном усвоении просветительских традиций патернализм, под его влиянием формировались представления о мас-

---

fürs Vaterland. S. 124 ff. О развитии культа мертвых в Советском Союзе начиная с 1960 гг., в связи с чествованием памяти погибших в Великую Отечественную войну, см.: Arnold S. R. «Das Beispiel der Heldenstadt wird ewig die Herzen der Völker erfüllen». Gedanken zum sowjetischen Totenkult am Beispiel des Gedenkkomplexes in Volgograd // Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / hg. R. Koselleck, M. Jeismann. München, 1994. S. 351–374; Merridale C. Steinerne Nächte: Leiden und Sterben in Russland. München, 2001. S. 373 ff.

¹ См.: Aragno P. Futurismus und Faschismus; Mosse G. L. Futurismus und Avantgarde.

² О Муссолини: Kühberger C. Sexualisierter Rausch in der Diktatur. S. 914. В своем подходе к монументальной пропаганде Ленин тяготел к модели народного воспитания, восходящей к идеям Гюстава Лебона и Томазо Кампанеллы. О дискурсе о значении энтузиазма в Советском Союзе см. также: Klimó Á., von, Rolf M. Rausch und Diktatur. S. 883 ff.

се и ее потребностях, связанных с партийным государством, в нем коренились истоки эмоциональной сдержанности. В советских инсценировках доминировала картина общественного взаимодействия, в котором все инициативы и «мудрые решения» исходят от вождя. Основной посыл в понимании массы у национал-социалистов и фашистов был иной. Здесь речь шла о том, чтобы «пробудить» массы, не столько перевоспитывать их, сколько побудить следовать кличу «Мы с тобой!». И дуче, и фюрер, согласно этой концепции, стимулировали инстинкты готовой ко всему — даже к «тотальной войне» — массы.

Таким образом, различия в устройстве праздников указывают на более глубокие расхождения в мировоззрении режимов. Наиболее отчетливо эта разница проступает в отношении нового праздничного календаря той или иной диктатуры к традиционным праздничным системам. В стилевых особенностях фашистских и тем более национал-социалистических праздников особенно явно прослеживается тенденция к освоению праздничной культуры прошлого. Новые праздники отличались эклектизмом, в них встраивались те элементы, которые, по мнению пропагандистов, служили повышению их действенной силы. При этом они не гнушались ни близости с социал-демократическими праздничными традициями, ни заимствований из ритуальной кладези церковной литургии. Такие традиционные праздники, как «праздник урожая» или «поминовение усопших», за просто включались в новый праздничный каталог и трансформировались морфологически с помощью нанесения слоя символики того или иного режима. В амальгаме фашистской и национал-социалистической праздничной культуры сплавлялись, таким образом, совершенно различные традиционные линии.

В этом отношении советские церемониймейстеры были гораздо менее склонны к такого рода «гибкости», поскольку марксистская идеология занимала непримиримые позиции в отношении конкурирующих мировоззрений и соответственно ставила под сомнение также их ритуальный канон. Большевистских революционеров от культуры отличала агрессивная антицерковная направленность не только в области праздничной культуры, уже в силу этого между большевизмом, фашизмом и национал-социализмом пролегал четкий водораздел. Эта черта большевиков ограничивала их готовность к интеграции в отношении к ритуалам и праздникам. Советский праздничный календарь, несомненно, ассоциировался в своих альтернативных праздниках с календарем конкурентов, а такие праздники, как День урожая или Красная елка, свидетельствуют также о советском эклектизме. Но ожесточенное соперничество с церковью и религией мешали свободному восприятию культуры и тому, что называется «учиться у врага». В сравнении с праздниками национал-социалистов праздни-

ки в Советском Союзе выглядели как строгое следование праздничным традициям западноевропейского рабочего движения, заимствование у культурных конкурентов в России при этом было выражено значительно слабее. Самодостаточность советского праздничного дискурса являлась главным фактором, который мешал открытому присвоению альтернативных ритуальных практик. Организаторы советских праздников в большей степени были замкнуты на самих себе, на своем опыте и собственной советской праздничной культуре и ее истории, и поэтому у них сильнее были связаны руки, чем у национал-социалистических и фашистских пропагандистов. В сравнительном плане праздничная культура сталинского времени представляется поэтому более оторванной от своей традиционной культурной среды. В 1930-е гг. в Советском Союзе доминировала тенденция к созданию нового, не обремененного прошлым, и развитию собственного советского творчества, а не к освоению и трансформации существовавших на то время праздничных традиций, как это пытался делать национал-социализм¹.

Обозначенные различия делают особенно интригующим вопрос о взаимовлиянии праздничных практик диктаторских режимов. Необходимо объяснить феномен структурного и морфологического сходства праздников диктатур именно на фоне относительной обособленности и самодостаточности советского праздничного календаря. Имело ли место взаимовлияние режимов или их праздничные формы развивались скорее независимо друг от друга, идя параллельно к сходному результату? Вопрос о взаимном восприятии способен пролить свет на историю возникновения основных праздничных форм тоталитарных режимов.

Следует указать, однако, на проблематичность источниковой базы по этому вопросу. Существуют лишь некоторые высказывания ведущих пропагандистов, позволяющие сделать вывод о взаимонаблюдениях режимов. Так, в конце 1920-х гг. Муссолини осведомился о советских символических практиках, а в начале 1930-х гг. даже обратился к советскому партийному руководству с письмом, в котором просил предоставить ему документацию о массовых праздниках на Красной площади². Такие свидетельства открытых попыток обмена опытом редки. Тем не менее тема праздников фигурировала во взаим-

---

¹ Это не исключает того обстоятельства, что в пропаганде раннего советского периода наличествовали религиозные элементы, сознательно использованные большевиками для придания своему формальному языку большей привлекательности. Их относительная оторванность от традиций проявляется только в сравнении с другими тоталитарными диктатурами.

² Kühnberger C. *Metaphern der Macht*. S. 399 f.

ных контактах трех диктаторов, что указывает на существование коммуникативного контекста, хотя интенсивность его в двусторонних отношениях была различной. Взаимодействие между фашистской Италией и национал-социалистической Германией носило несравненно более интенсивный и выраженный характер, чем между Советским Союзом и каждым из этих режимов. Трудно сказать, насколько сильно повлиял «марш на Рим» на состоявшуюся в следующем году попытку путча в Мюнхене. Но с точки зрения истории праздников гораздо важнее, что национал-социалисты вдохновлялись юбилейными празднествами итальянцев по случаю годовщины 31 октября при проведении впоследствии мероприятий «Дня движения»¹. Наблюдение за фашистскими мероприятиями подогревало, в частности, интерес Гитлера к праздничным инсценировкам². Он старался также представить Муссолини в полном блеске антураж своей власти. Так, вечером 30 января 1933 г. он распорядился пригласить к окну рейхсканцелярии представителя Муссолини в Берлине Джузеппе Ренцетти, когда мимо проходили с факелами формирования СА³. Очевидно, такие представления произвели должное впечатление и на Муссолини: увидев Гитлера одетым в военную форму в фильмах Лени Рифеншталь о партсъездах нацистов, дуче полностью отказался от гражданской одежды во время публичных выступлений⁴.

С 1934 г. оба диктатора регулярно наносили друг другу визиты и устраивали по этому случаю представления. Так, по случаю приезда Муссолини в Берлин в сентябре 1937 г. художник-декоратор Бенно фон Арент по распоряжению Гитлера превратил центральную улицу Унтер-ден-Линден в произведение искусства: вся улица представляла собой игру света и тени⁵. Муссолини отплатил Гитлеру в мае 1938 г. во время его визита в Италию тем же, организовав в Риме на новом Пассо Романо торжественное массовое шествие, хореография которого предусматривала слияние национал-социалистических и фашистских символов и ритуалов⁶. Оба диктатора восторженно отзывались об увиденных торжественных спектаклях. Берлинская инсценировка

---

¹ Benton T. Das Römische Reich entsteht wieder. S. 121.

² Behrenbeck S. Durch Opfer zur Erlösung. S. 149.

³ Woller H. Machtpolitisches Kalkül oder ideologische Affinität? Zur Frage des Verhältnisses zwischen Mussolini und Hitler vor 1933 // Der Nationalsozialismus. Studien zur Ideologie und Herrschaft / hg. von W. Benz, H. Buchheim, H. Mommsen. Frankfurt/Main, 1993. S. 60.

⁴ Spagnoletti G. «Gott gibt uns das Brot, er bereitet es uns und verteidigt es». S. 129.

⁵ Фотографию см.: Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 281.

⁶ Benton T. Das Römische Reich entsteht wieder. S. 121; Fest J. C. Hitler. S. 759 f.; Kühberger C. Metaphern der Macht. S. 139 ff.

якобы побудила Муссолини пойти на заключение соглашения о создании «оси»¹. Прямое влияние инсценировок на принятие политических решений практически не поддается доказательству. Не подлежит сомнению, однако, тот факт, что режимы Гитлера и Муссолини обменивались друг с другом в ритуально-праздничной области на высшем уровне и подзадоривали друг друга.

Труднее обстоит дело с доказательствами влияния Советского Союза и его праздничного каталога на национал-социалистов. До захвата власти знакомство НСДАП с советским праздничным стилем осуществлялось косвенно на основании тех картин, которые использовали в своей пропаганде советской власти КИП, «Общество друзей новой России» и «Союз друзей Советского Союза», где видную роль играли известные левые интеллектуалы. В сотрудничестве с ВОКС — советской организацией культурных связей с заграницей — различные партнеры с германской стороны стремились представить советскую власть в Германии в позитивном свете. Многочисленные передвижные выставки, фоторепортажи, демонстрации кинофильмов и гастроли в годы Великой депрессии противопоставляли сотрясаемому кризисами капитализму в качестве альтернативы планирование экономики и общественный эксперимент в Советском Союзе². Кроме того, существовала путевая литература, описывавшая жизнь в «Стране Советов». Уже в 1920-е гг. к большевикам ездили журналисты и писатели Артур Холичер, Йозеф Рот и Эгон-Эрвин Киш. С началом первой пятилетки количество политических репортажей из Советской России существенно возросло. В этом информационном потоке о положении в Советском Союзе массовый праздник занимал почетное место. Фоторепортажи и выставки рисовали эти празднования как символ нового времени, которое якобы настало в Советском Союзе. Не было практически ни одного репортажа, где бы не содержалось описания праздни-

---

¹ См.: Nolte E. *Der Faschismus in seiner Epoche*. S. 291 f. О том же: Kershaw I. *Hitler 1889–1936*. Stuttgart, 1998. S. 84 f.

² Так, например, в 1927 г. в Берлине демонстрировалась экспозиция «10 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции»: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 515. Л. 8. О фоторепортажах «из жизни Советского Союза», таких, например, как в AIZ за 1931 г., см.: Graeve I. *Klassenauge versus Neues Sehen. Zur Rezeption sowjetischer Photographie in Berlin* // *Berlin – Moskau / Moskau – Berlin*. S. 220–225. О советском фильме в Берлине: Gregor U., Klejman N. *Deutscher und Sowjetischer Film. Ein Dialog beider Filmkulturen* // *Ibid.* S. 199–203. См. также: David-Fox M. *From Illusory «Society» to Intellectual «Public»: VOKS, International Travel, and Party-Intelligentsia Relations in the Interwar Period* // *Contemporary European History*. 2002. Vol. 11. № 1. P. 7–32; Heeke M. *Reisen zu den Sowjets. Zur Geschichte des ausländischen Tourismus in Russland 1921–1941*. Münster, 2002. S. 25 ff.

ных демонстраций по случаю годовщины Октябрьской революции или 1 Мая, в них посетители выставок и читатели черпали основные сведения о характере советской власти. Во времена Веймарской республики советский праздник, несомненно, занимал привилегированное место во всем массиве иллюстративного материала о Советском Союзе¹.

Однако неизвестно, насколько внимательно национал-социалисты изучали эти контрпропагандистские материалы. Есть, правда, свидетельства того, что, по крайней мере, Йозеф Геббельс проявлял большой интерес к пропагандистским автопортретам противника и отдавал должное его искусству в этой области. Так, в 1933 г. он высказался о фильме Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»» в том духе, что фильм представляет собой образец «замечательной» пропаганды: «Тот, кто не имеет твердых убеждений, через этот фильм может стать большевиком»². В этих строках сквозит вера Геббельса в гипнотическое действие хорошей пропаганды, они объясняют его внимание к продукции соперников в борьбе «мировоззрений». Можно лишь предположить, что массовый советский праздник не мог ускользнуть от внимания будущего министра пропаганды³. Но нет сомнений в том, что национал-социалисты больше черпали знаний о праздничных ритуалах своего коммунистического противника из непосредственного соприкосновения с КПГ, Союзом красных боевых дружин и их демонстрациями, чем из иллюстративного материала о советских празднованиях. Правда, в 1932 г. Йозеф Геббельс не очень уважительно отзывался о своих соперниках в записях о «фрагментированном символьном мире» Веймарской республики⁴. Тем не менее праздник

---

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 515. Л. 8. Отчеты о поездках с описаниями праздников см., в частности: Roth J. Reise nach Russland. Feuilletons, Reportagen, Tagebuchnotizen 1919–1930. Köln, 1995. S. 172 ff.; Saint-Exupéry A., de. 1. Mai // Europa erlesen / hg. von V. Jäger, E. Klein. Moskau; Klagenfurt, 1999. S. 163–165; Kisch E. E. Zaren, Popen, Bolschewiken / hg. B. Uhse, G. Kisch. Berlin, 1989. Bd. 3. S. 103 ff.; Mehnert K. Das zweite Volk meines Lebens. Berichte aus der Sowjetunion 1925–1983. Stuttgart, 1986. S. 89 ff., 136; Lask B. Kollektivdorf und Sowjetgut. Ein Reisetagebuch. Berlin, 1931. S. 38 ff.; Graf O. M. Reise nach Sowjetrußland 1934. Berlin, 1979. S. 43 ff.

² Речь от 28 марта 1933 г., напечатана: Albrecht G. Nationalsozialistische Filmpolitik: Eine soziologische Untersuchung über die Spielfilme des Dritten Reiches. Stuttgart, 1969. S. 27. Фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли» должен был стать своего рода ответом на произведение Сергея Эйзенштейна. См.: Hinton D. B. The Films of Leni Riefenstahl. P. 29.

³ См. относительно концепции пропаганды Йозефа Геббельса его «директивы» 1931 г. в пропагандистском журнале НСДАП «Unser Wille und Weg», цит.: Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda // Deutschland 1933–1945. S. 291 ff.

⁴ Goebbels J. Die Tagebücher. Bd. 2. S. 163.

1 Мая он считал достаточно важным поводом для организации первого «народного праздника» в интерпретации национал-социалистов.

Советский противник оставался в поле зрения наблюдателей также после 1933 г., тем более что инсценирующие диктатуры соперничали между собой, стараясь привлечь к себе внимание международной общественности. Поводами для авторепрезентации режимов стали Олимпийские игры 1936 г. для Германии и Всемирная выставка в Париже 1937 г. для Советского Союза. В Париже, согласно хитроумному замыслу французских организаторов выставки, павильоны обеих диктатур были расположены друг против друга¹. Национал-социалисты якобы распорядились задним числом достроить башню Немецкого дома Альберта Шпеера, чтобы превзойти по высоте статую Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», установленную на площади, оформлением которой занимался Борис Иофан². В Берлине были также обеспокоены слухами, будто в Москве планируют построить на Дворце Советов более грандиозный купол, чем спроектированный Шпеером на здании Дворца собраний во «Всемирной столице Германии». Гитлер якобы успокоился, только когда выяснилось, что московский дворец будет ниже берлинского на 20 метров. Судя по этим эпизодам, оба режима находились в состоянии непосредственного соперничества перед лицом воображаемой мировой общественности³.

Это соперничество касалось не только архитектуры, но и распространялось на сферу внешней пропаганды в целом. Национал-социалисты получали информацию о советских празднованиях также из донесений своих дипломатических и консульских миссий в Москве и других городах, в частности Новосибирске. Их представители не только регулярно принимали участие в празднованиях советских годовщин, присутствуя на демонстрациях, но и сообщали о них⁴. Кроме того, после заключения советско-германского пакта о ненападении 1939 г. значительно оживился туризм в Советский Союз: в 1940 г. количество немецких туристов достигло рекордного уровня для первой половины XX столетия. «Путешествия к Советам» пользовались популярностью также во время войны, посещения праздничных мероприятий включались в программы путешествий по линии ВОКС и

---

¹ Фотографию см.: Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 1.

² См. также: Merkert J. Die Büchse der Pandora? Anmerkungen zum Umgang mit der Ästhetik der Macht im 20. Jahrhundert // Berlin — Moskau / Moskau — Berlin. S. 356–359.

³ Fest J. C. Speer. Eine Biographie. Berlin, 1999. S. 109 ff.

⁴ Немецкое консульство работало в Новосибирске до 1938 г. Консул регулярно приглашался на годовщину Октябрьской революции: Новосибирск в день юбилея // Советская Сибирь. 1927. 3 нояб. С. 6.

Интуриста¹. Насколько серьезно воспринимались донесения дипломатов пропагандистскими организациями, можно только предполагать. Но существование каналов, по которым в Германию шла информация о праздниках противников или временных союзников, не подлежит сомнению.

Еще более скудна источниковая база, по которой можно было бы судить о восприятии праздников других диктатур в Советском Союзе. Это связано прежде всего с тем, что публичные похвалы в адрес противника в 1930-е гг. были исключены. В 1920-е гг. советские эксперты еще позволяли себе отдавать должное предполагаемой пропагандистской действенности церковной литургии. Но во времена Великого перелома подобные открытые признания сильных сторон религиозных соперников прекратились. Точно так же обстояло дело и в отношении национал-социалистической Германии. Положительные высказывания на тему пропагандистской деятельности противника были недопустимы даже во внутренних дебатах. Ее не касались даже для того, чтобы подчеркнуть контраст с собственной пропагандой. Лишь изредка встречалась критика «фальшивых праздников» в национал-социалистической Германии и в фашистской Италии, во время которых «массам лгали»².

Как бы то ни было, информационный поток о пропаганде противной стороны существовал и в 1930-е гг. В этой связи следует упомянуть присутствие на празднествах за рубежом советских путешественников и сообщения зарубежных представительств, а также непосредственные контакты в рамках всемирных выставок³. Однако больше известно о внешней пропаганде Советского Союза, чем о восприятии пропагандистской деятельности его системных противников. Культурному присутствию на международной арене в Советском

---

¹ Hecke M. Reisen zu den Sowjets. S. 22 f., 33 ff.

² Юдин Б. Народные празднества. М., 1937. С. 6; Базар в Нюрнберге // Правда. 1936. 15 сент. Подобные же высказывания в адрес фашистской Италии см.: Рюмин Е. Массовые празднества. М., 1927. С. 5 и сл. Преобладали ссылки на противников из капиталистического лагеря. Массовый советский праздник противопоставлялся «буржуазным праздникам» в США. См.: Гвоздев А. А. Массовые празднества на Западе // Массовые празднества: Сб. Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 47.

³ Во время пребывания наркома иностранных дел Максима Литвинова в 1933 г. в Италии Муссолини распорядился, в частности, показать ему парадный фашистский город Литторнйо: Kühberger C. Die vergessenen Städte Mussolinis. S. 28 ff. Максим Горький хорошо знал режим Муссолини по своему пребыванию в Сорренто. Он якобы сказал, что Муссолини — лучший ученик Советского Союза. Цит.: Falasca-Zamponi S. Fascist Spectacle. P. 51. Эти знания и впечатления он мог внести в дискурс о праздниках после своего окончательного возвращения в Советский Союз в 1930 г.

Союзе традиционно придавалось большое значение как одной из форм пропаганды мировой революции начиная с 1920-х гг. Об этом свидетельствуют многочисленные выставки в Германии и репортажи о жизни в Советском Союзе в те годы. Усилия в этом направлении предпринимались и в 1930-е гг., несмотря на риторику о «революции в отдельно взятой стране» и связанную с этим самоизоляцию. Сталинский Советский Союз особенно был заинтересован в ознакомлении международной общественности капиталистического окружения со своей культурой и поэтому устраивал открытые конкурсы в области архитектуры с ее участием. Праздники также считались в Советском Союзе важным средством привлечения внимания за рубежом, с одной стороны, а с другой — международное присутствие на крупных праздничных мероприятиях использовалось во внутренней пропаганде¹. Внешняя пропагандистская деятельность особенно усилилась во время гражданской войны в Испании, включая праздники с участием международной общественности. Поэтому нет никаких сомнений в том большом значении, которое организаторы советских праздников придавали международному резонансу своих праздничных мероприятий. Это подтверждается и в советском, и в постсоветском нарративе, приписывающем Гитлеру намерение успеть занять Москву и встать на Красной площади точно к годовщине Октябрьской революции. По версии советских современников, главный праздник советского календаря обладал такой силой, что ему подчинялись даже планы врага. Здесь особенно ярко проявляется вера советских пропагандистов в надсистемную притягательную силу собственных праздников².

Что касается степени влияния конкурирующих режимов на планирование и драматургию советских праздников, то этот вопрос придется оставить без ответа. Источниковая база не позволяет осветить детали передачи специфической информации о праздниках. Однако не подлежит сомнению, что тоталитарные диктатуры следили за пропагандой друг друга и находились, таким образом, в единой конкурентной коммуникативной среде. Праздник являлся одной из сфер соперничества.

По высказываниям пропагандистов нельзя установить в деталях, учились ли режимы друг у друга, однако эта мысль в качестве версии

---

¹ Иностранные гости часто приглашались на советские праздничные мероприятия. См., в частности: Buber-Neumann M. Von Potsdam nach Moskau. S. 202 f.; Leder M. M. My Life in Stalinist Russia: An American Woman Looks Back / ed. L. Bernstein. Bloomington, 2001. P. 31 ff.; An American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin. 1932–1934 / ed. M. Gleb. Berkeley, 1991. P. 47 ff.

² Kosterina N. A. Tagebuch / hg. von H. von Ssachno. München, 1973. S. 118 f.

вполне допустима. В пользу такого допущения говорит эстетическое сближение, которое произошло в 1930-е гг., в результате чего праздники в «Европе диктатур» приобрели общие черты. Подобное уподобление символьно-ритуального канона происходило в форме «солидарности без консенсуса», которая возможна между враждующими и ожесточенно сражающимися друг с другом сторонами, поскольку между ними существовал обмен¹. Аккламационный характер празднеств диктатур соответствовал их самоидентификации в качестве революционных режимов нового типа. Тяготение к монументализму у всех режимов сформировалось в 1930-е гг. не только параллельно, но и в результате конфронтации с противной стороной, что и привело к зарождению сравнительно единого каталога форм.

Праздники диктатур — праздники демократий: контрасты между США и Советским Союзом

Исследования, связанные с попыткой определения общих эстетических черт и структурных элементов в праздниках диктатур, требуют более широких сравнений. Чтобы сделать выводы о наличии специфических, присущих диктатурам структурных подобию, необходимо выявить их контрасты с демократическими обществами и общественными праздниками последних. Подобные контрастные сравнения до сих пор имели место только применительно к Германии и только относительно рубежа 1933 г. Объектами сопоставления были Веймарская республика и национал-социализм. В результате исследований выяснилось, что Веймарская республика и в области праздничной и символической культуры представляла собой «фрагментированное общество без консенсуса», в котором отдельные политические и социальные слои культивировали свои праздники, а объединение вокруг одного канона было невозможно². Спор о флагах или дискус-

---

¹ Якоб Фогель сформулировал это понятие ввиду похожих друг на друга символических форм, сравнение которых произвольно вызывает ассоциации сходства между конкурирующими политическими движениями: Vogel J. Politische Feiern, Symbole und Mythen: неопубл. доклад на конф. «Symbolstrukturen und gesellschaftliche Prozesse im Zivilisationsvergleich», Humboldt-Universität zu Berlin (1999). Эмме Марк Блок заметил, что «люди, которые яростно спорят друг с другом из-за одного и того же дела», похожи друг на друга. См.: Bloch M. Apologie der Geschichte oder der Beruf des Historikers. Stuttgart, 1980. S. 190.

² Friedemann P. Mit wem zog die neue Zeit? Maidemonstrationen am Ende der Weimarer Republik aus regionalgeschichtlicher Perspektive // Massenmedium Straße. Zur Kulturgeschichte der Demonstration / hg. von B. J. Warneken. Frankfurt/Main, 1991. S. 182–201; Lehnert D., Megerle K. Politische Identität und nationale Gedenktage // Politische Identität und nationale Gedenktage. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik / hrsg. von

сии о национальном празднике свидетельствовали о раздробленности праздничного ландшафта Веймарской республики. Отдельные политические культуры, если только они полностью не отвергали «систему», предпочитали разные государственные праздники, и присягали разномастным флагам¹. Фрагментация символьного ландшафта Веймарской республики отражала отсутствие политического консенсуса и являлась дополнительным дестабилизирующим фактором. Отсутствие общепризнанного каталога символов и праздников свидетельствовало о недоразвитости форм репрезентации нового государственного строя. Поэтому развитие идентификации с ним через символику было лишено перспектив. В области государственной авторепрезентации, символов и праздников Веймарская республика страдала явными недостатками².

На этом фоне и в контрасте с ним история праздников диктатур предстает как процесс принудительного нормирования в направлении единого праздничного канона, выливавшегося в устройство помпезных празднеств, процесс смены общественного разногласия унифицированным, монументальным единым фронтом. Символьной скудости и раздробленности Веймарской республики противостоит национал-социалистическая неистовость и единообразие праздничной и символической среды.

Сравнения, ограниченные Веймарской республикой, таят в себе, однако, определенные опасности. Во-первых, в фокусе исследований оказывается политически крайне фрагментированное общество, во-вторых, представляется неоправданной абсолютизация дефицитности государственной символической и праздничной среды как родового признака демократии, поскольку в данном контексте речь может идти об «особом германском случае»³. Поэтому целесообразно обратиться за сравнением к демократически сформированному обществу, отличающемуся большим политическим консенсусом и располагающему более развитой «символьной политикой». Мюррей Эдельман

D. Lehnert, K. Megerle. Opladen, 1989. S. 9–30; Sontheimer K. Die politische Kultur der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik – Wirtschaft – Gesellschaft / hg. von K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1987. S. 454–464; Weichlein S. Sozialmilieus und politische Kultur in der Weimarer Republik. Lebenswelt, Vereinskultur, Politik in Hessen. Göttingen, 1996. S. 18 f.

¹ Ribbe W. Flaggenstreit und heiliger Hain. Bemerkungen zur nationalen Symbolik in der Weimarer Republik // Aus Theorie und Praxis der Geschichtswissenschaft. Festschrift für Hans Herzfeld zum 80. Geburtstag / hg. von D. Kunze. Berlin, 1972. S. 175–188; Ueberhorst H. Feste, Fahnen, Feiern. S. 157 ff.

² Reimers K. F. Der Reichsparteitag als Instrument totaler Propaganda. S. 216 f.

³ Критика по этому поводу: Vogel J. Politische Feiern, Symbole und Mythen.

применил понятие «символьной политики» первоначально к Соединенным Штатам Америки, поскольку полагал, что в области политики ему удалось открыть целую сеть символических действий¹. Можно не разделять его тезис о том, что эти символичные практики служили в качестве «замены рационального начала» целям маскировки «действительной политики» и манипулирования электоратом. Однако его наблюдение, что в США имеет место интенсивная «семантическая нагрузка» общественного политического пространства и что ее не следует поспешно объявлять признаком диктатуры, представляется убедительным². В этом отношении сопоставление официальной праздничной культуры диктатур и демократий на примере Советского Союза и США вселяет надежду на получение результатов, которые позволят сделать некоторые выводы о специфике диктаторских форм празднований в Советском Союзе. Для этого следует совершить экскурс в историю празднований в Соединенных Штатах в период между двумя мировыми войнами. Но предварительно коснемся предыстории их праздничной культуры начиная с конца XIX века.

С 1890-х гг. до конца 1920-х гг. США переживали фазу интенсивной колонизации общественного пространства празднествами³. Биржевой крах 1929 г. провел в этом процессе определенную разделительную черту, с него началось десятилетие, когда общественные праздничные мероприятия как форма политической и культурной репрезентации ввиду их высокой стоимости отошли на второй план. Однако Великая депрессия повлияла скорее на снижение интенсивности общественных празднований, чем на изменение их основного характера. Взятая в исторической перспективе, праздничная традиция США оказалась «на удивление стабильной»⁴, а корни некоторых

---

¹ См.: Edelman M. J. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana, 1967; Idem. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago, 1971.

² Такой же точки зрения придерживается Х. Мюнклер: Münkler H. *Das kollektive Gedächtnis der DDR // Parteiauftrag. Ein neues Deutschland. Bilder, Rituale und Symbole der frühen DDR* / hg. von D. Vorsther. München, 1997. S. 459 f.

³ См., в частности: *Ceremonies and Spectacles. Performing American Culture. European Contributions to American Studies* / eds. T. Alves, T. Cid, H. Ickstadt. Amsterdam, 2000; *Bonds of Affection. Americans Define Their Patriotism* / ed. J. E. Bodnar. Princeton, 1996; *Celebrating Ethnicity and Nation: American Festive Culture from the Revolution to the Early Twentieth Century* / eds. G. Fabre, J. Heideking, K. Dreisbach. New York, 2001; Glassberg D. *American Historical Pageantry. The Uses of Tradition in the Early Twentieth Century*. Chapel Hill, 1990.

⁴ Mitchell A. *Nationalfeiertage im Vergleich: Deutschland, Frankreich und die USA // Nation and Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert* / hg. von E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 397.

центральных праздничных мероприятий восходят к началу провозглашения независимости¹.

Главные праздники американской нации — День независимости, день рождения Джорджа Вашингтона и День памяти павших — представляли собой медиум исторического нарратива об основании американской нации и государства Соединенных Штатов. Эти праздники, служившие сплочению нации, получили в последние десятилетия XIX столетия усиленное дидактическое звучание, по мере того как родившиеся в Америке представители англосаксонской верхушки общества стали усматривать в растущем иммиграционном потоке угрозу единству нации². В этом контексте праздники стали не только отражать историю превращения их участников в американцев, но и способствовать активной и явно выраженной «американизации» новых иммигрантов путем их приобщения к американской символической системе. Учреждение Дня флага в качестве официального праздника, введение ритуала подъема флага перед всеми общественными учреждениями и повсеместный патриотический дискурс были в те годы характерными приметами жесткой и отчасти агрессивной политики американизации, которую англосаксонские верхи общества в качестве «native-born Americans» («прирожденных американцев») проводили в отношении новых иммигрантов³.

Во время Первой мировой войны возросло значение воспитательной функции праздников, когда в числе прочих и государственные учреждения стали проводить патриотические кампании, направленные на усиление военной мобилизации. Праздники рассматривались при этом как важный медиум подъема патриотического духа нации. Пропагандистское ведомство Вудро Вильсона пыталось достучаться до каждой этнической группы с помощью не только плакатных призывов, но и массовых инсценировок, таких, как «День американизации»

---

¹ См.: Davis S. G. *Parades and Power. Street Theatre in Nineteenth-Century Philadelphia*. Philadelphia, 1986; Heideking J. *Die Verfassungsfeiern von 1788. Das Ende der Amerikanischen Revolution und die Anfänge einer Nationalen Festkultur in den Vereinigten Staaten // Der Staat*. 1995. № 34. H. 3. S. 391–413; Newman S. P. *Parades and the Street. Festive Cultures in the Early American Republic*. Philadelphia, 1997.

² См.: Raeithel G. *Geschichte der nordamerikanischen Kultur. Vom Bürgerkrieg bis zum New Deal (1860–1930)*. Frankfurt/Main, 2002. Bd. 2. S. 63 ff., 267 ff.

³ См.: Davies W. E. *Patriotism on Parade. The Story of Veteran's and Hereditary Organizations in America 1783–1900*. Cambridge, Mass., 1955. P. 218 ff.; McConnell S. *Reading the Flag: A Reconsideration of Patriotic Cults of the 1890s // Bonds of Affection*. P. 102–119; O'Leary C. E. *To Die For. The Paradox of American Patriotism*. Princeton, 2000. P. 155 ff., 176 ff.; Wiebe R. H. *The Segmented Society. An Introduction to the Meaning of America*. London, 1975. P. 105 ff.; Zelinsky W. *Nation into State. The Shifting Symbolic Foundation of American Nationalism*. Chapel Hill, 1988. P. 69–80.

(Americanization Day) в 1915 г.¹ Показательным в этом отношении может считаться День независимости 4 июля 1918 г. и проведенная в его честь праздничная демонстрация. Праздник, названный «День лояльности» (Loyalty Day), был поддержан различными Обществами американизации и вызвал волну крупных праздничных мероприятий по всей стране, во время которых различные этнические группы демонстрировали свою приверженность к американской нации². В таком же духе Генри Форд устроил праздничную феерию на территории своего предприятия. В ходе этого представления этническое многообразие иммигрантов символически переплавлялось в огромном *плавильном тигле* и превращалось в стандартный тип патриотически настроенного американца, одетого в костюм и несущего американский флаг³.

В послевоенные годы традиция проведения общественных празднеств с явно дидактической целью была не только продолжена, но и усилена во времена *red scare* («красной угрозы»). В различных кампаниях «стопроцентных американцев» важную роль играли общественные праздничные мероприятия, и прежде всего представления исторического содержания⁴. Так, на рифах близ Плимута в 1921 г. было пышно отмечено 300-летие «отцов-основателей», а в том же году в Нью-Йорке состоялись красочные общественные демонстрации по случаю «Фестиваля создания Америки» (America's Making Festival). Основное внимание при этом уделялось выражению лояльности по отношению к центральным символам нации, а в нарративе прослеживались исторические события, связанные с образованием и успешным развитием США. Что касается отношений между иммигрантами и Соединенными Штатами, то в инсценировках подчеркивалось прежде всего то, что США «подарили» иммигрантам, а не своеобразный вклад последних в общую культуру страны. Стремление к унификации и скептическое отношение к субкультурам привели к тому, что в праздничном пространстве практически растворились автономные местные и этнические мероприятия со своей символикой и возобладала тенденция в пользу общеамериканского праздничного стандарта⁵.

---

¹ См.: Fasce F. Advertising America, Constructing the Nation: Rituals of the Homefront during the Great War // Ceremonies and Spectacles. P. 161–174; Fabre G., Heideking J. Introduction // Celebrating Ethnicity and Nation. P. 10 ff.

² Glassberg D. American Historical Pageantry. P. 223 ff.

³ См.: Barrett J. R. Americanization from the Bottom up: Immigration and the Remaking of the Working Class in the United States, 1880–1930 // The Journal of the American History. 1992. Vol. 79. № 3. P. 996 ff.

⁴ Ibid. P. 1018 ff.; Glassberg D. American Historical Pageantry. P. 233 ff.

⁵ См.: Bodnar J. E. Remaking America. Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton, 1992. P. 41 ff.; Glassberg D. Patriotism from the

В этом процессе даже «Великая депрессия» не означала принципиального перелома, несмотря на то что финансовый дефицит сказывался на всех уровнях и в результате частота и насыщенность общественных празднований заметно пошла на убыль. В 1932 г., например, вся страна отмечала 200-летие со дня рождения Джорджа Вашингтона, однако необходимость жесткой экономии существенно сократила размах официальных мероприятий¹. Тем не менее администрация, проводившая «Новый курс» во главе с Франклином Рузвельтом, прекрасно сознавала необходимость повышения расходов на пиар для популяризации и осуществления программ занятости по линии Управления развития общественных работ (Work Progress Administration) или Управления по развитию долины Теннесси (Tennessee Valley Authority). Не случайно в структуре каждого министерства во второй половине 1930-х гг. был отдел по работе с общественностью. Рузвельт и его сотрудники Луис Хау и Рой Страйкер умело пользовались для пропаганды своей политики новыми средствами массовой информации, такими, как фоторепортажи, плакаты, и прежде всего радио. Что касается праздничных мероприятий, то они отошли на второй план².

Сравнение краткой истории праздников Соединенных Штатов с конца XIX столетия до середины 1920-х гг. позволяет выявить некоторые существенные отличия от праздников диктатур. Характерной чертой американских праздников является учет этнического многообразия страны иммигрантов. С ним считались как организаторы празднеств, делавшие упор на проведение политики американизации мигрантов, так и представители этнических групп, воспринимавшие праздник как возможность познакомить общественность с собственным этносом. У каждой крупной этнической группы были свои праздничные даты, ориентировавшиеся на традиционный праздничный календарь страны происхождения, часть их представители этносов стремились включить в американский праздничный календарь. В частности, представителям итальянских иммигрантов удалось сделать официальным праздником «День Колумба» (Columbus Day). Это только один из примеров того, как представители этнических групп старались в форме праздника подчеркнуть свой вклад в основание

Ground up // *Reviews in American History*. 1993. Vol. 21. P. 1–7; Hebel U. J. Historical Bonding with an Expiring Heritage. Revisiting the Plymouth Tercentenary Festivities of 1920/1921 // *Celebrating Ethnicity and Nation*. P. 266 ff.

¹ Marling K. A. *George Washington Slept Here. Colonial Revivals and American Culture 1876–1986*. Cambridge, Mass., 1988. P. 325 ff.

² См.: *Propaganda and Dreams: Keller U. Roosevelts Bildpropaganda im historischen und systematischen Vergleich* // *Führerbilder: Hitler, Mussolini, Roosevelt, Stalin in Fotografie und Film*. S. 149 ff.

Америки¹. В качестве «этнических праздников»² можно назвать ирландский День св. Патрика, общественные спортивные праздники, такие, как День германо-американских гимнастов или Польский день; с их помощью общественность страны знакомилась со специфическими ценностями групп иммигрантов, из которых выделялись наиболее активные представители, считавшие своим делом пропаганду этих ценностей. Таким образом, эти праздники служили средством связи отдельных этносов со всей нацией, поскольку в них подчеркивался весомый вклад той или иной этнической группы в историю Соединенных Штатов и лояльность к США³.

Этническое многообразие накладывало свой отпечаток также на национальные праздники, в частности на 4 июля. Различные группы иммигрантов или их представители старались использовать демонстрации в День независимости для презентации своих национальных особенностей. Даже в 1920-е гг., когда во главу угла ставилась американизация мигрантов, праздничные мероприятия не только демонстрировали безусловную лояльность иммигрантов к их новой родине, но и отражали этническое многообразие американцев. Для доказательства своего американизма было достаточно открытого признания определенных общих правил игры, перечня основных понятий и набора ключевых символов. Несмотря на углубление ассимиляции на протяжении 1920–1930-х гг., продолжали параллельно существовать автономные праздничные стили и праздники различных этнических слоев американского общества. «Национализация масс» происходила посредством проникновения в этнические или местные субкультуры, а не путем их растворения⁴.

В Советском Союзе 1930-х гг. тоже можно было наблюдать презентации этнического многообразия. Но, в отличие от США, демонстрация этнических различий в советском исполнении ориентировалась на московский образец: здесь централизованно установленный

---

¹ Deschamps B. Italian-Americans and Columbus Day. A Quest for Consensus between National and Group Identity, 1840–1910 // *Celebrating Ethnicity and Nation*. P. 124–139.

² *Celebrating Ethnicity and Nation*. См. также: Cronin M., Adair D. *The Wearing of the Green. A History of St. Patrick's Day*. New York, 2002.

³ См.: Brinkmann T. Charity on Parade. Chicago's Jews and the Construction of Ethnic and Civic «Gemeinschaft» in the 1860s // *Celebrating Ethnicity and Nation*. P. 157–173; Bukowczyk J. J. Polish Americans, History Writing, and the Organization of Memory // *Polish Americans and Their History. Community, Culture, and Politics* / ed. J. Bukowczyk. Pittsburgh, 1996. P. 1–38; Bungert H. Demonstrating the Values of «Gemütlichkeit» and «Culture». The Festivals of German Americans in Milwaukee, 1870–1910 // *Celebrating Ethnicity and Nation*. P. 175–193.

⁴ Bodnar J. E. *Remaking America*. P. 93 ff.; Glassberg D. *American Historical Pageantry*. P. 223 ff.

праздничный стандарт обогащался за счет этнического фольклора¹. В США же сохранялась параллельность праздничных стилей, поскольку США не знали централизованного управления праздниками, там не было соответствующей цензуры, более того — не существовало даже национальной стандартной праздничной модели. В отличие от Советского Союза, не было и центральной руководящей инстанции, которая могла бы вмешиваться в проведение праздников этнических групп с целью их нормирования. Не только праздники отдельных этносов, но и групповые праздники нескольких этносов по случаю общенациональных событий организовывались ими самостоятельно. Несомненно, в большинстве случаев цель таких мероприятий заключалась в демонстрации лояльности своей этнической группы общеамериканскому проекту, в то же время представители этих групп энергично защищали собственную культурную автономию от вмешательства извне, противопоставляя проекту «melting pot» (правильного тигля) свой проект «segmented society» (сегментированного общества)². Усилия пропагандистов по американизации разрозненных этнических групп в сфере празднования, их попытки установить специфический стиль празднования в качестве нормативной модели так и не увенчались успехом. «Патриотические объединения», «союзы ветеранов и наследников» хотя и получали государственную поддержку при проведении таких крупных мероприятий, как празднования в Плимуте, однако им удавалось противостоять государственному дирижированию в вопросах организации праздников. В этом смысле центра, задающего нормы и предписывающего обязательные к исполнению национальные праздничные модели, не существовало³.

Тенденция к децентрализованному развитию праздничной культуры усиливалась благодаря участию в проведении крупных юбилеев предпринимателей. Профессионализация в деле организации праздников побуждала частных предпринимателей принимать участие в планировании и реализации крупных праздничных проектов, связанных, в частности, с игровым воспроизведением исторических страниц⁴. Кроме того, множество праздников устраивалось непосред-

---

¹ См.: Hoffmann D. L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity*. Ithaca. 2003. P. 169 ff.; Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001. P. 437 ff.

² Wiebe R. H. *The Segmented Society*.

³ Davies W. E. *Patriotism on Parade*; Hebel U. J. *Historical Bonding with an Expiring Heritage*; Hochgeschwender M. *Ehre und Geschlecht: Strategien bei der Konstruktion nationaler Einheit nach dem Amerikanischen Bürgerkrieg // Kriegsniederlagen. Erfahrungen und Erinnerungen* / hg. von H. Carl u. a. Berlin, 2004. S. 322 ff.; O'Leary C. E. *To Die For*. P. 100 ff.

⁴ Glassberg D. *American Historical Pageantry*. P. 260 ff.

ственно на предприятиях. Уже упомянутое представление на тему переплавки иммигрантов в американцев было поставлено лично Генри Фордом для работников его предприятия. Иногда инициаторами юбилейных празднеств национального масштаба выступали крупные частные предприниматели, такие, как Дж. Д. Рокфеллер-младший, Дж. П. Морган или Э. Меллон. Так было, например, в 1929 г. по случаю 50-летия изобретения лампы накаливания. Государство было представлено на этих празднованиях в лице президента, но он был там лишь гостем и вовсе не находился в центре всеобщего внимания¹. Организация и проведение таких «праздников без руководства» находились в руках большого числа различных спонсоров и групп по интересам. Поэтому крупные национальные праздники, отмечавшиеся на местах, всегда были выражением партикулярных интересов и не могли достигать уровня стандартной модели, так как для нормирования и управления общенациональной праздничной культурой не было ни необходимых средств, ни соответствующей концепции. Многообразие американского праздничного календаря основывалось, таким образом, на широко распространенной самоорганизации «сегментированного общества», в котором каждая социальная среда устанавливала свои собственные стандарты без участия какого-либо учреждения в качестве руководящего центра².

И тем не менее саморегуляция в лице многочисленных партикулярных групп и учреждений продуцировала удивительно единый формат, по крайней мере, национальных праздников. Данный феномен характерен прежде всего для 1920–1930-х гг., когда явно выраженная национальная идентичность в США формировалась по типу скорее ассимиляции, чем интеграции. Партикулярной группе, желавшей присоединиться к национальной культурной модели, приходилось уживаться с доминантной культурой англосаксонских протестантов, которая заявляла о своей гегемонии также на уровне символики. Статусные конфликты, существовавшие внутри жестких классовых, конфессиональных и этнических иерархий и распространявшиеся в том числе на праздничное пространство, подталкивали процесс самостоятельной адаптации различных сред к нормам данного доминирующего в социальной и культурной сферах слоя. Основной движущей силой, содействовавшей адаптации к культурному ка-

---

¹ Barrett J. R. *Americanization from the Bottom up*. P. 996 ff.; Frezza D. *The Self-Representation of Power: The «Light Golden Jubilee» in Honor of Thomas A. Edison at the Edge of the Great Depression* // *Ceremonies and Spectacles*. P. 175–192.

² См.: Bukowczyk J. J. *Polish Americans, History Writing, and the Organization of Memory*. P. 9 ff.; Deschamps B. *Italian-Americans and Columbus Day*; Fabre G., Heideking J. *Introduction*. P. 12 ff.

нону англосаксонской элиты, являлись средние социальные слои той или иной группы. За кулисами национального праздника, который, на первый взгляд, проходил в атмосфере согласия, порой разгорались нешуточные споры внутри социальных иерархий, затрагивавшие также отношения внутри партикулярных этнических групп¹. То есть самоорганизация «сегментированного общества» протекала отнюдь не без конфликтов. Однако доминирующие культурные нормы не устанавливалось какой-либо центральной регулирующей инстанцией, а выявлялись в борьбе за первенство между различными партикулярными группами.

В отличие от диктатур, праздничный канон США не нес только воспитательную нагрузку. Естественно, праздничные мероприятия, проводившиеся протестантской англосаксонской элитой, преследовали дидактическую цель «американизации» иммигрантов. Но, поскольку зрелища устраивались различными действующими лицами на локальном уровне и в разных культурных средах этнических групп, праздничная культура Соединенных Штатов в период между двумя мировыми войнами приобрела и многообразие форм, и многозначность. В отношении праздников «плави́льный тигель» представлял собой скорее «салатницу» («salad bowl»).

Дифференцированность праздничных культур США могла развиваться и сохраняться, так как, в отличие от диктатур, не существовало санкционированного центром власти праздничного каталога, не терпевшего конкуренции. Претензия диктатур на исключительность своих праздников подавляла все остальные альтернативные праздники и низводила их на маргинальный уровень. Соответственно в праздничные календари тоталитарных режимов была заложена тенденция к редукционизму, униформированности и унификации существовавшего праздничного ландшафта, хотя сопровождавшееся многочисленными конфликтами вытеснение традиций исследованными в данной работе диктатурами протекало с различной интенсивностью. Праздничный ландшафт США, в противоположность диктатурам, с конца XIX столетия расширял свой спектр; наряду с национальными, официально установленными праздниками появлялись все новые партикулярные локальные или этнические праздники. Плюрализм как отличительная черта демократии в политической области прослеживается также в сфере праздничной культуры. При общем взгляде на американский

---

¹ Эти споры о главенствующей роли касались, в частности, и самих этнических партикулярных групп, и их празднеств. См. относительно Дня св. Патрика: Cronin M., Adair D. *The Wearing of the Green*. P. 34 ff., 64 ff. Автор выражает благодарность Михаэлю Хогешвендеру за подачу идеи об ассимиляторском характере национальной идентичности в 1920–1930-е гг.

праздничный ландшафт, включавший различные праздничные традиции, становится понятным интегрирующий потенциал США. Конечно, общественные празднования не были свободны от вытеснения и отфильтровывания неугодных мероприятий, до 1960-х гг., к примеру, чернокожее население не могло участвовать в исторических инсценировках и праздничных процессиях¹, однако центральная власть не мешала проведению партикулярных празднеств всех общественных субкультур². Можно сказать, что в США государство скорее стояло в стороне от проходивших децентрализованно празднований, в этой сфере под общей крышей повсеместно распространенной единой государственной символики существовало культурное самоуправление. Что же касается диктатур, то, как бы региональные партийные сатрапы ни трансформировали на свой манер централизованно спускавшиеся сверху праздники, в лоне диктаторских режимов не могла развиваться сколько-нибудь похожая децентрализация праздничных культур. Высокая степень ориентированности на центр и на личность вождя составляет фундаментальное отличие их празднований от американских.

Кроме того, праздники диктатур были фиксированы на личности верховных правителей не только в части драматургии, очень часто ими занимался «сам шеф». Дуче, фюрер, в меньшей степени вождь непосредственно участвовали в планировании и проведении празднований. В США подобного не знали. Хотя президенты, например Теодор и Франклин Рузвельты, активно включались в пропагандистские предвыборные кампании и позировали перед камерами, инсценировки крупных праздников и манифестаций не находились в центре внимания президентов и их пиар-кампаний. Эта разница объясняется тем, что общественные праздники в сравниваемых нами политических культурах занимали разное место с точки зрения удовлетворения потребностей правящих кругов в репрезентации для обоснования легитимности и авторитета своей власти. Во-первых, праздники диктатур являлись одним из центральных инструментов публичной демонстрации претензий на легитимность, проистекавших из легенды о спасительной миссии этих режимов, а массовость мероприятий должна была демонстрировать широкую базу их общественной поддержки. Во-вторых, в период празднований режим демонстрировал всю полноту своей власти как внутри, так и вне страны. Претензия диктатуры на всемогущество нуждалась в таком общественном подкреплении.

---

¹ См.: Hebel U. J. Historical Bonding with an Expiring Heritage. P. 270; Hochgeschwender M. Ehre und Geschlecht. S. 323 ff.

² См.: Ostendorf B., Smith M. Jazz Funerals and the Second Line: African-American Celebration and Public Space in New Orleans // Ceremonies and Spectacles. P. 238–272.

Легитимность и авторитет — ресурсы, которые нужны любой форме власти, она просто обязана их демонстрировать. Но у демократической власти Соединенных Штатов кроме праздников имелись для этого другие средства. Выборы, конституция, личная свобода и, не в последнюю очередь, экономическое процветание были теми основами, из которых произрастали символы, ритуалы и практики, необходимые для демонстрации законности и авторитета государственной власти. Поэтому в демократиях «делом самого шефа» являются выборы и сопровождающие их общественные представления, праздники по сравнению с ними занимают второстепенное место¹.

Отсутствие в США четко сформулированного дидактического проекта, который по определенности и общественной значимости можно было бы сравнить с проектами диктатур, также влияло на положение общественных праздников и сказывалось на степени государственной заботы, уделявшейся праздничным мероприятиям в демократии. Праздники диктатур были своего рода лабораториями по воспитанию нового человека, представления о котором разнились в зависимости от режима. Но при всех тоталитарных режимах главное место в праздничной хореографии отводилось молодежи, что еще сильнее подчеркивает воспитательную функцию праздников и существенно отличает диктатуры от США. Молодежь была главной целью воспитательного воздействия диктатур, а праздники выполняли роль вводного курса в процессе формирования нового человека².

В этом функционально определенном характере праздников диктатур, возможно, и кроется объяснение того, почему во времена финансовых трудностей в демократических и тоталитарных государствах по-разному относились к праздникам. Если в период «Великой депрессии» и повсеместной материальной нужды в США 1930-х гг. общественные праздники теряли свое значение, праздничный каталог Советского Союза, напротив, расширялся и в годы безденежья, а национал-социалисты даже в последние месяцы войны вкладывали громадные суммы в изготовление пропагандистской продукции. Здесь во главу угла ставился не материальный фактор, а воспитательная функция. Таким образом, в отличие от США, праздники то-

---

¹ В 1936–1937 гг. в Советском Союзе тоже предпринимались попытки инсценировать Конституцию и выборы, используя их в качестве ресурса легитимации власти. Более сильные позиции праздника в этом отношении по сравнению с выборным дискурсом проявляются в терминологическом отождествлении одного с другим: выборы в Верховный Совет были названы праздником: Всенародный праздник // Коммуна. 1937. 13 дек. С. 1.

² Smith H. K. Feind schreibt mit. Ein amerikanischer Korrespondent erlebt Nazi-Deutschland. Frankfurt/Main, 1986. S. 26.

талитарных режимов представляли собой крупные воспитательные мероприятия диктатур, направленные на принудительную интеграцию людей в официальную систему символов и идеологий, и одновременно преследовали цель насильственного подавления всех конкурентов.

Выводы: праздники без традиций

Если в сравнении с демократиями в качестве отличительных черт праздников диктатур можно выделить доминирование партийного государства и его воспитательную функцию, а также претензию на исключительность единственного официального праздничного канона, то такой подход позволяет более отчетливо установить и различия между тремя сопоставляемыми диктатурами. Праздники Советского Союза, по сравнению с фашистскими и национал-социалистическими празднованиями, отличались особенно ярко выраженной дидактической направленностью. Одной из важнейших функций советских празднеств являлось идеологическое воспитание и насаждение «советских» культурных и поведенческих норм¹. Конечным продуктом этих усилий по (пере)воспитанию людей должен был быть новый советский человек, а праздники представляли собой одно из важнейших средств реализации этого проекта. Праздники национал-социалистической Германии, напротив, преследовали цель не столько идеологической обработки и приучения к новым стандартам поведения, сколько эмоционального вовлечения людей в «народное сообщество».

Включение людей в новое сообщество придавало последнему смешанный характер, что позволяло национал-социалистам интегрировать в свой новый праздничный каталог старые праздничные традиции, удовлетворяясь обрамлением их национал-социалистической символикой и сдабриванием соответствующей риторикой. Цель национал-социалистов заключалась в сглаживании противоречий между «немцами» в праздничном коллективе «народного сообщества» с помощью общей символики. Благодаря этому удавалось интегрировать традиционные формы в их искусственной и консервированной архаике, за бортом при этом оказывались авангардистские праздничные формы и представители тех социальных групп, которым доступ в «народное сообщество» был закрыт. В сравнении с национал-социализмом, а также с США бросается в глаза гораздо большая сте-

---

¹ Глязер С. Народные празднества. В помощь организатору и оформителю Первомайского праздника. М., 1938. С. 2; Юдин Б. Народные празднества.

пень несвязанности советского праздничного канона с традициями. За редкими исключениями, в советском праздничном календаре 1920–1930-х гг. нет следов включения в его систему традиционных праздников. Напротив, альтернативный советский проект противопоставлял всем традиционным праздничным формам свои и был готов ради их продвижения прибегать к насилию и агрессии. Заявляя тоталитарные претензии на исключительность, советские пропагандисты не терпели конкуренции в области праздничной культуры, они стремились к широкой унификации российского праздничного ландшафта. Традиционные линии, на которые опирался советский праздничный канон, вытекали не столько из российского, сколько из внешнего культурного контекста — западноевропейского рабочего движения. Отсюда и объяснение тех барьеров, которые приходилось преодолевать советским праздникам на пути в российское общество. Сначала советские праздники были в России чужими — праздниками, лишенными традиций. И все же в процессе длительного развития они наложили определяющий отпечаток на российский праздничный ландшафт. Развитие советских праздников в *longue duree* (длительной перспективе) мы рассматриваем в следующей главе.

СОВЕТСКИЙ ПРАЗДНИК В ДЛИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

История праздников — «дело долгое». Глубокие изменения в праздничном ландшафте страны требуют длительного времени и часто не совпадают с политической периодизацией. Праздники и их трансформация, с одной стороны, и политические события — с другой, имеют самостоятельные временные координаты¹. Карл Шлёгел написал по этому поводу: большевики приходят и уходят, а русский праздник остается². Тем не менее праздник нельзя обособить в качестве автономного культурного феномена, на который не налагали бы свой отпечаток политические переломы. Фактически большевики уже ушли. Но после них осталась страна, где под их воздействием свершилась индустриализация, где не придавалось значения демократическому плюрализму мнений и где под руководством большевиков был также сформирован праздничный календарь. Праздники современной России несут в себе явные следы семидесятилетнего большевистского господства. Хотя в настоящее время возрождаются и дореволюционные традиции, нынешний праздничный ландшафт России показывает, насколько глубокие корни в течение длительного времени пустила советизация праздничной культуры. Далее мы постараемся осветить стойкое влияние советизации на историю развития праздников в России.

Для этого придется придерживаться принципа относительности нашей периодизации и раздвинуть хронологические рамки. Мы проследим развитие советского праздника за пределами первоначально установленного временного отрезка. Вторая мировая война, несомненно, означала перелом в том, что касалось формы проведения общественных праздников. Но основные даты праздничного календаря остались нетронутыми. После 1945 г. сталинские режиссеры праздников могли поэтому продолжать довоенные традиции и, действуя

---

¹ См.: Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt/Main, 2000. S. 9 ff.

² На colloquium кафедр восточноевропейской истории университета им. Гумбольдта (Берлин) в июне 1998 г.

в духе победителей, экспортировать их за пределы Советского Союза. Что означали в таком случае дата 5 марта 1953 г. и проведение XX съезда партии в 1956 г. для советской праздничной культуры? Произошла ли десталинизация советской праздничной хореографии после того, как шаг за шагом стали демонтироваться памятники диктатора, а его имя начало исчезать из символьного ландшафта Советского Союза? Какая судьба постигла праздники в годы хрущевских реформаторских попыток и последующего брежневского застоя? Расширение перспективы анализа помогает лучше понять значение политического перелома 1991 г. и для праздничной культуры Российской Федерации. В заключение мы остановимся на вопросе: насколько советские эксперты в области праздников оказались успешными в деле основания новых традиций или новая Россия в области праздничной культуры предпочла вернуться к забытым традициям, существовавшим до 1917 г.?

Массовый советский праздник с 1941 по 1953 г.

Начало Великой Отечественной войны означало переломный момент в характере проведения общественных праздников в Советском Союзе. Уменьшились масштабы празднований, они превратились в сугубо внутренние события. В период войны закрылись помещения, где некогда проходили праздничные мероприятия, и вообще резко снизилось значение празднеств. Прежде всего это было связано с необходимостью развертывания производства для фронта. Праздничные мероприятия в период 1941–1945 гг. сократились до минимума и проходили в форме собраний на предприятиях и провозглашения призывов к победе. Таким образом, годы войны для праздничной культуры Советского Союза означали прежде всего введение ограничений, утрату былого размаха и значения, а также сужение общественного праздничного пространства. О временах Великого перелома напоминали, однако, кампании по повышению производительности в дни праздников. По случаю 24-й годовщины Октябрьской революции в 1941 г. была провозглашена кампания под названием «Сталинская вахта», в ходе которой предприятия старались превзойти друг друга во взятии повышенных обязательств и развернулось движение за «добровольное повышение норм выработки»¹. Торжественные заседания все же проводились и в период этой лихорадки, но они должны были целиком посвящаться «изучению» речи Сталина по случаю годовщины². Дабы не создавать помех производству, другие празд-

---

¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 453. Л. 28; Ф. 76. Оп. 1. Д. 884. Л. 1–108.

² ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1078. Л. 140–143; Ф. 76. Оп. 1. Д. 884. Л. 10.

ники переносили на вновь введенные в 1940 г. воскресные выходные дни¹, которые затем преобразовывали в *воскресники*, т. е. неоплачиваемые рабочие дни².

Советские властители и в этот кризисный для существования режима период все еще придавали большое пропагандистское значение массовому празднику, это подтвердил парад войск в день 24-й годовщины Октябрьской революции в 1941 г. на Красной площади. В осажденном, страдающем от воздушных налетов городе эта праздничная дата явилась демонстрацией мощи и воли к сопротивлению. Направление войск с парада непосредственно на фронт как бы иллюстрировало то, что написал в поэме «Хорошо» Владимир Маяковский о Гражданской войне: «...с такою землею пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть!» Этот парад не менее отчетливо показал, что и в военное время режим продолжал следовать логике знаменательных дат, отмеченных в красном советском календаре. О том же свидетельствовал слух, будто в этот день Гитлер хотел лично стоять на трибуне Мавзолея Ленина. То есть даже врагу приписывалось стремление организовывать свои кампании по советскому праздничному календарю³. После войны этому демонстративному параду по случаю главного советского праздника придавалось значение героического акта, положившего начало разгрому гитлеровского режима уже в 1941 г.⁴ Таким образом, после 1945 г. день 7 ноября нес уже двойную мифологическую нагрузку: во-первых, как дата образования советского режима вообще, а во-вторых, как день, внесший вклад в победу в Великой Отечественной войне. Тем самым годовщина Октябрьской революции была включена в пропагандистский нарратив, начиная с 1960-х гг. все большее значение придававший победе Советского Союза над гитлеровским фашизмом как фактору легитимации режима⁵.

Вторая мировая война имела также символический аспект, необязательно прямо связанный с военной необходимостью, о чем свиде-

---

¹ В выходной день // Коммуна. 1941. 19 авг. С. 4.

² ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 412. Л. 22; Международный юношеский день // Коммуна. 1941. 7 сент. С. 1.

³ Kosterina N. A. Tagebuch. S. 118 f. Фотографию парада войск Дмитрия Бальтерманца см.: Sowjetische Fotografen 1941–1945 / hg. von S. Morosow, A. Wartanow, G. Tschudakow. Leipzig, 1985. S. 71 ff.

⁴ Im Blickpunkt unserer Epoche. Bilder sowjetischer Meisterfotografen / hg. von M. Bugajewa u. a. Leipzig, 1975. S. 68 ff.

⁵ Arnold S. R. Gegängelte Helden: Propaganda in der Sowjetunion nach dem Zweiten Weltkrieg // Propaganda: Meinungskampf, Verführung und politische Sinnstiftung (1789–1989) / hg. von U. Daniel, W. Siemann. Frankfurt/Main, 1994. S. 152 ff.; Tumarkin N. The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994. P. 104 ff.

тельствовали битвы за Ленинград, Сталинград, за Эльбрус и рейхстаг, а также многочисленные случаи осквернения вражеских регалий. Праздники советского календаря, такие, как годовщина Октябрьской революции в 1941 г., влияли на принятие военных решений, а также служили знаменательными датами для проведения производственных и других мобилизующих кампаний даже в осажденном Ленинграде¹. Вполне резонно поэтому отметить, что советские праздники сохраняли свое воздействие и авторитет и в военные годы, хотя в то время для проведения общественных праздников было мало места. Все ограничения в области советской праздничной культуры, которые принесла с собой война, были временными. Война не привела к изменению праздничной концепции и снижению значения праздника в качестве медиума авторепрезентации партийного государства. Еще до окончания войны режим снова появился на общественной авансцене в обрамлении своих торжественных инсценировок. Так, летом 1944 г. на московском стадионе «Динамо» был организован спортивный парад, следовавший хореографическим канонам и эстетическим стандартам довоенного времени, а 1 мая 1945 г. партийные руководители, как и прежде, взошли на трибуну Мавзолея Ленина². Когда через девять дней стало официально известно о победе Советского Союза в войне, пропагандисты смогли приступить к реставрации советского праздника в его прежних формах и масштабах. Правда, характер празднования Победы 9 мая 1945 г. в этом отношении еще представлял собой некоторое исключение. В обстановке всеобщего облегчения после окончания войны можно было понять спонтанность неорганизованных массовых выходов людей на улицы в Москве и в провинциальных городах. По крайней мере, воспроизведение празднеств в средствах массовой информации оставляет такое впечатление. В центре праздничных репортажей и фотографий находятся неорганизованные массы людей, выражающие всеобщую радость по поводу наступления мирной жизни³. Но хаосу в деле проведения праздников не суждено было долго править бал. Уже 24 июня 1945 г., когда

---

¹ ГАКО. Ф. П.75. Оп. 1. Д. 25. Л. 160–161; Д. 121. Л. 79–81, 79–81. В осажденном Ленинграде по случаю Международного женского дня в 1942 г. была проведена кампания по уборке города: Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. Die Stadt in den Strategien von Angreifen und Verteidigern. Paderborn, 2005. S. 185.

² Первомайский парад вооруженных сил народа-победителя // Правда. 1945. 1 мая. С. 3. См. также: Bohn T. M. Das «neue» Minsk — Aufbau einer sozialistischen Stadt nach dem Zweiten Weltkrieg // Handbuch der Geschichte Weißrusslands / hg. von D. Beyrau. R. Lindner. Göttingen, 2001. S. 320; Simpson P. Parading Myths: Imaging New Soviet Women on Fizkul'turnik' Day, July 1944 // Russian Review. 2004. Vol. 63. № 2. P. 187–211.

³ Праздник победы // Правда. 1945. 9 мая. С. 1; Рябов И. Вчера в Москве // Правда. 1945. 24 июня. С. 4.

в Москве проходил Парад Победы, в город снова вернулась картина безупречного военного строя. Лишь символическое ниспровержение штандартов разгромленного национал-социалистического противника еще несло на себе черты праздничного карнавального зрелища¹.

В целом в сфере праздничной драматургии быстро воцарились прежние дисциплина и контроль со стороны партийного государства. В течение 1945 г. были восстановлены в своих правах официальный праздничный календарь и его инсценировки. Уже День авиации отмечался по образу и подобию 1930-х гг., хотя и в более скромных масштабах². Годовщина Октябрьской революции 1945 г. полностью проходила в русле довоенных хореографических норм и с прежним размахом. Торжественные заседания партийной элиты в Кремле, собрания многочисленных мелких функционеров по клубам и городским театрам, парад войск на Красной площади, демонстрации гражданского населения и последующие народные гулянья с салютом — все это соответствовало стилевым элементам массового советского праздника до 1941 г.³

Возобновленная 7 ноября 1945 г. традиция продолжилась в последующие годы сталинского господства. Переживали свое второе рождение пропагандистские атрибуты довоенного времени, в частности стахановское движение, после обусловленных войной ограничений возрождался массовый советский праздник. Не претерпел существенных изменений также официальный праздничный календарь, после того как из него были исключены даты, отмечавшиеся исключительно в обстановке военного времени. В конце 1946 г. День Победы 9 мая был лишен статуса официального праздника и объявлен обычным рабочим днем. Впоследствии воспоминания о войне стирались из праздничного календаря. В 1954 г., например, официально замалчивалась 10-я годовщина освобождения Ленинграда. Создание «второго мифа о рождении» Советского Союза в результате победы над гитлеровским фашизмом относится уже к периоду после смерти Сталина⁴.

Расширение красного календаря не касалось основных официальных советских праздников, к длинному перечню памятных и юби-

---

¹ Торжество победы // Правда. 1945. 24 июня. С. 1. Снимки Парада Победы, сделанные Евгением Халдеем, см.: Im Blickpunkt unserer Epoche. S. 100.

² Торжество сталинской авиации // Правда. 1945. 19 авг. С. 3.

³ Торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся // Правда. 1945. 7 нояб. С. 4.

⁴ См.: Arnold S. R. *Gegängelte Helden*. S. 152 ff.; Karl L. *Der «Tag des Sieges» in der Sowjetunion: Inszenierung eines politischen Mythos: Magisterarbeit*. Universität Tübingen. Tübingen, 1999. S. 20 ff.; Tumarkin N. *The War of Remembrance* // *Culture and Entertainment in Wartime Russia* / ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 197 ff.

лейных дат лишь добавлялись новые. Годы позднего сталинизма в главном не нарушали традиционной праздничной модели, возникшей в довоенное время. Массовый советский праздник зарекомендовал себя как испытанное и стабильное явление культуры. Он вошел также в канон культурных практик, экспортированных сталинским режимом в оккупированные страны Восточной Европы. Там, правда, советская праздничная культура столкнулась с иными условиями, и ей пришлось утверждаться в новых общественных контекстах. Далее мы даем очерк попытки экспорта праздника в эпоху позднего сталинизма.

Праздники на экспорт: массовый советский праздник на оккупированных территориях и в народных республиках (1940–1941 гг. и 1945–1953 гг.)

Для понимания того, как происходило расширение советской империи после 1945 г., необходимо учитывать экспансионистскую практику Советского Союза в 1930–1940 гг. В те годы Советский Союз впервые выступил в качестве захватчика, набираясь опыта оккупационной политики, на который он смог опереться после окончания Второй мировой войны. Экспорт советской праздничной культуры был неотъемлемой составной частью политики приобщения к советской идеологии оккупированных в 1939–1940 гг. территорий. В общественных инсценировках оккупация подавалась как освобождение от «польского пана» или «капиталистического ярма», затем последовали коллективизация и насаждение культа вождя, наряду с ними важное место занимало приобщение к праздничной культуре советской власти. Началось освоение пропагандистской «целины» в Бессарабии, восточной Польше, части Финляндии и в прибалтийских государствах. Нарратив эксплуатировал здесь якобы уже достигнутое на советской территории к концу 1930-х гг.: в Советском Союзе уже парила «счастливая жизнь», поэтому изменения к «лучшему» и переход к «новому» могли осуществляться только на подлежащих советизации окраинах¹. Так можно объяснить частые публикации советской прессы о праздничных демонстрациях в прибалтийских государствах в последнем предвоенном году. Даже в отдаленных Воронеже и Новосибирске газеты пестрели подробными сообщениями о «праздничном

---

¹ Мечты, ставшие былью // Коммуна. 1939. 31 дек. С. 3; В советском Выборге Коммуна. 1940. 4 мая. С. 2. См. также: Rolf M. «Das Leben ist leichter geworden»: Inszenierte Lebensstile zwischen 1927 und 1939 (Voronež) // Forum für Osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. № 6. Н. 1. S. 173.

настроении» и «радости», переполнявшей людей в новых советских владениях, а также о политической и экономической унификации этих территорий: отныне Рига и Таллин тоже могли отмечать годовщину Октябрьской революции и 1 Мая. Таким образом, массовые советские праздники стали одним из центральных элементов в общем пакете советизации¹.

Инсценировка оккупации как «праздника освобождения» продолжалась также после 1945 г. во вновь создаваемых советских и народных республиках. Советский массовый праздник был в числе важных культурных «достижений», которые Советский Союз навязывал государствам Восточной и Центральной Европы и их коммунистическим элитам. Оккупационная держава оказывала поддержку мероприятиям по советизации национального праздничного ландшафта в этих странах². Новые праздники становились инструментом борьбы коммунистических партий против других общественных сил, а также служили делу строительства новых республик и воспитания нового человека. Новые режимы надеялись обрести в их демонстративной массовости подтверждение своей легитимности и, кроме того, использовали их как демонстрацию силы, заполнявшей общественное пространство. Но прежде всего они были неотъемлемой составной частью сталинской культуры и являлись в глазах пропагандистов эстетически адекватным выражением «нового времени»³.

Воцарение сталинизма в качестве культурной системы в Центральной и Восточной Европе, с одной стороны, прокладывало в страны этого региона дорогу советским праздникам, таким, как годовщина Октябрьской революции, а с другой — сообщало новым национально-историческим праздничным датам, с которыми связывалась легитимность молодых режимов, методический вектор, заимствованный

---

¹ В советском Вильнюсе // Коммуна. 1940. 4 сент. С. 1; В столице новой союзной республики // Советская Сибирь. 1940. 11 нояб. С. 3.

² Празднование 1 Мая в Польше // Правда. 1945. 1 мая. С. 4; 150 000 демонстрантов в Риге // Правда. 1945. 9 нояб. С. 1; Gelfand W. Deutschland-Tagebuch. Aufzeichnungen eines Rotarmisten / hg. von E. Scherstjanoi. Berlin, 2005. S. 171 ff. См. также: Naimark N. Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin, 1997. S. 508 f.

³ О Польше см.: Sowinski P. Der 1. Mai als totalitäres Theater in der Volksrepublik Polen (1949–1954) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 1999. № 48. H. 3. S. 374 ff.; о Венгрии: Klimó Á., von. Nation, Confession, Geschichte. Zur nationalen Geschichtskultur Ungarns im europäischen Kontext (1860–1948). München, 2003. S. 391 ff.; о ГДР: Hofmann M. «Mit uns zieht die neue Zeit». Zur Programmatik sozialistischer Massenfeste // Wiedergeburt. Zur Geschichte der runden Jahrestage in der DDR / hg. von M. Gibas u. a. Leipzig, 1999. S. 43; Vorsteher D. Parteiauftrag: Ein neues Deutschland // Parteiauftrag. S. 9 ff.

у Советского Союза. При этом возникали противоречия между различными общественными устремлениями. Советскому Союзу было важно внедрить свои стандарты, а представители национальных коммунистических партий старались закрепить свои режимы на национальной культурной почве, чтобы создать мосты коммуникации с обществом. Нужно сказать, однако, что в области праздничной культуры не было крупных конфликтов. На этом поприще, в отличие, скажем, от сельского хозяйства или внутрипартийных разногласий, советское руководство в основном предоставляло свободу действий партийным функционерам народных республик и больше доверяло их самостоятельному стремлению к советизации, которое, правда, было дифференцированным. Таким образом, политика народных республик в области праздничной культуры представляла собой смесь из советского импорта и опоры на специфические национальные традиции¹. Организаторам партийно-государственных праздников приходилось порой весьма нелегко, когда они пытались внедрить в общественное сознание советские праздничные даты. С одной стороны, это объяснялось сильными антирусским настроениями, особенно в Польше и ГДР². С другой — существовала мощная конкуренция, прежде всего в Польше и Венгрии, в лице католической церкви, имевшей в своем распоряжении развитый празднично-ритуальный канон. Конфликты вокруг праздников между партией и церковью после 1949 г. во многом напоминали конфронтацию в Советском Союзе 1920-х гг. Имели место столкновения с применением насилия между участниками церковных процессий и партийных демонстраций, отправления

---

¹ См.: Danyel J. Politische Rituale als Sowjetimporte // Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970 / hg. von K. H. Jarausch, H. Siegrist. Frankfurt/Main, 1997. S. 7 ff.; Saldern A., von. Öffentlichkeiten in Diktaturen. Zu den Herrschaftspraktiken in Deutschland des 20. Jahrhunderts // Diktaturen in Deutschland – Vergleichsaspekte. S. 450 f.

² См. о ГДР: Behrends J. C. Besuch aus der Zukunft. Sowjetische Stachanow-Arbeiter in der DDR // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 198 ff.; Idem. Sowjetische «Freunde» und fremde «Russen». Deutsch-Sowjetische Freundschaft zwischen Ideologie und Alltag (1949–1990) // Fremde und Fremd-Sein in der DDR. Zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland / hg. von J. C. Behrends, T. Lindenberg, P. Poutrus. Berlin, 2003. S. 83 ff.; Malycha A. Die Illusion der Einheit – Kommunisten und Sozialdemokraten in den Landesverbänden der SED 1946–1951 // Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970. S. 102 f. О Польше: Main I. National and Religious Holidays as the Clashing Point of the State, the Church and Opposition in Poland, 1944–1989: The Case of Lublin: Dissertation. Central European University. Budapest, 2002. P. 106 ff.; Behrends J. C. Soll und Haben. Freundschaftsdiskurs und Vertrauensressourcen in der staatssozialistischen Diktatur // Vertrauen. Historische Annäherungen / hg. von U. Frevert. Göttingen, 2003. S. 336–364.

религиозного культа подвергались репрессиям, сопровождавшимся гонениями против клира¹. В период жестокого подавления церкви в эпоху позднего сталинизма режимам удалось завоевать общественное пространство и утвердить в нем свой суверенитет. Однако эта победа продлилась недолго, так как после смерти Сталина католическая праздничная контркультура вновь могла проявлять себя, а в 1980-е гг. сыграла видную роль в общественных конфликтах².

Помимо противоборства с католическими ритуалами новой праздничной культуре народных республик пришлось искать свое место и в отношении традиционной национальной культуры. Для преодоления маргинального положения официальной праздничной культуры партийным пропагандистам приходилось считаться с силой национальных традиций, которые продолжали действовать. Мало было утвердить в качестве главных праздников даты образования новых республик. Поэтому пропагандисты сознательно придерживались национальных традиций, пытаясь вписать их в нарратив национального революционного движения. В ГДР особое внимание в этой связи уделялось 1 Мая, поскольку этот день позволял продолжать традиции рабочего движения, существовавшие до 1933 г., хотя временная узурпация этого праздника во время господства национал-социализма оставила тяжелое наследие³. В Венгрии организаторы праздников отталкивались от революционных событий 1848 г., так как видели источник легитимации режима в национальном революционном про-

---

¹ См. о Польше: Main I. *National and Religious Holidays...* P. 56 ff.; Idem. *The Weeping Virgin Mary and the Smiling Comrade Stalin: Polish Catholics and Communists in 1949 // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies* / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 255–278. О Венгрии: Klimó Á., von. *Nation, Confession, Geschichte*. S. 391 ff.; о Болгарии: Petrov P. *Dorffest in Raduil. Zur sozialistischen Umgestaltung eines religiösen Festes in einem bulgarischen Dorf // Das Dorf in Südosteuropa zwischen Tradition und Umbruch* / hg. von F.-D. Grimm, K. Roth. Leipzig, 1997. S. 225 ff.; Idem. *Redefining the Village Community. Religious and Socialist Public Feasts in a Bulgarian Village // Bulgaria. Social and Cultural Landscapes* / eds. C. Giordano, D. Kostova, E. Lohman-Minka. Fribourg, 2000. P. 215 ff.

² Main I. *National and Religious Holidays...* P. 117 ff.

³ Protte K. *Zum Beispiel... der 1. Mai 1951 in Ost-Berlin. Agitation, staatliche Selbstdarstellung und Utopie // Parteiauftrag*. S. 118 ff. См. также: Gibas M., Gries R. *Die Inszenierung des sozialistischen Deutschland. Geschichte und Dramaturgie der Dezennienfeiern in der DDR // Wiedergeburten*. S. 43; Hoffmann G. *Zur Funktion und Zeichenhaftigkeit des 1. Mai in der DDR // Ritualität in der Kommunikation der DDR* / hg. von U. Fix. Frankfurt/Main, 1998. S. 51–100; Rytlewski R., Kraa D. *Politische Rituale in der Sowjetunion und der DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1987. № 87. B. 3. S. 42 ff.

шлом. Подавление революции русскими войсками потребовало, однако, от венгерских пропагандистов определенного акробатического искусства в области риторики, для чего они прибегали, в частности, к вымышленным историческим персонажам¹. В таких случаях обнаруживали себя ловушки, таившиеся в апелляциях новых коммунистических режимов к страницам национальной истории. Национальный праздничный канон коммунистов соприкасался с такими слоями национальной истории, значение которых не без проблем укладывалось в контекст самопонимания режимов и пропагандистского обоснования дружбы с Советским Союзом².

В развитии новой праздничной культуры народным республикам приходилось, кроме того, решать проблему присвоения чужих советских праздничных стандартов и адаптировать ориентированные на национальную историю праздники к диктуемым Советским Союзом праздничным формам. Такие культурные практики, как славословия в адрес вождя, заверения в дружбе с Советским Союзом, риторические фигуры насчет счастливой жизни и любви, и советскую праздничную хореографию необходимо было распространять вширь, т. е. выходя за пределы «преданных Москве» кругов, и адаптировать их к местным условиям³. При ретроспективном сравнительном анализе можно только удивляться, как быстро — в течение всего нескольких лет — постановщикам праздников удалось, по крайней мере на уровне морфологии, добиться широкого единообразия новой праздничной культуры на пространствах Восточной и Центральной Европы⁴. Сами они являлись послушными имитаторами советского праздничного почерка, пытаясь приспособить его к особенностям национально-

---

¹ Klimó Á., von. Vom Mars bis an die Donau. Der Rittmeister Alexej Gussew // Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR / hg. von S. Satjukow, R. Gries. Berlin, 2002. S. 220–234.

² В случае с Польшей, например, проблематичной была ссылка на Конституцию 1791 г., так как это являлось косвенным напоминанием о разделе Польши и участии в нем России. См.: Sowinski P. Die Überwachung am 1. Mai // Karta. Zeitzeugnisse aus Ostmitteleuropa. 2000. № 1. S. 153 f. Пропагандисты польской компартии попытались поэтому переосмыслить эту традиционную праздничную дату сначала как День восстания в Силезии, а затем как День образования.

³ «Московиты», т. е. коммунистические кадры, которые пересидели Вторую мировую войну в Советском Союзе, были движущей силой при внедрении советских стандартов. См. на эту тему: Lokatis S. Sowjetisierung und Literaturpolitik. Von der Förderung zur Verstümmelung sowjetischer Literatur in der frühen DDR // Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970. S. 364 ff.; Malycha A. Die Illusion der Einheit. S. 105 ff.; Staritz D. Geschichte der DDR 1949–1990. Frankfurt/Main, 1996. S. 76 ff.

⁴ Sowinski P. Die Überwachung am 1. Mai. См. также: The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc / eds. B. Apor u. a. Palgrave, 2004.

го праздничного календаря. С этой точки зрения предстает довольно противоречивая общая картина вновь формирующейся праздничной культуры эпохи позднего сталинизма, ибо в ней переплетались цели nation-building и (само)советизации. У каждой народной демократии существовал свой праздничный канон, но на уровне ритуальной хореографии эти каноны были взаимозаменяемыми¹.

Суждения, касающиеся экспорта праздников Советского Союза в последние годы сталинского господства, зависят, таким образом, в решающей степени от угла зрения на проблему: морфологического или исторического. Не подлежит сомнению необходимость позиционирования советской праздничной культуры в отношении специфических национальных особенностей, с которыми она столкнулась в самом начале своего внедрения в жизнь народных республик. Поэтому праздникам народных демократий уже с колыбели были присущи национальные особенности, и они по мере дальнейшего развития на национально различной почве лишь усиливались в постсталинистскую эпоху.

В этом ничего не меняло и то обстоятельство, что между странами восточного блока на протяжении многих лет осуществлялся интенсивный обмен разнокалиберными праздничными делегациями. В рамках пропаганды интернационализма таким обменам между народными республиками, и прежде всего с Советским Союзом, придавалось большое значение. Соответственно делегации занимали всегда почетное место на праздничных трибунах и в сообщениях массмедиа². Проводились массовые мероприятия, такие, как Всемирные фестивалю молодежи и студентов, с помощью которых стремились выразить в празднике идею международной солидарности со странами социалистического лагеря. Первоначально подобный интернационализм охватывал только часть мира, ограничиваясь в основном странами восточного блока³. В праздничной риторике не уставали пропаганди-

---

¹ См.: Vorsteher D. Parteiauftrag; Terray E. Die unmögliche Erinnerung. Die Herstellung eines künstlichen nationalen Gedächtnisses in der DDR und ihr Misslingen // Nation und Emotion. S. 193 ff.; Zimmering R. Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen. Opladen, 2000.

² О ГДР см.: Gibas M. «Auferstanden aus Ruinen und der Zukunft zugewandt!» Politische Feier- und Gedenktage der DDR // Inszenierungen des Nationalstaats. S. 210; Protte K. Zum Beispiel... S. 128 f.; о Польше: Kubik J. Polish May Day Celebrations in the 1970s and in 1981 // Polish Review. 1989. Vol. 34. № 2. P. 103; а также в целом: Idem. The Power of Symbols against the Symbols of Power. The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland. Pennsylvania, 1994.

³ Wölle S. Die Heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989. München, 1999. S. 270 ff.

ровать международную миссию социалистических государств, прежде всего в форме нарратива о сохранении мира и взаимопонимания между народами. Внутренняя дифференцированность праздничного календаря и символьных практик восточного блока практически не сказывалась, однако, на формировании этой международной коммуникативной среды.

Таким образом, все государства восточного блока уже на раннем этапе своего становления располагали собственным национальным праздничным и символьным канонам. В послесталинский период, когда ослабло давление в сторону гомогенизации, они продолжали углублять свою самобытность. Так в этих странах возникла собственная история праздников и символов, которая, несмотря на межгосударственные обмены и постоянное воздействие советского примера, шла своими национальными путями и формировала под крышей кажущегося морфологического единообразия в восточном блоке определенное разнообразие, по крайней мере в «тонких нюансах». Это была гибридная смесь советского культурного влияния, пропущенного сквозь призму национально-коммунистического восприятия, и старых традиций, и ей приходилось утверждать свое право на существование в конкурентной борьбе с различными альтернативными культурами и более глубокими историческими пластами. Пример символической политики ГДР показывает, как в условиях чересполосицы специфических культур происходило формирование своеобразного культурного и символического ландшафта.

Режим СЕПГ в ГДР развил чрезвычайную активность в области «знакового заполнения общественного пространства»¹ праздниками, ритуалами и символами. Как и в других социалистических государствах, речь при этом шла о демонстрации массовой поддержки режима, служившей оправданием его легитимности, и гармонического единства между представителями власти и массами, о ритуальной инсценировке и визуализации запрограммированного «общественного договора»².

Но, в отличие от других «братских социалистических республик», ГДР приходилось решать две особенные проблемы. Во-первых, отмежевываться от предшествовавшего национал-социалистического режима, а во-вторых, утверждать свою легитимность перед

---

¹ Münkler H. Das kollektive Gedächtnis der DDR. S. 460.

² Sauer B. Politische Inszenierung und die Visualisierung von Macht // Symbole und Rituale des Politischen. Ost- und Westeuropa im Vergleich / hrsg. von A. Pribersky, B. Unfried. Frankfurt/Main, 1999. S. 75 ff. О том же: Gibas M. «Vorschlag für den ersten Mai: die Führung zieht am Volk vorbei!» Überlegungen zur Geschichte der Tribüne in der DDR // Deutschland Archiv. Zeitschrift für das vereinigte Deutschland. 1995. № 28. S. 488 ff.

лицом конкурирующей модели ФРГ. В первые годы после образования ГДР в 1949 г. первоочередная задача заключалась в размежевании с национал-социалистической диктатурой. Поэтому появились символы нового начала и возрождения. Антифашизм был положен в основу символической политики. Отсюда пропаганда канонизированных героев-антифашистов и мучеников¹. Переименование площади Вильгельма в площадь им. Тельмана проходило, в частности, в форме широковещательного символического акта, которому было придано ритуальное звучание в духе антифашистского мифа об образовании ГДР². День освобождения — 8 Мая — играл аналогичную роль в легитимации режима ГДР. В этой связи особо подчеркивалась дружба ГДР с Советским Союзом, последний считался отцом победы над гитлеровским фашизмом, гарантом мира и неповторения фашистского прошлого. Соответственно день 8 Мая занимал одно из центральных мест в праздничном календаре ГДР³.

В духе антифашистской линии немецкой истории пропагандистами ГДР толковалось также 1 Мая. Подчеркивалась связь этого дня с майской праздничной традицией, существовавшей до 1933 г., чтобы представить ГДР в качестве государственной наследницы германского рабочего движения⁴. В телеологическом нарративе «новая Германия» изображалась как логическое завершение его борьбы. Пропагандистов ГДР, похоже, не смущало то обстоятельство, что этот праздник был возведен в ранг государственного также национал-социалистами. Столь же непринужденно они пользовались символическим и ритуальным каноном Третьего рейха. Факельные шествия Свободной немецкой молодежи и форма Национальной народной армии ГДР — пожалуй, наиболее яркие примеры продолжения национал-социалистических традиций в области символической практики. Таким образом, создается противоречивая картина раннего периода символической политики ГДР, которая, с одной стороны, поднимала на щит антифашизм как «мифологическое обоснование» режима,

---

¹ Münkler H., Zimmering R. Politische Mythen der DDR // Humboldt-Spektrum. 1996. H. 3. S. 38 ff.; Terray E. Die unmögliche Erinnerung. S. 191 ff.; Zimmering R. Der politische Mythos der DDR // Politische Mythen und Rituale in Deutschland, Frankreich und Polen / hg. von Y. Bizeul. Berlin. 2000. S. 158.

² Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. Politische Symbole im öffentlichen Leben der DDR. Gerlingen, 1991. S. 151 ff., 184 ff.

³ См.: Binder B., Kaschuba W., Niedermüller P. «Geschichtspolitik»: Zur Aktualität nationaler Identitätsdiskurse in europäischen Gesellschaften // Gesellschaften im Vergleich. Forschungen aus Sozial- und Geisteswissenschaften / hg. von H. Kaebler, J. Schriewer. Frankfurt/Main, 1998. S. 476 ff.

⁴ Korff G. Seht die Zeichen, die Euch gelten. Fünf Bemerkungen zur Symbolgeschichte des 1. Mai // «100 Jahre Zukunft». S. 35 f.; Protte K. Zum Beispiel... S. 118 f.

а с другой — интегрировала в официальный оборот наряду с заимствованными советскими ритуальными практиками национальные, т. е. в данном случае национал-социалистические традиции. При этом пропагандисты ГДР попали в довольно шекотливое положение, поскольку им приходилось иметь дело с взрывоопасным соседством символов двух диктатур, совместимость которых целиком была на совести самих ритуальных экспертов. Запоздалый культ Сталина в советской оккупационной зоне Германии/ГДР, по-видимому, связан как раз с этой исторически обусловленной неловкостью. Но уже в 1949 г. все сомнения на этот счет были отмечены. По случаю 70-летия диктатора в только что созданной ГДР имели место массовые прославления вождя, однако без именованя его «фюрером»¹.

Приоритетным направлением в пропаганде ГДР помимо национал-социалистического прошлого была ситуация конкуренции с ФРГ. В годы сталинского господства, когда московское руководство постоянно вызывало неуверенность у руководства СЕПГ своими «общегерманскими» заявлениями, самоидентификация молодого государства приобретала тем большее значение. День республики, отмечавшийся 7 октября, был поэтому центральным праздником официального календаря партийного государства, поскольку напоминание об образовании в этот день ГДР служило обоснованием ее права на существование. Годовщины принятия конституции и образования государства с 1952 г. отмечались в форме крупных мероприятий, их организаторы старались мобилизовать на них всю страну. Но с особым размахом проходили круглые юбилеи ГДР. Учреждение Дня республики в качестве главного праздника являлось подражанием иерархии праздничных дат в советском красном календаре. Тем не менее ГДР оставалась в трудном положении государства с открытыми границами и неустойчивым статусом. В сравнении с этим образование государства в Венгерской Народной Республике не создавало подобных проблем².

---

¹ См.: Behrends J. C. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR (1944–1957). Köln, 2006; Plamper J. «The Hitlers Come and Go...» the Fuehrer Stays: Stalin's Cult in East Germany // Personality Cults in Stalinism — Personenkulte im Stalinismus / eds. K. Heller, J. Plamper. Göttingen, 2004. P. 301–329.

² См. также: Klimó Á., von. «Runde» Jahrestage in der DDR und Ungarn. Überlegungen zu einem Vergleich staatssozialistischer Gründungsfeiern // Comparative. 2000. № 10. H. 2. S. 111 ff.; Idem. The King's Right Hand: A Hungarian National-Religious Holiday and the Conflict between the Communist Party and the Catholic Church (1945–48) // Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century / ed. K. Friedrich. Lewiston, 2000. P. 355 ff.; Sauer B. Politische Inszenierung und die Visualisierung von Macht. S. 78 f.

В этом контексте следует понимать также признание границы по Одеру–Нейсе со стороны ГДР в 1950 г. и связанные с ним инсценировки. Данная акция была призвана подчеркнуть отличие от Федеративной Республики, чья якобы реваншистская политика была постоянной темой пропаганды ГДР. Новый курс проявлял себя в последующие годы прежде всего в топонимике. Переименовывались многие улицы и площади, названия которых указывали на существование бывших восточных областей Германии. Это делалось для демонстрации стабильного политического положения ГДР в восточном блоке и новых отношений с братской Польской Республикой. Подчеркнутое размежевание с ФРГ и демонстрация своей государственной легитимности составляли содержание деятельности пропагандистов ГДР и в послесталинскую эпоху вплоть до 1970-гг., когда произошла общая «ГДРизация символов»¹. Отныне символы и праздники республики служили задаче nation-building, одновременно подразумевавшей социалистическое строительство. В других народных республиках Восточной и Центральной Европы эта задача стала в повестку дня уже на стадии позднего сталинизма. Что касается ГДР, то строительство социализма совершалось в ней в специфических условиях прямой национально-государственной конкуренции. Эта ее особенность лишний раз подчеркивает, насколько специфичность положения каждой страны, опиравшейся на национальные традиции с учетом своей проблематики, воспринимавшей советские образцы и проводившей самостоятельную и в чем-то самобытную символьную политику, налагала отпечаток на историю символов и праздников каждого из социалистических режимов². Это наблюдалось уже в эпоху позднего сталинизма. Даже в тот период вынужденной широкой унификации в сфере символики и ритуалов прокладывали себе дорогу «национальные особенности», а после 1953 г. они лишь усиливались. То, что началось в форме единого сталинского культурного экспорта, превратилось затем в национально-специфический импорт.

Массовый советский праздник в период 1953—1991 гг.

Что касается Советского Союза, то там праздничная культура позднего сталинизма отличалась прежде всего консервацией став-

---

¹ Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. S. 111, 127.

² См. также: Faraldo J. M. Teutonic Knights and Polish Identity: National Narratives, Self-Images and Socialist Public Sphere // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten. S. 279 ff.; Verdery K. National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania. Berkeley, 1991.

ших уже традиционными образцов. В послевоенный период праздничный канон и праздничные формации в основном не изменялись. Насколько стабильной оказалась официальная праздничная культура, показал период после 1953 г., который массовый советский праздник пережил в почти нетронutom виде. Сказанное относится не только к празднованиям 1 Мая вскоре после смерти диктатора, но и к последующим десятилетиям¹. Смерть Сталина не привела к упадку массовых общественных праздников, чего следовало ожидать вслед за критикой обилия его памятников и статуй, служивших символом его господства. Совсем наоборот: преемники Сталина старались заполнить новыми праздничными поводами брешь в культурном пространстве Советского Союза, которые могли возникнуть в результате его постепенной десталинизации. Быстрый рост числа профессиональных праздников и изобретение новых советских *rites de passage* получали не только пассивную, но и активную поддержку нового политического руководства. Создается впечатление, что пропагандисты ожидали от насыщения общественной жизни праздниками такого же эффекта, как от шедшего в то же время освоения целинных и залежных земель².

Тем не менее советский праздник рано подвергся десталинизации. Когда еще стояли памятники Сталину, Сталинград назывался Сталинградом и «вождь» покоился в Мавзолее на Красной площади, новое политическое руководство удалило портреты диктатора из праздничной иконографии, а 21 декабря и 5 марта уже не включались в календари как памятные даты рождения и смерти Сталина. Таким образом, праздник становился пробным камнем на ранней стадии преобразований в советской культуре после Сталина, что не означало, однако, преодоления вождизма³. Началась некоторая децентрализация праздничных практик. Советский праздничный ландшафт снова становился многослойным, увеличилось число региональных праздников, постепенно расширялись масштабы народных гуляний. Но обе составляющие праздничной культуры — и народные гулянья, и региональные праздники — были заложены в праздничном календаре уже в 1930-е гг. В этом смысле действительный перелом в сталинской праздничной культуре после смерти диктатора не наступил.

Практика проведения праздников после 1953 г. вряд ли может быть названа полностью новой. И праздничные даты, и формы мероприятий продолжали советскую традицию, восходившую еще к 1920-м гг.

---

¹ Празднование 1 Мая в почти нетронutom виде в 1953 г. описано: Distelbarth P. Russland heute. Hamburg, 1954. S. 62 ff.

² Binns C. Sowjetische Feste und Rituale, II // Osteuropa. 1979. № 29. H. 2. S. 173 ff.

³ См.: Binns C. Sowjetische Feste und Rituale, I // Osteuropa. 1979. № 29. H. 1. S. 17 f.

Красный календарь расширился в послесталинскую эпоху, не меняя своего характера. Несомненно, язык символов был очищен от атрибутов сталинизма, равно как и многочисленные культы и культики личности сошли с арены праздничных инсценировок. Однако и при Никите Хрущеве, и при Леониде Брежневе колонны демонстрантов и войска продолжали маршировать мимо трибун руководителей, оставаясь фундаментальным структурным элементом советской праздничной хореографии. Фиксация на личности вождя и патерналистская модель господства, присущие этой драматургии, по-прежнему определяли облик праздников в послесталинские годы. Советский праздник и после 1953 г. оставался одним из важнейших медиумов, обслуживавших потребности режима в общественных презентациях, поэтому он мог рассчитывать на щедрую финансовую и иную поддержку партийного государства¹.

В годы «спокойной диктатуры» Хрущева произошла, однако, фрагментация советского праздника, способствовавшая как распространению ритуалов вширь, так и расшатыванию праздничной системы. В 1960-е гг. наблюдался заметный рост партикулярных праздничных культур. Кроме того, празднования все больше перемещались в параллельно развивающуюся сферу частной жизни советских граждан. Праздничный ландшафт дифференцировался и диверсифицировался по этническим, региональным и профессиональным критериям, и этот процесс набирал обороты². Возрастание профессионализма в организации праздников еще более ускоряло его. Возникли многочисленные учреждения, занимавшиеся в качестве «ритуальных менеджеров» устройством праздников для различных общественных категорий, они разрабатывали сценарии, составляли исторические очерки и издавали советские «сборники песен»³. В соответствии с логикой своего развития этот разрастающийся аппарат децентрализованных учреждений и активистов от культуры в течение многих лет подрывал единообразие организации праздников. Праздничные культуры титульных наций в различных советских республиках освобождались от диктата центра и развивали национальную культуру по собственным меркам. В Прибалтике эта сфера была даже хранилищем национального самосознания и законсервированным культурным резервуаром, сыграв-

---

¹ Об этом же пишет К. Лейн: Lane C. *The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society — The Soviet Case*. Cambridge, 1981. P. 182 ff.

² См.: Ibid. P. 151 f.; Sadomskaya N. *New Soviet Rituals and National Integration in the USSR // Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR* / ed. H. R. Huttenbach. London, 1990. P. 94 ff.

³ Sadomskaya N. *Soviet Anthropology and Contemporary Rituals // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1990. Vol. 31. № 2–3. P. 94 ff.

шим свою роль в перестроечные 1980-е гг. Частично сфабрикованная народная культура и ее компонент в лице праздничной культуры развивалась в этом регионе как потенциальная центробежная сила.

Но фрагментация затронула также область казавшихся незыблемыми в своей унификации и стандартизации общесоветских календарных праздников. В этом секторе культуры все больше расширялась брешь между официальной и частной сферами жизни. По мере развития жилищного строительства и обеспечения семей отдельными квартирами создавались условия для новых форм празднования в семейном и дружеском кругу, которые были невозможны в коммуналках и барачных поселках¹. Наряду с официальными демонстрациями и коллективными народными гуляньями советский праздник все больше перемещался в небольшие компании близких людей, завоевывая частное пространство.

Этот процесс носил двоякий характер: с одной стороны, празднования официальных дат в частном кругу способствовали более глубокой советизации общества, с другой — таким образом происходило все большее дробление праздничного ландшафта. Приватизация общественного праздника приводила к тому, что семейные встречи и дружеские компании превращались в традицию, уже не зависящую от официальных поводов, и становились привычной формой жизненного уклада советских граждан. Так, возник целый ряд мелких праздничных форм, которые, при всей дифференцированности праздничного ландшафта, в свою очередь, превращались в некий советский стандарт.

Международный женский день 8 Марта является хорошим примером такого сочетания официального праздничного повода, приватной формы празднования и невольного ее превращения в общесоветский стандарт. Женский день, придуманный Кларой Цеткин, пропагандировался большевиками уже в 1918 г., но и в 1920-е, и в 1930-е гг. был не очень распространен². В 1965 г. значение женского дня резко возросло, после того как 8 Марта и День Победы были объявлены нерабочими днями. Теперь были сняты всякие ограничения.

---

¹ См.: Gerassimova K. Publik Spaces in the Communal Apartment // Zwischen parteistaalicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten. S. 165–193; Schlögel K. Kommunalka — oder Kommunismus als Lebensform. Zu einer historischen Topographie der Sowjetunion // Historische Anthropologie. 1998. № 6. H. 4. S. 329–336. О менявшихся в 1960-е гг. жилищных условиях см.: Lenkevičiute J. Vilnius im Wandel. Prozesse der Wohnsegregation in einer ostmitteleuropäischen Hauptstadt. Universität Freiburg. Freiburg, 2004. Kap. 1.2.4.

² См.: Altrichter H. Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984. S. 111 f.; Chatterjee C. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939. Pittsburgh, 2002. P. 65 ff.

Но не официальные призывы к всемирной женской солидарности играли главную и основную роль в день 8 Марта. Этот праздник скорее служил поводом для собрания в узком кругу, обычно по месту работы, но все больше и в семье. Аналогично западному Дню матери это был день флористики. Так как цветы являлись дефицитом, их доставляли пассажирскими самолетами в Москву и в прибалтийские столицы из теплых южных республик. Эта праздничная дата распространялась также на окраинах Советского Союза. Потребовалось более 40 лет незаметной работы времени, чтобы чужой поначалу праздник превратился в широко отмечаемое всеми слоями общества событие частной жизни.

Даже маленьким детям теперь казалось вполне естественным, что и русские царицы отмечали 8 Марта¹.

Такая же приватизация официальных общественных праздников советского календаря наблюдалась и в отношении Нового года, приема в комсомол и профессиональных праздников. Помимо новогодних балов, общественных комсомольских ритуалов и почетных церемоний во время профессиональных праздников стали проводиться частные вечеринки. Семья, компания друзей, трудовой коллектив сделались излюбленными местами веселья. Процесс приватизации и связанной с ней индивидуализации выражался также в возрастающей популярности в послевоенные годы дней рождения, особенно среди молодежи. В 1960-е гг. большинство молодых людей называли в качестве «важнейшего праздника» собственный день рождения, в то время как их родственники более старшего поколения относили к ним общезначимые общественные даты, такие, как Новый год или День Победы². В обычай входили и банкеты в учреждениях, школах или частных квартирах, во время которых главным катализатором праздничного настроения был алкоголь. Застолье с непременно произнесением тостов во главе с руководившим этим процессом *тамадой* постепенно становилось повсеместным явлением советской праздничной культуры³.

---

¹ Соответствующий вопрос своей внучки записал в дневнике белорусский журналист Ефим Садовский в 1976 г. См.: Bohn T. M. Feierte die russische Zarin den sozialistischen Frauentag? Reflexionen über Stalin in Efim Sadovskijs Tagebuch // Individualität und Kollektivität. Der Mensch im östlichen Europa. Festschrift für Norbert Angermann zum 65. Geburtstag / hg. von T. M. Bohn, K. Brüggemann, K. Maier. Hamburg, 2001. S. 352. См. также: Binns C. Sowjetische Feste und Rutuale. II. S. 115 ff.

² Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley, 1999. P. 335 ff.

³ *Тамада*, или церемониймейстер во время застолья, происходит от грузинско-абхазской традиции, уже в 1930-е гг. он вошел в советскую праздничную культуру. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949.

Все эти праздничные действия объединяло то, что на них собиралась небольшая группа хорошо знающих друг друга людей, и они отмечали какое-либо событие вдали от остального общества. Таким образом, приватизированная праздничная культура нашла свое место рядом с общественными мероприятиями, все больше лишая последние легитимности. Поэтому запоздалые попытки придумать такие праздники, которые не требовали бы продолжения в частных компаниях, быстро выдохлись. Примером может служить неудачная официальная кампания по созданию мини-культа Брежнева¹.

В силу всего этого праздничный ландшафт Советского Союза 1960–1970-х гг. являл собой парадоксальную картину. В течение относительно короткого отрезка времени во всей стране прижились определенные праздничные стандарты, при том что праздничные поводы переживали процесс все большей дифференциации. Распространение этих принятых населением стандартов способствовало глубокой советизации образа жизни советских граждан и привело в итоге к тому, что официально санкционированные праздничные даты превратились в постоянные поводы для празднований в неофициальной обстановке. Только так можно объяснить тот феномен, что часть этих дат благополучно пережила системный перелом, произошедший в 1991 году.

В 1960–1970-е гг. официальными праздниками были охвачены гораздо более широкие круги общества, чем в 1930-е гг. Только в эти годы советский праздничный цикл внедрился также в сельской местности Советского Союза, заняв свое место рядом с традиционными праздниками. Что касается последних, то религия по-прежнему доминировала в следовании традициям. В 1960-е гг. и позднее было предпринято новое антирелигиозное наступление, советские пропагандисты попытались в очередной раз потеснить религиозного конкурента в вопросах мировоззрения, в том числе в сфере ритуалов. При этом они сознательно содействовали возрождению местных языческих праздников в региональном или этническом контексте, стремясь противопоставить церковно-религиозным праздникам искусственно созданные, но ассоциативно понятные ритуальные формы². К этому времени относится, например, возрождение пользовавшегося широкой популярностью праздника Ивана Купалы — летнего солнце-

---

¹ Binns C. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. I // *Man*. 1979. Vol. 14. № 4. P. 603 f.

² Генкин Д., Конович А. Массовые театрализованные праздники и представления. М., 1985. С. 75 и сл.; Руднев В. А. Обряды народные и обряды церковные. Л., 1982. С. 105 и сл. См. также: Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. С. 217 и сл.

стояния. Стараясь внедрить искусственные праздничные поводы и обращаясь для этого к региональным и национальным традициям, изобретатели ритуалов невольно способствовали дальнейшей дифференциации праздничного ландшафта Советского Союза¹. В конечном итоге им столь же мало сопутствовал успех, как и их фанатичным предшественникам во времена культурной революции. И при Брежнев советская и религиозные праздничные культуры продолжали существовать параллельно.

Фрагментация празднеств по линии общественной и частной сфер имела и другие последствия. Экстенсивная колонизация праздниками общественного пространства, которую проводил режим, привела в конце концов к тому, что праздники стали «будничным делом» и превратились в бессмысленный обязательный ритуал. При наличии необозримого количества праздничных поводов, требовавших физического присутствия, и одновременном существовании возможностей для празднования в непринужденной приватной обстановке принудительный характер участия в официальных демонстрациях и мероприятиях приводил к эмоциональному раздвоению сознания. Явно выраженная ролевая окраска поведения советских людей, которые четко различали различные сферы коммуникативного взаимодействия, проявлялась также в том, как они отмечали праздники: бессмысленному обязательному ритуалу в общественной сфере противопоставлялись эмоционально более близкие пирушки и попойки в домашнем кругу². Богатое домашнее застолье с большим количеством спиртного, чему во времена тотального дефицита придавалось большое значение, являлось ярким свидетельством этого раскола в сознании. Официально санкционированный праздничный повод претерпел размежевание по линии принудительного общественно-парадного и «настоящего» праздника в сравнительно узкой веселой компании своих людей³. Такая эмоциональная неравноценность двух сфер одного и того же праздничного события все больше подрывала дисциплину во время прохождения официальных ритуалов,

---

¹ Lane C. *The Rites of Rulers*. P. 130 ff.; Sadomskaya N. *New Soviet Rituals and National Integration in the USSR*. P. 100 ff.

² Kharkhordin O. *Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia // Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy* / eds. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago, 1997. P. 359 f.; Oswald I., Voronkov V. *Licht an, Licht aus! «Öffentlichkeit» in der (post)sowjetischen Gesellschaft // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. S. 47 f.; Rittersporn G. T., Rolf M., Behrends J. C. *Von Schichten, Räumen und Sphären: Gibt es eine sowjetische Ordnung von Öffentlichkeiten? Einige Überlegungen in komparativer Perspektive* // *Ibid.* S. 411 ff.

³ Lane C. *The Rites of Rulers*. P. 147; Tumarkin N. *The Living and the Dead*. P. 28 ff.

тем более что хватка карательного аппарата режима постепенно ослабевала.

Это не замедлило сказаться и на самих праздниках. Одна из первых демонстраций диссидентов состоялась 5 декабря 1965 г., т. е. в День советской Конституции, когда небольшая группа людей на Пушкинской площади в Москве потребовала соблюдения конституционных прав. В число этих прав входила, в частности, и установленная законом свобода демонстраций и собраний. В этом смысле данное выступление находилось в соответствии с конституцией. Здесь впервые проявился символический протест, впоследствии взятый на вооружение и в странах народной демократии Восточной Европы. Внешне критика режима носила законный характер, поскольку выражалась по официальным датам и отталкивалась от его официальной риторики. Но и это было слишком даже для якобы «спокойной диктатуры». В ответ последовали аресты и репрессии. Акт инверсии партийно-государственной праздничной культуры считается днем рождения советского правозащитного движения. Отныне альтернативный праздник вошел в постоянный обиход правозащитников. В последующие годы в день 5 декабря на Пушкинской площади регулярно проходили демонстрации протеста¹.

Прибегнув к инверсии официального праздника, демонстранты тем самым подчеркивали его значение, хотя и придавали ему совсем другой смысл. На этом поле проявилась своеобразная «бесконсенсусная солидарность»² между диссидентами и режимом. Насколько противоположными были позиции по вопросу о гражданских правах, настолько же похожими — символические действия, выражавшие мнение соперничавших сторон, в чем они вряд ли отдавали себе отчет. Но тем не менее это неосознанное согласие придавало праздникам и символьным практикам определенную устойчивость. Подобные формы «бесконсенсусной солидарности» стали впоследствии характерными прежде всего для общественных конфликтов в странах народной демократии Центральной и Восточной Европы.

Что же касается режима, то он ни на йоту не отступал от ритуалов собственного прославления во время официальных праздничных ме-

---

¹ Alexeyeva L., Goldberg P. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. Boston, 1990. P. 116 ff.; Beyrau D. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985*. Göttingen, 1993. S. 187 f.; Eichwede W. «Archipel Samizdat» // *Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: Die 60er bis 80er Jahre* / hg. von W. Eichwede. Bremen, 2000. S. 14 ff.; Stephan A. *Von der Küche auf den Roten Platz: Lebenswege sowjetischer Dissidentinnen*. Zürich, 2005. S. 276 ff.

² Vogel J. *Politische Feiern. Symbole und Mythen*. См. также сн. 1 на с. 313.

роприятий. Потребность столпов режима в авторепрезентации стабилизировала значение массового советского праздника в официальном культурном каноне Советского Союза. Партийно-государственная элита переживала момент удостоверения собственной значимости при виде моря знамен и махавших флажками демонстрантов: стоявшие на праздничных трибунах персоны ощущали себя в эпицентре проходивших торжеств, создавая при этом свою элитарную исключительность и находя в торжествах ритуальное выражение своей популярности в «массах».

Но незыблемое значение крупных праздничных мероприятий можно объяснить еще и приверженностью к уже укоренившейся давней советской традиции. На фоне господствующей общественной риторики в нивелированном обществе невозможен был критический обмен мнениями о смысле и эффективности подобных массовых праздников. Кроме того, существовал обширный аппарат профессиональных культурных работников, заинтересованный в том, чтобы, следуя логике аппаратной жизни, планировать, организовывать и проводить как можно больше как можно более пышных праздников.

Эти факторы во взаимодействии обеспечивали массовому празднику выдающееся место среди культурных мероприятий режима независимо от того, как общество на самом деле воспринимало его застывшие принудительные ритуалы. В поздний период существования Советского Союза функция праздников заключалась, однако, не столько в затверживании идеологических догм, сколько в интеграции системы. То есть режим проводил политику сплочения общества, сознательно прибегая при этом к заимствованию практик народных праздников и включая их в официально санкционированный праздничный канон. Количество заимствованных у досоветской традиции праздников в 1960–1980-е гг. увеличилось, в то же время расширилась развлекательная часть мероприятий по случаю главных советских праздников, которая заняла центральное место в освещении их средствами массовой информации¹. Характер весеннего народного гулянья был придан прежде всего 1 Мая, в то время как идеологические аспекты, связанные с борьбой за права трудящихся, ушли на второй план. Несмотря на приглушение идеологической тональности празднеств, они продолжали выполнять интегративную функцию, равно как и пользовавшийся в те годы большой государственной поддержкой спорт, и официальные молодежные празд-

---

¹ Генкин Д., Конович А. Массовые театрализованные праздники и представления. С. 75 и сл.; Руднев В. А. Обряды народные и обряды церковные. С. 105 и сл.

ники¹. Речь при этом шла о крупных деидеологизированных мероприятиях, призванных в то же время формировать советскую идентичность, эмоционально связывая людей с достижениями и символами режима. По замыслу режиссеров этих ритуалов, положительные эмоции, по крайней мере во время празднований, должны были сплачивать общество, показывая ему светлые стороны жизни в Советском Союзе не только на плакатах, но и наяву, хотя бы в форме праздника. Общее приподнятое настроение отныне ассоциировалось с *праздником*, но организаторы никогда не забывали связать его с деятельностью и достижениями партийного государства, благодаря которому только и возможно было это праздничное настроение². Праздники должны были эмоционально скреплять расползавшееся по швам общественное здание — и это в то время, когда идеология утратила свою интегрирующую роль даже в глазах пропагандистов. В этом смысле деидеологизация праздничных мероприятий в поздние годы Советского Союза вполне укладывалась в намерения их организаторов.

Однако эти скрепы оказались весьма непрочными. Открытость советской праздничной культуры по отношению к национальным праздничным традициям способствовала появлению на окраинах страны возможностей для все большей автономизации и артикуляции национального компонента. В той же Прибалтике пользовавшаяся на первых порах поддержкой режима профессионализация народной культуры привела к формированию национальной контркультуры, в годы обострения системного кризиса после 1988 г. сыгравшей немаловажную роль в деле развала империи. При этом часто упускается из виду, что «поющая революция» представляла собой плод своеобразной рецепции и дальнейшего развития полупрофессиональной народной культуры советского образца — так называемой самодеятельности. Таким образом, здесь меньше всего ощущалось влияние досоветских традиций, считавшихся якобы последним прибежищем национальной автономии. Но с точки зрения дестабилизации системы через ее культурную составляющую это не играло никакой роли. Своеобразная адаптация советского культурного образца стала инструментом самоопределения и рупором самовыражения центробежных сил. Советская праздничная культура, вошедшая в Прибалтику

---

¹ См.: Edelman R. Serious Fun. A History of Spectator Sports in the U.S.S.R. New York. 1993. P. 149 ff.; см. также: Roubal P. From a Didactic Project to Consumption of a Ritual: Czechoslovak Spartakiads 1955–1990 // Journal of Modern European History. 2006. Vol. 3. № 1.

² Генкин Д. М. Массовые праздники. М., 1975. С. 69 и сл.; Немиро О. В город пришел праздник. Из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л., 1973. Введ.

в 1940 г. вместе с войсками Красной армии, вернулась в преобразованной форме назад, обратившись теперь уже против московского центра. Когда 1 мая 1990 г. колонны демонстрантов проходили мимо Мавзолея Ленина, среди них находились и делегаты из Прибалтики, шедшие под лозунгами независимости. Они использовали ритуал режима, чтобы заявить на Красной площади, т. е. в самом символическом центре империи, о своем стремлении к отделению. Такая инверсия официального праздничного акта для Михаила Горбачева была невыносима: он демонстративно покинул трибуну. Церемониальный крах режима произошел раньше политического.

Праздник и как способ демонстрации оппозиционных настроений, и как форма выражения лояльности к партийному государству сыграл важную роль в процессе развала Советского Союза. Не меньшее значение он имел также для эрозии советского блока в Восточной Европе. В ходе конфликтов по стратегическим вопросам без применения оружия, когда речь шла о легитимности режима или завоевании на свою сторону масс в «церемониальных» или «бархатных революциях», символичные практики выступали на передний план сопротивления, но также и попыток консолидации режима. Символические акты являлись «оружием слабых»¹, с их помощью те противостояли силам порядка и символам власти. Интенсивная «семантическая заряженность» общественного пространства в социалистических системах имела, таким образом, неожиданные последствия в финальной части кризиса режимов. Сопротивление, зарождавшееся на окраинах империи, обращалось против центра Советского Союза в символической оболочке. Основы символического и праздничного ландшафта, экспортированные первоначально из Советского Союза, в преобразованном оппозиционными течениями виде стали знаменем отделения от центра.

Новая Россия: новая праздничная культура?

Политические перевороты не всегда влекут за собой глубокие перемены в культурном ландшафте страны, не каждая смена политического режима сопровождается также «церемониальной революцией». Когда в 1991 г. над Кремлем был спущен красный флаг и вместо него установлен трехцветный петровский², это было явным знаком смены

---

¹ Scott J. C. Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985.

² Петровский бело-сине-красный триколор был вообще первым представительским флагом Российской империи. По указу Петра Великого от 1705 г., сначала он был принят в качестве торгового флага.

власти со стороны ельцинского аппарата. Однако необходимо выяснить, какое влияние это событие оказало на праздничную культуру новой демократической России. Насколько сильным вообще было у пришедших к власти новаторов стремление трансформировать после 1991 г. также праздничную культуру? С какими ожиданиями общества они столкнулись, насколько устойчивой оказалась история советской праздничной культуры, с которой им пришлось иметь дело? Какова была степень живучести советской праздничной практики, на протяжении 70 лет определявшей праздничный канон всей страны и ее жителей? И возникло ли за последние долгие 10 лет нечто похожее на новую российскую праздничную культуру?

После смены власти неясности начались уже на уровне государственных праздников. Часть бывших советских праздничных дат была отнесена на второй план либо осталась в календаре в преобразованной форме. Кроме того, новые властители дополнили официальный праздничный календарь Российской Федерации новыми собственными праздничными датами. Обращает на себя внимание, что новый режим опасался однозначно порвать с праздничным календарем советского прошлого. Даже 7 ноября, переименованное в «День единства и согласия», оставалось до 2005 г.; праздничные даты 1 Мая и 9 Мая по-прежнему отмечены в качестве таковых в официальном календаре. Годовщина Октябрьской революции и 1 Мая утратили былое значение главных праздников, и маленькие группки демонстрантов, собирающиеся под красными знаменами на улицах в день «Великого юбилея» и в день «борьбы трудящихся», свидетельствуют скорее о маргинализации этих праздников. День Победы, однако, по-прежнему является государственным, хотя и не центральным праздником, по случаю которого по давней традиции проводится парад войск, принимаемый главнокомандующим вооруженными силами. Армия, отчасти сохранившая советский облик и в сфере символики, все еще демонстрирует мощь и великодержавные амбиции современной России, апеллируя к победе Советского Союза над национал-социализмом¹. С января 2001 г. вновь зазвучал старый советский на-

---

¹ См.: Scherrer J. Sowjetunion/Russland. Siegermythos versus Vergangenheitsaufarbeitung // *Mythen der Nationen*. 1945 — Arena der Erinnerungen / hg. von M. Flacke. Berlin. 2004. S. 620 ff.; 60-летие Победы в 2005 г. особенно напоминало ренессанс советской праздничной хореографии и символики. См., в частности: Volkery C. 60 Jahre Kriegsende. Putin zelebriert den Triumph // *Spiegel online*. 9.5.2005; Wehner M. «Das ist ein schlechter Feiertag». Russland will sich nur an den Sieg vor sechzig Jahren erinnern. Nicht an die Greuel des Krieges. Denn Stalin spaltet noch immer das Volk // *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*. 2005. 8. Mai. S. 3. При Владимире Путине в 2000 г. красное знамя — правда без серпа, молота и звезды — снова стало официальным символом вооруженных сил Российской Федерации. В 2003 г. Дума приняла решение о дополнении флага желтой звезд-

циональный гимн, хотя и с новым текстом, но написанным тем же самым автором. В области государственной символики сегодня в новой России, как и в ее праздничной культуре, существует «смешанная российско-советская идентичность»¹.

Сила советской традиции проявляется также в праздничных датах, которые не служат государственной авторепрезентации. Не снижающаяся популярность 8 Марта и многочисленные профессиональные праздники свидетельствуют о том, что вехи красного календаря сохраняют свое влияние и в новой России. Прежде всего продолжает свое успешное шествие по стране «красная елка». Терминологически очищенная от напоминаний о ее изобретении в коммунистические времена, нынешняя «елка» является само собой разумеющимся символом новогоднего праздника с неперменной лесной гостьей и, как правило, семейным застольем. Даже в религиозно настроенных семьях принято наряжать елку, которая стоит затем до православного Рождества (7 января), а порой и до православного Нового года (14 января). Более явное свидетельство прочности советской традиции трудно привести. Государственные инсценировки по случаю Нового года также продолжают придерживаться советской практики. Елка в Кремле, новогоднее обращение президента страны и официальный фейерверк — все это традиционные советские формы встречи Нового года.

В сравнении с этим новые государственные праздники демократической России выглядят намного скромнее. День независимости, 12 июня, как главный государственный праздник Российской Федерации, равно как и День Конституции, 12 декабря, или День государственного флага Российской Федерации, 22 августа, до сих пор не отмечаются широкой праздничной церемонией. Да и приятие обществом вновь изобретенных праздников демократической России до сих пор носит сдержанный характер. Ссылки на «неудобное время» этих праздников, которые приходится либо на дачный сезон, либо на зиму, не могут скрыть того обстоятельства, что новые государственные праздники пока воспринимаются как искусственные политиче-

---

дой, двуглавым орлом и девизом «Отечество, Долг и Слава». См.: Keghel I., de. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch-sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003. S. 28 ff., 124; Lindner R. Das konservative Prinzip. Konservatismus und Nationalismus als Konstanten russischer Geschichte // Transition—Erosion—Reaktion. Zehn Jahre Transformation in Osteuropa / hg. von D. Schorkowitz. Frankfurt/Main, 2002. S. 202 ff.

¹ Keghel I., de. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. См. также: Gill G. Changing Symbols: The Renovation of Moscow Place-Names // Russian Review. 2005. Vol. 64. № 3. P. 488; Kolsto P. Nationale Symbole in neuen Staaten. Zeichen von Einheit und Spaltung // Osteuropa. 2003. № 53. H. 7. S. 1009 ff.

ские конструкции. По всей стране циркулирует в качестве комментария вопрос: от кого же страна в день 12 июня стала независимой?¹ Сравнительно недавние опросы населения также отражают широко распространенное сдержанное отношение к новым федеральным праздникам. В частности, опрос, проведенный в 2004 г., когда требовалось указать официальное название 12 июня, показал, что большое число граждан Российской Федерации либо дают неправильный ответ (24 %), либо с большим трудом подыскивают подходящее наименование (33 %). Для большинства опрошенных эта официальная дата являлась всего лишь *дополнительным выходным днем*, но не *праздником* (72 %)².

Устойчивость советских праздничных традиций, их способность интегрироваться в новый официальный канон связана с принципиальной адаптивностью праздничных поводов. Праздничные даты представляют собой прежде всего определенные временные моменты, которые легко могут быть наполнены новыми элементами и по содержанию, и по форме. В новой России также можно наблюдать подобное слияние в области праздничных практик. Традиционные советские праздники — 8 Марта, 1 Мая или 9 Мая — за последние 10 лет изменили свой характер. Прежде всего праздники утратили свою первоначальную дидактическую функцию, которую они выполняли вплоть до распада Советского Союза, а после 1991 г. произошли их существенная децентрализация и коммерциализация. Даже в период деидеологизации на последней стадии существования Советского Союза праздники не утратили полностью своего назначения — влиять на формирование жизненного уклада культурного советского человека. Эта дидактическая миссия отпала после перелома 1991 г. Движущей силой организации праздников служат теперь не столько центральные праздничные комиссии со своими педагогическими амбициями, сколько децентрализованные формирования «самодеятельного искусства», а также владельцы торговых площадей и спонсоры. *Самодеятельность* была советским явлением, поэтому весьма показательно для устойчивости советских понятий, что этот

---

¹ Wagner H. Russland feiert seine Trikolore. Doch die Feierlichkeiten trieben nur wenige Menschen auf die Straße // Moskauer Deutsche Zeitung. 2003. 28. August. Это высказывание, а также некоторые из нижеследующих основаны прежде всего на наблюдениях автора, сделанных во время неоднократного пребывания в Российской Федерации после 1990 г.

² Опрос был проведен Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в июне 2004 г. См.: <http://bd.fom.ru/report/map/tb042303> (по состоянию на 27 сент. 2004). Похожую оценку см.: Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: От государственного праздника к акции протеста // Сфинкс: Петербургский философский журнал. 1994. № 2. С. 98 и сл.

термин переключался и в новую Россию. Но, в отличие от периода до 1991 г., деятельность многочисленных полупрофессиональных танцевальных, певческих и художественных коллективов не подчиняется общей концепции, все они самостоятельны в своем творчестве. Праздники в новой России перестали быть универсальным произведением искусства, отдельные части которого подчинены единому замыслу. Они распались на фрагментированные празднества. Эта тенденция отражается также в хореографии новорусских праздников: их мероприятия проходят на нескольких разрозненных площадках¹. Праздники обрели характер народных гуляний, во время которых следование единой содержательной государственной программе ушло на второй план.

Этому наверняка способствовала и коммерциализация новых российских праздников. Хотя уже в советских праздниках присутствовал ярмарочный элемент, но в условиях централизованной плановой экономики дефицитов коммерция не могла играть ведущей роли в их организации. В новое время Россия и в этом отношении приблизилась к стандартам капиталистического мира. Праздники стали поводом для разворачивания дорогостоящей коммерческой логистики. Элементы шоу на праздновании 850-летия Москвы (1997 г.) соответствовали самому современному уровню индустрии развлечений, о чем не устали говорить как организаторы, так и спонсоры празднеств². Однако эта тенденция для многих является раздражающим фактором, о чем свидетельствует распространенная критика потребительского уклона в проведении новых праздников.

Децентрализация новорусского праздничного ландшафта продолжает углубляться также под воздействием усиливающейся привязки старых праздничных дат к этническим и региональным идентичностям. Например, празднования 9 Мая 2002 г. в Казани показали, что местная элита явно старалась придать им национальную окраску или даже обосновать татарскую идентичность. Центральным моментом инсценировок и выступлений был вклад в победу советских солдат из Татарстана. Та же мысль прослеживалась на праздновании Дня Победы 2001 г. в Сибири. Здесь в центре внимания находились подвиги *сибиряков*, что подчеркивалось участием сибирских ветеранов в военном параде. Подобные этнические или региональные акценты хотя и имеют долгую советскую предысторию, но в периоды ослабления смыслообразующего и интегрирующего влияния центра

---

¹ Так проходили, в частности, городские праздники в Воронеже в 2000 г. и в Новосибирске в 2001 г.

² Klotchkov K. *Der lange Weg zum Fest. Die Geschichte der Moskauer Stadtgründungsfeier 1847 bis 1947*. Berlin, 2005. Kap. 7.

начинают доминировать в общественных инсценировках, приобретают большее значение и взрывоопасный характер, расшатывая и без того подорванное единство общегосударственного праздничного ландшафта¹.

Свой вклад в эрозию этого единства вносят также празднества местного масштаба. Именно в данной сфере, в отличие от государственных праздников, после 1991 г. наблюдается большое оживление в части создания новых праздников. Прежде всего это касается повсеместного празднования годовщин образования городов. Это новое явление подтверждает, возможно, неосознанное стремление городских властей к возрождению традиции XIX в., утраченной при советской власти. Не только столичные города — Москва в 1997 г. и Петербург в 2003 г. — с огромным размахом отмечали мифические даты закладки города или первого упоминания о его появлении на карте страны, но и провинциальные города весьма активно подключаются к празднованию своей corporate identity² (корпоративной идентичности). Воронеж, Новосибирск и даже малые города, такие, как Богучар в Воронежской области, отмечают даты рождения своих поселений под названием «день города», организуя по этому поводу широкие и многолюдные народные гулянья. Именно эти даты находят в локальном контексте широчайшую общественную поддержку и понимание. Местное самоуправление старается проявить в этой связи «щедрость», к мероприятиям активно привлекаются местные творческие силы, крупные и мелкие предприятия выступают в качестве спонсоров, а гости приезжают развлечься даже из отдаленных мест.

Эта новая городская праздничная культура с ее густой сетью местных празднеств обращается к дореволюционным традициям, а также копирует западные стандарты. Кроме того, ощущается влияние глубинных советских культурных слоев. Так, праздничная хореография по-прежнему соотносится с особенностями топографии и символического ландшафта советских городов: площадь Ленина со стоящим на ней памятником Ленину все еще является центральным местом проведения местных общественных мероприятий, хотя в остальные дни подножие статуи облюбовали для своих трюков юные скейтбордисты. Используются и традиционные элементы советского праздника, в течение многих лет формировавшие представления людей о том.

---

¹ См., в частности: Hoffmann D. L. Stalinist Values. P. 169 ff.; Petrone K. «Life has become more joyous, comrades». P. 23 ff.

² См.: Klotchkov K. Der lange Weg zum Fest. Kap. 7; Avenarius T., Hujer M. Ein Fest der Gesten // Süddeutsche Zeitung. 2003. 2. Juni. S. 3. В Богучаре автор лично присутствовал на празднике города в 2000 г.

что значит праздновать. Центральное событие тут, несомненно, обязательный фейерверк, венчавший собой любой важный советский праздник. И по сей день активисты-организаторы уделяют ему большое внимание и тратят на него большие деньги.

В целом локальная праздничная культура, да и государственная тоже, представляет собой в новой России слияние различных источников праздничных традиций. Особенно обращает на себя внимание возрождение религиозных праздников в Российской Федерации. Будь то на местном или государственном уровне или в сфере частной жизни — влияние православной церкви, ее литургических ритуалов и ее праздничного календаря заметны повсюду. Так, религиозные праздники заняли после 1991 г. такое место в общественном пространстве, которое ранее было немыслимо, а главные православные праздники, такие, как Пасха, привлекают большое количество прихожан. При этом церковь может быть уверена в государственной благосклонности. Новое место в обществе, отведенное церкви светскими властями, продемонстрировали уже Борис Ельцин и Юрий Лужков, выступив с широко освещавшимися в массмедиа инициативами по реставрации церковных зданий и присутствуя на церковных богослужениях. А в подновленном государственном гимне России есть прямая ссылка на Бога. Со своей стороны, высшее православное духовенство демонстрирует единство с трансформировавшейся светской властью в ритуальной сфере. Так, в 2002 г. во время традиционной ночной пасхальной службы Владимир Путин находился непосредственно рядом с патриархом Алексием II. На всех важных государственных праздничных церемониях представители клира занимают почетные места и приглашаются для совершения обряда освящения при сдаче важных объектов, например при спуске на воду подводных лодок. Таким образом, православная церковь, как это уже было до 1917 г., снова заняла свое место в общественной праздничной культуре.

Новая религиозность проявляется также и в частной праздничной сфере. Об этом свидетельствуют многочисленные обряды крещения взрослых, венчания новобрачных в церкви и отпевания усопших, а также вновь вошедший в моду пост и широкие масштабы главных церковных празднеств. Новая ориентация праздничного ландшафта на религиозные ритуалы, возрождение забытых религиозных традиций проявляются, кроме того, в публикации начиная с 1990-х гг. справочников и брошюр с перечнем и разъяснением значения религиозных праздников¹. Возросшее значение религиозности и церковных ритуа-

---

¹ Напр.: Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. М., 2000; Колесникова В. Русские православные праздники. М., 1995.

лов в жизни граждан Российской Федерации подтверждаются также опросами, проводимыми с 1991 г. фондом «Общественное мнение». В 1995 г. на вопрос о праздновании Пасхи в семейном кругу только 6 % опрошенных указали, что вообще не отмечают этот праздник. Более половины респондентов пекли традиционный кулич (58 %), яйца красили даже 83 %¹. Количество тех, кто «иногда» или «регулярно» посещает церковную службу, возросло с 23 % в 1992 г. до 40 % в 2002 г., т. е. почти удвоилось. Большое число «захожан» также свидетельствует о возрастании значения религиозных празднеств. Потому что посещение богослужения «один-два раза в год» приурочивается, как правило, к главным церковным праздникам². Религиозный ренессанс в исламских и буддийских регионах федерации показывает, что возрождается не только христианская религия. Эту тенденцию подкрепляет появление все новых мечетей в Татарстане и на Северном Кавказе или возрождение популярности иволгинского монастыря в Бурятии. По результатам вышеназванного опроса фонда «Общественное мнение», наибольшая процентная доля религиозных «новообращенных» приходилась как раз на тех, кто идентифицировал себя в качестве «мусульман»³. Таким образом, обращение к религии и религиозным (праздничным) ритуалам — общее явление для Российской Федерации, независимо от конфессии.

В силу многоконфессиональности религиозная составляющая праздничной культуры не представляет собой единого скрепляющего ее элемента. Более того, она способствует усилению фрагментации праздничного ландшафта на отдельные субкультуры по конфессиональному признаку. Распад единства праздничного ландшафта является определяющей чертой его развития в постперестроечный период. Этот процесс начинался уже в недрах Советского Союза, но после 1991 г. приобрел новую динамику. Наиболее четко эта тенденция просматривается на примере новой молодежной культуры, активного и творческого восприятия ею общего праздничного потока.

Молодежная праздничная культура последних десяти лет проявила себя как очень гибкая субстанция. С одной стороны, все еще отмечаются праздничные даты, перешедшие из советского прошло-

---

¹ <http://bd.fom.ru/report/cat/man/religion/of19951603> (по состоянию на 27 сент. 2004).

² Среди опрошенных повысилась также процентная доля тех, кто сам себя считает «верующим». В 1992 г. количество таковых составляло 54 %, в 2002 г. их было уже 66 %. См.: <http://bd.fom.ru/report/cat/man/religion/d023309> (по состоянию на 27 сент. 2004).

³ См.: <http://bd.fom.ru/report/cat/man/religion/d023309> (по состоянию на 27 сент. 2004). В 1992 г. только 1 % опрошенных считали себя «мусульманами». В 2002 г. их было уже 5 %. Однако в опросах, проводимых ФОМ, неясен их региональный код.

го, такие, как 8 Марта или День студентов, но в то же время широкой популярностью пользуются новые местные мероприятия. На примере Дня студентов — 25 января — особенно наглядно видно, как трансформировались старые традиции в процессе их присвоения. День студентов был объявлен в Советском Союзе праздничным еще в 1930-е гг. Сначала его отмечали летом, но в довоенное время празднования были нерегулярными. Похоже, только в 1950-е гг. день студенчества был включен в официальный праздничный канон. В 1970–1980-е гг. по случаю этого праздника ежегодно поощрялись отличившиеся в учебе студенты и порицались те, кто слишком далеко заходил, испытывая терпение режима. В студенческой среде этот день сохранил свою популярность коллективного праздника и после перелома 1991 г. Но с тех пор он переместился в помещения клубов и в дискотеки, которые носят звучные названия «Клуб Гагарина», «Летчик» или «Пропаганда». По прошествии более десяти лет после распада Советского Союза в подвижной молодежной культуре смешались старая советская праздничная дата, новое место проведения праздника — клуб, обставленный на западный манер, и новая «советалгия»¹.

Параллельно с этим прижились некоторые праздники американского происхождения. Так, за последние годы во всей России получили широкое распространение День святого Валентина и Хэллоуин. Берлинский «Love Parade» тоже находит себе сторонников, хотя крупных мероприятий в этой связи, которые имели бы общественное звучание, пока не проводится. Самостоятельная организованная молодежная праздничная культура до сих пор не выходит за рамки общежитий и клубов. Все же можно говорить о том, что под знаком частичной переориентации в сфере праздничной культуры произошла некая отдельная культурная революция. Массмедиа и медики отмечают перемены в алкогольных предпочтениях молодежи и подростков: в ходе произошедшей *пивной революции* наблюдается продолжающееся вытеснение водки пивом².

Таким образом, молодежная праздничная культура в России переживает в настоящее время период преобразований, которыми охвачены не только такие метрополии, как Москва и Петербург,

---

¹ ГАКО. Ф. II.53. Оп. 1. Д. 123. Л. 4–4 об.; Kovalenko E. Relaxation and Leisure-Time Activity // Youth in the Soviet Union. A Collection of Articles. Bd. 51. München, 1959. P. 50 f.

² Engelhard K. Bier kontra Wodka: Die Brauerei von Tschita // ARD-Hörfunkstudio Moskau. 2003. 25. August; Koslatschkow A. Bierkonsum in Russland — Von Wobla, Banja und einem umkämpften Markt // WOSTOK. 1998. H. 2. S. 70–73; Margolina S. Wodka, Trinken und Macht in Russland. Berlin, 2004. S. 165 f.

в некотором отношении уже догнавшие и даже перегнавшие своих западных учителей, но и все больше провинциальные города. Присвоение западных образцов свидетельствует о значительной притягательности американского и западноевропейского гедонистического общества для современной российской молодежи. В конечном итоге для празднования годится любой повод. Несомненно, в этом направлении следует ожидать дальнейших заимствований. Трудно сказать, к каким результатам приведут эти изменения. Но с уверенностью можно утверждать, что в настоящее время в праздничной сфере царит общая эклектика, однако она существенно подрывает устойчивость влияния советского праздничного календаря на постперестроечное поколение.

С учетом сказанного нелегко нарисовать однозначную картину новой праздничной культуры России после 1991 г. С одной стороны, продолжает действовать сила советской традиции. Это проявляется в активном использовании ее праздничных практик и в воспоминаниях о советских праздниках. С другой стороны, в праздничном ландшафте появляются разнообразные новые творения, обязанные своим происхождением то возрождению традиционных практик, то новшествам и заимствованиям из других контекстов. Придя в движение, праздничная культура новой России утратила свое единство. Наступила фаза децентрализации. Фрагментация праздничного ландшафта обнаруживает себя как в раздробленности празднующего сообщества 1 Мая, так и в децентрализованной хореографии новых городских праздников, она проявляется далее в экспериментальности молодежной культуры, а также в попытках ранее табуизированных маргинальных групп общества выйти на поверхность. Сами празднества утратили общий фокус, а праздничный ландшафт лишился канона знаменательных дат, которые отмечались бы всем миром. Таким образом, в области праздников в течение первого десятилетия Россия присоединилась к «старому Западу», где в той же сфере господствуют произвольность и фрагментация. Как и в других сферах культуры России, здесь наблюдается чересполосица традиций, их продолжения, ностальгии и выборочного заимствования.

Для всех тех, кто еще жил в Советском Союзе, советский праздничный календарь стал «предметом воспоминаний». Вспоминают и интеллектуалы, ностальгирующие по временам, когда они сидели и спорили за кухонным столом, пели под гитару и «соображали на троих», и большое число всех, кто пережил последнее десятилетие как период упадка и утраты уверенности в завтрашнем дне. Для них именно праздники в Советском Союзе являются светлыми воспоминаниями о временах, когда все было лучше.

«Какие были у нас праздники...»:

Советский праздник как предмет воспоминаний

Юрий Слезкин однажды метко заметил, что в Советском Союзе постоянно «господствовали» воспоминания, причем в двояком смысле этого слова — как источник легитимации режима и как непрерывная и повсеместная практика общественных и публикуемых воспоминаний. В основном перманентные воспоминания касались революции и ее достижений¹. Но существовали и другие предметы обсуждения, с которыми был связан постоянный процесс воспоминаний. История собственного завода — яркий пример пользовавшейся государственной поддержкой практики общественных воспоминаний и их письменной фиксации². Советский праздник рано стал тем объектом, вокруг которого в рамках официальной политики поощрения воспоминаний плелась целая сеть личных и общественных реминисценций. Праздничная дата являлась временной вехой, с помощью которой складывался общий нарратив неуклонного улучшения условий жизни в стране после Октябрьской революции. В этом смысле праздник был поводом для воспоминаний, поскольку с топомосом «праздника» связывались представления о том, что соединяло всех празднующих в один коллектив. Идентичность группы определялась в процессе празднования и связанных с ним коммуникации и воспоминаний. Иными словами, в ходе праздника и благодаря ему образовывалось коммуникативное сообщество тех, для кого советский праздник был наполнен смыслом и кто мог обмениваться связанными с ним воспоминаниями³.

Эту особенность праздничных дат использовал советский режим, когда в конце 1960-х гг. вспомнили о проекте Максима Горького насчет написания истории фабрик и заводов и была инициирована новая акция с целью составления соответствующих записок начиная со времени основания предприятий в 1930-е гг. В воспоминаниях «ветеранов битвы за производство», которые записывались и архи-

---

¹ Slezkine Yu. *Lives as Tales // In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War* / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000. P. 21. См. также: Corney F. C. *Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca, 2004.

² Относительно инициированного в 1931 г. Горьким проекта см.: Журавлев С. В. Феномен «истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

³ О коллективной памяти и культурных «хранилищах» см., напр.: Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, 1997. S. 56 ff.; Halbwachs M. *Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen*. Frankfurt/Main, 1985. S. 381 ff.; *Les Lieux de Mémoire* / Sous la dir. de P. Nora. Paris, 1984–1992.

вировались на крупных предприятиях, важную роль играл также советский праздник. Очень часто в рассказах отражалось мышление знаменательными датами в довоенное десятилетие, когда ветераны вспоминали о закладке или пуске в эксплуатацию производственных корпусов. В каком году начиналось или заканчивалось строительство, — на этот счет мнения в воспоминаниях порой расходились. Но все мемуаристы сходились в том, что историческое действие производилось в день какого-нибудь праздника¹. В воспоминаниях воспроизводилась также связь между праздником и производительным трудом, когда моменты производственных успехов переживались как праздник. На языке этих воспоминаний сдача в эксплуатацию доменной печи или какой-нибудь рекорд в рамках комсомольской кампании назывались «настоящим праздником»². Такие праздничные события легко укладывались в весьма распространенный стандартизированный нарратив о «тяжелом, но прекрасном времени»; праздничный день служил предававшемуся воспоминаниям коллективу моментом, когда взоры всех были обращены в светлое будущее. Старый мотив производственных романов нашел свое воплощение теперь уже на уровне личных воспоминаний.

То же самое можно сказать о воспоминаниях, записанных культработниками в 1960–1970-е гг., или о повестях официозной художественной литературы на тему борьбы и созидательного труда в предвоенные годы. Советский праздник повсюду фигурировал в качестве важной составной части всей этой мемуарной литературной продукции³. В этой связи следует упомянуть также многочисленные популярные брошюры, издававшиеся с 1970-х гг. культмассовыми учреждениями. В таких публикациях, как «Праздник приходит в город», праздники советского календаря объявлялись средством коллективной памяти городского сообщества, с помощью которого можно рассказывать общую историю⁴. Впечатляющим свидетельством отражения праздника как ячейки исторической памяти, достойной сохранения для потом-

---

¹ НФГАКО. Ф. Р.137. Оп. 1. Д. 402. Л. 8–9; Собрание СО РАН. № 91. С. 59.

² НФГАКО. Ф. Р.137. Оп. 1. Д. 230. Л. 12; Собрание СО РАН. № 21. С. 6 и сл. См. также: Andreev-Khomiakov G. Bitter Waters. Life and Work in Stalin's Russia / ed. A. E. Healy. Boulder, 1997. P. 52 ff.

³ Эти записи были инициированы и архивированы СО РАН в Новосибирске в 1960-е и 1970-е гг., часть из них опубликована. См., к примеру, воспоминания: П. Теляков. № 1 (новая перепись). С. 6; Зинаида Калиш. № 140. С. 80; Екатерина Бейман-Пантова. № 142. С. 96 (Школа и учительство Сибири (20-е — начало 30-х годов). Новосибирск, 1978).

⁴ Немиро О. В город пришел праздник; Руднев В. А. Обряды народные и обряды церковные.

ков, служит тот факт, что в тот же период советские архивариусы открыли в архивных каталогах рубрику «Праздник» и начали инвентаризировать архивные фонды с учетом этой категории.

Общественные акции не только посвящались изображению праздников в воспоминаниях, но и сами были частью этих праздников. Потому что, как и многое другое, кампании по составлению воспоминаний приурочивались к знаменательным датам в жизни советского общества. Например, воспоминания заказывались к годовщине основания предприятия, а по случаю юбилея революции выплачивали премии и вручали цветы ветеранам предприятий, работавшим на них в первое десятилетие после их возникновения¹. Но начиная с 1970-х гг. ни один праздник не играл такой роли в широком партийно-государственном нарративе о связи личной судьбы человека с историей государства и страны, как День Победы. Этот праздник был и остается днем встречи ветеранов для воспоминаний о лично пережитом, поводом для которых является официальный общегосударственный акт памяти. По сей день участие в торжественном параде представляет собой центральный символический акт старых фронтовиков, о его значении говорят многочисленные фотографии этих парадов и ношение орденов и медалей ветеранами².

Подобное переплетение государственной политики сохранения памяти и личных воспоминаний способствовало продолжению жизни советского праздника независимо от официальной риторики. Когда в 1991 г. произошел развал Советского Союза, праздники бывшего красного календаря остались хранилищем коллективной исторической памяти. Они в целом не утратили этого свойства и в постсоветской России. В сегодняшних воспоминаниях современников 1930-х гг. советские праздники не только продолжают жить, но и вызывают у них положительные ассоциации, совершенно независимо от того, пострадали ли они от большого или малого террора режима. Советский праздник существует и поныне как предмет приятных воспоминаний. «Какие у нас были праздники!» — это восклицание часто можно услышать в адрес теперь уже оставшейся в прошлом советской праздничной культуры³.

---

¹ На Сибсельмаше так собирались воспоминания по случаю 40-й и 50-й юбилейных дат предприятия (1969 и 1979 гг.).

² Напр.: Engel B. A., Posadskaya-Vanderbeck A. *A Revolution on Their Own. Voices of Women in Soviet History*. Boulder, 1998. P. 216 f.; *Triumph and Trauma. Sowjetische und Postsowjetische Erinnerungen an den Krieg 1941–1945 / Триумф и боль. Советская и постсоветская память о войне 1941–1945* / hg. von P. Jahn. Berlin, 2005.

³ В 2001 г. автор провел в Новосибирске ряд бесед с очевидцами. Всего состоялось более 20 таких бесед.

Следует, однако, отметить, что в современной России советский праздник растворился в более широком нарративе, повествующем о существовании якобы особой российской праздничной культуры. Исключение составляют те небольшие круги, которые в день Октябрьской революции упрямо поднимают в центре Москвы свое красное знамя. Во времена дезориентации и неопределенности нередко можно услышать заклинания насчет некоей общности россиян, имеющей также общие праздники. В рекламе, кино и справочниках — повсюду натыкаешься на эту российскую особенность — страстную тягу к праздникам. При этом речь идет о пропаганде русифицированной праздничной культуры, в которой гармонично растворяется ее советская составляющая. Сейчас на книжном рынке продается немалое количество энциклопедических справочников, где мирно соседствуют и 1 Мая, и православная Пасха, и масленица, или канун Великого поста. Все они объединяются под одной рубрикой — «русский праздник»¹. В официальных юбилейных альбомах областная и районная администрации иллюстрируют историю своего края, помещая в них, в частности, фотографии советских праздников в прошлом и современных фольклорных мероприятий. Например, в сборнике «Новосибирская область — 60 лет» представлены отдельные административные районы. Несмотря на то что каждый из них старается отразить свой профиль, фотографии праздников и фольклорных представлений вполне взаимозаменяемы². В иллюстрированном портрете Пермской области и областного центра исторические снимки советских праздничных демонстраций и современные фотографии фольклорных ритуалов размещены так, будто речь идет о гармоничном единстве, не допускающем никаких перерывов в традиционной линии³. Пользующиеся государственной поддержкой проекты по «сохранению и возрождению фольклорных традиций» включают в равной мере советский и досоветский фольклор: Государственный республиканский центр русского фольклора издает серию материалов под названием «Сохранение и возрождение фольклорных традиций», в которой «традиционные» и «современные» формы свободного времяпрепровождения отражены без каких-либо намеков на существование исторических изло-

---

¹ См.: Шангина И. И., Баранова О. Г. Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 8 и сл.; Энциклопедия российских праздников. СПб., 1997.

² Савицкий И. М., Кожихов О. В. Новосибирская область 60 лет: Фотоальбом. Новосибирск, 1997.

³ Зебзеева А. Пермь. Поэма о городе. Историческая, героическая, лирическая. Пермь, 1998. С. 87, 120 и сл.

мов¹. Советская праздничная культура пользуется признанием даже в научном дискурсе. Например, в новейших исследованиях праздникам большевиков отдается должное как «значительным светлым явлениям культуры» и указывается на продолжение якобы существующей традиции советского «искусства саморепрезентации». Стремление к гармонизации отражается и в праздничной культуре Петербурга, включающей в себя как события православного календаря, так и даты бывшего красного². Здесь история советских праздников сохранена и растворена в широком контексте великой русской истории.

Общим для всех этих аспектов праздничной темы является миф о существовании особого российского праздничного сообщества. Развитие самосознания и размежевание с иными характерны для совершенно разных групп населения России. Их питает уверенность в том, что русские, как никто в мире, любят праздновать, что у них больше всего праздников и что в силу своего национального характера они больше любят праздновать, чем работать. Поэтому тема праздника не исчезает из общественного дискурса, несмотря на всю фрагментацию нынешнего праздничного ландшафта России. Гордо и с неким вызовом произносимый слоган «Мы умеем праздновать» отражает стремление к самоидентификации и отмежеванию от воспринимаемого с опаской импорта культуры. Тенденции к реставрации, наблюдаемые в эру Путина как раз в области символической и праздничной политики государства, совмещающей бывшие советские великодержавные регалии с проявлениями национального российского честолюбия, свидетельствуют о том значении, которое придается семантике «Мы-чувства» в деле мобилизации общества. Это относится как к государству в целом, так и к разного рода партиям и объединениям.

Поэтому поощряемая государством общественная праздничная культура, приверженная идее национального единства, в ближайшие годы будет приобретать все большее значение. В настоящее время повсеместно наблюдается усиление национальных тенденций и в области языка и самосознания русских, на основании чего следует ожидать, что идущий ныне процесс самоидентификации через национальный коллектив будет оставаться значимым общественным феноменом. Объединяющая роль праздников, постулируемая в теории искусства,

---

¹ Традиционные формы досуга: история и современность / под ред. М. Г. Казакевича. М., 1994.

² Келлер Е. Е. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001. С. 126 и сл.; Кислицына А. Н. Массовые праздники в Петрограде в 1917–1922 гг. История организации и проведения: Автореф. СПб., 1999. С. 21; Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2001. С. 175 и сл.

должна будет выдержать проверку на протяжении длительного времени. Не исключено, что даже такой фрагментированный праздничный ландшафт, как в современной России, благодаря общему устремлению к якобы существующему «национально особенному» сможет обрести эмоциональное единство. Но может быть и так, что российская праздничная культура распадется на множество слабо связанных между собой фрагментов. Тогда она утратит свое значение объединяющего культурного медиума. В любом случае будет интересно следить за путями развития российской праздничной культуры в будущем, включая место, которое займет в ней советский праздник.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор не смог бы написать книгу в ее нынешнем виде без помощи многочисленных заинтересованных коллег. Всем им я очень обязан за слова ободрения и критики, за проявленное терпение и разностороннюю неоценимую помощь. Многие беседы и обсуждения послужили мне источником новых идей для проведения исследований и написания книги. Особую благодарность хочется выразить Йоргу Баберовски, Яну Берендсу, Дитриху Байрау, Йохену Хелльбеку, Арпаду фон Климо, Яну Пламперу и Габору Т. Риттерспорну. Благодаря их вопросам, замечаниям и критике постоянно уточнялся предмет исследования и во многом совершенствовалась аргументация, приведенная в данной книге.

Благодарю также Ганса Рольфа. Он не только прочел корректуру рукописи, но и внес свой вклад в процесс ее составления в тех случаях, когда отказывала программа-редактор, а также проявил чуткость в вопросах стиля и отточенности аргументации. На заключительной стадии корректуры и переработки рукописи помощь оказали многие коллеги. За проделанную в этой связи нелегкую работу выражаю благодарность Матиасу Брауну, Сандре Дальке, Лоренцу Эррену, Франциске Экселер, Давиду Феесту, Франциске Шёнбалль, Кристофу Камиссеку, Перу Лео, Матиасу Швартцу и особенно Ульрике Хун. На всех этапах подготовки данной книги к изданию я неизменно пользовался поддержкой и участием издательства «Гамбургер Эдицион», а затем российского издательства «РОССПЭН». Здесь я должен отдельно поблагодарить Виталия Алтухова, который взял на себя труд превратить почти 400 страниц, написанных академическим немецким языком, в читабельный русский текст.

Я чрезвычайно признателен также Фонду Фридриха Науманна за щедрую поддержку в процессе подготовки диссертации, на основе которой создана эта работа, и перевода книги на русский язык. Ее русское издание стало возможным в первую очередь благодаря деятельному участию Фалька Бомсдорфа из московского бюро Фонда. Не меньше обязан я Институту им. Гёте, включившему перевод книги в свою программу субсидирования.

Благодарю моих родителей Герти и Ганса за энергичную поддержку в течение долгого периода работы над диссертацией. Они всегда живо принимали участие в моих делах — и в Гёдесторфе, и в Воронеже, и на Енисее.

Но самыми прекрасными событиями в истекшие годы стали встреча с Йолитой и рождение нашего сына Йонаса. Они — мое счастье, моя жизнь, моя любовь.

В странствиях по России и ее архивам меня сопровождало множество друзей и коллег. Без их разнообразной помощи мое пребывание там не было бы столь продуктивным и увлекательным. Особую признательность хотелось бы выразить за оказанную поддержку, за предложения и критику Сергею Алленову и Дитмару Вульффу в Воронеже, Виктору Исаеву и Сергею Красильникову в Новосибирске, Маше и Алексею Карельским, Германскому историческому институту и Институту им. Гёте в Москве.

Огромнейшую благодарность выражаю Ивану Борисовичу Успенскому. Он был мне бесценным помощником в моих исследованиях, эмпирических наблюдениях и повседневной жизни в Москве. Именно он главным образом открыл для меня тему, которая легла в основу моей работы. Он выдвинул идею перевода и активно способствовал ее реализации. Без него русское издание «Советских массовых праздников» никогда не увидело бы свет. Ему, моему доброму другу, посвящается эта книга.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 393. Оп. 90 (Народный комиссариат внутренних дел РСФСР)

Ф. 1235. Оп. 44 (Всероссийский центральный исполнительный комитет. Протоколы Президиума)

Ф. 1235. Оп. 50 (Всероссийский центральный исполнительный комитет. Протоколы Секретариата Президиума)

Ф. А.2306. Оп. 13, 69, 70, 75 (Народный комиссариат просвещения РСФСР)

Ф. 3316. Оп. 12 (Центральный исполнительный комитет СССР. Протоколы и постановления заседаний Президиума)

Ф. 3316. Оп. 13 (Центральный исполнительный комитет СССР. Протоколы и постановления заседаний Президиума)

Ф. 3316. Оп. 19 (Центральный исполнительный комитет СССР. Документы Секретариата Президиума, 1926)

Ф. 3316. Оп. 20 (Центральный исполнительный комитет СССР. Документы Секретариата Президиума, 1927)

Ф. 3316. Оп. 25 (Центральный исполнительный комитет СССР. Документы Секретариата Президиума, 1932)

Ф. 3316. Оп. 30 (Центральный исполнительный комитет СССР. Документы Секретариата Президиума, 1937)

Ф. 3316. Оп. 41 (Центральный исполнительный комитет СССР. Документы Конституционной комиссии)

Ф. 3316. Оп. 42 (Центральный исполнительный комитет СССР. Документы совещаний и комиссий)

Ф. 5263. Оп. 1 (Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при Президиуме Центрального исполнительного комитета СССР)

Ф. 5446 (Совет министров СССР)

Ф. 5446. Оп. 1 (Совет народных комиссаров СССР. Протоколы и постановления)

Ф. 5451 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов)

Ф. 5451. Оп. 11 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Стенограммы, протоколы, постановления)

Ф. 5451. Оп. 16 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Стенограммы, протоколы, постановления)

Ф. 5451. Оп. 18 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Стенограммы, протоколы, постановления)

Ф. 5451. Оп. 19 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Стенограммы, протоколы, постановления)

Ф. 5451. Оп. 20 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Стенограммы, протоколы, постановления)

Ф. 5451. Оп. 21 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. Стенограммы, протоколы, постановления)

Ф. 7952. Оп. 7 (Государственное издательство «История фабрик и заводов» при Объединении государственных издательств)

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17 (Центральный комитет КПСС)

Ф. 17. Оп. 3 (Политбюро)

Ф. 17. Оп. 60 (Отдел агитации и пропаганды)

Ф. 17. Оп. 113 (Организационное бюро и Секретариат)

Ф. 17. Оп. 114 (Организационное бюро и Секретариат)

Ф. 17. Оп. 120 (Организационное бюро и Секретариат)

Ф. 17. Оп. 125 (Управление пропаганды и агитации ЦК)

Ф. 12. Оп. 1 (Личный фонд Н. К. Крупской)

Ф. 78. Оп. 1 (Личный фонд М. И. Калинина)

Ф. 81. Оп. 3 (Личный фонд Л. М. Кагановича)

Ф. 82. Оп. 2 (Личный фонд В. М. Молотова)

Ф. 89. Оп. 9 (Личный фонд Е. М. Ярославского)

Ф. 142. Оп. 1 (Личный фонд А. В. Луначарского)

Ф. 357. Оп. 1 (Личный фонд М. Ф. Владимирского)

3. Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

Ф. 1. Оп. 1 (Воронежский губернский отдел народного образования)

Ф. 10. Оп. 1 (Воронежский губернский исполнительный комитет. 1918–1928)

Ф. 51. Оп. 1 (Воронежский городской исполнительный комитет. 1918–1972)

Ф. 118. Оп. 1 (Воронежский уездный исполнительный комитет)

Ф. 452. Оп. 1 (Россошанский уездный исполнительный комитет)

Ф. 458. Оп. 1 (Воронежский губернский совет профессиональных союзов, 1918–1928)

Ф. 602. Оп. 1 (Острогожский уездный исполнительный комитет)

Ф. 828. Оп. 1 (Острогожское окружное бюро профессиональных союзов)

Ф. 895. Оп. 1 (Центрально-Черноземный областной совет профессиональных союзов, 1928–1934)

Ф. 1172. Оп. 1 (Борисоглебский окружной исполнительный комитет)

Ф. 1226. Оп. 1 (Воронежский окружной исполнительный комитет)

Ф. 1439. Оп. 1–5 (Центрально-Черноземный областной исполнительный комитет, 1928–1934)

Ф. 1440. Оп. 3 (Воронежский областной исполнительный комитет, 1935–1975)

4. Центр документов новейшей истории Воронежской области (ЦДНИВО)

Ф. 1. Оп. 1 (Воронежский губернский комитет ВКП(б))

Ф. 2. Оп. 1 (Центрально-Черноземный областной комитет ВКП(б))

Ф. 3. Оп. 1 (Воронежский областной комитет ВКП(б))

Ф. 5. Оп. 1 (Отдел истории партии Воронежского губернского комитета ВКП(б))

Ф. 30. Оп. 1 (Бобровский районный комитет ВКП(б))

Ф. 37. Оп. 1 (Борисоглебский окружной комитет ВКП(б))

Ф. 87. Оп. 1 (Острогожский окружной комитет ВКП(б))

Ф. 89. Оп. 1 (Острогожский районный комитет ВКП(б))

Ф. 194. Оп. 1 (Россошанский окружной комитет ВКП(б))

Ф. 119. Оп. 1 (Воронежский/Усманский окружной комитет ВКП(б))

Ф. 1034. Оп. 1 (Бобровский уездный комитет ВКП(б))

5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), включая фонды бывшего партийного архива Новосибирской области

Ф. 2. Оп. 1–4 (Сибирский краевой комитет ВКП(б), 1924–1930)

Ф. 3. Оп. 1–12 (Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б), 1930–1937)

Ф. 4. Оп. 2–33 (Новосибирский областной комитет ВКП(б), 1937–1941)

Ф. 5а. Оп. 1 (Отдел истории партии краевого комитета ВКП(б))

Ф. 5. Оп. 2–7 (Отдел истории партии краевого комитета ВКП(б))

Ф. 20. Оп. 1 (Прокуратура Новосибирской области, 1922–1985)

Ф. 22. Оп. 1, 3 (Новосибирский городской комитет ВКП(б))

Ф. 44. Оп. 1 (Дзержинский районный комитет ВКП(б))

Ф. 47. Оп. 1–5 (Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет, 1925–1938)

Ф. 61. Оп. 1 (Западно-Сибирский краевой отдел народного образования, 1925–1937)

Ф. 62. Оп. 1 (Кировский районный комитет ВКП(б))

Ф. 76. Оп. 1 (Октябрьский районный комитет ВКП(б))

Ф. 77. Оп. 1 (Эйховский/Первомайский районный комитет ВКП(б))

Ф. 188. Оп. 1 (Сибирский краевой комитет ВЛКСМ, 1927–1937)

Ф. 190. Оп. 2 (Новосибирский областной комитет ВЛКСМ, 1937–1941)

Ф. 196. Оп. 1 (Новосибирский окружной комитет ВЛКСМ, 1925–1930)

Ф. 198. Оп. 1 (Новосибирский городской комитет ВЛКСМ, 1930–1962)

Ф. 270. Оп. 1 (коллекция карт, 1838–1970)

Ф. 514. Оп. 1 (Сибирский краевой комитет профессиональных союзов рабочих водного транспорта, 1921–1933)

Ф. 515. Оп. 1 (Западно-Сибирский краевой комитет профессиональных союзов горнорабочих, 1920–1931)

Ф. 627. Оп. 1, 2а (Западно-Сибирский краевой совет профессиональных союзов, 1925–1937)

Ф. 896. Оп. 1 (Западно-Сибирское краевое управление театрального и зрелищного предприятия, 1929–1937)

Ф. 906. Оп. 1 (Комитет по делам физкультуры, 1930–1938)

Ф. 923. Оп. 1 (Рабоче-крестьянская инспекция)

Ф. 944. Оп. 1 (Центральный комитет профессиональных союзов рабочих машинно-тракторных станций, 1931–1948)

Ф. 1020. Оп. 1–2 (Новосибирский областной исполнительный комитет Совета народных депутатов, 1932–1992)

Ф. 1027. Оп. 8 (Новосибирский областной суд, 1925–1979)

Ф. 1177. Оп. 1 (Новосибирское областное управление печати, 1931–1937)

Ф. 1186. Оп. 1 (Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству, 1922–1948)

Ф. 1228. Оп. 3 (Объединенное государственное политическое управление)

Ф. 1366. Оп. 1 (Новосибирский областной отдел народного образования, 1934–1991)

Ф. 1418. Оп. 1 (Уполномоченный по делам религии при Совете министров, 1927–1974)

Ф. 1837. Оп. 1 (Западно-Сибирское краевое управление печати, 1938–1991)

Ф. 1959. Оп. 1 (Новосибирский окружной отдел народного образования, 1926–1930)

Ф. 11796. Оп. 1–5а (коллекция фотографий)

6. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО)

Ф. Р.2. Оп. 1 (Кемеровский городской отдел народного образования, 1923–1954)

Ф. Р.13. Оп. 1 (Кемеровский городской совет профессиональных союзов, 1929–1937)

Ф. Р.17. Оп. 1 (Кузнецкий окружной совет профессиональных союзов, 1926–1930)

Ф. Р.18. Оп. 1 (Кемеровский городской исполнительный комитет, 1921–1959)

Ф. Р.22. Оп. 1 (Кузнецкий окружной исполнительный комитет)

Ф. Р.64. Оп. 2 (Горно-Шорский районный исполнительный комитет)

Ф. П.1. Оп. 1, 4 (Анжеро-Судженский городской комитет ВКП(б))

Ф. П.8. Оп. 1 (Кузнецкий окружной комитет ВКП(б), 1924–1930)

Ф. П.15. Оп. 6 (Кемеровский городской комитет ВКП(б), 1922–1991)

Ф. П.26. Оп. 1 (Прокопьевский районный комитет ВКП(б))

Ф. П.47. Оп. 1 (Щегловский уездный комитет ВКП(б))

Ф. П. 51. Оп. 1 (Кузнецкий окружной комитет ВЛКСМ, 1920–1930)

Ф. П.53. Оп. 1 (Кемеровский городской комитет ВЛКСМ, 1937–1987)

Ф. П.74. Оп. 1 (Кузнецкий районный комитет ВКП(б), 1924–1991)

Ф. П.75. Оп. 1 (Кемеровский областной комитет ВКП(б))

Ф. П.483. Оп. 1 (воспоминания трудящихся Кузбасса)

7. Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (НФГАКО)

Ф. Р.1. Оп. 1 (Новокузнецкий городской исполнительный комитет, 1930–1959)

Ф. Р.17. Оп. 1 (Сталинский городской исполнительный комитет)

Ф. Р.137. Оп. 1 (воспоминания трудящихся города Новокузнецка)

Ф. П.1. Оп. 1 (Новокузнецкий городской комитет ВКП(б))

8. Собрания воспоминаний современников

Сибирский сельскохозяйственный машинный комбинат (Сибсельмаш): заводской архив, Новосибирск

Кузнецкий металлургический комбинат (КМК): музей предприятия с архивом истории КМК, Новокузнецк

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), Новосибирск

Сборники документов, рукописи, художественные произведения, мемуары, дневники, путевые заметки, справочники, иллюстрированные альбомы

Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств / под ред. В. П. Толстого, И. М. Бибиковой: В 2 т. М., 1984.

Агитация за счастье: Советское искусство сталинской эпохи / под ред. Х. Гаснера, Е. Петровой, Н. Шабалиной. Бремен, 1994.

Баратов Б. И. Праздник первой борозды. М., 1930.

Большая советская энциклопедия. М., 1951.

____ Т. 7. М., 1973.

____ Т. 12. М., 1973.

____ Т. 18. М., 1974.

Борисов В. В., Галлер А. П., Шилов П. З. Массовое действо — пер-
вомайский праздник 1932 г. М., 1932.

Бродянский Б. Шаги тысяч // Агитационно-массовое искусство.
Т. 2. 145–148.

Бюллетень Комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по орга-
низации и проведению празднования 10-летия Октябрьской револю-
ции. М, 1927.

Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. М., 1926.

Весь Воронеж: Справочная книга на 1924–1925 гг. Воронеж, 1924.

Возьминский А. Как проводился «праздник урожая» // Праздник
урожая. С. 69–80.

Волков Н. Искусство массового действа // Современный театр.
1929. № 36. С. 470–471.

Воронеж в кармане: Справочная книжка на 1925 год. Воронеж,
1925.

Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–
1941 гг.). Новосибирск, 1980.

Вяткин В. Победа над водкой. Новосибирск, 1931.

Гаврилов А., Зеленко А. Гулянье. Организация. Сценарии празд-
ника. Спортивные развлечения. Организованные игры и пляски.
Массовая инсценировка. М., 1928.

Гвоздев А. А. Массовые празднества на Западе // Массовые празд-
нества. 1926. С. 5–52.

____ Проблема народности в истории театра // Народное творчест-
во. 1938. № 10–11. С. 37–46.

Генкин Д. М. Массовые праздники. М., 1975.

Генкин Д., Конович А. Массовые театрализованные праздники и
представления. М., 1985.

Глан Б. Н. Ударно работать — культурно отдыхать. М., 1933.

- ___ Парк культуры и отдыха в колхозе. М., 1934.
- ___ Детские парки Москвы. М., 1936.
- Глязер С. Детские сады и парки. М., 1937.
- ___ Народные празднества. В помощь организатору и оформителю Первомайского праздника. М., 1938.
- Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. Воронеж, 1903.
- Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. СПб., 1903–1909.
- Данилевский М. Праздники общественного быта. Торжественные заседания, октябрины, годовщины. Организация, методика, практика. М., 1927.
- ___ Улица и площадь в Октябрьские дни: Сценарии массовых действий и методика их проведения. М., 1927.
- Докукин В. Воронеж. Воронеж, 1938.
- Дынин В. И. Когда расцветает папоротник (Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX–XX веков). Воронеж, 1999.
- Евреинов Н. Н. Взятие Зимнего // Агитационно-массовое искусство. Т. 2. С. 114–115.
- Елизаров И. Я. Праздники настоящего и праздники прошлого. Религиозные и общественные праздники. Л., 1926.
- ___ Нужен ли рабочим праздник рождества? Материалы к антирождественской кампании. Л., 1929.
- Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию: Пособие для Октябрьских комиссий. М., 1927.
- Журавлев С. В., Соколов А. К. «Счастливое детство» // Социальная история: Ежегодник. С. 159–202.
- Захаров И. П. Сказания русского народа: Народный календарь. М., 1990.
- Зебзеева А. Пермь. Поэма о городе. Историческая, героическая, лирическая. Пермь, 1998.
- Извеков Н. П. Введение // Массовые празднества. 1926. С. 3–4.
- ___ Первое Мая 1925 г. // Массовые празднества. 1926. С. 106–129.
- ___ Приемы изучения массового праздника // Проблемы социологии искусства. С. 130–138.
- История Кузнецкого металлургического комбината имени В. И. Ленина / под ред. Б. Н. Жеребина. М., 1973.
- Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.
- Календарь коммуниста на 1923 год. М., 1922.
- Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. М., 2000.

- Катаев В. Время, вперед! М., 1932.
- Керженцев В. После праздника // Искусство трудящимся. 1918. С. 3.
- _____. Революция и театр. М., 1918.
- _____. Упрек художникам // Агитационно-массовое искусство. Т. 2. С. 83–84.
- Керженцев П. М. Искусство на улице // Творчество. 1918. № 3. С. 12–13.
- _____. Творческий театр. Пг., 1920.
- Ковалев Ф. Календарь религиозных праздников. Происхождение, бытовые особенности и классовое значение праздников. Харьков, 1930.
- Колесникова В. Русские православные праздники. М., 1995.
- Кольцов М. Испанский дневник // Кольцов М. Избр. произведения. М., 1957. Т. 3.
- Кораллов М. М. Театр Гулага: Воспоминания, очерки. М., 1995.
- Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1959. Т. 7.
- _____. Праздник урожая // Правда. 1923. 28 авг.
- Кугель А. Массовки // Искусство трудящимся. 1924. № 1. С. 13–15.
- Кузнецов Е. Под открытым небом. Петербургские массовые постановки // Вестник театра. 1920. № 71. С. 7–8; № 80–81. С. 20–23.
- Кузнецова А., Пагидсон А., Шукин Ю. Оформление города в дни революционных празднеств. М., 1932.
- Кузьмин И. Значение «дня урожая» // Праздник урожая. С. 81–91.
- Курелла А. Какими должны быть наши пролетарские праздники // Революция и культура. 1928. № 17. С. 47–55.
- Лабунская Г., Эйсер А. С чем и как выходить на улицу. Оформление демонстрации. М., 1928.
- Ласточкин Н. А. Художественное оформление празднеств // Массовые празднества. 1926. С. 168–180.
- Ленин В. И. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 270–275.
- Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // ПСС. Т. 34. С. 315.
- Лисовский М. Октябрь в клубах: Сб. материалов к празднованию годовщины Октябрьской революции. М., 1927.
- Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М., 1981. Т. 1.
- _____. О народных празднествах // Речи и беседы пропагандиста. С. 3–6.
- _____. О театре и драматургии. Русский дореволюционный и советский театр. М., 1958. Т. 1.

Максимов С. В. Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники // Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986. С. 244–371.

Массовое действо, сценарии, игры: Труд 1-го коллектива массового действия ОСМКС. М., 1929.

Массовые песни. К десятилетию Октябрьской революции. Л., 1927.

Массовые празднества / под ред. Б. Юдина, Е. Щедрина, С. Беловусова. М., 1935.

Массовые празднества: Сб. Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926.

Материалы по проведению 10-й годовщины Октября в рабочем клубе, красном уголке и библиотеке. Изо-оформление Октябрьских празднеств / Московский губернский совет профессиональных союзов. М., 1927.

Машковцев Н. Г. Первая всенародная выставка // Рабочий мир. 1918. № 18. С. 34–35.

Мейерхольд В. Э. Доклад // О художественном оформлении демонстраций: Итоги общемосковского совещания изработников. М., 1932. С. 5–8.

Мелеск Х. Х., Ивашенко С. В., Левакова В. И. Новосибирск 100 лет: Историческо-географический атлас. Новосибирск, 1993.

Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб., 1994.

Мы вызываем // Искусство в массы. 1929. Вып. 5–6. С. 22–23.

Наши традиции. Православные непреходящие и переходящие праздники. М., 1999.

Неизвестная Россия. XX век. М., 1993.

Областной музей революции ЦЧО: Путеводитель по музею. Воронеж, 1930.

Обыденный НЭП. Сочинения и письма школьников 20-х гг. // Неизвестная Россия. Т. 3. С. 259–322.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949.

Окунев Н. П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990.

Опыт организации массового празднества / под ред. А. С. Гущина и др. М., 1931.

Оформление массовых празднеств за 15 лет диктатуры пролетариата. М., 1932.

Первое Мая 1932 г.: Сб. материалов. Л., 1932.

Пиотровский А. И. Хроника Ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. 1926. С. 53–84.

Пиотровский А., Бродский М. Майский карнавал // Первое Мая: Сб. материалов для клубов / под ред. Я. Нетупской. Л., 1925.

Письма во власть, 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / под ред. А. Я. Лившина, И. Б. Орлова, О. В. Хлевнюка. М., 2002.

План города Воронежа. Воронеж, 1936.

Подвойский Н. И., Орлинский А. П. Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников. М., 1927.

Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. / под ред. Н. Н. Покровского, С. Г. Петрова. М., 1997. Т. 1.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952 / под ред. Г. М. Адибекова, К. М. Андерсона, Л. А. Роговой. Т. 1: 1919–1929. М., 2000.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952 / под ред. Г. М. Адибекова, К. М. Андерсона, Л. А. Роговой. Т. 2: 1930–1939. М., 2001.

Праздник урожая / под ред. А. Возьминского, И. Кузьмина. М., 1924.

Проблемы социологии искусства: Сб. Л., 1926.

Против алкоголизма: Сб. материалов. М., 1929.

Протокол заседания губернской первомайской комиссии Московского комитета РКП(б) о праздновании 1 Мая 1923 г. в Москве // Агитационно-массовое искусство. Т. 2. С. 127–128.

Пумпянский Л. Октябрьские торжества и художники Петрограда // Агитационно-массовое искусство. Т. 2. С. 80–83.

Речи и беседы пропагандиста. Организация массовых народных празднеств: Сб. М., 1921.

Рощин Л. Возведение энтузиазма в степень // Искусство в массы. 1929. № 5–6. С. 28–30.

Рюмин Е. Массовые празднества. М., 1927.

Савицкий И. М., Кожихов О. В. Новосибирская область 60 лет: Фотоальбом. Новосибирск, 1997.

Семашко Н. А. На борьбу с пьянством. М., 1929.

Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1927–1929.

Сибирский крестьянский календарь на 1928 год. Новосибирск, 1928.

Сирвиндт Е., Траскович Ф., Гернет М. Проблемы преступности: Сб. М., 1927.

Смышляев В. Массовый театр и искусство // Речи и беседы пропагандиста. С. 6–10.

Социальная история: Ежегодник. М., 1997.

Сталин И. В. Год великого перелома // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1938. С. 288–298.

Сталин И. В. Жить стало лучше, жить стало веселее: Из речи на I Всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935) // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 1.

Степанова В. Человек не может без чуда. Письма, поэтические опыты, записки художницы. М., 1994.

Суслович П. П. Зритель массового праздника // Массовые празднества. 1926. С. 190–195.

Схема Воронежа (1910) // Фонд рукописей библиотеки им. Никитина. Воронеж. Без номер.

Тарадин И. Слобода Ровеньки // Воронежская деревня / под ред. Ф. Железнова. Воронеж, 1926. Т. 1. С. 111–119.

___ Золотое дно. Экономика, история, культура и быт волости Центрально-Черноземной области // Ежегодник Воронежского краеведческого общества. Воронеж, 1928.

13-я годовщина Красной армии в отряде и школе. Воронеж, 1931.

Устрялов Н. В. «Служить родине приходится костями...» Дневник Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6. С. 3–100.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2001.

Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого исследования одной деревни. Л., 1925.

Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции. Л., 1927.

___ Празднества революции. Л., 1931.

Чуковский К. Дневник: В 2 т. М., 2003.

Шабатин М. И. Рязань конца 30-х глазами молодого человека. Дневник учащегося Рязанского художественного училища Михаила Ивановича Шабатина за 1939 год // Страницы былого. Рязань, 1998. С. 186–208.

Шангина И. И., Баранова О. Г. Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002.

Школа и учительство Сибири (20-е — начало 30-х годов). Новосибирск, 1978.

Щедрин Е. Без самодеятельности нет массового празднества // Массовые празднества / под ред. Б. Юдина и др. С. 22–28.

Шукин Ю., Пагидсон А. Оформление массового празднества и демонстрации. М., 1932.

Энциклопедия российских праздников. СПб., 1997.

Юдин Б. Народные празднества. М., 1937.

___ Право на праздник // Массовые празднества / под ред. Б. Юдина и др. С. 3–21.

Ярославский Е. М. Крестьянство в день первого мая // Правда. 1926. 1 мая.

_____. Первое мая и крестьянство // Правда. 1926. 30 апр.

Ярославский Е., Путинцев Ф. Пасха. М., 1925.

Alexander Rodchenko. Photography 1924–1954 / hg. von A. Lavrentiev. Köln, 1995.

An American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934 / ed. M. Gleb. Berkeley, 1991.

Andreev-Khomiakov G. Bitter Waters. Life and Work in Stalin's Russia / ed. A. E. Healy. Boulder, 1997.

Arzhilovsky A. S. Diary // Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995. P. 111–165.

Babel I. Briefe 1925–1939 / hg. von G. Hacker. Münster, 1995.

Bachtin M. M. Rabelais und seine Welt. Volkskultur als Gegenkultur. Frankfurt/Main, 1995.

_____. Literatur und Karneval. Zur Romantheorie und Lachkultur. Frankfurt/Main, 1996.

Bogdanov A. A. Kritik der proletarischen Kunst // Parteilichkeit der Literatur oder Parteiliteratur? / hg. von H. C. Buch. Hamburg, 1972. S. 111–119.

Bolshevik Visions: First Phase of the Cultural Revolution in Soviet Russia / ed. W. G. Rosenberg. Ann Arbor, 1990.

Buber-Neumann M. Von Potsdam nach Moskau, Stationen eines Irrwegs. Frankfurt/Main, 1990.

Das Ausland: Das gemeinsame Lustwandeln in Russland. O. O., 1835.

Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalinzeit / hrsg. von V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. Berlin, 1998.

Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 / hg. von B. H. Bayerlein. Berlin, 2000.

Distelbarth P. Russland heute. Hamburg, 1954.

Engel B. A., Posadskaya-Vanderbeck A. A Revolution on Their Own. Voices of Women in Soviet History. Boulder, 1998.

Feuchtwanger L. Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freunde. Berlin, 1993.

Frolov I. D. Diary // Intimacy and Terror. P. 1–65.

Gelfand W. Deutschland-Tagebuch. Aufzeichnungen eines Rotarmisten / hg. von E. Scherstjanoi. Berlin, 2005.

Gide A. Zurück aus Sowjetrußland // Gide A. Gesammelte Werke in zwölf Bänden / hg. von R. Schnyd Theis, P. Schnyd Theis. Stuttgart, 1996. Bd. 6. S. 41–210.

Goebbels J. Die Tagebücher. Sämtliche Fragmente / hg. von E. Fröhlich. München, 1993–1996.

Gornung L. V. Diary // *Intimacy and Terror*. P. 99–109.

Graf O. M. Reise nach Sowjetrußland 1934. Berlin, 1979.

Guščin A. S. Entwicklungswege der Bildenden Massenkunst der Werktätigen // *Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus*. S. 454–458.

Hellbeck J. Tagebuch aus Moskau 1931–1939. München, 1996.

Herling G. Welt ohne Erbarmen. München, 2000.

Herzberg J. Beschreibenswerte Leben. Bäuerliche Biografik aus dem russischen Norden 1890–1930: Examensarbeit. Ruhr-Universität Bochum. Bochum, 2004.

Hippius S. Petersburger Tagebuch. Berlin, 1993.

Hitler A. Mein Kampf. München, 1935.

Im Blickpunkt unserer Epoche. Bilder sowjetischer Meisterfotografen / hg. von M. Bugajewa u. a. Leipzig, 1975.

In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000.

Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995.

Izmozik V. S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // *Russian Review*. 1996. Vol. 55. № 2. P. 287–308.

Kafka F. In der Strafkolonie // Kafka F. Gesammelte Werke. Erzählungen / hg. von M. Brod. Frankfurt/Main, 1989. S. 151–177.

Kennan G. ...und der Zar ist weit: Sibirien 1885. Berlin, 1975.

King D. Stalins Retuschen. Foto- und Kunstmanipulationen in der Sowjetunion. Hamburg, 1997.

Kirbardin G. Der Künstler im Kampf um den PromFinPlan. Die Gestaltung der Oktober-Feiern in Moskau // *Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus*. S. 462–463.

Kisch E. E. Zaren, Popen, Bolschewiken / hg. B. Uhse, G. Kisch. Berlin, 1989. Bd. 3.

Kogan P. S. The Theater as Tribune // *Bolshevik Visions*. P. 435–439.

Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. Lehrjahre eines Kommunisten. Göttingen, 1996.

Kosterina N. A. Tagebuch / hg. von H. von Ssachno. München, 1973.

Lask B. Kollektivdorf und Sowjetgut. Ein Reisetagebuch. Berlin, 1931.

Leder M. M. My Life in Stalinist Russia: An American Woman Looks Back / ed. L. Bernstein. Bloomington, 2001.

Lugovskaya N. S. The Diary of a Soviet Schoolgirl 1932–1937 / ed. J. Turnbull. Chicago, 2003.

Lunačarskij A. V. Die Revolution und die Kunst // Parteilichkeit der Literatur oder Parteiliteratur? / hg. von C. Buch. Hamburg, 1977. S. 119–123.

Lunatscharski A. Schlaglichter. Erlebnisse und Gestalten auf meinem Wege. Berlin, 1986. S. 194–198.

Makarenko A. S. Ein pädagogisches Poem. Berlin, 1976.

Mehnert K. Das zweite Volk meines Lebens. Berichte aus der Sowjetunion 1925–1983. Stuttgart, 1986.

Mussolini B. Ich rede mit Bruno. Essen, 1942.

Nabokow W. D. Petrograd 1917. Der kurze Sommer der Revolution. Berlin, 1992.

Nietzsche F. Nachgelassene Fragmente 1880–1882 / hg. von G. Montinari Colli, M. Montinari Colli. Berlin, 1988. Bd. 9.

Novickij P. Die künstlerische Gestaltung der Politikampagne zu den Neuwahlen des Moskauer Sowjets // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. S. 463–466.

Olescha Ju. Neid. Frankfurt/Main, 1978.

Papanin I. D. Das Leben auf einer Eisscholle. Tagebuch. Berlin, 1977.

Podlubnyj S. F. Tagebuch / hg. von J. Hellbeck. München, 1996.

Potyomkin L. A. Diary // Intimacy and Terror. P. 251–290.

Propaganda and Dreams. Photographing the 1930s in the USSR and the USA / ed. L. Bendavid-Val. New York, 1999.

Reed J. Zehn Tage die die Welt erschütterten. Berlin, 1988.

Roščin L. Eine Kunst, die Anerkennung fordert // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. S. 460–463.

Roth J. Reise nach Russland. Feuilletons, Reportagen, Tagebuchnotizen 1919–1930. Köln, 1995.

Saint-Exupéri A., de. 1. Mai // Europa erlesen / hg. von V. Jäger, E. Klein. Moskau; Klagenfurt, 1999. S. 163–165.

Scott J. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Cambridge, 1942.

Shaporina L. V. Diary // Intimacy and Terror. P. 333–381.

Shtange G. V. Diary // Intimacy and Terror. P. 167–217.

Smith H. K. Feind schreibt mit. Ein amerikanischer Korrespondent erlebt Nazi-Deutschland. Frankfurt/Main, 1986.

Solschenizyn A. Ein Tag im Leben des Iwan Denissowitsch. München, 1999.

Sowjetische Fotografen 1941–1945 / hg. von S. Morosow, A. Wartanow, G. Tschudakow. Leipzig, 1985.

Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents / eds. L. H. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven, 2000.

Stavsky V. P. Diary // Intimacy and Terror. P. 219–249.

Street Art of the Revolution. Festivals and Celebrations in Russia 1918–33 / eds. V. P. Tolstoj, I. M. Bibikova, C. Cooke. London, 1990.

Traumfabrik Kommunismus. Die visuelle Kunst der Stalinzeit / Dream Factory Communism. The Visual Culture of the Stalin Era / hg. von B. Groys, M. Hollen. Frankfurt/Main, 2003.

Tret'jakov S. Wie soll man den 10. Jahrestag der Revolution feiern? // Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. S. 458–459.

Trotzki L. Fragen des Alltagslebens. Dortmund, 1977.

____ Fragen des Alltagslebens. Essen, 2001.

____ Mein Leben. Versuch einer Autobiographie. Frankfurt/Main, 1981.

Wagner R. Das Kunstwerk der Zukunft. Leipzig, 1850.

Zwischen Revolutionskunst und Sozialistischem Realismus. Kunstdebatten in der Sowjetunion von 1917 bis 1934 / hg. von H. Gaßner, E. Gilen. Köln, 1979.

Литература

Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? М., 1992.

Булдаков Б. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.

Валиев Г. Х. Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: Автореф. Новосибирск, 2001.

Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинские лагеря в Кузбассе. Кемерово, 1997.

____ Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30–40-е гг.). Кемерово, 1994.

Генина Е. С. Репрессии против инженерно-технических работников Кузбасса в 1936 г. // Культура и интеллигенция Сибирской провинции в XX веке: Теория, история, практика / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2000. С. 186–188.

Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.

Гончаренко, Ю. И., Чиченков А. П. Под прессом «Великого перелома» // Русская провинция: Записки краеведов. Воронеж, 1992. С. 180–207.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.

Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. С. 31–40.

Журавлев С. В. Феномен «истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

Загоровский В. П. Воронеж: Историческая хроника. Воронеж, 1989.

Загоровский П. В. История Центрально-Черноземной области, 1928–1934: Источники и историография. Воронеж, 1997.

Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области, 1928–1934. Воронеж, 1995.

Зайцева А. А., Чернявская Е. Н., Старцева Т. С. Исторический очерк // Историко-культурное наследие Воронежа. Материал свода памятников истории и культуры Российской Федерации / под ред. Е. А. Шуленова, Е. Н. Чернявской, Т. С. Старцевой. Воронеж, 2000. С. 7–22.

Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: От государственного праздника к акции протеста // Сфинкс: Петербургский философский журнал. 1994. № 2. С. 76–99.

Зограф Н. Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века. М., 1996.

Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2001.

Исаев В. И. Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации. Новосибирск, 1996.

Исаев В. И., Валиев Г. Х. Социальные болезни сибирских городов в 1920-е гг. // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. С. 47–64.

Карпачев М. Д. Воронежский университет: Вехи истории. 1918–2003. Воронеж, 2003.

Келлер Е. Е. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001.

Киблицкий И. Красный свет в русском искусстве. СПб., 1997.

Кислицына А. Н. Массовые праздники в Петрограде в 1917–1922 гг. История организации и проведения: Автореф. СПб., 1999.

Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

Колобков М. Н. Новосибирск // БСЭ. Т. 18. М., 1974. С. 77–78.

Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

Красильников С. А. Интеллигенция в контексте квазигражданской войны в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Культура и интеллигенция Сибирской провинции в годы «Великого перелома»: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. С. 33–43.

_____. Культурное взаимодействие Сибирской провинции и центра в 1920–1930-е гг.: Некоторые итоги изучения проблемы // Культур-

ра и интеллигенция Сибирской провинции в XX веке: Теория, история, практика / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2000. С. 32–39.

___ Маргинальные группы в Сибири и их социокультурные характеристики в 20–30-е годы // Сибирская провинция и центр. С. 87–108.

___ Научная проработка и обеспечение крупнейших региональных народнохозяйственных проектов начала 30-х гг. (Сибирская часть Урало-Кузбасса) // Духовная культура народов Сибири: Традиции и новации / под ред. Н. Н. Покровского, С. А. Красильникова. Новосибирск, 2001. С. 70–84.

___ Хроника событий // Наша малая родина. С. 728–748.

Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города, 1920–1930 годы. СПб., 1999.

Левинсон А. Г. От древнего ритуала – к городским гуляньям // Традиционные формы досуга. С. 62–69.

Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.

Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.

Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х годов: Историография, источники / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2001.

Митюшин А. И., Угроватов А. П. Материальное положение сотрудников правоохранительных органов Сибири в 1920-е гг. // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. С. 65–81.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

___ «Пьяная революция»: Население и алкоголь на Урале в 1917 г. // Урал в событиях 1917–1921 гг.: Актуальные проблемы изучения / под ред. И. В. Нарского. Челябинск, 1999. С. 193–212.

Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 1997.

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. Л., 1984.

Немиро О. В город пришел праздник. Из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л., 1973.

Нефедова Т., Полян П., Трейвиш А. Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. М., 2001.

Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1999.

Панова В. П. История Воронежского края. Воронеж, 1997.

Паперный В. Культура «два». М., 1996.

Папков С. А. Сталинский террор в Сибири, 1928–1941. Новосибирск, 1997.

Пинкин В. И. Культурная миссия ссыльных «политиков» в провинции в 20-е гг.: Инерция традиции // Сибирская провинция и центр: Культурное взаимодействие в XX веке. С. 109–114.

Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX в. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 1999.

Пыльнев Ю. В. Педагогические учебные заведения Воронежской губернии в годы гражданской войны (1928–1921) // Из истории Воронежского края: Сб. статей. Воронеж, 2001. Т. 9. С. 110–116.

Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999.

Разинков А. П. Федоровцы в Воронежском крае // Из истории Воронежского края: Сб. статей. Воронеж, 2001. Т. 9. С. 127–135.

Рольф М. Инсценировки империи и репрезентации региональности: Спортивные парады и региональные праздники сталинской эпохи // Ab Imperio. 2006.

_____. Советский массовый праздник в Воронеже и Центрально-Черноземной области России, 1927–1932. Воронеж, 2000.

Рубцова А. О. Праздники и обряды: Теоретический курс. М., 1994.

Руднев В. А. Обряды народные и обряды церковные. Л., 1982.

Сальникова А. А. Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки: Девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история: Ежегодник. М., 2003. С. 411–435.

Сибирская провинция и центр: культурное взаимодействие в XX веке / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 1997.

Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века / под ред. Н. Н. Аблажей, С. С. Букина. Новосибирск, 2001.

Соцреалистический канон / под ред. Ч. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000.

Такала И. А. Веселье Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

Традиционные формы досуга: история и современность / под ред. М. Г. Казакевича. М., 1994.

Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.

Цимбаев К. Полтаве – 200 лет // Родина. 1999. № 12. С. 138–142.

Цимбаев К. Российская юбилейная культура как объект истории опыта // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2002. № 1. С. 138–142.

Чесноков Г. А. Архитектурно-планировочное развитие города Воронежа. Воронеж, 1998.

Чижикова Л. Н. Особенности этнокультурного развития населения Воронежской области // Советская этнография. 1984. № 3. С. 3–14.

Ackermann V. Nationale Totenfeiern in Deutschland. Von Wilhelm I. bis Franz Josef Strauß. Eine Studie zur politischen Semiotik. Stuttgart, 1990.

Albrecht G. Nationalsozialistische Filmpolitik: Eine soziologische Untersuchung über die Spielfilme des Dritten Reiches. Stuttgart, 1969.

Alewyn R., Sälzle K. Das große Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste in Dokument und Deutung. Hamburg, 1959.

Alexeyeva L., Goldberg P. The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Boston, 1990.

Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2002.

Althoff G. Demonstration und Inszenierung. Spielregeln der Kommunikation in mittelalterlicher Öffentlichkeit // Frühmittelalterliche Studien. 1993. H. 1. S. 27–50.

_____. Rituale – symbolische Kommunikation // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1999. H. 3. S. 140–154.

Altrichter H. Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984.

_____. Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997.

Anweiler O. Geschichte der Schule und Pädagogik in Russland. Vom Ende des Zarenreiches bis zum Beginn der Stalin-Ära. Berlin, 1978.

Applebaum A. Der GULAG. Berlin, 2003.

Aragno P. Futurismus und Faschismus. Die italienische Avantgarde und die Revolution // Faschismus und Avantgarde / hg. von R. Grimm, J. Hermand. Königstein/Ts., 1980. S. 83–91.

Ariés P. Die Geschichte der Mentalitäten // Die Rückeroberung des historischen Denkens / hg. von J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. Frankfurt/Main, 1994. S. 137–165.

Arnold S. R. «Das Beispiel der Heldenstadt wird ewig die Herzen der Völker erfüllen». Gedanken zum sowjetischen Totenkult am Beispiel des

Gedenkkomplexes in Volgograd // Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / hg. R. Koselleck, M. Jeismann. München, 1994. S. 351–374.

___ Gegängelte Helden: Propaganda in der Sowjetunion nach dem Zweiten Weltkrieg // Propaganda: Meinungskampf, Verführung und politische Sinnstiftung (1789–1989) / hg. von U. Daniel, W. Siemann. Frankfurt/Main, 1994. S. 147–160.

Aron R. Das Zeitalter der Tyranneien // Raymond Aron: Über Deutschland und den Nationalsozialismus. Frühe politische Schriften 1930–1939 / hg. von J. Stark. Opladen, 1993. S. 186–208.

Assmann A. Zeit und Tradition. Kulturelle Strategien der Dauer. Köln, 1999.

Assmann J. Der zweidimensionale Mensch: das Fest als Medium des kollektiven Gedächtnisses // Das Fest und das Heilige. S. 13–33.

___ Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1997.

A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / eds. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001.

Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spätphase des Zarenreiches / hg. von H. Haumann, S. Plaggenborg. Frankfurt/Main, 1994.

Avantgarde II, 1924–1937. Sowjetische Architektur / hg. von S. O. Chan-Magomedov. Stuttgart, 1993.

Avenarius T., Hujer M. Ein Fest der Gesten // Süddeutsche Zeitung. 2003. 2. Juni. S. 3.

Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. Politische Symbole im öffentlichen Leben der DDR. Gerlingen, 1991.

Baberowski J. Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1999. № 47. H. 3. S. 482–503.

___ Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003.

___ Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003.

___ Die Entdeckung des Unbekannten: Russland und das Ende Osteuropas // Geschichte ist immer Gegenwart. Vier Thesen zur Zeitgeschichte / hg. von J. Baberowski u. a. Stuttgart, 2001. S. 9–42.

___ Zivilisation der Gewalt. Die kulturellen Ursprünge des Stalinismus. Antrittsvorlesung 10. Juli 2003. Berlin, 2005.

Bailes K. E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, 1978.

Barkhausen H., Reimers K. F. Erste Weihnachtsfeier der Reichsbahndirektion Berlin im Dritten Reich // Propaganda und Gegenpropaganda

im Film 1933–1945 / hg. von P. Kronlechner, P. Kubelka. Wien, 1972. S. 41–49.

Barrett J. R. Americanization from the Bottom up: Immigration and the Remaking of the Working Class in the United States, 1880–1930 // The Journal of the American History. 1992. Vol. 79. № 3. P. 996–1020.

Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Hamburg, 1992.

Bausinger H. «Ein Abwerfen der großen Last...» Gedanken zur städtischen Festkultur // Stadt und Fest. S. 251–267.

Becker H. Liturgie im Dienst der Macht. Nationalsozialistischer Totenkult als säkularisierte christliche Paschafeier // Totalitarismus und politische Religionen. Konzepte des Diktaturvergleichs / hg. von H. Maier, M. Schäfer. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 37–65.

Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945. Vierow bei Greifswald, 1996.

_____. Durch Opfer zur Erlösung. Feierpraxis im nationalsozialistischen Deutschland // Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland / hg. von S. Behrenbeck, A. Nützenadel. Köln, 2000. S. 149–170.

Behrenbeck S., Nützenadel A. Politische Feiern im Nationalstaat. Perspektiven eines Vergleichs zwischen Italien und Deutschland // Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland / hg. von S. Behrenbeck, A. Nützenadel. Köln, 2000. S. 9–26.

Behrends J. C. Besuch aus der Zukunft. Sowjetische Stachanow-Arbeiter in der DDR // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 195–204.

_____. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR (1944–1957). Köln, 2006.

_____. Soll und Haben. Freundschaftsdiskurs und Vertrauensressourcen in der staatssozialistischen Diktatur // Vertrauen. Historische Annäherungen / hg. von U. Frevert. Göttingen, 2003. S. 336–364.

_____. Sowjetische «Freunde» und fremde «Russen». Deutsch-Sowjetische Freundschaft zwischen Ideologie und Alltag (1949–1990) // Fremde und Fremd-Sein in der DDR. Zu historischen Ursachen der Fremdenfeindlichkeit in Ostdeutschland / hg. von J. C. Behrends, T. Lindenberger, P. Poutrus. Berlin, 2003. S. 75–98.

Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Drei Studien zur Kunstsoziologie. Nachwort. Frankfurt/Main, 1996.

Benton T. Das Römische Reich entsteht wieder. Architektur // Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 120–129.

Benz W. Die Juden im Dritten Reich // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / hg. von K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1993. S. 273–290.

Berezin M. Making the Fascist Self. The Political Culture of Interwar Italy. Ithaca, 1997.

____ The Festival State: Celebration and Commemoration in Fascist Italy // Journal of Modern European History. 2006. Vol. 3. № 1.

Berger P. L., Luckmann T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt/Main, 1999.

Berlin – Moskau / Moskau – Berlin, 1900–1950, Ausstellungskatalog / hg. von I. Antonowa, J. Merkert. München, 1995.

Beyrau D. Einführung // Im Dschungel der Macht: Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / hg. von D. Beyrau. Göttingen, 2000. S. 9–42.

____ Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1993.

____ Macht und Öffentlichkeit im Sozialismus. Einführung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 161–162.

____ Russland und Europa // Reformen im Russland des 19. und 20. Jahrhunderts. Westliche Modelle und russische Erfahrungen / hg. von D. Beyrau, I. Čičurov, M. Stolleis. Frankfurt/Main, 1996. S. 1–24.

____ Schlachtfeld der Diktatoren. Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin. Göttingen, 2000.

Binder B., Kaschuba W., Niedermüller P. «Geschichtspolitik»: Zur Aktualität nationaler Identitätsdiskurse in europäischen Gesellschaften // Gesellschaften im Vergleich. Forschungen aus Sozial- und Geisteswissenschaften / hg. von H. Kaelble, J. Schriewer. Frankfurt/Main, 1998. S. 465–508.

Binner R., Junge M. Vernichtung der orthodoxen Geistlichen in der Sowjetunion in den Massenoperationen des Großen Terrors 1937–1938 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2004. № 52. H. 4. S. 515–533.

Binns C. Sowjetische Feste und Rituale, I // Osteuropa. 1979. № 29. H. 1. S. 12–21.

____ Sowjetische Feste und Rituale, II // Osteuropa. 1979. № 29. H. 2. S. 110–122.

____ The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. I // Man. 1979. Vol. 14. № 4. P. 585–606.

____ The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. II // Man. 1979. Vol. 15. № 1. P. 170–187.

Blejwas S. A. *Realism in Polish Politics: Warsaw Positivism and National Survival in Nineteenth Century Poland*. New Haven, 1984.

Bloch M. *Apologie der Geschichte oder der Beruf des Historikers*. Stuttgart, 1980.

____ Für eine vergleichende Geschichtsschreibung der europäischen Gesellschaften // *Alles Gewordene hat Geschichte. Die Schule der «Annales» in ihren Texten 1929–1992* / hg. von M. Middell, S. Sammler. Leipzig, 1994. S. 121–167.

Blomqvist L. E. *Introduction // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe* / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 7–19.

Bodnar J. E. *Remaking America. Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century*. Princeton, 1992.

Bohn T. M. *Das «neue» Minsk – Aufbau einer sozialistischen Stadt nach dem Zweiten Weltkrieg* // *Handbuch der Geschichte Weißrusslands* / hg. von D. Beyrau, R. Lindner. Göttingen, 2001. S. 319–333.

____ Feierte die russische Zarin den sozialistischen Frauentag? Reflexionen über Stalin in Efim Sadovskij's Tagebuch // *Individualität und Kollektivität. Der Mensch im östlichen Europa. Festschrift für Norbert Angermann zum 65. Geburtstag* / hg. von T. M. Bohn, K. Brüggemann, K. Maier. Hamburg, 2001. S. 341–354.

Bojko S. *Agit-Prop Art: The Streets Were Their Theater // The Avant-Garde in Russia, 1910–1930. New Perspectives* / eds. J. D'Andrea, S. West. Los Angeles, 1980. P. 72–76.

Bonds of Affection. Americans Define Their Patriotism / ed. J. E. Bodnar. Princeton, 1996.

Bonnell V. E. *Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley, 1997.

Bourdieu P. *Zur Soziologie der symbolischen Formen*. Frankfurt/Main, 1974.

____ *Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft*. Frankfurt/Main, 1996.

____ *Sozialer Sinn. Kritik der theoretischen Vernunft*. Frankfurt/Main, 1997.

Boym S. *Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, 1994.

Bradley J. *Muzhik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley, 1985.

____ *Voluntary Associations, Civil Culture, and Obshestvennost' in Moscow // Between Czar and People. Educated Society in Pre-revolu-*

tionary Russia / eds. E. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West, Princeton: 1991. P. 131–148.

Brandstetter G. Le Sacre du printemps. Choreographie und Ritual. Rituale heute. Theorien – Kontroversen – Entwürfe / hrsg. von C. Caduti, J. Pfaff-Czarnecka, Frankfurt/Main, 1999. S. 127–148.

Braun M. Vremja golovokruženja – Zeit des Schwindels. Der alkoholische Rausch als Geste kulturellen Beharrens in der Sowjetunion der 1920er und 1930er Jahre // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2003. № 51. H. 10. S. 896–911.

____ Sowjetische und traditionelle Feierkulturen im Vorkriegsstalinismus. Das Beispiel der zentrumsfernen Region Rjazan', 1927–1941. Magisterarbeit. Historisches Seminar der Universität Leipzig, Leipzig: 2004.

____ «Sozial gesehen sind die Bauern wie Kinder»: Zwischen Didaktik, Repräsentation und Traditionalisierung – Orthodoxes Ostern und Erster Mai im zentralrussischen Dorf, 1929–1941 // Journal of Modern European History, 2006, Vol. 3, № 1.

Brinkmann T. Charity on Parade. Chicago's Jews and the Construction of Ethnic and Civic «Gemeinschaft» in the 1860s – Celebrating Ethnicity and Nation. P. 157–173.

Brix E. Kontinuität und Wandel im öffentlichen Gedenken in den Staaten Mitteleuropas // Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa / hrsg. von E. Brix, H. Stekl, Wien, 1997. S. 13–21.

Brooks J. Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War, Princeton, 2000.

Brzoza C. Aus der Geschichte des 3. Mai-Gedenktages in Polen // Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa / hrsg. von E. Brix, H. Stekl, Wien, 1997. S. 217–230.

Bukowczyk J. J. Polish Americans. History Writing, and the Organization of Memory // Polish Americans and their History. Community, Culture, and Politics / ed. J. Bukowczyk, Pittsburgh, 1996. P. 1–38.

Bunke J. Höfische Körper – Höfische Kultur // Modernes Mittelalter. Neue Bilder einer populären Epoche / hrsg. von J. Heinze, Frankfurt/Main, 1994. S. 67–102.

____ Höfische Kultur. Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. Frankfurt/Main, 1997.

Bungert H. Demonstrating the Values of «Gemütlichkeit» and «Culture». The Festivals of German Americans in Milwaukee, 1870–1910 // Celebrating Ethnicity and Nation. P. 175–193.

Burds J. *Peasant Dreams and Market Politics. Labor Migration and the Russian Village, 1861- 1905*. Pittsburgh, 1998.

Burke P. *Kultureller Austausch*. Frankfurt/ Main, 2000.

Caduff C., Pfaff-Czarnecka J. Vorwort // *Rituale heute. Theorien - Kontroversen - Entwürfe* / hrsg. von C. Caduff, J. Pfaff-Czarnecka. Frankfurt/Main, 1999. S. 7-22.

Caillols R. *Der Mensch und das Heilige*. München, 1988.

Cannadine D. Introduction: *Divine Rites of Kings // Rituals of Royalty. Power and Ceremonial in Traditional Societies* / ed. D. Cannadine. S. Price. Cambridge, 1987. P. 1 -19.

_____. *The Context, Performace and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the «Invention of Tradition», c. 1820 -1977 // The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 101 - 164.

Caron J.-C. *Stolze Erinnerungen an das «Dritte Reich». Ein theatrales NS-Gedenkfest im Gau Westfalen-Nord und seine Wirkungsgeschichte bis in die 1990er Jahre* // *Westfälische Forschungen*. 2001. № 51. S. 283-308.

_____. *Von der Wallfahrt nach Nürnberg zum lokalen Reliquienkult: Die Rückkehr der Hagener SA vom Reichsparteitag im Jahr 1993* // *Das Dritte Reich im Fest*. Bd. 2. S. 221-228.

Cassirer E. *Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur*. Hamburg, 1996.

Castillo G. *Peoples at an Exhibition: Soviet Architecture and the National Question* // *South Atlantic Quarterly*. 1995. Vol. 94. № 3. P. 715-746.

Celebrating Ethnicity and Nation: American Festive Culture from the Revolution to the Early Twentieth Century / eds. G. Fabre, J. Heideking, K. Dreisbach. New York, 2001.

Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928-1941 / ed. E. A. Rees. Houndmills, 2002.

Ceremonies and Spectacles. Performing American Culture. European Contributions to American Studies / eds. T. Alves, T. Cid, H. Ickstadt. Amsterdam, 2000.

Chartier R. *Phantasie und Disziplin. Das Fest in Frankreich vom 15. bis 18. Jahrhundert* // *Volkskultur. Zur Wiederentdeckung des vergessenen Alltags* / hrsg. von R. van Dülmen, N. Schindler. Frankfurt/Main, 1984. S. 153-176.

Chase W. *Workers, Society, and the Soviet State. Labor and Life in Moscow, 1918-1929*. Urbana, 1990.

Chatterjee C. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910-1939*. Pittsburgh, 2002.

Christian D. Prohibition in Russia: 1914–1925 // Australian Slavonic and East European Studies. 1995. Vol. 9. № 2. P. 89–108.

Chulos C. J. Myth of the Pious or Pagan Peasant in Post-emancipation Central Russia (Voronezh Province) // Russian History / Histoire Russe. 1995. Vol. 22. № 2. P. 181–216.

Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, 1995.

— The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago, 1985.

Coen E. «Wider den platten Konformismus»: Giuseppe Bottai und die Kultur in der faschistischen Ära // Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 178–181.

Corbin A. Auf den Spuren eines Unbekannten. Ein Historiker rekonstruiert ein ganz gewöhnliches Leben. Frankfurt/Main, 1999.

Corney F. C. Narratives of October and the Issue of Legitimacy // Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Basingstoke, 2000. P. 185–203.

— Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, 2004.

Corrsin S. D. Poles and Jews in a Conquered City // The City in Late Imperial Russia / ed. M. F. Hamm. Bloomington, 1986. S. 123–151.

— Warsaw before the First World War. Poles and Jews in the Third City of the Russian Empire 1880–1914. Boulder, 1989.

Cronin M., Adair D. The Wearing of the Green. A History of St. Patrick's Day. New York, 2002.

Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia / eds. S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, 1994.

Curtiss J. S. The Russian Church and the Soviet State. Boston, 1953.

Dabrowski P. M. Folk, Faith and Fatherland: Defining the Polish Nation in 1883 // Nationalities Papers. 2001. Vol. 28. № 3. P. 397–416.

Dahlke S. Kampagnen für Gottlosigkeit: Zum Zusammenhang zwischen Legitimation, Mobilisierung und Partizipation in der Sowjetunion der 1920er Jahre // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 172–185.

Danyel J. Politische Rituale als Sowjetimporte // Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970 / hg. von K. H. Jarausch, H. Siegrist. Frankfurt/Main, 1997. S. 67–88.

Das Dritte Reich im Fest. Führermythos, Feierlaune und Verweigerung in Westfalen 1933–1945 / hg. von W. Freitag. Bielefeld, 1997.

Das Fest. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Gegenwart / hg. von U. Schultz. München, 1988.

Das Fest und das Heilige. Religiöse Kontrapunkte zur Alltagswelt / hg. von J. Assmann, T. Sundermeier. Gütersloh, 1991.

David-Fox M. From Illusory «Society» to Intellectual «Public»: VOKS, International Travel, and Party-Intelligentsia Relations in the Interwar Period // *Contemporary European History*. 2002. Vol. 11. № 1. P. 7–32.

Davies R. Changing Economic Systems: An Overview // *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / eds. R. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 1–23.

Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.

Davies W. E. Patriotism on Parade. The Story of Veteran's and Hereditary Organizations in America 1783–1900. Cambridge, Mass., 1955.

Davis S. G. Parades and Power. Street Theatre in Nineteenth-Century Philadelphia. Philadelphia, 1986.

Deák F. Russian Mass Spectacles // *The Drama Review*. 1975. Vol. 19. № 2. P. 7–22.

Der neue Mensch. Obsessionen des 20. Jahrhunderts / hg. von N. Lepp. Dresden, 1999.

Deschamps B. Italian-Americans and Columbus Day. A Quest for Consensus between National and Group Identity, 1840–1910 // *Celebrating Ethnicity and Nation*. P. 124–139.

Die Wirklichkeit der Symbole. Grundlagen der Kommunikation in historischen und gegenwärtigen Gesellschaften / hg. von R. Schlögl, B. Giesen, J. Ostermann. Konstanz, 2004.

Dillmann E. Sozialer Raum zwischen Mikro- und Makrohistorie. Versuch methodologischer Klärungen aus der Erfahrung regionalgeschichtlicher Arbeit // *Regionales Prisma der Vergangenheit. Perspektiven der modernen Regionalgeschichte (19./20. Jahrhundert)* / hrsg. von E. Dillmann. St. Ingbert, 1996. S. 389–408.

Diner D. Gedächtnis und Erkenntnis // *Osteuropa*. 2000. № 50. H. 6. S. 698–708.

Dolbilov M. Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s // *Kritika*. 2004. Vol. 5. № 2. P. 245–272.

Doosry Y. Die sakrale Dimension des Reichsparteitagsgeländes in Nürnberg // *Politische Religion – religiöse Politik* / hg. von R. Faber. Würzburg, 1997. S. 205–224.

Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Herrmannsmythos. Opladen, 1995.

____ Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Herrmannsmythos: Zur Entstehung des Nationalbewusstseins der Deutschen. Hamburg, 1996.

Douglas M. Ritual, Reinheit und Gefährdung // Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch / hrsg. von A. Belliger, D. J. Krieger. Opladen, 1998. S. 77–97.

Düding D. Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808–1847). Bedeutung und Funktion der Turner- und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung. München, 1984.

Dunn S. P., Dunn E. The Peasants of Central Russia. New York, 1967.

Durkheim É. Die elementaren Formen des religiösen Lebens. Frankfurt/Main, 1994.

Dyck K., Joost-Krüger J. «Unsrer Zukunft eine Gasse!» Eine Lokalgeschichte der Bremer Maifeiern // «100 Jahre Zukunft». S. 191–257.

Eco U. Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen. München, 1991.

Edelman M. J. Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence. Chicago, 1971.

____ Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt/Main, 1990.

____ The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1967.

Edelman R. Serious Fun. A History of Spectator Sports in the U.S.S.R. New York, 1993.

Edwards D. W. Religious Aspects of Monumental Propaganda in 1918 // Canadian-American Slavic Studies. 1992. Vol. 26. № 1–3. P. 29–62.

Egnell I. New Year Festivals // The Myth and Ritual Theory. An Anthology / ed. R. A. Segal. Malden, 1998. P. 136–140.

Eichberg H. Thing-, Fest- und Weihespiel in Nationalsozialismus, Arbeiterkultur und Olympismus. Zur Geschichte des politischen Verhaltens in der Epoche des Faschismus // Massenspiele. NS-Thingspiel, Arbeiterweihespiel und olympisches Zeremoniell / hg. von H. Eichberg u. a. Stuttgart; Bad Cannstadt, 1977. S. 19–180.

Eichwede W. «Archipel Samizdat» // Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: Die 60er bis 80er Jahre / hg. von W. Eichwede. Bremen, 2000. S. 8–19.

____ Stalinismus und Modernisierung // Osteuropa. 1992. № 42. H. 8. S. 1029–1036.

Eliade M. Myth and Reality // The Myth and Ritual Theory. An Anthology / ed. R. A. Segal. Malden, Mass., 1998. S. 180–190.

____ Symbolism, the Sacred, and the Arts. New York, 1986.

Elias N. Die höfische Kultur. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Frankfurt/Main, 1983.

____ Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchung. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Frankfurt/Main, 1995. Bd. 1.

Elliot D. Der Kampf um die Kunst // Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 30–35.

Elsner T., von. Kaisertage. Die Hamburger und das Wilhelminische Deutschland im Spiegel der öffentlichen Festkultur. Frankfurt/Main, 1991.

Engel C. Mazurka razdalas'... Erzähl- und Motivfunktionen von Ballszenen in der russischen Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts // Prazdnik. Von Festen und Feiern in den slavischen Literaturen / hg. von A. Leitner, D. Burkhart. Frankfurt/Main, 1999. S. 35–53.

Engelhard K. Bier kontra Wodka: Die Brauerei von Tschita // ARD-Hörfunkstudio Moskau. 2003. 25. August.

Ennker B. Leninkult und mythisches Denken in der sowjetischen Öffentlichkeit 1924 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. № 44. H. 3. S. 431–455.

____ Politische Herrschaft und Stalinkult 1929–1939 // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte. S. 151–184.

Erren L. Die großen Industrieneubauten des ersten Fünfjahrplans und das Scheitern der «Sozialistischen Stadt» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 4. S. 577–596.

Fabre G., Heideking J. Introduction // Celebrating Ethnicity and Nation. P. 1–24.

Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958.

Falasca-Zamponi S. Fascist Spectacle. The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy. Berkeley, 1997.

Faraldo J. M. Teutonic Knights and Polish Identity: National Narratives, Self-Images and Socialist Public Sphere // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 279–306.

Fasce F. Advertising America, Constructing the Nation: Rituals of the Homefront during the Great War // Ceremonies and Spectacles. P. 161–174.

Faszination und Gewalt. Zur politischen Ästhetik des Nationalsozialismus / hg. von B. Ogan, W. W. Weiß. Nürnberg, 1992.

Ferro M. Nikolaus II. Der letzte Zar. Eine Biographie. Zürich, 1991.

Fest J. C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1974.

____ Speer. Eine Biographie. Berlin, 1999.

Feste und Feiern im Mittelalter / hg. von D. Altenburg, J. Jarnut, H.-H. Steinhoff. Sigmaringen, 1991.

Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century / ed. K. Friedrich. Lewiston, 2000.

Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989.

____ Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891 bis 1924. Berlin, 1998.

____ Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. New York, 2002.

Figes O., Kolonitskij B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999.

Fischer-Lichte E. Inszenierung und Theatralität // Inszenierungsgesellschaft. S. 81–90.

Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979.

____ Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York, 1999.

____ Happiness and *Toska*: An Essay in the History of Emotions in Pre-war Soviet Russia // Australian Journal of Politics and History. 2004. Vol. 50. № 3. P. 357–371.

____ How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces // The Stalinist Dictatorship / ed. C. Ward. London, 1998. P. 277–302.

____ Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994.

Flügel A. Chancen der Regionalgeschichte // Regionales Prisma der Vergangenheit. Perspektiven der modernen Regionalgeschichte (19./20. Jahrhundert) / hg. von E. Dillmann. St. Ingbert, 1996. S. 25–45.

____ Der Ort der Regionalgeschichte in der neuzeitlichen Geschichte // Kultur und Staat in der Provinz / hg. von S. Brakensiek, A. Flügel. F. Werner. Bielefeld, 1992. S. 1–28.

Foucault M. Der Wille zum Wissen. Sexualität und Wahrheit. Frankfurt/Main, 1997. Bd. 1.

François E., Siegrist H., Vogel J. Die Nation. Vorstellungen, Inszenierungen, Emotionen // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im

Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert / hg. E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 13–35.

Fraquelli S. Alle Wege führen nach Rom // Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 130–136.

Freeze G. L. The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 209–232.

Freitag W. Der Führermythos im Fest. Festfeuerwerk, NS-Liturgie, Dissens und «100% KdF-Stimmung» // Das Dritte Reich im Fest. S. 11–78.

Frezza D. The Self-Representation of Power: The «Light Golden Jubilee» in Honor of Thomas A. Edison at the Edge of the Great Depression // Ceremonies and Spectacles. P. 175–192.

Friedemann P. Mit wem zog die neue Zeit? Maidemonstrationen am Ende der Weimarer Republik aus regionalgeschichtlicher Perspektive // Massenmedium Straße. Zur Kulturgeschichte der Demonstration / hg. von B. J. Warneken. Frankfurt/Main, 1991. S. 182–201.

Friedrich C. J. Totalitäre Diktatur. Stuttgart, 1957.

Fülop-Miller R. Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjetrußland. Zürich, 1926.

Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. Die Stadt in den Strategien von Angreifern und Verteidigern. Paderborn, 2005.

Gebhardt W. Fest, Feier und Alltag. Über die gesellschaftliche Wirklichkeit des Menschen und ihre Deutung. Frankfurt/Main, 1987.

Geertz C. Centers, Kings, and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Rites of Power. Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages / ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 13–40.

Geldern J., von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993.

____ The Center and the Periphery: Cultural and Social Geography in the Mass Culture of the 1930s // New Directions in Soviet History / ed. S. White. Cambridge, 1992. P. 62–80.

Gennep A., van. Übergangsriten. Frankfurt/Main, 1986.

Gentile E. Die Sakralisierung der Politik // Wege in die Gewalt. Die modernen politischen Religionen / hg. von H. Maier. Frankfurt/Main, 2000. S. 166–182.

Gerassimova K. Public Spaces in the Communal Apartment // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cul-

tures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 165–193.

Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo, 1741–1932. Göttingen, 1999.

____ Sowjetische Landschaften als Panorama von Macht und Ohnmacht. Historische Spurensuche auf den «Großbaustellen» des Kommunismus und in der dörflichen Idylle // Historische Anthropologie. 2003. S. 72–100.

Gibas M. «Auferstanden aus Ruinen und der Zukunft zugewandt!» Politische Feier- und Gedenktage der DDR // Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland / hg. von S. Behrenbeck, A. Nützenadel. Köln, 2000. S. 191–220.

____ «Vorschlag für den ersten Mai: die Führung zieht am Volk vorbei!» Überlegungen zur Geschichte der Tribüne in der DDR // Deutschland Archiv. Zeitschrift für das vereinigte Deutschland. 1995. № 28. S. 481–494.

Gibas M., Gries R. Die Inszenierung des sozialistischen Deutschland. Geschichte und Dramaturgie der Dezennienfeiern in der DDR // Wiedergeburten. Zur Geschichte der runden Jahrestage in der DDR / hg. von M. Gibas u. a. Leipzig, 1999. S. 11–40.

Gießelmann R. Denkmal im sozialen Raum. Planung und Einweihung des Kaiser-Wilhelm-Denkmal 1888–1896 // Das Kaiser-Wilhelm-Denkmal 1896–1996 / hg. von B. Lissner. Bielefeld, 1998. S. 25–42.

Gill G. Changing Symbols: The Renovation of Moscow Place-Names // Russian Review. 2005. Vol. 64. № 3. P. 480–503.

____ Stalinism and Institutionalization: The Nature of Stalin's Regional Support // Essay on Revolutionary Culture and Stalinism / ed. J. W. Strong. Columbus, Ohio, 1990. P. 112–138.

____ The Origins of the Stalinist Political System. Cambridge, 1990.

Ginzburg C. Mikro-Historie. Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiß // Historische Anthropologie. 1993. H. 1. S. 169–192.

Glassberg D. American Historical Pageantry. The Uses of Tradition in the Early Twentieth Century. Chapel Hill, 1990.

____ Patriotism from the Ground up // Reviews in American History. 1993. Vol. 21. P. 1–7.

Gluckmann M. Essays on the Ritual of Social Relations. Manchester, 1962.

Goehrke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte: Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung // Forschungen zur europäischen Geschichte. 1978. № 25. S. 75–107.

Goltermann S. Körper der Nation. Habitusformierung und die Politik des Turnens 1860–1890. Göttingen, 1998.

Gorsen P., Knödler-Bunte E. Proletkult. Stuttgart, 1974.

Gorsuch A. E. NEP Be Damned! Young Militants in the 1920s and the Culture of Civil War // Russian Review. 1997. Vol. 56. № 4. P. 564–580.

___ Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, 2000.

Gorzka G. A. Bogdanov und der russische Proletkult. Theorie und Praxis einer sozialistischen Kulturrevolution. Frankfurt/Main, 1980.

Graeve I. Klassenauge versus Neues Sehen. Zur Rezeption sowjetischer Photographie in Berlin // Berlin – Moskau / Moskau – Berlin. S. 220–225.

Graham C. C. Leni Riefenstahl and Olympia. London, 1986.

Gregor U., Klejman N. Deutscher und Sowjetischer Film. Ein Dialog beider Filmkulturen // Berlin – Moskau / Moskau – Berlin. S. 199–203.

Grimes R. L. Typen ritueller Erfahrung // Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch / hg. von A. Belliger, D. J. Krieger. Opladen, 1998. S. 119–134.

Grodziski S. Nationalfeiertage und öffentliche Gedenktage Polens im 19. und 20. Jahrhundert // Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa / hg. von E. Brix, H. Stekl. Wien, 1997. S. 205–315.

Groys B. Die Erfindung Russlands. München, 1995.

___ Die gebaute Ideologie // Tyrannei des Schönen. S. 15–21.

Grünewald J. Baku und Odessa. Arbeiterkultur an der sowjetischen Peripherie (1920–30). Berlin, 2004.

Guesnet F. «Die beiden Bekenntnisse leben weit entfernt voneinander, sie kennen und schätzen sich gegenseitig nicht». Das Verhältnis von Juden und Deutschen im Spiegel ihrer Organisationen im Lodz des 19. Jahrhunderts // Polen, Deutsche, Juden in Lodz 1820–1939. S. 139–170.

___ Polnische Juden im 19. Jahrhundert. Lebensbedingungen, Rechtsnormen und Organisation im Wandel. Köln, 1998.

Günther H. Der Heldenmythos im Sozialistischen Realismus // Traumfabrik Kommunismus. S. 106–124.

___ Der sozialistische Übermensch. Maksim Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, 1993.

Häfner L. Städtische Eliten und ihre Selbstinszenierung. Die Dreihundertjahrfeier Saratovs 1891 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. № 48. H. 1. S. 17–40.

Hagen M. Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland 1906–1914. Wiesbaden, 1982.

____ Obshchestvennost': Formative Changes in Russian Society Before 1914 // Die russische Freiheit. Wege in ein paradoxes Thema / hg. von M. Hagen. Stuttgart, 2002. S. 124–136.

Halbwachs M. Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen. Frankfurt/Main, 1985.

Halfin I. From Darkness To Light. Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000.

____ Looking into the Oppositionists' Souls: Inquisition Communist Style // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 316–339.

____ Terror in My Soul. Cambridge, Mass., 2003.

Hamel C. Unter Stalin // Sankt Petersburg. Die gebaute Utopie // Die Zeitschrift der Kultur. 1998. H. 12. S. 73–77.

Hardtwig W. Nationsbildung und politische Mentalität. Denkmal und Fest im Kaiserreich // Hardtwig W. Geschichtskultur und Wissenschaft. München, 1990. S. 264–301.

Harris J. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999.

Harth D. Revolution und Mythos. Sieben Thesen zur Genesis und Geltung zweier Grundbegriffe historischen Denkens // Revolution und Mythos / hg. von D. Harth, J. Assmann. Frankfurt/Main, 1992. S. 9–35.

Hartmann W. Der historische Festzug. Zu Geschichte und Gegenwart europäischer Festkultur. Stuttgart, 1987.

Haspel M. Politischer Protestantismus und gesellschaftliche Transformation. Ein Vergleich der evangelischen Kirchen in der DDR und der schwarzen Kirchen in der Bürgerrechtsbewegung in den USA. Tübingen. 1997.

Hausmann G. Der zweite Frühling der Regionalgeschichte in Russland. Der Wolgaraum in der aktuellen Forschung // Regionalgeschichte in Europa. Methoden und Erträge der Forschung vom 16. bis 19. Jahrhundert / hg. von S. Brakensiek, A. Flügel. Paderborn, 2000. S. 95–122.

____ Die «kleinen» Themen und die «große» Geschichte. Neuere regionalgeschichtliche Arbeiten aus Russland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 4. S. 597–604.

____ Stadt und Gesellschaft im ausgehenden Zarenreich // Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches / hg. von G. Hausmann. Göttingen, 2002. S. 13–166.

Hebel U. J. Historical Bonding with an Expiring Heritage. Revisiting the Plymouth Tercentenary Festivities of 1920/1921 // Celebrating Ethnicity and Nation. P. 257–297.

Heeke M. Reisen zu den Sowjets. Zur Geschichte des ausländischen Tourismus in Russland 1921–1941. Münster, 2002.

Hehl U., von. Die Kirchen in der NS-Diktatur. Zwischen Anpassung, Selbstbehauptung und Widerstand // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / hg. von K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1993. S. 153–181.

Heideking J. Die Verfassungsfeiern von 1788. Das Ende der Amerikanischen Revolution und die Anfänge einer Nationalen Festkultur in den Vereinigten Staaten // Der Staat. 1995. № 34. H. 3. S. 391–413.

Heinzelmann H. Die Heilige Messe des Reichsparteitags. Zur Zeichensprache von Leni Riefenstahls «Triumph des Willens» // Faszination und Gewalt. S. 163–168.

Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: the Diary of Stepan Podlubnyi (1931–1939) // Stalinism. New Directions. P. 77–116.

_____. Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 275–290.

_____. Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia // Kritika. 2000. Vol. 1. № 1. P. 71–96.

_____. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 340–359.

_____. Writing a Diary in Stalin's Time. Cambridge, Mass., 2006.

_____. Writing the Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937 // Self and Story in Russian History / eds. L. Engelstein, S. Sandler. Ithaca, 2000. P. 69–93.

Hellberg-Hirn E. Imperial Places and Stories // Imperial and National Identities in the Pre-Revolutionary, Soviet and Post-Soviet Russia / eds. C. J. Chulos, J. Remy. Helsinki, 2002. P. 19–44.

Helmert G. Schule unter Stalin 1928 bis 1940. Über den Zusammenhang von Massenbildung und Herrschaftsinteressen. Berlin, 1994.

Herlihy P. The Alcoholic Empire. Vodka and Politics in Late Imperial Russia. Oxford, 2002.

_____. The Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking // Russian Review. 1991. Vol. 50. № 2. P. 131–147.

Heuel E. Vom Arbeitermai zum nationalsozialistischen Fest der Volksgemeinschaft // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1990. № 41. S. 241–249.

Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and Rhetoric of Crisis in 1917 // Provincial Landscapes. P. 14–35.

Hildermeier M. Die Russische Revolution 1905–1921. Frankfurt/Main, 1989.

_____. Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998.

_____. Revolution und Kultur. Der «Neue» Mensch in der frühen Sowjetunion // Jahrbuch des historischen Kollegs. 1996. S. 51–67.

_____. Rußland oder wie weit kam die Zivilgesellschaft? // Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West. Begriffe, Geschichte, Chancen / hg. von M. Hildermeier, J. Kocka, C. Conrad. Frankfurt/Main, 2000. S. 113–148.

Hinrichs E. Regionale Sozialgeschichte als Methode der modernen Geschichtswissenschaft // Regionalgeschichte, Probleme und Beispiele / hrsg. von E. Hinrichs, W. Norden. Hildesheim, 1980. S. 1–20.

Hinton D. B. The Films of Leni Riefenstahl. London, 1991.

Hirschbiegel J. Der Hof als soziales System // Mitteilungen der Residenzenkommission. 1993. № 3. H. 1. S. 11–25.

Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 263–307.

Hochgeschwender M. Ehre und Geschlecht: Strategien bei der Konstruktion nationaler Einheit nach dem Amerikanischen Bürgerkrieg // Kriegsniederlagen. Erfahrungen und Erinnerungen / hg. von H. Carl u. a. Berlin, 2004. S. 131–328.

Hockerts H. G. Mythos, Kult und Feste. München im Nationalsozialistischen «Feierjahr» // München – «Hauptstadt der Bewegung». Bayerns Metropole und der Nationalsozialismus / hg. von R. Bauer. München, 1993. S. 331–341.

Hoffmann D. L. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–41. Ithaca, 1994.

_____. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity. Ithaca, 2003.

_____. Urbanization and Social Change during Soviet Industrialization: In-Migration to Moscow, 1929–1937. Columbia, 1990.

Hoffmann G. Zur Funktion und Zeichenhaftigkeit des 1. Mai in der DDR // Ritualität in der Kommunikation der DDR / hg. von U. Fix. Frankfurt/Main, 1998. S. 51–100.

Hoffmann H. Mythos Olympia. Autonomie und Unterwerfung von Sport und Kultur. Berlin, 1993.

Hofmann A. R. Imageprobleme einer Antimetropole: Lodz 1900/1930 // Stadt und Öffentlichkeit in Ostmitteleuropa 1900–1939. Beiträge zur Entstehung moderner Urbanität zwischen Berlin, Charkiv, Tallinn

und Triest / hg. von A. R. Hofmann, A. V. Wendland. Stuttgart, 2002. S. 235–257.

Hofmann M. «Mit uns zieht die neue Zeit». Zur Programmatik sozialistischer Massenfeste // Wiedergeburten. Zur Geschichte der runden Jahrestage in der DDR / hg. von M. Gibas u. a. Leipzig, 1999. S. 41–51.

Holenstein A. Huldigung und Herrschaftszeremoniell // Zum Wandel von Zeremoniell und Gesellschaftsritualen in der Zeit der Aufklärung / hg. von K. Gereis. Hamburg, 1991 [=Aufklärung. Interdisziplinäre Halbjahresschrift zur Erforschung des 18. Jahrhunderts und seiner Wirkungsgeschichte. 1991. № 6]. S. 21–46.

Holquist P. «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // The Journal of Modern History. 1997. Vol. 69. № 3. P. 415–450.

_____. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002.

Hoock J. Regionalgeschichte als Methode. Das französische Beispiel // Kultur und Staat in der Provinz / hg. von S. Brakensiek, A. Flügel, F. Werner. Bielefeld, 1992. Bd. 2. S. 29–39.

Hosking G. Russland. Nation und Imperium 1552–1917. Berlin, 2000.

Hughes J. Stalinism in a Russian Province: A Study of Collectivization and Dekulakization in Siberia. Houndsmills, 1996.

_____. The Petrine Year: Anniversaries and Festivals in the Reign of Peter I (1682–1725) // Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century. P. 149–168.

Huizinga J. Homo Ludens. Vom Ursprung der Kultur im Spiel. Hamburg, 1956.

«100 Jahre Zukunft». Zur Geschichte des 1. Mai / hg. von I. Marßolek. Frankfurt/Main, 1990.

Hunt L. Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der Entwurf einer politischen Kultur. Frankfurt/Main, 1989.

Husband W. B. «Godless Communists». Atheism and Society in Soviet Russia. 1917–1932. DeKalb, 2000.

Inszenierungsgesellschaft. Ein einführendes Handbuch / hg. von H. Willems, M. Jurga. Opladen, 1998.

Izmozik V. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // Russian Review. 1996. Vol. 55. № 2. P. 287–308.

Jagschitz G. Filmpropaganda im Dritten Reich // Propaganda und Gegenpropaganda im Film 1933–1945 / hg. von P. Kronlechner, P. Kubelka. Wien, 1972. S. 19–39.

Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. Stanford, 2002.

Jaraus K. H., Siegrist H. Amerikanisierung und Sowjetisierung. Eine vergleichende Fragestellung zur deutsch-deutschen Nachkriegsgeschichte // Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970 / hg. von K. H. Jaraus, H. Siegrist. Frankfurt/Main, 1997. S. 11–48.

Jaworski R. Das geteilte Polen (1795–1918) // Eine kleine Geschichte Polens / hg. von R. Jaworski, C. Lübke, M. G. Müller. Frankfurt/Main, 2000.

Johanek P. Fest und Integration // Feste und Feiern im Mittelalter. S. 525–541.

Johnson R. E. Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, 1979.

Joravsky D. Cultural Revolution and the Fortress Mentality // Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution / eds. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985. P. 93–113.

Justus U. Literatur als Mythenfabrik. I. V. Stalin als literarische Figur in ausgewählten Werken der Stalinzeit. Bochum, 2004.

_____. Literatur als Mythenfabrik. I. V. Stalin als literarische Figur in ausgewählten Werken der Stalinzeit: Dissertation, elektronische Veröffentlichung. Universitäts-Bibliothek Bochum, 2004. URL: <http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtm/HSS/Diss/JustusUrsula/>

Kalnins B. Der sowjetische Propagandastaat. Das System und die Mittel der Massenbeeinflussung in der Sowjetunion. Stockholm, 1956.

Kang-Bohr Y. Das Gebiet Voronezh 1934–1941: Eine Fallstudie zum Stalinismus in der ländlichen Provinz: Dissertation. Ruhr-Universität Bochum. Bochum, 2004.

Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.

_____. The Ambiguities of Russification // Kritika. 2004. Vol. 5. № 2. P. 291–297.

Karl L. Der «Tag des Sieges» in der Sowjetunion: Inszenierung eines politischen Mythos: Magisterarbeit. Universität Tübingen. Tübingen, 1999.

Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Woronesch 1917–1919. Berlin, 2006.

Kasinec E., Wortman R. The Mythologie of Empire: Imperial Russian Coronation Album // Biblion: The Bulletin of the New York Public Library. 1992. Vol. 1. № 1. P. 77–100.

Kasus I. A. Die große Illusion. Der Generalplan zur Stadterneuerung Moskaus 1935 // Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945. S. 189–194.

Kaufmann I. Das dreihundertjährige Jubiläum des Hauses Romanov – Russland 1913: unveröffentlichte wissenschaftliche Hausarbeit. Freie Universität Berlin, 1996.

Keghel I., de. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch-sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003.

Keller U. Roosevelts Bildpropaganda im historischen und systematischen Vergleich // Führerbilder: Hitler, Mussolini, Roosevelt, Stalin in Fotografie und Film / hg. von M. Loiperdinger, R. Herz, U. Pohlmann. München, 1995. S. 135–165.

Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985.

Kershaw I. Der Hitler-Mythos. Führerkult und Volksmeinung. Stuttgart, 1999.

_____. Hitler 1889–1936. Stuttgart, 1998.

Kershaw I., Lewin M. Introduction // Stalinism and Nazism. P. 1–25.

Kertzer D. I. Ritual, Politics, and Power. New Haven, 1998.

_____. Ritual, Politik und Macht // Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch / hg. von A. Belliger, D. J. Krieger. Opladen, 1998. S. 365–390.

_____. The Hammer and Sickle in Court: Symbolic Struggle in the Italian Communist Party // Ritual and Semiotics / ed. J. R. Lindgren, J. Knaak. New York, 1997. P. 53–68.

Kharkhordin O. Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia // Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy / eds. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago, 1997. P. 333–363.

_____. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley, 1999.

Khlevniuk O. The First Generation of Stalinist «Party Generals» // Centre-Local Relations in the Stalinist State. P. 37–64.

Klein J. Belomorkanal: Literatur und Propaganda in der Stalinzeit // Zeitschrift für slavische Philologie. 1995/96. Bd. LV. S. 53–98.

Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, 1995.

Klimó Á., von. Nation, Confession, Geschichte. Zur nationalen Geschichtskultur Ungarns im europäischen Kontext (1860–1948). München, 2003.

Klimó Á., von. «Runde» Jahrestage in der DDR und Ungarn. Überlegungen zu einem Vergleich staatssozialistischer Gründungsfeiern // *Comparativ*. 2000. № 10. H. 2. S. 108–118.

Klimó Á., von. The King's Right Hand: A Hungarian National-Religious Holiday and the Conflict between the Communist Party and the Catholic Church (1945–48) // *Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century*. P. 343–362.

Klimó Á., von. Vom Mars bis an die Donau. Der Rittmeister Alexej Gussew // *Sozialistische Helden*. S. 220–234.

Klimó Á., von, Rolf M. Rausch und Diktatur // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2003. № 51. H. 10. S. 877–895.

Klotchkov K. Der lange Weg zum Fest. Die Geschichte der Moskauer Stadtgründungsfeier 1847 bis 1947. Berlin, 2005.

Kluge R.-D. Sibirien als kulturelle und literarische Provinz // *Sibirien: Ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem* / hg. von G. Lep-
tin. Berlin, 1986. S. 217–250.

Koch R. Fest oder Feier? Eine Bedeutungsanalyse // *Feste. Erscheinungs- und Ausdrucksformen, Hintergründe, Rezeption* / hg. von R. Beil-
harz, G. Frank. Weinheim, 1991. S. 29–40.

Kolsto P. Nationale Symbole in neuen Staaten. Zeichen von Einheit und Spaltung // *Osteuropa*. 2003. № 53. H. 7. S. 995–1014.

Konechnyi A. M. Shows for the People: Public Amusement Parks in Nineteenth-Century St. Petersburg // *Cultures in Flux*. P. 121–130.

Kopp A. L'architecture de la période stalinienne. Grenoble, 1978.

Kopperschmidt J. Zwischen Affirmation und Subversion. Einleitende Bemerkungen zur Theorie und Rhetorik des Festes // *Fest und Festrhetorik* / hg. von J. Kopperschmidt, H. Schanze. München, 1999. S. 9–21.

Korff G. «Heraus zum 1. Mai». Maibrauch zwischen Volkskultur, bürgerlicher Folklore und Arbeiterbewegung // *Volkskultur. Zur Wiederentdeckung des vergessenen Alltags (16–20. Jahrhundert)* / hg. von R. van Dülmen, N. Schindler. Frankfurt/Main, 1987. S. 246–281.

___ Seht die Zeichen, die Euch gelten. Fünf Bemerkungen zur Symbolgeschichte des 1. Mai // «100 Jahre Zukunft». S. 15–40.

Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt/Main, 2000.

Koslatschkow A. Bierkonsum in Russland – Von Wobla, Banja und einem umkämpften Markt // *WOSTOK*. 1998. H. 2. S. 70–73.

Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Kovalenko E. Relaxation and Leisure-Time Activity // Youth in the Soviet Union. A Collection of Articles. Bd. 51. München, 1959. P. 49–53.

Kracauer S. Das Ornament der Masse. Frankfurt/Main, 1977.

Kreis B. Das Verhältnis der Avantgarde zu Tradition und Sozialismus // Avantgarde II, 1924–1937. S. 92–119.

Krieger D., Belliger A. Einführung // Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch / hg. von A. Belliger, D. J. Krieger. Opladen, 1998. S. 3–33.

Krylova A. Beyond the Spontaneity-Consciousness Paradigm: «Class Instinct» as a Promising Category of Historical Analysis // Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 1. P. 1–23.

___ The «Generation not from This Universe»: The «New Soviet Person» in Life and Fiction: Неопубл. доклад на конференции «Historicizing Everyday Life under Communism: the USSR and the GDR», Zentrum für Zeithistorische Forschung, Potsdam (2000).

Kubik J. Polish May Day Celebrations in the 1970s and in 1981 // Polish Review. 1989. Vol. 34. № 2. P. 99–116.

___ The Power of Symbols against the Symbols of Power. The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland. Pennsylvania, 1994.

Kucher K. Der Gor'kij-Park: Freizeitkultur im Stalinismus 1928–1941. Köln, 2006.

___ Der Moskauer Kultur- und Erholungspark. Formen von Öffentlichkeit im Stalinismus der dreißiger Jahre // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 97–129.

Kühberger C. Braune Weihnacht. Die nationalsozialistische Vereinnahmung des Weihnachtsfestes // Bräuche im Salzburger Land, Zeitgeist—Lebenskonzepte—Rituale—Trends—Alternativen / hg. von L. Luidold, U. Kammerhofer-Aggermann. CD-ROM 1: «Im Winter und zur Weihnachtszeit». Salzburg, 2002.

___ Die vergessenen Städte Mussolinis. Faschistische Selbstdarstellung in den Retortenstädten des Diktators // Zeitgeschichte. 2002. № 29. H. 1. S. 25–35.

___ Faschistische Selbstdarstellung. Eine Retortenstadt des Faschismus als Bühne des Faschismus. Berlin, 2001.

___ Grenzen der Inszenierung. Die Störanfälligkeit von NS-Veranstaltungen in Österreich // Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereins. 2000. № 145. H. 1. S. 189–216.

____ Metaphern der Macht. Ein kultureller Vergleich der politischen Feste im faschistischen Italien und im nationalsozialistischen Deutschland. Münster, 2006.

____ Sexualisierter Rausch in der Diktatur. Geschlecht und Masse im italienischen Faschismus und deutschen Nationalismus // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2003. № 51. H. 10. S. 912–922.

Kunst und Macht im Europa der Diktatoren 1930 bis 1945, XXIII. Kunstaussstellung des Europarates / eds. D. Ades u. a. London, 1996.

Künzli A. Die Funktion des Symbols in der Politik // Welt der Symbole. Interdisziplinäre Aspekte des Symbolverständnisses / hg. von G. Benedetti, U. Rauchfleisch. Göttingen, 1989. S. 234–246.

Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland 1870 to 1990s. Cambridge, 1998.

____ Workers under Stalin: The Case of the Donbass // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinismus before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 79–98.

Lahusen T. How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca, 1997.

Landgrebe A. «Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden». Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden, 2003.

Lane C. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society – The Soviet Case. Cambridge, 1981.

Langewiesche D. Kulturelle Nationsbildung im Deutschland des 19. Jahrhunderts // Nation und Gesellschaft in Deutschland / hg. von M. Hettling, P. Nolte. München, 1992. S. 46–64.

Laube S. Fest, Religion und Erinnerung. Konfessionelles Gedächtnis in Bayern von 1804 bis 1917. München, 1999.

Lavrentiev A. Alexander Rodchenko, Photography 1924–1954. Köln, 1995.

Lehnert D., Megerle K. Politische Identität und nationale Gedenktage // Politische Identität und nationale Gedenktage. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik / hg. von D. Lehnert, K. Megerle. Opladen, 1989. S. 9–30.

Lemke M. Einleitung // Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953) / hg. von M. Lemke. Köln, 1999. S. 11–30.

Lenkevičiute J. Vilnius im Wandel. Prozesse der Wohnsegregation in einer ostmitteleuropäischen Hauptstadt. Universität Freiburg. Freiburg, 2004.

Lerch E. Die Maifeiern der Arbeiter im Kaiserreich // Öffentliche Festkultur. S. 352–372.

Le Roy Ladurie E. Karneval in Romans: Eine Revolte und ihr blutiges Ende 1579–1580. Stuttgart, 1982.

Les Lieux de Mémoire / Sous la dir. de P. Nora. Paris, 1984–1992.

Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / ed. P. Burke. Pennsylvania, 1992. P. 93–113.

Levitt M. C. Russian Literary Politics and the Pushkin Celebrations of 1880. Ithaca, 1989.

Lewin M. Popular Religion in Twentieth-Century Russia // The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia / ed. M. Lewin. Methuen, 1985. P. 57–71.

____ The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia. Methuen, 1985.

Ley M. Apokalyptische Bewegungen in der Moderne // Der Nationalsozialismus als Politische Religion / hg. von M. Ley, J. H. Schoeps. Bodenheim bei Mainz, 1997. S. 12–29.

Lill R. Geschichte Italiens in der Neuzeit. Darmstadt, 1988.

Lindner R. Das konservative Prinzip. Konservatismus und Nationalismus als Konstanten russischer Geschichte // Transition—Erosion—Reaktion. Zehn Jahre Transformation in Osteuropa / hg. von D. Schorkowitz. Frankfurt/Main, 2002. S. 189–206.

Linz J. J. Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion. Ersatzideologie gegen Ersatzreligion // Totalitarismus und Politische Religionen. Konzepte des Diktaturvergleichs / hg. von H. Maier. Paderborn, 1997. Bd. 1. S. 129–154.

Lissinna H. E. Nationale Sportfeste im nationalsozialistischen Deutschland. Mannheim, 1997.

Lockwood Smith S. From Peasants to Professionals: The Socialist-Realist Transformation of a Russian Folk Choir // Kritika. 2002. Vol. 3. № 3. P. 427–458.

Lokatis S. Sowjetisierung und Literaturpolitik. Von der Förderung zur Verstümmelung sowjetischer Literatur in der frühen DDR // Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970 / hg. von K. H. Jarausch, H. Siegrist. Frankfurt/Main, 1997. S. 361–386.

Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda // Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / hg. von K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1993. S. 291–314.

Lotmann Ju. M. Rußlands Adel. Eine Kulturgeschichte. Köln, 1997.

Löwe H.-D. Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right, 1900–1914 // *The Slavonic and East European Review*. 1998. Vol. 76. № 3. P. 441–466.

Lübbe H. Totalitarismus, Politische Religion, Anti-Religion // *Heilserwartung und Terror. Politische Religionen des 20. Jahrhunderts* / hg. von H. Lübbe. Düsseldorf, 1995. S. 7–14.

Lüdtke A. Alltagsgeschichte – ein Bericht von unterwegs // *Historische Anthropologie*. 2003. H. 2. S. 278–295.

_____. *Eigen-Sinn: Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus*. Hamburg, 1993.

_____. Einleitung: Was ist und wer treibt Alltagsgeschichte? // *Alltagsgeschichte: Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen* / hrsg. von A. Lüdtke. Frankfurt/Main, 1989. S. 9–47.

Maeder E. Partisanen und Poeten. Bürgerkrieg und Propaganda in einem sibirischen Dorf zu Beginn der zwanziger Jahre // *Forum für Osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2001. № 5. H. 1. S. 123–153.

_____. «Proletarisierung» der Bauern oder «zweite Leibeigenschaft»? Kollektivierung und Kolchossystem // *Utopie und Terror. Josef Stalin und seine Zeit* / hg. von E. Maeder, C. Lohm. Zürich, 2003. S. 85–101.

_____. «Umer – radujsja, a rodilsja – plač». Totenritual und Sowjetisierung in einem altgläubigen Dorf in Sibirien // *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / hg. von D. Weiss. Bern, 2000. S. 399–421.

Maier H. «Politische Religionen». Ein Konzept des Diktaturvergleichs // *Heilserwartung und Terror. Politische Religionen des 20. Jahrhunderts* / hg. von H. Lübbe. Düsseldorf, 1995. S. 94–112.

_____. «Politische Religionen». Möglichkeiten eines Begriffs // *Totalitarismus und Politische Religionen. Konzepte des Diktaturvergleichs* / hg. von H. Maier, M. Schäfer. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 299–310.

Maier R. Die Stachanow-Bewegung 1935–1938. Der Stachanowismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. Stuttgart, 1990.

Main I. National and Religious Holidays as the Clashing Point of the State, the Church and Opposition in Poland, 1944–1989: The Case of Lublin: Dissertation. Central European University. Budapest, 2002.

_____. The Weeping Virgin Mary and the Smiling Comrade Stalin: Polish Catholics and Communists in 1949 // *Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs* / *Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type*

Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 255–278.

Mally L. *Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Berkeley, 1990.

Malycha A. Die Illusion der Einheit – Kommunisten und Sozialdemokraten in den Landesverbänden der SED 1946–1951 // Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945–1970 / hg. von K. H. Jarausch, H. Siegrist. Frankfurt/Main, 1997. S. 81–117.

Manning R. T. *Bolshevik Without the Party: Sychevka in 1917* // Provincial Landscapes. P. 36–58.

Margolina S. *Wodka, Trinken und Macht in Russland*. Berlin, 2004.

Marling K. A. *George Washington Slept Here. Colonial Revivals and American Culture 1876–1986*. Cambridge, Mass., 1988.

Marquard O. *Moratorium des Alltags. Eine kleine Philosophie des Festes* // Das Fest / hg. von W. Haug, W. Warning. München, 1989. S. 684–691.

Marquardt E. *Feste und Feiern* // Ritualität in der Kommunikation der DDR / hg. von U. Fix. Frankfurt/Main, 1998. S. 1–43.

Marßolek I. Von Freiheitsgöttinnen, dem Riesen Proletariat und dem Aufzug der Massen. Der 1. Mai im Spiegel der sozialdemokratischen Maizeitungen // «100 Jahre Zukunft». S. 146–169.

Martin G. *Fest und Alltag. Bausteine zu einer Theorie des Festes*. Stuttgart, 1973.

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001.

Matter M. *Entpolitisierung durch Emotionalisierung. Deutscher Muttertag – Tag der Deutschen Mutter – Muttertag* // Symbole der Politik – Politik der Symbole / hg. von R. Voigt. Opladen, 1989. S. 123–136.

Maurer M. *Feste und Feiern als historischer Forschungsgegenstand* // Historische Zeitschrift. 1991. № 253. S. 101–130.

Mayer A. J. *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton, 2000.

McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939*. Oxford, 1998.

McConnell S. *Reading the Flag: A Reconsideration of Patriotic Cults of the 1890s* // Bonds of Affection. P. 102–119.

McDonald T. *A Peasant Rebellion in Stalin's Russia. The Pitelinskii Uprising, Riazan, 1930* // Contending with Stalinism. Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s / ed. L. Viola. Ithaca, 2002. P. 84–108.

McNeill W. H. *Keeping Together in Time. Dance and Drill in Human History*. Cambridge, Mass., 1995.

Mergel T. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik // Geschichte und Gesellschaft. 2002. № 28. S. 574–606.

Merkert J. Die Büchse der Pandora? Anmerkungen zum Umgang mit der Ästhetik der Macht im 20. Jahrhundert // Berlin – Moskau / Moskau – Berlin. S. 356–359.

Merl S. Bauern unter Stalin. Die Formierung des Sowjetischen Kolchossystems 1930–1941. Berlin, 1990.

____ Bilanz der Unterwerfung – die soziale und ökonomische Reorganisation des Dorfes // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 119–146.

Merridale C. Steinerne Nächte: Leiden und Sterben in Russland. München, 2001.

Meyer T. Von den Fallstricken der symbolischen Politik. Eine Nachbetrachtung zur Lafontaine-Gewerkschaftsdebatte // Symbole der Politik – Politik der Symbole / hrsg. von R. Voigt. Opladen, 1989. S. 39–54.

Michaels A. «Le rituel pour le rituel» oder wie sinnlos sind Rituale? // Rituale heute. Theorien—Kontroversen—Entwürfe / hg. von C. Caduff, J. Pfaff-Czarnecka. Frankfurt/Main, 1999. S. 23–48.

Mick C. Nationale Festkultur in Lemberg vor dem Ersten Weltkrieg // Identitätswandel und nationale Mobilisierung in Regionen ethnischer Diversität. Ein regionaler Vergleich zwischen Westpreußen und Galizien am Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts / hg. von R. Schattkowsky, M. G. Müller. Marburg, 2004. S. 113–132.

Middell M. Kulturtransfer und Historische Komparatistik – These zu ihrem Verhältnis // Comparative. 2000. Vol. 10. № 1. P. 7–41.

Miklautz E. Feste: Szenarien der Konstruktion kollektiver Identität // Fest und Festrhetorik / hg. von J. Kopperschmidt, H. Schanze. München, 1999. S. 193–206.

Miller A. The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest, 2003.

Miller F. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. Armonk, 1990.

Mironov B. N. Work and Rest in the Peasant Economy of European Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries / ed. I. Blanchard. Stuttgart, 1994. P. 55–64.

Mitchell A. Nationalfeiertage im Vergleich: Deutschland, Frankreich und die USA // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich

im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert / hg. von E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 396–401.

Mixter T. *The Hiring Market as Worker's Turf: Agricultural Laborers and the Mobilization of Collective Action in the Steppe Grainbelt of European Russia, 1853–1913* // *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921* / eds. E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991. P. 294–340.

Mommsen H. *Nationalsozialismus als Politische Religion* // *Totalitarismus und Politische Religionen. Konzepte des Diktaturvergleichs* / hg. von H. Maier, M. Schäfer. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 173–181.

Moore S. F., Myerhoff B. *Introduction: Secular Ritual: Forms and Meanings* // *Secular Ritual* / hg. von S. F. Moore, B. Myerhoff. Assen; Amsterdam, 1977. S. 3–24.

Moser D.-R. *Fastnacht und Fronleichnam als Gegenfeste. Festgestaltung und Festbrauch im liturgischen Kontext* // *Feste und Feiern im Mittelalter*. S. 359–379.

Mosse G. L. *Futurismus und Avantgarde* // *Faschismus und Avantgarde* / hg. von R. Grimm, J. Hermand. Königstein/Ts., 1980. S. 133–149.

_____. *Öffentliche Feiern: Grundlagen und Entwicklungen* // Mosse G. L. *Nationalisierung der Massen. Politische Symbolik und Massenbewegungen von den Befreiungskriegen bis zum Dritten Reich*. Frankfurt/Main, 1993. S. 91–121.

Mote V. L. *Siberia: Worlds Apart*. Boulder, 1998.

Münkler H. *Das kollektive Gedächtnis der DDR* // *Parteiauftrag*. S. 458–468.

_____. *Die Visibilität der Macht und die Strategien der Machtvisualisierung* // *Macht der Öffentlichkeit – Öffentlichkeit der Macht* / hg. von G. Göhler. Baden-Baden, 1995. S. 213–230.

Münkler H., Zimmering R. *Politische Mythen der DDR* // *Humboldt-Spektrum*. 1996. H. 3. S. 36–42.

Naimark N. *Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949*. Berlin, 1997.

Nathans B. *Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley, 2002.

Neuberger J. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley, 1993.

Neutatz D. *Die Moskauer Metro: von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935)*. Köln, 2001.

Newman S. P. *Parades and the Street. Festive Cultures in the Early American Republic*. Philadelphia, 1997.

Niethammer L. Fragen – Antworten – Fragen. Methodische Erfahrungen und Erwägungen zur Oral History // «Wir kriegen jetzt andere Zeiten». Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern / hg. von L. Niethammer, A. von Plato. Berlin, 1985. S. 392–445.

Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche: Action française, italienischer Faschismus, Nationalsozialismus. München, 1986.

Northrop D. T. Hujum. Unveiling Campaigns and Local Responses in Uzbekistan, 1927 // Provincial Landscapes. P. 125–145.

Nützenadel A. Staats- und Parteifeiern im faschistischen Italien // Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland / hg. von S. Behrenbeck, A. Nützenadel. Köln, 2000. S. 127–148.

Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg / hg. von D. Düding, P. Friedemann, P. Münch. Hamburg, 1988.

Ogan B., Weiß W. W. Faszination und Gewalt. Nürnberg und der Nationalsozialismus. Eine Ausstellung. Nürnberg, 1990.

O'Leary C. E. To Die For. The Paradox of American Patriotism. Princeton, 2000.

Oppitz M. Montageplan von Ritualen // Rituale heute. Theorien—Kontroversen—Entwürfe / hg. von C. Caduff, J. Pfaff-Czarnecka. Frankfurt / Main, 1999. S. 73–98.

Ostendorf B., Smith M. Jazz Funerals and the Second Line: African-American Celebration and Public Space in New Orleans // Ceremonies and Spectacles. P. 238–272.

Osterhammel J. Transferanalyse und Vergleich im Fernverhältnis // Vergleich und Transfer. Komparatistik in den Sozial-, Geschichts- und Kulturwissenschaften / hg. von H. Kaelble, J. Schriewer. Frankfurt/Main, 2003. S. 439–466.

Oswald I., Voronkov V. Licht an, Licht aus! «Öffentlichkeit» in der (post)sowjetischen Gesellschaft // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 37–61.

Ozouf M. Festivals and the French Revolution. Cambridge, Mass., 1988.

Papernyj V. Architecture in the Age of Stalin: Culture Two. New York, 2002.

Paravicini W. Die ritterlich-höfische Kultur des Mittelalters. München, 1994.

___ Zeremoniell und Raum. Sigmaringen, 1997.

Parteiauftrag: Ein neues Deutschland. Bilder, Rituale und Symbole der frühen DDR / hg. von D. Vorsteher. München, 1997.

Paszkiewicz P. Pod Berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie, 1815–1915. Warszawa, 1991.

Patel K. K. «Soldaten der Arbeit». Arbeitsdienste in Deutschland und den USA 1933–1945. Göttingen, 2003.

Paulmann J. Internationaler Vergleich und interkultureller Transfer // Historische Zeitschrift. 1998. № 267. H. 3. S. 649–685.

___ Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg. München, 2000.

Penter T. Odessa 1917. Revolution an der Peripherie. Köln, 2000.

Peris D. Storming the Heavens. The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca, 1998.

Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus / hg. von K. Heller, J. Plamper. Göttingen 2004.

Petrone K. «Life has become more joyous, comrades»: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000.

___ «Life has become more joyous, comrades»: Politics and Culture in Soviet Celebration: Dissertation. University of Michigan. Ann Arbor, 1994.

Petrov P. Dorffest in Raduil. Zur sozialistischen Umgestaltung eines religiösen Festes in einem bulgarischen Dorf // Das Dorf in Südosteuropa zwischen Tradition und Umbruch / hg. von F.-D. Grimm, K. Roth. Leipzig, 1997. S. 224–245.

___ Redefining the Village Community. Religious and Socialist Public Feasts in a Bulgarian Village // Bulgaria. Social and Cultural Landscapes / eds. C. Giordano, D. Kostova, E. Lohman-Minka. Fribourg, 2000. P. 213–230.

Phillips L. L. Bolsheviki and the Bottle. Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929. DeKalb, 2000.

___ Message in a Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900–1929 // Russian Review. 1997. Vol. 56. № 1. P. 25–43.

Pieper J. Zustimmung zur Welt. Eine Theorie des Festes. München, 1963.

Pietrow-Ennker B. Auf dem Weg zur Bürgergesellschaft? Modernisierungsprozesse in Lodz (1820–1914) // Polen, Deutsche, Juden in Lodz 1820–1939. S. 103–130.

Pioniere der sowjetischen Architektur. Der Weg zur neuen sowjetischen Architektur in den zwanziger und zu Beginn der dreißiger Jahre / hg. von S. O. Chan-Magomedov. Wien, 1983.

Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln, 1996.

_____. Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte. Berlin, 1998.

Plamper J. «The Hitlers Come and Go...», the Fuehrer Stays: Stalin's Cult in East Germany // *Personality Cults in Stalinism*. P. 301–329.

_____. The Stalin Cult. 2007, forthcoming.

Platvoet J. Das Ritual in pluralistischen Gesellschaften // *Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch* / hg. von A. Belliger, D. J. Krieger. Op-laden, 1998. S. 173–190.

Poerksen U. Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart, 1997.

Polen, Deutsche, Juden in Lodz 1820–1939. Eine schwierige Nachbarschaft / hg. von J. Hensel. Wiesbaden, 1999.

Politik und Kultur in der russischen Provinz: Nowgorod – Woronesh – Saratow – Jekaterinburg / hg. von G. Luchterhandt, S. Ryshenkov, A. Kusmin. Bremen, 1999. Bd. 7.

Poppe N. Die wirtschaftliche und kulturelle Erschließung Sibiriens // *Russlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Politik–Gesellschaft–Kultur 1894–1917* / hg. von G. Katkov u. a. Freiburg, 1970. S. 137–150.

Protte K. Zum Beispiel... der 1. Mai 1951 in Ost-Berlin. Agitation, staatliche Selbstdarstellung und Utopie // *Parteiauftrag*. S. 118–135.

Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power 1917–1953 / ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh, 2001.

Radkey O. H. The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920–1921. Stanford. 1976.

Raeithel G. Geschichte der nordamerikanischen Kultur. Vom Bürgerkrieg bis zum New Deal (1860–1930). Frankfurt/Main, 2002. Bd. 2.

Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War. Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, 2002.

_____. Raleigh D. J. Revolution on the Volga. 1917 in Saratov. Ithaca, 1986.

Raphael L. Diskurse, Lebenswelten und Felder: Implizite Vorannahmen über das soziale Handeln im 19. und 20. Jahrhundert // *Kulturgeschichte heute* / hg. von W. Hardtwig, H.-U. Wehler. Göttingen, 1996. S. 165–181.

Rausch und Diktatur / hg. von Á. von Klimó, M. Rolf. Frankfurt/Main, 2006.

Rees E. A. The Great Purges and the XVIII Party Congress of 1939 // Centre-Local Relations in the Stalinist State. P. 191–211.

Reichardt S. Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadrismo und in der deutschen SA. Köln, 2002.

Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. Frankfurt/Main, 1991.

Reimers K. F. Der Reichsparteitag als Instrument totaler Propaganda. Appell, Feier, Kult, Magie // Zeitschrift für Volkskunde. 1979. № 75. S. 216–228.

Ribbe W. Flaggenstreit und heiliger Hain. Bemerkungen zur nationalen Symbolik in der Weimarer Republik // Aus Theorie und Praxis der Geschichtswissenschaft. Festschrift für Hans Herzfeld zum 80. Geburtstag / hg. von D. Kunze. Berlin, 1972. S. 175–188.

Rieber A. J. The Sedimentary Society // Between Czar and People. Educated Society in Pre-revolutionary Russia / eds. E. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. Princeton, 1991. P. 343–366.

Rittersporn G. T. Between Revolution and Daily Routine: Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period // Sowjetjugend 1917–1941. S. 63–82.

___ Das Kollektivierte Dorf in der bäuerlichen Gegenkultur // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 147–168.

___ The Omnipresent Conspiracy: On the Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s // Stalinism: Its Nature and Aftermath. Essays in Honor of Moshe Lewin / eds. N. Lampert, G. T. Rittersporn. Houndmills, 1992. P. 101–120.

Rittersporn G. T., Rolf M., Behrends J. C. Von Schichten, Räumen und Sphären: Gibt es eine sowjetische Ordnung von Öffentlichkeiten? Einige Überlegungen in komparativer Perspektive // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 389–421.

Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881–1917. London, 1983.

Röhl J. C. G. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1988.

Rolf M. Constructing a Soviet Time. Bolshevik Festivals and Their Rivals during the First Five-Year Plan // Kritika. 2000. Vol. 1. № 3. P. 447–473.

___ «Das Leben ist leichter geworden»: Inszenierte Lebensstile zwischen 1927 und 1939 (Voronež) // Forum für Osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. № 6. H. 1. S. 147–175.

___ Die Feste der Macht und die Macht der Feste, Fest und Diktatur – zur Einleitung // Journal of Modern European History. 2006. Vol. 3. № 1.

___ Feiern in Zeiten der Kulturrevolution: Das Massenfest in der Sowjetunion (1917–1932) // Historische Anthropologie. 2005. № 13. H. 2. S. 149–176.

___ Feste der Einheit und Schauspiele der Partizipation – die Inszenierung von Öffentlichkeit in der Sowjetunion während des Ersten Fünfjahresplanes // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. H. 2. S. 163–171.

___ Feste des «roten Kalenders»: der Große Umbruch und die sowjetische Ordnung der Zeit // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2001. № 49. H. 2. S. 101–118.

___ Symbolpolitik im öffentlichen Raum – zu ihren Funktionen und Methoden in autoritären Systemen. Eine Problemskizze am Beispiel der DDR // Вестник Челябинского университета. 2002. № 1. С. 104–106.

___ The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk, and Kemerovo in the 1930s // Personality Cults in Stalinism. P. 197–206.

___ Working Towards the Centre: Leader Cults and Spatial Politics in Prewar Stalinism // The Leader Cult in Communist Dictatorships. P. 141–157.

___ Zwischen antikirchlichem Gegenfest und volksreligiöser Feiertradition. Festkultur, Religion und Stalinismus in Sowjetrußland vor dem Zweiten Weltkrieg // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2004. № 52. H. 4. S. 494–514.

Ross C. Celebrating Christmas in the Third Reich and GDR: Political Instrumentalization and Cultural Continuity under the German Dictatorships // Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century. P. 323–342.

Rossmann J. J. Weaver of Rebellion and Poet of Resistance: Kapiton Klepikov (1888–1933) and Shop-Floor Opposition to Bolshevik Rule // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. № 44. H. 3. S. 374–408.

Roubal P. From a Didactic Project to Consumption of a Ritual: Czechoslovak Spartakiads 1955–1990 // Journal of Modern European History. 2006. Vol. 3. № 1.

Ruck M. Vom Demonstrations- und Festtag der Arbeiterbewegung zum nationalen Feiertag des deutschen Volkes. Der 1. Mai im Dritten Reich und die Arbeiter // «100 Jahre Zukunft». S. 171–188.

Rüthers M. Öffentlicher Raum und gesellschaftliche Utopie. Stadtplanung, Kommunikation und Inszenierung von Macht in der Sowjetunion am Beispiel Moskaus zwischen 1917 und 1964 // Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003. S. 65–96.

Ryklin M. Räume des Jubels. Totalitarismus und Differenz. Frankfurt/Main, 2003.

Rytlewski R., Kraa D. Politische Rituale in der Sowjetunion und der DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1987. № 87. B. 3. S. 33–48.

Sadomskaya N. New Soviet Rituals and National Integration in the USSR // Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR / ed. H. R. Huttenbach. London, 1990. P. 94–120.

____ Soviet Anthropology and Contemporary Rituals // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31. № 2–3. P. 245–254.

Saldern A., von. Öffentlichkeiten in Diktaturen. Zu den Herrschaftspraktiken in Deutschland des 20. Jahrhunderts // Diktaturen in Deutschland – Vergleichsaspekte. Strukturen, Institutionen und Verhaltensweisen / hg. von G. Heydemann, H. Oberreuter. Bonn, 2003. S. 442–475.

Sarcinelli U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. Opladen, 1987.

Sartorti R. Arbeit oder Fest? Zur Geschichte des 1. Mai in der Sowjetunion // «100 Jahre Zukunft». S. 339–362.

____ Helden des Sozialismus in der Sowjetunion. Zur Einführung // Sozialistische Helden. S. 35–44.

____ Stalinism and Carnival: Organization and Aesthetics of Political Holidays // The Culture of the Stalin Period / ed. H. Guenther. Houndmills, 1990. P. 41–77.

Sauer B. Politische Inszenierung und die Visualisierung von Macht // Symbole und Rituale des Politischen. Ost- und Westeuropa im Vergleich / hg. von A. Pribersky, B. Unfried. Frankfurt/Main, 1999. S. 75–101.

Schattenberg S. Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren. München, 2002.

Schechner R. Ritual und Theater: Rekonstruktion von Verhalten // Ritualtheorien. Ein einführendes Handbuch / hg. von A. Belliger, D. J. Krieger. Opladen, 1998. S. 415–433.

Schedewie F. Selbstverwaltung und sozialer Wandel in der russischen Provinz. Bauern und Zemstvo in Voronezh, 1864–1914. Heidelberg, 2006.

Schellack F. Nationalfeiertage in Deutschland von 1871 bis 1945. Frankfurt/Main, 1990.

____ Sedan- und Kaisergeburtstagsfeste // Öffentliche Festkultur. S. 278–297.

Schenk F. B. Aleksandr Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis 1263–2000. Köln, 2004.

____ «Ein so guter Fürst darf nicht sterben!» Die Rehabilitierung und Verehrung Aleksandr Nevskijs in der UdSSR in den Jahren 1937/38 // Personality Cults in Stalinism. S. 391–413.

Scherrer J. Sowjetunion/Russland. Siegermythos versus Vergangenheitsaufarbeitung // Mythen der Nationen. 1945 – Arena der Erinnerungen / hg. von M. Flacke. Berlin, 2004. S. 619–670.

Schieder T. Das Deutsche Kaiserreich von 1871 als Nationalstaat. Göttingen, 1992.

____ Italien vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg // Geschichte Italiens / hg. von M. Seidmayer. Stuttgart, 1989. S. 447–498.

Schieffelin E. L. Problematizing Performance // Ritual, Performance, Media / ed. F. Hughes-Freeland. London, 1998. P. 194–207.

Schissler J. Symbolische Sicherheitspolitik. Die Bedeutung der KSZE-Schlußakte für die Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland. München, 1980.

Schlögel K. Der «zentrale Gor'kij Kultur- und Erholungspark» (CPKiO) in Moskau. Zur Frage des öffentlichen Raumes im Stalinismus // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 255–274.

____ Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921. Berlin, 1988.

____ Kommunalka – oder Kommunismus als Lebensform. Zu einer historischen Topographie der Sowjetunion // Historische Anthropologie. 1998. № 6. H. 4. S. 329–336.

____ Moskau – offene Stadt. Eine europäische Metropole. Reinbek, 1992.

Schlögl R. Symbole in der Kommunikation. Zur Einführung // Die Wirklichkeit der Symbole. S. 9–38.

Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. München, 1956.

Schmidt C. Das Shtetl aus neuer Sicht // Historische Zeitschrift. 2003. № 277. H. 1. S. 115–124.

_____. Neuere Literatur zur Geschichte der Juden in Litauen // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2001. № 50. H. 4. S. 439–453.

Schmidt T. Kalender und Gedächtnis. Erinnern im Rhythmus der Zeit. Göttingen, 2000.

Schmiechen-Ackermann D. Diktaturen im Vergleich. Darmstadt, 2002.

Schneider K. 100 Jahre nach Napoleon – Russlands gefeierte Kriegserfahrung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. № 49. H. 1. S. 45–66.

Schneider U. Politische Festkultur im 19. Jahrhundert. Die Rheinprovinz von der französischen Zeit bis zum Ende des ersten Weltkrieges (1806–1918). Essen, 1995.

Schneider W. Frauen unterm Hakenkreuz. Hamburg, 2001.

Schröder H.-H. Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtlicher Versuch über der Anfangsphase des Stalinismus. Berlin, 1988.

Schrumpf-Heidemann T. Erst «begeistertes Bekenntnis zu Führer», dann «Erstarrung in würdiger Form». Die Erntedankfeste in Hagen 1933–1935 // Das Dritte Reich im Fest. S. 127–134.

Schulze W. Ego-Dokumente: Annäherungen an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung «Ego-Dokumente» // Ego-Dokumente. Annäherungen an den Menschen in der Geschichte / hg. von W. Schulze. Berlin, 1996. S. 11–30.

Schulze Wessel M. Die deutschen Christen im Nationalsozialismus und die Lebendige Kirche im Bolschewismus – zwei kirchliche Repräsentationen neuer politischer Ordnungen // Journal of Modern European History. 2005. Vol. 2. № 3. P. 147–163.

_____. Historismus und konkurrierende kirchliche und konfessionelle Geschichtsdeutungen in Ostmittel- und Osteuropa zwischen den Weltkriegen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2002. № 50. H. 2. S. 141–154.

_____. Revolution und religiöser Dissens. Der römisch-katholische und russisch-orthodoxe Klerus als Träger religiösen Wandels in den böhmischen Ländern bzw. in (Sowjet-)Russland. Göttingen, 2006.

Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Neuwied, 1975.

Schwarz S. M. *Labour in the Soviet Union*. New York, 1951.

Scott J. C. *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, 1985.

Shearer D. R. *Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. Western Siberia in the 1930s // Provincial Landscapes*. P. 194–216.

Sherebjatjew M. *Woronesh – Stadt und Gebiet // Politik und Kultur in der russischen Provinz. Bd. 7. S. 55–81*.

Shils E. *Center and Periphery. Essays in Macrosociology*. Chicago, 1975.

Shishkin V. I. *Moscow and Siberia: Center-Periphery Relations, 1917–30 // Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East / eds. S. Kotkin, D. Wolff. New York, 1995. P. 75–88*.

Shlapentokh V., Levita R., Loiberg M. *From Submission to Rebellion. The Provinces Versus the Center in Russia*. Boulder, 1997.

Siegelbaum L. H. «Dear Comrade, You Ask What We Need»: Socialist Paternalism and Soviet Rural «Notables» in the Mid-1930s // *Stalinism*. P. 231–256.

___ *Introduction // Stalinism as a Way of Life*. P. 1–27.

___ *Stakhanovites in the Cultural Mythology of the 1930s // The Stalinist Dictatorship / ed. C. Ward. London, 1998. P. 231–259*.

Simpson P. *Parading Myths: Imaging New Soviet Women on Fizkul'turnik' Day, July 1944 // Russian Review*. 2004. Vol. 63. № 2. P. 187–211.

Sinjawskij A. *Der Traum vom neuen Menschen oder Die Sowjetzivilisation*. Frankfurt/Main, 1989.

___ *Iwan der Dumme. Vom russischen Volksglauben*. Frankfurt/Main, 1990.

Škarovskij M. *Orthodoxe Kirchenjugend der Sowjetunion in den 20er und 30er Jahren // Sowjetjugend 1917–1941. S. 233–246*.

Slezkine Yu. *Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, 1994.

___ *Lives as Tales // In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000. P. 18–30*.

___ *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review*. 1994. Vol. 52. № 2. P. 414–452.

Smith M. G. *The Russian Revolution as a National Revolution: Tragic Deaths and Rituals of Remembrance in Muslim Azerbaijan (1907–1920) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. № 49. H. 3. S. 363–388.

Soeffner H.-G. *Erzwungene Ästhetik. Repräsentation, Zeremoniell und Ritual in der Politik // Inszenierungsgesellschaft*. S. 215–234.

____ *Zur Soziologie des Symbols und des Rituals // Das Symbol – Brücke des Verstehens* / hg. von J. Oelkers, K. Wegenast. Stuttgart, 1991. S. 63–81.

Sontheimer K. *Die politische Kultur der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik – Wirtschaft – Gesellschaft* / hg. von K. D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1987. S. 454–464.

Sowinski P. *Der 1. Mai als totalitäres Theater in der Volksrepublik Polen (1949–1954) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 1999. № 48. H. 3. S. 350–382.

____ *Die Überwachung am 1. Mai // Karta. Zeitzeugnisse aus Ostmitteleuropa*. 2000. № 1. S. 150–173.

Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation / hg. von C. Kuhr-Korolev, S. Plaggenborg, M. Wellmann. Essen, 2001.

Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR / hg. von S. Satjukow, R. Gries. Berlin, 2002.

Spagnoletti G. «Gott gibt uns das Brot, er bereitet es uns und verteidigt es». *Bild und Mythos Mussolinis im Film // Führerbilder: Hitler, Mussolini, Roosevelt, Stalin in Fotografie und Film* / hg. von M. Loiperdinger, R. Herz, U. Pohlmann. München, 1995. S. 111–134.

Sprengel P. *Die inszenierte Nation. Deutsche Festspiele 1813–1913*. Tübingen, 1991.

Stadelmann M. *Isaak Dunaevskij – Sänger des Volkes. Eine Karriere unter Stalin*. Köln, 2003.

Städtebau im Schatten Stalins. Die internationale Suche nach der sozialistischen Stadt in der Sowjetunion 1929–1935 / hg. von H. Bodenschatz, C. Post. Berlin, 2003.

Stadt und Fest. Zu Geschichte und Gegenwart europäischer Festkultur / hg. von P. Hugger. Unterägeri; Stuttgart, 1987.

Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison / eds. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge, 1997.

Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents / eds. L. H. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven, 2000.

Stalinism. New Directions / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000.

Staliunas D. *The Pole in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-19th Century* // *Lithuanian Historical Studies*. 2000. № 5. P. 45–67.

Staritz D. *Geschichte der DDR 1949–1990*. Frankfurt/Main, 1996.

Stauter-Halsted K. *The Nation in the Village. The Genesis of Peasant National Identity in Austrian Poland, 1848–1914*. Ithaca, 2001.

Steinberg M. D. *Moral Communities. The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry 1867–1907*. Berkeley, 1992.

_____. *Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925*. Cambridge, Mass., 2002.

Steinwedel C. *To Make a Difference. The Category of Ethnicity in Late Imperial Russian Politics, 1861–1917 // Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices* / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Basingstoke, 2000. P. 67–86.

Stekl H. *Öffentliche Gedenktage und gesellschaftliche Identität // Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa* / hg. von E. Brix, H. Stekl. Wien, 1997. S. 91–116.

Stephan A. *Von der Küche auf den Roten Platz: Lebenswege sowjetischer Dissidentinnen*. Zürich, 2005.

Stites R. *Bolshevik Ritual Building in the 1920s // Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture* / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitsch, R. Stites. Bloomington, 1991. P. 295–309.

_____. *Festival and Revolution: The Role of the Public Spectacle in Russia, 1917–1918 // Essays on Revolutionary Culture and Stalinism* / ed. J. W. Strong. Columbus, 1990. P. 9–28.

_____. *Iconoclastic Currents in the Russian Revolution: Destroying and Preserving the Past // Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution* / eds. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985. P. 1–24.

_____. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York, 1989.

_____. *Russian Popular Culture. Entertainment and Society since 1900*. Cambridge, 1992.

_____. *The Origins of the Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe* / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 23–42.

Stolberg E.-M. *Sibirien // Studienhandbuch Östliches Europa: Geschichte des Russischen Reiches und der Sowjetunion* / hg. von T. Bohn, D. Neutatz. Köln, 2002. Bd. 2. S. 315–321.

Stommer R. *Die inszenierte Volksgemeinschaft. Die «Ting-Bewegung» im Dritten Reich*. Marburg, 1985.

Stommer R., Dalügge M. Masse – Kollektiv – Volksgemeinschaft. Massenästhetische Inszenierungen der zwanziger und dreißiger Jahre // Berlin – Moskau / Moskau – Berlin. S. 349–356.

Strong R. Feste der Renaissance. 1450–1650. Kunst als Instrument der Macht. Frankfurt/Main, 1991.

Stüdemann N. Dionysos in Sparta. Isadora Duncan, Tanz und Rausch in der Sowjetunion // Rausch und Diktatur.

Studer B., Unfried B. «Das Private ist öffentlich». Mittel und Formen stalinistischer Identitätsbildung // Historische Anthropologie. 1999. H. 1. S. 83–108.

— Der stalinistische Parteikader. Identitätsstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. Köln, 2002.

Swift E. A. Popular Theater and Society in Tsarist Russia. Berkeley, 2002.

Tartakowsky D. Funktioneller und symbolischer Raum. Demonstrationen im Paris der Zwischenkriegszeit // Massenmedium Straße. Zur Kulturgeschichte der Demonstration / hg. von B. J. Warneken. Frankfurt/Main, 1991. S. 231–239.

Tenfeld K. Adventus. Zur historischen Ikonologie des Festzugs // Historische Zeitschrift. 1982. H. 1. S. 45–84.

Terhoeven P. Liebespfand fürs Vaterland: Krieg, Geschlecht und faschistische Nation in der italienischen Gold- und Eheringsammlung 1935/36. Tübingen, 2003.

Terray E. Die unmögliche Erinnerung. Die Herstellung eines künstlichen nationalen Gedächtnisses in der DDR und ihr Misslingen // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert / hg. von E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 189–195.

Thamer H.-U. Faszination und Manipulation. Die Nürnberger Reichsparteitage der NSDAP // Das Fest. S. 352–368.

— Von der «Ästhetisierung der Politik»: Die Nürnberger Reichsparteitage der NSDAP // Faszination und Gewalt. S. 95–104.

The Landscape of Stalinism: Essays in the Ideology of Space / hg. von E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle, 2004.

The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc / eds. B. Apor u. a. Palgrave, 2004.

Thurston R. W. Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914. New York, 1987.

Timasheff N. S. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1948.

Totalitarismen im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung / hg. von E. Jesse. Bonn, 1996.

Traumfabrik Kommunismus. Die visuelle Kunst der Stalinzeit / Dream Factory Communism. The Visual Culture of the Stalin Era / hg. B. Groys, M. Hollen. Frankfurt/Main, 2003.

Triumph und Trauma. Sowjetische und Postsowjetische Erinnerungen an den Krieg 1941–1945 / Триумф и боль. Советская и постсоветская память о войне 1941–1945 / hg. von P. Jahn. Berlin, 2005.

Tucker R. C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990.

— Stalinism and Stalin // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War. New Avenues of Research / hg. von M. Hildermeier, E. Müller-Luckner. München, 1998. S. 1–168.

Tumarkin N. Lenin lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1983.

— The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994.

— The War of Remembrance // Culture and Entertainment in Wartime Russia / ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 194–207.

Turner V. The Ritual Process. Structure and Anti-Structure. New York, 1995.

Tyrannie des Schönen. Architektur der Stalin-Zeit / hg. von P. Noever. München, 1994.

Ueberhorst H. Feste, Fahnen, Feiern. Die Bedeutung politischer Symbole und Rituale im Nationalsozialismus // Symbole der Politik – Politik der Symbole / hg. von R. Voigt. Opladen, 1989. S. 157–178.

Uspenskij B. A. Geschichte und Semiotik // Semiotik der Geschichte / hg. von B. A. Uspenskij. Wien, 1991. S. 5–64.

— Zar und Gott. Semiotische Aspekte der Sakralisierung des Monarchen in Russland // Semiotik der Geschichte / hg. von B. A. Uspenskij. Wien, 1991. S. 131–266.

Utopias: Russian Modernist Texts 1905–1940 / ed. C. Kelly. London, 1999.

Valli R. S. Jugendfeiern im faschistischen Italien. Die Leva Fascista // Inszenierungen des Nationalstaats. Politische Feiern in Italien und Deutschland / hg. von S. Behrenbeck, A. Nützenadel. Köln, 2000. S. 113–126.

Verdery K. National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania. Berkeley, 1991.

Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996.

____ The Aesthetic of Stalinist Planning and the World of the Special Villages // *Kritika*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 101–128.

____ The Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987.

Vladimirov K. The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and 20th Century Russian Poland. Lewiston, 2004.

Voegelin E. Die Politischen Religionen. München, 1996.

Vogel J. Militärfeiern in Deutschland und Frankreich als Rituale der Nation (1871–1914) // *Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert* / hg. von E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 199–214.

____ Politische Feiern, Symbole und Mythen: неопубл. доклад на конф. «Symbolstrukturen und gesellschaftliche Prozesse im Zivilisationsvergleich», Humboldt-Universität zu Berlin (1999).

Voigt R. Mythen, Rituale und Symbole in der Politik // *Symbole der Politik – Politik der Symbole* / hrsg. von R. Voigt. Opladen, 1989. S. 9–37.

Volkery C. 60 Jahre Kriegsende. Putin zelebriert den Triumph // *Spiegel online*. 9.5.2005.

Volkov V. The Concept of Kul'turnost: Notes on the Stalinist Civilizing Process // *Stalinism*. P. 210–230.

Vondung K. «Gläubigkeit» im Nationalsozialismus // *Totalitarismus und politische Religionen. Konzepte des Diktaturvergleichs* / hg. von H. Maier, M. Schäfer. Paderborn, 1997. Bd. 2. S. 15–28.

____ Magie und Manipulation. Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus. Göttingen, 1971.

____ Revolution als Ritual. Der Mythos des Nationalsozialismus // *Revolution und Mythos* / hg. von D. Harth, J. Assmann. Frankfurt/Main, 1992. S. 206–218.

Von Krieg zu Krieg, von Sieg zu Sieg. Motive des sowjetischen Mythos im Massenlied der 1930er Jahre. Einführung, Texte, Übersetzungen / hg. von K. Brüggemann. Hamburg, 2002.

Vorländer H. Mündliches Erfragen von Geschichte // *Oral History. Mündlich erfragte Geschichte* / hg. von H. Vorländer. Göttingen, 1990. S. 7–28.

Vorsteher D. Parteiauftrag: Ein neues Deutschland // *Parteiauftrag*. S. 8–15.

Vovelle M. Die Geschichtswissenschaft und die «longue durée» // *Die Rückeroberung des historischen Denkens* / hg. von J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. Frankfurt/Main, 1994. S. 103–136.

Wagner H. *Russland feiert seine Trikolore. Doch die Feierlichkeiten trieben nur wenige Menschen auf die Straße* // Moskauer Deutsche Zeitung. 2003. 28. August.

Wandycz P. *The Lands of Partitioned Poland 1795–1918*. Seattle, 1974.

Weber E. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford, 1976.

Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Tübingen, 1980.

Wedeen L. *Ambiguities of Domination. Politics, Rhetoric, and Symbols in Contemporary Syria*. Chicago, 1999.

Weeks T. R. *A National Triangle: Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government* // Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire / eds. C. Evtuhov u. a. M., 1997. P. 365–380.

_____. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb, 1996.

Wegenast K. *Das Symbol – Brücke des Verstehens. Einleitung* // *Das Symbol – Brücke des Verstehens* / hg. von J. Oelkers, K. Wegenast. Stuttgart, 1991. S. 9–20.

Wehler H.-U. *Diktaturenvergleich, Totalitarismustheorie und DDR-Geschichte // Doppelte Zeitgeschichte. Deutsch-Deutsche Beziehungen 1945–1990* / hg. von A. Bauerkämper u. a. Bonn, 1998. S. 346–352.

Wehner M. «Das ist ein schlechter Feiertag». *Russland will sich nur an den Sieg vor sechzig Jahren erinnern. Nicht an die Greuel des Krieges. Denn Stalin spaltet noch immer das Volk* // Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung. 2005. 8. Mai. S. 3.

Weichlein S. *Sozialmilieus und politische Kultur in der Weimarer Republik. Lebenswelt, Vereinskultur, Politik in Hessen*. Göttingen, 1996.

Weiner A. *Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Oxford, 2001.

Wenzel H. *Repräsentation und schöner Schein am Hof // Höfische Repräsentation. Das Zeremoniell und die Zeichen* / hg. von H. Ragotzky, H. Wenzel. Tübingen, 1990. S. 171–208.

Wichmann J. *Die Einschwörung der Massen: Erziehungsstaatliche Intentionen im Kontext der frühen sowjetischen Gesellschaft // Erziehungsstaaten. Historisch-vergleichende Analysen ihrer Denktraditionen und nationalen Gestalt* / hg. von D. Benner, H.-E. Tenorth, J. Schriewer. Weinheim, 1998. S. 251–286.

Wiebe R. H. *The Segmented Society. An Introduction to the Meaning of America*. London, 1975.

Wienfort M. Bürgerliche Kultur im monarchistischen Staat. Kaisergeburtstagsfeste in Minden-Ravensberg 1889–1913 // Unter Pickelhaube und Zylinder. Das östliche Westphalen im Zeitalter des Wilhelminismus 1888 bis 1914 / hg. von J. Meynert, J. Mooser, V. Rodekamp. Bielefeld, 1991. S. 421–439.

Wilbur E. M. The Peasant Economy, Landlords, and the Revolution in Voronezh // A Call for a Reappraisal of the Nature of the Russian Revolutionary Crisis at the Turn of the Century: Dissertation. University of Michigan. Ann Arbor, 1977.

Willems H., Jurga M. Einleitung: Zum Aufbau des Buches und zu den Beiträgen // Inszenierungsgesellschaft. S. 9–20.

Williams R. C. The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. № 43. H. 4. S. 364–401.

Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2.

Wolle S. Die Heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989. München, 1999.

Woller H. Machtpolitisches Kalkül oder ideologische Affinität? Zur Frage des Verhältnisses zwischen Mussolini und Hitler vor 1933 // Der Nationalsozialismus. Studien zur Ideologie und Herrschaft / hg. von W. Benz, H. Buchheim, H. Mommsen. Frankfurt/Main, 1993. S. 42–63.

Worobec C. D. Death Ritual among Russian and Ukrainian Peasants: Linkages between the Living and the Dead // Cultures in Flux. P. 11–33.

Wortman R. «Invisible Threads». The Historical Imagery of the Romanov Tercentenary // Russian History/Histoire Russe. 1989. Vol. 2. № 4. P. 389–408.

Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995.

Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2000.

Wynn C. Workers, Strikes and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905. Princeton, 1992.

Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia. Religious Activists in the Village. University Park, 1997.

Youngblood D. J. Movies for the Masses. Popular Cinema and Soviet Society in the 1920s. Cambridge, 1992.

Zarnowska A. Arbeiterkultur zwischen Volkskultur und Bürgertum? Das Beispiel Polen // Arbeiter und Bürger im 19. Jahrhundert. Vari-

anten ihres Verhältnisses im europäischen Vergleich / hg. von J. Kocka, E. Müller-Luckner. München, 1986. S. 113–134.

Zelinsky W. *Nation into State. The Shifting Symbolic Foundation of American Nationalism*. Chapel Hill, 1988.

Zelnik R. E. *Law and Disorder on the Narova River. The Kreenholm Strike of 1872*. Berkeley, 1995.

____ «To the Unaccustomed Eye»: Religion and Irreligion in the Experience of St. Petersburg Workers in the 1879s // *Russian History/Histoire Russe*. 1989. Vol. 2. № 4. P. 297–326.

Zimmering R. *Der politische Mythos der DDR // Politische Mythen und Rituale in Deutschland, Frankreich und Polen* / hg. von Y. Bizeul. Berlin, 2000. S. 119–134.

____ *Mythen in der Politik der DDR. Ein Beitrag zur Erforschung politischer Mythen*. Opladen, 2000.

Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten: Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Between the Great Show of the Party-State and Religious Counter-Cultures: Public Spheres in Soviet-Type Societies / hg. von G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt/Main, 2003.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Алексий II 357
Аренд Б., фон 307
Аржиловский А. С. 214, 235, 240, 247
Арон Р. 297
Бабель И. Э. 235
Баузингер Г. 13
Бахтин М. М. 17
Богданов А. А. 81
Боттаи Дж. 283
Брежнев Л. И. 343, 346, 347
Бродский И. И. 159
Бубнов А. С. 104
Буденный С. М. 104
Бухарин Н. И. 104
Вашингтон Дж. 316, 318
Вебер М. 19, 28
Велопольский З. 53
Венцель Х. 25
Вильсон В. 316
Виткин З. 219
Габсбурги, династия 53
Гапон Г. А. 58
Геббельс Й. 289–290, 309
Геххардт В. 19
Гельдерн Дж., фон 150
Геннеп А., ван 20
Гества К. 49
Гитлер А. 287, 288, 292–293, 297, 299, 304, 307–308, 310, 312, 329
Гончаренко Н. 231
Горбачев М. С. 351
Горнунг Л. В. 235
Горький М. 303, 361
Граф О.-М. 236
Гроскопф В. 232
Гудерьян И. Г. 235
Даль В. И. 17
Данилевский М. А. 99
Денисевская З. А. 187, 235, 236, 246
Димитров Г. 7, 8, 246
Дюркгейм Э. 20–21
Евреинов Н. Н. 75, 79
Елизаров И. Я. 87
Ельцин Б. Н. 357
Жемчужный В. Л. 89, 97
Зубатов С. В. 44
Иофан Б. М. 310
Каганович Л. М. 154, 258
Калинин М. И. 104
Каннадин Д. 25
Каплан Ф. 72
Карневалов Л. А. 235
Кафка Ф. 170
Кеннан Дж. 39
Керженцев П. М. 83
Киров С. М. 160, 163, 303
Киш Э.-Э. 308
Коган П. С. 26, 89
Костерина Н. А. 223, 247
Костюшко Т. 52
Коткин С. 180
Кох Р. 19
Крупская Н. К. 26, 87, 90, 104
Куйбышев В. В. 225
Лебон Г. 304
Лейн К. 16, 103

- Ленин В. И. 63, 72, 73, 76, 83, 141, 152, 154, 194, 262, 303, 304, 356
Луговская Н. С. 223, 247
Лужков Ю. М. 357
Луначарский А. В. 26, 69, 71, 79, 80, 82, 90, 104, 239
Маяковский В. В. 329
Мейерхольд В. Э. 79
Меллон Э. 321
Мигилев И. П. 242
Микоян А. И. 241
Мицкевич А. 52
Молотов В. М. 104, 225–226
Морган Дж. П. 321
Муссолини Б. 282, 284–288, 304, 306–308
Мухина В. И. 310
Никитин В. Д. 229
Николай II 40–44, 59
Ницше Ф. 17
Ожегов С. И. 18
Олеша Ю. К. 12
Папанин И. Д. 134
Папен Ф., фон 288
Петр Великий 41
Петроне К. 161
Подвойский Н. И. 26, 79, 89–90, 104, 239
Подлубный С. Ф. 208, 215, 223, 232, 236, 248–249, 270
Потемкин Л. А. 223
Путин В. В. 357, 365
Пушкин А. С. 46, 303
Ренцетти Дж. 307
Рифеншталь Л. 279, 295, 307
Рокфеллер-младший Дж. Д. 321
Романовы, династия 40, 41, 42, 56
Рот Й. 186, 308
Рузвельт Т. 323
Рузвельт Ф. Д. 318, 323
Рют Х. 65
Садов П. А. 232, 242
Самохвалов А. Н. 159–160, 162, 164
Свентоховский А. 53
Слезкин Ю. 361
Солженицын А. И. 206
Ставский В. П. 246
Сталин И. В. 11, 26, 77, 91, 164, 205, 231, 257, 258, 259, 304, 328, 331, 335, 340, 342
Страйкер Р. 318
Тёмкин Д. З. 75
Троцкий Л. Д. 86, 89, 90
Устрялов Н. В. 246
Фаласка-Дзампони С. 284
Фёгелин Э. 297
Фондунг К. 298
Форд Г. 317, 321
Франсуа-Понсе А. 293
Фролов И. Д. 213–214, 223, 234
Херлинг Г. 206
Холичер А. 308
Хау Л. 318
Хрушев Н. С. 343
Хугенберг А. 288
Цеткин К. 344
Цехновицер О. В. 89, 99
Шабатин М. И. 214, 223, 234, 270
Шагин И. М. 279
Шевченко Т. Г. 53
Шеляков В. П. 225
Шлёгель К. 327
Шпеер А. 295, 310
Штанге Г. В. 246
Эдельман М. 22–23, 314
Эйзенштейн С. М. 309
Эйхе Р. И. 235

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Часть I. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И ПРЕДЫСТОРИЯ	37
Праздники в царской России	39
Часть II. ФОРМАЦИИ И ДИСКУРСЫ	67
Эксперты и комиссии: советские праздники между дидактикой и планированием	69
Захват власти: от большевистских массовых праздников к государственным праздникам (1917–1921 гг.)	69
Эксперты по организации праздников: праздник как проявление самостоятельности и его роль «приводного ремня»	78
Организация праздников: праздник как плановое мероприятие	103
«Учиться у Москвы»: праздник в центре и на периферии	116
Власть центра: приказ и пример для подражания	116
Часть III. ИНСЦЕНИРОВКИ	125
Советский праздник как универсальное произведение искусства	127
«Красный календарь» и «социалистический город»	138
Праздник и советское летосчисление	139
Праздник и советская топография	149
Репрезентация господства и иерархий	158
Власть и общество: единство и дифференциация	159

Унификация и иерархии: дисциплинированный корпус массы.	165
--	-----

Часть IV. СОВЕТСКИЙ ПРАЗДНИК И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСПОДСТВУЮЩИМ РЕЖИМОМ И ОБЩЕСТВОМ	171
--	-----

Праздник как практическое явление культурной жизни	173
---	-----

Праздники и будни: планирование праздников в условиях российской провинции	182
---	-----

Празднования в российской провинции и общественность: отказ от участия, активизм и присвоение	204
--	-----

Праздники и осуществление господства	252
---	-----

Праздники в пропагандистском государстве	252
--	-----

«Внутренняя советизация»	259
--------------------------------	-----

Часть V. КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ	277
---	-----

Праздники современных диктатур	279
---	-----

Праздники в фашистской Италии	282
-------------------------------------	-----

Праздники в национал-социалистической Германии	288
--	-----

Сравнение фашистских, национал-социалистических и советских праздников: общие черты и нюансы в праздничной культуре тоталитарных режимов	299
--	-----

Праздники диктатур — праздники демократий: контрасты между США и Советским Союзом	313
--	-----

Выводы: праздники без традиций	325
--------------------------------------	-----

Советский праздник в длительной перспективе	327
--	-----

Массовый советский праздник с 1941 по 1953 г.	328
--	-----

Праздники на экспорт: массовый советский праздник на оккупированных территориях и в народных республиках (1940—1941 гг. и 1945—1953 гг.)	332
--	-----

Массовый советский праздник в период 1953—1991 гг.	341
---	-----

Новая Россия: новая праздничная культура?	351
---	-----

«Какие были у нас праздники...»: Советский праздник как предмет воспоминаний	361
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ	367
-------------------------	-----

Благодарности	369
----------------------------	-----

Источники и библиография	371
Неопубликованные источники	371
Сборники документов, рукописи, художественные произведения, мемуары, дневники, путевые заметки, справочники, иллюстрированные альбомы	376
Литература	385
Указатель имен	435

Научное издание

ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА

Рольф Мальте

СОВЕТСКИЕ МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

Перевод с немецкого *В. Т. Алтухов*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Компьютерная верстка *А. В. Егорова*

Корректор *И. Н. Голубева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 30.10.2008.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,5. Тираж 2000 экз. (Первый завод 1000 экз.) Заказ 1942

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6